Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Н.Н. Болгов

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ (2-я пол. III – 1-я пол. VII вв.)

Монография

Белгород 2021

УДК 94(495).01
ББК 63.3(0)32; 63.3(0)4
Б 79

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом педагогического института НИУ «БелГУ» (протокол № 7 от 18.05.2021)

Рецензенты:

Ю.М. Могаричев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования;

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Республика Армения)

Болгов Н.Н.

Б 79 Северное Причерноморье от античности к средневековью (2-я пол. III – 1-я пол. VII вв.): монография / Н.Н. Болгов. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. − 516 с.

ISBN

Работа является развитием идей, изложенных в книге «Закат античного Боспора» (1996), и представляет собой осмысление переходной от античности к средневековью фазы истории Северного Причерноморья. Кроме территории Боспора рассматриваются и другие позднеантичные центры региона. Попытка рассмотрения истории северопонтийского региона предпринята на широком фоне, в контексте истории Ранней Византии. В исследовании определяется общеисторическая специфика Боспора и в целом Северного Понта в пределах обозначенного периода. Работа показывает, каким образом и почему исторические судьбы Боспора и Византии соединились в VI веке, и это стало важнейшей предпосылкой завершения античного этапа его истории, завершения процесса христианизации и общей медиевализации. Основным фактором истории Северного Причерноморья в позднеантичное время является континуитет – преемственность основных форм его жизни.

УДК 94(495).01
ББК 63.3(0)32; 63.3(0)4

ISBN

© Болгов Н.Н., 2021
© НИУ «БелГУ», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности 5

Введение 6

Глава I. Боспор от «готских походов» до византийской аннексии 60

§ 1. Боспор в «готскую» эпоху (2-я пол. III – 3-я четв. IV вв.) 60
§ 2. «Гуннское» время (конец IV – начало VI вв.) 73
§ 3. Византия на Боспоре (2-я четв. VI – 1-я пол. VII вв.)..... 83

Глава II: Континуитет топографии, городов, поселений и погребального обряда 92

§ 1. Палеогеография Северного Причерноморья в период Поздней античности 92
§ 2. Проблема локальных территориально-хозяйственных микрозон 116
§ 3. Позднеантичные города: континуитет градостроительства, планировки, фортификации 128
§ 4. Сельские поселения: континуитет планировки, хозяйственной деятельности 199
§ 5. Некрополи: континуитет погребального обряда 221

Глава III. Континуитет производственных традиций позднеантичного Северного Понта 265

§ 1. Континуитет керамического комплекса Северного Причерноморья (позднеантичные амфоры и краснолаковая посуда) 265
§ 2. Монеты и денежное обращение как проявление континуитета 283
§ 3. Позднеантичное стекло Северного Причерноморья 296
§ 4. Ювелирные изделия, украшения, детали одежды 305

Глава IV. Континуитет в политической и социальной сфере 311

§ 1. Органы государственного управления позднего Боспора и социальная структура его населения 311
§ 2. Поздний Боспор и варварские королевства: общее и особенное 317
§ 3. Проблемы политического статуса Херсонеса в период поздней античности 321
§ 4. Проблемы типологии постантичного города 339

Глава V. Культурно-идеологический континуитет и христианизация 350

§ 1. Финальная фаза языческих культов и монотеизм на Боспоре. Начало христианизации Северного Понта 350
§ 2. Завершение христианизации Боспора и Херсонеса 361

§ 3. Культурно-идеологический континуитет в регионе как эволюция идейных парадигм 365

Глава VI. Люди позднеантичного Северного Понта 372

§ 1. Позднебоспорские портреты 372
§ 2. Византийцы на Боспоре 387
§ 3. Позднебоспорская элита и элита империи 391
Приложение. Поздний Боспор как неожиданный предмет фейковой истории 395

Заключение 399

Список сокращений 403

Список использованной литературы 405

БЛАГОДАРНОСТИ

Этот текст первоначально возник и жил своей жизнью достаточно много лет. Первое знакомство с Боспором случилось в июле 1983 года, во время археологической практики на Китейском городище после окончания первого курса исторического факультета. Поздний Боспор стал предметом дипломной работы, а затем и кандидатской диссертации (1994). В дальнейшем текст рос как территориально, так и хронологически, охватив уже весь переходный период от античности к средневековью в Северном Причерноморье.

Адекватно понять место и роль этого региона было бы невозможно без более широкой перспективы, открывшейся в ходе летних школ и ознакомительных поездок по Малой Азии, Палестине, Кипру, Армении, Грузии, Южной Италии…

Главные слова благодарности в том, что эта работа выходит в свет, бесспорно, принадлежат Евгению Александровичу Молеву, который в течение многих лет и зримо, и незримо присутствует в нашей жизни, продолжает открывать новые миры в науке, искусстве человеческих отношений, просто жизни. Без его научного руководства и дружеского общения, безмерного оптимизма и корректности, энергии и силы воли, блестящей иронии и знания людей невозможно было бы представить уже прожитую жизнь. Его Китейская археологическая экспедиция – это окно в лучший из миров, без которого так сложно было бы жить в мире реальном, который теперь навсегда будет делиться на время от одного полевого сезона до другого. В равной мере эти слова относятся и к Наталье Владимировне Молевой, сказанные с неизменным уважением и признательностью.

Мои родные и близкие, надеюсь, еще не совсем потеряли меня в долгих блужданиях по лабиринтам пространств и миров поздней античности и раннего средневековья. Без их помощи и любви было бы невозможно завершить все эти поиски.

Настоящее издание стало возможным благодаря всемерной помощи ректората НИУ «БелГУ», прежде всего – решению конкурсной комиссии университетского конкурса монографий. Искренняя признательность за это решение лишь в некоторой мере сможет стать ответом на многолетнее плодотворное сотрудничество и помощь в осуществлении всех наших проектов и начинаний.

ВВЕДЕНИЕ

Северное Причерноморье – единственный регион античного мира, который является «нашим» территориально – эти древности находятся на землях исторической Российской империи. Вместе с тем эти древности – самые дальние по отношению к основным центрам античности. Поэтому они, находясь «на краю света», столь же особенны, специфичны.

В силу известных исторических причин новейшего времени большая часть отечественных специалистов по данному периоду стала заниматься и занимается археологией Северного Причерноморья. И насколько позднеантичные (ранневизантийские) древности Северного Понта скудны и суровы по сравнению со средиземноморскими [1], словно став таковыми в борьбе с суровыми зимами и чуждым античности степным ландшафтом, настолько же активны и деятельны многочисленные отечественные археологи, самым тщательным образом изучающие эти скудные остатки классической античности.

Благодаря ряду проектов ведущих научных центров с самого конца XX столетия появилась возможность оперативно публиковать практически все сколько-нибудь важные материалы, а зачастую и совершенно неважные и ежегодно повторяющиеся рассуждения на темы северопонтийской археологии и истории. На этом фоне за последние 30 лет радикально изменились сами принципы работы иследователя с материалом и публикациями. Если археолог до недавнего времени вел одну экспедицию, и его не хватало на иное, а для подготовки диссертации нужно было лично общаться со всеми начальниками основных экспедиций, чтобы узнать все материалы (особенно неопубликованные), посещать все важные конференции, потому что иначе нельзя было достать их сборники, а кроме того, были нужны периодические стажировки для работы в столичных библиотеках, то теперь можно почти «не выходить из комнаты» и иметь почти все важнейшие публикации. Но от изменений в нашей жизни мало изменился сам материал – Боспор Киммерийский, Херсонес, другие античные центры Северного Понта. Они попрежнему таят в себе много тайн, требующих не только сил, энергии и денег, но и любви.

Остается еще нерешенной задача написания комплексной *истории* этого региона, ибо *история* – это все же *люди*, а не вещи; знаем же мы сегодня преимущественно все же *вещи*. Нужна также «большая история» Северного Причерноморья на фоне истории других регионов античного мира, чтобы «наша античность», ее место и роль предстали все-таки в своей реальной исторической перспективе. Приблизиться к этому можно через историю отдельных периодов [2]. И самым сложным здесь, по всей видимости, следует признать финальный период – позднеантичный.

---

[1] Ср., например: The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks / Ed. Philipp Niewöhner. Oxford, 2017.

[2] Для Боспора история отдельных периодов за небольшим исключением написана в последние десятилетия: архаический и классический периоды – *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора VI–IV в. до н. э. / Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985;

В мировой исторической науке за последние десятилетия совершен колоссальный прорыв в понимании сути этого периода. Научных публикаций по поздней античности уже не один год в мире выходит едва ли не больше, чем по всей остальной античности от архаики до принципата [1].

Поздняя античность ныне понимается не просто как переходный период, а как время постепенных и многосторонних трансформаций. Открылось колоссальное исследовательское поле, которое позволяет проследить смену парадигм как в картине мира отдельного человека, так и целых общин, городов, провинций, этнических и конфессиональных общин. Вместе с христианизацией в Восточное Средиземноморье пришло оживление местных традиций, формирование новых письменных языков народов христианской ойкумены (сирийский, коптский, армянский, готский и др.). Практически в каждом регионе и крупном городе Ранней Византии сосуществовали различные этносы и конфессии [2]. И все это медленно двигалось в сторону византинизации и в целом медиевализации – от античного к средневековому.

Проследить эту преемственность – континуитет – можно и нужно в каждом регионе позднеантичного мира. Но Северный Понт в целом и Боспор Киммерийский в частности в огромной мере усложняют задачу для исследователя, так как это общество в данное время – тотальный перекресток: древности и средневековья, античности и Византии, моря и степи, оседлого мира и кочевников, цивилизации и варваров, язычества и христианства…

Подлинное открытие заключительного этапа истории античного Боспора и Северного Причерноморья в целом начинается только в последние десятилетия. Именно «открытие», ибо древности конца III – начала VII вв. уже давно известны науке, но долгое время исследователи не придавали им столь серьезного значения, какого они заслуживают. Еще в полной мере не осознано ни своеобразие этого островка античной (антично-варварской) культуры, ни его роли в истории народов ойкумены на рубеже античности и раннего средневековья.

Этот переходный период истории государств Северного Причерноморья представляет собой совокупность проблем различного рода. Прежде всего, на сегодняшний день отсутствует четкое и общепринятое представление о классификационной принадлежности данного периода в истории. Его именуют и позднеантичным, и ранневизантийским, и раннесредневековым, и просто переходным. Ни одно из этих определений не является исчерпывающим.

История Северного Причерноморья, и в особенности Боспора, данного времени имеет центральной проблемой проблему континуитета, под которым

Молев Е.А. Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н. э. Н. Новгород: ННГУ, 1997; эллинизм – *Молев Е.А*. Боспор в период эллинизма. Н. Новгород, 1994; ранний римский период – *Сапрыкин С.Ю*. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. Остается пока без монографического исследования римский период I–III вв.

[1] См., например: *Лопатина М.Ю.* Современная зарубежная историография истории Поздней античности и Ранней Византии (1990–2015 гг.). Белгород, 2017. 104 с.

[2] *Ващева И.Ю.* Этнокультурные и конфессиональные группы в мировоззрении первого христианского историка // XII чтения памяти проф. С.И. Архангельского. Ч. 1. Н. Новгород, 2001. С. 17–28.

мы понимаем процесс непрерывного продолжения основных форм жизни без катастрофических потрясений и перерывов, мирную эволюцию и смену форм при сохранении качества [1].

Понятие «континуитет», несмотря на кажущуюся простоту, нуждается в точном определении. Будучи калькой с латинского continuitas, это понятие невозможно выразить по-русски одним словом. Поэтому представляется необходимым вывести несколько составляющих данного феномена.

Первая составляющая подразумевает простую преемственность эпох, продолжение прошлого (или отдельных его явлений) в будущем (survivance) [2]. При этом преемственность может наблюдаться в области материальной культуры, производственных традиций, отчасти в идеологии (христианство), отчасти в государственно-политической сфере. Однако в большинстве случаев на данном уровне на смену государству античного типа здесь приходит варварское раннегосударственное образование, которое лишь пытается имитировать античные политические институты или делать вид, что античное государство, уже исчезнувшее, продолжает существовать (Западная Европа, мавро-римские королевства Северо-Западной Африки, отчасти и сам Боспор в начале VI в.).

Вторая составляющая является темпоральной характеристикой и представляет собой непрерывность происходящих процессов, отсутствие дискретности, лакун на протяжении всей переходной эпохи.

Третья составляющая включает в себя единство и качественную целостность всех эволюционных процессов. Попытка современного специалиста вычленить какую-либо линию континуитета из общего потока представляется нам методологически неверным шагом, исказившим бы целостную картину.

Проблемы континуитета между античной и средневековой эпохами в теоретическом плане отечественными специалистами почти не рассматривались. Само это понятие вплоть до конца 60-х гг. считалось частью «арсенала буржуазной науки».

Между тем переходность и теория континуитета между античной и византийской эпохами нашли свое отражение в методологических наработках концепции Постклассического мира Поздней античности, начало которой положил Питер Браун в 1970-е гг. [3], утвердив и распространив идею Анри Пиренна о долгом переходном периоде, прозвучавшую не ко времени – в посмертной книге 1938 г.

В современной англоязычной историографии эпоха Late Antiquity (IV – нач. VII вв.) представляется (за небольшими исключениями вроде Питера Хизера [4]) как отдельная субцивилизация, включающая построение эле-

---

[1] Континуитет – от латин. Continuitas – «непрерывность и преемственность». См.: Словарь иностранных слов. М., 1984. С. 248; *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 2000. С. 194.

[2] *Riche P.* Education et culture dans l'Orient barbare. IV–VII siecle. P., 1995 (4 ed.). P. 9–24, 37–42.

[3] *Brown P.* The World of Late Antiquity: AD 150–750. L., 1971.

[4] *Хизер П.* Падение Римской империи. М., 2011.

ментов в системе «континуитет – дисконтинуитет», а в качестве основного структурообразующего элемента выступает транзитивность. При этом надо отметить, что во французской и итальянской историографии на методологические проблемы обращается значительно меньше внимания, а позднеантичные культурные реалии Ранней Византии изучаются как таковые несколько в отрыве от христианских.

Можно указать также на более узкие хронологические проблемы этой крупной переходной эпохи. Это, в частности, концепция «кризиса III века», нашедшая наиболее полное выражение в трудах Е.М. Штаерман [1], И.П. Сергеева [2], а в последние годы и Ю.Б. Циркина [3].

Среди отечественных антиковедов (традиционно длительное время сосредотачивавших свои усилия только на Латинском Западе V в.) концепция Поздней античности П. Брауна успехом не пользовалась, за частичным исключением Ю.Б. Циркина, который на испанском материале выделил позднюю античность [4].

Для периода IV–VI вв. в Восточном Средиземноморье выделяются работы Г.Л. Курбатова о ранневизантийском городе и о Ранней Византии в целом [5]. В этих трудах можно обнаружить первые следы влияния концепции Брауна, например, в термине «позднеантичная стадия развития». Ранневизантийское общество Курбатов впервые предложил рассматривать как переходное, транзитивное [6] общество на основе античных традиций.

Из отечественных медиевистов теория переходного культурного состояния в Западной Европе V–VII вв. была разработана В.И. Уколовой [7].

Несколько шире территориально этих проблем коснулся филолог С.С. Аверинцев [8].

Гораздо большее внимание уделялось эпохе VII–VIII вв. («темных веков») в связи с общими проблемами рождения Византии. Постепенно выработалось две основных точки зрения. А.П. Каждан отстаивал мысль о серьез-

---

[1] *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

[2] *Сергеев И.П.* Римская империя в III веке н. э. (проблемы социально-политической истории). Харьков, 1999; *Сергеев И.П.* Проблема кризиса III века в Римской империи в «западном» антиковедении конца XX – начала XXI вв. // Древности. Харьков, 2013. С. 304–310.

[3] *Циркин Ю.Б.* «Военная анархия» в Римской империи. СПб., 2015.

[4] *Циркин Ю.Б.* Испания от античности к Средневековью. СПб., 2010. С. 3–14.

[5] *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (конец античного города в Византии). Л.: ЛГУ, 1971. *Курбатов Г.Л.* Ранняя Византия IV–VII вв. – позднеантичное общество? // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 2. 2001. С. 3–20. Ср.: *Цмилянич, Милена.* Концепция континуитета византийского города в трудах Г.Л. Курбатова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. № 4. 2012. С. 104–113.

[6] *Ляпустина Е.В.* Поздняя античность – общество в изменении // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. М., 2002. С. 31–46.

[7] *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего Средневековья. М., 1989; *Ukolova V.* The Last of the Romans and European Culture. M., 1989.

[8] *Аверинцев С.С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 17–64.

ном дисконтинуитете в развитии эпохи [1]. М.Я. Сюзюмов же последовательно утверждал идею континуитета [2]. В русле последней С.Б. Сорочан детально рассмотрел континуитет производственных традиций и торговли, товарно-денежных отношений в Ранней Византии [3].

Нам представляется, что общетеоретические взгляды М.Я. Сюзюмова и Г.Л. Курбатова, перенесенные на северопонтийский регион, наиболее адекватно отражают суть переходного от античности к средневековью времени на Северном Понте.

Сама Византия, испытывая перемены, воздействовавшие на определенные внешние признаки, долгое время не подвергалась серьезным качественным структурным изменениям [4]. Речь должна идти скорее о постепенной, длительной перестройке, эволюционной трансформации позднеантичных центров на новый, средневековый лад (медиевализации) с сохранением при этом не только некоторых внешних, но и внутренних континуитетных структурно-системных характеристик с региональной спецификой [5].

Итак, континуитет – это непрерывность существования и развития [6]. Составные части этого явления:

- территориальный континуитет города (топография, градостроительство, система расселения, фортификация);
- континуитет производственной деятельности, торговых связей, денежной системы (по отдельным памятникам материальной культуры);
- континуитет погребального обряда;
- континуитет государства;
- континуитет социальной структуры;
- континуитет идеологии, духовной культуры, искусства.

В зарубежной науке уже рассматривались как общие, так и отдельные проблемы континуитета для ранней Византии в целом и для ее отдельных регионов, однако Северный Понт как регион ранневизантийского круга земель специально не изучался.

Процесс преемственности при сопоставлении двух различных состояний (исходного и конечного) позволяет установить, какие элементы и связи трансформировались, а какие удержаны, сохранены, то есть преемственно перешли в новое состояние. Элементы и связи рассматриваемого объекта должны быть представлены как сложные, структурированные. Без анализа преемственности нельзя понять динамику развития, взаимосвязь между ста-

---

[1] *Kazhdan A., Cutler A.* Continuity and Discontinuity in Byzantine History // Byz. 1982. 52. P. 429–478.

[2] *Сюзюмов М.Я.* Византийские этюды. Екатеринбург, 2002 и др.; *Белова О.Р.* Проблемы континуитета в работах М.Я. Сюзюмова и материалы раскопок Херсонеса // История Византии и византийская археология. Екатеринбург, 1998. С. 76–79.

[3] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 1998; 2-е изд. (с изменениями и дополнениями): Харьков, 2001.

[4] *Weiss G.* Antike und Byzanz: die Kontinuitat der Gesselschaftsstructur // Historische Zeitscrift. B. 224. B., 1977. S. 530 f.

[5] Ср.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 346.

[6] Там же. С. 16–17.

рым и новым, ибо каждое явление есть единство тождества и различия. Поскольку каждый процесс, каждая вещь, отличаясь от других, имеют вместе с тем и нечто общее с другими процессами и вещами, то ясно, что именно наличие этого общего необходимо обуславливает преемственность и некоторую повторяемость в развитии данного явления.

При количественных изменениях основное содержание преемственности составляет сама структура; при этом сохраняется, удерживается организация объекта. При качественных изменениях, когда структура объекта трансформируется, содержанием преемственности являются лишь отдельные элементы, связи объекта [1].

Исходя из этого, любая переходная историческая эпоха может быть представлена как динамическая модель разнонаправленных и взаимодействующих элементов. И только кропотливый анализ каждого феномена в его внутренней эволюции и в системе всех взаимодействий поможет понять суть основных процессов переходной эпохи как целостного явления.

Все ученые, так или иначе изучавшие Боспор конца III–VI вв., отмечали продолжение жизни и материальной культуры на протяжении всего данного периода, но не менее важна проблема континуитета политического и культурного. История Херсонеса в этот период, казалось бы, известна лучше. Тем не менее до сих пор нет общепринятого представления об этом времени как о позднеантичном в непосредственной связи с предыдущим этапом. Неясен политический статус города в контексте его взаимоотношений с империей. Одной из самых сложных проблем является проблема обстоятельств рождения в регионе христианского искусства, впитавшего в себя многие античные черты. Вопрос о варварских вторжениях на территорию региона и о взаимоотношениях новых волн варваров с очагами античной цивилизации, степени их разрушительности так же далек от своего разрешения, как и вопрос о степени варваризации региона как проявлении дисконтинуитета.

Уникальность северопонтийских античных государств заключается в их длительном, на протяжении более тысячи лет, непрерывном существовании без тотальных катастроф при сохранении традиционных основ их жизни. Выяснение причин этого консерватизма также является важнейшей задачей.

Хронологические рамки исследования охватывают время от «готских походов» 2-й трети III в., которые стали прологом Великого переселения народов и совпали с серьезными изменениями внутреннего облика античных государств Северного Понта. В 1-й трети VI в. Боспор оказался в составе Восточной Римской империи, а Херсонес окончательно был с ней интегрирован фактически [2]. Но по ряду параметров (прежде всего, по материальной культуре) мы должны будем продлить хронологические рамки исследования до 1-й пол. VII в., как это принято в мировой науке. Верхним рубежом поздней античности в Восточном Средиземноморье считается арабское наше-

[1] Подробнее см.: *Баллер Э.А.* Преемственность в развитии культуры. М., 1969. С. 16–17.

[2] Наиболее близкий подход: *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 144–166. См. также: Давня історія України. Т. 2. К., 1998. С. 452–478.

ствие и реформы, начатые императором Ираклием. Таким образом, поздняя античность полностью включает в себя ранневизантийскую эпоху.

Генетическое единство и преемственность форм как материальной культуры, так и государственности дают нам картину периода конца III – начала VII вв. как относительно цельной исторической эпохи, которая может быть названа позднеантичным периодом в истории региона (включая ранневизантийский этап). Называть весь период конца III – начала VII вв. в истории Северного Причерноморья ранневизантийским мы считаем методологически неправильным [1], так как Византия приходит на Боспор только в 1-й трети VI в.

Территориальные рамки изучаемого региона традиционны для отечественной науки и охватывают в широком смысле северо-западную излучину Понта от устья Дуная до Таврики (с Тирой и Ольвией), Таврику (Херсонес и Боспор, включая Танаис), Тамань [2]. В узком же смысле наше внимание будет сконцентрировано на двух ярчайших очагах позднеантичной культуры в регионе – Боспоре и Херсонесе – с учетом влияния на них смежных зон. Ольвия будет рассматриваться преимущественно в контексте лишь одной проблемы – постантичного города в Северном Причерноморье, так как была уничтожена как собственно античный центр в III в.

Археологические источники. Археологические исследования Боспора и Херсонеса были начаты более полутора столетий назад [3]. Однако позднеантичным слоям на первых порах не уделялось специального внимания. Кроме того, исследования городищ велись изолированно от сельской территории, по-настоящему привлекшей внимание только во 2-й пол. XX в. Систематические масштабные раскопки в Северном Причерноморье начались в 30-х гг. XX в.

Среди исследователей Херсонеса, причастных к исследованию поздней античности, надо назвать, прежде всего, руководителей раскопок на городище, некрополе и хоре К.Э. Гриневича, Г.Д. Белова, С.Ф. Стржелецкого, Н.В. Пятышеву, О.И. Домбровского, В.И. Кадеева, В.М. Зубаря, А.И. Романчук, С.Б. Сорочана, И.А. Антонову, С.Г. Рыжова, М.И. Золотарева, других специалистов [4].

На Боспоре следует выделить период конца XIX – начала XX вв. как время активных исследований, когда здесь работали выдающиеся археологи

---

[1] Ср.: *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Автореф. докт. дисс. 07.00.06 – археология. М., 1999.

[2] См.: *Брашинский И.Б.* Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ. 1970. № 2. С. 129–138. Такой же принцип проводится в кн.: *Сапрыкин С.Ю.* Древнее Причерноморье. М.-СПб., 2018.

[3] Подробнее см.: *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – сер. XIX в.). СПб.: Наука, 2002.

[4] Краткий исторический очерк исследований Херсонеса см. в кн.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 16–57; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 11–36. Более полно: *Зубарь В.М.* Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округи (1994–2005 гг.) / МАИЭТ. Suppl. 6. Симферополь, 2009. Наш список объектов и руководителей раскопок далеко не полон.

В.В. Шкорпил, В.В. Латышев, Ю.А. Кулаковский. С 1930-х гг. по настоящее время системными плановыми исследованиями основных городищ и некрополей Боспора, где имеется позднеантичный материал, руководили [1]:

- Пантикапей: Ю.Ю. Марти, О.О. Крюгер, Л.М. Славин, В.Д. Блаватский, Т.И. Макарова, В.Ф. Гайдукевич, И.Д. Марченко, В.П. Толстиков;
- Фанагория: В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина, Н.И. Сокольский, В.С. Долгоруков, В.Д. Кузнецов;
- Кепы: Н.И. Сокольский, В.С. Долгоруков;
- Гермонасса: А.С. Башкиров, А.А. Миллер, А.Г. Остроумов, А.П. Смирнов, Б.А. Рыбаков, И.Б. Зеест, А.К. Коровина, С.И. Финогенова;
- Нимфей: М.М. Худяк, В.М. Скуднова, Н.Л. Грач, О.Ю. Соколова, Н.Ю. Новоселова;
- Тиритака: Ю.Ю. Марти, Л.М. Славин, Ю.Ю. Марти, В.Ф. Гайдукевич, Д.С. Кирилин, Б.Г. Петерс, В.Н. Зинько;
- Мирмекий: В.Ф. Гайдукевич, Ю.А. Виноградов, А.М. Бутягин;
- Илурат: М.М. Кубланов, В.Ф. Гайдукевич, Л.Ф. Силантьева, Э.Д. Рабинович, В.А. Горончаровский, В.А. Хршановский;
- Китей: С.С. Бессонова, Е.А. Молев, А.В. Катцова, В.А. Хршановский;
- Киммерик: И.Б. Зеест, И.Т. Кругликова, В.К. Голенко;
- Крымское Приазовье: И.Т. Кругликова, А.А. Масленников;
- Артезиан: Н.И. Винокуров;
- Белинское: В.Г. Зубарев;
- Акра: А.В. Куликов, С.Л. Соловьев, В.В. Вахонеев;
- Парфений: С.Л. Соловьев;
- Танаис: Т.Н. Книпович, Д.Б. Шелов, Т.М. Арсеньева;
- Патрэй: А.С. Башкиров, Р.А. Стручалина, А.П. Абрамов;
- Горгиппия: В.Д. Блаватский, И.Т. Кругликова, Е.А. Алексеева;
- Ильичевское городище: Э.Я. Николаева.

На сегодняшний день данные вещественных источников, полученных за многие годы раскопок Боспора и Херсонеса, достаточно богаты и разнообразны. Их изучение позволяет получить представление о территории городов в рассматриваемый период, об их социальной топографии, о некрополях. Раскопки последних десятилетий дали важные свидетельства для выяснения характера занятий и условий жизни населения сельскохозяйственных поселений. Большое значение имеют вещественные источники при изучении этнического состава населения, социальной стратификации, особенно материалы некрополей – здесь наиболее важны погребальный обряд, сооружения и инвентарь, а также антропологические данные. Однако следует отметить, что изучение материалов керченского, херсонесского и др. некрополей, происходящих в основном из раскопок XIX – начала XX вв., в значительной мере за-

[1] Список не претендует на исчерпывающую полноту. История археологических исследований позднего Боспора – отдельная самостоятельная научная задача.

труднено из-за отсутствия хорошо датированных источников и описаний погребального обряда.

Характеризуя Боспор позднеантичного времени, еще Н.И. Сокольский справедливо отмечал, что в связи с относительной исчерпанностью и скудностью письменных источников дальнейшее продвижение должны обеспечить источники археологические. Интерпретация этого материала его публикаторами во многом зависит от того, какой концепции придерживается автор исследования, ибо результаты исторической интерпретации одних и тех же фактов в большой мере зависят от их исходных концепций. Поэтому основной задачей в ходе нашей работы с археологическими источниками стала их комплексная историческая интерпретация вкупе с письменными [1].

Письменные источники. Письменные источники по истории собственно позднеантичного Северного Причерноморья невелики по количеству. Минимальна и информация, которая в них содержится, применительно к данному региону. Местная историческая традиция северопонтийских греков не сохранилась. Поэтому греко-латинские тексты, происходящие с территории империи, приобретают решающее значение. Значительная их часть затрагивает Северное Причерноморье в более широком контексте.

Весь корпус текстов, основная часть которого собрана В.В. Латышевым в монументальном своде «Скифика и Кавказика», можно условно разделить на две большие группы в зависимости от мировоззрения авторов и в определенной степени от времени создания:

1) языческие и светские ранневизантийские сочинения, написанные в классической традиции;

2) христианские труды.

К первой группе относятся [2]:

- позднеантичные языческие исторические сочинения (Аммиан Марцеллин, SHA, Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Зосим, Приск);
- географические и административные сочинения (Псевдо-Арриан, Авиен, Expositio totius mundi, Notitia Dignitatum, «Космография» Равеннского Анонима, «Синекдем» Иерокла – Георгия Кипрского);
- позднеантичная риторика (Фемистий, XII латинских панегириков);
- ранневизантийские светские исторические сочинения (Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский, Менандр Протиктор).

Вторую группу составляют:

- церковные историки (Сократ Схоластик, Созомен, Евагрий, Филосторгий);
- византийские хроники (Иоанн Малала, Пасхальная хроника, Феофан Исповедник и др.);
- сочинения Отцов Церкви и малых богословов (Иоанн Златоуст, Григорий Тавматург Неокесарийский);

---

[1] Принципы см.: *Блаватский В.Д.* Античная полевая археология. М., 1967. С. 189–206.

[2] См. о них: *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. L., 2010 и др.

- византийские «ученые» сочинения (Стефан Византийский, Константин Багрянородный);
- агиография (жития свв. епископов Херсонских; житие Астерия Амасийского);
- латинские христианские историки и хронисты (Павел Орозий, Проспер Тирон, Иордан и др.);
- иноязычные (преимущественно сирийские и армянские) сочинения ранневизантийского круга (Иоанн Эфесский, Захария Ритор, Мовсес Хоренаци, Фавстос Бюзанд).

При анализе источников важны как общие оценки их значения, так и оценки их важности применительно к теме.

Крупнейший историк позднеантичной эпохи – Аммиан Марцеллин (330–400 гг.), «солдат и грек» из Антиохии – создал свою «Историю» (Res gestae) на латинском языке в XXXI кн. Сохранились кн. XIV–XXXI о событиях 353–378 гг. [1] Нашей темы касаются следующие места: XXXI. 1, 2: описание гуннов и аланов; XXII. 7, 10: посольство северопонтийских народов в Константинополь в 362 г.; XXII.8: географический очерк региона; XXXI. 3, 1–3: алано-гуннская война. Аутентичность сведений Аммиана Марцеллина в отношении Северного Причерноморья следует считать доказанной. Главную ценность в его описании представляют сведения о племенах, вступавших в непосредственное соприкосновение с Боспором. В географическом описании Боспора Киммерийского Аммиан следует античной традиции (XXII. 8, 12–13, 26–27, 30–31). Остальной Таврике, включая Херсонес, посвящены гл. XXII. 8, 32–36. Историк сообщает о цветущем состоянии сельскохозяйственного производства в Таврике, в т. ч. в Херсонесе. Чрезвычайно яркое этнографическое описание гуннов (XXXI. 1; 2, 1–12) во многом написано «по горячим следам» событий, связанных с продвижением гуннов в Северное Причерноморье и на Нижний Дунай. Оно страдает значительными преувеличениями, породив «гуннский миф» в Европе. Трактовка гуннов как необузданных дикарей была закреплена в европейской традиции позднее, в середине V в., под влиянием событий эпохи Аттилы. У Аммиана Марцеллина самую глубокую неприязнь вызывают кочевые народы, особенно сарацины и гунны [2]. Описание аланов (XXXI. 2, 17–23) более сдержанно, местами сочув-

---

[1] Ammianus Marcellinus. Romische Geschichte. Bd. I–IV. B., 1968–1971; Аммиан Марцеллин. История / Пер. Ю.А. Кулаковского, А. Сонни. Тт. 1–3. Киев, 1906–1908. 317, 303, 326 с.; Римская история. СПб.: Алетейя, 1994. 570 с.; *Каждан А.П.* Аммиан Марцеллин в современной зарубежной литературе // ВДИ. 1972. № 1; *Соколов В.С.* Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // ВДИ. 1959. № 4; *Matthews J.* The Roman Empire of Ammianus. L., 1959; *Неронова В.Д.* Аммиан Марцеллин о варварах // Уч. зап. Пермского государственного университета. 1966; *Неронова В.Д.* Отражение кризиса Римской империи в «Истории» Аммиана Марцеллина // Уч. зап. Пермского государственного университета. 1961; *Ермолова И.Е.* Северное Причерноморье в представлении римлян первых веков н. э. (по Аммиану Марцеллину). Автореф. канд. дисс. М., 1985; Культура Византии IV – 1-я пол. VII вв. М., 1984. С. 124–139; *Удальцова З.В.* Мировоззрение Аммиана Марцеллина // ВВ. 1968. XXVIII. С. 38–59.

[2] *Ермолова И.Е.* Историко-этнографические экскурсы в «Деяниях» Аммиана Марцеллина // Молодая наука на рубеже веков. М., 1997. С. 17.

ственно, и отражает факт знакомства империи с этим народом на протяжении более чем трехсот лет.

Публий Геренний Дексипп (III в.) – афинский историк, руководивший обороной родного города от прорвавшихся с севера варваров во время кризиса III в. Из ряда его несохранившихся сочинений (Хроника в XII кн., Скифская история) дошло лишь несколько фрагментов [1]. Особенно важны фр. 16, 16а, 21, которые убедительно доказывают, что северные варвары прибыли с берегов Боспора Киммерийского.

В обширном труде, известном как SHA (Scriptores Historiae Augustae) [2], ряд мест посвящен отражению тех же северных варваров. Прежде всего, это биографии Аврелиана (22,2) и (13,2–3) Тацита, приписываемые Флавию Вописку. У специалистов нет единого мнения по поводу достоверности сведений этого источника (отчасти в связи с его «беллетристическим» жанром) и по поводу времени его создания (начало IV или V вв.).

Евнапий (347 – после 414 гг.) – крупнейший языческий греческий историк конца IV в. Его «Продолжение Истории Дексиппа» в XIV кн., к сожалению, не сохранилось полностью [3]. Фр. 41 рассказывает о приходе гуннов с востока. Приход кочевников интерпретируется как парафраз древней легенды об Ио, перешедшей через пролив по «бычьему броду» – Боспору. Фр. 42 – о разгроме готов («скифов») гуннами. Фр. 43 – о переселении готов в пределы империи. Евнапий считается достоверным историком [4], его сведения послужили основой соответствующих мест позднейших историков.

Тематически труд Евнапия продолжает Зосим – один из важнейших историков Северного Понта [5]. По всей видимости, его «Новая история» в VI кн., законченная ок. 498 г., во многом зависела от работы Евнапия. Она охватывает события на всем пространстве Римской империи и окружающих земель с 270 по 410 гг. (не считая краткого введения). Первый крупный эпизод, относящийся к нашей теме, связан с эпохой «готских походов» (I. 23, 1; 31–32; 34; 42. 1–2). Это – наиболее обширный и связный рассказ о данных событиях. При общей репутации Зосима как добросовестного историка его сведения и по рассматриваемой проблеме выглядят убедительно. В II. 21 рассказывается о столкновении императора Константина с варварами некоего

---

[1] Dexippus Atheniensis. Historia / Ed. B.G. Niebuhr // CSHB. Bonn, 1829. P. 11-38; Дексипп. События после Александра. История. О скифской войне / Пер. С. Дестуниса // ВДИ. 1948. № 2. С. 308–311; Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529 / Ed. P. Castren. Helsinki, 1994.

[2] Scriptores Historiae Augustae. L., 1967. 456 p.; [Писатели истории Августов] Властелины Рима / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Наука, 1992. 384 с.

[3] Eunapius Sardianus. Fragmenta / Ed. B.G. Niebuhr // CSHB. Bonn, 1829. P. 41–118; Евнапий. Продолжение Истории Дексиппа / Пер. С. Дестуниса // Византийские историки. [Т. 5]. СПб., 1860; Евнапий // ВДИ. 1948. № 3. С. 272–275; Евнапий. История // Византийские историки. Рязань, Александрия, 2003. С. 62–143; Культура Византии IV – 1-й пол. VII вв. М., 1984. С. 139–143.

[4] *Удальцова З.В.* Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974. С. 83–89.

[5] Zosimus. Nouvelle histoire / Ed. F. Paschoud. P., 1971–1989 (2 ed. P., 2003). V. I–III; *Бибиков М.В.* Историческая проза Византии. СПб., 1998. С. 45–47; Культура Византии IV – 1-й пол. VII вв. С. 145–148.

царя Равсимода в 322 г., в котором некоторые комментаторы усматривают свергнутого боспорского царя, известного из эпиграфики как Радамсад (Радампсадий). Следующий экскурс о Северном Понте (IV. 20–25) рассказывает о приходе гуннов из Азии. По мнению специалистов, этот эпизод зависит от текста Евнапия, хотя по объему несколько больше в силу того, что «История» Зосима сохранилась полностью. Зосим в целом повторяет описание гуннов, их характера и образа жизни, сделанное Аммианом Марцеллином. В V. 22 рассказывается о вмешательстве живших к северу от Дуная гуннов во главе с Ульдисом в политические конфликты в Константинополе. Рассказ Зосима (IV. 5, 2) о пребывании в Херсонесе узурпатора Прокопия свидетельствует о том, что в Херсонесе не было имперской администрации, так как Прокопий опасался не ее, а лиц, прибывших искать его. Отправился он в столицу на попутном грузовом судне.

Тематически и хронологически Зосиму сопутствует Олимпиодор Фиванский из Египта (V в.) – писатель, поэт, историк и дипломат, много ездивший по империи, особенно ее западной части. В 412 г. он посетил северопонтийских гуннов с дипломатической миссией (фр. 18). От сочинения Олимпиодора сохранился лишь эксцерпт Фотия, из которого мы знаем, что вся «История» состояла из XXII книг и охватывала события с 407 по 425 г. Олимпиодор стал одним из первых писателей империи, которые поняли, что без участия варваров империя «не в состоянии победить варварство» [1]. Рассказ о гуннских племенах Причерноморья – один из первых достоверных рассказов о реальной, а не баснословной истории этих племен. Текст Олимпиодора лег в основу некоторых частей сочинения Зосима.

Приск Панийский – писатель V в. Его труд «Деяния Аттилы» [2] сохранился лишь в составе византийского сборника эксцерптов «О посольствах». Крупный фрагмент описывает византийское посольство 448 г. к Аттиле и обрисовывает картину гуннского военно-политического господства в степях от Паннонии до Кавказа, дает сведения об образе жизни и быта гуннов. Объективность и отсутствие враждебности отличают Приска в его описании социального строя и нравов гуннских племен. Сочинение Приска помогает нам яснее представить себе геополитический фон северопонтийской истории V в.

Ряд светских историков, работавших в ранневизантийское время в античной традиции, завершают Прокопий Кесарийский и Агафий Миринейский. Прокопий из Кесарии Палестинской (VI в.) – крупнейший историк ранней Византии [3]. Труды этого автора – настоящая энциклопедия разнообраз-

---

[1] Olympiodorus. Fragmenta // HGM. Lpz., 1870. V. I. P. 450–472; Олимпиодор. История // ВВ. 1956. VIII. С. 223–305; Олимпиодор. История / Пер. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 1999. 235 с.

[2] Prisci Excerpta De legationibus / Ed. Imm. Bekker, B.G. Niebuhr // CSHB. Bonn, 1829. P. 137–228; Приск Панийский. Готская история / Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1948. № 4. С. 244–267; Приск // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М.: Восточная литра, 1994. С. 81–95.

[3] Культура Византии... С. 148–160; *Удальцова З.В.* Мировоззрение Прокопия Кесарийского // ВВ. 31. 1971. С. 8–22; *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты. Л., 1991. С. 184–220; *Rubin B.* Procopios von Kaisarea. Stuttgart, 1954; *Cameron Av.* Procopius and the Sixth Century. L., 1985; *Treadgold W.* The early Byzantine Historians. Palgrave MacMillan, 2010.

ных сведений по истории тогдашнего мира. Нашей темы касаются «История войн Юстиниана» и трактат «О постройках» [1]. В последнем дается цельное и связное описание природы, этнографии и истории Северного Понта в связи с постройками императора Юстиниана (III кн.). Данный текст породил обширную литературу о так называемом «Таврическом лимесе» – полосе укреплений в Крыму и на Тамани и стимулировал усилия современных археологов. В «Истории» выделяется целый ряд мест, посвященных Северному Причерноморью: о переходе гуннов через «устье Меотиды» (B.G. VIII. 5); о «возвращении утигуров» (там же); о гуннском господстве в степной Таврике (B.P. I. 12); (B.G. VIII. 5); о разгроме Фанагории и Кеп утигурами в 540-е гг. (B.G. V. 23); об установлении византийского протектората над Боспором при Юстине (B.P. I. 12, 8); об аннексии Боспора Юстинианом (B.P. II. 3, 40); о готах-тетракситах (B.G. VIII. 4). Вместе с несомненными плюсами отметим, что Прокопий не только ошибся относительно местоположения Фанагуриса и Кеп, но и преувеличил роль Юстиниана в укреплении Херсона.

Агафий Миринейский – историк и поэт (536–582 гг.), продолжатель Прокопия. Его труд «О царствовании Юстиниана» в V книгах [2] был написан в 570–582 гг. Агафий рассказывает о широком северопонтийском мире племен, окружавших греков и римлян (эпизод о приходе гуннов в Европу – V, 11 – весьма реалистически описывает способ переправы кочевников, несмотря на общий риторический характер текста и стилистические ухищрения).

Менандр Протиктор – ранневизантийский автор (VI в.), чей труд [3] имеет много схожего с трудом Приска. Из сохранившихся отрывков наибольший интерес вызывает описание посольства византийцев во главе с Зимархом (568–570 гг.) к тюркам, входящее в состав Excerpta de legationibus. В тексте есть описание Боспора и ситуации вокруг него в связи с приходом тюрок в Восточную Европу.

Из неисторических произведений краткое упоминание о Боспоре содержится в самом позднем из XII латинских панегириков – Латина Паката Дрепания императору Феодосию, произнесенном летом 389 г. в Риме: «Житель Боспора не чувствует себя защищенным холодом...» (Pan. Lat. XII. 22, 2) [4]. Если бы Боспор уже 15 лет был разрушен, выдвигать его в качестве

---

[1] Procopii Caesarensis Opera omnia / Ed. J. Haury, G. Wirth. Lpz., 1962–1965. V. I–IV; Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993; Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1950; Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. 1939. № 4. С. 203–283.

[2] Agathias Murinaeus. Historiae // HGM. Lips., 1871. Vol. II. P. 132–392; Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко. М.-Л.: АН СССР, 1953. 222 с.; Культура Византии... С. 160–171; *Бибиков М.В.* Историческая проза Византии. С. 65–67; подробнее см.: *Cameron Av.* Agathias. Oxf., 1970. Изд.: Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. М.-Л., 1953.

[3] Menander Protector / Ed. B.G. Niebuhr // CSHB. Bonn, 1829. P. 281–244; Менандр [Протиктор. История] // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М.: Восточная литература, 1994. С. 311–356; Менандр Протиктор. История // Византийские историки. Т.5. СПб., 1860.

[4] Латинские панегирики. М., 2016. С. 442–443.

одного из перспективных направлений внешней политики империи было бы нелепо.

Переходя к сочинениям географическим, следует отметить наличие прочной многовековой традиции описания берегов Северного Понта (Страбон, Птолемей [1] и др.). К позднеантичному времени принадлежит вполне традиционная географическая поэма Руфия Феста Авиена, которая почти ничего не прибавляет к нашим знаниям по изучаемой проблеме: «...У того берега, где открывается Боспор Киммерийский, справа выходит из моря остров, и обширная скала широко выступает из воды: лежит вдали огромная Фанагора, и поднимает свои стены Гермонасса» (Ora Maritima, 729–733) [2].

Важное значение для истории позднеантичного Северного Понта имеет анонимный перипл, известный под именем Псевдо-Арриана [3]. В своей основе он восходит к периплу Арриана (II в.), но многие сведения отражают реалии времени его создания [4]. Главы 62 (21) – 78 (52) рассказывают о плавании вдоль берега моря от восточных рубежей Боспора до западных. Синдская Гавань – древнее название Горгиппии – названа Эвдусией, что дает основания современным ученым видеть здесь следы готов-эвдусиан (61). Перипл дает современное автору название Корокондамского залива (64). Характерно употребление наименования «устье Меотиды или Танаиса» для Керченского пролива (69) (ср. Evagr. HE IV, 23; Procop. IV, 4), что дает основание думать, что Псевдо-Арриан мог считать Меотиду за разлившийся Танаис. При описании европейского Боспора упоминается Мирмекион, который, по всей видимости, в V в. уже не существовал. Пантикапей же назван столицей Боспора и важным боспорским городом, имеющим обширную гавань и верфи (75–76). Далее упоминаются все боспорские города вдоль берега моря, включая «деревушку» Акру, но реально существовали в то время (по данным археологии) лишь Тиритака, Китей и Киммерик. Феодосия (Февдосия) названа «опустевшим городом», который «на аланском или таврском наречии называется Ардабда, т. е. Семибожный» (77).

Перипл Псевдо-Арриана – это компиляция, составленная ранневизантийским автором. Его датируют 2-й пол. VI в. на основании того, что ряд пунктов упоминается после того, как их ввел Прокопий. В основе текста – три автора: Псевдо-Скимн, Менипп и Арриан, частично – Псевдо-Скилак

---

[1] *Зубарев В.Г., Масленников А.А.* Историческая география Европейского Боспора по Клавдию Птолемею // СА. 1987. № 3; *Зубарев В.Г.* Характер искажений и общая картина Северопричерноморского региона в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея // РА. 1995. № 3; *Зубарев В.Г.* Европейское побережье Меотиды (Азовского моря) по Клавдию Птолемею // Древности. 1996. Харьков,1997. С. 62–73; *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. Автореф. докт. дисс. М., 2000.

[2] Авиен / Пер. С.П. Кондратьева // Античная география. М., 1953. С. 324–337.

[3] Arrien. Périple du Pont-Euxin. Texte établi et traduit par A. Silberman. P., 2002. XLVII, 96 p.; Anonymus. Periplus Ponti Euxini // GGM. P., 1855. Vol. I. P. 402–426; Арриан. Перипл Понта Эвксинского // ВДИ. 1948. № 1. С. 265–275; [Псевдо-Арриан]. Перипл Понта Эвксинского // ВДИ. 1948. № 4. С. 226–238.

[4] *Скржинская М.Е.* «Перипл Понта Эвксинского» анонимного автора // Исследования по античной археологии. К., 1980. С. 115–125.

и др. Также использованы некоторые данные своего времени. Все расстояния компилятор перевел в мили, пользуясь обычным стандартом византийской эпохи: 1 миля = 7,5 стадиев. Отрывки из других авторов, как правило, вставлены в перипл без изменений [1]. Провести грань между ошибками переписчиков и ошибками самого автора затруднительно. Из заливов отмечено только одно новое название – Описса – для Корокондамитского озера (Таманский залив). Впервые Херсонес здесь именуется Херсоном (§ 83) [2]. Совсем неубедительна запись о Китее (Кидеаках) (§ 76). Здесь, видимо, имело место неверное прочтение автором своего источника. Автор принял два слова (Кюдайя – вариант названия – и предлог και) за одно [3]. Тиритака упоминается только у нашего Анонима и Стефана Византийского. Именно по этим указаниям было отождествлено городище [4].

Из других географических сочинений Северное Причерноморье частично фигурирует в «Описании всей Вселенной и народов» [5] – латинском тексте IV в., созданном на основе греческого сочинения 350 г.

Важное место среди источников занимает административный справочник Notitia Dignitatum (ок. 400 г.), дающий подробнейшую картину дислокации сухопутных войск империи по провинциям [6].

«Космография» Равеннского Анонима (VII в.) – важный источник по позднеантичной географии [7], в том числе изучаемого нами региона. В ней перечисляются 33 города «Босфорании», в частности Гермонасса, Акра, Китей, Нимфей, Киммерий, Мирмекий, Калос-Лимен, Борисфенида, Ольвиаполис, Дори, Херсона, Феодосиополис, Кареон (Керчь?), Трапезус (IV. 3; также V. 11). Лежащая в основе этого текста традиция восходит к карте Агриппы, а автор часто апеллирует к авторитету Иордана [8]. Этот источник, созданный только на основании предшествующих сочинений, не дает реальной картины существования городов Северного Понта для своего времени [9].

Сочинение, известное под названием «Новый географический текст», считалось во времена его издания написанным в середине IV в. [10] В настоящее время его создание относят к более поздним византийским временам,

---

[1] Там же. С. 115.

[2] Там же. С. 120.

[3] Там же. С. 121.

[4] Там же. С. 122.

[5] Expositio totius mundi et gentiun // GGM. P., 1861. V. II. P. 513–528; Полное описание Вселенной и народов / Пер. С.В. Поляковой, Н.В. Феленковской // ВВ. 8. 1956. С. 277–305.

[6] Notitia Dignitatum omnium tam civilium quam militarium utriusque imperii / Ed. O. Seeck. B., 1876.

[7] *Бородин О.Р.* «Космография» Равеннского Анонима (к вопросу о ее месте в истории географической науки) // ВВ. 43. 1982. С. 54–63. Ср.: *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 161–286.

[8] *Подосинов А.В.* Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 158–159. Автор статьи объясняет отсутствие Пантикапея в данном перечне тем, что этот город «скрылся» под названием Кареон.

[9] Наиболее полный анализ позднеантичной географической традиции, тексты и переводы см.: *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002.

[10] Новый географический текст / Изд. М. Шангин // ВДИ. 1938. № 4. С. 252–255.

хотя до сих пор отдельные исследователи используют его для воссоздания реалий позднеантичного времени.

Дополнительный свет на проблему проливают данные риторической прозы. Константинопольский ритор и философ Фемистий (2-я пол. IV в.) в одной из речей дает важную информацию о состоянии хлебной торговли Константинополя с Боспором (XXVII, p. 336). Фемистий утверждает, что хлебные торговцы плавают за пшеницей в Херсонес (в 384 г. он был префектом Константинополя и отвечал за доставку хлеба в столицу). Однако эта речь может использоваться для подтверждения выводов лишь косвенно [1].

В нормативных источниках есть некоторая полезная информация. Так, о морской повинности Херсона и Боспора говорит CJC III. 751. Кодексы Феодосия и Юстиниана [2] уточняют некоторые аспекты взаимоотношений империи и варваров Северного Причерноморья в связи с жизнью позднеантичных центров региона.

Труд одного из первых варварских историков ранневизантийского круга – гота Иордана (VI в.) [3] – «О происхождении и деяниях гетов» почти полностью имеет отношение к истории Северного Понта эпохи Великого переселения народов. Описание Скифии в связи с понтийским побережьем начинается с § 32. Далее идет описание народов. Особенно важен § 37 о гуннских племенах Северного Причерноморья в V–VI вв. О холодах этого региона автор упоминает, отдавая дань античной традиции, в § 44. Формирование державы Германариха завершает раздел об истории готов (§ 118 слл.). После этого следует рассказ о гуннах, их происхождении и переходе в Европу через Меотиду и Танаис (§ 121 слл.), о разгроме готов (§ 130). Далее история готов излагается в связи с историей империи, включая эпоху Аттилы, вплоть до времени Юстиниана. О битвах наследников Аттилы говорится в § 259–264, после чего следует рассказ о новых переселениях племен. Иордан является важнейшим источником для истории позднеантичного Северного Понта.

Деление письменной традиции на языческую (включая светскую) и собственно христианскую достаточно условно. Вторую группу мы выделяем прежде всего из-за ярко выраженной идеологической направленности рассматриваемых сочинений.

Особый раздел здесь составляют ранневизантийские историки церкви, творившие в IV–VI вв. До недавнего времени их работы не были глубоко проанализированы в отечественной науке. Лишь в конце 90-х гг. XX в. появились первые специальные исследования [4].

---

[1] См. *Vanderspoel J.* Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996.

[2] Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen, P. Meyer. B., 1905. Vol. I–II; Corpus iuris civilis. V. 2. Codex Justinianus / Rec. P. Krueger. B., 1906.

[3] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997 (2-е изд.).

[4] Основная монография: *Кривушин И.В.* Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998; также *Бибиков М.В.* Историческая проза Византии. СПб., 1998. Общий очерк см.: Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 182–242. Из старой литературы см.: *Лебедев А.П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV в. до XX в. СПб., 1903;

Отметим континуитетный характер сочинений первых церковных историков [1].

Сократ Схоластик (380–440), следуя концепции «христианского Геродота» Евсевия, в ряде мест своей «Церковной истории» [2] касается истории гуннов в период их пребывания на Северном Понте. В IV. 33–34 он сообщает об изгнании готов гуннами в правление Валента. В VI, 1 сообщается о том, что Константинопольский временщик Руфин призвал в римские пределы «варварский народ гуннов, которые около того времени опустошили Армению и другие восточные земли». Сократ также отмечает регулярную доставку хлеба с Черного моря (IV. 16).

Саламан Ермей Созомен (до 446 г.) в своей «Церковной истории» [3] упоминает некоего боспорского епископа, который в 358 г. участвовал в Никомедийском соборе (IV. 16). В VI, 37 он пересказывает легенду, восходящую к Евнапию (фр. 41), о переправе гуннов через пролив в Европу. VII. 26 сообщает о епископе Скифии Теотиме; центр епархии – в Томах. Здесь же говорится о «звероподобных» гуннах. В VIII. 25 рассказывается о нашествии гуннов на Фракию в 404 г. В IX. 5 речь идет о взятии гуннским вождем Ульдисом города Кастра Мартис во Фракии и измене гуннов, перешедших на сторону римлян (один из первых фактов взятия гуннами крепостей).

Феодорит Киррский (390–457) в «Церковной истории» [4] сообщает в V. 36 37 о набегах гуннов («скифов») и Истра на Фракию во главе с Роилой (Руа) в 440-е гг.

Арианский историк Филосторгий (368–440), чей труд сохранился лишь в эксцерптах Фотия [5], повторяет старую легенду о переправе гуннов (из кн. IX = Socr. IV. 33–34 = Soz. VI. 37). В отрывках из кн. XI говорится о вторжениях гуннов через Истр с запада и с востока через Армению вплоть до Киликии. В II. 5 говорится о готах «из-за Истра».

Евагрий в конце VI в. в «Церковной истории» [6], пересказывая Прокопия, еще раз упоминает Танаис как название Керченского пролива (Evagr. HE IV, 23), а также сообщает о присылке Юстинианом епископа примеотийским

Лебедев А.П. Греческие церковные историки IV–VI вв. М., 1891. Новое осмысление: *Ващева И.Ю.* «Феномен «Церковных историй» в эпоху Поздней Античности. Автореф. докт. дисс. Белгород, 2013.

[1] *Martley R.* The Hellenistic Foundations of Ecclesiastical Historiography // Reading the Past in Late Antiquity. Rushcutters Bay, 1990. P. 225–250. Ср.: *Chesnut G.F.* The first Christian histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret, and Evagrius. Macon: Mercer Univ. Press; Peeters, 1986. 296 p.

[2] Socrates. Historia ecclesiastica // PG. V. LXVII, col. 28–842. P., 1859; Сократ Схоластик. Церковная история / Изд. подг. И.В. Кривушин. М., 1996.

[3] Sozomenus. Historia ecclesiastica // PG. V. LXVII, col. 843–1630. P., 1859; Созомен. Церковная история // ВДИ. 1948. № 3. С. 302–312.

[4] Theodoretus. Historia ecclesiastica // PG. V. LXXXII, col. 881–1280. P., 1859; Феодорит Кирский. Церковная история. М.: Росспэн, 1993.

[5] Philostorgius. Historia ecclesiastica // PG. V. LXV, col. 459–638. P., 1858; Филосторгий. Сокращение Церковной истории // ВДИ. 1948. № 3. С. 280–283; *Зибаев А.В.* Картина мира в «Церковной истории» Филосторгия. Автореф. канд. дисс. Саратов, 2019.

[6] The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. L., 1898; Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб.: Алетейя, 2006.

племенам (гуннам?) и о нападении на территорию империи готов из Меотиды при Юстиниане (ibid.).

В целом греческие церковные историки сообщают сведения, не противоречащие данным светских писателей, а во многом и от них зависящие. Конкретных данных о положении греческих городов Северного Причерноморья они не сообщают.

Ряд важных сведений по истории Северного Понта сообщают византийские хронисты. Иоанн Малала, эллинизированный сириец из Антиохии, считается создателем жанра византийской хроники (VI в.). Наибольший интерес для нас в его сочинении «Хронография» представляют сообщения о крещении боспорских гуннов во главе с Гродом (Гордасом) и о последующем восстании его соплеменников, о присоединении Боспора Киммерийского к империи [1]. Хронист прославляет церковную и реставраторскую политику Юстиниана, не исключая и области Северного Понта. Его экскурсы подробны и связны; они являются ценным источником по истории позднеантичного периода в регионе.

«Пасхальная хроника» – одна из важнейших хроник ранневизантийского времени [2]. В ней упомянут ряд событий, произошедших на Северном Понте в рассматриваемое время.

Более поздний хронист Георгий Синкелл [3] включил в свой труд некоторые фрагменты из Дексиппа и ряд других фактов, касающихся истории Северного Понта.

Феофан Исповедник (760–818 гг.) – один из наиболее известных хронистов Византии [4]. Его «Хронография» охватывает события 284–813 гг. Под «первым годом Юстиниана» (527 г.) он описывает восстание гуннов на Боспоре против Грода и его подавление имперскими войсками. Рассказ чрезвычайно подробен, изобилует деталями и служит важнейшим источником.

Среди христианских богословов, упоминавших о Северном Понте, выделяется Григорий Тавматург, епископ Неокесарии Понтийской (210–270 гг.), ученик Оригена. Относительно варваров III в. на Боспоре он сообщает, что это были «готы и ворады». Послание Григория епископу Трапезунта содержит, в частности, следующий пассаж: «А тем, которые в плену присоединились к варварам и вместе с ними нападали, забыв, что были пон-

---

[1] Johannis Malalae. Chronographia / Ed. L. Dindorf // CSHB. Bonn, 1831; Ioannis Malalae. Chronographia / CFHB. Rec. I. Thurn. Berolini – Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 2000. 588 p.; The Cronicle of John Malalas. Melbourne, 1986. 414 p. О Малале: Культура Византии IV – 1-я пол. VII вв. С. 246–260; *Удальцова З.В.* Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы // ВВ. 32. 1971. С. 3–23; *Кобзева А.В.* «Хронография» Иоанна Малалы: антикварная традиция и медиевализация исторического знания в Ранней Византии. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2017.

[2] Chronicon Paschale. Bonnae, 1832 (GSHByz. V. 2); Chronicon Paschale 284–628 A. D. / Ed. Michael and Mary Whittby. Liverpool: University Press, 1989. 282 p.

[3] Georgius Syncellus. Ecloga chronographia / Ed. A.A. Mosshamer. Leipzig, 1984.

[4] Theophanus. Chronica // CSHB. Bonn, 1829; Феофан Исповедник. Летопись / Пер. В. Оболенского, Ф. Терновского. М., 1890; *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1984; *Чичуров И.С.* Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV – нач. IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1981. М., 1983. С. 5–146.

тийцами и христианами, и ожесточились до того, что убивали своих единоплеменников… а также указывали дороги и дома незнакомым с местностью варварам – таковым должно преградить вступление в число верующих» [1].

Крупнейший ортодоксальный проповедник, «христианский Демосфен» Иоанн Златоуст (350–407 гг.), патриарх Константинопольский в 397–404 гг. дает небольшое, но интересное сообщение о ситуации у (крымских?) готов на рубеже IV–V вв. (ad Olymp. XIV), в котором он касается положения местных христиан и их церковной организации (Готской епархии) [2].

Георгий Кипрский (VI в.) дважды упоминает Херсон в числе современных ему епархий [3]. Его «Спутник путешественника», составленный на основе «Синекдема» Иерокла, пропускает Боспор в перечне земель, подвластных Византии в VI в., но это умолчание – не аргумент в пользу отсутствия Боспора в числе владений империи, о чем мы знаем из иных источников, прежде всего, из Прокопия Кесарийского и Малалы.

Церковные историки и хронисты латинского Запада по понятным причинам уделяли гораздо меньше внимания северопонтийскому региону. Крупнейший церковный историк Запада Павел Орозий (380–450 гг.) создал «Историю против язычников» в VII книгах [4]. В VII. 32, 10 говорится о нападении гуннов на готов в конце IV в. В VII. 34, 5 рассказывается о разгроме императором Феодосием аланов, гуннов и готов в 382 г., а в VII. 37, 3 – о раздорах и столкновениях среди варваров.

Хронист Проспер Тирон (400–460 гг.) пишет о событиях 379–455 гг. Под 377 годом он сообщает о нападении гуннов на готов и о восстании последних против римлян [5].

Виктор Туннунский (VI в.) [6] сообщает о 15-летней херсонской ссылке (460–475) александрийского епископа Тимофея Элура (Ch. 460, 475 // MGH AA. XI, p. 186, 189). До него в ссылке здесь находился Протерий (там же, 460; p. 186). Все латинские труды имеют определенную степень искажения, т. к. созданы вдали от мест событий.

---

[1] Цит. по: *Ременников А.М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М., 1954. С. 95. См. *Сагарда Н.И.* Св. Григорий Чудотворец, еп. Неокесарийский: Его жизнь, творения и богословие. СПб., 2006.

[2] Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Том III, книга 2. М., 2006.

[3] Hieroclis Synecdemus / ed. A. Burckhardt. Leipzig: Teubner, 1892; (Le) Synekdemos d'Hierokles et L'Opuscule geographique de Georges de Chypre. Bruxelles: Institut de philology et d'histoire orientales et slaves, 1939. 78 p.; *Сиротенко В.Т.* Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. // УЗ ПГУ. 117. 1964. С. 101.

[4] Orose. Histoires (Contre les Païens). Texte établi et traduit par M.-P. Arnaud-Lindet. 3 т. P., 1992; Павел Орозий. История против язычников. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2004. 544 с.

[5] Prosperi Tironis epitoma chronicon ed. primum a. CCCCXXXIII, continuata ad. a. CCCCXXV / MGH, AA. Bd. 9. Berlin, 1892.

[6] Victoris Tonnennensis episcopi chronica a. CCCCXLIV – DLXVII / MGH, AA. Bd. 11. Berlin, 1894.

Лишь Комит Марцеллин, написавший свою латинскую Хронику в Константинополе, более близок к нашему региону территориально, но сообщает о нем крайне лапидарно [1].

Среди византийских «ученых сочинений» раннего периода выделяется труд эрудита Стефана Византийского (VI в.) «Описание племен» (Εθνικα) [2] – географический лексикон. Среди прочих выделяются статьи: Апатур, Аспургианы, Боспор, Горгиппия, Готы, Гермонасса, Февдосия, Каркинитида, Корокондама, Киты (Китея), Меоты, Мирмекий, Нимфей, Пантикапей, Порфмий, Синды, Синдик, Танаис, Таврика, Тиритака, Гипанис, Фанагория. Данный труд не всегда отражает историческую обстановку, современную автору, текст отчасти искажен переписчиками, но он всё же служит незаменимым источником по нашей теме. Автор упоминает в алфавитном порядке целый ряд названий из географической номенклатуры Боспора с небольшими комментариями. Пантикапей назван «очень большим городом». Упоминается здесь и Херсонес.

У императора Константина Багрянородного (905–959 гг.) в труде «Об управлении империей» [3] есть глава 53, которая рассказывает о боспорско-херсонесских войнах, произошедших якобы при Диоклетиане. Не одно поколение историков по-разному относилось к этому пассажу [4]. Возможно, многие места рассказа Константина достоверны [5], хотя критика этого источника носит общий характер отрицания его достоверности для позднеантичного времени. Многих реалий IV в. Константин не знает. В.В. Латышев первым прокомментировал пассаж Константина Багрянородного о херсонесских войнах [6].

В трактате «О фемах» [7] того же царственного автора мы находим географию юстиниановского времени [8], так как автор основывался на Стефане (в сокращении Ермолая) и Иерокле («Синекдем»). В тексте много латинских реминисценций.

---

[1] Marcellini Comitis Chronicon / Ed. Th. Mommsen // MGH. AA. XI. 1898. P. 37–108; The Chronicle of Marcellinus: a translation and commentary: (with a reproduction of Mommsen's edition of the text). Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 1995. XXVII, 152, [52] p.

[2] Stephani Byzantii Ethnicorum quae supersunt / Rec. Aug. Meinekii. T. I. B., 1849.

[3] Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст и пер. под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. 496 с.

[4] О сомнениях в достоверности: *Латышев В.В.* ΠΟΝΤΙΚΑ. СПб., 1909. С. 122.

[5] С начала нового столетия эти выводы подверглись критике (А.И. Айбабин, более осторожно В.А. Сидоренко), с опорой на работы К. Цукермана (*Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995. С. 545–561). В.М. Зубарь защищал некоторую достоверность этого труда: *Зубар В.М.* Ще раз при римську військову присутність у Херсонесі в другій половині III – на зламі IV–V ст. // Археологія. 2000. № 3. С. 83–97; *его же*: По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III – на рубеже IV–V вв. // Stratum+. 2000. № 4. С. 291–302.

[6] *Латышев В.В.* Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Вып. 1 // ИГАИМК. 91. М.-Л., 1934. С. 68 сл.

[7] Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» (De thematibus) и «О народах» (De administrando imperio) / Предисл. Г. Ласкин. М., 1899.

[8] *Латышев В.В.* Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Вып. 1 // ИГАИМК. 91. М.-Л., 1934. С. 70, прим. 111 (De Themat. 2. 30).

В целом еще раз отметим, что Константин обнаруживает непонимание ситуации в регионе в первые века н. э. Он полагал, что Херсонес всегда находился под властью боспорских царей. Даже географическим ориентиром в Таврике для него служит Херсонес, а Боспор почти неведом [1]. Если сюда добавить запутанную хронологию из De adm. Imp., 53, то отличия средневизантийского текста от ранневизантийского налицо.

Агиография в отношении позднеантичного Северного Понта представлена житиями свв. епископов Херсонских, изданных В.В. Латышевым [2] и П. Лавровым [3], а также в новейшее время [4]. Несмотря на специфику данного вида источников и значительный хронологический разрыв от времени описываемых событий, данный текст является практически единственным, восходящим к местному материалу. Текст Житий епископов херсонских восходит, видимо, к V–VI вв., но был написан в Константинополе не ранее начала X в. [5] Автор хотел обосновать право на автокефалию [6]. Страдание св. мч. Херсонских, епископов Василевса, Капитона и др. опубликовано С. Серафимовым [7].

Сведения о ссылке Элура есть также в агиографии (Деяния Акакия (Gesta de nomine Acacii // CSE. 35, 1, p. 140), Творения и деяния Акакия (Ablatio ex gestae Acacii // CSE. 35, 2, p. 795), Рассказ о заблуждениях Диоскора Александрийского (CSE. Lat. 35, 1–2, p. 795)), а также в «Хронике» египтянина Иоанна Никиусского конца VII в. [8], сохранившейся лишь на древнеэфиопском языке гёэз.

Важный источник – гомилии Астерия Амасийского (IV в.), среди которых есть и «Похвала св. Фоке», дающая ряд сведений о византийской миссии на Северном Понте [9].

В документах Вселенских соборов есть подписи боспорских и херсонесских епископов. Подписи епископов Херсонеса: 381 г. – Еферий, 448 г. – Лонгин, 535 г. – Стефан.

Среди иноязычных восточных источников выделяются труды сирийских и армянских историков. Сирийская «Церковная история» Иоанна Эфес-

---

[1] *Браунд Д.* Адриан и Котис II: возможное прочтение фрагмента Флегона о Херсонесе // ДБ. 6. 2003. С. 54.

[2] *Латышев В.В.* Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты / ИРАН. Историко-филологическое отделение. Записки. Т. 8. № 3. 1906. 88 с.

[3] *Лавров П.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. II. М., 1911.

[4] *Виноградов А.Ю.* «Миновала уже зима языческого безумия…» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010; Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического / Нартекс. Т. 1 / Ю.М. Могаричев и др. Харьков, 2012. 412 с.

[5] *Латышев В.В.* Заметки к агиологическим текстам. СПб., 1909. С. 8–24.

[6] *Сиротенко В.Т.* Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. С. 99.

[7] *Серафимов С.* Херсонские святители // ЗООИД. 7. 1868. С. 120–132; также см. *Золотарев М., Хапаев В.* Херсонесские святыни. Севастополь, 2002. В целом житиям посвящена обширная литература.

[8] *Charles R.H.* The Chronicle of John, Bishop of Nikiu: Transl. from Zotenberg's Ethiopic Text. London, 1916.

[9] *Datema C.* Asyrtius of Amasea. Homilies I–XII. Leiden, 1970.

ского (VI в.), частично сохранившаяся в тексте Псевдо-Дионисия Тельмахрского, повествует о мятеже гуннов против вождя Грода в 534 г. (§§ 53, 54) [1].

О гуннах в Северном Причерноморье пишет и Захария Ритор в своей «Хронике» (VI в.) [2], сохранившейся на сирийском языке. Сообщает он также и о ссылке Тимофея Элура. Херсонеситы (по Захарии), узнав о причине ссылки Элура, выразили свое восхищение им, стали его последователями и подчинились ему. В Херсонесе Тимофей писал послания и сочинения, направленные против соборных определений. Связям с соратниками он был обязан оживленным торговым связям Херсонеса.

Фавстос Бюзанд в 70-е гг. V в. написал «Историю Армении» [3], охватывающую события 332–387 гг. В III, 6 7 говорится о мазкутах (массагетах), т. е. аланах Северного Кавказа.

Завершить обзор письменных источников необходимо «Аланским посланием» епископа Феодора (1-я пол. XIII в.), изданном Ю.А. Кулаковским [4]. Документ является последним по времени свидетельством существования на Боспоре прежнего греческого населения.

В заключение следует отметить неполноту, фрагментарность письменных источников, избирательный характер сообщаемых ими сведений. Реконструировать только по ним сколько-нибудь цельную картину истории позднеантичной Таврики и окружающих земель весьма затруднительно. Поэтому в этой ситуации значительно возрастает роль археологических источников. Тем не менее приведенный здесь нами перечень мест, упоминающих в традиции о Северном Понте позднеантичного времени, важен и необходим; ранее такого списка в литературе сделано не было.

Эпиграфика. Исторически сложилось так, что греческие надписи, происходившие из трех основных регионов античного Северного Понта, издавались по отдельности. Инициатива по изданию всех известных надписей в России принадлежала Ф.Ф. Соколову. По его предложению в 1882 г. Русское археологическое общество поручило сбор и публикацию надписей В.В. Латышеву. В 1885 г. вышел первый том «Древних надписей северного побережья Понта Эвксинского» [5] (IOSPE). В него вошло 254 надписей из Тиры, Ольвии, Херсонеса Таврического и окрестных мест. В 1890 г. был опубликован II том IOSPE с надписями Боспорского царства (всего 470 номеров). В 1901 г. вышел дополнительный IV том, также подготовленный Латышевым. Том III с надписями на утвари, в первую очередь на сосудах и других керамических изделиях, порученный Е.М. Придику, в свет не вышел. Первый том с большими дополнениями был переиздан в 1916 г. (всего 751 надпись).

---

[1] The Third Part of the Ecclesiastical History / Ed. W. Cureton. Oxf., 1853; *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография. СПб., 2000. С. 292–293.

[2] Там же. С. 288–292; The Syriac Chronicle Known as that of Zachariach of Mitylene / Ed. F.J. Hamilton, E.W. Brooks. L.: Methuen and C°, 1899.

[3] Фавстос Бюзанд. История Армении. Ереван, 1953.

[4] Епископа Феодора Аланское послание // ЗООИД. XXI. 1898. С. 11–27.

[5] *Latyschev B.* IOSPE. I. Petropoli, 1885.

Переиздание второго тома затянулось на полвека. В результате в 1965 г. вышел самостоятельный «Корпус боспорских надписей» (КБН), включающий 1 316 номеров. Лишь в 2004 г. вышел КБН-альбом [1].

Позднеантичные и средневековые надписи были отдельно изданы еще В.В. Латышевым в 1896 г. [2] (СГНХВ). Идею создания «Корпуса византийских надписей» в СССР вновь выдвинул в 1987 г. В.П. Яйленко.

В 1995 г., в определенной степени реализуя эту идею, был опубликован «Корпус христианских надписей Боспора» (КХНБ), подготовленный П.Д. Диатроптовым и И.А. Емецом.

Отдельные надписи, в т. ч. позднеантичного времени, в конце XIX – первой половине XX вв. публиковали В.В. Шкорпил, В.В. Латышев, Ю.Ю. Марти. В 1909 г. В.В. Латышев выделил 5 надписей IV–VI вв. [3] Вместе с тем Латышев отмечал, что форма букв надписей позднеантичного – ранневизантийского времени не может служить столь же надежным хронологическим указателем, как во времена до н. э., если надпись не датирована.

В послевоенный период отдельные подборки надписей по Боспору публиковали ведущие археологи и историки: А.И. Болтунова, С.Ю. Сапрыкин, А.А. Масленников, Д.Б. Шелов, Е.А. Молев и др. Надписи V в. с Боспора систематизировал в 1998 г. Ю.Г. Виноградов.

Также отметим, что на городище Белинское в Крымском Приазовье открыто за последние годы XX века 8 граффити и 42 дипинти. Все они происходят из позднеантичных слоев [4]. Аналогичные находки в целом по Боспору были недавно опубликованы [5].

По Херсонесу целый ряд публикаций надписей после IOSPE осуществили Э.И. Соломоник (НЭПХ. 1964; НЭПХ. 1973 и др.), С.А. Беляев и др. Важна новая публикация А.Ю. Виноградова [6].

Надписи Ольвии 1917–1965 гг. изданы в одноименном своде в 1968 г.

Латинские надписи Северного Понта начал издавать М.И. Ростовцев. Новые надписи вошли в своды Э.И. Соломоник, публикуются в ВДИ и других специальных изданиях. Еврейские надписи из Крыма были собраны в 1884 г. Д.А. Хвольсоном в «Корпусе еврейских надписей».

Некоторые поздние надписи Боспора анализировал В.П. Яйленко [7].

Важнейшим событием последних лет стало издание на интернет-платформе новой редакции IOSPE («3-е издание»), в котором V том, подго-

---

[1] Корпус боспорских надписей. Альбом. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004.

[2] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.

[3] *Латышев В.В.* ΠΟΝΤΙΚΑ. СПб., 1909. С. 206.

[4] *Емец И.А., Зубарев В.Г.* Граффити и дипинти с городища у села «Белинское» // ДБ. 3. 2000. С. 27–37.

[5] *Емец И.А.* Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М., 2012.

[6] *Виноградов А.Ю.* «Миновала уже зима языческого безумия…» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010. С. 89–152.

[7] *Яйленко В.П.* История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 876–905 и др.

товленный А.Ю. Виноградовым, является, по сути, реализацией давней идеи собрания христианских (византийских) надписей региона [1].

Историография.

Боспор. Специальных историографических очерков, посвященных истории изучения позднего Боспора, на сегодняшний день имеется немного. Это первая глава оставшейся неопубликованной кандидатской диссертации Э.Я. Николаевой (1984) [2], а также I глава неопубликованной докторской диссертации А.В. Сазанова (1999) [3].

Научные исследования по истории позднего Боспора появились достаточно поздно по причине отсутствия полных и надежных источников. По определению характера позднего периода истории Боспора в отечественной науке существовало два основных мнения. Одно из них можно назвать идеей континуитета, т. е. продолжения существования и преемственности форм материальной и духовной культуры. Второе исходило из признания факта уничтожения Боспора как отдельного самостоятельного государства и очага цивилизации в результате гуннского нашествия в конце IV века.

В истории изучения позднего Боспора подготовительным этапом, необходимым для накопления материала и первых исторических выводов, стали раскопки и публикация археологического материала в конце XIX – начале XX вв. Наиболее плодотворной в этом направлении была деятельность В.В. Шкорпила [4], руководившего раскопками в Керчи; профессора Киевского университета св. Владимира Ю.А. Кулаковского [5]; крупнейшего русского эпиграфиста В.В. Латышева [6] (дававшего также и историческую интерпретацию); историка искусства Н.П. Кондакова [7]; археологов

---

[1] Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE³). Vol. 5. Византийские надписи. 2015 / https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html.

[2] *Николаева Э.Я.* Боспор после гуннского нашествия. Автореф. канд. дисс. М., 1984.

[3] *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Автореф. докт. дисс. М., 1999.

[4] *Шкорпил В.В.* Вновь найденная христианская катакомба // ЗООИД. XVIII. 1895. С. 185–198; *его же:* Три христианские надписи, найденные в 1913 г. СПб., 1914; *его же*: Камни с греческими надписями, поступившие в Мелек-Чесменский музей в 1896 г. // ЗООИД. XXI. 1898. С. 185–191; *его же:* Боспорские надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1897 г. // ЗООИД. XXI. 1898. С. 192–210; *его же:* Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИАК. № 17. СПб., 1905. С. 1–76; *его же:* Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. // ИАК. № 25. СПб., 1907. С. 1–44; *его же:* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г. // ИАК. № 30. СПб., 1909. С. 1–61; *его же*: Боспорские надписи, найденные в 1908 г. // ИАК. № 33. СПб., 1909. С. 23–32; *его же*: Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. // ИАК. № 47. СПб., 1913. С. 1–42; *его же*: Боспорские надписи, найденные в 1913 г. СПб., 1914.

[5] *Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. № 6. СПб., 1891. С. 1–30; *его же:* К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове. СПб., 1895; *его же:* Две керченские катакомбы с фресками // МАР. № 19. СПб., 1896.

[6] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896; *его же*: Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1901–1903 гг. // ИАК. № 10. СПб., 1904. С. 91–131; *его же:* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1904 г. // ИАК. № 14. СПб., 1905. С. 1–137.

[7] *Кондаков Н.П.* Древнехристианская патера из Керченских катакомб // ЗООИД. XI. 1879. С. 67–73.

А.А. Спицына [1] и Ю.Ю. Марти [2]. Имевшиеся к тому времени позднебоспорские монеты были собраны в каталоге П.О. Бурачкова [3]. Каждый из этих авторов высказывал в печати собственные представления об исторических судьбах Боспора в рассматриваемое время.

Первая попытка общеисторической интерпретации финала боспорской истории принадлежит перу Ю.А. Кулаковского. В 1906 г. он выступил с книгой «Прошлое Тавриды» [4], которая, несмотря на общий популярный характер, содержит важные выводы. Кулаковский дает общий исторический очерк состояния дел в Таврике на протяжении III–VI вв. В отличие от позднейших представлений, профессор из Киева отмечает факт заметного готского присутствия в некрополе Пантикапея [5]. Известное погребение с вотивными блюдами с изображением императора Констанция названо автором готским. Прекращение династии Тибериев-Юлиев связывается с приходом готов на Боспор [6]. По гуннской проблеме автор высказал мнение о том, что гунны быстро и беспрепятственно прошли через Боспорский пролив на запад в конце IV в., а в Таврике утвердились лишь после смерти Аттилы и распада его державы. Гунны, как и другие варвары, по мнению профессора, не вселялись в Пантикапей и другие города, и поэтому «не вызвали каких-либо изменений в культурном облике его обитателей» [7]. «Центры древней культуры на обоих берегах пролива, Фанагория и Боспор, уцелели в эту грозную годину и сохранили за своими стенами свое население» [8].

Таким образом, Кулаковский впервые в отечественной науке выдвинул идею *континуитета материальной культуры*, но не *государственности* позднего Боспора, о которой он не высказывался конкретно. Политический статус последнего определяется им так: «Боспор в течение V в. стоял, повидимому, вне зависимости от империи. Но за своими стенами он хранил старое население, сохранившее свой греческий язык, свою церковную связь с Византией, свои обычаи и традиции» [9]. В течение V в. кочевавшие в непосредственном соседстве с Боспором гунны, видимо, держали город Боспор в зависимости. Царская власть считается Кулаковским восстановленной в начале VI в., судя по надписи Дуптуна, отнесенной им к 521 г. Далее подроб-

---

[1] *Спицын А.А.* Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 года // ИАК. № 17. СПб., 1905. С. 115–126; *его же:* Могильник V в. в Черноморье // ИАК. № 23. СПб., 1907. С. 103–107.

[2] *Марти Ю.Ю.* Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926; *его же:* Городища Боспорского царства к югу от Керчи: Киммерик, Китей, Акра // ИТОИАЭ. Т. 2. Симферополь, 1928. С. 103–126; *его же:* Раскопки городища Китэя в 1928 г. Симферополь, 1929; *его же:* Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГАИМК. № 104: Из истории Боспора. М.-Л., 1934. С. 57–89.

[3] *Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям на северном берегу Черного моря. Од., 1884.

[4] *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. К., 1906; 2-е изд.: К., 1914; переизд.: К., 2002.

[5] Там же. 2-е изд. С. 52.

[6] Там же. С. 53.

[7] Там же. С. 57.

[8] Там же. С. 55.

[9] Там же. С. 57. Ради объективности надо указать и на иное предположение Кулаковского: отсутствие монет Боспора с середины IV в. «заставляет предполагать, что царство постигла какая-то катастрофа, и оно прекратило свое существование».

но излагается история византийской аннексии Боспора и его история до конца VI в. Таким образом, наши современные представления об истории Боспора позднеантичного времени в значительной мере близки концепции Кулаковского.

Среди прочих публикаций Ю.А. Кулаковского выделяется «Керченская христианская катакомба 491 г.» Описанное в статье сооружение является базовым памятником позднебоспорской археологии и истории. Это – один из важнейших датированных объектов материальной культуры. Кулаковский делает вывод о «непрерывном существовании местного оседлого населения на Боспоре вплоть до конца V в.» (с. 23). «Если на Боспоре сидит в ту пору исконное население с издавна принятым греческим языком, хранящее предание похоронных обрядов старого времени, удержавшее и сам шрифт своего письма, то отсюда с полной уверенностью можно сделать заключение, что Пантикапей... не подвергся разгрому от гуннов. ...Мы можем отрицать вывод о разгроме хотя бы на основании одной нашей катакомбы» (с. 24). Правда, возможность «разгрома царства» Кулаковский в данной статье не отрицает.

Автор – один из немногих, кто высказался о *политическом континуитете* на Боспоре. Говоря о надписи царя Дуптуна, автор отмечает: «Надпись свидетельствует, что на Боспоре был восстановлен старый порядок и строй государства, которое стало к тому времени христианским и вновь находилось в традиционных вассальных отношениях к империи» (с. 26). Итак, вклад Ю.А. Кулаковского в разработку концепции истории позднеантичного Боспора велик и имеет непреходящее значение. В теоретическом плане все историки последующего времени так или иначе обращались к его выводам, которые являются, по сути, первой постановкой проблемы континуитета, правда, только в области материальной культуры.

Очень важными для изучения истории позднего Боспора стали работы крупнейшего российского антиковеда М.И. Ростовцева [1]. Для вопроса о состоянии и эволюции боспорской государственности принципиальное значение имела книга о монархической власти на Боспоре. Итогом северопонтийских штудий академика к 20-м годам стала фундаментальная работа «Скифия и Боспор». Для Пантикапея период от III в. и далее назван периодом поздней империи и готов. Обзор материала дается на с. 236–249; это – исключительно материальная культура по данным погребений некрополя. В недавно опубликованных главах из 2-го тома дается исчерпывающая характеристика политического строя Боспора по состоянию на конец III в. Среди глав 2-го тома

[1] Полный список его работ, относящихся к истории Северного Причерноморья см.: *Зуев В.Ю.* Тематическая библиография работ академика М.И. Ростовцева, связанных с изучением юга России // ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М.И. Ростовцева (ПАВ. № 5). СПб., 1993. С. 9–11. Общий список работ см.: *Зуев В.Ю.* Материалы к биобиблиографии М.И. Ростовцева // Скифский роман. М., 1997. С. 200 230. Из основных работ, имеющих отношение к нашей теме, выделим: *Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. № 49. СПб., 1913. С. 1–62, 133–140; *его же:* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914; *его же:* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918; *его же:* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925; *его же:* Скифия и Боспор. Главы из 2-го тома // ВДИ. 1989. № 2. 1990. № 1.

основной является гл. VI – «Государство и культура Боспорского царства», а в ней – § 2: «Государство и социальный строй эпохи римского протектората». Общий очерк подводит нас вплотную к рубежу позднеантичной эпохи. Избранные автором хронологические рамки истории Боспора позволяют предполагать, что концом его античной истории ученый считал гуннское нашествие конца IV в. Таким образом, политический континуитет Ростовцевым не признавался. Еще один его фундаментальный труд – «Античная декоративная живопись на юге России» – стал важной основой для анализа проблем культурно-идеологического континуитета.

В начале 20-х гг. появилось серьезное исследование известного русского византиниста, профессора университета в Дерпте (Тарту) (впоследствии – одного из основателей византиноведения в США) А.А. Васильева о готах в Крыму [1]. Впервые в отечественной литературе был дан подробный обзор источников по данной проблеме и определил для готов место в истории Северного Причерноморья. Васильев считает, что готы сыграли важнейшую роль в истории Таврики. Время так называемых «готских походов» III в. оценивается им так: «Готы привели в зависимость большую часть Боспорского царства и овладели флотом этого важного в торговом отношении государства» [2]. Только у Васильева встречается гипотеза о том, что после 362 г. «Боспор перешел в руки готов» [3]. «Это было естественно, так как и восточная равнинная часть полуострова уже находилась в их руках, и утверждение их на берегу Боспора Киммерийского являлось лишь завершением готского движения на полуострове к востоку». Аргументом в пользу данной гипотезы приводится письмо XIV Иоанна Златоуста к Олимпиаде.

Васильеву принадлежит важное обоснование идеи о том, что основная часть гуннского нашествия в конце IV в. миновала Боспор. Другая же, «несравненно меньшая», перешла через Боспорский пролив и, оттеснив в горы готов, прошла в южнорусские степи, где и соединилась с основной ордой [4]. Историк отмечает, что данные письменных источников о гуннском нашествии противоречивы («легенда о лани и корове»). Вывод: готы сохранили свою власть на полуострове и после гуннского нашествия [5]. Помимо прочего, Васильев считает, что Готская епархия находилась на рубеже V в. на Боспоре [6]. Возвращение утигуров во второй половине V в. привело, по мнению Васильева, к установлению гуннского преобладания в Таврике и расчленению готского массива на две части – крымскую и таманскую. С начала VI в., как считает историк, Боспор попадает в руки гуннов, что вызывает реакцию Византии (на основе Proc. Caes. B.P. II. 3). «Восстановление власти боспорского царя» Васильев отнес ко времени установления визан-

[1] *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. I // ИРАИМК. Т. 1. М., 1921. С. 263–344; Ч. II // ИГАИМК. Т. 5. Л., 1927. С. 179–282. Дополненный англоязычный вариант: *Vasiliev A.A.* The Gothes in Crimea. Cambr. Mass., 1936.

[2] Там же. С. 265.

[3] Это было названо «падением Боспорского царства». Там же. С. 289.

[4] Там же. С. 290.

[5] Там же. С. 297.

[6] Там же. С. 304.

тийской власти, основываясь на надписи Дуптуна, в соответствии с ее датировкой 533 г. по В.В. Латышеву [1]. История Боспора в его взаимоотношениях с Византией доведена Васильевым до конца VI в. на основании материалов эпиграфики.

Таким образом, историк считал, что история Боспора IV–VI вв. определялась, прежде всего, не внутренними, а внешними силами. Отказ от анализа основных факторов внутренней истории Боспора данного времени (что, собственно, и не входило в задачу автора) несколько снижает ценность этой работы. В целом Васильев фактически отказывает Боспору IV–VI вв. в самостоятельном независимом существовании и считает, что его жизнь во всех сферах в то время определяли готы.

В 20-е годы объем археологических (и кабинетных) исследований классических древностей юга России значительно сокращается. На Боспоре главными продолжателями прежних традиций стали Ю.Ю. Марти и Л.А. Мацулевич. Первый из них продолжал раскопки на юго-востоке Керченского п-ова. Наиболее известны его раскопки в Китее [2]. Искусствовед Л.А. Мацулевич в книге «Серебряная чаша из Керчи» [3] проанализировал впервые опубликованный в 1891 г. памятник из позднего керченского некрополя – серебряное вотивное блюдо императора Констанция II. Публикация материалов погребения гуннского рикса на р. Судже (Курская обл.) позволила приоткрыть завесу над политической структурой гуннского союза в начале V в. [4] Из его поздних работ выделяется статья о войсковом знаке V в. из Керчи [5].

С 30-х гг. начинается новый этап в изучении Северного Причерноморья. Была создана Боспорская археологическая экспедиция, развернувшая широкие полевые исследования боспорских городов. Среди публикаций археологического материала 30-х – 50-х гг. необходимо назвать начавшееся издание МИА и КСИИМК-КСИА. В целом для периода 30-х – 70-х гг. характерна концентрация внимания на отдельных частных проблемах истории Боспора. Развернутого исторического обоснования той или иной концепции на новом уровне сделано не было. Однако принятая в то время официальная советская концепция исходила из факта гуннского разгрома Боспора как основного очага античной цивилизации в Северном Причерноморье в конце IV в. Принять данное событие за конец эпохи рабовладельческого строя в регионе было очень удобно. Дело даже дошло до признания «прогрессивности» гуннского разгрома (А.Н. Бернштам). Уцелевшие малые города Боспора и Херсонес считались лишь жалкими остатками прежней эпохи и периферией Византии. Все исследователи волей-неволей должны были догматично привязываться к данной концепции. Самое большее, на что можно было пойти в

[1] Там же. Ч. 2. С. 180.

[2] *Марти Ю.Ю.* Раскопки городища Китэя в 1928 г. Симферополь, 1929.

[3] *Мацулевич Л.А.* Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926.

[4] *Мацулевич Л.А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе // ИИГАИМК. № 112. М.-Л., 1934.

[5] *Мацулевич Л.А.* Войсковой знак V в. // ВВ. 16. 1959. С. 183–205.

тех условиях, – указать на *ограниченный континуитет материальной культуры* в условиях резкой грани между «формациями».

Крупнейший исследователь Боспора и античного мира в целом В.Д. Блаватский неоднократно касался проблем истории региона III–V вв. в своих археологических отчетах, статьях, разделах монографий. В обобщающей монографии «Пантикапей» им был рассмотрен поздний период в истории боспорской столицы (гл. VII). Автор освещает политическую систему Боспора III в., его государственный аппарат, систему власти. Опираясь на археологические и эпиграфические свидетельства, В.Д. Блаватский последовательно показывает процесс постепенного угасания Боспора. Факт гуннского разрушения не отрицается [1], но вместе с тем утверждается, что «после гуннов город не прекратил существования. Маленький городок на морском берегу был во много раз меньше прежней боспорской столицы» [2]. Некрополь на г. Митридат послужил для В.Д. Блаватского основанием для продления истории города на V–VIII вв. [3] Ряд фактов позволил автору заключить, что и «через столетие после нашествия гуннов жители Пантикапея стремились хранить прежние боспорские традиции» [4]. В политическом отношении признается факт зависимости Боспора от гуннов, но недостаток источников мешает твердости выводов; предполагаются периоды «перерывов» гуннской власти. Факт готской власти автором отрицается.

Важнейшей для нас работой является первый в мировой историографии специальный очерк истории позднего Боспора, принадлежащий перу В.Д. Блаватского. В 1973 г. в ИА АН им был прочитан доклад «Боспор в позднеантичное время», опубликованный в 1985 г. [5] В самом начале статьи автор четко устанавливает хронологические границы позднеантичного периода: 275–565 гг. После предварительного очерка состояния Боспора к середине III в. идет рассказ о временах «готской смуты» (с. 245) и ее последствиях. Отмечается исчезновение полисных институтов к концу III в. (с. 247), что меняет характер боспорского общества, придавая ему специфический позднеантичный характер. Рассказ о событиях IV в. дается исключительно на основании письменных источников и эпиграфики. В рассказе о гуннском нашествии (с. 251–254) автор подробно и в сравнениях разбирает данные письменной традиции. Гуннское нашествие на Боспор названо «самой сокрушительной из волн завоевателей» (с. 251). В.Д. Блаватский признаёт, что всех авторов, писавших о гуннском нашествии, очень «мало интересовали события, происходившие на Боспоре» (с. 253). Раскопки же «установили грандиозные разрушения, причиненные нашествием гуннов» (там же) на Таманском полуострове, включая Кепы и Фанагорию, а также в Пантикапее, Китее, Тиритаке. Вместе с тем признается, что целый ряд городов, сильно сократив-

[1] *Блаватский В.Д.* Пантикапей. М., 1964. С. 214.

[2] Там же. С. 222.

[3] Там же. С. 224.

[4] Там же.

[5] *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время // *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 242–260.

шихся в размерах, уцелел. Более того, города «стали играть относительно большую роль, чем прежде» из-за разрушения хоры (с. 254).

Основной вывод по проблеме гуннского погрома: «Боспорское государство, *пережив* (выделено нами – *Н.Б.*) страшное опустошение, было вынуждено влачить жалкое существование, находясь... в зависимости от гуннов». Однако это «не исключало возможность существования местных боспорских правителей» (с. 254). В начале V в., по мнению автора, Боспорское государство несколько укрепилось вследствие ослабления гуннского гнета. И во второй половине V в. «Боспорское государство, вопреки всем злоключениям, видимо, продолжало существовать, временами находясь в той или иной степени зависимости от гуннов» (с. 255).

Далее Блаватский отмечает устойчивое сохранение прежних традиций в области погребальной архитектуры, «стойкое сохранение населением Боспора греческого языка» (с. 256).

Очень важное значение имеет итоговая фраза автора: на вхождении Боспора в состав Византии «завершается более чем тысячелетняя история Боспорского государства» (с. 256). Таким образом, В.Д. Блаватский признавал, с одной стороны, факт гуннского разгрома, а с другой стороны – сдержанно указывал на продолжение жизни государства. Время после гуннов он именует раннесредневековым, что соответствовало официальным канонам и создавало ощущение резкой разницы между древностью и средневековьем в регионе.

В.Ф. Гайдукевич выступил в конце 40-х гг. с единственным до сих пор общим трудом по истории Боспора – «Боспорское царство» [1]. Самостоятельный позднеантичный период здесь автор не выделяет. Гуннское нашествие, в соответствии с официальной концепцией, считается концом истории античного Боспора (с. 480). В гл. 12 рассказывается, среди прочего, о надписи 306 г. (с. 457) и о малоазийских пленниках-христианах III в. на Боспоре (с. 466). В немецком издании 1971 г. [2] редакторы скорректировали многие места из последней части этой книги, введя главу «Боспор после гуннского нашествия». На основе статей самого Гайдукевича было показано продолжение жизни на ряде памятников Боспора на протяжении V–VI вв. В частности, в указанной главе отмечается, что в конце IV–V вв. Боспор был центром индустрии ювелирной полихромной инкрустации. В начале и середине V века «опять слышно о главных боспорских магистратах». С середины V в. Боспор и кочевники крымских степей «перешли в гуннское подданство». Под византийским протекторатом Боспор оказался, по мнению автора, в 523 г.

Базовым памятником для хронологии Боспора стали слои Тиритаки, раскопанной автором. Правда, как выяснится впоследствии, археологу пришлось искусственно удревнить материал в угрозу официальной концепции. Особое значение в решении данной проблемы имела статья «Памятники ран-

[1] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949.

[2] *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanishe Reich. B.-Amsterdam, 1971.

него средневековья в Тиритаке» [1], где публикуется послегуннский материал, но период здесь назван раннесредневековым. Большая часть статьи посвящена описанию базилики, открытой в Тиритаке в 1936 г., которая датируется концом V – началом VI в. На с. 200 говорится, что «Пантикапей не прекратил своего существования, жизнь в нем продолжалась и после IV в.». В данном случае В.Ф. Гайдукевич апеллирует к мнению Ю.А. Кулаковского, но при этом осуждает «другую крайность, что город совершенно не пострадал и не подвергался разрушению в IV–V вв.»

Далее следуют основные исторические выводы: «Пантикапей, безусловно, подвергся сильному разрушению, но не был уничтожен полностью. Его старое греко-варварское население в какой-то степени сохранилось и продолжало жить. В существовании этого торгового и промышленного центра, несомненно, были заинтересованы новые хозяева крымских степей. На протяжении V в. ими являлись гуннские кочевые племена, занимавшие степной Крым, равно как и восточный берег Азовского моря. Предполагается, что Боспор платил гуннам дань, но во внутреннем управлении Боспор пользовался известной самостоятельностью». Затем автор пишет о возрастании интереса к Боспору со стороны Византии в начале VI в. Фраза в эпизоде о восстании Грода о том, что гунны «восстали и *захватили* (выделено нами – *Н.Б.*) Боспор», выдаёт то обстоятельство, что Боспор (по мнению Гайдукевича) не находился в то время под прямой властью кочевников. Таким образом, В.Ф. Гайдукевич уверенно показывает гуннский погром как рубеж эпох, но также отмечает, что V век был продолжением развития прежних процессов, хотя и называет этот период раннесредневековым.

Один из основных аспектов истории позднего Боспора (традиционно определяемого в рамках III–IV вв.) – его экономика – стал предметом специального рассмотрения И.Т. Кругликовой. После ряда статей она опубликовала монографию «Боспор в позднеантичное время» [2], где был дан систематический очерк экономического состояния основных городских центров и сельских поселений, хозяйственной жизни и торговли Боспора III–IV вв. (гл. V–VII). В соответствии с общепринятой тогда концепцией, нашествие гуннов было принято автором за окончание истории античного Боспора, хотя прямо она об этом и не упоминает. И.Т. Кругликова – один из немногих авторов, кто обратился к проблеме определения даты начала позднеантичного периода на Боспоре. Она отмечает, что «к середине III в. в экономике, характере культуры, этническом и социальном составе населения Боспорского царства изменения проявляются уже во всех областях экономической и культурной жизни» [3].

Очень важно отметить заключительные мысли автора: «После гуннов продолжают существовать многие города и поселения, сохраняются некоторые старые традиции. Христианство... стало в V в. господствующей религией.

---

[1] *Гайдукевич В.Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. VI. М.-Л., 1940. С. 191–204.

[2] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966.

[3] Там же. С. 6.

Боспорская аристократия, связанная с аланскими и готскими племенами [1], сохраняет свои позиции, о чем свидетельствует длительное использование родовых склепов, открытых на Госпитальной улице в Керчи» [2]. Относительно Пантикапея отмечается факт наличия серии склепов IV–VI вв., но при этом утверждается, что «…в IV в. город в значительной степени утратил свой античный облик. ...С конца IV в. жизнь на акрополе замирает. В V–VI вв. опустели и склоны г. Митридат. Жизнь продолжалась лишь в прибрежной части» [3]. Эти выводы были впоследствии многократно повторены в научной литературе.

Для Фанагории отмечается, что «уже в конце IV в. город начинает вновь застраиваться. ...В слоях V в. открыты монументальные остатки зданий, построенных в традициях античной архитектуры» [4]. Автор также упоминает, что к V в. относится импорт на Боспор стеклянных сосудов из Сирии и Александрии [5]. На с. 164 говорится, что мечи и кинжалы с богатой инкрустацией «особенно в IV–V вв. свидетельствуют о том, что оружие в это время стало частью нарядного одеяния богатых боспорян». Таким образом, автором книги постулируется определенный континуитет в области материальной культуры позднего Боспора. Вместе с тем по поводу состояния государства дано лишь одно частное указание: «Возникшее на развалинах Боспорского царства государство носило уже иной характер, приближаясь, вероятно, к варварским государствам раннего средневековья» [6]. Следовательно, хотя и не аргументируя, автор допускает возможность континуитета для политической сферы, правда, характер государства понимается уже иначе, не как античный. Крайне важно также замечание И.Т. Кругликовой о том, что новое заселение сельской округи европейского Боспора началось «уже после V–VI вв.», когда на этой территории появляется целая серия неукрепленных поселений» [7]. Итак, создается впечатление, что И.Т. Кругликова как бы по инерции отдает дань «догме» о гуннском нашествии как гибели позднего Боспора, априори исходя из данного хронологического рубежа. Вместе с тем неоднократно речь идет о продолжении существования как самого Боспора, так и отдельных видов его материальной культуры. Политические же структуры описываются для III–IV вв., кроме всего прочего, еще и потому, что для более позднего времени материала тогда почти не было.

Важный вклад в изучение истории позднего Боспора внесла Г.А. Цветаева. В 1951 г. она опубликовала статью о грунтовом некрополе Пантикапея [8], что было первой попыткой общего описания большого количества разрозненных археологических материалов, добытых в основном в начале XX в.

---

[1] На с. 21 этого же издания боспорская аристократия определяется как сарматская, причем с ней «объединяются готские и аланские вожди».

[2] Там же. С. 221.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 207.

[6] Там же. С. 24.

[7] Там же. С. 89.

[8] *Цветаева Г.А.* Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. 19. 1951. С. 63–86.

Хотя автор и отмечала, что «всякая попытка составления топографической карты пантикапейского некрополя не может претендовать на абсолютную точность» [1], но на с. 77 и 78 даются карты некрополя IV и V–VI вв. на акрополе и на Глинище. Отмечается сокращение некрополя в IV в. по сравнению с III в. Дается краткий систематический очерк состояния некрополя V–VI вв. [2]. Ныне основные выводы автора нуждаются в пересмотре.

Второй важной проблемой, разрабатывавшейся Г.А. Цветаевой, была проблема боспорско-римских взаимоотношений [3]. Хронологические рамки темы охватывают все первые века н. э., включая IV в. Отмечается, что в целом Боспор остался единственным самостоятельным (хотя и клиентским) государством, формально зависимым от империи. Еще в IV в. число римских имен на Боспоре составляет 11 % [4], что свидетельствует об устойчивом сохранении традиций. За рамки IV в. исследование Г.А. Цветаевой не выходит.

Среди прочих археологов, исследовавших в том числе и поздний Боспор, выделяются М.М. Кобылина и Н.И. Сокольский. Имя М.М. Кобылиной прочно связано с руководимыми ею на протяжении многих лет раскопками Фанагории. Результаты ее работ опубликованы в обобщающей работе 1956 г. [5] и ряде статей. События IV в. описываются как продолжение предшествующих, а Фанагория «оставалась еще большим городом» даже по сравнению с Пантикапеем [6]. «В конце IV в. город был сильно разрушен», вероятно, при нашествии гуннов. Пострадал юго-восток города, юг, но жизнь в городе возродилась. Автор отмечал, что «в центральной части... обнаружены значительные остатки архитектурных сооружений V в. – фундаменты зданий, колонные вымостки, колодцы» [7].

В 1978 г. вышла важная статья о разрушениях гуннов в Фанагории [8], которая конкретизировала разработку проблемы, поставленной более 20 лет назад. Описаны результаты многолетних раскопок в различных частях городища, в основном на разрушенных юго-западе и юго-востоке.

Возродившийся город не называется нигде ни «античным», ни «ранневизантийским», ни «средневековым», что дает некоторое основание считать М.М. Кобылину сторонницей идеи континуитета материальной культуры Боспора. Однако, отдавая дань официальной концепции, она для юго-восточной части городища указывает на «средневековые могилы», перекрывшие слой разрушений, причем самая ранняя датируется по глиняному сосудику V веком [9]. Следовательно, по косвенному указанию мы видим, что послегуннский материал назван автором средневековым.

---

[1] Там же. С. 66.

[2] Там же. С. 84.

[3] *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1979.

[4] Там же. С. 113–114.

[5] *Кобылина М.М.* Фанагория // Фанагория. МИА. 57. М., 1956. С. 5–101.

[6] Там же. С. 93.

[7] Там же. С. 101.

[8] *Кобылина М.М.* Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 30–35.

[9] *Кобылина М.М.* Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории // КСИА. 124. М., 1970. С. 69; *ее же*: Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. 109. М., 1967. С. 127.

Н.И. Сокольский руководил раскопками боспорского города Кепы. Однозначный вывод исследователя гласил, что «Кепы погибли во второй половине IV в., видимо, в результате гуннского нашествия» [1]. Катастрофа в Кепах рассматривается как синхронная для всего Таманского полуострова [2]. Намеченная схема событий, связанных с гуннским нашествием, указывает его предполагаемые направления. Разгром Боспора определяется как тотальный, за небольшими исключениями. Признаётся, что в Пантикапее, Фанагории, Гермонассе и Патрэе «слабая жизнь продолжалась» (с. 256). Удар гуннов был, по мнению автора, «небывалым по силе» и застал Боспор не на стадии упадка (по Гайдукевичу, с. 483 «Боспорского царства»), а на более благополучной стадии развития (с. 259). Итак, Н.И. Сокольского следует признать одним из самых убежденных приверженцев идеи гуннского разгрома Боспора, на что в значительной мере повлияли его раскопки в Кепах.

Главным вкладом Д.Б. Шелова в изучение Боспора стали раскопки Танаиса. Продолжая работу Т.Н. Книпович [3], Д.Б. Шелов опубликовал две книги, а также ряд статей [4], которые суммарно освещают всю историю Танаиса и окружавших его земель [5]. Во второй книге затрагиваются проблемы истории Танаиса позднеантичного времени, особенно глава 8, посвященная Танаису конца IV–V вв. Давая обзор материальной культуры, Д.Б. Шелов подчеркивает роль черняховских племен в возрождении города в конце IV в. (с. 329), но вместе с тем указывает и на важную роль античных традиций. Основной вывод автора: «Позднеантичные традиции продолжали жить» (с. 330). Для Д.Б. Шелова не важно, как назвать период IV–V вв. для Танаиса; термин «раннесредневековый», однако, он не употребляет, предпочитая говорить о сильно варваризованном *античном* образе жизни. Сдержанные оценки Д.Б. Шелова вызывают доверие. Континуитет материальной культуры выражен им вполне четко. Из его работ остается неясным лишь вопрос, в каких политических отношениях к Боспору находится поздний Танаис.

Раскопки Горгиппии, проводившиеся под руководством Е.М. Алексеевой, были отражены в ряде публикаций автора. Итоговая обобщающая книга вышла в 1997 г. [6] После гибели города около 239–240 г. (с. 75) жизнь в нем возобновляется во 2-й пол. III в., но с явным огрублением материальной культуры. Позднеантичный материал редок; возродился не прежний цветущий город, а лишь его отдельные участки. Это – новое представление об истории города; ранее считалось, что он погиб полностью во 2-й четв. III в. Е.М. Алексеева также отмечает «возрождение интенсивной жизни в окрестностях Горгиппии и развитие этого региона» в IV в. (с. 76). Однако гуннское

---

[1] *Сокольский Н.И.* Кепы // Античный город. М., 1963. С. 114.

[2] *Сокольский Н.И.* Гунны на Боспоре (по археологическим источникам) // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Amsterdam, 1968. С. 253–254.

[3] *Книпович Т.Н.* Танаис. М.-Л., 1949.

[4] Важнейшая из них: *Шелов Д.Б.* Экономическая жизнь Танаиса // Античный город. М., 1973. С. 115–131.

[5] Для нас более важна вторая: *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972.

[6] *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997.

нашествие считается автором безусловным концом истории Боспора, судя по фразе: «Полное уничтожение боспорских городов гуннским нашествием в 70-е гг. IV в.» (с. 76).

Крупнейшим специалистом в области средневековой археологии Северного Причерноморья (и восточно-христианского мира вообще) был А.Л. Якобсон. Среди наиболее общих его работ выделяется книга об архитектуре Pax Byzantina [1]. Средневековой Таврике в целом посвящены монография «Средневековый Крым» [2] и более поздний ее популярный вариант [3]. Во всех трех книгах основное внимание уделено Херсонесу; Боспор представлен в гораздо меньшей степени. Исторический очерк о роли Византии в истории раннесредневековой Таврики [4] уделяет Боспору V–VI вв. больше внимания. Автор отмечает, что в указанное время «Боспор ...начал оживать и возрождаться. ...Это оживление было проявлением именно внутренних процессов в жизни края и определялось не Византией» (с. 149). Сам же столичный город «хирел и сокращался в размерах» (с. 151). «Искусство Боспора не имеет ничего общего с Византией и опирается на местные традиции» (с. 151). Принципиальное значение для истории материальной культуры позднеантичного времени имела книга А.Л. Якобсона о керамике средневековой Таврики [5]. Период V–VIII вв. Якобсон называет раннесредневековым.

В книге дается общая классификация амфорного материала для всей Таврики. «Раннесредневековые амфоры – еще античные по своему облику» (с. 9) – эта фраза показывает, что «раннее средневековье» для автора – понятие хронологическое, а «античный» – понятие типологическое. Вот еще ряд ключевых фраз: «Амфоры ... являются по существу раннесредневековым вариантом позднеантичных, притом еще мало отличающимся от своих предшественников» (с. 9); «Из поздней античности перешла в раннее средневековье» еще одна форма амфор (с. 11) и др. Итак, Якобсон показывает, что принципиальной разницы между поздней античностью и ранним средневековьем нет. Видимо, условной гранью для автора служит рубеж IV–V вв. Он неоднократно подчеркивает непосредственную преемственность одних форм от других, указывает на античный характер амфор V–VI вв.

Специально Восточному Крыму посвящена большая статья 1958 г. [6] А.Л. Якобсон говорит о том, что Пантикапей и окружавшие его поселения «в результате гуннского нашествия были разорены, а многие из них ...прекратили свое существование» (с. 459). Столица называется «единственно уцелевшим городом». До конца V или до начала VI в. гунны владели и г. Боспором. Вместе с тем утверждается, что Боспор в V–VI вв. «начал понемногу возрождаться», как и ряд окрестных поселений (Тиритака). Далее да-

---

[1] *Якобсон А.Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983.

[2] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. М., 1964.

[3] *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. М., 1973.

[4] *Якобсон А.Л.* Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. XXI. М., 1954. С. 148–163.

[5] *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

[6] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. № 85. М., 1958. С. 458–501.

ется краткая характеристика состояния Боспора в указанное время. Несколько противоречиво говорится, что Боспор утратил свою экономическую роль, но возрождение городов как торговых и ремесленных центров все же произошло, причем в этом были заинтересованы и сами гунны. Этнический и особенно культурный облик Боспора определяется как варварский (с. 460), в основе своей – сармато-аланский. Христианский характер материальная культура Боспора приобретает, по мнению Якобсона, не ранее V в. (с. 461).

Важное значение также имеет статья об античных традициях в культуре раннесредневековой Таврики [1], а также отчет о раскопках на Рыночной площади в Керчи в 1963 г. [2] С именем А.Л. Якобсона обычно связывают окончательное оформление концепции гибели античного Боспора в результате гуннского нашествия: «Гуннское нашествие 70-х годов IV в., после которого запустели наиболее населенные районы [Керченского] полуострова, обозначило грань в истории края; для экономически ослабленной Таврики началась новая полоса жизни» [3]. Тем не менее мы должны учитывать то обстоятельство, что автор был археологом-медиевистом, что заставляло его отталкиваться от вполне определенного хронологического рубежа.

В 80-е годы XX в. появляются первые работы, обозначившие сдвиг в историографии позднего Боспора. Постепенно возрождается старая идея о континуитете материальной культуры Боспора на протяжении IV–VI вв. Ее смысл заключается, с одной стороны, в продолжении раскопок, где открылись более полно сохранившиеся позднеантичные слои (Ильичевское городище); с другой стороны, началась передатировка слоев боспорских городов и поселений, ранее более жестко привязывавшихся к гуннскому нашествию конца IV в., и передатировка отдельных категорий материальной культуры (амфор, краснолаковой посуды и др.), исходя из широких мировых аналогий. Однако термин «континуитет» нигде не звучит, характер продолжения существования не получает исторической характеристики.

Базовым памятником археологии позднего Боспора в 80-е гг. становится Ильичевское городище на севере Тамани (древний остров Киммерида), раскапывавшееся под руководством Э.Я. Николаевой. После ряда статей 1975–1983 гг. основные выводы автора были изложены в диссертации 1984 г. [4] и развиты в последующих публикациях 80–90-х гг. Статьи посвящены отдельным частным аспектам материальной культуры: оружию, краснолаковой керамике, пифосам, стеклоделию. В диссертации обосновывается суть проблемы и дается ее концептуальное оформление в виде очерка истории Боспорского царства от «гуннского погрома» до времени его официального включения в состав Византии. Исходная посылка: «С гуннским погромом не закончилась история античных государств Северного Причерномо-

[1] *Якобсон А.Л.* Античные традиции в культуре раннесредневековой Таврики // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978. С. 88–93.

[2] *Якобсон А.Л., Зеест И.Б.* Отчет о раскопках на Рыночной площади в Керчи в 1963 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2835. М., 1963.

[3] *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство ... С. 5.

[4] *Николаева Э.Я.* Боспор после гуннского нашествия. Автореф. канд. дисс. М., 1984.

рья» (с. 6 автореф.). Специально рассматривается вопрос о продолжении бытования материальной культуры (с. 9–10). Время гибели Боспора, т. е. конец античного периода его существования, относится автором к концу VI в. и связывается с тюркским завоеванием (с. 10). Итак, приоритет Э.Я. Николаевой заключается в концептуальной постановке вопроса и в раскопках базового памятника позднеантичного Боспора.

Для концепции континуитета боспорской истории важное значение имеют работы создателя Восточно-Крымской археологической экспедиции А.А. Масленникова, автора нескольких десятков публикаций археолога, в той или иной степени касающихся проблем материальной культуры позднего Боспора. Занимаясь раскопками памятников Крымского Приазовья (преимущественно сельских поселений и некрополей), А.А. Масленников разрабатывал самые разные аспекты проблемы. В публикациях материалов полевых исследований он специально указывал на продолжение существования большинства поселений региона на протяжении IV–VI вв. Некоторые итоги работ были подведены в докторской диссертации 1993 г. [1]

В книге «Население Боспорского государства в первых веках н. э.» (1991 г.) [2] автор последовательно проводит мысль о том, что на позднем Боспоре сложилась определенная территориально-этническая общность боспорян, которая всей логикой развития событий была противоположна по своим устремлениям всем окружающим варварам. Вследствие преобладания дихотомии «боспоряне – внешние варвары» над дихотомией «боспорские греки – боспорские варвары» нельзя преувеличивать степень варваризации Боспора даже в позднеантичное время.

В 1997 г. вышла обобщающая публикация одного из важнейших памятников рассматриваемого нами периода – склепов Крымского Приазовья [3].

Кроме того, следует отметить небольшую книгу о малых городах Боспора [4], исследование сельской территории Боспора [5], оборонительных валов [6], сельских святилищ [7] и др. [8]

Одним из виднейших творцов теории континуитета истории Боспора является А.В. Сазанов, последовательно анализирующий (и подвергающий пе-

---

[1] *Масленников А.А.* Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения). Автореф. докт. дисс. М., 1993.

[2] *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 1991.

[3] *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997.

[4] *Масленников А.А.* Малые и малоисследованные города античного Боспора. Тула, 2004.

[5] *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998.

[6] *Масленников А.А.* Древние земляные пограничено-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.: ИА РАН, 2003.

[7] *Масленников А.А.* Сельские святилища европейского Боспора. М.: ИА РАН, 2007.

[8] *Масленников А.А.* Сельская территория европейского Боспора в ранневизантийское время // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, 1994. С. 40–41; *Масленников А.А.* Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки истории и археологии Боспора. М.: Наука, 1992. С. 120–173; *Масленников А.А.* Историко-географическое районирование Восточного Крыма в античную эпоху // Археологія. 1989. № 4. С. 35–47.

редатировке в связи с мировой хронологией) отдельные виды и типы керамики (амфор и краснолаковой посуды), а также стекла. В 1989 г. он выпустил две концептуальные статьи о необходимости пересмотра датировок древностей Боспора, а в 1991 г. поставил вопрос о новой концепции истории Боспора [1]. Им было опубликовано более 20 работ, относящихся территориально как к Боспору, так и к Херсонесу. Наиболее важны две статьи 1989 г. о хронологии позднего Боспора [2]. Базовый памятник – поселение Золотое Восточное в бухте – описан в отдельной работе 1996 г. [3] Хотя А.В. Сазанов называет исследуемые им амфоры в большинстве случаев ранневизантийскими, в целом ряде работ он совершенно определенно говорит о продолжении бытования *позднеантичной* материальной культуры на Боспоре. Сазанов утверждает необходимость «кардинально пересмотреть хронологию материала» по Тиритаке, ранее датировавшегося IV в. [4] Совершенно недвусмысленно почти в каждой работе он говорит, что Боспор «избежал гуннского нашествия в конце IV в.». По поводу концепции А.В. Сазанов высказался на с. 84–85 статьи, написанной им совместно с Ю.Ф. Иващенко. Автором концепции гуннского разгрома Боспора А.В. Сазанов считает А.Л. Якобсона, опиравшегося, в свою очередь, на труды предшественников. Не ставя своей целью дать полный историографический обзор концепции, автор сосредотачивает внимание на датировках позднеантичных слоев базовых памятников. А.В. Сазанов показал, что в результате некритического восприятия концепции гуннского погрома в трудах ряда ученых возникла лакуна: Восточный Крым V–VI вв. считался обезлюдевшим.

Выводы А.В. Сазанова о позднем Боспоре наиболее полно представлены в его неопубликованной докторской диссертации по археологии (1999) [5]. Первая глава носит историографический характер. Далее рассматриваются: 1) проблемы типологии и хронологии ранневизантийской керамики из Северного Причерноморья; 2) хронология комплексов Северного Причерноморья ранневизантийского времени; 3) периодизация и историческое развитие городов и поселений Северного Причерноморья в ранневизантийское время. Исторический очерк (с. 21–40 автореф.) на сегодняшний день уже несколько устарел и не может претендовать на исчерпывающую полноту, так как выводы построены автором на основании прежде всего его разработок по керамике и стеклу, которые встретили некоторую критику в литературе (В.Ю. Юрочкин, К. Домжальский, Д.В. Журавлев, И.П. Засецкая, Н.А. Фро-

[1] *Сазанов А.В.* Боспор у ранньовізантійський час // Археологія. 1991. № 2. С. 16–26. Мы не можем согласиться с отнесением начала ранневизантийского этапа истории Боспора с конца IV в., так как в состав Византии Боспор вошел лишь в VI в.

[2] *Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. С. 41–60; *Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф.* К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1. С. 84–102.

[3] *Сазанов А.В., Мокроусов С.В.* Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым): опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // ПИФК. Вып. 3, ч. 1. М. – Магнитогорск, 1996. С. 88–107.

[4] *Сазанов А.В.* Боспор в ранневизантийское время // ХКДРО. М., 1986.

[5] *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Автореф. докт. дисс. М., 1999.

лова). Тем не менее вклад А.В. Сазанова в создание новой хронологии материала бесспорен. Отметим лишь нечеткость и разнобой в классификационной исторической принадлежности периода. Так, для Северного Понта в целом ученый время с конца IV по VII в. включительно именует ранневизантийским, что для Боспора неверно для IV – нач. VI вв. Кроме того, само понятие «континуитет» А.В. Сазановым иногда используется, но не обосновывается.

Итак, в историографии конца XIX–XX вв. далеко не все так строго и механически сводилось к противопоставлению «континуитет – дисконтинуитет». Почти все ученые так или иначе отмечали факт продолжения жизни, т. е. материальной культуры на Боспоре после гуннов. А вот выяснение конкретных обстоятельств этого процесса в дальнейшем зависело от схемы. До нынешнего дня нет и точности в употреблении терминов: используются и «позднеантичный», и «ранневизантийский». Действительно, эти термины хронологически одновременны, но обозначают различные по типологической принадлежности и направленности явления и процессы.

О позднем Боспоре (в том числе и в более широком контексте) писали также и другие специалисты. Наиболее важны из них работы П.Д. Диатроптова [1], А.К. Амброза, И.П. Засецкой [2], А.И. Айбабина [3], И.А. Баранова [4].

Из работ, специально посвященных данной теме, следует отметить сразу две статьи из № 1 ВДИ за 1998 г. Ю.Г. Виноградов посвятил свою работу [5] анализу эпиграфики V в., которая до сих пор не получила должного освещения в литературе. Среди этих надписей как уже известные, опубликованные, так и впервые вводимые в научный оборот. Теоретической основой этой статьи является именно понятие континуитета.

В том же номере журнала помещена статья Н.А. Фроловой [6], также активно использующей тот же термин.

В книге В.М. Зубаря о Северном Понте и Риме [7] есть глава IV, посвященная взаимоотношениям Северного Причерноморья и Восточной Римской империи в позднеантичное время – 3-й четв. III – начале VI вв. (с. 142–166). Автор книги и ранее неоднократно высказывался в печати о необходимости

---

[1] *Диатроптов П.Д.* Распространение христианства в Северном Причерноморье. Автореф. канд. дисс. М., 1988.

[2] *Засецкая И.П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975; ее же: Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994; *ее же*: Степи Северного Причерноморья и Боспор в гуннскую эпоху (конец IV–V вв. н. э.). Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности. Автореф. докт. дисс. М., 1996; *ее же*: Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя (конец IV – начало VII вв.) // АСГЭ. 30. Л., 1990. С. 97–106; *ее же*: Материалы боспорских некрополей 2-й пол. IV – 1-й пол. V в. // МАИЭТ. III. Симферополь, 1993. С. 23–104.

[3] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма: история науки. Автореф. докт. дисс. СПб., 1998; *его же:* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь,1999.

[4] *Баранов И.А*. Таврика в эпоху раннего средневековья. К., 1990.

[5] *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1. С. 233–247.

[6] *Фролова Н.А*. Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // ВДИ. 1998. № 1. С. 247–262.

[7] *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя (сер. I в. до н. э. – 1-я пол. VI в.). К., 1998.

выделения данного периода в истории Таврики, но здесь эта мысль получила наиболее полное выражение. Граница между данным и раннесредневековым периодом четко устанавливается по началу правления Юстиниана. Особую ценность представляет показ событий в северопонтийском регионе в комплексе с событиями на территории империи, освещение основных направлений имперской политики в отношении своей дальней северо-восточной периферии.

Специально проблемами христианизации Боспора занималась Е.А. Зинько [1], опубликовавшая большое количество статей по склепам Пантикапея и их христианским росписям, однако ее концепция ориентирована преимущественно на археологический комплекс отдельных находок и в целом не дает общеисторической интерпретации процесса христианизации.

Наконец, диссертация [2] и отдельные публикации А.В. Зинько [3] рассматривают ранневизантийский период на Боспоре в плане этнической истории, а также анализируют материал из Пантикапея – Боспора, в том числе и VI–VII вв., в плане исторической топографии.

В 2015 г. в сходном плане историю Северного Причерноморья в контексте большой имперской политики и отчасти этнической истории заново рассмотрел С.В. Ярцев [4] в широком хронологическом диапазоне, однако не выходя за рамки IV века (включая его многочисленные статьи).

Поздний Боспор (Европейский) в плане изучения системы обороны и этноконфессионального состава населения стал предметом кандидатской диссертации А.Л. Ермолина (2012) [5].

Проблемы византийского завоевания Боспора были рассмотрены Н.И. Храпуновым [6]. Он же выступил с целым рядом работ об административной системе Боспора и Херсона в плане их византинизации.

Завершение христианизации на Боспоре после постулируемой смены значительной части населения на нем на рубеже VI–VII вв. исследовал С.А. Ермолин [7], широко привлекая археологические материалы.

После последних работ на Китейском городище экспедиции Е.А. Молева (4-й раскоп, 2016–2017 гг.) становится все более очевидно, что Китей должен стать новым базовым памятником поздней античности на Европей-

---

[1] Обобщающая работа: *Зинько Е.А.* Грунтовые склепы некрополя Пантикапея-Боспора / БИ. Suppl. 16. Симферополь, 2017 и многочисленные статьи.

[2] *Зінько О.В.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.). Автореф. канд. дисс. Киев, 2009. 17 с.

[3] *Зинько А.В., Пономарев Л.Ю.* К топографии ранневизантийского города Боспора и его плитово-грунтовых некрополей // Боспорские исследования, 32. Симферополь – Керчь, 2016. С. 107–148.

[4] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015.

[5] *Ермолин А.Л.* Система расселения, обороны и этноконфессиональный состав населения Европейского Боспора в III–VI вв. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2012.

[6] *Храпунов Н.И.* О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Vita Antiqua. № 5–6. Киев, 2003. С. 171–178.

[7] *Ермолин С.А.* Европейский Боспор VI – 1-я пол. VII вв.: проблемы смены населения и христианизации. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2019. 27 с.

ском Боспоре. Здесь, помимо ранее известных комплексов, были открыты новые предметы эпохи Юстиниана и ритуальное «блюдо епископа» со сграффито VI в. [1]

Не менее важное значение базового памятника для периода получает Тиритака, где в результате многолетних раскопок, особенно последнего десятилетия, воссозданы основные элементы топографии ранневизантийского города и изучены основные общественные постройки [2].

Ряд работ по этнической истории позднеантичного и раннесредневекового Северного Причерноморья и археологическому контексту византийского Боспора на основании материалов своих раскопок выпустил А.И. Айбабин [3], активно работающий в области изучения данного периода на протяжении последних 30 лет. Его обобщающая монография по византийскому Крыму включает материалы по ранневизантийскому Боспору, но шире его как территориально, так и хронологически [4].

Проблемами изучения отдельных категорий материала позднеантичного и раннесредневекового Боспора и всего Крыма активно занималась Э.А. Хайрединова [5].

---

[1] *Молев Е.А.* Боспорский город Китей. Киев, 2010; *Молев Е.А., Молева Н.В.* Боспорский город Китей. Т. 2. Симферополь-Керчь, 2016; *Молев Е.А., Молева Н.В.* Красноглиняное лощеное блюдо с крестом из раскопок Китея в 2016 г. // История и археология Крыма. V. Симферополь, 2017. С. 222–227.

[2] *Зинько В.Н., Зинько А.В.* Основы планировочной структуры боспорского города Тиритака в ранневизантийское время // МАИЭТ. XXV. 2020. С. 168–187; *Зинько В.Н., Зинько Е.А.* Сакральные постройки ранневизантийской Тиритаки // МАИЭТ. XXIII. 2018. С. 120–134, и др.

[3] *Айбабин А.И.* Византийская политика в Крыму в конце VI в. // Боспор Киммерийский в эпоху античности и средневековья. Ойкос. Керчь, 2006. С. 5–6; *Айбабин А.И.* Византийские порты в Крыму в IV–VII вв. // БИ. KXXXIII. Керчь, 2016. С. 186–209; *Айбабин А.И.* Готы на Боспоре. Мифы и реалии // Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и варварского миров. Керчь, 2000. С. 5–6; *Айбабин А.И.* Еврейская община в позднеантичном Пантикапее и раннесредневековом Боспоре // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 12–15; *Айбабин А.И.* О нападении гуннов на Боспор в конце IV в. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Керчь, 2017. С. 11–15; *Айбабин А.И.* О хронологии некрополя Боспора VI–VII вв. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 5–8; *Айбабин А.И.* О хронологии раннесредневекового некрополя Боспора // МАИЭТ. III. Симферополь, 1993. С. 22–23; *Айбабин А.И.* Ранневизантийский Боспор // Византия в контексте мировой культуры / ТГЭ. LXXXIX. СПб.: ГЭ, 2017. С. 140–150; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 350 с.; *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Ранневизантийский некрополь Боспора // АДСВ. 46. 2018. С. 33–53; *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Раскопки некрополя раннесредневекового Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 15–16.

[4] *Ajbabin A.L.* Archaologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz: Verl. des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2011.

[5] *Хайрединова Э.А.* Боспор и морские походы варваров 2-й пол. III в. н. э. // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995. С. 517–528; *Хайрединова Э.А.* Боспорский женский костюм первой половины V в. (по материалам некрополей) // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I. СПб., 2002. С. 215–219; *Хайрединова Э.А.* Византийские золотые кресты раннесредневекового времени из Керчи // БИ. XXXVII. 2018. С. 246–262; *Хайрединова Э.А.* Византийские металлические изделия VII в. из города Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Керчь, 2017.

В новом столетии ведущим специалистом по ранневизантийской керамике позднего Боспора становится А.В. Смокотина, а ее многочисленные публикации [1] создают широкое полотно, показывающее масштабы и качество связей Боспора с территорией империи.

Многочисленные отдельные публикации, посвященные введению в оборот нового археологического материала, будут отмечены в основных главах в соответствующих местах.

Итак, за период конца XX – начала XXI вв. интерес к позднему Боспору и смежным сюжетам значительно вырос. Накопление и публикация археологического материала указывают направления дальнейших исследований. Их публикация осуществляется в целом ряде периодических изданий (МАИЭТ, Древности Боспора, Боспорские исследования и др.). Новые подходы уже нашли отражение в фундаментальных обобщающих работах [2]. Представление о сохранении Боспора в период Переселения народов вошло уже и в научно-популярную литературу [3].

Вместе с тем единого общего исследования позднеантичного Боспора в более или менее полном объеме на сегодняшний день нет. Нельзя считать окончательно утвердившейся и концепцию континуитета истории Боспора. Так, еще в 2005 г. С.Ю. Сапрыкин писал о «гуннском разгроме»

С. 586–591; *Хайрединова Э.А.* Костюм городского населения Боспора в VII–VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь. 2012. С. 435–436.

[1] *Смокотина А.В.* Амфоры LRA I в контексте торгово-экономической истории Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 430–433; *Смокотина А.В.* Импорт краснолаковой керамики в г. Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // ДБ. 19. 2015. С. 312–339; *Смокотина А.В.* Импорт товаров в амфорах и краснолаковой керамики на Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // Stratum plus. 2018. № 4. С. 263–279; *Смокотина А.В.* Керамика группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Керчи в 2007–2008 гг. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 416–418; *Смокотина А.В.* Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. XIV. 2008. С. 103–144; *Смокотина А.В.* Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII вв. Автореф. канд. дисс. Симферополь, 2014. 24 с.; *Смокотина А.В.* О хронологии амфор типа C SNP I («Делакеу») // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 355–360; *Смокотина А.В.* Позднеримская краснолаковая керамика в городе Боспоре // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 306–309; *Смокотина А.В.* Ранневизантийские критские амфоры в городах Боспоре и Тиритаке // МАИЭТ. XXIV. 2019. С. 160–172; *Смокотина А.В.* Торговые связи г. Боспора в конце IV – первой половине VI вв. (по материалам находок амфор) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Керчь, 2017. С. 490–495; *Смокотина А.В.* Штампы на краснолаковой керамике из раскопок Керчи в 2007 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 419–422; *Смокотина А.В.* О торговле г. Боспора с Северной Африкой в ранневизантийское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 396–397.

[2] Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавазье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. С. 10–15 (гуннское нашествие здесь не считается концом истории Боспора), 27–40 (о Боспоре VI–VII вв.), 151–160.

[3] *Молев Е.А.* Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003. С. 356–369.

Боспора в 370-е гг. и завоевании его гуннами [1]. Правда, позднее и он сдержанно согласился с сохранением Боспора вплоть до византийского завоевания в VI в. [2]

Поздний Боспор постепенно становится одной из приоритетных тем в работах отечественных исследователей Северного Причерноморья.

Херсонес. Херсонес Таврический является уникальным городом в истории античного Северного Причерноморья. Тысячу лет он существовал как античный центр, очаг античной цивилизации в регионе Юго-Западной Таврики. Затем еще тысячу лет он существовал как провинциально-византийский город Херсон. Период конца III–VI вв. в истории Херсонеса чрезвычайно важен. В это время наблюдается постепенное плавное перерастание материальной культуры, политических институтов, духовной культуры из поздней античности в ранневизантийское время.

Проблема континуитета истории Херсонеса данного времени никогда не существовала. Факт непрерывности жизни города не нуждался в доказательствах. Споры в литературе вызывал лишь вопрос о политическом статусе города – входил ли он в состав империи, и в какой степени. Второй вопрос – о преобладающем характере культуры – античном или христианском. Кроме того, терминологически опять-таки понятие «континуитет» в отечественной литературе практически отсутствовало и в отношении Херсонеса.

Письменная традиция о Херсонесе переходного времени была исследована В.Т. Сиротенко [3]. Вопросы периодизации истории города в данную эпоху были предметом внимания Д.С. Талиса [4]. В расширение источниковой базы заметный вклад внесла Э.И. Соломоник, опубликовавшая ряд важных надписей по нашей эпохе [5].

Несколько поколений отечественных археологов проводили широкие раскопки на месте херсонесского городища и хоры, начиная с Н.П. Кондакова [6] и К.К. Косцюшко-Валюжинича. Среди основных публикаций по данному хронологическому периоду следует назвать работы Г.Д. Белова, С.А. Беляева [7], К.Э. Гриневича [8], И.А. Антоновой [9], Л.А. Голофаст и

---

[1] *Сапрыкин С.Ю.* Денежное обращение Херсонеса Таврического. М., 2005. С. 180, 190.

[2] *Сапрыкин С.Ю.* Древнее Причерноморье. М.-СПб., 2018. С. 582 (в целом позднеантичному Боспору посвящены с. 574–584).

[3] *Сиротенко В.Т.* Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. // Уч. зап. Перм. университета. № 117. Пермь, 1964.

[4] *Талис Д.С.* Вопросы периодизации истории Херсонеса в эпоху раннего средневековья // ВВ. 18. 1961. С. 54–73.

[5] *Соломоник Э.И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Херсонеса // ВВ. 47. 1986; *ее же*: НЭПХ. К., 1964; НЭПХ. К., 1973 и др.

[6] *Романчук А.И.* Н.П. Кондаков и начало систематических раскопок в Херсонесе // Мир Кондакова. М., 2004. С. 253–260.

[7] *Беляев С.А.* Позднеантичные надписи на амфорах из раскопок Херсонеса 1961 г. // НиЭ. Т. 7. М., 1968. С. 127–143.

[8] *Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического // ХСб. V. Симферополь, 1959. С. 75–114.

[9] *Антонова И.Э.* Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ. 25. Свердловск, 1990. С. 8–25.

С.Г. Рыжова [1]. По херсонесской хоре первых веков н. э. есть исследование Г.М. Николаенко [2].

Среди отдельных категорий материальной культуры Херсонеса ранневизантийского времени выделяются монеты (А.М. Гилевич [3], В.А. Анохин [4]), керамика (А.В. Сазанов [5], С.Г. Рыжов [6], Л.А. Голофаст [7]), стекло (Л.А. Голофаст [8]).

Пристальное внимание специалистов было обращено на памятники христианства ранневизантийского времени (О.И. Домбровский [9],

---

[1] *Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.* Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала Хб в северном районе Херсонеса // ПИФК. IX. М.-Магнитогорск, 2000. С. 78–117.

[2] *Николаенко Г.М.* Херсонесская округа в I в. до н. э. – IV в. н. э. // Античные древности Северного Причерноморья. К., 1988. С. 203–211.

[3] *Гилевич А.М.* Монеты, из раскопок Херсонеса в 1950 г. // ХСб. V. Симферополь, 1959. С. 191–-206.

[4] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). К., 1977.

[5] *Сазанов А.В.* Амфоры «Carrotes» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени. Типология и хронология // БС. 6. М., 1995. С. 185–186; *его же:* Амфоры ранневизантийского Боспора: к хронологии некоторых типов // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, 1987. С. 141–142; *его же:* Византийская археология: проблемы и методы // ХСб. 7. Севастополь, 1996. С. 5–12; *его же:* Импортная краснолаковая керамика первой половины VII в. из Херсонеса // КСИА. 208. М., 1993. С. 40–46; *его же:* Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. VII. М.-Магнитогорск, 1999. С. 224–293; его же: Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени (хронология некоторых типов) // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 103–104; *его же*: Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995. С. 406–433; *его же:* Культурный слой византийского города (проблемы образования) // Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. М.Я. Сюзюмова. Екатеринбург, 1993. С. 44–45; *его же:* Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. III. Симферополь, 1993. С. 16–21; *его же:* Світлоглиняні амфори з рифленням типу набігаючоі хвилі (IV–VII ст. н. э.) // Археологія. 1992. № 1. С. 51–59; *его же:* Седьмой квартал Херсонеса (хронология позднеантичных и средневековых слоев) // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: 1888–1988. Севастополь, 1988. С. 56–59; *его же:* Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // ПАВ. 3. СПб., 1992. С. 100–112; *его же:* Хронология керамических комплексов Херсонеса конца VI–VII вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, 1994. С. 62–64; *его же:* Хронология комплексов Византийского Херсона VI–XV вв. // Российское византиноведение. СПб., 1994. С. 124–126.

[6] *Рыжов С.Г.* Керамический комплекс III–IV вв. н. э. из северо-восточного Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э. К., 1986.

[7] *Голофаст Л.А.* Амфориски из раскопок ранневизантийского Херсона // АДСВ. 25. Свердловск, 1995. С. 50–54; *ее же:* Комплекс VI в. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995. С. 215–224; *ее же:* Штампы V–VII вв. на посуде «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. V. Симферополь, 1996. С. 77–84; *ее же:* Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. IX. Симферополь, 2002. С. 135–216.

[8] *Голофаст Л.А.* К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсоне // МАИЭТ. VI. Симферополь, 1998. С. 312–326; *ее же:* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. Симферополь, 2001. С. 37–260. Последняя работа – опубликованный вариант диссертации – выходит за рамки темы и дает широкий фон различных групп археологического материала Херсонеса ранневизантийского времени.

[9] *Домбровский О.И.* Фрески южного нефа Херсонесской базилики 1935 г. // ХСб. V. – Симферополь, 1959. С. 207–228; *Домбровский О.И., Паршина Е.А.* О раннесредневековой застройке античного театра // СХМ. I. 1960.

И.А. Завадская [1], В.А. Кутайсов [2]). В историческом плане процесс христианизации Херсонеса был предметом изучения В.Ф. Мещерякова [3], В.М. Зубаря, А.И. Хворостяного [4].

Христианское искусство на памятниках Херсонеса изучали Д.В. Айналов [5], С.А. Беляев [6], В.М. Зубарь, О.И. Домбровский и др.

Административное устройство города в IV–VI вв. освещали И.А. Баранов [7], Н.В. Соколова [8], Н.И. Храпунов [9].

Экономика города на общем фоне экономики ранней Византии была освещена С.Б. Сорочаном [10]. В.И. Кадеев освещал различные сферы

---

[1] *Завадская И.А.* Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилика 1935 г.» в Херсонесе // МАИЭТ. V. Симферополь, 1996. С. 94–105; *ее же:* Раннесредневековые храмы западной части Херсонеса // МАИЭТ. VI. Симферополь, 1998. С. 327–343; *ее же:* Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. VII. Симферополь, 2000. С. 77–90.

[2] *Кутайсов В.А.* Четырехапсидный храм в Херсонесе // СА. 1982. № 1. С. 155–169.

[3] *Мещеряков В.Ф.* Проникновеніе християнства у Херсонес Таврійський // ВХДУ. 1975. № 118. Сер. Історія, вып. 9. С. 100–108; *его же:* О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Античные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978. С. 121–134.

[4] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. К., 2000.

[5] *Айналов Д.В.* Памятники христианского Херсонеса. М., 1905; *его же:* Три древнехристианских сосуда из Керчи. СПб., 1891.

[6] *Беляев С.А.* Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса // ВВ. 40. 1979; *его же:* Краснолаковая керамика IV–VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 32–38; *Беляев С.А.* Об одном блюде из Херсонеса (IV–VI вв.) // СГЭ. Вып. 37. СПб., 1973. С. 47–50.

[7] *Баранов И.А.* Административное устройство ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. III. Симферополь, 1993. С. 137–145.

[8] *Соколова Н.В.* Администрация Херсона в IV–IX вв. по данным сфрагистики // АДСВ. 10. Свердловск, 1973. С. 207–214.

[9] *Храпунов Н.И.* Адміністрація Херсона наприкінці IV–VI ст. // Археологія. 2000. № 1. С. 57–67; *его же:* Администрация ε'υαγεῖς ο'ίκος в Херсоне // МАИЭТ. VII. Симферополь, 2000. С. 357–261; *его же*: К дискуссии о греческой надписи из Херсонеса с именем императора Гонория // Сугдея, Сурож, Судак в истории и культуре Руси-Украины. Киев – Судак, 2002. С. 268–271; *его же*: К дискуссии о «надписи Дуптуна» // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I. СПб., 2002. С. 88–90; *его же:* О взаимосвязи византийской и муниципальной администрации Херсона: чиновники πατέρες τής πόλεως // ПИАУ. Харьков, 1997. С. 34–35; *его же:* О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники πατέρες τής πόλεως // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999. С. 161–167; *его же:* О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 253–254; *его же:* Проблема континуитета администрации византийского Херсонеса // Проблемы истории и археологии Украины. К 100-летию XII археологического съезда. Харьков, 2003.

[10] *Сорочан С.Б.* О торговых связях Херсонеса IV–V вв. н. э. // АИУ. 1978–1979. К., 1980. С. 123–124; *его же:* Торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э. – V в. н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1981; *его же:* Херсонес в системе константинопольской торговли IV – первой половины VII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988. Севастополь, 1988. С. 105–106.

материальной культуры города [1], касался проблем истории его экономики [2].

Наиболее крупные и важные работы по истории города в целом были созданы Е.Э. Ивановым [3], Е.Г. Суровым, Г.Д. Беловым, В.М. Зубарем, В.И. Кадеевым, А.И. Романчук, А.Л. Якобсоном.

В.М. Зубарь в своих трудах касался проблем распространения христианства в Херсонесе [4], связей города с Римом [5], исследований некрополя города [6], истории отдельных памятников эпохи [7], а также варварских этнических элементов в позднеантичном Херсонесе [8], проблем военно-политической истории [9].

А.И. Романчук – ведущий специалист по средневековой археологии и истории Херсона. Среди ее работ есть как общие [10], так и частные [11].

Среди многочисленных трудов А.Л. Якобсона есть обобщающая книга «Раннесредневековый Херсонес» [12].

В 2000 г. вышел ряд крупных работ о Херсонесе на Украине. Это книги В.М. Зубаря и его соавторов о Херсонесе и о христианизации Север-

---

[1] *Кадеев В.И.* Импортные светильники I–IV вв. из Херсонеса // СА. 1969. № 3. С. 159–170; *его же:* Косторезное производство в позднеантичном Херсонесе (I–IV вв.) // Археологія. Т. 22. К., 1969. С. 236–240.

[2] *Кадеев В.И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I–IV вв. Харьков, 1970; *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989.

[3] *Иванов Е.Э.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. 46. Симферополь, 1912. 376 с. Нашего периода касаются с. 47–75.

[4] *Зубарь В.М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. К., 1991. С. 8–29.

[5] *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. К., 1998; *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя (середина I в до н. э. – вторая половина V в.). Автореф. докт. дисс. К., 1991; *его же:* Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. К., 1994.

[6] *Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. К., 1982.

[7] *Зубарь В.М.* По поводу датировки христианской росписи склепа, открытого в Херсонесе в 1993 г. // 10-я авторско-читательская конференция ВДИ. М., 1987. С. 161–162.

[8] *Зубарь В.М.* О сарматском элементе в позднеантичном Херсонесе // Археологія. № 20. К., 1976. С. 42–46.

[9] *Зубарь В.М.* Херсонесские баллистарии // Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. М.Я. Сюзюмова. Екатеринбург, 1993. С. 12–14; *его же:* По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III – на рубеже IV–V вв. // Stratum+. 2000. № 4. С. 291–302; его же: Ще раз при римську військову присутність у Херсонесі в другій половині III – на зламі IV–V ст. // Археологія. 2000. № 3. С. 83–97.

[10] *Романчук А.И.* Ранневизантийский Херсонес. Свердловск, 1982; *ее же:* Херсонес VI – первой половины IX вв. Свердловск, 1976; *ее же:* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.

[11] *Романчук А.И.* Раннесредневековые комплексы Портового района Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988. Севастополь, 1988; *ее же:* Раннесредневековые комплексы Херсонеса // From Late Antiquity to Early Byzantium. Praha,1985. С. 123–135; *Романчук А.И., Белова О.Р.* К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ: проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987. С. 52–68. и др.

[12] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. М., 1959.

ного Причерноморья [1]. Работу по периодизации истории города подготовил М.И. Золотарев [2]. В обобщающем академическом труде 2003 г. также нашли отражение новые подходы [3].

В новом столетии продолжилось издание обобщающих трудов по археологии, истории и историографии Херсонеса в античную и средневековую эпохи. В.М. Зубарь издал монографию по истории археологических исследований Херсонеса [4], доведенную до 2005 г.

А.В. Буйских исследовала планировку Херсонеса в пределах античной эпохи и выявила ее специфику [5].

А.И. Романчук представила опыт обобщающей монографии, в которой основное внимание уделено историографическим проблемам [6].

Наконец, во всех отношениях обобщающее исследование подготовил С.Б. Сорочан, однако хронологические рамки этой работы шире и охватывают 2-ю пол. VI – 1-ю пол. X вв.) [7].

Итак, с археологической точки зрения Херсонес изучаемого нашего времени исследован неплохо. Существует также ряд общеисторических интерпретаций данного времени. Однако имеется еще немало спорных мнений и точек зрения. Новые открытия, введение в оборот новых источников позволяют уточнить интерпретацию многих фактов. Кроме того, в общерегиональном контексте история Херсонеса данного периода во всем комплексе ее составляющих пока не рассматривалась в контексте проблем континуитета. Это и определило включение херсонесского материала в нашу тему.

Ольвия. Северо-Западное Причерноморье составляет отдельную локальную зону в территориально-географическом и историческом районировании Понтийского региона. В эту зону обычно включают территории от устья Дуная или Днестра (античной Тиры) до Перекопа. Ольвия занимает центральное место в истории данного региона. Как известно, Ольвия стала образцовым объектом в процессе формирования методологии классической археологии (раскопки Б.В. Фармаковского 1896–1926 гг.) [8].

---

[1] *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000; *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. К., 2000.

[2] *Золотарев М.И.* Археологическая периодизация памятников Херсонеса Таврического // ВДИ. 2002. № 2. С. 67–72.

[3] Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. С. 22–26, 48–52.

[4] *Зубарь В.М.* Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округи / МАИЭТ. Suppl. 6. Симферополь, 2009.

[5] *Буйских А.В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху / МАИЭТ. Suppl. 5. Симферополь, 2008.

[6] *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Том 2. Византийский город. Тюмень, 2008.

[7] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.

[8] См.: *Фармаковский Б.В.* Ольвия. М., 1915 и др.

Главной проблемой позднего периода истории города стал вопрос о его окончательной гибели. Считалось, что сокрушительный удар городу был нанесен в 30–40-е гг. III в.[1] Позднее была принята дата 269/270 г.[2], а в качестве виновников гибели города были названы готы. Собственно, в литературе фигурируют два готских погрома Ольвии. Этот взгляд отражен и в последних работах по поздней ольвийской истории и археологии, созданных В.В. Крапивиной[3]. Исследователь склонен продлять жизнь на городище до IV в., впрочем, считая этот период лишь частичным продолжением прежней жизни города[4].

В противовес идее В.В. Крапивиной выступил В.М. Зубарь. Его основная мысль сводится к тому, что период конца III – 1-й пол. IV вв. нельзя рассматривать в качестве заключительного этапа античной истории города. Это, скорее, постантичный этап, отличающийся значительной спецификой[5]. Основное расхождение концепций заключается в различных оценках и классификациях одних и тех же явлений.

Среди разработок частных вопросов следует отметить книгу С.В. Буйских об ольвийской фортификации[6], в которой отмечается: «В городе достаточно отчетливо выделяется этап 2-й пол. III – 1-й пол. IV вв. ...Сам город, переживая кризис, постепенно становится небольшим поселком, жизнь в котором окончательно угасает к середине IV в.» (с. 105). «Нумизматический материал допускает возможность существования здесь жизни еще во 2-й пол. IV в.» (с. 141).

Итак, новейшие исследования склонны продлять жизнь Ольвии на несколько десятилетий после разгромов III в., хотя и признают серьёзнейший урон, нанесенный городу двумя «готскими» нашествиями.

Тира. Нижнее Побужье (Северо-Западное Причерноморье) на финальной стадии своей античной истории стало объектом изучения В.М. Зубаря и Н.А. Сон[7], обобщивших достижения предшественников[8].

Зарубежная историография занималась изучением позднеантичного Северного Причерноморья в крайне незначительной степени. Для XIX в. следует назвать, прежде всего, небольшой очерк Т. Моммзена

---

[1] *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887.

[2] *Карышковский П.О.* Из истории поздней Ольвии… С. 179.

[3] *Крапивина В.В.* О двух «готских» разгромах Ольвии // Древнее Причерноморье. Одесса, 1991. С. 32–33; *Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. Киев, 1993. См. также сборник: Мир Ольвии. К., 1996 и коллективную монографию: Ольвия. К., 2000.

[4] *Крапивина В.В.* О застройке Ольвии в конце III–IV вв. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Ойкос. Керчь, 2006. С. 180–188.

[5] *Зубарь В.М.* О заключительном этапе истории Ольвии (третья четверть III – первая половина IV в.) // ВДИ. 2001. № 1. С. 132–139.

[6] *Буйских С.В.* Фортификация Ольвийского государства (первые века н. э.). К., 1991.

[7] *Зубарь В.М., Сон Н.А.* Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху / МАИЭТ. Suppl. 3. Симферополь, 2007.

[8] *Сон Н.А.* Тира римского времени. К., 1993 и др.

в V томе его «Истории Рима» (1885) [1], в котором великий историк дал обобщенный образ роли северопонтийского региона в системе средиземноморского античного мира для III в. Особое внимание ученый уделил «готским походам», проблеме этнической принадлежности варваров, сделавших своей базой Боспор, внутренней ситуации в Боспорском царстве в 40–70-х гг. III в. Частично освещается и вопрос о прекращении чеканки боспорской монеты в IV в.

Самой крупной и обобщающей сводной работой по истории Северного Причерноморья на Западе длительное время являлась книга Э. Миннза «Скифы и греки» [2]. В главе 13 автор освещает ряд проблем истории позднего Боспора: династические вопросы, «готские походы» и их влияние на Боспор, роль варварского окружения, проблемы хронологии и т. д. В своей известной рецензии М.И. Ростовцев [3] отмечал несколько компилятивный характер этой книги, но вместе с тем признал ее несомненную ценность для тогдашней исторической науки.

Из работ этого периода важное значение имеет статья П. Гарнетта [4], посвященная разбору экскурса Константина Багрянородного о боспорско-херсонесских войнах. Автор оценил сведения Константина как достоверные в основном (что было пересмотрено в дальнейшем).

Ученые середины и 2-й пол. XX в. обращали внимание на различные аспекты истории позднеантичного Северного Понта на общем фоне истории античности. Как бы повторяя на новом уровне развития науки работу Т. Моммзена, Фергюс Миллар в книге «Римская империя и ее соседи» [5] указывает на роль нашего региона в целом для античного мира (заканчивая в основном III веком). Специально о взаимоотношениях империи с клиентскими государствами Востока писал Дэвид Браунд [6]. В теоретическом плане его выводы важны, так как показывают общий фон, на котором разворачивались римско-боспорские отношения в первые века н. э.

Конкретно о некоторых частных аспектах истории региона был создан ряд работ. Б. Надэль [7] создал свою реконструкцию событий, упоминаемых Константином Багрянородным (De admin. imp. 53). На ту же тему

---

[1] *Моммзен Т.* История Рима. Т.V. СПб., 1996.

[2] *Minns E.* Scythians and Greeks. L., 1913.

[3] *Ростовцев М.И.* Рецензия на труд: Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambr., 1913 // ЖМНП. 1913, окт.-нояб. Отд. II. С. 173–194.

[4] *Garnett R.* The Story of Gycia // The English Historical Rewiew. V. XII. N.Y.-Bombay, 1897. P. 102–107.

[5] *Millar F.* The Roman Empire and its Neighbours. N.Y., 1981.

[6] *Braund D.* Rome and Friendly King: The Character of Client Kingschip. L.-N.Y., 1984.

[7] *Nadel B.* Litterary tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan kingdom in the time of Emperor Diocletian Reconsidered // Annales letteraires de l'Universite de Besancon. P., 1977. P. 89–105; *Надэль Б.И.* Из политической истории Боспорского государства в Крыму в начале IV в. // Acta Antiqua. Т. 9, ч. 1–2. Budapest, 1961. С. 231–237.

высказался и Я. Харматта [1]. Очень важную статью опубликовал К. Цукерман [2], использовавший редко сопоставляемые источники по истории Херсонеса IV в.

Большое количество работ, посвященное, казалось бы, достаточно специальным темам, может быть в большой степени пригодно для разработки нашей темы. Необходимым для исследователя переходной эпохи на Северном Понте трудом является книга Дж. Хэйса «Поздняя римская керамика» (1972) с приложением 1980 г. [3] По охвату и полноте материала это исследование не имеет себе равных до сегодняшнего дня. Книга содержит наиболее полную сводку по краснолаковой керамике – важнейшему датирующему материалу эпохи. Автор не только смог разделить всю позднеантичную керамику на несколько сотен форм, но и установить их хронологию и место производства. Все отечественные работы по керамике позднеантичного Северного Причерноморья так или иначе основываются на типах и датировках Хэйса.

Среди ряда обобщающих работ по позднеантичной эпохе в целом выделяется просопографический свод британских авторов [4], в котором даны краткие биографические сведения по многим именам, имеющим отношение к изучаемой нами теме.

История отдельных этнических групп и регионов в связи с историей Северного Понта изложена в ряде трудов. История готов в Причерноморье изучалась М. Казанским [5], Х. Вольфрамом [6] и др. История гуннов (в связи с историей античных центров Северного Понта) стала предметом внимания Е. Томпсона [7], О. Мэнхен-Хелфена [8], Й. Вернера [9], Я. Харматты [10], И. Боны [11], Ф. Альтхайма [12]

---

[1] *Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. М., 1967. С. 204–208.

[2] *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. IV. Симферополь,1995. С. 545–561.

[3] *Hayes J.W.* Supplement to «Late Roman Pottery». L., 1980.

[4] The Prosopography of the Later Roman Empire. Part III. A. D. 527–641 / Ed. by J.R. Martindale. Cambr.,1992.

[5] *Kazanski M.* Les Goths (I–VII siecles ap J.-C.). P., 1991; *Kazanski M.* Les eperons, les ombo, les manipules de boucliers et les haches de l'epoque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion // Beitrage zu romischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburger Kolloquium. 1994. Lublin-Marburg, 1994; *Kazanski M.* Les Germains orientaux au Nord de la Mer Noire pendant la seconde moitie du V-e s. et au VI s. // МАИЭТ. V. Симферополь, 1996. С. 304–337.

[6] *Wolfram H.* Die Gothen. Munchen, 2000; *Вольфрам Х.* Готы. СПб., 2003.

[7] *Thompson E.A.* A History of Attila and the Huns. Oxf., 1948.

[8] *Maenchen-Helfen O.J.* The world of the Huns. Berkeley – Los Angeles, 1973.

[9] *Werner J.* Beitrage zur Archeologie des Attila-Reiches. Munchen, 1956.

[10] *Harmatta J.* The Dissolution of the Hun Empire. V. I: Hun Society of the Age of Attila // Acta Archaeologica. Budapest, 1952.

[11] *Bóna I.* Das Hunnen-Reich. Budapest, 1991.

[12] *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. Bd. I–II. B., 1959–1960.

и др. О кочевниках в теоретическом плане писали А. Хазанов [1], П. Бриан [2] и др.

Дополнительный характер в плане использования по нашей теме носит книга К. Рэндсборга [3], в которой автор дал широкий по охвату очерк перерастания античного мира в средневековый. Б. Канлифф [4] задал теоретическую модель взаимоотношений греко-римлян и варваров. П. Браун [5] и Ав. Кэмерон [6] создали привлекательный полифоничный образ позднеантичной эпохи в целом.

Ряд трудов авторов, исследовавших политические институты Ранней Византии (Х. Арвейлер, Л. Брейе, Ж. Дагрон и др.), также был учтен в работе.

Наконец, высокий уровень теоретических обобщений представляют собой труды К. Поланьи [7] об экономике, П. Скальника [8] о политической системе, Дж. Тейнтера [9] о поздней стадии развития цивилизации.

Большую роль в распространении достижений отечественных специалистов сыграли зарубежные издания их основных трудов: А.А. Васильева [10], В.Ф. Гайдукевича [11], Н.А. Фроловой [12], В.Д. Блаватского и Г.А. Кошеленко [13]. Некоторые работы отечественных ученых – А.В. Сазанова [14], Т.М. Арсеньевой [15] и др. – были изданы за рубежом.

За последнюю четверть века наиболее активно исследовал позднеантичную керамику Кшиштоф Домжальский [16].

---

[1] *Khazanov A.M.* Nomads and the outside world. Cambr., 1984.

[2] *Briant P.* Etat et pasteurs au Mouen-Orient ancien. Cambr. – P., 1982.

[3] *Randsborg K.* The first Millenium AD in Europe and the Mediterranian. An archaeological essay. Cambr., 1991.

[4] *Cunliffe B.* Greeks, Romans and Barbarians: spheres of Interaction. L., 1988.

[5] *Brown P.* Power and Persuasion in late Antiquity. Toward a Christian empire. Madison, 1992 и др.

[6] *Cameron Av.* The Mediterranean World in Late Antiquity A. D. 395–600. L.-N.Y., 1993.

[7] *Polanui K.* The Economy as Instituted Process // Trade and Market in the Early Empires. Glencoe, 1957. P. 262–279.

[8] *Скальник П.* Понятие «политическая система» в западной социальной антропологии // СЭ. 1991. № 3. С. 144–146.

[9] *Tainter J.* The Collapse of Complex Societies. Cambr., 1989.

[10] *Vasiliev A.A.* The Gothes in Crimia. Cambr. Mass., 1936.

[11] *Gaidukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. B.-Amsterdam, 1971.

[12] *Frolova N.A.* The Coinage of the Kingdom of Bosporus A. D. 69–238. Oxf., 1979; *Frolova N.A.* The Coinage of the Kingdom of Bosporus A. D. 242–341/2. Oxf., 1983.

[13] *Blavatsky V.D., Koschelenko G.A.* Le culte de Mithra sur la cote septentrionale de la Mer Noire. Leiden-Brill, 1966.

[14] *Sazanov A.* Les amphores de l᾽antiquité tardive et du Moyen Age: continuitè ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La ceramiqué méddiévale en Méditerranée. Aux-en-Provence, 1997 и др.

[15] *Arsen'eva T., Domzalski K.* Late Roman Red Slip Pottery from Tanais // Eurasia antiqua. 2002. Bd. 8. S. 415–491.

[16] *Домжальский К.* Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Т. I (ТГИМ. 102). М.: ГИМ, 1998. С. 17–30; *Домжальский К.* Позднеантичная Ольвия в свете

Польская археологическая миссия до 2014 г. работала на городище Тиритака, изучая среди прочего и позднеантичные слои [1].

В целом, подводя итоги развития зарубежной историографии по интересующей нас теме, следует отметить, что она занималась нашей проблемой лишь опосредованно или в контексте частных вопросов. Специальных исследований в данном направлении проделано не было. Если же учесть, что работы российских авторов на Западе вообще недостаточно известны, следует признать, что наша тема нуждается в тщательной разработке еще и с точки зрения мировой науки.

Итак, поздняя античность представляет собой особый этап в эволюции античной цивилизации, обладающий специфической, но внутренне единой материальной культурой, спецификой социально-политических форм, сложными культурными процессами. В античном мире всегда существовала сложная и эволюционирующая система «центр – периферия»; в эпоху поздней античности северопонтийский регион представлял собой особую зону, имевшую тысячелетнюю традицию развития.

Исходя из этого, следует сформулировать ряд основных положений при общей оценке исторического пути региона:

– характер расселения позднеантичного населения Северного Понта был локальным, очаговым, сформировавшимся на основе естественно-природных микрозон; внутри отдельных микрозон расселение было в определенной степени также очаговым;

– материальная культура античного населения Северного Причерноморья в конце III–VI вв. отличалась принципиальным единством и преемственностью по отношению к предыдущему времени;

– датировки отдельных категорий материальной культуры нуждаются в дальнейшем уточнении, синхронизации; смена их форм демонстрирует континуитет (непрерывность и эволюцию);

– Боспорское государство на протяжении изучаемой эпохи претерпело определенную эволюцию, дав особый, периферийный вариант континуитета, близкий к византийскому, но не тождественный ему;

– Херсонес имел особый политический статус, балансируя между независимостью и пребыванием в составе империи;

находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб., 2008. С. 72–81; *Домжальский К., Журавлев Д.В.* Фрагменты понтийской позднеримской лощеной керамики с христианской символикой из Херсонеса // РА. 2. 2013. С. 137–143; *Домжальский К., Смокотина А.В.* Краснолаковая керамика Тиритаки позднеримского и ранневизантийского времени // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Симферополь – Керчь, 2019. С. 155–159.

[1] В ее работе в течение 4-х сезонов (2010–2013 гг.) принимали участие студенты кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ».

– социальная структура основных античных центров региона испытывала тенденцию к определенному упрощению и размыванию; вполне определилась ведущая роль аристократии;

– после разгрома ряда городов и попадания их под власть варваров появляется феномен постантичного города;

– коренной перестройке подверглась вся система взаимоотношений региона с центром античного мира: от клиентского статуса по отношению к Риму, через сложные лабиринты византийской внешней политики и дипломатии, к аннексии со стороны Византии, ставшей завершением ее дипломатических усилий;

– варварский мир смежных областей Северного Причерноморья отличался большой сложностью; сармато-аланская гегемония сменяется гото-аланским синтезом, а затем – гуннским доминированием; варвары оказали заметное влияние на материальную культуру греков, испытав и обратное воздействие, причем необратимой варваризации греков не произошло; роль варваров в истории Боспора и Херсонеса данного времени не была определяющей; сложилась синкретичная греко-варварская культура, в которой доминировали античные элементы;

– признавая тот факт, что особой сложностью отличались культурно-идеологические отношения, представлявшие собой причудливое смешение античных и христианских элементов, а процесс христианизации отличался большой сложностью, неоднозначностью и замедленностью, можно утверждать, что имел место культурный континуитет, преемственность в области различных видов искусства; рождение христианского искусства подчинялось здесь общим закономерностям данного процесса в средиземноморском мире;

– исторические итоги античности в Северном Причерноморье заключаются в уникальном тысячелетнем опыте непрерывного существования локальной периферийной античной зоны с рядом ее специфических признаков. В период конца III – начала VII вв. в регионе действовала невероятно сложная система взаимоотношений целого ряда факторов – общеантичных и региональных традиций; римского и византийского влияния; аланского, готского и гуннского воздействия. В результате основные черты жизни северопонтийских греков в принципе сохранились на пороге средневековья, четкую грань наступления которого можно выделить лишь условно.

Уникальность Северного Понта в данный исторический период заключается в следующем:

– это был единственный регион античной цивилизации с альтернативным имперскому периферийно-клиентским вариантом государственности (Боспор);

– этот регион был единственным, который был непосредственно (впервые) завоеван империей в ходе «реконкисты Юстиниана».

Главная специфика изучения Северного Причерноморья заключается ныне не столько в прочтении и интерпретации письменных источников, сколько в осмыслении результатов новых археологических исследований в едином комплексе.

ГЛАВА I. БОСПОР ОТ «ГОТСКИХ ПОХОДОВ» ДО ВИЗАНТИЙСКОЙ АННЕКСИИ

§ 1. Боспор в «готскую» эпоху (2-я пол. III – 3-я четв. IV вв.)

Крупнейшим античным государством Северного Понта всегда оставался Боспор Киммерийский [1]. Истоки финального периода истории античного Боспора лежат в «смутном времени» сер. III в. Общий кризис средиземноморской античной цивилизации во 2-й четв. III в. почти одновременно охватил и Боспор. Вместе с тем на Боспоре не было резкой границы между позднеантичной и предшествовавшей ей эпохой, хотя внутренние настроения можно также рассмотреть в качестве триггера [2]. Однако вряд ли их можно считать катализатором внешних трагических событий, как полагает С.В. Ярцев [3].

Решающее значение имело все же изменение внешнеполитической ситуации [4], что было связано с развитием синполитейных обществ Восточной Европы. С востока двинулись на Боспор сармато-аланские племена [5].

С севера в степях Северного Причерноморья появляются совершенно новые варварские племена, названные античными авторами готами, борана-ми и герулами. Передвижения этих народов нарушили естественный жизненный ритм всех античных центров Северного Причерноморья. Фактически на Боспоре встретились два потока движения: «готский» с севера и аланский с востока.

Если сармато-аланский натиск в 220–239 гг. еще был «типичным» ситуативным (КБН 897), то один из первых ударов иного рода обрушился около 239 г. на Горгиппию и Раевское городище [6]. Позднее, около 244–247 гг., был разгромлен Танаис. Дата его гибели основана на археологическом, прежде всего, монетном материале [7]. Среди находок времен погрома есть ряд германских вещей, но после гибели города еще целое столетие нет следов контактов германцев с нижнедонским населением [8].

---

[1] *Сапрыкин С.Ю.* Древнее Причерноморье. М.-СПб., 2018. С. 535–586.

[2] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 61–68.

[3] Там же. С. 74.

[4] Ср.: *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 5; *Айбабин А.И.* Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. V. Симферополь, 1996. С. 297; *Айбабин А.И.* Боспор и «варвары» во второй половине III в. // Миры Византии. Χερσῶνος θέματα. Симферополь, 2019. С. 179–190.

[5] Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 20.

[6] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. М., 1966. С. 6.

[7] В 70-е гг. была принята дата 240-е гг.: *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972. С. 302–304. В дальнейшем дата разгрома была отодвинута на 251–254 гг. Недавно С.Ю. Сапрыкин вернулся к прежним датировкам: *Сапрыкин С.Ю.* Древнее Причерноморье. М.-СПб., 2018. С. 576.

[8] *Яценко С.А.* Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. // Stratum+ ПАВ. СПб. – Кишинев, 1997. С. 157.

В те же 30-е гг. III в. к северным берегам Меотиды проникли готы и их союзники [1]. Появление их на Боспоре было в целом мирным. И.Т. Кругликова объясняет это тем, что варвары вошли в соглашение с Фарсанзом, который появляется на боспорском престоле в 253–254 гг. [2] Каким путем готы проследовали на Боспор, не совсем ясно, но вероятнее всего – по северному побережью Меотиды [3] и далее через степную Таврику.

Главную роль на первом этапе событий играли бораны [4] и герулы [5], чья этническая принадлежность точно не установлена. Герулы до прихода на Боспор жили между Доном и совр. Азовом в северо-восточном Приазовье [6].

Обосновавшись на Боспоре, варвары предприняли серию так называемых «готских походов», ставших одним из первых массированных прорывов границ Римской империи в ходе кризиса и «военной анархии» III в.

Эти события, основанные преимущественно на сообщении Зосима, достаточно хорошо освещены в историографии, к ним специально обращались А.М. Ременников, В.П. Буданова, В.В. Лавров, Э.А. Хайрединова, С.В. Ярцев, не считая эпизодических упоминаний и у других исследователей.

Первый морской поход варваров с территории Боспора состоялся в 255 или 256 г., второй – в 257 г. Зосим (I. 34–35) сообщает, что оба рейда были предприняты вдоль восточного побережья Понта с целью грабежа. Боспоряне были вынуждены предоставить для пиратов свои суда. В первый раз был разграблен Питиунт, во второй подверглись осаде Фасис, Питиунт, Трапезунт (Zos. I. 32–33), но гарнизоны дали им отпор [7]. Главную роль в этих походах, по мнению А.М. Ременникова [8], с которым согласна В.П. Буданова, сыграли бораны, но участвовали и готы. Епископ Неокесарии Георгий Тавматург (ум. ок. 270 г.) сообщает в каноническом послании 262 г. к епископу Трапезунда о вторжении в Понтийскую область борадов – несомненно, того же племени [9], вместе с готами (Greg. Thaum. PG 10, col. 1037, 1040).

---

[1] *Сапрыкин С.Ю.* Древнее Причерноморье. М.-СПб., 2018. С. 574–575.

[2] *Кругликова И.Т.* Боспор III–IV вв. в свете новых археологических исследований // КСИА. 103. М., 1965. С. 8.

[3] *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 76, прим. 38.

[4] Возможно, это были полиэтничные группировки разбойников-пиратов: *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 76.

[5] *Лавров В.В.* Герулы в Причерноморье // Stratum+ ПАВ. СПб. – Кишинев, 1997. С. 214–217.

[6] *Millar F.* The Roman Empire and its Neighbours. N.Y., 1981. P. 319.

[7] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 78, 84–89. Здесь же анализируется внутриполитическая ситуация на Боспоре на широком фоне археологических материалов, которые вписываются в контекст данных событий.

[8] *Ременников А.М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М., 1954. С. 133.

[9] *Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского // Труды. Т. 2, вып. 2. СПб., 1912. С. 361–362, прим. 2. В IV в. бораны локализуются где-то в юго-восточном углу Черного моря (см.: *Хайрединова Э.А.* Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н. э. // МАИЭТ. IV. 1995. С. 520).

С.В. Ярцев делает вывод о том, что появление на Боспоре варварской группировки, которую он называет меотийцами, и начало морских походов стало следствием внутренней борьбы на власть на Боспоре. С этим можно согласиться лишь частично, так как для варварских нападений на регионы античной ойкумены далеко не всегда существовали и использовались внутренние причины – например, нападение кимвров и тевтонов на римские провинции в I в. до н. э.

В отличие от первых двух походов, третий поход 258 г. готовился уже на базе Боспора [1] и шел двумя потоками: по морю и по суше, вдоль побережья Понта на запад и далее на юг. В рассказе Зосима об этом походе его участники как бы отделены от коалиции племен двух первых походов: «Соседние скифы, увидев привезенные богатства, возымели желание совершить нечто подобное» (Zos. I. 34). Видимо, это была новая коалиция племен, базировавшаяся, скорее всего, западнее готов и боранов [2]. Начиная с этого времени, походы приобретают масштаб угрозы для всей империи и охватывают целый ряд ее регионов на Балканах и в Малой Азии [3].

Следующие походы произошли на Малую Азию в 262, 263 (на Эфес) (Iord. Get. 107–110), 264 (на Каппадокию и Галатию) (SHA, Gallien. X, 1; Philost. II, 5), 266 (на Вифинию) [4].

Наиболее крупным по сравнению с предыдущими был поход 267–268 гг. на Грецию, который организовали герулы (Dexipp. 21; Zos. I. 39; SHA, Hallien, 13. 6–10).

Поход 269 г. отличался от всех предыдущих по характеру и по масштабам [5]. Видимо, готы были намерены поселиться на территории империи, так как вместе с воинами в поход выступили и их семьи (Zos. I. 42–46; SHA, Claud. 6, 2; 8, 6; 9, 4; Dexipp., 23; Amm. Marc. XXXI, 5, 15). Оборону Афин возглавил историк Дексипп [6].

Наконец, в 275 г. «многие варвары с Меотиды» [7] напали на малоазийские провинции. Потерпев ряд поражений от армии императора Тацита, варвары погрузились на (боспорские?) корабли, крейсировавшие все это время у южных берегов Понта, и начали отступление к Меотиде (SHA, Tac. 12, 2;

---

[1] *Сапрыкин С.Ю.* Древнее Причерноморье. М.-СПб., 2018. С. 577.

[2] *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. С. 93.

[3] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 89–90.

[4] Там же. С. 92–94.

[5] Там же. С. 95–99.

[6] Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529 / Ed. P. Castren. Helsinki, 1994; *Махлаюк А.В.* Публий Геренний Дексипп в контексте греко-римской историографии III в.: миссия историка в эпоху смуты // Переходные периоды во всемирной истории: трансформации исторического знания / Отв. ред. М.С. Бобкова. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 121–152.

[7] Об этническом составе «меотийцев»: *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 103–111. О походе 275 г.: там же, с. 116–130.

Zos. I. 64, 2); отступающие варвары потерпели поражение от преследовавшего их римского флота.

Внутренняя ситуация на Боспоре в 253–275 гг. плохо обеспечена источниками. Ни одна датированная надпись, относящаяся к периоду 250–275 гг., не известна [1]. Зосим не без основания обвинил в пиратских набегах варваров с боспорской территории «ничтожных и недостойных правителей», пришедших к власти после прекращения старого царского рода [2]. Видимо, Зосим имел в виду Фарсанза, захватившего власть в результате переворота в 253 г. [3] Впрочем, есть мнение, что Фарсанз мог объявить себя царем параллельно с легитимным правителем Рескупоридом, подняв мятеж на части территории царства [4], скорее всего, европейской [5], где и отмечены значительные разрушения III в. Монеты Фарсанза носят традиционное изображение римского императора. Этот факт можно рассматривать двояко: либо за короткое время правления (с ноября-декабря 253 по начало октября 254 г. [6]) Фарсанз не имел возможности радикально сменить монетный тип, либо «проготская» группировка не желала разрывать пусть и ставшие номинальными связи Боспора с Римом.

В 266/267 гг. появляются первые монеты с именем царя Тейрана. Так как после 268 г. на Боспоре в течение 7 лет не было выпуска монет, считается, что все эти годы (266–275) Тейран продолжал быть соправителем Рескупорида V. В пользу этого говорит и принадлежность Тейрана к династии Тиберием-Юлиев. В 275 г. на троне оказываются сразу три царя (от Савромата IV известны монеты только 275/6 г.). Этот факт дал возможность Н.А. Фроловой расценить действия Рескупорида V как акцию дальновидного политика, прибегшего к соправлению для спасения своего государства [7].

В 50–70-е годы европейская часть Боспора значительно пострадала [8]. В это время погибает ряд поселений Крымского Приазовья, подвергается разгрому Илурат [9] (между 267 и 275 гг.). Приблизительно тогда же заканчивается и история Нимфея как города. Большинство боспорских кладов этого времени были найдены именно в Восточной Таврике [10].

---

[1] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. С. 16.

[2] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. М., 1949. С. 623.

[3] *Кругликова И.Т.* Клад боспорских статеров III в. из дер. Семеновки // СА. 1958. № 3. С. 69.

[4] *Фролова Н.А.* История правления Рискупорида V (242–276 гг.) по нумизматическим данным // СА. 1980. № 3. С. 69; *Безуглов С.И.* К династической истории Боспора в III в. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 22–25.

[5] *Блаватский В.Д.* Пантикапей. М., 1964. С. 203.

[6] *Голенко К.В.* Монеты, найденные при раскопках Керчи в 1964 г. // ВДИ. 1970. № 2. С. 98. Прим. 38.

[7] *Фролова Н.А.* История правления Рискупорида V (242–276 гг.) по нумизматическим данным // СА. 1980. № 3. С. 74.

[8] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. С. 18. В последнее время высказывается предположение о тектоническом характере хотя бы части этих разрушений.

[9] *Горончаровский В.А.* Оборонительные сооружения Илурата // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 37.

[10] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. С. 6.

275/276 г. стал переломным в судьбе Боспора. Тейран стал единоличным правителем с осени 276 г. (КБН 36). Несмотря на известные разрушения, сохранились основные города (кроме Нимфея и Мирмекия, крепости Илурат). Культурный слой в них непрерывен. Наглядным примером начавшегося процесса восстановления может служить комплекс большого общественного здания III–IV вв. типа пританея в Гермонассе [1]. Часть населения разрушенных городов переселилась в главные центры: сравнение личных имен, инновации в области ономастической традиции Пантикапея во 2-й пол. III в. говорят о переселении сюда части населения из Танаиса после разгрома последнего [2]. Вместе с тем прекратили свое существование поселения западнее Узунларского вала в Крымском Приазовье. Видимо, здесь прошла новая граница.

Главное значение «готских походов» для истории Боспора заключается в том, что они нарушили естественный ход развития государства, причинили серьезный ущерб экономике, были первым звеном начавшегося продолжительного передвижения племен [3], в орбиту воздействия которого попадает с тех пор Боспор. Именно эти события – пролог будущего Великого переселения народов IV–VI вв. – можно считать рубежными в определении даты начала позднеантичного этапа истории Боспора [4].

Надпись КБН 36 на базе памятника, сооруженного в честь большой победы, одержанной Тейраном и по своему значению равной спасению государства, является важнейшим источником. Нет сомнения в том, что победа, о которой идет речь в надписи, связана с избавлением от возвращавшихся в 276 г. из набега готов и герулов. После морской битвы близ Таврики разбитые варвары, скорее всего, высадились на сушу в боспорских пределах, где и были добиты боспорским войском. Победе был придан сакральный характер: в надписи упомянуты имена и должности многих настоящих и бывших царедворцев, организованных в особую сакральную коллегию аристопилитов, посвященную Зевсу и Гере Спасителям [5].

Единоличное правление Тейрана по нумизматическим данным длилось всего два года, так как имеются монеты только 277–278 гг. От последующих пяти лет – до начала выпуска статеров Фофорса в 285 г. – монет не найдено [6]. Эпиграфические и письменные свидетельства о Тейране в дальнейшем также отсутствуют.

---

[1] *Коровина А.К.* Позднеантичная Гермонасса (по материалам раскопок 1973–75 гг.) // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 167.

[2] *Даньшин Д.И.* К вопросу об изменениях в этническом составе населения Пантикапея в 3-й четв. III в. и об уточнении датировки надписи КБН 947 из Феодосии // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М., 1986. С. 46.

[3] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. М., 1949. С. 222.

[4] *Айбабин А.И.* Боспор и «варвары» во второй половине III в. // Миры Византии. Χερσῶνος θέματα. Симферополь, 2019. С. 179–190.

[5] *Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 49. 1913. С. 29. Прим. 2; *Айбабин А.И.* Боспорское царство в последней четверти III – третьей четверти IV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 21. 2016. С. 300.

[6] *Фролова Н.А.* Монетное дело Тейрана (266, 275–278 гг.) // КСИА. 204. 1991. С. 103.

Следующие несколько лет боспорской истории весьма темны. Лакуна между Тейраном и Фофорсом охватывает 279–284 гг. Из эпиграфики известно имя царя Хедосбия [1]. В.В. Шкорпил первым поместил на конец III в., а именно на те годы, в которые нет монет Фофорса [2], правление загадочного Хедосбия. Монеты Хедосбия неизвестны. В.Ф. Гайдукевич также отнес время его правления на этот темный период [3], хотя первоначально относил его к разрыву в правлении Тейрана (267/8–275/6 гг.) [4]. В дальнейшем высказывались соображения, что правление этого царя нужно поместить как гораздо позднее [5], так и ранее [6], что не имеет принципиального значения для воссоздания общего направления исторического развития Боспора в данное время.

В 285 г. к власти приходит правитель с иранским именем Фофорс [7]. А.Н. Зограф, исходя из нединастического имени этого царя и наличия на обратной стороне его монет тамгообразного знака, считал, что он и, возможно, его преемник Радамсад не принадлежали к традиционной династии [8]. Его легитимность не вызывала сомнений. Об этом свидетельствует его долгое и относительно спокойное правление. Он, видимо, нашел компромисс с переселявшимися с востока аланами, открыв им «коридор» на запад.

К последнему десятилетию III в. иногда относят пассаж Константина Багрянородного о неких боспорско-херсонесских войнах (De administrando imperio, 53) [9]. По меньшей мере три исследователя во 2-й пол. XX в. (не считая более ранних) в той или иной мере допускали историчность сведений Порфирогенита [10]. На рубеже XXI в. в подтверждение этой реконструкции событий приводились некоторые археологические материалы [11], в частности,

---

[1] *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1913 г. СПб., 1914. С. 2. № 1.

[2] Там же. С. 65–67.

[3] *Gajdukevic V.F.* Das Bosporanische Reich. B.-Amsterdam, 1971. S. 475–476.

[4] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 452.

[5] *Кучеревская Н.Л., Федосеев Н.Ф.* Боспорский царь «Хедосбий» (КБН 846) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 269–276.

[6] *Чореф М.М.* К истории правления Хедосбия // Stratum+. № 6. 2020. Таинства перемещений. С. 237.

[7] *Чореф М.М.* Боспорское царство при Фофорсе: по нумизматическим данным // Российский археологический ежегодник. № 4. 2014. С. 323–365.

[8] *Зограф А.Н.* Античные монеты. М., 1951. С. 211.

[9] См.: *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 13–14; *Грацианская Л.И.* К хронологии античных херсонесских сюжетов Константина Багрянородного («De administrando imperio» Cap. 53, lin. 1–492) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 106–107; *Грацианская Л.И.* Ранние херсонесские сюжеты Константина Багрянородного как источник по истории Боспора (De administrando imperio. Cap. 53, lin. 1–492) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Т. 1. СПб., 2004. С. 87–94.

[10] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). К., 1977. С. 92; *Nadel B.* Litterary tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus· Information on the Bosporan kingdom in the time of Emperor Diocletian Reconsidered // Annales letteraires de l᾽Universite de Besancon. P., 1977. P. 92; *Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. М., 1967. С. 206.

[11] *Юрочкин В.Ю.* Этнополитическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. С. 279–282.

сокрытие клада монет 1959 г. из Судака. Наиболее поздняя из монет этого клада относится к 291 г. [1] Однако на основании монетного материала М.Г. Абрамзон и Н.А. Фролова в 2008 г. показали, что доверять сообщению Константина Багрянородного в целом не стоит, а все построенные на основании его пассажа исторические реконструкции являются недоказуемыми [2]. Последовательным критиком сообщения Константина в целом является также А.И. Айбабин.

Уточнить представления о последних годах правления Фофорса позволяет надпись Валерия Аврелия Сога (КБН 64) от 603 г. б. э. (осень 305 – осень 306 гг.) [3]. Употребление в ней слова επαρχια (провинция) дало возможность специалистам высказать ряд соображений о политическом статусе Боспора в начале IV в. В.В. Латышев делает вывод об усилении римского влияния на Боспоре, но при этом подчеркивает, что «продолжало существовать Боспорское государство» [4].

Встает вопрос о причинах полного молчания о боспорском царе в надписи Сога, хотя в надписях подобного типа упоминание формулы с именем царя было обязательным. Так как нам достоверно известно, что царская власть на Боспоре в то время существовала, то умолчание о ней было вызвано какими-то политическими обстоятельствами, а также тем, что Феодосия, может быть, была временно занята проримскими силами (т. е. Херсонесом) [5]. Если учесть, что Сог отсутствовал в Пантикапее 16 лет, т. е. покинул Боспор в 290 г., а также то, что, будучи наместником Феодосии, он не упоминает о царе Боспора, то придется допустить, что Сог – римский ставленник в Феодосии [6]. Сам факт того, что один из высших боспорских сановников в течение долгого времени, по-видимому, находился на службе у римских императоров, очень показателен [7]. В этой связи высказывалось предположение о том, что Сог был одним из вождей боспорских изгнанников – сторонников проримской ориентации, осевших в Феодосии, находившейся под контролем Херсонеса, а значит, и Рима. На это, видимо, указывает и Псевдо-Арриан, говоря в V в. о том, что в Феодосии «жили некогда и изгнанники из Боспора». Но была ли Феодосия отторгнута от Боспора [8], и когда, точного ответа нет.

---

[1] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. С. 19. Более полный обзор см.: *Голенко В.К.* К вопросу о времени сооружения «цитадели» на горе Опук // ХСб. 10. Севастополь, 1999. С. 45–47.

[2] *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.) / БИ. Suppl. II. Симферополь – Керчь, 2008. С. 545–547.

[3] *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1901–03 гг. // ИАК. 10. 1904. С. 127. № 21; *Петрова Э.Б.* Менестрат и Сог: (К вопросу о наместниках в Феодосии первых веков н. э.) // БИ. Вып. 1. 2001. С. 44–54.

[4] *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1901–03 гг. // ИАК. 10. 1904. С. 127.

[5] Там же. С. 237.

[6] Там же. С. 236.

[7] *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время. С. 247; *Сидоренко В.А.* Высшие воинские должности на Боспоре во II – начале IV вв. н. э. (по материалам эпиграфики) // БИ. I. Симферополь, 2001. С. 137–146.

[8] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 15.

На монетах Фофорса неизменно сохраняются портреты римского императора [1]. Это означает, что римский сенат признавал данного правителя [2]. Следовательно, политический статус Боспора при этом царе не менялся.

Об усилении позиций Рима в регионе свидетельствует также надпись КБН 1051 от 307 г. В ней употребляются римские названия двух столиц Боспора времен Августа – Кесария и Агриппия. Это кажется весьма удивительным через три столетия после первого упоминания. Вызывает интерес и формулировка, указывающая на существование автономных гражданских общин [3]. Надпись имеет подчеркнуто проримский характер. Отсутствует имя боспорского царя. Но вместе с тем под надписью вырезан тамгообразный знак [4]. Все это в целом подтверждает намеченные основные линии правления Фофорса: его сармато-аланское происхождение, наличие двух политических группировок на Боспоре и борьба между ними [5], усиление римского влияния на Боспоре в нач. IV в.

Правление Фофорса было заметным явлением в истории Боспора. Видимо, при нем впервые пришли к власти в полном объеме представители сармато-аланской знати, что отражало повышение их реальной роли в жизни Боспора. В последнем случае, видимо, проявились в последний раз старые претензии Боспора на гегемонию во всей Таврике [6], которые восходили ко времени Митридата и оживились после падения царства поздних скифов. Риму удалось пресечь эти тенденции.

После Фофорса боспорским царем становится правитель с иранским именем Радамсад (309–322) [7]. Поскольку точно установлены только надписи КБН 65, 66, особое значение приобретают монеты, выпущенные от имени этого царя [8]. Первые шесть из 13 лет своего правления Радамсад царствовал единолично. Анализ поздних боспорских монетных кладов показывает, что ни в одном из 18 известных к этому времени кладов монеты Радамсада не являются последними [9]. Это явный признак того, что при Радамсаде не было массового сокрытия кладов, что, в свою очередь, является признаком относительно стабильной внутренней ситуации. Косвенным подтверждением этого служит и то, что обе известные надписи Радамсада – строительные [10].

---

[1] *Фролова Н.А.* Монетное дело Фофорса (285–308 гг.). С. 51; *Чореф М.М.* Боспорское царство при Фофорсе: по нумизматическим данным // Российский археологический ежегодник. № 4. 2014. С. 323–365.

[2] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. М., 1949. С. 270.

[3] *Сапрыкин С.Ю.* Древнее Причерноморье. М.-СПб., 2018. С. 579.

[4] *Соломоник Н.И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959. С. 75. Рис. 30.

[5] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. С. 19.

[6] *Крыкин С.М.* Проблема сущности боспорского протектората в античном Северном Причерноморье // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 60–61.

[7] *Сапрыкин С.Ю.* Древнее Причерноморье. М.-СПб., 2018. С. 580.

[8] *Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р.* Монетное дело боспорского царя Радамсада // НиЭ. XV. 1989. С. 53–96.

[9] *Фролова Н.А.* Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4. С. 198.

[10] *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время. С. 248.

В 314 г. параллельно с монетами Радамсада появляется первый выпуск Рескупорида VI [1]. В надписи КБН 66 засвидетельствован факт совместного правления этих двух царей. В конце 318 г. происходит еще один выпуск Рескупорида VI [2]. А.Н. Зограф относил период соправления к 315–316 гг. [3], Л.П. Харко и Д.Б. Шелов – к 315–319 гг. [4], Н.А. Фролова – 314–319 и 322 гг.[5]. Отмечается, что чеканка монет не была одинаково интенсивной. Начиная с 319 г. выпуски монет Радамсада уменьшаются, а после 322 г. более вообще не чеканятся [6].

Обстоятельства ухода Радамсада с трона неясны. Однако известно, что в 322 г. на Дунае херсонесские войска помогли Риму отразить каких-то северопричерноморских варваров (Zos. II. 21). А.А. Васильев полагал, что сарматы Зосима, напавшие в 322 г. на империю, – это готы, причем крымские [7]. С.В. Ярцев недавно подчеркнул, что Зосим недвусмысленно называет Равсимода «царем варваров» и полагает, что описанный эпизод являлся чисто грабительским рейдом, характерным для варваров [8], опуская идею о тождестве с Равсимодом. Со временем в историографии также все более нарастает скептицизм по поводу связи этих событий с Боспором.

В 330-е гг. некоторые специалисты помещали новые эпизоды, связанные с интерпретацией пассажа Константина Багрянородного. Так, С.В. Ярцев переносит третий эпизод предполагаемых боспоро-херсонесских войн предположительно на 320-е гг., а четвертый – на 341 г. и далее [9]. Однако А.И. Айбабин полностью отвергает информацию о войнах Херсонеса с Боспором в целом на основании пассажа Порфирогенита (а также о походе херсонесцев на Дунай и о баллистариях) [10]. М.Г. Абрамзон и Н.А. Фролова подкрепили

---

[1] *Фролова Н.А.* О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI // СА. 1975. № 4. С. 50.

[2] *Голенко К.В.* К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора // ВВ. 25. 1964. С. 178.

[3] *Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 212.

[4] *Харко Л.П.* Тиритакский монетный клад 1946 г. // ВДИ. 1949. № 2. С. 73; *Шелов Д.Б.* Феодосийский клад боспорских статеров // ВДИ. 1950. № 2. С. 139.

[5] *Фролова Н.А.* О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI. С. 52.

[6] *Чореф М.М.* К вопросу о датировании совместного правления Радамсадия и Рескупорида V // В поисках сущности. Сборник статей к 60-летию Н.Д. Руссева. Кишинев, 2019. С. 109–118.

[7] *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 1 // ИРАИМК. 1921. С. 289.

[8] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 152–173, особенно с. 156.

[9] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 191–198.

[10] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 48. С.Б. Сорочан считает, что баллистарии в Херсонесе надодились до середины VI в.: *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. С. 176.

этот вывод нумизматическим материалом. Он представляется убедительным, поэтому все реконструкции такого рода следует признать недоказуемыми [1].

В 1927 г. у горы Курубаш близ Феодосии был обнаружен клад (не ранее 327 г.) – исключительно из монет Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI [2]. Он показывает, что в 1-й пол. IV в. район Феодосии входил в состав Боспора.

В 333 г. в ходе династического раздела империи Константин «разделил Римскую империю так, как частный человек мог бы разделить свою наследственную собственность» (Euseb. Vita Const. IV. 51–52). Константин дал своему племяннику Ганнибалиану «ненавистное римлянам имя царя (rex) и титул Nobilissimus» (Amm. Marc. XIV. I). В состав владений последнего с центром в Кесарии Каппадокийской вошли Понт, Каппадокия и Малая Армения [3]. Возможно, Ганнибалиану был предоставлен номинальный престол Армении и Понта с титулом царя царей [4]. Наполнить этот титул реальным содержанием не удалось: в 337 г. после смерти Константина в числе других наследников императора в ходе борьбы за власть был убит и «царь Армении и Понта». Был ли Боспор, хотя бы и номинально, включен в состав этого «царства»? [5]

Традиционное для старой династии имя Тибериев-Юлиев не может быть твердым доказательством того, что Рескупорид VI к ней принадлежал [6], но в любом случае принятие такого тронного имени отражало победу консервативных, т. е. проримских сил в политической жизни Боспора. Это был последний надежно установленный боспорский царь, а его эпоха – последняя, относительно неплохо поддающаяся реконструкции по источникам, прежде всего нумизматическим [7].

Окончательное прекращение боспорской чеканки стало важнейшим событием истории Боспора при Рескупориде [8]. Царь, вероятнее всего, умер вскоре после или одновременно с прекращением чеканки боспорских монет в 342/3 г. В.А. Анохин считает, что прекращение чеканки монет произошло достаточно резко и неожиданно, так как перед самым концом чеканки интенсивность работы монетного двора была настолько высокой, что общепринятый взгляд о естественном прекращении чеканки по причине хозяйственного

---

[1] *Абрамзон М.Г.* Массовая тезаврация на Боспоре в 320-х – начале 340-х гг. н. э.: проблема интерпретации // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 5–11.

[2] *Шелов Д.Б.* Феодосийский клад боспорских «статеров» // ВДИ. 1950. № 2. С. 134–139.

[3] *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. Т. 2. М., 1885. С. 268. Прим. 1.

[4] *Ферреро Г.* Гибель античной цивилизации. К.-Лейпциг, 1923. С. 93.

[5] *Моммзен Т.* История Рима. Т. V. С. 268.

[6] *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время. С. 249.

[7] *Фролова Н.А.* О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI. С. 45–56; *Frolova N.A.* The Coinage of the Kingdom of Bosporus A. D. 242–341/2. Oxf., 1983.

[8] *Абрамзон М.Г.* Массовая тезаврация на Боспоре в 320-х – начале 340-х гг. н. э.: проблема интерпретации // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 5–11.

упадка и натурализации выглядит сомнительным [1]. В настоящее время вопрос еще далек от окончательного разрешения.

В 2018 г. С.Ю. Сапрыкин в курсе лекций «Древнее Причерноморье» совершенно неожиданно и без аргументации выдвинул неосторожный тезис о том, что «около середины IV в. под ударами пришедших с востока гуннских племен Боспорское государство *пало*, хотя отдельные анклавы и поселения, например, на азиатской стороне, продолжали существовать» [2]. Столь категоричное суждение нуждается в комментарии. Очевидно, что исследователь связал «гибель» Боспора с прекращением эмиссии монеты. Но приход гуннских племен в регион традиционно датируется не серединой IV века, а 375 г. Поэтому датировка С.Ю. Сапрыкина относительно гуннов ошибочна, и связывать эти два события невозможно. Тем не менее далее он, противореча самому себе, в следующем же абзаце утверждает, что «вскоре оно [Боспорское государство] возродилось, но его могущество было ограничено». Эта фраза совершенно нелогична – если государство пало, то тогда откуда «могущество»? И кем или чем оно было ограничено?

Далее говорится о том, что гунны в середине 2-й пол. IV в. переправились в Восточный Крым (что более соответствует традиционным представлениям), «разорив почти все боспорские города». Но «Боспорское государство в последующие полтора века хотя и существовало, но все сильнее клонилось к упадку». Надо полагать, что существование Боспора продлевается ученым до византийского завоевания, с чем нельзя не согласиться. К сожалению, гуннский погром около 375 г. уже достаточно давно отвергается археологами на том основании, что его отчетливых следов не существует [3]. Следовательно, вся многочисленная литература по позднему Боспору не была принята во внимание автором при подготовке данного раздела данного пособия – в остальном весьма фундированного и основательного.

Еще одно противоречие возникает далее: на с. 581 на основании надписи КБН 744 отмечено, что в 343–353 гг. на Боспоре продолжали существовать некоторые прежние государственные должности. А ведь на 343–375 или 343–362 гг. и должно приходиться время «падения» Боспора и отсутствия государства (см. выше)!

В действительности почти 20-летний период с 343 по 362 гг. весьма темен, но в том, что Боспорское государство продолжало в это время существовать, не может быть никакого сомнения [4].

Очень важным является факт нахождения в Керчи двух серебряных фиал или патер, относящихся к категории вотивных сосудов, а также блюда с

---

[1] *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. К., 1986. С. 214.

[2] *Сапрыкин С.Ю.* Древнее Причерноморье. М.-СПб., 2018. С. 580–581.

[3] *Айбабин А.И.* О нападении гуннов на Боспор в конце IV в. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Керчь, 2017. С. 11–15.

[4] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 199–217.

изображением Констанция II (337–361) [1]. Им посвящена обширная, в том числе и недавняя, литература. Эти чаши были, несомненно, подарены представителям высшей боспорской знати, а может быть, и правителям Боспора римской администрацией [2]. Сложнее решить вопрос об общем характере взаимоотношений Боспора с Римом после середины 40-х гг. Были ли эти дары Констанция II простым актом уважения знатным пантикапейцам за твердую проримскую ориентацию, или положение было сложнее? В.Д. Блаватский предполагает, что при Рескупориде и его преемниках Боспор еще довольно прочно входил в орбиту римского влияния [3].

Три десятилетия догуннского периода лишены твердой опоры в источниках. Тем не менее в литературе появлялись попытки заполнить эту лакуну. По мнению Р. Гарнетта, буквально принявшего хронологию Константина Багрянородного, в 342/3–360 гг. на Боспоре правил Савромат V, а в 360–371 гг. – Савромат VI [4]. Это предположение некорректно, так как сведения Константина о двух последних Савроматах носят чисто литературный характер [5]. Даты же их «правления» являются полностью гипотетическими. Вместе с тем, без сомнения, и в эти темные годы сохраняется боспорская государственность и царская власть.

Большой интерес вызывает сообщение Аммиана Марцеллина под 362 г. (XXII. 7, 10): «С севера и пустынных пространств… ехали посольства боспорян и других, неведомых раньше народов, с мольбой о том, чтобы за внесение ежегодной дани им дозволено было мирно жить в пределах родной им земли, платя ежегодно обычную дань». Так как просьба о помощи не была удовлетворена, можно считать, что при Юлиане Рим, скорее всего, прекратил предоставление субсидий для Боспора. Анализируя этот отрывок, обычно подчеркивают страх боспорян в условиях начавшегося передвижения гуннов и их стремление заручиться помощью империи. Но при этом забывают, что кроме боспорян к императору ехали послы также и «неведомых народов». Это могли быть или представители каких-то племен гуннского союза, ибо аланы были известны в империи с I в. н. э., или племена, спасавшиеся от наступления готов Германариха.

Посольство 362 г. к Юлиану можно связать скорее с готской угрозой и по мнению Х.-Ф. Байера [6]. «Готская тема» в отношении Боспора 50–60-х гг. IV в. восходит к А.А. Васильеву, предполагавшему, что Боспор попал в сферу влияния формировавшейся тогда готской державы Германариха [7]. Дей-

---

[1] *Мацулевич Л.А.* Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926. С. 9; *Засецкая И.П.* О месте изготовления серебряных чаш с изображением Констанция II из Керчи // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995. С. 225–237.

[2] *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время. С. 250.

[3] Там же.

[4] *Garnett R.* The Story of Gycia // The English Historical Rewiew. XII. N.Y. – Bombay, 1897. P. 102–103.

[5] Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 454. Прим. 25.

[6] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 20–21.

[7] *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 1 // ИРАИМК. Л., 1921. С. 312–313.

ствительно, в то время остроготы распространили свою гегемонию почти на все степи Северного Причерноморья, однако исключая Крым [1]. Видимо, Боспор в это время опасался готов с севера и запада больше, чем гуннов с востока. Но непосредственных письменных источников о подчинении Боспора готам нет [2].

В Крыму готы осели в основном на склонах Крымских гор и прилегающих областях вплоть до Феодосии и Казантипа. Вряд ли готы составили в то время сколько-нибудь значительную часть населения Боспора. Однако готская элитарная группа вполне могла оставить здесь выразительный археологический контекст. Элементы материальной культуры готов последней четверти IV в. на Боспоре обобщил М.М. Казанский [3].

С.В. Ярцев усматривает в политике Юлиана (362–363) в Северном Причерноморье целую стратегию и меры по созданию эшелонированной буферной зоны [4]. Однако этот император правил слишком недолго, чтобы в полной мере можно было согласиться с такой аргументацией.

Отметим также, что относимая А.И. Айбабиным к началу 360-х гг. ситуация, описанная в XXVII речи Фемистия о поставках хлеба в Константинополь с Боспора и Херсонеса, датирована им ошибочно [5], так как речь называется «На мое назначение префектом Константинополя», а это назначение имело место в 384 г. [6] К сожалению, это место цитируется С.В. Ярцевым, не исправившим эту ошибку [7].

Также А.И. Айбабин недавно представил общие итоги исторического периода на Боспоре от «готских походов» до начала передвижений гуннов [8].

В 370-е гг. геополитическая ситуация в Северном Причерноморье резко изменяется в связи с нашествием гуннов и началом основной фазы Великого переселения народов [9].

---

[1] *Зиньковская И.В.* Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья. М.-СПб., 2018. С. 180.

[2] *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 1. С. 289.

[3] *Казанский М.М.* Начало эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском: итоги и перспективы // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Симферополь – Керчь, 2019. С. 256–265.

[4] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 217–244.

[5] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 47.

[6] Подробнее см.: *Vanderspoel J.* Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996.

[7] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 237.

[8] *Айбабин А.И.* Боспорское царство в последней четверти III – третьей четверти IV вв. // МАИЭТ. XXI. 2016. С. 300–311.

[9] *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000; *Буданова В.П.* Великое переселение народов как универсальная модель взаимодействия цивилизации и варварства // Цивилизации. Вып. 5. М.: Наука, 2002. С. 168–191; *Буданова В.П.* О некоторых перспективах исследования Великого переселения народов // Средние века. 61. М.: Наука, 2000. С. 139–153; *Буданова В.П.* Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и

§ 2. «Гуннское» время (конец IV – начало VI вв.)

О происхождении гуннов и обстоятельствах их прихода в Европу на основании письменных источников писали все авторы, так или иначе пытавшиеся реконструировать историю позднего Боспора [1]. Вторжение гуннов на земли аланов-танаитов было заключительным этапом борьбы с аланами междуморья. Появление гуннов в Европе могло показаться внезапным только тем готам, которые жили вдали от Меотиды [2].

На запад двинулась, по всей видимости, лишь одна орда во главе с Баламиром. Она направилась через низовья Танаиса и обрушилась не на готов, а на родственные им племена, отошедшие на запад ранее [3], тем более не на Боспор, который гунны могли «зацепить» лишь в азиатской его части в период борьбы с аланами. За спиной Баламира осталось сильное племя акациров, сопротивлявшееся гуннскому союзу до 40-х годов V в. (Prisc. 8). Таким образом, «вторжение» гуннов было широкой миграцией относительно слабо связанных элементов [4].

Посреди нахлынувшего варварского моря Боспор должен был сохранить свою государственность, тем более что варвары «абсолютно не способны создать устойчивые длительные социальные и политические институты» [5]. Аммиан Марцеллин в контексте гуннского нашествия ничего не сообщает о судьбе Боспорского царства и участи его жителей [6]. Это, видимо, не случайно. Описание гуннов Аммианом страдает преувеличениями (Amm. Marc. XXXI, 2. 1–12). Причины – в первом столкновении невиданного доселе полностью кочевого азиатского народа с античной цивилизацией. «Гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами, произвели у них страшные истребления и опустошения, а других привязали к себе договором примирения, с их помощью более уверенно внезапным набегом вторглись в широко распростершиеся и тучные паги Ерменриха, воинственнейшего короля, которого боялись из-за многих различных подвигов соседние народы» (Amm. Marc. XXXI, 3. 1). Как видим, о Боспоре здесь нет и речи, а цель гуннов – исключительно готская держава, представлявшая угрозу соседям.

Зосим во 2-й пол. V в. говорит о «варварском племени, до того неизвестном и появившемся внезапно», и о том, что «Киммерийский Боспор, об-

---

средневековья. М.: ИВИ РАН, 1991; *Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М.: ИС РАН, 1999.

[1] *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время. С. 251–253; *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). С. 132–142; *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. С. 22–28; *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 229–232.

[2] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 12.

[3] Там же. С. 14.

[4] Там же. С. 15.

[5] *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991. С. 553.

[6] *Maenchen-Helfen O.* The world of the Huns. L.-Ang., 1973. P. 26.

мелевший от снесенного Танаисом ила, позволил им перейти пешком из Азии в Европу» (IV, 20). Тогда же, во 2-й пол. V в., в литературной традиции появляется легенда об олене или лани, показавших кочевникам брод через пролив (Soz. IV. 34). Ранее в этой легенде усматривали следы мифа об Ио, перешедшей пролив через брод. А.В. Гадло, однако, подчеркивает гуннский фольклорный характер этого предания [1]. Авторы V–VI вв. стремились объяснить возможность перехода через водную преграду в 3–4 км полусказочными причинами, хотя понимали, что легенда об олене мало достоверна. В дошедших фрагментах современника событий Евнапия нет рассказа об олене, но видна растерянность автора относительно правдивости сообщения о гуннах: «Где находились гунны, откуда они вышли, как пробежали всю Европу и оттиснули скифский народ, о том никто не сказал ничего ясного» (Eunap. 42).

Важно, что ни у одного автора нет речи о замерзшем проливе и о переходе гуннов по льду. Так что вопрос о времени года, когда происходил переход, остается открытым. Даже помня о том, что уровень воды в проливе был тогда значительно ниже современного, вряд ли можно допустить наличие сплошного брода. Гунны переправлялись через реки в челноках [2]. В большинстве версий говорится о переходе либо через Киммерийский Боспор, либо через «устье Меотиды». Зосим называет просто Боспор. Прокопий говорит об «устье Меотиды», подчеркивая, что, перейдя «Болото» и оказавшись на «противоположном материке», «киммерийцы» внезапно напали на готов (Bello Goth. VIII, 5). Об «устье Меотиды», впадающем в Понт, пишет Агафий Миринейский (V.11), особо отмечая, что гунны «или действительно ведомые оленем, как передает басня, или вследствие другой случайной причины, во всяком случае перешли каким-то образом Меотидское болото, которое раньше считалось непроходимым». Созомен также говорит, что после переправы гунны столкнулись именно с готами (VI. 37). Иордан сообщает: «Гунны пешим ходом перешли Меотийское озеро, которое считали непереходимым как море» (Iord. 124).

Таким образом, судя по письменным источникам, мы не имеем возможности утверждать, что гунны прошли на запад именно через Боспор. Трудно представить, что между двумя берегами Керченского пролива, как и между берегами Танаиса, не было никакого сообщения. Вслед за вполне конкретными указаниями современников мы должны признать, что гуннского вторжения на Боспор в 370-х гг. просто не было как массового и разрушительного [3]. Ни одного сообщения в источниках по этому поводу нет. В середине же V в., когда гунны составляли главную угрозу империи, была создана легенда о переходе гуннов через море, впоследствии окончательно закрепившаяся в традиции.

---

[1] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 16.

[2] *Maenchen-Helfen O.* The world of the Huns. P. 215.

[3] Ср.: *Сазанов А.В.* Города и поселения Боспора ранневизантийского времени. С. 28; *Айбабин А.И.* О нападении гуннов на Боспор в конце IV в. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Керчь, 2017. С. 11–15.

При этом надо признать, что некоторые следы разрушений конца IV в. отмечаются в районе Фанагории [1], а также в южном предместье Пантикапея в районе музея (раскопки А.И. Айбабина 2009 г.). А.И. Айбабин связывает их с проходом одного из гуннских племен через Крым с севера на Кавказ [2].

Массовое вторжение гуннов было направлено не на Боспор, а на Остготскую державу [3]. Орозий прямо пишет об этом: «На 13-м году правления Валента … племя гуннов … возбужденное внезапным неистовством, двинулось *против готов* и, приведя их повсюду в замешательство, выгнало из старинных мест жительства» (Oros. VII, 32, 14). Не вызывает сомнения, что нападение было тщательно спланировано. Его следует датировать 375–376 г. [4]

При бегстве готов от гуннов не исключены были и готские переселения и даже завоевания в восточном Крыму. По М. Казанскому, археологический материал фиксирует проникновение в Крым двух волн германцев: «вельбарской» III в. и «черняховской» IV – нач. V вв. Х.-Ф. Байер называет эти волны «раннечерняховской» и «позднечерняховской». Вторая волна, по Байеру, достигла, в первую очередь, восточного Крыма [5]. Сообщение Прокопия о том, что город Боспор был «давно варваризирован» (De aedif. III. 7, 12), можно понимать и так, что он в 375–376 г. стал готским [6].

Гунны, по всей видимости, как убедительно показал А.И. Айбабин, вошли в Крым с севера лишь на рубеже IV–V вв. или в начале V в. [7] Их могильники группируются в степной Таврике, а на Боспоре – до Узунларского вала, исключая единичные находки в Керчи.

История Боспора в V в. поддается лишь самому схематичному воссозданию. К 404 г. относится XIV письмо Иоанна Златоуста к Олимпиаде, в котором опальный патриарх высказывает беспокойство о судьбе крымско-готской епархии после смерти епископа Унилы (400–404) [8]. В связи с этим некий rex Gothorum направил в Константинополь письма с просьбой о посылке нового епископа. На основании этого места А.А. Васильев предполагал, что резиденция епископа готов могла быть, скорее всего, в Пантикапее-Боспоре, а не

---

[1] *Медведев А.П.* Позднеантичный некрополь Фанагории (раскопки 2005 г.) // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 1. СПб., 2007. С. 224–228.

[2] *Айбабин А.И.* О нападении гуннов на Боспор в конце IV в. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Керчь, 2017. С. 14.

[3] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 257.

[4] И опять-таки обращаем внимание на ни на чем не основанное утверждение о том, что «в 360–370 гг. нашествие гуннов не привело к полному разрушению [Боспора]»: *Сапрыкин С.Ю.* Древнее Причерноморье. М.-СПб., 2018. С. 581. Общепринятая датировка начала движения гуннов на запад – 375 г.

[5] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. С. 16.

[6] Там же. С. 30.

[7] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 73.

[8] Иоанн Златоуст. Творения. Т. 3. СПб., 1900. С. 637–645.

в горном Крыму [1]. Х. Байер также считает, что епископ Унила жил на Боспоре. Однако это мнение невозможно подтвердить иными источниками.

Вопрос о самостоятельности Боспорского государства в данный период точно выяснить невозможно. Можно предполагать три варианта:

1) независимое Боспорское государство, инкорпорировавшее автономную готскую общину и расселившее готов-федератов на границах;

2) кондоминиум Боспора и Готии на одной территории;

3) «готский протекторат» над подчиненным готами Боспором при сохранении последним элементов самоуправления.

Первый вариант явно предпочтительнее прочих. Германские древности 1-й пол. V в. на Боспоре еще нуждаются в тщательном анализе.

До середины V в., в эпоху державы Аттилы, северопричерноморские и северокавказские степи входили в сферу влияния гуннской «империи». При гуннской гегемонии в степном Крыму постоянного населения в 1-й пол. V в., по-видимому, не было. Доминировало здесь кочевое племя альциагиров [2], которых Иордан помещал в степях «около Херсоны, куда жадный купец возит богатства Азии; летом они бродят по степи, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота, зимой же переходят к Понтийскому морю» (Iord. 37). Действительно, Крымская степь не приспособлена для интенсивной круглогодичной эксплуатации выпасов и нуждается в ежегодном восстановлении травяного покрова [3]. Это достигалось кратковременностью сезонных перекочевок. В степном Крыму из-за этого ни одно кочевое племя не могло оставаться надолго.

В 430–431 гг. часть гуннов-утигуров возвратилась на восток (Procop. Bello Goth. VIII, 5), дойдя до Восточного Крыма. Близ Казантипского залива они разбили готов и, обойдя Пантикапей, прошли на восток [4]. Они «со своим вождем решили вернуться домой, с тем чтобы в дальнейшем владеть этой страной одним» (Procop. Bello Goth. VIII, 5). Утигуры оттеснили альциагиров и прошли в Крым, где их и локализует Прокопий: «Лежащее между Херсоном и Боспором пространство занято гуннами» (Bello Pers. I, 12), и «если идти из Боспора в Херсон, то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов» (Bello Goth.VIII, 5). Движение утигуров на восток свидетельствует о том, что путь через «устье Меотиды» был им хорошо известен и ранее использован при движении гуннов на запад.

Имеются топографическо-исторические реконструкции пути утигуров на восток по Крымскому Приазовью [5].

---

[1] *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 2 // ИГАИМК. V. Л., 1927. С. 304.

[2] *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. К., 1990. С. 14.

[3] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 15.

[4] *Щукин М.Б.* Готский путь. СПб., 2005. С. 453; *Ермолин А.Л.* Система расселения, обороны и этноконфессиональный состав населения Европейского Боспора в III–VI вв. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2012. С. 23.

[5] *Ермолин А.Л.* Гунны-утигуры и готы-тетракситы в сочинении Прокопия Кесарийского (локализация места противостояния гуннов и готов, а также путь их движения через Керченский пролив в 3-й четв. V в. н. э.) // Боспорский феномен. СПб.: ГЭ, ИИМК, ГМИР, 2005. С. 349–354. В этой работе автор еще не уточнил хронологию и не переносил возвращение утигуров с 460-х гг.

Из Прокопия нам известно, что, столкнувшись в (восточном?) Крыму с готами, утигуры оттеснили их частично в Крымские горы, частично в Прикубанье. Сражение между ними произошло, очевидно, на Керченском полуострове [1], после чего был заключен мир (Procop. Bello Goth. VIII, 5). Из этого сообщения ясно, что утигуры расположились в Прикубанье и далее на север по восточному берегу Меотиды вплоть до Танаиса, а Таврика вплоть до хазарского времени становится местом из сезонных выпасов [2].

В 454 г. в битве при Недао гунны были разбиты гепидами во главе с Ардарихом, в 463 г. – сарагурами, а в 469 г. – остготами и имперскими войсками. В условиях распада гуннской державы в Крым двинулись из Паннонии остальные утигуры, которые считаются одной из первых групп ранних болгар [3]. С середины V в. степные пространства Таврики оказались в прочном владении гуннов [4].

Мы не знаем, насколько реально мирным было для Боспора возвращение утигуров. С уверенностью можно отметить лишь один случай разгрома боспорской крепости в середине V в. – на Ильичевском городище [5]. Прокопий сообщает, что «утигуры одни завладели страной, не доставляя римлянам никаких затруднений, так как по месту жительства они совершенно не соприкасались с ними; между ними жило много племен, так что волей-неволей им не приходилось проявлять против них никаких враждебных действий» (Procop. Bello Goth. VIII. 5).

Из рассказа Прокопия о возвращении утигуров не ясно, владеют ли в тот момент готы-тетракситы Боспором. В любом случае, утигуры стали союзниками империи и оттеснили готов на восток. «Оплаченные римлянами утигуры напали по поручению империи на готов-тетракситов и прекратили таким образом готскую власть в бывшем или еще существующем Боспорском царстве» [6], – утверждает Х.-Ф. Байер. Однако он датирует возвращение утигуров 527 г., а надо 430-ми, да и термин «готская власть» опирается лишь на фразу Прокопия о «давно варваризованном Боспоре», что можно понимать поразному.

Очевидно, роль очага цивилизации и большого рынка для торгового обмена между варварами и культурным югом помогла Боспору пережить трудный V век. Иордан сообщает, что отсюда шли в столицу империи меха, которые доставляли на Боспор соседние варвары (Iord. 5). Эта статья экспор-

---

на 430-е. Также см.: *Ермолин А.Л.* Локализация места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове // Древности Боспора. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2006. С. 90-101.

[1] *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 1. С. 308.

[2] *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 15.

[3] *Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. С. 51–53; *Ромашов С.А.* Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв. / Рукопись депонирована в ИНИОН РАН № 46250 от 17.03.1992.

[4] *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. К., 1914. С. 55.

[5] *Николаева Э.Я.* Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). Т. 2. Ереван, 1979. С. 376–377.

[6] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. С. 35.

та существовала долгие века, независимо от смены кочевых племен по соседству с побережьем [1].

Археологическим диагностирующим признаком культуры южнорусских степей гуннского времени являются ювелирные изделия в полихромном стиле инкрустации [2]. Гуннская «мода» сохранялась в Северном Причерноморье под влиянием утигуров [3]. Таким образом, в системе культуры южнорусских степей гуннского времени (наиболее полное обоснование эта культура нашла в работах И.П. Засецкой) [4] Боспор занимал важное место. В археологическом материале из степи и из Боспора прослеживаются несомненные параллели. И.П. Засецкая, суммируя памятники, выделяет два этапа этой культуры: 1) конец IV – 1-я пол. V в.; 2) 2-я пол. V в. – начало VI в. [5] Однако отождествлять древности кочевников и оседлого населения Боспора мы (вслед за И.П. Засецкой) не можем.

Важнейшим памятником конца V в. является керченская христианская катакомба 491 г., описанная Ю.А. Кулаковским. На стенах склепа – дипинти стихов 90-го псалма. Характер письма – тот же, что и на боспорских эпиграфических памятниках. Памятник датируется по старой боспорской эре и четко утверждает непрерывность культурной жизни населения Боспора до конца V в. [6] В 1895 г. была открыта еще одна катакомба конца V в. Она во всем аналогична предыдущей, но гораздо беднее по содержанию [7]. На стене тоже были начертаны стихи из 90-го псалма. Текст написан гораздо точнее и тщательнее, чем в катакомбе 491 г. [8] Этот склеп датируется 496 г.

К керченской катакомбе 491 г., видимо, примыкает найденный в 1896 г. в степи в районе Акры бронзовый цилиндр с металлическими пластинками, на которых была греческая надпись. В ней встречается то же самое имя, которое написано на стене керченской катакомбы – Фаиспарта. Издатель памятника В.В. Шкорпил считает, что можно допустить тождество людей, упоминаемых в обеих надписях [9]. Кроме того, имя Савага (из керченской катакомбы) упоминается и в надписи на стене китейской катакомбы, открытой Ю.Ю. Марти в 1929 г. и отнесенной им к IV в. [10] Эти люди, по всей видимости, были знатным семейством, достаточно известным в стране.

---

[1] *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. С. 59.

[2] *Бажан И.А., Щукин М.Б.* К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. 30. 1990. С. 83.

[3] *Амброз А.К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // БС. 1. 1992. С. 72.

[4] *Засецкая И.П.* Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя (конец IV – начало VII вв.) // АСГЭ. 30. 1990. С. 97–106; *Засецкая И.П.* Материалы боспорских некрополей 2-й пол. IV – 1-й пол. V в. // МАИЭТ. III. Симферополь, 1993. С. 23–104; *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994 и др.

[5] *Засецкая И.П.* Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // МИА. 27. 1986. С. 86.

[6] *Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. 6. 1891. С. 22.

[7] *Кулаковский Ю.А.* Две керченские катакомбы с фресками // МАР. 19. 1896. С. 63.

[8] *Шкорпил В.В.* Вновь найденная христианская катакомба // ЗООИД. 18. 1895. С. 188–196.

[9] *Шкорпил В.В.* Вновь найденная христианская катакомба // ЗООИД. 18. 1895. С. 8–9.

[10] *Марти Ю.Ю.* Раскопки городища Китэя в 1828 г. Симферополь, 1929. С. 15.

Тот факт, что имена обоих обнаружены в одном районе Боспора вне столицы, наводит на мысль о том, что род Савага мог иметь значительные земельные владения в районе Китея – Акры (на некрополе Китея открыт склеп с именем Савага (Забага); некоторые исследования переносят его датировку с III в. на более позднее время). При этом необязательно, что Саваг, сын Тасия из китейской надписи, идентичен Савагу из Керчи, это могло быть одно из часто употребляемых в роду имен. Это – один из аргументов в пользу существования отчасти варваризованной локальной аристократии на Боспоре.

Ю.Г. Виноградов реконструирует биографию Савага на основании ряда надписей и воссоздает его карьеру крупного государственного чиновника, имеющего владения на азиатском Боспоре, датируя ее 478–491 гг. [1], но игнорирует связь Савага с Китеем.

К 497 г. относится точно датированная надпись с поверхности христианского мраморного памятника, от которого сохранился только нижний правый угол [2]. Плита с надписью, по мнению издателя, была укреплена в стене. Точное указание даты по боспорской эре – еще одно свидетельство сохранения основных форм жизненного уклада боспорян на рубеже VI в.

Ключевым источником для данного периода является надпись (КБН 1965: № 67; КХНБ 1995: № 2) о строительстве (восстановлении) башни с упоминанием имени царя Тиберия Юлия Дуптуна. Главный вопрос – это вопрос о ее датировке. В надписи сохранилась последняя цифра года «θ» – 9 и относительно восстанавливается вторая – приподнятый кружок. Это может быть: «ο» – 70 или «ϙ» – 90 (по б. э.). В целом это временной промежуток от 383 до 502 гг. (точнее, 383/384 и 502/503 гг., учитывая осеннее начало года) [3].

В.В. Латышев первоначально датировал надпись временем Юстиниана, затем перенес датировку на V в. (402 г.) прежде всего потому, что в ней нет формул и дипломатики византийских надписей VI в. [4] (IOSPE II add. 491). Издатели КБН колебались между V и VI вв. (КБН 1965: № 67). А.Л. Якобсон принимал дату VI в. Издатели КХНБ не приняли окончательного решения; по их мнению, 402 г. «никак не позволяет согласиться с мнением, что боспорский царь был христианином уже в начале V в.», а для помещения надписи в контекст истории VI в. нет оснований – при власти Византии не остается места царю Боспора (КХНБ 1995: № 2).

---

[1] *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия. С. 241–242.

[2] *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1904 г. // ИАК. 14. 1905. С. 90. Надпись 107; надписи 100–106 также христианские, скорее всего V в.

[3] Более ранние датировки, например, временем Константина, высказывавшиеся в литературе на основании сходства шрифтов надписей, не могут быть приняты в силу того, что нам известны по нумизматике имена правителей Боспора вплоть до 342 г.

[4] Для В.В. Латышева со временем стали очевидными принципиальные различия между надписью Дуптуна и Таманской надписью (СГНХВ 1896: № 98; КХНБ 1995: № 3) времен Юстиниана I (533 г.). В надписи Дуптуна нет никаких признаков подчинения империи и византийских формул. С этим согласен и Ю.Г. Виноградов, выводя из этого целую концепцию сильного позднего Боспорского государства, не связанного с Византией.

Точка зрения, высказанная Ю.Г. Виноградовым в 1998 г., дает дату 483 г.[1] К ней присоединились В.М. Зубарь, С.Ю. Сапрыкин и др. Помимо выбора цифры 9 для обозначения десятилетий, вся система аргументации указанной датировки основана на гипотетическом заполнении лакуны примерно в 20 букв, в которой автором реконструируется датировка по индиктам наряду с традиционной – по боспорской эре: «месяца горпиэя 20-го, [*октября …, индикт* σ′], а как ведет счет Боспор – 779 [год]».

Индикт – это принятое в восточно-средиземноморском мире название срока уплаты налогов (точнее – указ императора, по которому производилась переоценка имущества для установления размера налога) (соответствует современному финансовому году). Начинался он 1 сентября каждого года, а заканчивался 30 (31) августа следующего года. Зародившись в Египте в 297 г. н. э., этот обычай стал распространяться шире, использоваться локально в провинциях, пока не приобрел официальный статус в Византии VI в. Индикты образовывали циклы в 15 лет каждый, однако, в отличие от Олимпиад, каждый цикл не получал какого-либо названия или номера. Императорским указом Юстиниана I (527–565) было официально предписано использовать счет лет по консулам и по индиктам при датировке документов с 537 г. (Nov. Just., 47 от 31 августа 537 г.). Впервые датированный по этой системе в письменных источниках 312/313 год (Пасхальная хроника, 1-я пол. VII в.) обозначен так ретроспективно.

Заполнение лакуны в ст. 10–11 надписи царя Дуптуна текстом, связанным с датировкой, в принципе возможно, ибо этот достаточно большой разрыв действительно находится между названием месяца и датой года. Однако в гипотезе Ю.Г. Виноградова есть ряд проблем. Прежде всего, датировки по индиктам и двойные датировки ранее 537 г. известны исключительно на территории империи, а Боспор ею не являлся до начала 30-х гг. VI в.

Сам Ю.Г. Виноградов указывает, что кардинально новые веяния в эпиграфике, моментально проявившиеся в дипломатике документов, появляются лишь с момента интеграции Боспора в империю при Юстине I (518–527), а окончательно при Юстиниане I (СГНХВ 1896: № 98, 99; КХНБ 1995: № 3) и 590 гг. [2] Главные из этих новых веяний – датировки по индиктам и употребление имен византийских императоров. Ни того, ни другого *в сохранившейся ча-*

---

[1] *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1. 1998. С. 233–247.

[2] В надписи (КХНБ 1995: № 3) ясно читается 11 индикт; при Юстиниане I такими годами могли быть 533, 548 и 563 гг. Общепринята версия В.В. Латышева – 533 г., к которой он склонялся из «общеисторического контекста» (КХНБ 1995: № 3). Однако в империи в 533 г. индикты еще не употреблялись официально. Строительная надпись на Тамани с именем императора могла появиться не позднее присоединения Боспора к империи. Точно определить год этого события по письменным источникам нельзя – либо после 528 г., либо начало 30-х гг. Поскольку в любом случае дата аннексии позволяет отнести таманскую надпись к 533 г., единственным сомнением в такой датировке остается отсутствие официального использования индиктов в этом году. Если же учесть, что после 545 г. (мятеж утигуров) район Фанагории и Кеп временно вышел из-под власти империи, место находки надписи – Тамань (Гермонасса) – и ее строительный характер сделают 548 г. более предпочтительным. Кроме индиктов в пользу этой даты окажется факт необходимости укрепления района Гермонассы, оказавшейся близ новой границы с враждебными варварами.

сти надписи нет. Отсюда возникают сомнения в датировке надписи Дуптуна 483 г. или, по крайней мере, в восстановлении в ней датировки по индиктам в указанной лакуне. Кроме того, приведенные Ю.Г. Виноградовым примеры двойного летоисчисления в локальной эпиграфике из Палестины, Аравии, Киликии и Малой Азии лишь в двух случаях дают V в. (остальные – VI в.).

Аргумент же в пользу двойной датировки в надписи Дуптуна по аналогии с тем, что «византийские *хронисты*, рассказывая о событиях V в., употребляли двойную датировку, включая датировку по индиктам», неверен, так как все эти *хронисты* жили не ранее середины VI в. – времени использования индиктов (Комит Марцеллин, Пасхальная хроника, Иоанн Малала). Светские же *историки* V–VI вв. (Олимпиодор, Зосим, Прокопий Кесарийский) вообще не употребляют индиктов. Церковные историки V в., сочинения которых сохранились полностью, синхронизируют свои датировки по трем системам счета – по олимпиадам, по консулам и по годам правлений императоров. Церковный историк VI в. Евагрий использует счет по правлениям императоров и антиохийскую эру. Таким образом, *все письменные источники V в. индикты не используют*. Не используют их, в том числе, все *историки* V–VI вв.

Христианский характер надписи Дуптуна был убедительно показан еще в конце XIX в. и никем всерьез не оспаривался. Несомненно, что христианская надпись могла появиться только тогда, когда не только двор и верхушка населения, но и значительная часть рядовых граждан были уже христианами. Христианизация Боспора в значительной мере была связана с политикой империи. Миссия на Северный Понт значительно усиливается при поддержке государства лишь с начала VI в., а массовая христианизация завершается в конце этого столетия и начале следующего. Анализ погребального обряда позднего керченского некрополя и других центров подтверждают этот вывод.

Восстанавливать оборонительные сооружения, башню (о чем идет речь в надписи) во внешнеполитической ситуации 483 г. было мало реально. Связь этого строительства (восстановления) с землетрясением 480 г. и датировкой надписи Дуптуна 483 г. логична, но не учитывает того обстоятельства, что на Боспоре имперских войск или какого-либо иного *прямого* имперского присутствия в то время не было. В Херсонесе, гораздо теснее интегрированном с империей, чем Боспор, надписи чисто византийской формулы и характера появляются лишь в 488 г. (надпись императора Зенона). Могли ли боспоряне укреплять фортификацию своими силами без помощи империи в 483 г.? Для последней же, за исключением эпизода с мятежом против вождя Грода в конце 520-х гг., именно утигуры были важной опорой в регионе против соседних кутригуров, часто нападавших на территорию Византии, и в этом смысле были для нее важнее Боспора, хотя и населенного родственным по происхождению и образу жизни населением. Датировка надписи сентябрем 503 г. не снимает фактора отсутствия империи на Боспоре, но может быть объяснена в контексте начавшейся войны Византии с Ираном и падения Амиды в январе 503 г. и контрнаступления магистра Целера как раз в сентябре-октябре 503 г.

Итак, наиболее вероятные варианты датировки надписи Дуптуна: 779 г. б. э. (если вторая – о), т. е. **сентябрь 483 г.** (и октябрь по Ю.Г. Виноградову

здесь ни при чем); или 799 г. б. э. (если вторая – «к»), т. е. **сентябрь 503 г.** (конец 502/503 г.). Если учесть, что последняя из точно датированных по боспорской эре надписей дает 497 г. н. э., то нет ничего невозможного в том, что еще 6 лет после нее данная эра могла употребляться.

Исходя из вышесказанного, следует предположить, что надпись царя Дуптуна относится к краткому периоду ослабления власти утигуров, либо воевавших с кутригурами, либо вследствие усиления позиций империи, готовившей подчинение Боспора и воевавшей с Ираном в начале VI в. (503 г.).

Одной из самых больших проблем политической истории позднего Боспора является уяснение того, как связаны сохранение государства на Боспоре при царе Дуптуне и «гуннский протекторат», которые неизбежно сосуществовали. В.П. Яйленко предложил такое решение: лидером государства в это время мог стать гунн (т. е. Дуптун), а его династическое имя Тиберий Юлий – чистая фикция. На наш взгляд, такая аргументация неверна. Дуптун не мог быть гунном, как и германец V в. – императором, ибо династические вопросы весьма точны и щепетильны. Скорее здесь отражена сложная политическая обстановка в регионе: поддержка империей утигуров против кутригуров, а за это утигуры, видимо, должны были минимально вмешиваться во внутренние дела Боспора и сохранять его государственность, хотя и в значительной мере формально.

С этим же, видимо, связаны противоречивые оценки положения Боспора в начале VI в. у одного и того же Прокопия Кесарийского в двух разных его сочинениях. В «Войне с готами» он говорит о не так давно подчинившемся ромеям [греческом] Боспоре (VIII, V, 26), имея в виду аннексию Юстиниана I, а в книге «О постройках» он утверждает, что Боспор издавна был варварским (III, VII, 10–12), а затем – опять об аннексии Юстиниана I.

Итак, отмеченное Ю.Г. Виноградовым усиление Боспорского государства, судя по надписи царя Дуптуна, получает более уверенное объяснение, исходя из общеисторической ситуации 503, а не 483 г. А употребление династического имени, титулов «друг Рима и цезарей», быть может, являют нам пример невероятно длительной консервативной традиции, чем вообще отличался Боспор (один из наиболее ярких «боспорских феноменов»).

Наличие традиционной римской титулатуры Дуптуна и подчеркивание его как «благочестивейшего» показывает его тесную связь с христианской Византией. Вопрос о датировке надписи царя Дуптуна и, соответственно, о времени его правления, таким образом, пока не закрывается. Однако эпоха Анастасия (503 г.) подходит для этого в наибольшей степени.

Долго ли правил Дуптун на Боспоре и, главное, когда и как власть царей была окончательно ликвидирована гуннами, и была ли она действительно ликвидирована ранее византийского завоевания – неясно. В любом случае, дальнейшие поиски в этом направлении необходимо осуществлять не только на Боспоре, но и со стороны Византии, в тесной связи с политикой империи. Боспор прочно попадает в сферу ее непосредственного внимания и практических действий с 520-х гг.

§ 3. Византия на Боспоре (2-я четв. VI – 1-я пол. VII вв.)

Судьбы позднеантичного Боспора нашли свое завершение в VI в. В начале этого столетия регион вновь попадает в сферу внимания авторов письменных источников, что связано с активизацией здесь политики Византии. «Византийское правительство, опекая свои интересы на дальней окраине Тавриды, ...не могло далее спокойно относиться к владычеству гуннов в степях полуострова» [1].

Активизация политики империи в регионе начинается при Юстине. В 526 г. на Боспор этим императором был послан племянник прежнего императора Анастасия Проб для налаживания отношений с гуннами-утигурами, которые в тот период представляли главную военную силу Северного Причерноморья. Вскоре после этого (и вследствие этого) вождь утигуров Грод был приглашен в Константинополь, где принял крещение, что в тех условиях означало включение данного племени в «ближнее зарубежье» империи на правах филархата [2].

При Юстине (518–527 гг.) «боспориты отдали себя под власть императора» (Procop. BP. I. 12, 8). Юстин отправил в Боспор патрикия Проба, племянника прежнего императора Анастасия, чтобы склонить утигуров прийти на помощь иверам в войне против персов. Раздираемые внутренними распрями варвары не выполнили просьбу, зато на Боспоре высадился небольшой византийский отряд (арифм стратиотов-испанцев во главе с апоипатом Иоанном) и поставил страну под непосредственный контроль империи (около 523 г., по другим данным – 527 г.), оказавшийся, по сути, номинальным [3]. Была развернута активная миссионерская деятельность.

Видимо, под влиянием одной из таких миссий вождь (рикс) утигуров Грод (Гордас) решил принять христианство. В Константинополе над ним было совершено таинство крещения, причем восприемником гунна был сам император. После этого Грод получил пышный имперский титул и был отправлен на Боспор «блюсти интересы империи». В ходе христианизации филарх приказал переплавить идолов и пал жертвой гуннского мятежа, спровоцированного, вероятно, жрецами [4].

Однако в ходе восстания против Грода, перейдя с Тамани на Керченский полуостров, утигуры напали на г. Боспор (Пантикапей) и разгромили имперский гарнизон. Погибли почти все воины, не исключая и их командира – трибуна Далматия (Joh. Mal., 432). Одновременно погромам подверглись и другие боспорские городки, особенно на европейской стороне. Временно гунны-утигуры восстановили свое военно-политическое господство в регионе.

---

[1] *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 2. С. 179.

[2] *Грушевой А.Г.* Институт филархата. Его возникновение и развитие (I в. до н. э. – VI в. н. э.) // Кунсткамера. 1995. № 7. С. 99–100.

[3] Также: Zach. XII. 7. См.: *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambr. Mass., 1936. P. 70.

[4] *Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба 491 г. С. 27.

Многие города Боспора подверглись в это время погромам (Тиритака [1], Зенонов Херсонес и др., главным образом на европейской стороне, а также Фанагория и Кепы) [2]. Археологами прослеживаются пожары и разрушения этого времени в Пантикапее, Тиритаке, Зеноновом Херсонесе, Китее, Фанагории.

После переворота у утигуров и убийства Грода политика империи в регионе стала проготской. Утигуров постигла судьба тетракситов. Боспор был отвоеван имперскими отрядами, состоявшими из готов.

В 534 г. Юстиниан отправил на Боспор войска из столицы и из Одесса (Западный Понт) морем и сушей (Procop., BP, II., 3, 40; Theoph., 534). Это были «готские полки испанцев» под командованием комита Понта Эвксинского Иоанна и военных магистров Годилы и Бадуария (оба последних были готами) [3].

Прокопий в речи армянских послов к персидскому шаху перечислил последние успехи Юстиниана: «Разве не послал он своих военачальников к жителям Боспора и не подчинил своей власти город, совершенно ему не принадлежавший?» (BP. II. 3, 40). «И стал жить в мире Боспор под управлением римлян», – заключает Иоанн Малала. По его же сообщению, в 1-й пол. VI в. гунны, жившие близ Боспора, приняли христианство. Логично предположить, что успешная христианизация гуннов завершилась после византийской оккупации.

Таким образом, был создан единый блок византийских владений в Крыму от Херсона до Боспора. Имперская граница была упрочена рядом укреплений, называемых некоторыми специалистами таврическим лимесом [4]. Юстиниан развернул широкую строительную программу в регионе (Procop. De aedif., III. 7, 10, 12), которая охватила 30–40-е гг.

Завоевание Боспора империей при Юстиниане являет собой единственный пример не столько реставрационных, сколько экспансионистских устремлений этого императора и империи в целом. В связи с этими событиями в письменных источниках упоминаются имена некоторых византийских военных командиров, часть которых принадлежала к высшей знати (Проб – племянник императора Анастасия), часть – к варварским командирам (Годила, Бадуарий).

Беспрецедентное событие – завоевание империей принципиально нового региона, государства, никогда прямо не принадлежавшего ей ранее (за что в римские времена полагался триумф), было непосредственно связано с деятельностью высшей знати империи – членов семьи императора и высшей во-

---

[1] *Сазанов А.В.* Результаты исследования поздних слоев городища Тиритаки // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь, 1984. С. 17.

[2] *Гайдукевич В.Ф.* Раннесредневековые памятники Тиритаки // СА. VI. М.-Л., 1940. С. 200.

[3] *Храпунов М.І.* З приводу часу входження Боспору до складу Візантії // Археологія. 1, 2005. С. 29–36.

[4] Критику концепции см.: *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. М., 1999. С. 34–35.

енной знати. Это вполне объяснимо, учитывая стратегическую и геополитическую важность «боспорского проекта» империи.

Трудно сказать, насколько осознанным и целенаправленным был проект прямого подчинения Боспора, так как империя действовала в большой геополитической стратегии данной эпохи скорее ситуативно и мобильно. Тем не менее покорение этого крайне отдаленного и труднодоступного заморского региона, на что не решились даже римляне, вполне вписывалось в концепцию мобильной ситуативной геополитической активности империи и потребовало участия крупных военных и административных деятелей.

Покорение Боспора объяснялось его геополитическим положением и ролью для местных племен, активность которых в течение VI в. применительно к Константинополю была исключительно высока.

Факт отправки крупных полководцев и придворных на Боспор находился в русле реставрационной политики Юстиниана, отправлявшего на отвоевание (или завоевание) провинций и территорий действительно важных и значимых военачальников. К сожалению, значительно меньше информации мы имеем относительно мирного обустройства администрации Византийского Боспора.

Плохо сохранившаяся строительная таманская надпись из Гермонассы (IOSPE V 329) с упоминанием имени Юстиниана [1], отнесенная В.В. Латышевым к 533 г. (другие датировки 548 или 563 гг. – А.Ю. Виноградов принимает 548 год; с этим нельзя не согласиться, так как в 533 г. Боспор еще не был завоеван империей), дает имя трибуна Ангулата, возможно, отправленного комитом в Ильичевку или другой город Тамани [2]. В 9–11 строках читаем «...трудом Ангулата ...трибуна», в 8 и 9 строках – титул «комита города». По мнению В.В. Латышева, комит являлся представителем императорской власти на Боспоре. По мнению Д. Фисселя, в этой надписи упомянуты трибун Ангулат (родом из Исаврии) и должность pater civitatis – отец города [3]. В Византии pater civitatis с IV в. возглавлял городскую администрацию, отвечал за сбор налогов и их администрирование.

А.Ю. Виноградов отмечает, что единственная известная функция комита на Боспоре – царский секретарь. Значит, нет оснований считать, что на Боспоре, тем более византийском, могла существовать уникальная должность «комита города». Поэтому более приемлем хорошо известный титул «отец города» (патер полиса). Функции же комита в Византии были значительно шире.

Трибун Ангул(ат), как отметил А.Ю. Виноградов, вполне вероятно – то же самое лицо, что и Ἀγγίλας – таксиарх в Лазике в 556 г. (PLRE III, 82).

А.И. Айбабин считает, что по повелению Юстиниана I в Боспоре расквартировали гарнизон под командой трибуна исавра Ангулата и назначили

---

[1] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 98–105. № 98.

[2] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 100.

[3] *Dagron G., Feissel D.* (eds). Inscriptions de Cilicie. Paris, 1987. P. 219–220.

его главой *городской администрации* – pater civitatis [1]. Аналог – после завоевания византийцами Северной Италии в Ломбардии местным гарнизоном командовал трибун или комит. Если с таким пониманием функций Ангулата еще можно согласиться, хотя остается вопрос – в каком городе он был назначен «отцом общины» – Боспоре [2] или Гермонассе, то новое открытие А.И. Айбабина вызывает глубокое сомнение. В новых публикациях, начиная с 2017 г., он утверждает на основании вышеуказанной надписи, что император Юстиниан учредил в Боспоре *городское самоуправление*, которое подчинил византийскому офицеру Ангулату [3].

Городское самоуправление, несомненно, является важнейшим античным признаком, и в крупнейших городах Боспора, несмотря на многовековую монархию и варваризацию, номинальные следы этого самоуправления прослеживаются еще в III в. (например, «патрида кититов» в Китее) [4]. Но в течение «темного» V столетия и «гуннского протектората» оно, скорее всего, было утрачено. По крайней мере, никаких его следов в источниках нет.

Но более важно другое. В самой империи, начиная с V в., и особенно в VI в., происходил процесс элиминации реального самоуправления, его аристократизации, усиления налоговой нагрузки, что вызывало бегство куриалов от гражданских обязанностей и усиление прямого администрирования со стороны имперских властей (на провинциальном уровне) [5].

Поэтому, несмотря на формальное сохранение муниципальных по происхождению должностей до X века (!) [6], не стоит рассматривать их как феномен реального самоуправления, а скорее как административную должность [7]. Это было некое слияние местной и административной должности, над которым стоял провинциальный администратор, а позднее – стратиг фемы[8]. Тем более что учреждение самоуправления в городе, присоединенном к империи, никак не являлось прерогативой императорской власти. Пример

---

[1] *Айбабин А.И.* Византийские порты в Крыму в IV–VII вв. // Боспорские исследования. XXXIII. 2016. С. 191; *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Ранневизантийский некрополь Боспора // Античная древность и средние века. Вып. 46. 2018. С. 34.

[2] *Виноградов А.Ю.* Когда же Пантикапей стал Воспором? // Χερσωνος θεματα: империя и полис. Материалы научной конференции. Севастополь, 2018. С. 49–52.

[3] *Айбабин А.И.* Ранневизантийский Боспор // Византия в контексте мировой культуры. ТГЭ. 2017. Т. LXXXIX. С. 140–142.

[4] *Молев Е.А.* Η πατρις των κοιτειτων (община китейцев) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Т. 4, вып. 8. 2007. С. 5–7.

[5] *Laniado A.* Recherches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin. Paris, 2002; *Levine L.* Caesaria under Roman Rule. Leiden, 1975. P. 135–139; *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв.: (Конец античного города в Византии). Л., 1971. 220 с. и др.

[6] *Алексеенко Н.А.* Патер полиса Херсона и его роль в имперской администрации в Таврике // Древности. 2005. Харьков, 2005. С. 58–63.

[7] *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971. С. 195.

[8] *Храпунов Н.И.* О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники πατερες της πολεως // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласчия в Крыму. Симферополь, 1999. С. 164.

особенно долгого сохранения терминологии муниципальных должностей дает соседний Херсон [1].

После вхождения Боспора в состав империи были перестроены оборонительные сооружения, размещены гарнизоны в городах (Proc. B.P., II, 3.40; De aed., III, 7.12). В столице была построена византийская крепость [2] в приморской части. Наиболее репрезентативные археологические свидетельства присутствия византийского гарнизона найдены на Ильичёвском городище на Тамани [3], у основания косы Чушка. На Боспоре размещались энспонды, гарнизон «испанцев», вероятно, вестготов (Malal. Chron., XVIII, 14). Судя по тексту новеллы императора Тиберия, в гавани Боспора была оставлена эскадра военных кораблей (Corpus juris civilis, 1895, III, 751, Nov. CLXIII).

Образцовым памятником византийского времени является Ильичевское городище [4], где был размещен военный гарнизон, воины которого спрятали 5 золотых солидов Юстиниана (клад 1975 г.).

Но и этот период также не был мирным. Незадолго до 545 г. Фанагория и Кепы были захвачены гуннами и разрушены (Procop. BG. VIII. 5, 28–29). Видимо, после этих событий Византия сохранила за собой на азиатской стороне лишь остров Киммериду. Трудно сказать, что вызвало рецидив агрессивности утигуров, – возможно, запоздалое понимание того, что Византия пришла сюда «всерьез и надолго». Однако А.В. Сазанов отрицает факт этого погрома как отдельного эпизода и привязывает данные разрушения к восстанию против Грода, датируя его не ранее 538 г. [5] Аргумент: десятилетняя разница в этих двух погромах не прослеживается по сменам форм керамики. После агрессии 540-х гг. (не доверять традиции у нас нет оснований) ставка утигуров и тяготевших к ним оногур находилась в Фанагории [6], вокруг которой происходила консолидация болгарских племен, завершившаяся при Кубрате (2-я четв. VII в.) созданием Великой Болгарии под главенством оногур.

Режим административной власти империи над Боспором в первый её период (534–576 гг.) не очень понятен. Провинциальная администрация в её полном и развернутом виде здесь не была создана, лишь отдельные элементы. Режим экзархата возник в империи лишь в 590 г. (в Северной Африке). Однако Боспор был инкорпорированной организованной территорией, где находился наместник, были размещены регулярные войска, а в завоевании приняли участие представители высшей знати, члены императорской семьи.

---

[1] *Сорочан С.Б.* Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. 2003. Т. 62 (87). С. 21–46.

[2] *Гоголев Д.А.* Крепостное строительство в ранневизантийский период // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. VIII научные Сюзюмовские чтения. Екатеринбург, 1995. С. 36–37.

[3] *Гавритухин И.О., Паромов Я.М.* Ильичевское городище и поселения его округи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII веков / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 152–157.

[4] *Николаева Э.Я.* Раскопки Ильичевского городища. С. 378–379.

[5] *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. С. 33.

[6] *Плетнева С.А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. Т. 2. София, 1981. С. 15–16.

Исходя из зафиксированных в это время эпиграфикой византийских должностей (эпарха, комита), как нам представляется, было бы возможно определить статус Боспора в составе империи как *епархия* с военной властью.

С одной стороны, этот термин является греческим вариантом названия провинции (и даже префектуры), однако в отечественной исторической науке этот термин именно в отношении ранневизантийских провинций не утвердился. Второе – более распространенное значение этого термина – церковный округ. Поэтому епархия в нашем понимании приобретает некий особый нюанс как «не совсем провинция», где не была установлена развернутая административная система, доминировало военное управление, а самоуправление в городах (важнейший позднеантичный признак) давно исчезло.

Боспор как область, был, вероятно, приписан к выделенной из диоцеза Фракия в 535 г. территории под военным управлением во главе с военным квестором (на Боспоре – трибуном), куда входили Малая Скифия, Киклады, Кипр (Just. Nov., 41, 50; Lyd. De mag., II, 28–29). В империи пограничные регионы управлялись военными комитами, квесторами и трибунами: так, за границу с Персией отвечал комит Востока, которому подчинялись дуксы и филархи (Malal., Chron. XVIII, 35) – в составе префектуры Восток.

В ходе административной реформы Юстиниана в византийской Таврике военная власть стала принадлежать дуксу (дуке) – независимому от гражданской администрации приграничному военачальнику [1]. Дукаты учреждались в Византии в приграничных областях [2]. В конце VI в. Боспор вошел в дукат Херсона, так как стены там возобновил стратилат и дукс Херсона (IOSPE, V, 330) [3].

Система дукатов могла восходить к военному устройству территории Северной Африки после отвоевания ее у вандалов Велизарием в 534 г. (CJ, I, 27. 2: 19–36): Африка была разделена на дукаты в соответствии с прежним провинциальным делением. Но политика активной и целенаправленной византинизации подобно Африке (Just. *Nov.*, 36–37, *App.* 2, 3, 6) не могла проводиться на Боспоре, где было слишком много варваризованного населения.

Серьезное потрясение Боспор испытал в 576–581 гг. Впервые с середины III века на его территории оказались внешние враги, причем в отличие даже от времени «готских походов» впервые в его позднеантичной истории случилось типичное разрушительное нападение с целью грабежа и разорения.

Пришедшие в Приазовье тюркюты создали мощное объединение во главе с ханом Истеми. Еще в 575 г. была издана новелла Тиберия об осво-

---

[1] *Айбабин А.И.* О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История, Религиоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 5. С. 38–45.

[2] *Вус О.В.* Утворення окремого Прикордонного округу (дукату) Візантії у Таврiці в другій половині VI ст. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Т. 2. Киев-Судак: Академпериодика, 2004. С. 64–69.

[3] *Могаричев Ю.М., Сорочан С.Б.* К проблеме административно-территориального устройства Боспора во второй половине VI–VIII вв. // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2014. С. 69–70.

бождении Боспора и Херсона от морской повинности [1]. А уже через год, как сообщает Менандр (fr. 45), город Боспор и его окрестности были взяты тюркютским отрядом во главе с Боханом из войска Анагея по приказу вождя Турксанфа [2]. Тюрки сожгли и разрушили городские кварталы на горе Митридат и в приморской части Пантикапея-Боспора. Слои пожара зафиксированы у храма Иоанна Предтечи и в Кооперативном переулке [3].

По мнению Э.Я. Николаевой и А.В. Сазанова, в 576 г. тюрки разгромили все крепости и малые города Боспора. Однако А.И. Айбабин считает, что Боспор и окрестные городки сильно пострадали, но не погибли [4]. В любом случае последствия тюркского разгрома были серьезными. Население значительно уменьшилось. Часть малых городов, видимо, погибла. На Тиритаке, Илурате, в Зеноновом Херсонесе многие усадьбы остались в руинах. Но многое было и восстановлено. Это вторжение принесло значительные разрушения, но также не может быть названо полностью катастрофическим [5].

Византия смогла достаточно быстро вернуть себе Боспор [6], начиная уже с 589 г. [7] Тюрки ушли с Боспора в 581 г. После нескольких лет безвластия или формального вхождения в Тюркский каганат, как следует из надписи 590 г., Боспор попал под власть византийского дукса Херсона Евпатерия [8]. Дукс Херсона, вероятно, содействовал восстановлению разрушенных тюрками общественных (кесарских) зданий и оборонительных сооружений. Триумфальный характер надписи подчеркивается изображением двух ангелов, копирующих иконографию Ник, прославляющих победы императора [9].

Возвращение византийской власти после краткого, но разрушительного периода власти тюркютов произошло уже в 90-е гг. VI в. В 590 г. возобновляется медная чеканка Боспора, впервые с 342/3 г. Монетные типы были заимствованы у Херсона, что отражало административное подчинение Боспора Херсону. В течение большей части VII в. (до 668 г.) эта эмиссия продолжается без радикальных изменений. При Ираклии (610–641) для лицевой стороны используются столичные прототипы чеканки. С 641 по 668 г., при Константе II, на монетах Боспора появляется надчеканка Б, что, по мнению

---

[1] *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 2. С. 183.

[2] *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь, 2017. С. 305; *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. С. 172–173.

[3] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 135.

[4] Там же. С. 141.

[5] *Сазанов А.В.* Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // ДБ. 3. М., 2000. С. 236.

[6] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. СПб., 1993. С. 50.

[7] Подробнее см.: *Болгов Н.Н.* Боспор Византийский // ПИФК. 6. М.-Магнитогорск, 1998. С. 116–123; *Айбабин А.И.* Ранневизантийский Боспор // Византия в контексте мировой культуры / ТГЭ. LXXXIX. СПб.: ГЭ, 2017. С. 140–150; *Айбабин А.И.* Византийская политика в Крыму в конце VI в. // Боспор Киммерийский в эпоху античности и средневековья. Ойкос. Керчь, 2006. С. 5–6.

[8] *Латышев В.В.* К надписи Евпатерия // *Латышев В.В.* ΠΟΝΤΙΚΑ. СПб., 1909. С. 212–217; *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. С. 181.

[9] *Залесская В.Н.* Образы небесных вестников на некоторых памятниках прикладного искусства Византии // АДСВ. 29. Екатеринбург, 1998. С. 245.

В.А. Сидоренко, может свидетельствовать о независимом от Херсона статусе города в этот период [1].

Каковы же особенности византинизации позднего Боспора, боспорская специфика этого процесса, отличающая его от других регионов Византии? Превращение Римской империи в Византию сопровождалось несколькими важными процессами. В общественно-политической и социально-экономической сфере:

– *ориентализация* политической системы, оформление христианской автократии при сохранении элементов и признаков «византийской республики»;

– *бюрократизация* империи, оформление штата имперских чиновников;

– *милитаризация* общественно-политической жизни, вызванная прямой варварской угрозой; включение в армию варварских подразделений (институт энспондов-федератов); активное и ситуативное использование дипломатии;

– *аристократизация* местного самоуправления в городах и усиление налогообложения.

В культурной жизни:

– *эллинизация* (переход на греческий язык администрации, армии) после раздела империи; города греческого Востока процветают;

– *христианизация* и утверждение халкидонского богословия в сложной борьбе;

– *полиэтноконфессионализм*, оживление местных традиций, рождение местных христианских письменных культур (сирийской, коптской, армянской, готской и др.), а также оживление нехристианских (евреи, самаритяне).

Включение региональных структур в центральную административную систему и периодическое возвышение и смена этнотерриториальных кланов в силу вертикальной социальной мобильности позволяло создать гибкую систему взаимоотношений между центром и окраинами. При этом окрещённые филархи (подобно утигурам) образовывали пояс «Ближнего Зарубежья» империи.

Боспор также был непосредственно связан с Византией в торгово-экономическом отношении. Об этом говорит часто встречаемый здесь керамический материал ранневизантийских типов, производимых в Средиземноморье от Африки до Палестины, золотые монеты императоров VI в. и др.

Итак, пути византинизации Боспора включают: установление прямой власти в форме епархии (провинции, военного округа), входившей в дукат (пограничную область с военным управлением); воспроизведение византийской военно-административной системы, характерной для пограничных регионов империи; фактор присутствия войск империи; строительство и ремонт

[1] *Сидоренко В.А.* Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. Х. 2003. С. 376.

оборонительных сооружений; христианизацию региона; развитие экономических связей; ставку на местное лояльное население.

Специфика проявилась в факторе глубокой варваризации местного населения, отсутствии самоуправления городов, замедленной христианизации и долгого сосуществовании различных культов. К VII в. эта специфика была в значительной мере снивелирована.

Материальная культура Боспора как VI–VII вв., так и далее, носит ярко выраженный провинциально-византийский характер. Археологические материалы не дают оснований говорить о хазарском периоде в истории Боспора. Сильно варваризованное греческое население, ориентирующееся на Византию, существует здесь до XIII в. [1]

***

Итак, Боспор Киммерийский эпохи Поздней античности представляет собой один из важных исторических феноменов. Прежде всего, это самый дальний и изолированный регион античной ойкумены, который ранее других испытал начало Великого переселения народов – на столетие с четвертью по сравнению с Римской империей (середина III в.). Это единственный регион античного мира, который не вошел в универсальное политическое образование – Римскую империю, объединившую все территории античной цивилизации, за исключением Боспора. Наконец, это самый варваризованный античный регион, который изначально был чисто греческим – такую эволюцию к эпохе Поздней античности не проделала ни одна из территорий ойкумены.

Вместе с тем именно Боспор был завоёван империей в ходе экспансионистской политики Юстиниана, но и здесь он является исключением из исключений – Юстиниан в основном отвоёвывал утраченные ранее территории, а Боспор был присоединен впервые.

Боспор пережил сложный процесс превращения из периферийного античного государства в византийскую территориально-административную единицу.

[1] *Кулаковский Ю.А.* Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. Т. XXI. Одесса, 1898. С. 11–27.

ГЛАВА II. КОНТИНУИТЕТ ТОПОГРАФИИ, ГОРОДОВ, ПОСЕЛЕНИЙ И ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

§ 1. Палеогеография Северного Причерноморья в период Поздней античности

Палеогеографические исследования Северного Причерноморья в определенной степени уже можно считать самостоятельным сюжетом в отечественном антиковедении.

Помимо специальной теоретической работы В.Д. Блаватского [1] необходимо отметить ряд статей, посвященных отдельным проблемам палеогеографии античности [2], а также два общих очерка палеогеографии отдельных регионов. Первый из них был дан А.Н. Щегловым в 1978 г. в отношении Северо-Западного Крыма [3]. Палеогеография Боспора стала предметом исследования Ф.В. Шелова-Коведяева [4]. Обобщающую статью в 1995 г. опубликовал А.В. Куликов [5]. В дополнение можно отметить главу о географических условиях в книге И.Т. Кругликовой «Сельское хозяйство Боспора» [6], где автор привлекает широкий круг естественно-научной литературы.

Значение природного фактора для истории признавалось многими исследователями античного Северного Причерноморья. Вместе с тем в области палеогеографии существует еще немало неясных и спорных моментов. К сожалению, пока нет сколько-нибудь полной и достоверной реконструкции состояния природной среды в интересующий нас период ни из-под пера историков, ни географов. Тем не менее совершенно бесспорно, что в истории региона изучаемого времени значительную роль играли изменения уровня моря и грунтовых вод, конфигурации берега, климата, характера растительности, сейсмичности того или иного района.

Особое значение палеогеографические реконструкции имеют для реконструкции истории Боспора. Время от времени предпринимались попытки построения палеогеографических реконструкций Керченского пролива [7], но

---

[1] *Блаватский В.Д.* Природа и античное общество. М., 1976.

[2] *Кошеленко Г.А.* Антропогенный ландшафт в эпоху античности // Природа. 1976. № 10. С. 92–95; *его же:* Изменение уровня Средиземного моря в исторический период // Природа. 1976. № 11. С. 205–209.

[3] *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 13–28.

[4] *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора VI–IV в. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 24–44.

[5] *Куликов А.В.* К реконструкции природных условий Керченско-Таманского района в античную эпоху // ПИФК. II. М.-Магнитогорск, 1995. С. 97–107.

[6] *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 14–23.

[7] *Герц К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870; *Поночевный М.О.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Кубанский сборник. Т. 2. Екатеринодар, 1891. С. 1–60; *Войцеховский С.Ф.* Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова, применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории, этнографии. Кн. I (том III). Вып. 5–6. Ростов, 1929. С. 4–9. К этому же периоду относится работа

все они, к сожалению, сделаны в самых общих чертах и недостаточно обоснованы. План комплексной программы исследований в конце 80-х гг. наметил М.В. Агбунов [1]. Я.М. Паромов дал достаточно подробный очерк археолого-топографических исследований азиатского Боспора [2]. Им же составлена археологическая карта Тамани [3]. Описание берегов Европейского Боспора в контексте перспектив подводных археологических исследований было дано В.В. Назаровым [4].

Боспор

Уже первые археологические раскопки приморских городов античного Боспора показали, что все они оказались частично затопленными морскими водами. Еще в XIX в. ряд русских археологов высказал предположение о погружении в море отдельных участков суши с находившимися на них городами.

Море и берега. В настоящее время уже считается общепринятым мнение о том, что в древности берега в Северном Причерноморье, особенно в районе Боспора, имели иную конфигурацию, чем ныне. Поэтому для правильного представления о географической ситуации важно знать характер и направление процессов, влиявших на изменение конфигурации берегов в данном районе, и соответственно этому реконструировать в общих чертах древнюю береговую линию. На ее очертания влияет совокупность многих факторов, основные из которых – процессы абразии и аккумуляции берегов – находятся в зависимости от уровня Мирового океана и тектонических вертикальных движений земной коры.

Первой в данном комплексе проблем является проблема выявления уровня моря в данном регионе в древности вообще и в эпоху поздней античности в частности.

Расположенное в сходных со Средиземным морем геотектонических условиях Черное море, однако, характеризуется значительной спецификой новейшей истории и геоморфологии берегов.

Северное побережье располагается на периферии древней устойчивой структуры Скифской плиты. Оно также характеризуется интенсивным поступлением аллювиального осадочного материала, что предопределило их развитие в новейшее время в условиях преобладания аккумулятивных процессов [5].

Э. Миннза, где в главах 1–2 рассматриваются физическая география, море и береговая линия Скифии: *Minns E.* Scythians and Greeks. L., 1913.

[1] *Агбунов М.В.* Античная археология и палеогеография // КСИА. № 191. М., 1987. С. 3–6.

[2] *Паромов Я.М.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БС. 1. М., 1992. С. 109–146.

[3] *Паромов Я.М.* Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. Рукопись депонирована в ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992.

[4] *Назаров В.В.* Гидроархеологическая карта черноморской акватории Украины. К., 2003. С. 98–108.

[5] *Горлов Ю.В., Поротов А.В.* Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене по материалам геоморфологических и археологических исследований // ПИФК. VI. М.-Магнитогорск, 1998. С. 94.

Колебания уровня Черного моря происходят постоянно. На фоне общего повышения уровня Черного моря в позднем голоцене происходили его весьма контрастные колебания (эвстатические осцилляции). Колебания уровня Мирового океана в течение голоцена являются показателем изменений глобального климата [1]. Во II тыс. до н. э. при новочерноморской регрессии уровень был на 2 м выше современного [2]. В 1-й пол. I тыс. до н. э. имела место «фанагорийская регрессия» (резкое понижение уровня моря), вследствие которой к рубежу II–I тыс. до н. э. уровень снизился по оценкам различных специалистов на 13–15 м ниже современного [3].

Однако на археологических памятниках азовского побережья Тамани следов «фанагорийской» регрессии не было обнаружено. В районе станицы Голубицкой уровень моря мог в то время даже чуть превышать современный. Подобная тенденция к подъему береговой линии времен фанагорийской регрессии отмечена и на азовском побережье Керченского полуострова [4].

Далее уровень моря несколько повышается к моменту начала Великой греческой колонизации. Со II–I вв. до н. э. начался новый цикл подъема уровня Черного моря («нимфейская трансгрессия»). Этот подъем был довольно резким: к рубежу эр он достиг отметки минус 4–5 м [5] (П.В. Федоров – основоположник учения об изменении уровня моря – дает цифру в 5–7 м [6], К.К. Шилик – 8–10 м [7]).

К VI–VII вв. Черное море достигло современного уровня [8]. Еще одно снижение имело место к XV в. – 1 м ниже современного [9].

Таким образом, на всем побережье Северного Понта произошли серьезные изменения береговой линии. По выражению М.В. Агбунова, «ни один метр берега не сохранил своего античного облика» [10].

Для рассматриваемого нами периода можно принять за оптимальный уровень от –2 до 0 по отношению к современному.

---

[1] *Веклич М.Ф.* Проблемы палеоклиматологии. К., 1987. С. 161.

[2] *Шилик К.К.* Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене и палеотопография археологических памятников Северного Причерноморья античного времени // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М., 1977. С. 162.

[3] *Бруяко И.В., Карпов В.А.* Древняя география и колебания уровня моря // ВДИ. 1992. № 2. С. 87.

[4] *Никонов А.А.* Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского // РА. 1998. № 3.

[5] *Бруяко И.В., Карпов В.А.* Древняя география и колебания уровня моря // ВДИ. 1992. № 2. С. 96. Ранее К.К. Шилик относил начало нимфейской трансгрессии к I в. н. э.: Изменения уровня Черного моря… С. 161.

[6] *Федоров П.В.* Послеледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменения уровня океана за последние 15 тысяч лет // Колебания уровней морей и океанов за 15000 лет. М., 1982. С. 154.

[7] *Шилик К.К.* Изменения уровня Черного моря... С. 162.

[8] Схему колебаний уровня Черного моря за последние 4 000 лет по представлениям различных авторов см.: *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 15, рис. 3; *Горлов Ю.В., Поротов А.В.* Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене... С. 96.

[9] *Шилик К.К.* Изменения уровня Черного моря... С. 162.

[10] *Агбунов М.А.* Проблемы и перспективы изучения произведений античных авторов в Причерноморье // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М., 1984. С. 5–11.

Дискуссионность выделения береговых линий, связанных с трансгрессивными фазами Черного моря за последние 2 тысячи лет связана с рядом обстоятельств:

- недостаточно полная геохронологическая изученность многих участков аккумулятивного берега на побережье Азовского и Черного морей;
- невозможность четкой дифференциации небольших амплитуд возможного повышения уровня моря за указанный период;
- расположение береговых образований, вероятно, нимфейского возраста, в зоне современных абразионно-аккумулятивных процессов [1].

Можно отметить наиболее существенные изменения береговой линии современного района Боспора по сравнению с эпохой поздней античности. В теоретическом плане обзор берегов Черного и Азовского морей был сделан В.П. Зенковичем (теория процесса развития морских берегов) [2].

Историческая эволюция берегов в регионе заключается, прежде всего, в том, что берега «стремятся» стать более ровными, но в некоторых стадиях они усложняются [3], что требует тщательной дополнительной проверки.

Северный берег Керченского пролива как в древности, так и ныне имеет довольно сильное расчленение. Во многих местах к морю выходят прочные известняки, очень слабо подверженные размыву. Они образуют ряд выступающих мысов с открытыми заливами между ними: Казантип, Зюк, Хрони, Тархан. Главная особенность побережья – котловидные долины и кольцеобразные кряжи, не представляющие собой значительных возвышений. Берег к морю спускается полого.

Мыс Казантип, по всей видимости, был в древности островом [4]. Его превращение в полуостров сопровождалось постройкой Акташского вала [5]. Нынешнее Акташское озеро имело в древности связь с морем [6]. Между мысами Богатубе и Чегене каменистый берег сильно абрадирован. Чокракское озеро было в древности укрытым заливом; на его берегах не заметно следов абразии. В отличие от озер лиманного типа оно образовалось путем заполнения морем понижения между рядом возвышенностей [7].

Итак, в античное время северный берег Керченского полуострова имел несколько более развитую структуру, образуя еще больше заливов и укрытых бухт, чем ныне. Берег здесь не подвергся значительным разрушениям [8].

Северо-восточный мыс Керченского полуострова – Хрони – в древности имел косу, шедшую в пролив по направлению к косе Чушке (на месте со-

---

[1] *Горлов Ю.В., Поротов А.В.* Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене... С. 97.

[2] *Зенкович В.П.* Берега Черного и Азовского морей. М., 1958. С. 5–42.

[3] Там же. С. 38.

[4] *Зенкович В.П.* Берега Черного и Азовского морей. М., 1958. С. 175.

[5] *Масленников А.А.* Еще раз о боспорских валах // СА. 1983. № 3. С. 16.

[6] *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора VI–IV в. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 30.

[7] Там же.

[8] Там же.

временной железнодорожной переправы) [1]. Она отмерла к середине XIX в. и дорушена человеком.

Серьезные геофизические изменения произошли в районе Пантикапея. Как показали исследования Н.А. Синенко и А.В. Сазанова, вплоть до I в. до н. э. река Пантикапа (совр. Мелек-Чесме) впадала в залив гораздо южнее, чем ныне, и двумя рукавами, протекая у северного и северо-восточного подножия горы Митридат примерно по современной улице им. В. Дубинина. Заиливание устья реки и изменение ее русла можно отнести к рубежу нашей эры. Затем вновь образовавшаяся суша была снивелирована строительным мусором и в первые века н. э. интенсивно застраивалась. Именно тогда основная общественная жизнь в городе переместилась с акрополя вниз, на прибрежную равнину [2]. Керченская бухта была существенно меньшей по площади и более мелководной. Южнее Пантикапея находился небольшой лиман.

Недавно было предпринято исследование характера изменений древней береговой линии в микрозоне Тиритаки [3].

Пересыпь Чурубашского озера в древности выдвигалась в пролив стрелкой, напоминавшей Долгую косу в Азовском море. Она тянулась навстречу острову, находившемуся на месте нынешних остатков косы Тузла [4]. Этой косы в древности, по мнению М.О. Поночевного, не существовало. Само Чурубашское озеро было в древности глубокой балкой [5].

Совр. озеро Тобечик, как и большинство из нынешних соленых озер Европейского Боспора от Акташа до Узунлара, было в древности заливом, а пересыпи образовались в результате рефракции волн на материковых отмелях [6]. Окончательное отделение и замыкание озер произошло только в XIX в.

Европейский берег Керченского пролива в целом мало подвержен абразии. Лишь побережье открытого моря на юге пролива, сложенное мягкими породами, сильно абрадировано и образует отвесную стену [7], которая постепенно осыпается.

Южное побережье Керченского полуострова представляет собой неоднородную картину. Юго-восточный участок от мыса Такиль до района горы Опук подвергся сильной абразии. Потери берега от Опука до Такиля составляют несколько сот метров суши в глубину. В районе Китея около 6 га территории городища из предполагаемых 10 обрушилось в море.

От Опука до мыса Чауда расположены три соленых озера – Узунлар, Элькен, Кояш, которые были в древности заливами. В заливе Кояш мог располагаться порт Киммерика.

---

[1] *Зенкович В.П.* Берега... С. 207.

[2] *Сазанов А.В.* Топография Пантикапея I–IV вв. // СА. 1985. № 1. С. 166–177.

[3] *Зинько А.В.* Изменение приморской полосы в окрестностях Тиритаки в античную и ранневизантийскую эпохи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 172–176.

[4] *Сазанов А.В.* Топография Пантикапея I–IV вв. // СА. 1985. № 1. С. 194.

[5] *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора... С. 31.

[6] *Шулейкин В.В.* Физика моря. М., 1953. С. 234; *Павлова Н.Н.* Физическая география Крыма. Л., 1964. С. 20.

[7] *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора... С. 31.

Мыс Чауда выдавался в море несколько южнее, чем ныне. В районе мыса Карангат берег сильно абрадировал. Продукты его разрушения создали пересыпь Узунларского озера. В древности эта коса была не сплошной.

Лежащий западнее Феодосийский залив в целом подвержен слабой абразии, особенно в восточной своей части. Считается, что Феодосийская бухта не так сильно вдавалась в берег. Феодосийская бухта укрыта от всех ветров, свободна от подводных опасностей и никогда не замерзает, как и окружающее море [1].

В целом нынешняя южная береговая линия Керченского полуострова в основных чертах близка древним береговым очертаниям, кроме восточной части.

С реконструкцией древней береговой линии Таманского полуострова дело обстоит сложнее, так как на ее образование и изменения, как в античное время, так и ныне влияют не только береговые процессы, протекающие в Азовском и Черном морях, но и русловые, формирующие дельту Кубани. Никакие местности не подвергаются столь частым изменениям, как дельты больших рек [2]. Специалисты полагают, что изменения очертаний берегов на Тамани произошли не столько в результате подъема уровня моря, сколько из-за изменений устья Кубани и, может быть, подъема самой Тамани.

Предпринимаемые попытки палеореконструкции облика Тамани идут по пути восстановления очертаний побережья. Этот подход недостаточен, т. к. на этих глубинах с некоторым сдвигом относительно друг друга располагаются реликты не одной, а нескольких береговых линий. Они плохо сохранились, т. к. почти полностью размыты. Небольшие аккумулятивные образования античной эпохи сохранились лишь в относительно изолированных заливах и лиманах с пониженным гидрологическим давлением, например, в Таманском заливе и Керченском проливе. Еще одна ошибка при локализации античных топонимов – произвольная идентификация современного притока Кубани с палеогидронимами, известными из письменной традиции [3]. Темрюкский мыс может соотноситься с Киммерийским мысом Птолемея (V. 8, 5).

До конца 90-х гг. XX в. общепринятым было мнение о том, что на месте современного Таманского полуострова в древности находился ряд островов – Эйона. Оно опиралось на сообщения античных авторов, прежде всего, Стефана Византийского, отмечавшего, что «Таврике принадлежат два острова: Фанагора и Гермонасса». Считалось, что острова Таманского архипелага возникли в результате действия грязевых вулканов в море. Наносы Кубани постепенно заполняли проливы между островами [4].

Контуры очертаний древних островов, однако, было невозможно установить с необходимой точностью без специальных исследований. Хорошо сохранились лишь восточный и северный берега Таманского залива. Но, без сомне-

---

[1] Там же. С. 33.

[2] *Герц К.* Археологическая топография... С. 5; *Minns E.* Scythians and Greeks. L., 1913. P. 21–25.

[3] *Горлов Ю.В.* Проблемы палеографической реконструкции Азовского побережья Таманского полуострова в античную эпоху // ПИФК. XVI/1. 2006. С. 98.

[4] *Атавин А.Г.* Влияние природных факторов на жизнь Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. М., 1987. С. 30.

ния, можно утверждать, что древний таманский берег был несравненно более расчлененным, изрезанным и имел значительно больше удобных бухт и мысов [1].

М.О. Поночевный в 1891 г. выделил 4 (или 6) островов:

1) Большой Кандаур (от р. Куркай до г. Темрюка);

2) Тирамба (от пос. Островного до Пересыпа);

3) Фанагора (от Пересыпи до Таманского залива);

4) Гермонасса Стефана Византийского или Синдика Страбона.

Еще два острова предполагались:

1) на месте низменности между Темрюком и пос. Островским;

2) между Гермонассой и материком у Бугазского лимана[2].

Еще одним сомнительным островом, по мнению М.О. Поночевного, является Фонтан – искусственный остров, образовавшийся благодаря рву и валу. Осмотр на местности убеждает в том, что естественного острова здесь быть не могло.

С.Ф. Войцеховский в 1929 г. выделил более десяти возвышенностей на Таманском полуострове, бывших, по его мнению, островами в древности [3]. Между островами можно было свободно плавать [4]. Основных же островов было, по его мнению, три. Это представление стало довольно расхожим в литературе [5].

Северная часть Тамани Киммерида теперь представляет собой Фанталовский полуостров. Его роль в истории Боспора была выдающейся. С одной стороны, остров был относительно изолирован, с другой – он служил связующим звеном между Керченским полуостровом и степными пространствами Прикубанья, Приазовья, и далее – Поволжья. Поэтому через Киммериду проходила дорога, которой много раз в истории пользовались кочевые племена в своих походах. Район был достаточно плотно заселен и основательно укреплен. Очевидно, что он являлся опорой азиатских владений Боспора и в период поздней античности.

К югу от Киммериды располагался другой остров, меньший по размерам и именуемый в источниках просто Островом. Страбон утверждал, что древняя Кубань впадала в пролив в районе Фанагории (IX. 2, 10). Эти протоки должны были отделять остров с юга и севера. Считалось, что следы этих русел сохранились и в настоящее время [6]. В источниках он именуется просто Островом или Фанагорой (по названию крупнейшего города). Из-за его малых размеров он имел, прежде всего, административное и – в меньшей степени – хозяйственное или военно-стратегическое значение. Это подтвержда-

---

[1] *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора... С. 37.

[2] *Поночевный М.О.* Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. II. Екатеринодар, 1891. С. 9.

[3] *Войцеховский С.Ф.* Опыт восстановления рельефа... С. 6–7.

[4] *Герц К.* Археологическая топография... С. 35; *Зенкович В.П.* Берега... С. 192; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора... С. 34.

[5] См., например, *Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 115; *Атавин А.Г.* Влияние природных факторов... С. 30; *Беренбейм Д.Я.* Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря // СА. 1959. № 4. С. 47; *Зенкович В.П.* Берега... С. 191–220.

[6] *Паромов Я.М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981–83 гг. // КСИА. № 210. М., 1993. С. 70.

ется тем фактом, что здесь были расположены два крупнейших города азиатского Боспора – Фанагория и Кепы. Лишь эти два города имели укрепления; остальные поселения острова оборонительных сооружений не имели [1].

Площадь предполагаемого Острова была не более 6 000 га. Большая часть ее, около 5 000 га, была расположена к востоку от Фанагории и составляла урочище Фианнеи – важный сельскохозяйственный район азиатского Боспора [2].

Однако аэрофотосъемки конца XX в. показывают непрерывность валов мелиоративной системы при пересечении Субботина ерика – лога на месте пролива между Киммеридой и Островом [3]. Эта система создавалась в IV–I вв. до н. э. [4] Таким образом, существование двух северных островов архипелага было поставлено под сомнение. Появились публикации, полностью отрицающие островной характер Тамани в древности [5].

Третьим и самым крупным массивом суши на Тамани была Синдика. Она была неплотно заселена. Поселения располагались как на берегу моря, так и вдали от него. Здесь вообще отмечено довольно много глубинных поселений, расположенных у подножий господствующих холмов. Нет здесь и ярко выраженной организации оборонительной системы, мало и крепостей [6], хотя лишь отдельные из сельских поселений не имели укреплений. Крупнейшим центром Синдики была Гермонасса. Ее культурный слой частично сполз в море, частично обвалился [7].

Наиболее важным и развитым районом Синдики был участок от Корокондамы до Гермонассы, где раскопан ряд укрепленных поселений позднеантичного времени. К сожалению, сейчас раскопки Корокондамы уже невозможны, т. к. район этого города практически смыт морем [8].

Поверхность Синдики представляла собой, по словам Псевдо-Арриана, «пространную равнину, которая недоступна частью вследствие болот и рек, а также топей, находящихся по ту сторону, частью же благодаря морю и озеру» (PPE 74).

В районе станицы Голубицкая существовал останец коренного берега, выдававшийся в море в виде мыса в северном направлении на расстояние до 3,5 км от совр. береговой линии. От этого мыса на восток тянулась узкая пересыпь, отделявшая от Меотиды обширный глубоководный лиман (совр. Ахтанизовский).

---

[1] *Шепко Л.Г.* О территориально-административной структуре Боспорского государства в первые века н. э. // Из истории древнего мира и средних веков. М., 1988. С. 54.

[2] *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 49.

[3] *Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А.* Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. 1995. № 3. С. 137.

[4] Там же. С. 131.

[5] *Горлов Ю.В., Поротов А.В.* Палеогеографическая ситуация в устье Кубани (Таманский п-ов) в эпоху позднего голоцена // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики. М., 2000. С. 26.

[6] *Воронов А.А., Михайлова М.Б.* Боспор Киммерийский. М., 1983. С. 173.

[7] *Таскаев В.Н.* Итоги и перспективы подводных археологических исследований в Таманском заливе // БС. № 1. М., 1992. С. 212.

[8] Городище было найдено в 1986 г. под водой, у основания мыса Тузла. См.: *Таскаев В.Н.* Итоги и перспективы... С. 213.

В существовании малых островов к востоку от указанных сомнений меньше. Остров Тирамба имел гористую часть с множеством курганов [1]. Город, одноименный острову, существовал, по крайней мере, до III в. н. э. [2] Отдельным островом был район современного Темрюка [3], но информации о нем гораздо меньше. Еще восточнее лежал остров Большой Кандаур, вытянутый в длину с северо-запада на юго-восток. Совр. банка Марии Магдалины была островом коренной суши, выдвинутым к юго-западу и соединенным с берегом Пра-Бугазской косой.

В 1992 г. в рамках экологической программы было начато обследование Таманского полуострова с целью изучения организации сельской территории и системы землепользования.

В конце 90-х гг. на Тамани работала российско-французская экспедиция, целью которой было изучение динамики географических изменений в дельте Кубани в эпоху позднего голоцена, палеогеографическая реконструкция региона в античную эпоху. При работе использовались аэрофотосъемка, космосъемка, были пробурены скважины в толще прибрежных отложений. Надежно установлено, что в 1-й половине I тыс. н. э. уровень Черного моря находился на 5–6 м ниже современного, но постепенно повышался. Еще в I тыс. до н. э. в дельте Кубани существовал ингрессионный лиманно-лагунный водоем, соединявшийся с совр. Ахтанизовским лиманом, который был вполне судоходен и являлся транспортной артерией между Черным и Азовским морями. Результаты работ пока полностью не опубликованы, но уже можно со всей уверенностью утверждать, что в древности на месте Таманского полуострова существовал один крупный остров, очертания которого существенно отличались от современных берегов [4]. Его западная и северная части были заселены гораздо плотнее, чем южная и восточная.

Проблема определения местонахождения древнего устья Кубани также далека от разрешения [5]. Современное устье близ Темрюка открылось в V в. [6] Позднее оно опять закрылось вплоть до XIX в. По всей видимости, Кубань впадала в группу Кизилташских лиманов.

В 1998–1999 гг. в рамках Таманского регионального археологического проекта, направленного на палеогеографические исследования, было изучено

---

[1] *Герц К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870. С. 117.

[2] *Воронов А.А., Михайлова М.Б.* Боспор Киммерийский. М., 1983. С. 137. О Тирамбе см. также: *Коровина А.К.* Древняя Тирамба // ВДИ. 1963. № 3. С. 126–131.

[3] *Герц К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870. С. 35.

[4] *Абрамзон М.И. и др.* Исследования в рамках Таманского регионального археологического проекта (ТРАП) в 1998 г. // ПИФК. VII. М.-Магнитогорск, 1999. С. 366–367; *Гарбузов Г.П., Поротов А.В., Сударев Н.И.* К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани // ДБ. 21. 2017. С. 64-81.

[5] *Журавлев Д.В., Дан А., Герке Х.Й., Кельтербаум Д., Шлотцауер У.* Новые данные о географии Таманского полуострова в античное время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 107–115; *Журавлев Д.В., Кельтербаум Д., Поротов А.В., Шлотцауер У.* Боспор Кубанский // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 101–105.

[6] *Зенкович В.П.* Берега... С. 196.

строение прибрежных отложений Бугазской пересыпи и участков дельты Кубани. Были получены определенные палеоэкологические реконструкции.

В первые века н. э. произошел частичный размыв древней лагунной Бугазской пересыпи и ее затопление. Подъем уровня моря сопровождался значительным смещением береговой линии в 1,5–2 км. В конце I тыс. н. э. возникает современная Бугазская пересыпь, что происходило при положении уровня моря на 2–3 м ниже современного.

В античную эпоху дельта Кубани едва ли достигала Семибратнего городища [1]. Таким образом, дельтовых островов на месте современного Таманского полуострова в традиционно реконструируемом виде не существовало [2], хотя картина еще далека от полной ясности.

Материковая область Боспора во главе с Горгиппией входила в состав государства до середины III в. и была его юго-восточным форпостом. Ни поселений, ни могильников конца III–IV вв., которые могли бы быть точно отнесены к боспорским, мы здесь пока не знаем [3]. Есть лишь эпизодические находки из этого региона, обзор которых будет сделан ниже. Витязевский лиман у Горгиппии в древности был глубоким морским заливом, который постепенно заполнялся береговыми наносами [4].

В целом на азиатском Боспоре античная система расселения для IV в. зафиксирована на 30 поселениях. Материалы V в. найдены на 14 поселениях [5].

С историко-географической точки зрения следует также учесть, что на сегодняшний день еще далеко не все античные поселения региона раскопаны и не все из раскопанных локализованы. В этой связи необходимо упомянуть о новейших локализациях для первых веков н. э., сделанных на основании письменных источников (прежде всего, Птолемея) В.Г. Зубаревым [6].

Керченский пролив был разделен Страбоном на три части:

1) «Устье Меотиды» – от совр. железнодорожной переправы Крым – Кавказ до оконечности Чушки;

2) «Киммерийский Боспор», или «Вход в Меотиду» – до линии Тузлы;

3) с юга до Тузлы – без названия [7].

---

[1] *Горлов Ю.В.* Проблемы палеографической реконструкции Азовского побережья Таманского полуострова в античную эпоху // ПИФК. XVI/1. 2006. С. 98–103.

[2] *Горлов Ю.В., Поротов А.В.* Палеогеографическая ситуация в устье Кубани (Таманский полуостров) в эпоху позднего голоцена // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики. М., 2000. С. 24–26.

[3] *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 1991. С. 80.

[4] *Невесский Е.Н.* К вопросу о новейшей черноморской трансгрессии // Труды ПО АН СССР. Т.XXVIII. С. 25 (рис. 4).

[5] *Паромов Я.М.* Принципы выявления эволюции системы расселения (на примере Таманского полуострова) // КСИА. № 210. М., 1993. С. 32. Я.М. Паромов отмечает, что в V в. сохраняется жизнедеятельность лишь нескольких береговых поселений, расположенных у переправ и в других узловых пунктах, поселений у главных дорог, а также укрытых от внешнего воздействия глубинных районах островов: там же. С. 32.

[6] *Зубарев В.Г.* Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998, а также ряд статей. Не вполне обоснованный перенос некоторых пунктов на карте в статьях разных лет вызвал критику в литературе.

[7] *Беренбейм Д.Я.* Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря // СА. 1959. № 4. С. 46.

Аналогичное деление приводит и Псевдо-Арриан (PPE 75, 76).

По мнению большинства специалистов, в древности пролив был не только более узким, но и более мелким, особенно в северной части. Самое узкое место находилось между Парфением и Чушкой (около 20 стадий или 3,5 км). Порфмий же («переправа»), находившийся в 6 км от противоположного берега, был расположен на наиболее подходящих глубинах. Очевидно, глубина пролива в районе переправы-брода не превышала 1–1,5 м. О существовании островов в районе античной переправы можно только догадываться [1]. Часть, именуемая собственно Боспором Киммерийским, была, видимо, глубже.

Вторая переправа находилась в районе мыса Павловского, и нужно было преодолеть только несколько сотен метров через пролив, затем по острову (в античное время косе) Тузла, далее – через современную Тузлинскую промоину [2]. Остров Тузла был косой и располагался значительно южнее, чем сейчас [3]. Тот факт, что переправа из Пантикапея в Фанагорию проходила через Корокондаму, должен был увеличить значение этого городка в Боспорском государстве. Мелководными были и подходы к Танаису [4]; стартовым пунктом на пути к нему был район острова Казантип, благодаря оптимальным ветрам и течениям. Малая глубина препятствовала плаванию по Меотиде больших морских судов с осадкой до 3,6 м [5], поэтому крупные суда типа римских (ранневизантийских) практически не могли попасть в Меотиду.

Пролив между Киммеридой и Островом был судоходен, как считается, до IX в. Для плавания были пригодны и другие проливы. На востоке в древности морской залив распространялся, быть может, до современного города Приморско-Ахтарска, а в эпоху поздней античности, возможно, до – Ачуевской косы [6]. С другой стороны, море заполнило около 17 га в районе Фанагории [7], около 27 га в районе Патрэя [8] и т. д. Таким образом, режим проливов значительно отличался от современного.

Е.И. Невесский показал, что в эпоху античности в южной части Керченского пролива существовали две активно растущие навстречу друг другу песчаные косы-стрелки [9]: Пра-Камышбурунская (в районе Нимфея) и Пра-Тузла (на азиатском берегу в районе мыса Панагия).

Еникальская коса (ныне совершенно отмершая) выдвигалась к юго-востоку от мыса Фонарь. Под действием ветров она всё более смещалась к западу, пока не сомкнулась с берегом в районе Парфения и Порфмия.

---

[1] Там же. С. 51.

[2] Там же.

[3] *Зенкович В.П.* Берега Черного и Азовского морей. М., 1958. С. 204.

[4] *Беренбейм Д.Я.* Керченский пролив во времена Страбона... С. 52.

[5] *Марченко И.Д.* К вопросу о боспорских торговых судах // СА. 1957. № 1. С. 237.

[6] *Воронов А.А., Михайлова М.Б.* Боспор Киммерийский. М., 1983. С. 121.

[7] Там же. С. 144.

[8] *Таскаев В.Н.* Итоги и перспективы подводных археологических исследований в Таманском заливе // БС. № 1. М., 1992. С. 213.

[9] *Невесский Е.Н.* К вопросу о новейшей черноморской трансгрессии // Труды ПО АН СССР. Т. XXVIII. С. 25–27 (рис. 4).

В дополнение следует отметить, что все песчаные косы Керченского пролива (кроме Чушки) в настоящее время находятся в стадии отмирания [1].

Ныне на таманском берегу господствуют процессы размыва. По крымскому же берегу зоны размыва и намыва чередуются [2].

Геофизические изменения в период поздней античности вызвали сокращение стока рек в Азовский бассейн и Керченский пролив. Происходит рост уровня солености Азовского и Черного морей.

Сама Меотида (Азовское море) в древности была меньше по размерам: зеркало воды было меньше примерно на треть. Глубины не превышали 6–8 м. Объем воды составлял ок. 180 кв. км. [3]

Керченский и Таманский полуострова имеют геоморфологическое и структурное единство, сходство геологии и рельефа.

Пролив не является орографическим рубежом: его берега имеют гораздо больше общих черт, чем различий, в рельефе и растительности.

Керченский п-ов имеет длину почти 100 км, ширина – 30–45 км.

Феодосийский залив плавной дугой длиной ок. 50 км вдается в глубь полуострова на 10–15 км.

Рельеф. На Керченском полуострове к югу от Парпачского хребта расположена обширная Юго-западная равнина, абсолютные высоты которой постепенно возрастают от берега моря, где они составляют 25–30 м, а к северу доходят до 100–110 м. В рельефе равнины выделяются пологие водораздельные увалы и отдельные изолированные возвышенности с отметками 100–150 м – горы Дюрмень, Джау-Тепе, Ак-Тубе, Кончек, Опук.

Парпачский гребень имеет плоскую вершинную поверхность с отметками 100–150 м (относительная высота над поверхностью равнины – 80–100 м). Склон гребня, обращенный к равнине, значительно более крут.

В центральной и западной частях гребень распадается на ряд увалистых возвышенностей, которые тянутся цепочкой до ст. Владиславовка. Высоты уменьшаются до 60–70 м при относительной высоте над равниной 15–20 м.

К северу от Парпачского гребня характер поверхности резко меняется: многочисленные плоскодонные котловины, окруженные замкнутыми гребнями, сложенными известняками. Между гребнями лежат широкие плоские участки. Все гребни имеют плоскую, будто по линейке срезанную поверхность вершины, при 140–150 м абсолютной высоты.

На севере и востоке полуострова развиты эллиптические (кольцеобразные) гребни с котловинами в центральной части, высотой 90–100 м.

Основные равнины – Керченская, Камыш-Бурунская, Сарайминская, Кыз-Аульская.

Особенность рельефа Таманского полуострова – многочисленные холмистые гряды высотой до 165 м, вытянутые в западном – юго-западном направлении, разделенные обширными низменностями.

---

[1] *Куликов А.В.* К реконструкции природных... С. 100.

[2] *Беренбейм Д.Я.* Керченский пролив во времена Страбона... С. 45.

[3] *Брокфман А.М., Хлебников Е.П.* Азовское море. Основы реконструкции. Л., 1985.

Самая северная – гряда мыса Каменного, тянется в широтном направлении на 11 км. Северная часть гряды срезана морем, наибольшие высоты (80–90 м) располагаются близ берегового обрыва, осложненного мощными оползнями. Южный склон ровный и пологий.

Следующая – Фонталовская гряда в 20 км. На западном ее окончании – сопка Горелая (104,3 м). Северо-западнее этой гряды – небольшая куполообразная Динская возвышенность.

Между Таманским заливом и Ахтанизовским лиманом находятся две холмистые гряды: северная – Цимбала, южная – Фанагорийская, разделенные неширокой (1,5–2 км) низменностью. На концах Цимбалы – грязевые сопки.

На восточном продолжении Цимбалы за Ахтанизовским лиманом лежит Голубицкая возвышенность (наибольшая высота – 57,8 м – близ берегового обрыва). На западной оконечности – потухший грязевой вулкан высотой 50 м.

Фанагорийская гряда – пологая возвышенность с тремя конусовидными холмами – сопками Бориса и Глеба (66 м), Яновского (77 м), Шапурской (61 м).

Южнее гряды – низина, бывший проток (5 м).

Далее на юг – Центральная гряда в 40 км. Средняя абсолютная высота – 40–60 м с небольшими холмами и глубокими котловинами в центральной части (10–15 м).

В западной части Центральной гряды – «горы» в виде усеченного конуса с плоской вершиной и крутыми склонами (до 30–40^0): гора Карабетова (151 м), Комендантская (165 м), г. Чиркова (159 м).

К северо-западу от Центральной гряды расположена Таманская гряда, в значительной степени разрушенная морем. На севере обрывается крутым уступом к морю, на юге переходит в равнину.

Между мысами Тузла и Панагия – остатки гряды в виде цепочки известняковых холмов (высота до 50 м).

С юга низина ограничена грядой горы Зелинского. Сама гора наполовину срезана морем и сильно разрушена.

Восточнее к морю подходит Бугазская гряда – из ряда отдельных поднятий до 130 м; в ее центре – обширная котловина, частично занятая озером Соленым. На западе гряда абрадирована морем и обрывается к нему уступом высотой до 60–70 м, на котором развиты оползни. Другой конец также размыт водами лиманов.

К северу от Бугазской гряды расположена обширная низменность. На западной и восточной окончаниях она значительно расширяется и частично занята лиманами Старо-Титаровским и Цокур.

Южнее расположена Старо-Титаровская гряда с сопкой Камышеватой в 116,8 м. Восточное продолжение этой гряды – невысокая (53,3 м) Стрельчанская возвышенность, наполовину размытая Кубанью.

Восточная часть полуострова занята широкой (6–12 км) долиной Кубани.

На правом берегу реки – две гряды – Темрюкская и Курчанская, вытянутые в северо-западном направлении. Гора Мыска – 72 м с озером-кратером на вершине. Курчанская гряда – до 120 м.

Между двумя грядами – обширное сопочное поле Гнилая Гора – низкий усеченный конус с крутыми склонами (30–40^0) и плоской вершиной.

Средние годовые осадки – 300–400 мм, а по берегам пролива и в южной части – 300 мм. Весной и летом бывают засухи в 20–40 (иногда 80) дней.

Совершенно особую растительность имеют возвышенные приморские известняковые массивы – горы и мысы [1].

Во времена Страбона к северу от горы Цимбалы, очевидно, располагался пролив, соединявший Таманский залив с Азовским морем.

Важнейшей особенностью дельты р. Кубани является обилие водоемов озерного типа, называемых по традиции лиманами.

Из общей площади дельты, составляющей 4 300 км^2, на долю лиманов приходится 1 500 км^2. Дельта Кубани – неустойчивая динамичная природная система.

Район дельты Кубани по физико-географическому районированию является частью Кубано-Приазовской провинции. Соседство с молодой складчатой страной определяет высокую тектоническую активность. В дельте Кубани отмечены наибольшие скорости погружения структур. С неотектоникой связана активная абразия дельты.

Кубань имеет несколько паводков, наибольший из которых приходится на середину лета, поэтому летом лиманы обеспечиваются в наибольшей мере речной водой.

Зимой сильны штормовые ветры. Иногда при катастрофических наводнениях, вызванных нагонным ветром, четкая граница между лиманами и морем временно нарушается.

Дельта Кубани оформилась на месте вдававшегося в пределы Предкавказья морского залива и является дельтой выполнения.

Морские наносы послеледникового времени восточнее г. Славянска-на-Кубани не встречаются.

Современная дельта образовалась полностью уже в послеледниковое время.

Образование дельты и лиманов происходило так: часть залива отчленялась от моря косой или системой кос, образуя лагуну, которая затем постепенно заполнялась наносами реки.

Вначале в лагуне появились узкие продолговатые острова, которыми при их дальнейшем росте лагуна разбивалась на более мелкие водоемы. Отдельные острова срастались, и из сохранившихся между ними проливов возникали русла протоков, соединившие между собой группы лиманов. В дальнейшем отдельные протоки, заполняя промежуточные лиманы или их части, превратились в непрерывные речные русла.

Потерявшие связь с рекой, отчленившиеся водоемы постепенно зарастали все больше и больше болотной растительностью, превращаясь сначала в мокрые, затем в сухие плавни.

[1] *Благоволин Н.С.* Геоморфология Керченско-Таманской области. М., 1962. С. 3–10.

В I в. н. э. Ахтанизовский и Курчанский лиманы представляли собой один обширный лиман, тянувшийся от Таманского залива, с которым он соединялся широким проливом к северу от Центральной гряды, до восточных берегов совр. Курчанского лимана.

Лиманы Витязевский, Кизилташский, Бугазский и Цокур составляли единый обширный залив [1].

Скорость современного погружения структур в пределах дельты Кубани составляет ок. 3 мм в год.

Еще 1 000 лет назад берег дельты был выдвинут далеко в море (как и лиманы). В последовавший затем период оживления трансгрессии на морском крае дельты стала преобладать абразия. При этом подвергались разрушению берега всего Азовского моря.

В наши дни азовское побережье в районе дельты Кубани достаточно быстро отступает. Дельта занимает почти идеально плоскую равнину.

Увалы на Тамани называют горами, хотя ни одна из них не превышает 150 м.

С северо-востока дельта окаймляется невысоким (до 20 м) Ахтарским плато.

Прирусловые валы, сформированные наносами Кубани, окаймляют современные и уже отмершие водотоки (гряды Черноерковская, Гривенская, Кучугурская, Степок, Крутой ерик и др.). Гряды образуют водоразделы между лиманами.

Также есть валы постепенно перемещавшегося берега моря – гряды морской аккумуляции (Бол. и Мал. Черепашьи гряды). Далее на запад выделяются Казачья, Мостовянская и Турецкая гряды.

Ахтарско-Гривенские лиманы разделяются грядами Жестереватой, Буеровой, Железной и Кабанячьей [2].

В центральную часть дельты еще недавно выносилась подавляющая часть наносов Кубани. Днища древних лиманов – западины – повсеместны и на осушенной части дельты. В дождливые сезоны года они надолго заполняются водой.

Коренные морские берега сохранились в районе Синей Балки, ст. Голубицкой, у Приморско-Ахтарска (Железный Обрыв).

Из зоны Синей Балки наносы следуют в сторону Керченского пролива.

Примерно раз в 40–50 лет в устье Кубани происходят сильнейшие нагоны воды с повышением уровня до 3–4 м [3].

Внутренние воды. Важным аспектом палеогеографии является состояние грунтовых вод, почв, характер растительности.

Внутренние водные ресурсы и тесно связанный с ними характер растительности на Боспоре отличаются значительной спецификой. Керченский полуостров небогат водными ресурсами. Небольшие речки сосредоточены лишь в его восточной части. Поэтому первостепенное значение приобретают

---

[1] *Богучарсков В.Т., Иванов А.А.* Дельта Кубани. Р.-н-Д., 1979. С. 7.

[2] Там же. С. 10.

[3] Там же. С. 97.

подземные воды, которые питают и поверхностные. Относительно много родников и ручьев есть лишь на Азовском берегу [1]. Наиболее засушлив юго-восток полуострова.

Для большей части Керченского полуострова характерно наличие замкнутых и полузамкнутых миниатюрных артезианских бассейнов с пластовыми напорными водами, разобщенных антикланалиями-водоразделами [2]. Эти бассейны (мульды) имеют ограниченные возможности питания и значительно минерализованы. Юго-западная часть полуострова, сложенная толщей засоленных майкопских глин, практически безводна [3]. Юго-восток полуострова, видимо, подвергся серьезному обезвоживанию в V–VI вв.

Растительность. На европейском Боспоре преобладают ландшафты со степной растительностью. По склонам долин и балкам, местами по морскому побережью растут кустарники и низкорослые древесные породы (шиповник, груша, боярышник, терновник, бересклет, плющ и др.) [4]. В древности леса здесь встречались чаще [5]. В настоящее время отдельные рощицы встречаются лишь в окрестностях Керчи. Вырубленные в результате хозяйственной деятельности человека леса в Средиземноморье и Причерноморье, как правило, не возобновляются, а образуют вторичные кустарниковые заросли [6]. Особенно богаты зарослями кустарника северные склоны Крымского Приазовья вдоль берегов [7]. Юго-восток полуострова практически безлесен. Юго-западная и южная равнина вплоть до Феодосии лишена поверхностных вод и представляет собой полупустынные луга.

Из полезных ископаемых на Керченском полуострове известны железные руды, а также естественные источники нефти, например, Чонгелекское месторождение [8].

Характер ландшафта, почвы и обеспеченности водой на азиатском Боспоре достаточно отличается от европейского. Почвы здесь, особенно в восточных районах, прилегающих к устью Кубани, представлены чрезвычайно плодородными мощными черноземами и речными наносами, на которых развита разнотравная злаковая степная растительность. Вдоль русел и протоков Кубани в древности росли леса галерейного тира. В целом район чрезвычайно богат влагой. Имеется целая сеть небольших речек, ручьев, проток, а также грунтовые воды. Западные берега Тамани более засушливы и по характеру растительности похожи на Керченский полуостров.

Тамань покрыта холмами, курганами, грязевыми сопками. На Острове доминирует гора Бориса и Глеба, расположенная в восточной его части, на Кимме-

---

[1] *Зенкович В.П.* Берега Черного и Азовского морей. М., 1958. С. 176.

[2] *Павлова Н.Н.* Физическая география Крыма. Л., 1964. С. 34.

[3] Там же. С. 35.

[4] *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. С. 39.

[5] *Сокольский М.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 21–40.

[6] *Анучин В.А.* Географический фактор в развитии общества. М., 1982. С. 111.

[7] *Зенкович В.П.* Берега Черного и Азовского морей. С. 176.

[8] *Успенский В.А.* Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке // МИА. 25. 1952. С. 416.

риде – гора Горелая (Куку-Оба) севернее Патрэя, на Синдике – гора Васюринская [1]. Азовский берег Киммериды спускается к морю пологими, покрытыми разнообразным кустарником увалами с узкой песчаной полосой у моря. Это красивейшая ландшафтная зона Боспора [2]. Остальные берега менее живописны.

В первые века н. э. и в эпоху поздней античности происходит медленное подсыхание земель, расположенных в глубине Керченского полуострова, что вызвало постепенную смену хозяйственно-культурного типа: происходит сокращение пашенного земледелия, наблюдается тенденция к его замене виноградарством, возрастает роль добычи и обработки рыбы при увеличении ее удельного веса в рационе. Таким образом, к V–VI в. условия ведения хозяйства на Боспоре (особенно европейском) уже значительно отличались от тех, что существовали там во времена классической древности.

Характерным явлением в жизни античной цивилизации вообще была устойчивая тенденция к постепенному истощению почвы [3]. Она имела место и на Боспоре и была неизбежна в условиях парцеллярного хозяйства. В итоге на смену роли житницы всей Ойкумены, какую Боспор имел в IV в. до н. э., пришла роль относительно засушливой (полуаридной) зоны (особенно в европейской части) на краю обитаемого мира.

В целом вслед за А.А. Масленниковым мы можем с известными оговорками допустить, что в основном природная среда боспорского региона в античное время приблизительно соответствовала рубежу XIX–XX вв. [4]

Климат. Значительное влияние на особенности исторического процесса оказывают климатические изменения. Регион Северного Причерноморья – не исключение. Вследствие незначительной протяженности с севера на юг Керченский полуостров и Тамань находятся под большим климатическим воздействием омывающих морей, увеличивающих в прибрежных районах влажность воздуха, сглаживающих ход температур, формирующих умеренно-континентальный климат. Устойчивые погоды здесь длятся со второй половины мая до конца осени. Море поздней осенью и зимой бурно, в остальное время – преимущественно спокойно, хотя летом бывают отдельные сильные шторма, вызванные грозами. Наиболее опасными для мореплавателей всегда были северо-восточные ветры с Меотиды [5].

Главная отличительная черта климата региона в древности – его континентальность, выражавшаяся в крайних температурах зимой и летом.

Обилие летних дождей в Скифии было одной из характерных черт климата Северного Причерноморья и вызывало удивление материковых греков, так как в Греции дождь – явление, обычное для зимы.

---

[1] Описание остальных «опорных пунктов» Тамани – ее основных возвышенностей – дан С.Ф. Войцеховским в его уже упоминавшейся статье: Опыт восстановления рельефа... С. 4–9.

[2] *Воронов А.А., Михайлова М.Б.* Боспор Киммерийский. М., 1983. С. 128.

[3] *Анучин В.А.* Географический фактор в развитии общества. С. 121; см. также: *Блаватский В.Д.* Природа и античное общество. М., 1976.

[4] *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 10.

[5] *Бучинский Н.Е.* О климате прошлого русской равнины. Л., 1957. С. 46.

Снежный покров в прибрежных районах держится, как правило, несколько дней, и бывает вообще очень редко.

Принято считать, что в течение четвертичного периода основные черты климатов были, по существу, теми же, что и современные. Однако они характеризовались ритмическими колебаниями, выражающимися в кратковременных относительных потеплениях и похолоданиях, усыханиях и увлажнениях (специалисты насчитывают по 6–8 колебаний каждого вида за последние 5 тыс. лет) [1], что оказывало значительное влияние на исторический процесс [2].

По результатам анализа иловых отложений соляных озер Крыма можно уточнить хронологию и характер климатических изменений.

По мнению большинства ученых, с XVII в. до н. э. по VII в. н. э. господствовала II суббореальная климатическая эпоха [3] – достаточно влажное и холодное время. На протяжении первого тысячелетия нашей эры настала ксеротермическая фаза суббореала [4], увлажненность постепенно понижалась, процент теплых и засушливых лет рос.

Середина и вторая половина I тысячелетия н. э. считается эпохой «второго климатического оптимума» [5]. Во II–VI вв. имела место вторая ксеротермическая фаза суббореала с двумя интервалами увеличения засушливости [6]. В Таврике до конца IV в. продолжалось потепление [7]. Сведение лесов вело к обмелению рек, утрате части влаги сушей (исчезновение подземных вод, обмеление рек) и подъему уровня моря. Увеличилось количество сильных штормов на море, при которых происходило частичное разрушение берегов [8].

Ветры западных румбов в Керчи редки и незначительны. В течение года преобладают ветры с севера. Весной и летом днем южные ветры также часты, как и северные. Северо-восточные ветры зимой приносят холод, а летом – засуху. Летом нередки суховеи. Засушливый период длится не менее 8 месяцев. Характерно сильное, но разнородное влияние морей. Пролив замерзает в начале декабря, а тает в середине марта. Средняя годовая температура в Керчи – +11 (зима -1,3, лето +23,4) [9].

В климатическом отношении зона Боспора расположена в непосредственной близости к границам умеренной и субтропической зон, что определяет столкновение различных циркуляционных систем и изменчивость погоды. Абсолютно преобладает континентальный воздух умеренных широт. Смена восточных холодных ветров западными (теплыми и влажными) созда-

---

[1] *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. С. 42.

[2] *Hyntington E.* Civilisation and climate. New Haven, 1939.

[3] *Раунер Р.Л.* Динамика экстремумов увлажнения за исторический период // Известия АН СССР. Серия «География». № 6. М., 1981. С. 7.

[4] *Веклич М.Ф.* Проблемы палеоклиматологии. К., 1987. С. 163.

[5] *Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Записки Географического общества СССР. Новая серия. Т. 16. М.-Л., 1957. С. 268–269.

[6] *Раунер Р.Л.* Динамика экстремумов увлажнения ... С. 7.

[7] *Блаватский В.Д.* Природа и античное общество. С. 4.

[8] Там же. С. 5.

[9] *Бабков И.И.* Климат Крыма. Л., 1961. С. 81–82.

ет типичные для зимы резкие контрасты погоды. Весной преобладают западные воздушные массы. Летом континентальный воздух прогревается [1].

В целом первые века н. э. в Северном полушарии характеризовались относительно небольшим количеством суровых зим. Так, источники отмечают резкое снижение высоты весенних разливов Нила в Египте, где к V в. наступил период «низких вод». Наибольшие и наиболее продолжительные мелководья имели место в VII–IX вв. [2] Кроме того, для первых веков н. э. и далее отмечается высыхание болот во многих местах Германии, высыхание торфяников и зарастание их лесом в Европе (образование нового пограничного горизонта) и др.

Пик экстремума засушливости в Евразии падает на V в. В это время отмечаются: сильное высыхание степей Монголии, резкое сокращение ирригационной сети в Средней Азии, наинизший в историческое время уровень Каспия, относительно малое количество наводнений в Китае [3]. Источники сообщают об исключительных засухах в Сирии, Палестине и Малой Азии в 449–517 гг. [4] Так, в начале 450-х гг. «почти не было дождей в Галатиях, во Фригиях, в Каппадокиях и в Киликиях» (Evagr. II. 6). В 500–501 гг. засуха и голод поразили Эдессу (Jos. Styl. 40) [5].

На этом основании ряд специалистов предполагает, что высыхание степной зоны Евразии явилось одной из причин начавшихся передвижений кочевников из засушливых районов на окраины степи. Однако надо учитывать, что при усыхании субтропической зоны и несомненном усыхании степей отмечается постепенное усиление влажности в отдельных районах Восточной Европы [6], что особенно заметно контрастировало в районах, соприкасающихся со степью. В.Д. Блаватский распространяет этот тезис и на Таврику [7]. Таким образом, район Боспора, частично входящий в зону Великой степи, оказался в более выгодном положении по сравнению с остальной подсыхающей степью и сделался привлекательным для азиатских кочевников в эпоху Великого переселения народов.

Специалисты отмечают, что с III в. н. э. на Верхнем Дону начался новый климатический цикл. Заканчивается засушливый период, увеличивается влажность, начинается наступление лесов на степные ландшафты. Еще более холодным и суровым климат становится в IV–V вв.[8] В VI в. можно говорить

---

[1] *Богучарсков В.Т., Иванов А.А.* Дельта Кубани. Р.-н-Д., 1979. С. 11–12.

[2] *Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности... С. 269.

[3] Там же. С. 278, табл. 37.

[4] *Altheim F., Striel R.* Die Araber in der Alten Welt. Bd. I. B., 1969. S. 114.

[5] Впрочем, есть и ряд фактов, свидетельствующих о сильных наводнениях, возможно, особенно заметных на общем фоне засухи. Так, в 460–470-х гг. в Константинополе и в Вифинии «прошли необычайные дожди. 3–4 дня потоки рекой низвергались с неба; горы были смыты...» (Evagr. II. 14). В 525 г. произошло крупное наводнение в Эдессе (Procop. De aedif. II. 7, 2–16; Theoph. 171, 18–28). В 547–548 гг. отмечен необычайный разлив Нила (Procop. B.G. III. 29, 6).

[6] *Брукс К.* Климаты прошлого. М., 1952. С. 282.

[7] *Блаватский В.Д.* Природа и античное общество. С. 4.

[8] *Бараш С.И.* История неурожаев и непогоды в Европе. Л., 1989. С. 24–27; *Медведев А.П.* Природно-климатические ритмы и направления миграций населения в лесостепном Подонье в раннем железном веке // Исторические записки. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 234.

уже о серьезном похолодании – так называемом «ранневизантийском малом ледниковом периоде», совпавшем с печально известной «чумой Юстиниана» – первой в мире пандемией.

Как бы там ни было, V–VI вв. стали эпохой огромного расцвета кочевого хозяйства. Несомненно, что миграции кочевников находились в зависимости от колебаний увлажнения степи в зависимости от многовекового ритма, представляющего собой проявление систематических вторжений воздействия внешней среды на поступательное развитие ландшафта в целом и его элементов по отдельности, выраженное со строгой закономерностью в течение всей послеледниковой эпохи.

Природные катастрофы. Немаловажным географическим фактором в эпоху поздней античности стали сейсмические процессы [1].

В восточной половине позднеантичного мира, где формировалась ранняя Византия, письменными источниками отмечено немало природных катаклизмов, которые могут пролить хотя бы отдаленный свет на палеогеографическую ситуацию на Северном Понте.

Повышенная сейсмическая активность для периода IV–VI вв. зафиксирована, прежде всего, в Малой Азии, где и в наши дни происходят настоящие катастрофы [2].

Конечно, характер традиции несколько гиперболизирует рассматриваемый период; количество источников здесь намного больше, чем до и после. Нельзя сбрасывать со счетов также и особо пристального внимания к стихийным бедствиям со стороны христианских писателей, видевших в них проявление гнева Божьего. Дни особо крупных землетрясений заносились в святцы на вечное поминовение их крестным ходом и всенародными молениями [3]. Однако и античные авторы, и хронисты с нечетко выраженной конфессиональной принадлежностью, и светские византийские историки также обращали внимание на особо крупные общественные бедствия.

В хронологическом порядке сводка основных сведений выглядит следующим образом.

В конце 50-х гг. IV в. (357 г.?) была разрушена подземными толчками Никомедия (Socrat. Schol. IV, 3).

При императоре Юлиане (360–363 гг.) произошло «сильнейшее землетрясение» (Amm. Marc. XXIII. 1; Theodoret. Cyr. H. E. III. 20) в Палестине.

При узурпаторе Прокопии 21 июля 365 г. произошло землетрясение, «разрушившее много городов. ...Море изменило свои пределы, ибо в некоторых местах так разлилось, что где прежде ходили, там стали плавать, а от других так отступило, что они сделались сушей» (Socrat. Schol. IV, 3).

---

[1] Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean Area up to the 10th Century / Ed. E. Guidoboni, A. Comastri, G. Traina. Rome, 1994.

[2] Землетрясение в северо-западной Турции (район древней Вифинии) в 1999 г. (18 тыс. жертв), в районе Афьон-Карахисар (центр западной части Малой Азии) в начале февраля 2002 г., и др.

[3] *Кулаковский Ю.А.* История Византии. 395–518 годы. СПб., 1996. С. 255.

11 октября 368 г. землетрясение в Вифинии разрушило город Никею. Немного времени спустя разрушения имели место в Геллеспонте (Socrat. Schol. IV, 11).

В апреле 407 г. землетрясение обрушилось на Константинополь (Chr. Pasch. 570; Philostorg. 11, 7).

В 415 г. произошло землетрясение в Никомедии, охватившее территории «от моря до Фригии» (Niceph. Coll. 11, 9).

В 1-й пол. V в. при императоре Феодосии II (408–450 гг.) хронист Иоанн Малала отмечает два крупных землетрясения: 1) «пострадал от Божьего гнева остров Крит и вся округа его»; 2) «пострадала Никомедия, разрушенная до основания, была поглощена морем» (Malal. 359, 363).

Евагрий Схоластик сообщает, что в 447 г. землетрясение «великое и ужасное..., превзойдя прежде случившееся, постигло всю Вселенную, так что и многие укрепления в царственном городе пали, и вместе с ними рухнула так называемая стена Херсонеса. Раскололась земля и многие сёла в нее погрузились. ...Обнажились высохшие русла некоторых рек. ...Низверглась с неба масса воды. ...Многие из островов погрузились в пучину; морские же корабли оказались на суше, когда воды отхлынули назад» (Evagr. I. 17).

14 сентября 457 (458) г. в Антиохии «земля колеблется и сотрясается с необычайной силой. ...Это землетрясение снесло почти все дома в Новом городе» (Evagr. II. 12). Обрушилось 57 башен (Marc. Com. 447).

19 июня 459 г. разрушительное землетрясение в Антиохии повторилось (Evagr. I. 13).

В 60–70-е гг. произошло крупное землетрясение в бассейне Эгейского моря. «Фракия, Геллеспонт, Иония, Кикладские острова, большая часть Книда и остров Крит были уничтожены» (Evagr. II. 14).

6 ноября 472 г. в Константинополе выпадает пепельный дождь – по всей видимости, вследствие извержения Везувия (Marc. Com. II, 90). Толстый слой пепла покрыл крыши (Iohann. Nik. 88).

При императоре Льве (457–474 гг.) также Антиохия была еще раз разрушена землетрясением.

В сентябре 480 г. произошло разрушительное землетрясение в Малой Азии (Marc. Com.), вполне определенно охватившее и Северное Причерноморье. В Константинополе оно бушевало 40 дней [1].

В 20-е гг. VI в. произошло землетрясение в Мизии. Пострадал город Помпейополь. «Когда произошло землетрясение, неожиданно раскололась земля и поглотила половину города вместе с жителями» (Malal. XVIII).

В 522 г. подземные толчки разрушили Диррахий – родину императора Анастасия (Theoph. 168, 8). В 525 г. был совершенно разрушен Аназарб Киликийский (Theoph.171. 14–17).

В мае 526 г. произошло очередное землетрясение в Антиохии (Procop. B. P. II. XIV, 6), длившееся целый год (Theoph. 172б, 173).

---

[1] *Бертье-Делагард А.* Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. 16. 1893. С. 82.

В 30-е гг. состоялось шестое крупное землетрясение в Антиохии. Погибло 5 тысяч человек. Почти одновременно трясло Лаодикею (7,5 тыс. жертв) и Миры Ликийские (Malal. XVIII).

В 40–50-е гг. VI в. целая серия землетрясений прокатилась по византийским провинциям: в 543 г. (Malal. 482, 12; Theoph. 224, 11) – был разрушен Кизик; в 542 г. (Malal. 478; Theoph. 222, 25–30); в 545 г. (Malal. 483, 21; Theoph. 225, 4); в 548 г. (Theoph. 226, 5).

В 551 г. землетрясение охватило Палестину, Финикию, Аравию, Сирию, Месопотамию (Theoph. 227, 21 – 228; Malal. XVIII. 485, 16; Johan. Ephes. 241–242). При этом море отступило от берега на одну милю.

В 553 г. страшное землетрясение в 40 дней охватило Константинополь и Никомедию (Malal. XVIII. 486; Theoph. 229).

В 554 г. еще два землетрясения длительностью в 10 дней обрушилось на столицу (Theoph. 229, 30).

В 556 г. еще раз трясло землю в столице (Malal. 488; Theoph. 231, 1).

В октябре 557 г., а затем в декабре того же года происходят два мощных толчка (второй – серия в 10 дней) (Malal. 488, 20 – 489, 10; Theoph. 231, 18 – 232, 6).

Необычайная разрушительность константинопольских землетрясений 50-х гг. VI в. была красочно описана Агафием (Agath. V. 3–5) и объяснена им огромной скученностью строительства в столице.

По всей видимости, отголоски этих землетрясений так или иначе могли затрагивать и Северный Понт.

В отличие от ярких катастрофических катаклизмов, природно-климатические перемены редко осознавались современниками, а значит, не находили сколько-нибудь полного отражения в нарративных источниках. Но они сказывались на хозяйственной деятельности и особенностях быта древнего населения, что постепенно приводило к трансформации его хозяйственного уклада и т. п.

Херсонес

Палеогеографическая ситуация в районе Херсонеса Таврического претерпела меньше изменений по сравнению с Боспором.

Основной район хоры – Маячный полуостров площадью ок. 380 га – был защищен двумя рядами стен на перешейке.

Гераклейский полуостров площадью ок. 12 тыс. га был освоен позднее. На востоке он был отделен от остальной территории Сарандиникиной и Хомутовой балками, на стыке которых расположена Сапун-гора.

Берега Северо-Западного Крыма везде имеют одинаковое строение. Образовавшиеся в результате аккумуляции огромного количества наносов, ровные, отмелые, низменные, с широкими песчаными пляжами, они тянутся однообразной полосой с плавными изгибами. Лишь в середине более чем

60-километровой линии в побережье вдается открытая Евпаторийская бухта, ограниченная с запада Карантинным мысом [1].

Глубоко вклинивающееся в сушу (до 27 км) узкое озеро Донузлав ограничивает с юго-востока далеко выдающийся на запад Тарханкутский полуостров. С северо-запада его омывает Каркинитский залив.

На западном берегу Крыма абразия съела несколько сотен метров, а местами – гораздо более [2].

В целом берега были более изрезаны и представляли собой цепь мелководных лагун и прибрежных озер, разделенных плавными низкими мысами [3].

Маячный п-ов занимает площадь более 400 га. С северо-востока его ограничивает Казачья бухта. Она имеет рукав – Соленую бухту, врезающуюся в сушу с северо-востока на юго-запад.

Прибрежная полоса от Херсонеса до Маячного п-ова имеет плавные очертания, так как ветры северо-западных румбов сглаживает здесь мысы.

За мысом Фиолент находится неглубокая Мраморная бухта, которую с юга прикрывает небольшой мыс, затем идет Балаклава (Симболон-лимен) – длинная извилистая бухта с узким входом [4].

Привязка к рельефу прослежена во всех известных в Херсонесе крупных общественных зданиях.

Определенное количество камня добывалось на месте строящегося здания. Добывался камень и в ближайших окрестностях. Каменоломен и штолен не было [5].

Морской путь из Херсонеса в Трапезунт шел через Пафлагонию, судя по карте на щите из Дура-Эвропос (III в.).

Менандр сообщает о маршруте Константинополь – Синопа – Херсонес – Апатур – Синдика (посольство Валентиниана 579 г.) [6]

Ольвия

Хора Ольвии является южной частью Причерноморской низменности; это морская терраса, покрытая лёссовидными породами (мощностью 20–30 м), изрезанная сетью речных долин и впадающих в них балок и оврагов. Часто встречаются плоскодонные замкнутые впадины – поды. В западной части – это неглубоко расчлененная равнина, наклоненная на юго-юго-восток от 100–110 до 38–41 м на бровке берегового уступа. Приустьевые части речных долин затоплены; на некоторых лиманах есть пересыпи. Наибольшие лиманы: Березанский, Бугский, Тилигульский. Восточная часть – между Бугским и Дне-

[1] *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым... С. 13.

[2] Там же. С. 18.

[3] Там же. С. 19.

[4] *Марченко Л.В.* Природные факторы в строительстве и хозяйстве Херсонеса // ХСб. 7. Севастополь, 1996. С. 21.

[5] Там же. С. 20–21.

[6] *Максимова М.И.* Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // МИА. 33. 1954. С. 46.

провским лиманами – типично прибрежная равнина от 50–60 м на севере до 20–30 м на юге, слабо расчлененная речными и балочными долинами [1].

Значительную роль в образовании рельефа играют понтические известняки, выходящие в виде карнизов на склонах речных долин, балок и оврагов. По мере приближения к морю происходит постепенное понижение террас.

В лиманах происходит аккумуляция наносов и образование кос путем наращивания мысов. Межлиманные пространства имеют плоскую поверхность, понижающуюся в сторону моря.

Оползневые процессы и морские прибои постоянно изменяют положение береговой линии.

Климат: значительное количество тепла и засушливость, часты суховеи. Зимы – малоснежные (30–70 дней в году).

Почвы: южные черноземы и темно-каштановые солонцеватые.

Ландшафт – типчаково-ковыльная степь с бедным разнотравьем.

В древности в речных долинах росли небольшие леса.

Лиман был уже современного на 3–4 км и длиннее на 45 (Одесская банка, по-видимому, была надводным продолжением Кинбурнской косы). Лиман был мелководным, берега – заболочены, покрыты густым тростником и деревьями. К концу IV в. уровень воды продолжал повышаться.

Городища на хоре обычно занимают возвышенные места, хорошо выделяясь на местности и возвышаясь над уровнем лимана на 20–30 м.

Балки использованы как естественные оборонительные рубежи.

Хора имела три основных района – южный – юго-западный; северо – северо-восточный; восточно – юго-восточный.

Единственное уязвимое место в степи (северо-запад) перекрывал земляной вал шириной в 20 м[2].

***

Итак, палеогеография трех очагов античной цивилизации Северного Причерноморья в позднеантичное время отличалась своеобразием. Три зоны были достаточно изолированными друг от друга и наряду с общерегиональными закономерностями имели локальную специфику.

В наибольшей степени палеогеографические факторы влияли на топографию поселений, на обособление отдельных территориально-хозяйственных микрозон, на определение внешних границ, на занятия жителей; стихийные бедствия влияли на безопасность населения региона.

Таким образом, без дальнейшей реконструкции палеогеографии региона и без учета влияния палеогеографических факторов невозможно дальнейшее изучение истории Северного Причерноморья в эпоху поздней античности. Наш очерк лишь намечает некоторые подходы в данной области.

---

[1] *Федорченко Т.П.* Причерноморская низменность. Одесса, 1965.

[2] *Буйских С.Б., Иевлев М.М.* О топографии городищ Нижнего Побужья первых веков н. э. // Античная цивилизация и варварский мир. I. Новочеркасск,1992. С. 66–72.

§ 2. Проблема территориально-хозяйственных микрозон

Позднеантичная эпоха была переходным временем, характеризовавшимся трансформацией феноменов античной цивилизации в византийские, что является прежде всего процессом политическим, т. е. прямо и непосредственно зависит от состояния государства. В такие периоды общество обнаруживает быструю и значительную утрату определенного уровня социополитической сложности [1]. Это проявляется в ряде следующих признаков: снижение степени социальной стратификации; утрата экономической и профессиональной специализации индивидов, микрогрупп и территорий; утрата обществом контроля над поведением своих членов и строгой регламентации жизни; сокращение потока информационного обмена между центром и периферией; сокращение обмена, торговли и перераспределения ресурсов (натурализация хозяйства); обособление небольших территорий в отдельные хозяйственные и политические единицы, фактически выходящие из-под реального контроля центрального правительства; государство тихо «замирает»; на местах продолжает функционировать общественное самоуправление на уровне микрообществ [2].

Любое сложно организованное общество в конце полного цикла своей эволюции распадается на более простые «политические тела» [3], локальные автономные сообщества, которые абсолютно преобладают в истории человечества [4]. Логика развития локальных цивилизаций неизбежно заставляет нас принять тезис об упрощении сложно организованного общества с потестарной организацией и его распаде на более простые «политические тела» в последний период его существования. История Боспора должна была закончиться в тех же формах, в которых она начиналась.

Исходя из этих общих закономерностей, можно и нужно предпринять попытку построения модели локальных территориально-хозяйственных комплексов позднеантичного Северного Причерноморья, прежде всего Боспора (Херсонес всегда представлял собой отдельную автаркичную микрозону).

Наличие таких комплексов первым предположил еще М.И. Ростовцев, который отнес их появление уже ко времени поздних Спартокидов, а расцвет – к первым векам н. э. Ученый усматривал в них проявление феодализации региона. Из современных работ в данном направлении можно отметить выделение А.А. Масленниковым историко-географических областей на Боспоре и вокруг него [5]. На основе разработанного им деления можно и нужно выделить более узкие, своего рода «элементарные» частицы, территориально-хозяйственные единицы Боспора, которые базировались на естественных ландшафтных микрозонах.

---

[1] *Tainter J.A.* The Collapse of Complex Societies. Cambr., 1989. P. 4.

[2] Ibid. P. 42.

[3] *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1917. С. 171.

[4] *Carneiro R.* Political Expansion as an Expansion of the Principle of Competitive Exclution // Origins of the State. Philadelphia, 1978. P. 203–233.

[5] *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 1991. С. 177. Рис. 17. См. также: *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 11.

На азиатской стороне логично представить структуру данных микрозон на основе традиционного представления о наличии в древности островов Таманского архипелага (Эйоны) [1]. Но даже если всех этих островов в рассматриваемое время и не было [2], линии гипотетических проток и проливов независимо от факта их существования достаточно четко делят регион на пять основных частей: Киммерида (совр. Фанталовский п-ов), район Фанагории и Кеп, Синдика, Тирамба, Большой Кандаур [3].

На европейской стороне Боспора практически все города были расположены в сравнительно обособленных друг от друга естественными рубежами районах [4]. Эти рубежи были чаще всего кольцеобразными кряжами, которые образуют далеко выступающие между собой удобные, в большинстве своем укрытые и глубоко вдающиеся в сушу бухты [5]. В.Д. Блаватский еще в 1953 г. отмечал, что на Керченском полуострове все основные сельскохозяйственные районы представляли собой долины, примыкавшие к морю или проливу. Каждая из этих долин была отдельным хозяйственным районом, тяготевшим к ближайшему городу [6]. Каждый из таких районов в той или иной степени находился под защитой системы оборонительных валов и рвов [7], благодаря чему сельское население долин могло жить и в неукрепленных поселениях-комах.

Небольшие поселения располагались на возвышенностях, примыкавших к бухте, или мысах, часть из которых, вероятно, была островами [8]. Большинство из нынешних соленых озер Европейского Боспора от Акташа до Узунлара были в древности заливами. Пересыпи образовались в результате рефракции волн на материковых отмелях [9]. Эти заливы также отделяли одну ландшафтную микрозону от другой.

Более конкретными историческими предпосылками обособления отдельных микрозон были, по нашему мнению, важнейшие существенные факторы истории позднеантичного Боспора. Несмотря на отсутствие катастрофических потрясений, общий ход эволюционного развития страны приводил к сокращению

---

[1] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 195.

[2] Обоснование см.: *Горлов Ю.В., Поротов А.В.* К проблеме палеогеографии Таманского полуострова // Сборник Русского исторического общества. № 4 (152). М., 2002. С. 277–289; *Гарбузов Г.П., Поротов А.В., Сударев Н.И.* К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани // ДБ. 21. 2017. С. 64–81.

[3] В.Г. Зубарев, следуя Птолемею, первые три острова называет иначе, сдвигая расположение городов на север. См.: *Зубарев В.Г.* Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции // ДБ. 2. 1999. С. 123.

[4] Подробный очерк общих проблем палеогеографии позднеантичного Северного Понта: *Болгов Н.Н.* Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. Белгород, 2002. С. 72–100.

[5] *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в IV–VI вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 33.

[6] *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 198.

[7] Им посвящена монография: *Масленников А.А.* Древние земляные пограничнооборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.

[8] *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 198.

[9] *Павлова Н.Н.* Физическая география Крыма. Л., 1964. С. 20.

поступления налогов с податной территории и невозможности централизованно организуемой полноценной обороны границ, к замиранию внутренних экономических связей. Обособление отдельных регионов Боспора не было сепаратизмом, ибо эти регионы не стремились и не могли стремиться к политической самостоятельности, а лишь замыкались на своих собственных хозяйственных и оборонительных нуждах и сводили к минимуму свои отношения со столицей.

Специальные конкретно-исторические исследования территорий позднеантичного Боспора как микрозон не производились, разве что кроме Танаиса, который, однако, всегда был отдельным хозяйственно-политическим организмом, а в последний период своего существования (конец IV – 1-я пол. V вв.), видимо, даже формально не входил в состав Боспорского государства, хотя оставался позднеантичным по своей материальной культуре (постантичный город).

Далее будет дано историко-географическое описание отдельных микрозон, начиная с европейской части.

Пантикапей – Тиритака. В целом район пролива был наиболее населенной, экономически развитой и наименее «сельской» территорией. По характеру рельефа это холмистая равнина. По количеству осадков эта территория наиболее благоприятная на полуострове. Вместе с тем это и самая пасмурная и ветреная часть полуострова [1]. Мелкие поселения – городки и усадьбы – раскопаны недостаточно. Еще меньше известны их некрополи. Иначе обстоит дело с городами. Среди них выделяется прежде всего столичная агломерация: Пантикапей с «городом-спутником» Тиритакой на юге.

Топография столицы Боспора позднеантичного времени точно не выяснена. Лишь раскопки последних лет приблизились к пониманию того, где располагались границы города и каким был его облик. Топографической доминантой города является гора Митридат – крупнейшая вершина Керченского полуострова.

Мирмекий в позднеантичный период уже не существовал как прежний город, однако отдельные находки здесь имеются.

Тиритака, отделенная от Пантикапея южной цепью холмов Парпачского хребта, заканчивающегося мысом Ак-Бурун, продолжала существование и образовывала со столицей еще один «город-спутник».

Дальней периферией этой микрозоны можно считать северо-восток Керченского полуострова, в период поздней античности уже не имевший городов (Парфений и Порфмий существовали в целом ранее).

Область Нимфея. Расположенный у возвышенного основания мыса (ныне разрушенного морем), город представлял собой как бы треугольник с вершиной, обращенной на восток, к морю. Полоса берега шириной более 400 м – часть античной хоры – ныне затоплена морем [2], уровень которого здесь повысился на 5,5 м по сравнению с IV в. до н. э. Город Нимфей в позднеантичное время уже не существовал, хотя отдельные находки из некрополя имеются. Прилегающие к Нимфею земли являлись плодороднейшей частью Керченского полуострова.

---

[1] *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. С. 24.

[2] В целом о палеоэкологии региона: *Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея // БИ. IV. Симферополь – Керчь, 2003. С. 13–17.

Район между озерами Тобечик и Чурубаш имеет лучшие в регионе темно-каштановые черноземные почвы. Режим осадков также наиболее благоприятен на Европейском Боспоре: здесь выпадает на 100 мм в год осадков больше, чем на остальной части полуострова [1]. Естественные границы (северная и южная) микрозоны (хоры Нимфея) – балки, заполненные озерами (в древности – заливами). Расстояние между балками (озерами) – около 7 км [2]. Западная граница микрозоны была, видимо, прикрыта валом (Чурубашский или «вал Зинько») [3].

Китей. Город и его округа представляли собой естественную ландшафтную и социальную микрозону, занимавшую в наиболее общих чертах всю юго-восточную оконечность Керченского полуострова. С юга и востока она была ограничена морем, и протянулась цепь холмов в меридиональном направлении, образующих на центральном и южном участке возвышенное плато. На севере эта цепь заканчивается довольно значительным холмом, примыкающим к южному устью залива Тобечик.

В южной части микрозоны в широтном направлении тянется еще две цепи холмов. Одна из них проходит близ южных окраин совр. села Заветное и делит всю микрозону на две не вполне равные половины – северную, более возвышенную и составляющую две трети территории (с вершиной Джурга-Оба), и южную, полого спускающуюся к морю. Поперек этой южной половины проходит южная цепь холмов, которая непосредственно ограничивает ближайшие предместья Китея, представляющие собой вытянутую в широтном направлении полосу шириной около 1,5 км. Естественных границ зоны на западе нет, она плавно переходит в соседнюю микрозону, примыкавшую к заливу на месте совр. озера Узунлар с городом Киммерик.

Есть некоторые указания на существование вала, отделявшего микрозону Акры – Китея от степи на западе и от района Киммерика на побережье (Кыз-Аульский или Китейский вал) [4]. Территория микрозоны, ограниченная этим валом, составляет 400 га. Она была освоена очень рано, на первых этапах колонизации Боспора [5].

В целом для берега характерен рельеф в виде холмистой равнины. По сравнению с позднеантичным временем в районе Боспора значительно изменился уровень моря и, соответственно, линия берега. Считается, что около 4,5 га территории городища из 10 к настоящему времени обрушились в море.

Нынешний берег представляет собой высокий обрыв, отдельные участки которого образуют более-менее прочные балки, а в ряде мест, особенно на городище – почти отвесный обрыв высотой в среднем около 30 м. Постепен-

---

[1] *Зинько В.Н.* Хора Нимфея // Пантикапей-Боспор-Керчь. 26 веков древней столице. Керчь, 2000. С. 47.

[2] *Зинько В.Н.* Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. V. Симферополь, 1996. С. 12.

[3] *Масленников А.А.* Древние земляные пограничо-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003. С. 127–128.

[4] Анализ литературы по вопосу см.: *Масленников А.А.* Древние земляные пограничо-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003. С. 128–130.

[5] *Там же*. С. 255–256.

но происходило обезвоживание района вследствие нарушения подземных водоносных слоев [1].

На территории микрозоны в позднеантичное время кроме города Китея существовало несколько поселений античного типа, расположенных на всей территории микрозоны [2], в том числе на узкой полосе между берегом пролива и холмами в районе приходившей в упадок Акры. По сравнению с соседним Киммериком район был достаточно густо заселен.

Киммерик. Центром микрозоны, доминирующим над округой, было плато горы Опук, входящее в систему Узунларского вала. Район обладает несомненными фортификационными достоинствами. Западная граница зоны – Узунларское озеро. Четкой естественной границы с районом Китея на востоке нет. В позднеантичное время на плато существовала крепость, упоминавшаяся в письменных источниках под названием Киверник. Она служила юго-западным пограничным форпостом Боспора. Область имела важнейшее значение в обороне Боспора.

В древности на месте большей части озера Кояш, возможно, была балка. Порт Киммерика находился в бухте на месте западной части современного Кояшского озера [3].

Крымское Приазовье. Крымское Приазовье представляет собой слегка выступающий в Азовское море достаточно крупный массив суши, ограниченный Казантипским заливом с запада и мысом Зюк на востоке. С восточной стороны эта микрозона соседствует с северо-восточным выступом Керченского полуострова, на юге ее условной границей можно считать линию современной железной дороги. К северу и югу от последней в широтном направлении тянется ряд невысоких гребней, самым южным из которых является Парпачский хребет (линия Владиславовка – Керчь).

Береговая линия сравнительно слабо изрезана. Главная особенность побережья – котловидные долины и кольцеобразные кряжи, не представляющие значительных возвышений [4]. Бухты имеют аккумулятивные берега. Мыс Зюк – песчаная коса, заканчивающаяся холмом, обращенным к морю обрывом, а к берегу – покатостью. Это небольшой холмистый полуостров, еще два столетия назад бывший островом [5]. К западу от Зюка следует бухта с низменным песчаным берегом, заканчивающаяся коротким возвышенным мысом Богатубе. К югу от этой бухты лежит соленое озеро Чокрак – возможно, это бывший залив, отделенный от моря сплошной пересыпью. Следов абразии на озере незаметно. Далее на восток участок берега между мысами Богатубе и Чегене – каменистый, невысокий, сильно абрадированный. Восточный берег Казантипского залива возвышен и обрывист.

---

[1] *Молев Е.А.* Археологические исследования Китея в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 40–67.

[2] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 89.

[3] *Голенко В.К., Клюкин А.А.* Работы Южно-Боспорской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 80.

[4] *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 30.

[5] *Дирин А.А.* Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. 19. 1896, материалы. С. 121.

В сравнении с другими территориями Боспора микрозона неплохо обеспечена водой. Одна небольшая речка впадает в Казантипский залив с его южной стороны. Ряд ручьев течет на север и впадает в Азовское море. На побережье, в основании многочисленных мысов, встречаются родники. Балочные долины и сухоречья лишь ненадолго, во влажные периоды, накапливают немного дождевой воды [1]. Для большей части микрозоны характерно наличие замкнутых артезианских бассейнов с пластовыми напорными водами. Восточный берег микрозоны (Приазовская песчаная низменность) имеет важный горизонт пресных вод.

С октября по май на море часто происходят штормы при ветрах восточного и северо-восточного румбов. Нередки случаи возникновения смерчей вдоль всего побережья Крымского Приазовья. Возможны резкие изменения уровня моря у берегов из-за сгона и нагона воды. В течение января-февраля Азовское море почти полностью замерзает. Линия берега по сравнению с античным (позднеантичным) временем изменилась очень мало. Античные памятники здесь, в отличие от ряда других микрозон Боспора, практически не пострадали от природных изменений.

В целом Крымское Приазовье представляет собой достаточно компактную микрозону. Это был один из основных, наиболее удобных и обжитых районов Боспора. Для системы расселения здесь было характерно отсутствие больших городов. Преобладали небольшие городки и сельские поселения, равномерно и густо покрывавшие территорию микрозоны, преимущественно близ побережья. Количество позднеантичных памятников, сохранность слоев – одни из лучших на Боспоре. Анализ материальной культуры, погребального обряда, состояния строительного дела, фортификации, сам облик приазовских городищ III–VI вв. рисуют убедительную картину непрерывности развития и преемственности прежних боспорских традиций [2].

Здесь в рассматриваемый период сохранялся экономический потенциал сельской территории. Этому способствовала относительная стабильность внешней ситуации. Этого оказалось достаточно для нормального функционирования локальной микрозоны. Более того, именно эта микрозона, как представляется сегодня, была базовым, основным районом, главным узлом прочности всего Боспорского государства в позднеантичное время.

Степная зона Керченского полуострова. По рельефу это в основном холмистая равнина. Есть заметные возвышенности, ряд сопок и скалистых кряжей. Хребты – более крутые в сторону разделяющих их долин, более пологие – наружу. Ландшафт – степь. Влияние морей ощущается слабо. Здесь находились истоки большинства ныне высохших речек и ручьев полуострова. Однако водные источники ограничены. Водоносный слой залегает на глубине

---

[1] *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. С. 39. В полевом сезоне 2002 г. проливные дожди в начале августа превратили многие сухие русла в речные потоки глубиной до 1,5 м.

[2] *Масленников А.А.* Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения). Автореф. докт. дисс. М., 1993. С. 40, 41; *его же:* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 46; *его же:* Исследование сельской территории Европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. 1997. № 3. С. 67.

не менее 10 м [1]. Сооружение колодцев требовало больших усилий. Местоположение поселений зависело (всегда) от источников пресной воды и даже от уровня залегания грунтовых вод. Район удобен для скотоводства, а в благоприятные периоды – для земледелия. Балки, холмы, пересеченная местность создавали благоприятные условия для фортификации. Со 2-й пол. III в. население здесь редеет. Часть населения в сезон уходила к морям для рыболовства. Наиболее хорошо изучены археологически Илурат, Михайловское, Тасуново, Савроматий (Ново-Николаевка), Артезиан [2]. Крепость Илурат, видимо, с конца III в. уже не существовала. Находки же на ее некрополе имеются.

Область Феодосии. Залив в древности имел несколько иные очертания. Морем затоплено более 100 м от линии берега. В восточной части современного города расположен Карантинный холм. Ареал распространения поселений на хоре ограничен с юго-запада хребтами Биюк-Янышар и Узун-Сырт [3]. По мнению некоторых специалистов, в более широком контексте район Феодосии от предгорной части Главной гряды до Ак-Монайского перешейка, возможно, составлял «область Кафа» уже в III–IV вв [4]. Значительную часть этой «большой хоры» на севере составляло побережье Меотиды [5]. В состав Боспора непосредственно район входил почти до сер. IV в. Его границей с остальным Боспором был Акмонайский перешеек [6]. На восточной оконечности Феодосийского залива в III–IV вв. еще существовало поселение на мысе Чауда (Казека?). Территория поселения в это время сокращается. Часть территории используется под некрополь. Материальная культура – позднебоспорская [7].

Киммерида. Фанталовский полуостров имеет площадь ок. 225 км [2]. Он вытянут с запада на восток на расстояние около 30 км, с севера на юг – на 16 км. С юга его омывает Таманский залив, с севера – Азовское море, с запада – Керченский пролив. Географическая обособленность Фанталовского полуострова совершенно очевидна [8]. В западной части в Киммериду на 7 км врезается Динской залив, ограниченный с запада косой Чушка. Существовала барьерная форма, частично или полностью отгораживавшая внутреннюю часть Таманского залива от акватории Керченского пролива (от сер. I тыс. до н. э. до XIV–XV вв.). Маркитанская банка. Уровень моря был тогда ниже на 5–5,5 м.

Азовское побережье полуострова – обрывистое, крутое, высотой до 90 м и все изрезано оврагами. Часть северной половины полуострова – ровный по-

---

[1] *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. С. 20.

[2] Там же. С. 21.

[3] *Катюшин Е.А.* Феодосия. Каффа. Кефе. Феодосия, 1998. С. 20, 24.

[4] *Гаврилов А.В.* Округа античной Федосии. Симферополь, 2004. С. 101; *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. К., 1999. С. 170.

[5] *Катюшин Е.А.* Об античной Кафе // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, 1994. С. 28–30; *его же:* Феодосия. Каффа. Кефе. Феодосия, 1998. С. 50; *Петрова Э.Б.* Античная Феодосия. Симферополь, 2000. С. 132.

[6] *Гаврилов А.В.* О валах на Акмонайском перешейке // МАИЭТ. VII. Симферополь, 2001. С. 12–16.

[7] *Гаврилов А.В., Голенко В.К., Ермолин А.Л., Столяренко П.Г.* Разведки на мысе Чауда и его окрестностях // ДБ. 10. 2006. С. 144–155.

[8] *Воронов А.А., Михайлова М.Б.* Боспор Киммерийский. М., 1983. С. 124.

логий семикилометровый склон, обращенный на юг. В районе пос. Кучугуры тянется лощина на северо-запад от залива до Азова с плоским уклоном.

Южная половина Киммериды имеет более сложный рельеф. Здесь с запада на восток протянулась гряда грязевых сопок высотой до 111 м. На западной оконечности расположен небольшой полуостров, образованный сопкой высотой 35 м. Южнее лежит сопка Горелая – грязевой вулкан высотой 103,5 м. На крайнем юго-западе полуострова находится мыс и озеро Рубана. Вдоль южного берега Киммериды имеются два холма в 39 и 113,7 м. Южный берег изрезан глубокими балками.

От северо-восточного угла Таманского залива до ст. Ахтанизовская тянется широкая (до 2 км) лощина, местами заболоченная (предполагаемая древняя протока) (Субботин ерик). Во время паводков она покрыта водой, а восточная часть сильно заболочена.

От Субботина ерика до Пересыпи тянется так называемый Киммерийский вал. По данным палеогеографии его возведение необходимо отнести к IV–VI вв.

Сеть линий межевания расположена на территории, поверхность которой имеет естественный уклон от 1 до 6 %. В ряде мест, подчиняясь рельефу местности, линии сходятся к отдельным поселениям, которые занимают явно доминирующее положение на данной территории.

Ни один из рукавов Кубани в Таманский залив не впадал. Это ставит под вопрос концепцию островов. Сенная балка – не древняя протока.

Корокондамитское озеро – это лиманы в черноморском русле Кубани – огромный залив в 630 стадий до Семибратнего городища.

Остров (Фанагора). Одной из самых маленьких (ок. 6 000 га), но важнейшей в политическом и экономическом отношении микрозон являлся Остров (Фанагора) с городами Фанагория и Кепы. Естественные границы этой территории достаточно четко выражены на западе и востоке: это соответственно Керченский пролив и Ахтанизовский лиман. Южная протока, отделявшая эту зону от Синдики, по всей видимости, хотя бы какое-то время существовала. Северная же протока – Субботин ерик – в последнее время не признается в качестве античного пролива. Здесь в древности располагалась сухая долина, которую позднее рукав Кубани мог затопить. Ныне вновь существует долина из-за изменения русла реки.

Городище Фанагории окружено сотнями курганов, расположенных то правильными рядами, то группами. Курганы эти расположены как бы вдоль нескольких дорог. Нигде на всей Тамани нет курганов в таком громадном количестве, как здесь [1].

Фанагория располагалась в стороне от главных экономических путей региона – Пролива и рукавов Кубани. Но главное – равнина южнее городища – Сенная балка [2].

---

[1] *Поночевный М.О.* Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. II. Екатеринодар, 1891. С. 29.

[2] *Горлов Ю.В., Поротов А.В., Янина Т.А., Фуаш Э., Мюллер К.* К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК.

Рукав Кубани впадал в Шимарданскую бухту южнее Фанагории, имевшей тем самым свой прямой выход в Меотиду.

Длительное время Остров имел прежде всего административное и в меньшей степени военно-стратегическое и хозяйственное значение. В позднеантичный период происходит хозяйственное обособление данной микрозоны. Лишь два города этой зоны – крупнейшие города азиатского Боспора Фанагория и Кепы – определенно имели оборонительные сооружения в то время. Оба города микрозоны были расположены на берегу Керченского пролива. Фанагория располагалась на двух относительно плоских террасах с перепадом высот в несколько метров. Северная – низкая – часть городища в настоящее время затоплена морем (ок. 15–17 га) [1]. Общественный центр города располагался на нижнем плато. Почти по центру города с юга на север спускалась лощина – по всей видимости, дорога из верхнего города к морю [2]. Общая площадь городища составляла около 50–60 га.

В 2003 г. затопленная часть города была оценена в 20–25 га [3].

Синдика. Синдика (по Страбону) или Гермонасса (по Стефану Византийскому) – крупнейшая микрозона Азиатского Боспора. Цепи курганов тянутся здесь параллельно берегу к западу от г. Тамань – к мысу Тузла, к юго-западу – к горе Зеленой, на восток – к курганам Большая и Малая Близница и Васюринскому. На Синдике в системе расселения выявляется особенность, которая не так отчетливо выражена в других микрозонах Азиатского Боспора. Если там почти все поселения располагались на водных артериях и так или иначе были связаны с морской торговлей, перевозками и рыбной ловлей, то в Синдике довольно много глубинных поселений, имеющих только сельскохозяйственное значение. Береговые поселения размещены более или менее равномерно. Глубинные поселения занимают подножия господствующих холмов в центральной части Синдики, на вершинах которых возвышаются курганы древних некрополей. Ярко выраженной организации оборонительной системы, как на Киммериде, здесь не обнаружено. Почти нет здесь и «батареек» – крепостей.

В западной части микрозоны был расположен главный ее город – Гермонасса – на высоком прибрежном плато около 20–25 м над уровнем моря, ограниченном с запада и востока балками, а с юга – «сухим озером» [4]. За пределы высокого плато территория города не распространялась, а восточная низина балки оставалась загородным участком. Поверхность плато в основном ровная, а ее снижения и повышения постепенны и незначительны. Северная часть городища ныне разрушена морем и оканчивается крутым обрывом морского берега. Осталось немногим более половины первоначальной площади городища. Граница размыва находится примерно в 90 м к северу от

XII. 2002. С. 248–257; *Горлов Ю.В.* Палеогеография Азиатского Боспора // 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. Тамань, 1996.

[1] *Атавин А.Г.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // БС. № 1. М., 1992. С. 30; *Воронов А.А., Михайлова М.Б.* Боспор Киммерийский. М., 1983. С. 144.

[2] Подробнее см.: *Кобылина М.М.* Фанагория. М., 1989.

[3] *Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е., Амелькин А.О.* Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 гг. // ДБ. 6. 2003. С. 160.

[4] *Коровина А.К.* Гермонасса. М., 2002. С. 28.

берега [1]. Гавань с пологим спуском могла быть только в северо-восточной части городища. Это мыс, вытянутый на северо-восток. Его продолжение – участок нижнего плато (сохранился лишь на 40–50 м в длину), сильно разрушенный и перекопанный в средневековое время [2].

Из четырех раскопов позднеантичный материал открыт на двух – Нагорном и Северном. Специфика работ заключается в том, что античный город скрыт под мощными средневековыми слоями.

Главная особенность размещения античных поселений на Таманском полуострове в целом заключается в согласованности или подчинении своеобразию его ландшафта [3], для которого характерны пологосклонные равнины и долины синклинального происхождения, ориентированные в широтном направлении, а также разделяющие их мягко очерченные и невысокие антиклинальные холмы и гряды, ориентированные в согласии с долинами.

Основные цепи: 1) гряда мысов Каменного Пекла; 2) Фонталовская гряда от г. Куку-Оба на западе до г. Тиздар на востоке; 3) Ахтанизовская гряда; 4) Фанагорийская гряда, включая г. Майскую (Шапурскую) и г. Бориса и Глеба; 5) гряда Карабетовки – Кандаура (самая протяженная) от Керченского пролива на западе до восточной оконечности Кандаура; 6) гряда мысов Панагия и Железный Рог – горы Камышеватой и горы Нефтяной; 7) гряда горы Гирляной. Основные долины: 1) синклинальная долина между Динским заливом и Кучугурами; 2) долина, отделяющая Фонталовскую гряду от Ахтанизовской; 3) долина между Таманским заливом и Ахтанизовским лиманом; 4) долина между Шемарданской бухтой и Соленым (малым Ахтанизовским) лиманом; 5) низина лиманов Цокур и Старотитаровский; 6) низина Бугазского и Кизилташского (Кубанского) лиманов.

Киммерида имеет 4 селитебные зоны: Северная равнина, Широкая долина, Центральная возвышенность, Южная равнина. Фанагора – 3 зоны: Ближняя хора Фанагории, округа Кеп, Восточный округ. Синдика – 7 зон: хора Гермонассы, Северный берег 1, дальняя хора Фанагории, Северный берег 2, Большая равнина, Южный берег, Малая равнина. Кандаур – одна зона. Остров Голубицкий (между Киммеридой и Кандауром) – продолжение Южной равнины Киммериды [4].

Я.М. Паромов провел исследование дорог Таманского полуострова в античное время [5]. Главной из таманских дорог был путь от переправы через Боспор Киммерийский, шедший на юго-восток через всю Киммериду, Фанагорийский остров и восточную часть острова Синдика. Вторая главная дорога

---

[1] Там же. С. 6.

[2] *Зеест И.Б.* К вопросу о городской планировке Гермонассы // История и культура античного мира. М., 1977. С. 54.

[3] *Паромов Я.М.* Топография античных и средневековых поселений Таманского полуострова // Средневековье древних евразийских степей. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж, 2001.

[4] *Паромов Я.М.* Пространственная организация античной системы расселения на Таманском полуострове (селитебные зоны) // Таманская старина. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. СПб., 2000. С. 39–41.

[5] *Паромов Я.М.* Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1. 1998. С. 216–225.

начиналась там же, но шла на восток, через Киммериду, Голубицкий остров и Кандаур. Третий путь шел от западной части Синдики на Фанагорию и Голубицкий остров, где соединялся со второй. Центром всей системы дорожно-экономических связей была Фанагория. В системе расселения дороги представляют собой наиболее жизненный и устойчивый элемент [1]. Дорог второго класса на Киммериде было пять, на Фанагорийском – две, на Синдике – четыре.

Возможно, на месте Тамани был один большой остров (КБН 40, 697, 982, 1000) и несколько небольших – Голубицкая, Темрюкская возвышенности, Благовещенский останец (недельтовое происхождение).

Горгиппия и ее округа. Юго-восточная часть Боспора располагалась на твердом материке. Горгиппия находится в черте современной Анапы. Окружавшие ее территории составляли отдельную локальную микрозону. Хора Горгиппии простиралась на расстояние не менее 20 км от города [2] и занимала материковую часть, примыкающую к таманским островам.

Мелкие острова восточной части Эйоны. Крупнейшим островом восточнее основной части Тамани был Кандаур. Вторым по значению был остров на месте современного Темрюка. В поздней античности этот район был периферийным и не сыграл большой роли, если не считать, что через Кандаур шел важнейший путь из Европейского Боспора в Прикубанье. Вдоль него располагался ряд поселений.

Танаис. Расположенный в устье Дона, на правом, более высоком, берегу, Танаис всегда составлял отдельную микрозону с собственной сельскохозяйственной округой. Период поздней античности не стал исключением. Это низменность с отдельными холмами, пересекаемая протоками.

Херсонес. Херсонес представляет собой хорошо изолированный район на холмах, отделенных балкой с юга, Карантинной бухтой с востока, морем с севера и Песчаной бухтой с запада. Окружающие земли Гераклейского полуострова с трех сторон отделены морем, а с востока от остального материка – балками, за которыми начинаются предгорья.

Гераклейский полуостров площадью ок. 12 тыс. га был освоен позднее. На востоке он был отделен от остальной территории Сарандинакиной и Хомутовой балками, на стыке которых расположена Сапун-гора. Полуостров имеет вид треугольника, основанием которого является линия Севастополь – Балаклава длиной ок. 12 км, а вершиной его служит Херсонесский мыс, глубоко выдающийся в море. Другие стороны треугольника имеют длину ок. 15 км каждая. Поверхность полуострова – невысокое плоскогорье, на котором местами встречаются довольно обширные плато, а глубокие балки (Карантинная, Юхарина, Бермана и др.) иногда переходят в широкие долины, удобные для земледелия. Район строевых лесов – Балаклава, а также восток Гераклейского полуострова, устья Альмы и Качи [3].

---

[1] Там же. С. 220.

[2] *Алексеева Е.М.* К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. I. Краснодар, 1980. С. 18.

[3] *Кадеев В.И.* Деревообрабатывающее производство Херсонеса в I–IV вв. н. э. // Херсонес Таврический: ремесло и культура. К., 1974. С. 37.

Северо-западный берег Гераклейского полуострова изрезан несколькими бухтами, удобными для устройства гаваней. Карантинная бухта особенно удобна для стоянки кораблей. Она извилиста и глубоко врезается в материк. Ее западный берег отлогий, на него легко вытаскивать корабли.

Маячный п-ов занимает площадь более 400 га. С северо-востока его ограничивает Казачья бухта. Она имеет рукав – Соленую бухту, врезающуюся в сушу с северо-востока на юго-запад. Прибрежная полоса от Херсонеса до Маячного п-ова имеет плавные очертания, так как ветры северо-западных румбов сглаживает здесь мысы. За мысом Фиолент находится неглубокая Мраморная бухта, которую с юга прикрывает небольшой мыс, затем идет Балаклава (Симболон-лимен) – длинная извилистая бухта с узким входом [1].

Сам полуостров, на котором расположено городище, представляет собой возвышенность, вытянутую с юго-запада на северо-восток, причем высота ее от 10 м на крайнем северо-востоке, постепенно увеличиваясь, к юго-западу достигает 30 м над уровнем моря.

С южной стороны полуостров отделяется от материка глубокой балкой, имеющей крутой склон. Ее отрог был засыпан в районе цитадели близ устья у бухты. С западной стороны к Песочной бухте спускается вторая балка, восточный склон которой также довольно крутой. Между этими балками остается узкая возвышенная полоса шириной ок. 50 м – единственный уязвимый пункт при осаде города неприятелем.

Линия берега в районе городища со временем претерпевала изменения. Вслед за ней существенным перепланировкам подвергались приморские кварталы [2].

***

Итак, концепция локальных территориально-хозяйственных микрозон, основанная на факте природно-географического членения Северного Причерноморья (в особенности Боспора), в основном подтверждается археологическими материалами (распределение поселений и некрополей) [3].

В позднеантичное время одни из микрозон были практически оставлены жителями (Нимфей, Илурат), другие (Пантикапей с Тиритакой, Китей, Крымское Приазовье и др.) процветали. Причины этого нам предстоит выяснить в дальнейшем. Не вызывает сомнений и факт определенной изолированности Херсонесской микрозоны от ее варварского окружения.

Таким образом, очаговый характер расселения придает позднеантичным центрам Северного Понта вид рассеянных по варварскому берегу капель – больших или меньших, все же образующих некое единое цивилизационное пространство.

---

[1] *Марченко Л.В.* Природные факторы в строительстве и хозяйстве Херсонеса // ХСб. 7. Севастополь, 1996. С. 21.

[2] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 197.

[3] См.: *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966.

§ 3. Позднеантичные города: континуитет градостроительства, планировки, фортификации

Общий историко-археологический обзор по данной теме в литературе отсутствует. Но, помимо общего очерка, нашей целью здесь будет показ (по возможности) сложнейших переходных состояний, а также анализ влияния отдельных компонентов.

Археологический анализ хронологии комплексов Северного Причерноморья был проделан в 1999 г. в III главе докторской диссертации А.В. Сазанова [1]. Основной его задачей была синхронизация слоев в соответствии с разработанной им типологией керамического материала.

Здесь же необходимо представить общеисторическую интерпретацию материальной культуры на городищах, привлекая для этого максимум имеющегося материала. Будут рассмотрены особенности топографии, градостроительства, планировки, фортификации, причины благосостояния или упадка городов позднеантичного Северного Понта [2].

Признаками античного города, как известно, являются: относительно большая территория, компактность застройки, наличие оборонительных стен и общественных зданий.

Для позднеантичного времени относительно континуитета города в целом обычно отмечают:

- сохранение архитектурных традиций частного и общественного здания;
- сохранение городов на прежних местах, отсутствие территориальных перемещений;
- сохранение прежней планировки с небольшими изменениями (измельчание кварталов);
- увеличение количества гражданских и военных построек, формирующих государственно-административный центр;
- сохранение агоры как рыночной площади и регулярной торговли;
- постепенный переход от сплошной линии фортификации вокруг всего города к обороне узловой части города (кастрон);
- частичный континуитет сакральной топографии;
- происхождение христианского храма (базилики) из типа античного общественного здания;
- начало совершения захоронений внутри города [3];

---

[1] *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Автореф. докт. дисс. М., 1999. С. 13–20; см. также: *Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. С. 56–57 (табл. 5).

[2] *Сазанов А.В.* Византийская археология: проблемы и методы // ХСб. 7. Севастополь, 1996. С. 5–12; *Романчук А.И., Щеглов А.Н.* Проблема культурного слоя в византийской археологии // ВВ. 55 (80), ч. 2. 1999. С. 178–183; *Романчук А.И., Шандровская В.С.* Введение в византийскую археологию и сфрагистику. Екатеринбург, 1995 и др.

[3] Это не столько следствие сокращения города, сколько ментальные изменения – появление нового отношения к смерти и мертвым; см.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 63–64.

– некрополи – новые общественные центры.

Для периода V–VI вв. в нашем регионе можно вести речь о некотором расширении урбанизированной территории, начале процесса градообразования в контактных зонах, лимитрофах. Этот процесс на периферии ранневизантийского мира определялся рядом факторов, важнейшим из которых была степень и продолжительность внешней военной угрозы.

Пантикапей. В первые века н. э., включая III–IV столетия, Пантикапей оставался достаточно большим по региональным масштабам городом. В указанное время сохранялось вполне античное понимание границы города как внешней городской стены, отделявшей городские кварталы от прилегающей сельскохозяйственной территории и некрополя. В настоящее время нет возможности обнаружить позднеантичные стены города. По всей видимости, они были зафиксированы П. Дюбрюксом и И.П. Бларамбергом, еще имевших их перед глазами [1]. Из этих соображений и нужно исходить при определении границ города.

Внешняя стена Пантикапея еще во II–IV вв. начиналась у моря, в районе старой таможни, поднималась на северо-запад, затем резко опускалась на юг. После этого она поднималась по южному склону горы Митридат к району II Кресла. По всей видимости, здесь находился парадный вход в город. Затем стена шла дальше, по северному склону горы в северо-восточном направлении и заканчивалась в районе р. Пантикапа (совр. Мелек-Чесме) [2].

Еще В.Д. Блаватский отметил, что позднеантичный период (который он ограничивал IV в.), отнюдь не бывший временем процветания Пантикапея, характеризуется обилием культурных слоев, отличающихся значительной толщиной [3].

В литературе общим местом до недавнего времени являлось положение о том, что в первые века н. э. общественный центр города спустился вниз, в припортовую часть. Агора III–IV вв. находилась, по мнению В.Ф. Гайдукевича, в районе Предтеченской площади, так как оттуда происходит значительное количество посвятительных надписей [4]. Это мнение поддержал А.В. Сазанов, указавший, что в районе Предтеченской – Биржевой площадей существовала Вторая агора Пантикапея [5]. Однако вместе с тем в районе храма Иоанна Предтечи античный слой еще в 1985 г. был неизвестен [6].

Противоречивой являлась и оценка роли района горы Митридат. В ряде работ указывалось на падение ведущей роли Верхнего города, но вплоть до IV в. на горе Митридат, у южной границы Старого кладбища, располагался общественный и культовый центр, где находились статуи царей. Уточнить

---

[1] *Блаватский В.Д.* Материалы по истории Пантикапея (план города) // МИА. 19. 1951. С. 12, 31.

[2] *Сазанов А.В.* Топография Пантикапея I–IV вв. // СА. 1985. № 1. С. 166.

[3] *Блаватский В.Д.* Античная полевая археология. М., 1967. С. 194.

[4] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л.,1949. С. 164.

[5] *Сазанов А.В.* Топография Пантикапея... С. 172, 175.

[6] Там же. С. 169 со ссылкой на: *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1934 г. // МИА. 56. М., 1957. С. 253.

эти выводы станет возможно лишь после тщательного анализа результатов старых и новых раскопок.

В силу особенностей современной застройки города наиболее масштабные раскопки позднеантичных слоев Пантикапея можно производить лишь на горе Митридат. Несмотря на многолетние исследования, и сегодня, вслед за И.Д. Марченко, мы можем повторить: «До сих пор остаются неясными основные черты плана древнего города [Пантикапея] [1]».

В самых общих чертах ясно, что весь район горы Митридат можно условно выделить в один микрорайон – Верхний город, имевший еще в первые века н. э. террасную планировку (яркий признак античного характера градостроительства). На северном склоне – более пологом – было пять террас и две магистрали (улицы), шедшие вниз [2]. Площадь на северном плато имеет характер агоры [3].

Городские напластования Пантикапея позднеантичного времени дошли до нас в наиболее плохой сохранности; они очень пострадали от прокопов и выборки камня, осуществлявшихся на горе с очень давних времен. Кроме того, со времен В.Д. Блаватского и В.Ф. Гайдукевича весь позднеантичный слой датировался суммарно III–IV веками. Новая хронология слоя была предложена А.В. Сазановым лишь в 90-е гг.

Верхний город. Если В.Д. Блаватский суммарно выделял лишь два слоя позднеантичного времени на горе Митридат и датировал их соответственно концом III – началом IV вв. и IV в. [4], то А.В. Сазанов выделил шесть слоев, начиная с 1-й пол. IV в. по рубеж VI–VII веков [5]. Однако еще В.Д. Блаватский на каждом раскопе давал более подробную схему напластований, правда, в своей собственной системе хронологии (т. е. датировал весь слой III–IV вв.).

Исходя из этого, далее мы попытаемся согласовать между собой хронологию, предлагаемую отдельными авторами, и проанализировать имеющийся на сегодняшний день материал. Прежде всего, отметим, что вся площадь горы Митридат в археологическом плане распадается на ряд раскопов с названиями, данными им их авторами.

На **верхнем Митридатском раскопе**, находившемся в черте акрополя, к поздней античности относятся слои IX–XI (по В.Д. Блаватскому). К слою IX были отнесены обломки сосудов, остатки кладок, развалы камней, а также две кладки (№ 77,78), причем кладка 89 – «в ёлочку». К сильно перекопанно-

---

[1] *Марченко И.Д.* О планировке северного района Пантикапея (к проблеме изучения агоры) // СА. 1979. № 2. С. 164.

[2] Там же. С. 165.

[3] Там же. С. 77.

[4] *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // МИА. 56. М., 1957. С. 87.

[5] *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. М., 1999. С. 18.

му слою XI были отнесены вымостки № 3, 44 [1]. В слои был впущен ряд могил [2], всего более 20-ти.

Раскоп под I Креслом Митридата. Над материковой скалой В.Д. Блаватским в 1948 г. под вершиной I Кресла, к северу был обнаружен только позднеантичный слой. Все предыдущие напластования были удалены, что свидетельствует о высоком уровне благоустройства акрополя [3]. В слое обнаружены обломки облицовочных плиток, куски штукатурки, покрытой красной краской, фрагменты каменной черепицы [4].

На **раскопе около памятника Стемпковскому** встречались находки, характерные для всего позднеантичного периода в качестве осыпи с верхней площади горы [5].

Раскоп над старым зданием музея дал слой позднеантичного времени, более подробно В.Д. Блаватским не описанный.

Участок вокруг II Кресла в позднеантичное время входил в черту города. В.Д. Блаватским были открыты развалины построек [6].

Восточнее II Кресла в 1945 и 1947 гг. исследовался **раскоп около скалистого выступа горы Митридат.** Выделено два слоя позднеантичного времени – III и IV. Обнаружены остатки кладок и вымосток из рваного камня. Подошва кладки № 1 следовала рельефу местности, что свидетельствует об упрощении строительных приемов, связанном с тем, что участок был застроен бедными постройками, вероятно, жилищами городской бедноты [7]. В слое III кладка № 3 сооружена «в ёлочку». Есть обломки амфор и краснолаковой керамики. Кладка № 1 – фундамент стены из рваного камня средних размеров. Слой IV – впущенные могилы на общем фоне полного запустения. По всей видимости, в это время участок оказался вне городской черты [8]. Определить точное время бытования слоя IV крайне сложно; быть может, это V–VI вв.

В начале XXI в. раскопки Пантикапея на **Центральном плато** г. Митридат вели экспедиция ГМИИ и специалисты КФ ИА НАНУ. Материалы III в. открыты по всему раскопу. Это фундамент большого монументального здания, вероятно, облицованного мраморными плитами; подвальное помещение; прямоугольная цистерна; два плоскодонных пифоса с инвентарем.

В 1999 г. была доследована цистерна № 145, впущенная в угловое юго-западное помещение разрушенного к тому времени дворца. Горизонт 3 отно-

---

[1] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 103. М., 1962. С. 28–31.

[2] *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1949 гг. / Архив ИА РАН. Р-1. № 364. Л. 20–26; *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1952 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 748. Л. 26; *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1953 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 856. Л. 24.

[3] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 103. М., 1962. С. 38.

[4] *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея // МИА. 56. М., 1957. С. 91.

[5] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. С. 40.

[6] Там же. С. 77.

[7] *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея... // МИА. 56. М., 1957. С. 91.

[8] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея... // МИА. 103. М., 1962. С. 72.

сится к IV в. (к концу III в. цистерна была засыпана не до конца, ее стены выступали под поверхностью) [1].

Открыто много фундаментов построек, а также ям различного назначения, что может быть отнесено к III–IV вв.

Уже сейчас нет сомнений, что в указанное время далеко не все жители боспорской столицы спустились к подножию г. Митридат; район бывшего акрополя был обитаем и плотно застроен [2].

Важнейший результат новых исследований: впервые на Центральном плато обнаружены строительные остатки IV–VII вв. [3] Сохранившиеся сооружения: помещение прямоугольной формы с фундаментом из бута и рваного камня в два панциря, с включением крупных фрагментов черепицы; дата – не ранее 1-й пол. IV в. (по монете 323 г. и краснолаковой керамике, стенкам амфор типа набегающей волны). Есть также еще несколько кладок, разрушенных более поздними выборками.

Следов гуннского разрушения (как и при предшествовавших исследованиях) не выделено. Построек, которые надежно датируются V в., пока не выделено, однако материал этого времени присутствует в слоях городища. Позднейший объект – угол помещения. Слой, в котором залегает кладка, датируется 2-й пол. VI – 1-й пол. VII в. Перекопы IV–V вв. впущены в слой II–III вв. В яме V в. найдена корчажка типа 99 по Зеест и фрагменты краснолаковой керамики, стенки амфор типа набегающей волны. Траншеи выборок камня датируются концом V – началом VI в. (клеймо с крестом на тарелке LRC) [4].

Установлено, что типичная для Пантикапея система террас продолжает существовать и в позднеантичное время. Кладка 204 на полметра возвышается над уровнем IV–V вв. Эта кладка была подпорной стеной для террасы. В слоях часто встречаются обломки краснолаковой керамики (LRC 3, 9, 10; LRPW; ARSW), а также крупные обломки позднеантичной черепицы. В слое IV–V вв. найдена плитка из местного ракушечника с выбитым изображением (лицо?) [5]. Таким образом, вершина горы Митридат, вопреки прежнему мнению, была обитаема и в позднеантичное время. Более того, обилие архитектурных остатков говорит о сравнительно высокой строительной активности жителей. Постройки существовали в непосредственной близости (50–100 м) от некрополя. Отдельные могилы были сделаны даже в разрушенных помещениях, датируемых 2-й пол. V – 1-й пол. VI в. [6] Итак, к настоящему времени наиболее полно изучен район вершины Первого кресла горы Митридат, осо-

---

[1] *Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Цистерна римского времени на акрополе Пантикапея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 366.

[2] *Журавлев Д.В.* Новые данные о Пантикапее в позднеантичную эпоху // Боспорский город Нимфей. СПб., 1999. С. 28–29.

[3] Там же. С. 29.

[4] Там же. С. 30.

[5] Там же. С. 30, рис. 9.

[6] Там же. С. 30.

бенно его западное плато. Террасная система здесь продолжает существовать до V–VI вв. [1]

В 1999 г. на северном склоне Западного плато в пределах раскопа **Центральный-Северный** на участке С открыт ряд монументальных строений от II до V–VI вв. Есть керамический материал IV–VI вв. (фрагменты амфор, LRC и др.). Открыто одиночное погребение в безынвентарной плитовой могиле [2].

Ряд раскопов был заложен на южном склоне горы Митридат. **I Босфорский раскоп** исследуется с 1946 г. Он расположен над I Босфорским переулком. Выделено три слоя позднеантичного времени – V, VI, VII. В слое V в 1946 г. были обнаружены две кладки, диагонально ориентированные по отношению к постройкам более раннего времени, т. е. здесь имела место перепланировка [3]. Среди находок – обломки черепиц, узкогорлых амфор, стенок реберчатых сосудов, посуды из серой и коричневой глины, а также с грубой лепкой. VI слой имеет незначительные строительные остатки – две кладки (развалы фундаментов, вымостки); есть фрагменты амфор и других сосудов [4]. Слой VII открыт также в 1946 г. В нем открыты развалы вымосток из рваного камня, обломки остродонных амфор и краснолаковой посуды (вместе с находками более раннего времени) [5].

В.Д. Блаватский делает вывод о том, что после разрушения сооружений VII слоя городская жизнь здесь замирает. Участок оказался вне черты города, и на нем появляются погребения, среди которых одно – с крестом.

В целом в позднеантичный период, как мы его ныне датируем, жизнь на Босфорском раскопе была весьма оживленной, даже более, чем в предыдущее время. Здесь были построены сооружения, обрамляющие перекресток улицы и переулка. Открыты части жилого дома [6].

II Босфорский раскоп расположен на юго-восточном склоне II Кресла. В 1949 г. здесь были обнаружены достаточно скудные остатки позднеантичных сооружений (в верхней части покатости горы, в районе II Босфорского переулка) [7]. Дальнейшими раскопками было установлено три слоя позднеантичного времени с обломками черепиц и амфор [8]. Территория входила в состав города.

Небольшой **III Босфорский раскоп** дал несколько могил позднеантичного времени [9].

---

[1] *Толстиков В.П., Журавлев Д.В.* Новые данные к топографии Пантикапея первых веков н. э. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь, 2001. С. 152.

[2] *Толстиков В.П., Журавлев Д.В.* Исследования на акрополе Пантикапея // АО. 1999. М., 2001. С. 310.

[3] *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея... // МИА. 56. М., 1957. С. 93.

[4] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея... // МИА. 103. М., 1962. С. 48.

[5] Там же. С. 49.

[6] Там же. С. 51.

[7] *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея... // МИА. 56. М., 1957. С. 91.

[8] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея... // МИА. 103. М., 1962. С. 73.

[9] Там же.

В 1948 г. к юго-западу от вершины II Кресла были обнаружены вымостки – остатки мостовых стратегической дороги, проходившей вдоль оборонительной стены [1].

В целом на южном склоне горы Митридат по всей площади раскопок обнаружены три культурных напластования. Эти напластования достаточно богаты, что позволяет сделать однозначный вывод о принадлежности участка к числу жилых кварталов города [2].

Западный раскоп дал слабый слой с находками позднеантичной эпохи. В этот слой был впущен ряд захоронений. Осыпь городского слоя начала сползать вниз [3].

Большие по времени и территории работы проводились на северном склоне горы Митридат. **Эспланадный раскоп** дал три слоя позднеантичного времени – VII, VIII, IX. Слои сильно потревожены перекопами XIX в., создавшими значительную смесь материала. Основные работы проводились в 1945–1949 гг. Были открыты остатки кладок вымосток, много обломков черепиц, черепки посуды с рифленым орнаментом. Вся исследованная площадь Эспланадного раскопа была занята обширным зерновым хозяйством, в связи с чем весь участок был покрыт зерновыми ямами; их более десятка [4]. Это хозяйство возникает на месте винодельческого хозяйства. Участки между зерновыми ямами были вымощены. Сооружается монументальная стена шириной в 120 см; сохранившийся участок имеет 13 м в длину, 1,4 м в высоту [5].

Слой VIII сохранился несколько хуже VII. Это группа камней № 29, вымостка № 40, ряд древних развалов. В 1946 г. была открыта грандиозная зерновая яма № 35 VII и VIII слоя. В заполнении ямы находились обломки остродонных амфор и краснолаковой посуды.

IX слою принадлежит зерновая яма № 11, вымостка № 39, два развала вымосток. Выше лежат погребения более позднего времени [6].

Среди находок отмечены куски оконного стекла, что является признаком общественного здания и указывает на важность данного района.

Очень важно отметить вывод В.Д. Блаватского о том, что количество напластований на Эспланадном и на Босфорском раскопах четко совпадает [7]. Однако точная хронология слоев не была разработана.

Близ Эспланадного раскопа на северном склоне Митридата у Старого кладбища в 1931 г. была раскопана керамическая обжигательная печь. Автор раскопок В.Д. Гайдукевич отнес комплекс печи к IV в. [8] А.В. Сазанов переда-

---

[1] *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея... // МИА. 56. М., 1957. С. 94.

[2] *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1947 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 155. Л. 3–4.

[3] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея... // МИА. 103. М., 1962. С. 75–76.

[4] Обилие зерновых ям – особенность позднеантичного Пантикапея, постепенно преобретавшего рустифицированный характер. См.: *Блаватский В.Д.* Античная полевая археология. М., 1967. С. 201.

[5] *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея... // МИА. 56. М., 1957. С. 93.

[6] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея... // МИА. 103. М., 1962. С. 64.

[7] *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1946 году / Архив ИА РАН. Р.1. № 11815. Л. 16–17.

[8] *Гайдукевич В.Ф.* Античные керамические обжигательные печи (по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг.) // ИГАИМК. 80. М.-Л., 1934. С. 32–33.

тировал его на V – 2-я четв. VI в. и выделил в слой X [1] – т. е. 4-й позднеантичный, расположенный выше трех, выделенных В.Д. Блаватским.

В 1946 г. на Эспланадном раскопе было обнаружено значительное количество шлаков, представлявших собой известковые флюсы с прикипевшими комками обожженной глины и железа. Есть серьезные основания полагать, что в позднеантичное время здесь имело место использование местной руды для получения железа сыродутным путем [2].

Верхний Эспланадный раскоп к интересующему нас времени дает IV слой. Он перекрыт пластом черной сажи без находок (пожарище) [3]. Здания, по всей видимости, погибли от пожара. Остатки сооружений этого слоя дошли в сильно поврежденном виде: развалы вымосток № 2, 3, руины кладки № 1 (куски кирпича, черепицы, строительного раствора, штукатурки). Среди находок – обломки амфор. Почти полностью отсутствуют обломки кухонной посуды. Это обстоятельство может указывать на то, что в позднеантичное время этот участок продолжал сохранять подобающий акрополю характер [4], не связанный с хозяйственной деятельностью. В позднеантичное время здесь совершали захоронения (могила № 7 – кости младенца в раздавленной остродонной реберчатой амфоре).

Ново-Эспланадный раскоп был начат также В.Д. Блаватским. Напластования конца III в. (датировка В.Д. Блаватского) сохранились почти на всей площади раскопа. Обнаружены ямы, мостовая, остатки винодельни (VIII слой). IX слой дал строительные остатки, достаточно обильные по количеству, но не очень выразительные по репрезентативности. Слой X: многочисленные строительные остатки. Наиболее выразительные – фундамент № 6 большого строения и вымостка № 15. Слой XI – мощностью 0,3–0,7 м, самый слабый[5]. Остатки мостовых, имеющие неровную поверхность и состоящие из сильно сглаженных камней, уложенных по рельефу склона, показывают, что в IV в. обитатели Пантикапея не вели никаких работ по выравниванию улиц, а следовали естественным формам рельефа. В 1956 г. на раскопе было обнаружено 11 впускных могил раннесредневекового времени без инвентаря, по большей части плитовых. К IV в. относится ряд уличных водостоков, сооруженных из плитового камня. В 1957 г. был открыт слой XI, отнесенный В.Д. Блаватским к IV в. В том же году найдено еще 15 впускных могил (плитовых гробниц почти без инвентаря) [6]. В 1958 г. было исследовано несколько десятков раннесредневековых могил, позволивших сделать вывод о том, что в этом районе располагался некрополь. В начале 60-х гг. исследо-

---

[1] *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. С. 18.

[2] *Марченко И.Д.* Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея (по данным археологических раскопок 1945–1953 гг.) // МИА. 56. М., 1957. С. 173.

[3] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея... // МИА. 103. М., 1962. С. 68.

[4] *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея... // МИА. 56. М., 1957. С. 91.

[5] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея за 1956 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1376. Л.80, 94, 107, 123.

[6] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея за 1957 г. / Архив ИА РАН. Р-1. Л. 148.

вания некрополя продолжились [1]. В 1965–1966 г. было раскопано 26 погребений [2]. В конце 60-х гг. в северной части раскопа была открыта винодельня III в. Поверх ее северной стены в IV в. (датировка И.Д. Марченко) была возведена другая постройка. В юго-восточной части раскопа открыт зольник, в насыпи которого есть находки позднеантичного времени вплоть до VIII в. (горло черносмоленого кувшина). Этот мусорно-зольный холм не является культовым сооружением, а возник как естественный сброс городского мусора [3]. В юго-западной части раскопа было открыто еще две винодельни (всего – 4) и 18 зерновых ям позднеантичного времени (ни в одной яме не было зерна) [4]. Им соответствуют слои XIII–XVI. К более поздним слоям относится кладка 399, перекрывшая одну из виноделен, а также развал очага возле кладки 341. Находки – достаточно разнообразны и репрезентативны (костяной гребень из пластинок, скрепленных бронзовыми трубочками; фрагмент амфоры с реберчатыми стенками; многочисленные осколки стеклянных сосудов и оконного стекла [5]). На основании этого материала И.Д. Марченко делает вывод о том, что жизнь города в позднеантичное время оставалась достаточно интенсивной [6].

Итак, на сегодняшний день по Верхнему городу Пантикапея можно утверждать следующее. Топографически гора Митридат распадается на две основные части – центр с пологим северным склоном и крутой южный склон. Крутой восточный склон с террасами, спускающимися к Нижнему городу, в настоящее время занят жилой застройкой и недоступен для исследований. Весь район горы Митридат, прежний античный акрополь и важнейший центр столицы в позднеантичное время в основном продолжал оставаться заселенным и выполнял прежние функции.

Центральное плато в III в. было полностью обитаемо (монументальные общественные здания, цистерны, подвалы, ямы). По всей видимости, такое же положение сохранялось в целом и в IV в. Особенно хорошо изучены район Первого Кресла и плато к западу от него, район Второго Кресла и скалистого выступа. Особенно интенсивная жизнь шла в районе Верхнего Митридатского раскопа (три слоя позднеантичного времени) и в районе скалистого выступа (два слоя). Остальная территория (район Первого Кресла, район памятника Стемпковскому, район старого здания музея, район Второго Кресла) дала один слой позднеантичного времени, причем у Первого Кресла других, более нижних слоев нет, что свидетельствует о целенаправленной перепланировке.

---

[1] *Марченко И.Д.* Отчет об археологических раскопках в Пантикапее в 1964 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2925. Л. 22.

[2] *Марченко И.Д.* Отчет об археологических раскопках в Пантикапее в 1965–1966 гг. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3406. Л. 32.

[3] *Марченко И.Д.* Отчет об археологических раскопках в Пантикапее в 1967 и 1968 гг. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3809. Л. 13–21.

[4] *Марченко И.Д.* Раскопки Пантикапея в 1965–1972 гг. // СГМИИ. 7. М., 1984. С. 8.

[5] Подробнее о стекле см.: *Сорокина Н.П.* Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1959 гг. // МИА. 103. М., 1962. С. 210.

[6] *Марченко И.Д.* Раскопки Пантикапея в 1965–1972 гг. // СГМИИ. 7. М., 1984. С. 24.

Работа по пересмотру хронологии на Центральном плато начата Д.В. Журавлевым. Суммарно он датирует строительные остатки IV–VII вв. Исходя из имеющегося материала, можно выделить IV век в качестве периода относительно широкого строительства. Типичные сооружения: фундаменты из бута и рваного камня в два панциря с включениями черепицы. Сюда же можно отнести слой IX Верхнего Митридатского раскопа с кладкой «в елочку», а также слой XI с раскопа у скалистого выступа. Построек V в. Д.В. Журавлев пока не выделяет, но отмечает достаточно большое количество материала этого времени. Помещения следующей хронологической группы можно датировать 2-й пол. V – 1-й пол. VI в. Они пока достаточно надежно группируются в западной части Центрального плато в непосредственной близости от некрополя. Разрушения этих помещений связаны с выборкой камня, а не с внешними нашествиями. К этому же времени можно с осторожностью отнести слой X на верхнем Митридатском раскопе В.Д. Блаватского.

Материалы других раскопов с одним позднеантичным слоем следует суммарно датировать IV–V вв. без более дробного деления (так диктует материал). При этом следует учесть, что остатки построек здесь есть лишь в районе II Кресла. К концу V в. можно отнести и террасу – кладку 204 – над слоем IV–V вв.

Третий строительный период, от которого имеются остатки построек, – 2-я пол. VI – 1-я пол. VII вв. (угол помещения на Центральном плато). Сюда же можно отнести слой XI на Верхнем Митридатском раскопе и слой IV в районе скалистого выступа (восточнее II Кресла). Западнее II Кресла в этот период уже делались погребения, т. е. участок был захвачен расширяющимся некрополем (частично и район скалистого выступа). Западная часть района, примыкавшая к некрополю, была местом жилищ простых боспорян. Сохраняется и поддерживается террасная система.

Таким образом, на общую схему трех строительных периодов в центральной части горы Митридат хорошо накладывается общеисторическая периодизация:

1) сохранение Боспорского государства по меньшей мере до конца IV в. – регулярное жилищное строительство;

2) «темный период» 1-й пол. V в., присутствие готов и гуннов – неопределенная ситуация со строительством;

3) 2-я пол. V в. – 1-я пол. VI в. – усиление государства, возобновление строительства;

4) 2-я пол. VI в. – 1-я пол. VII в. – под властью Византии строительство на горе Митридат продолжается.

На северном склоне горы Митридат в позднеантичное время также шла интенсивная жизнь. Основной объем исследований был проделан на трех Эспланадных раскопах. Репрезентативность слоев неравномерна. Так, на Верхнем Эспланадном раскопе имеется лишь один (IV) слой, перекрытый слоем пожарища. На двух других раскопах имеется по четыре слоя. Верхний Экспланадный раскоп сохранял общественный характер, присущий району акрополя. Исходя из этого, можно предположить, что гибель участка в пожаре произошла

рано – во 2-й пол. III в. Характер материала не делает невозможным отнесение пожара к IV в., но в таком случае его трудно отождествить с известными историческими событиями (быть может, лишь с приходом готов в конце IV в.?). В слой были впущены погребения более позднего времени, возможно, V–VI вв.

Эспланадный раскоп с четырьмя слоями позднеантичного времени представлял собой район зерновых хранилищ и общественных зданий. Исходя из передатировок А.В. Сазанова (слой X: V – 2-я четв. VI вв.), можно отнести три предыдущих к концу III, IV и V вв. В конце V – 1-й пол. VI вв. в этом районе появляются керамические обжигательные печи и железоделательное производство.

Ново-Эспланадный раскоп также был преимущественно хозяйственным районом, на котором винодельни постепенно (с IV в.) сменяются зерновыми ямами. Остатки мостовых указывают на важность района, но улицы не выравнивались, а следовали рельефу, что в целом соответствует значению района в жизни города. Слои, таким образом, относятся к концу III – началу V вв. Зольник – свалка мусора – в юго-восточной части Ново-Эспланадного раскопа, примыкавшего к центру горы, функционировал, возможно, до VIII в. Юго-западная часть Ново-Эспланадного раскопа имеет отдельную стратификацию напластований (XIII–XVI), но они соответствуют слоям в основной части раскопа. Зерновые ямы здесь также сменяют винодельни. Находки более разнообразны, чем в соседних районах. Жизнь здесь, видимо, была наиболее интенсивной на всем северном склоне, как нам известно на сегодняшний день. Обследованный в 2000 г. участок близ ул. Пугачева (район кладбища XIX в.) дал комплекс хозяйственных и зерновых ям, существовавших до сер. III в. [1]

На южном склоне – три **Босфорских раскопа,** на сравнительно небольшой площади исследовалась территория к югу от II Кресла. В целом здесь открыто три позднеантичных слоя (V–VII). Поскольку еще В.Д. Блаватский синхронизировал их со слоями северного склона, то все эти слои суммарно можно датировать концом III – началом V вв. Остатки построек имеются по отношению ко всем строительным периодам. Жизнь здесь была весьма оживленной, с участком жилых домов, со стратегической дорогой вдоль южной оборонительной стены. Слой VII был разрушен, но в связи с какими событиями, сказать трудно. По всей видимости, мы должны отнести их к V в. После разрушения здесь появляются отдельные погребения. В состав некрополя территория южного склона, скорее всего, не вошла, так как для погребений она неудобна, но частью города она, скорее всего, быть перестала. Впрочем, определенно это утверждать нельзя, так как восточная часть южной «эспланады», свободная от застройки, еще не раскапывалась.

Отмеченная на ряде раскопов кладка «в елочку» (opus spicatum) – продолжение местных традиций, яркое явление континуитета материальной культуры, а не привнесенное сюда влияние тюрок и хазар, как утверждается в некоторых работах [2].

---

[1] *Ермолин А.Л.* Охранные исследования Керченского историко-культурного заповедника в 2000 г. (к вопросу о топографии позднеантичного Пантикапея) // 175 лет Керченскому музею древностей. Керчь, 2001. С. 84.

[2] *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. К., 1990. С. 45.

В последние годы появились попытки систематизировать жилую структуру ранневизантийского времени на горе Митридат. Отдельные очаги городской застройки сохранялись здесь в VI – начале VII вв. [1] В VI в. в районе западного плато горы Митридат продолжают функционировать террасная система и отдельные жилые постройки [2]. Отдельные локусы существовали и на северном склоне. Есть находки византийских монет, керамики, экзагиев, моливдовулов. Продолжали существовать отдельные производственно-хозяйственные комплексы между Госпитальной ул. и Старым кладбищем. Однако выделить эту территорию в полноценный жилой район пока невозможно – слишком мало данных.

Несколько менее изучен археологически **Нижний город** в силу современной застройки. Однако эпизодические раскопки позволили наметить общую схему застройки ранневизантийского времени и здесь.

На Рыночной площади в 1963–1964 г. раскопками А.Л. Якобсона и И.Б. Зеест были найдены обломки амфор V–VIII вв. с глубоким рифлением, ручки и днища амфор. Это позволило археологам сделать вывод о том, что здесь, на прибрежной территории, находилась в указанное время основная часть города, защищенная стенами [3]. На площади ок. 400 кв. м был открыт пятиметровый слой напластований, начиная с III в., на месте древней гавани. Внизу находился развал печи с кладом монет эпохи Фарсанза. Это, скорее всего, часть монетного двора, где делались монеты Фарсанза. Он сгорел во время готского похода 256 г. [4] После готского погрома интенсивная застройка данного участка возобновляется лишь во время Юстиниана.

Крепость Юстиниановского времени (VI в.) располагалась на месте Рыночной площади (пл. Ленина) [5]. По поводу ее территории и контура стен появились некоторые реконструкции [6].

В 1934 г. производились раскопки на территории к югу от храма Иоанна Предтечи. Городских культурных напластований античного времени не

---

[1] *Зинько А.В., Пономарев Л.Ю.* К топографии ранневизантийского Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 149.

[2] *Пономарев Л.Ю.* К топографии раннесредневекового Боспора (VI–XII вв.) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 202–205.

[3] *Якобсон А.Л., Зеест И.Б.* Отчет о раскопках на Рыночной площади в Керчи в 1963 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2835. Л. 2.

[4] *Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. VI. 1998. С. 350.

[5] *Гоголев Д.А.* Крепостное строительство в ранневизантийский период // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. VIII научные Сюзюмовские чтения. Екатеринбург, 1995. С. 36–37.

[6] *Зинько А.В., Зинько В.Н.* Вопросы топографии города Боспора в ранневизантийское время // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXXIX. Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвящённой памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 164–176; *Зинько А.В., Пономарев Л.Ю.* К топографии ранневизантийского Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 142–151; *Зинько А.В., Пономарев Л.Ю.* К топографии ранневизантийского города Боспора и его плитово-грунтовых некрополей // БИ. XXXII. – Симферополь – Керчь, 2016. С. 107–148.

отмечено. Это был морской берег, примыкавший к древней гавани. Древний уровень пола церкви – на 2 м ниже современного [1].

В районе храма Иоанна Предтечи, к югу от него, бывший морской берег был освоен около V–VI вв. Здесь был возведен базиликальный комплекс на месте системы из трех цистерн V–VI вв. (раскопки 1971 г. у апсиды храма Иоанна Предтечи привели к открытию трех связанных в одну линию цистерн. Кладка типична для V–VI вв.). Помещение 8 юстиниановской эпохи одно время было частью крещальни (резервуар 1×1 м). Есть мраморные полы и архитектурные детали. Базилика погибла, вероятнее всего, в конце VI в. или в VII в. в пожаре. С.Б. Сорочан уточняет, что комплекс был построен в конце 2-й четверти VI в. и просуществовал до рубежа VI–VII вв. [2]

Раскопками Т.И. Макаровой в Нижнем городе Керчи в 1960-е гг. были выявлены следующие слои:

– позднеантичный слой сер. III в.;

– глинистый влажный слой позднебоспорского времени – времени Юстиниана.

Выделено два строительных периода, первый из которых имеет две фазы:

1 – помещение 8 с известковым полом; 1-й этап засыпки колодца;

2 – могила в помещении с известковым полом (амфора Зеест 99 а с воронковидным горлом – 2-я четв. VI в. – сер. VII в.).

2-й период: 2-й этап засыпки колодца – сер. VI–VII вв. и резервуар; помещение с мраморным полом – 2-я четв. VI – к. VI – н. VII вв.

Раскоп II (1903), кон. VI в.: кладка из квадратов с остатками водостока; краснолаковые блюда 3-й четв. – кон. VI в.

В 1990–1993 гг. неподалеку от храма Иоанна Предтечи были открыты узкая улица и квартал усадьб, возведенный в 1-й половине V в. на месте разобранных домов предшествующего времени [3]. Типичный позднеантичный дом-усадьба, не исключая и Северное Причерноморье, стал полностью крытым, двух-трехэтажным, а его двор был связан с основной экономической деятельностью обитателей. Двор занимал до половины общей площади усадьбы. Чаще всего постройки располагались по внешним сторонам двора. С.Б. Сорочан называет эти черты средневековыми, отличая их от римского дома с атрием, но, по нашему мнению, их надо определить как позднеантичные [4].

В целом городская территория столицы Боспора в равнинной своей части в первые века н. э. простиралась не менее чем на 500 м к северу от подошвы г. Митридат, занимая и засыпанный район древней бухты. Еще в III в.

---

[1] *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1934 г. // МИА. 56. М., 1957. С. 253. Первое обследование храма провел в конце XIX в. Н.П. Кондаков.

[2] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Харьков, 2005. С. 181-182. Ученый не согласен с определением этого комплекса А.И. Айбабиным как кесариона из надписи Евпатерия 590 г. (*Айбабин А.И.* Боспор в конце VI–VII вв. // Боспор Киммерийский в период античности и средневековья (БЧ II). Керчь, 2001. С. 5), так как он построен почти на полвека ранее.

[3] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 79.

[4] *Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. К., 1993. С. 197–201; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. М., 1959. С. 297; *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 148–149; *Kriesis A.* A Greek Town Bilding. Athens, 1965. P. 54f.

здесь эпизодически делались богатые погребения, но некрополь располагался далее на северо-восток от этого района. Открытый в районе ул. В. Дубинина на отрезке между ул. К. Маркса и Пролетарской мощный фундамент шириной 6,5 м мог иметь отношение к крепости времен Юстиниана I [1].

В Нижнем городе для позднеантичного времени можно установить наличие нескольких отдельных районов – Глинище (к северу – северо-востоку от горы Митридат), Центр (р-н ул. Ленина, Маркса, Володи Дубинина), приморский район Рыночной площади и храма Иоанна Предтечи. Южнее г. Митридат (ул. Свердлова) узкая нижняя полоса берега, которую трудно было укрепить, в состав городской черты не входила.

Район Рыночной площади был заселен в III в., но пострадал в пожаре времен готских походов. Выводы В.Д. Блаватского о мощном пожаре гуннского времени [2] здесь археологически не подтверждаются. После периода запустения (конец III – начало V вв.) район вновь застраивается в 1-й пол. V в. Здесь возводится крепость VI в. Участок жилых домов и усадеб был возведен в 1-й пол. V в. близ храма Иоанна Предтечи на месте разобранных домов более раннего времени.

На месте древней гавани, засыпанной в первые века н. э., культурный слой непрерывен начиная с III в. Более ранние слои открыть ныне невозможно, т. к. грунтовые воды подступают к поверхности на 1,5 м[3].

В 2015–2020 гг. вышел ряд новых публикаций, уточняющих отдельные вопросы топографии позднеантичного города [4]. Это говорит об актуальности данной проблематики и новой активизации внимания археологов к этому периоду.

Таким образом, в VI в. город Боспор [5] занимал гораздо большую территорию, чем считалось ранее. Однако нам пока плохо известны специфика застройки, особенности планировки, структура и расположение отдельных функциональных узлов, границы города. Тем не менее появились первые предположения по структуре топографии ранневизантийского города.

Городские кварталы, формировавшиеся вдоль подножия горы Митридат, простирались значительно дальше на юг и запад, чем считалось ранее. Можно выделить три основных участка. Приморский участок занимал во-

---

[1] *Толстиков В.П., Журавлев Д.В.* Новые данные к топографии Пантикапея первых веков н. э. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь, 2001. С. 156–157.

[2] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея... // МИА. 103. М., 1962. С. 84.

[3] *Айбабин А.И., Ачкинази И.В., Голофаст Л.А.* Раскопки зольника римского времени у подножья горы Митридат в Керчи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 10.

[4] *Зинько А.В., Зинько В.Н.* Вопросы топографии города Боспора в ранневизантийское время // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXXIX. Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвящённой памяти А.В. Банк (1906–1984). СПб.: Гос. Эрмитаж, 2017. С. 164–176; *Зинько А.В., Пономарев Л.Ю.* К топографии ранневизантийского Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 142–151; *Ермолин С.А.* Европейский Боспор VI – 1-я пол. VII вв.: проблемы смены населения и христианизации. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2019. С. 20–21.

[5] *Виноградов А.Ю.* Когда же Пантикапей стал Воспором? // Χερσωνος θεματα: империя и полис. Материалы научной конференции. Севастополь, 2018. С. 49–52; *Виноградов А.Ю.* Херсонес – Херсон, Пантикапей – Воспор: вопрос идентичности или общеимперский процесс // ВДИ. 2020. Т. 80. № 4. С. 995–1006.

сточную часть совр. площади Ленина (б. Рыночной). Южный участок – узкая полоса по совр. ул. Свердлова от здания КГИКЗ на юге. Центр – у подножия северо-восточного склона; ул. Ленина, Театральная, пер. Кооперативный, западная часть пл. Ленина, пер. Почтовый.

Несколько иное деление города на районы предлагает А.В. Зинько. Он выделяет Северный и Юго-Восточный районы [1]. Северный маркируется им от ул. Советской до Кооперативного переулка (западная граница – пер. Почтовый с культурным слоем с керамикой VI–VII вв.). К нему примыкал припортовый район с комплексом рыбозасолочных цистерн [2]. К северу от церкви Иоанна Предтечи было раскопано общественное здание («помещение № 8»), которое рядом специалистов было интерпретировано как резиденция византийского наместника. К сожалению, доказать это уже не представляется возможным. В 100 м к юго-западу от храма Иоанна Предтечи были открыты остатки еще одной ранневизантийской церкви. В 1990 и 2006 г. небольшие участки ранневизантийского времени были раскопаны по ул. Театральной. Слой был отнесен к концу VI – началу VII вв. Раскопки в Кооперативном переулке (1990–1992, А.И. Айбабин) датируются в промежутке от III до 3-й четверти VII в.; выделен ряд слоев и четко установлены следы тюркютского разгрома 576 г. Это закрытый комплекс, отражающий время гибели построек. Район процветал в VI в. А.В. Сазанов определил время его гибели тюркютским нашествием 570–580-х гг. (следы пожара) [3].

Юго-Восточный участок узкой полосой шел по ул. Свердлова от Театральной до Военкомата (южнее пер. Клабукова) [4]. В этом районе к ранневизантийскому времени можно отнести ряд находок 1956–1958 гг., сделанных при строительных работах. Это рыбозасолочные цистерны и пифосы, фрагмент краснолакового блюда с клеймом в виде креста, рифленая амфора с дипитни в виде меноры. В 2007–2009 г. здесь велись раскопки А.И. Айбабиным (1-й Босфорский пер.), открывшие остатки четырех усадеб ранневизантийского времени и комплекс рыбозасолочных цистерн [5].

Итак, существовавшие ранее представления о резком сокращении территории города и превращении г. Митридат в некрополь в IV–V вв. должны быть оставлены и в некоторой степени перенесены на VII век, в конце которого была разгромлена и византийская крепость Боспор [6]. Точно так же площадь города Боспора ранневизантийского времени не может быть сведена к

---

[1] *Зинько А.В., Пономарев Л.Ю.* К топографии ранневизантийского Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 144.

[2] Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. VI. 1998. С. 356, 389.

[3] *Сазанов А.В.* Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // ДБ. 3. 2000. С. 236–237.

[4] *Зинько А.В., Пономарев Л.Ю.* К топографии ранневизантийского Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 148.

[5] *Айбабин А.И., Хайреди́нова Э.А.* Раскопки раннесредневекового Боспора в 2007–2009 гг. // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. К., 2010. С. 10–11.

[6] *Сазанов А.В.* Боспор у ранневізантійский час // Археологія. 1991. № 2. С. 25. *Сорочан С.Б.* Византия… Харьков, 2001. С. 76.

району юстинианoвской крепости, а должна быть расширена на территорию от ул. Советской до пер. Клабукова; отдельные очаги заселения сохранялись на северном склоне г. Митридат.

Материальная культура Боспора VI – нач. VIII вв. носит ярко выраженный провинциально-византийский характер. Археологические материалы не дают оснований говорить о хазарском периоде в истории Боспора [1].

Мирмекий. Городок был совершенно разрушен во 2-й пол. III в., но уже в конце III – начале IV в. жизнь в нем, возможно, частично возобновилась [2]. Конечно, она была гораздо скромнее, чем прежде, после разрушений 260–270 гг. [3] и долго не продлилась. В.Ф. Гайдукевич постулирует по результатам своих раскопок в 30-х гг. разрыв в жизни на городище в позднеантичное время (IV–VI вв.) [4]. Вместе с тем в засыпи ям есть обломки позднебоспорских амфор. Монет конца III – 1-й пол. IV в. не найдено.

Некоторые материалы позволяют предположить, что поселение продолжало здесь существовать еще в самом начале IV в. [5] Скорее всего, здесь были лишь частично восстановлены отдельные дома, но целиком город уже не возродился. Новый поселок, по всей видимости, зависел от столицы, близ которой он был расположен. Будучи мало жизнеспособным экономически, городок окончательно захирел в 1-й пол. IV в. Упоминания Мирмекия у раннесредневековых географов – лишь дань традиции.

Уже в римское время Мирмекий не представлял собой города в традиционном смысле: оборонительные стены отсутствовали, а отдельно стоящие усадьбы были сильно укреплены.

Постройки, по всей видимости, были оставлены организованно. Брошенные места не использовались для сброса мусора. Жизнь на городище прекратилась полностью и организованно. Вероятно, оставленные дома были подожжены самими хозяевами, забравшими все ценные вещи. Точная дата этого события неизвестна. Причины оставления – миграция жителей под охрану стен Пантикапея [6] как часть процесса коллапса античной сельской территории Европейского Боспора во 2-й пол. III–IV вв.

Порфмий. Парфений. В IV в. Порфмий, по мнению В.В. Веселова, подвергся основательному разрушению [7]. Однако, на наш взгляд, материалы его работ нуждаются в пересмотре, так как в момент написания статьи Весе-

---

[1] *Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Боспор и Хазарский каганат в кон. VII – нач. VIII вв. // ПИФК XII. 2002. С. 469–509.

[2] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 47.

[3] *Голенко К.В.* Третий патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н. э. // НиЭ. XII. 1978. С. 11.

[4] *Gajdukevic V.* Das Bosporanische Reich. B., 1971. S. 472.

[5] Мирмекий в свете новых археологических исследований / А.М. Бутягин, Ю.А. Виноградов. СПб., 2006. С. 43.

[6] *Бутягин А.М.* К вопросу о времени разрушения античного Мирмекия // ПИАУ. Харьков, 2004. С. 59; *Бутягин А.М.* Последние жители античного Мирмекия (усадьба III в. н. э. на Карантинном мысу) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005. С. 32–36.

[7] *Веселов В.В.* Древние городища в районе Синягино (к вопросу о местоположении Парфения и Порфмия) // АИБ. I. Симферополь, 1952. С. 236.

лова господствовало представление о гуннском погроме конца IV в. На сегодняшний день вопрос о существовании этого города в позднеантичное время остается открытым, так как опубликованных материалов недостаточно для однозначных выводов.

По сообщению В.Н. Зинько, позднеантичные слои имеются на поселении у мыса Варзовка (Парфений) [1], но они пока должным образом не изучены. В последние годы раскопками здесь руководит С.Л. Соловьев, а в качестве даты конца истории города стал фигурировать V век.

Тиритака. Город Тиритака расположен в 11 км к югу от Пантикапея и входит в одну с ним большую микрозону, отделяемую с юга от нимфейской древним заливом (ныне остатками озера Чурбаш).

По описанию В.Н. Зинько, городская территория имеет форму неправильного прямоугольника и находится на довольно высокой, обрывистой со стороны моря, прибрежной террасе, которая плавно понижается к югу и юго-западу. С южной и западной, степной стороны территория города прикрывалась речкой, впадавшей в морской залив, а с севера была отрезана от остальной прибрежной террасы глубокими оврагами [2].

Общая площадь окруженной крепостными стенами городской территории составляла около 10 га (500×200 м). Она застраивалась в несколько этапов. На основании археологических исследований, которые к 2020 г. были проведены на 29 участках общей площадью более 12 тыс. м^2, можно реконструировать основы планировочной структуры этого древнего города [3].

Ранневизантийские постройки занимали всю городскую территорию в пределах крепостных стен I в. н. э. С 1930-х гг. здесь велись раскопки В.Ф. Гайдукевича. По его мнению, Тиритака в это время представляет собой «совершенно оригинальный тип боспорского города, значительная часть территории которого была занята производственно-хозяйственными постройками» [4].

С севера на юг шла главная улица шириной 4,8–5,3 м, вымощенная мелким щебнем, по обеим сторонам которой располагались жилые дома, принадлежащие тиритакским рыбопромышленникам и виноделам. Этот вывод В.Ф. Гайдукевич сделал на основании исследований, проведенных на участках V–VI и XV, где были открыты расположенные на двух террасах городские усадьбы.

Еще в 1952 г. В.Ф. Гайдукевич констатировал продолжение «сложившейся и укоренившейся здесь культуры» «после гуннского разгрома» [5]. Хотя данные им датировки ныне пересматриваются, но сам факт признания континуитета весьма важен. Тиритака является одним из важнейших городов Ев-

---

[1] *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 3.

[2] *Зинько В.Н., Зинько А.В.* Основы планировочной структуры боспорского города Тиритака в ранневизантийское время // МАИЭТ. XXV. 2020. С. 168.

[3] Там же.

[4] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 173.

[5] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий // АИБ. I. Симферополь, 1952. С. 40.

ропейского Боспора, существовавших в течение всего позднеантичного и ранневизантийского времени.

Еще в 1936 г. Гайдукевич обнаружил в Тиритаке остатки трехнефной базилики с колоннадой и датировал ее 2-й половиной или, точнее, концом V в. – началом VI вв. [1] Гайдукевич связывает сооружение этого храма с активизацией византийской политики на Боспоре на рубеже V–VI вв., подготовившей завоевание последнего в 20-х гг. VI в., так как вряд ли население этого «захиревшего городка» могло построить своими силами такую церковь, притом с привозными мраморными колоннами, капителями и пр. [2] Базилика была сильно разрушена, просуществовав сравнительно недолго. Позднее близ этого места был построен жилой дом, для которого частично были использованы стены базилики, ее архитектурные детали и строительный материал [3].

В начале 2010-х гг. А.Л. Ермолин выступил с предположением о том, что здание, определяемое как базилика, может быть интерпретировано как синагога [4]. Это предположение вызвало бурную полемику.

На участке XV в 1939 г. был открыт обширный дом позднеантичного времени [5]. На участке I–II открыт дом с хозяйственными ямами и очагом, обломки посуды. Северная стена дома немного заходит на кладку прежней оборонительной стены [6]. На участках V–VI – «раннесредневековые культурные отложения» [7]. Над винодельней лежал перемешанный слой, содержавший в большом количестве обломки позднеантичных амфор. Среди находок – обломок краснолакового блюда со штампом в виде креста. В.Ф. Гайдукевич отнес его к рубежу IV–V вв. [8] Теперь очевидно, что находка относится по меньшей мере ко 2-й пол. V–VI в. Во 2-й пол. III в. в Тиритаке была засыпана часть рыбопромысловых сооружений и виноделен. В слое, перекрывающем винодельню, было найдено блюдце с крестом [9], обломки тарелок IV–V вв. (быть может, и позднее). На участке X открыта позднеантичная винодельня, уничтоженная пожаром [10].

На участке XIII все постройки, открытые в 1936–1938 гг., существовали и в позднеантичное время. Открыто 6 рыбозасолочных ванн, разобранных при постройке базилики. Рядом находился второй комплекс ванн. Комплекс погиб «во внезапном бедствии», которое В.Ф. Гайдукевич отнес к концу IV в. [11] Теперь эта дата, очевидно, нуждается в пересмотре. Погром, скорее всего, относится к событиям 1-й трети VI в. Уже сам Гайдукевич указывал,

---

[1] *Гайдукевич В.Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. Т.VI. М.-Л., 1940. С. 199.
[2] Там же. С. 203.
[3] *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 25. 1952. С. 67–69, рис. 78–79.
[4] *Ермолин А.*Л. Тиритакский феномен // ДБ. 16. 2012. С. 150–155.
[5] *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 25. 1952. С. 17.
[6] Там же. С. 24.
[7] Там же. С. 25.
[8] Там же. С. 29–30.
[9] Там же. С. 42, рис. 40.
[10] Там же. С. 55.
[11] Там же. С. 60.

что некоторые комплексы ванн (например, 4 /г/) использовались в течение V–VIII вв. [1] Близ ванн комплекса В была найдена остродонная запечатанная амфора IV в. с нефтью из местных источников [2].

Участок XIV был обитаем в позднеантичное время на всей своей территории. Найден ряд строительных остатков и позднебоспорских монет [3]. Помещение из стен 13, 59, 31, 60 было засыпано, видимо, в 1-й пол. IV в. Тогда же была заброшена и вымостка 34. В 1937 г. был найден клад монет в амфоре 234–276 гг. (2093 монеты). Слой, отнесенный В.Ф. Гайдукевичем к V–VI вв., на участке XIV выражен слабо. Керамика – с густорифленой поверхностью, большой пифос с вырезанным именем «Паис» и изображением креста. Ныне этот слой по характеру материала надо отнести к VI–VII вв.

На участке XV хорошо сохранились остатки усадьбы – большого жилого дома с многочисленной бытовой и хозяйственной утварью. В доме было 7 помещений и обширный, вымощенный плитами двор. Дом погиб в пожаре, отнесенном Гайдукевичем к концу IV в., однако еще сам автор раскопок указывал на перестройку северного крыла и продолжение его существования в начале V в. Стены сохранились в высоту до 3 м. Вымостка двора имела наклон для водостока из плит, ложе – земляное. Поверх водостока лежал каменный тарапан. Найдена лестница на второй этаж. Стены сложены на глине из небрежно обработанных плоских плит известняка и бута. Тщательно выложены хорошими крупными плитами дверной проем и углы. Внутри помещения стены имели глиняную обмазку. Пол был вымощен плитами. В центре найдена плита – база для деревянного столба. Есть культовая ниша для «строительной жертвы» [4]. В помещении 3 (кладка 94) был найден обломок стекла с синей каплей. Это позволяет ныне передатировать постройку на V в., а может быть, и довести его историю до 1-й трети VI в. В помещении 5 под громадным завалом камней на полу лежал толстый слой пожарища. Амфорный материал разнообразен: боспорские амфоры, лепные сосуды. Есть краснолаковая посуда малоазийского происхождения [5]. Много бытовых предметов и украшений, клад монет 276–332 гг. Усадьба выстроена полностью в античных традициях.

Помещение VII из раскопок 1946 г. отражает новый период жизни Тиритаки – после разгрома. Гайдукевич датировал его концом IV–V вв. На наш взгляд, речь должна идти о VI веке. На месте большого сожженного дома частично было восстановлено одно помещение. Помещение VIII, отделенное стеной 99, было превращено в место свалки битой посуды и кухонных отбросов. Среди находок – обломки краснолаковых блюд с оттиснутыми на дне крестами. Несомненно, это время не ранее 2-й пол. V в. – нач. VI в., а не конец IV–V вв., как считал Гайдукевич. В помещении I удалось собрать краснолаковое блюдо с изображением креста и 6 пальметками, расположенными

[1] Там же. С. 60–62.
[2] Там же. С. 62–63.
[3] Там же. С. 94–96.
[4] Там же. С. 106–112.
[5] Там же. С. 123.

по кругу [1]. Выше располагались еще более поздние постройки, имеющие иное направление стен. Непрерывность жизни на участке XV налицо [2].

В 1983–1985 гг. исследовались верхние слои на участках XXIV–XXV. Их датируют V–IX вв. [3] Открыты части жилого квартала VI в. с характерным набором керамики и другого материала. К середине – 2-й пол. VI в. относится дом, построенный в редкой, но характерной для этого времени технике – с прослойками толстостенной керамики между рядами грубо обработанного камня. Это рядовое боспорское жилище. Дом был двухэтажным (кладка сохранилась на двухметровую высоту), сверху шла сырцовая кладка. В подвале находилась кладовая, где хранились амфоры с запасами пищи [4].

А.В. Сазанов в 1989 г. пересмотрел поздние слои Тиритаки и принял их в качестве базового памятника для Боспора. Это участки XXIV–XXV. Суммарно они датируются концом IV – 2-й четв. VI в. Общая толщина позднеантичных слоев достигает 2 м.

Как установил А.В. Сазанов, на рубеже IV–V вв. в западной части городища была проведена перепланировка кварталов, но сохранилось основное направление улицы с востока на запад. Однако улица превратилась в узкий переулок шириной в 1 м [5]. Переулок выходил на небольшую мощеную площадь. Фундаменты стен сооружались из серого керченского известняка на глиняном растворе с добавлением песка, ракушки и битой керамики. Гибель помещений относится ко 2-й четв. VI в.

На участке XXV до середины V в. жизни не было. Затем появляются сооружения, которые гибнут также во 2-й четв. VI в. С этими участками синхронизированы материалы участков XIII и XV. Участок XXV Тиритаки соответствует слою 7 Зенонова Херсонеса. Время гибели – также 2-я четв. VI в., т. е. 528 или 534 гг. (история Грода).

Итак, помимо базилики позднеантичные постройки (жилые дома) были открыты на участках I–II, XIV, XCV, XXIV–XXV. Хозяйственные постройки – на участках X (винодельня), XIII (рыбозасолочные ванны); на участках V–VI – «культурные отложения».

Строительство и существование базилики указывает на непрерывность связей с основными провинциями империи. Поступление мраморных архитектурных деталей, видимо, не было единовременной акцией. Факт разрушения базилики еще нуждается в историческом осмыслении. Вероятнее всего связать ее гибель с нашествием тюркютов в конце VI в. Если это предположение верно, то храм должен был просуществовать около столетия. Факт же возведения дома на этом месте говорит, прежде всего, о продолжении жизни

---

[1] Там же. С. 127, рис. 161.

[2] Там же. С.126–127.

[3] *Сазанов А.В.* Результаты исследования поздних слоев городища Тиритаки // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь, 1984. С. 17; *Иващенко Ю.Ф.* К специфике религиозных представлений населения Боспора в ранневизантийское время // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 51.

[4] Там же. М., 1989. С. 51.

[5] *Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф.* К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1. С. 87.

на городище. Второй вопрос – кто построил этот дом, и почему не был восстановлен храм. Логичнее всего выглядит гипотеза о том, что в сложных условиях конца VI в. местному населению гораздо нужнее были жилые дома, нежели церкви. Видеть здесь проявление варваризации, думается, не нужно. Рассуждая прагматически, местные жители возвели дом из хороших камней, а молиться при этом можно было и в домашней молельне. При всем усилении влияния Византии с 590 г. (надпись Евпатерия), этот городок и его жители интересовали власти, скорее всего, в гораздо меньшей степени, чем столица.

На городище неоднократно наблюдаются факты перестройки помещений после разрушений или их восстановления (усадьба на участке XV, помещение VII 1946 г.). Отметим и перепланировку кварталов в западной части городища. Факт сужения улицы до переулка при сохранении прежней планировки свидетельствует о континуитете материальной культуры и общественной жизни, но также и о сокращении масштабов последней.

В целом вырисовывается картина большого и, возможно, единовременного бедствия, разрушения, датируемого 3-й четв. VI в. На целом ряде участков вместе с тем жизнь восстанавливается на ряде построек (помещения I, VII–VIII 1946 г., участок X, XIII, XV) и культурного слоя (участок XIV). Она, несмотря на серьезные изменения, носит явные следы преемственности по отношению к прежней: продолжение функционирования некоторых рыбозасолочных ванн (участок XIII), прежние формы керамики и пр.

Превращение наиболее пострадавших помещений в место свалки, отгороженное от жилья (помещение VIII 1946 г.), также свидетельствует о континуитете жизни города.

К элементам нового в слое после погрома относятся краснолаковая посуда и прочая посуда с христианской символикой, включая импортную. Появление в Тиритаке импортной краснолаковой посуды можно связать с усилением византийского влияния в VI в.

Наконец, без следов катастрофы еще выше располагаются более поздние постройки (участок XV). Со временем стены здесь приобретают иное направление. Это – свидетельство непрерывности жизни, с одной стороны, а с другой стороны – отражение постепенных изменений материальной культуры, ее варваризации. Время – с конца VI – начала VII вв. Сюда же, по всей видимости, нужно отнести локальный разгром базилики и постройку с использованием ее стен жилого дома, что также соответствует общим принципам перепланировки, доминировавшим в то время.

Если согласиться с А.И. Айбабиным, то тотальная гибель Тиритаки, как и других городов и крепостей Боспора, в 576 г., видимо, не имела места. Город, хотя и сильно пострадал в указанное время, но все же уцелел, медленно трансформировался и менял свой облик на протяжении VII в. [1]

[1] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 137.

Раскопки Тиритаки возобновились В.Н. Зинько в 2002 г., в том числе и на позднеантичных (ранневизантийских) участках [1].

В результате почти 20-летних новейших работ (в течение ряда лет совместо с польскими археологами) были получены новые результаты – уточнены многочисленные аспекты палеогеографии и топографии [2], застройки города [3], его оборонительных стен [4], сакральных сооружений и этноконфессионального состава населения [5], хозяйства [6], отдельные категории материала [7].

На центральном раскопе XXVI были прослежены постройки 2-й пол. III – 1-й пол. V вв. различной степени сохранности. Они располагались на двух террасах, а с юго-востока граничили с улицей шириной 2 м, перекрытой развалом не ранее 3-й четв. VI в.

Градостроительной доминантой в центральной части верхнего города являлось большое отдельно стоящее здание (СК-I) площадью около 72 м^2, расположенное на верхней террасе. Это была культовая постройка размером 14,6×7,0 м по внешнему контуру. На рубеже III–IV вв. святилище перестраивается, его внутренний объем делится на два помещения. Святилище было заброшено не позднее середины V в. Северо-восточная часть здания (поме-

---

[1] *Зинько А.В.* Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002–2005 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLII. Византия в контексте мировой культуры. К 100-летию со дня рождения Алисы Владимировны Банк (1906–1984). Материалы конференции (Государственный Эрмитаж). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. С. 329–337; *Зинько А.В., Зинько В.Н.* Ранневизантийские слои Тиритаки (по материалам раскопок 2002–2005 гг.) // Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2006. С. 12–13.

[2] *Зинько А.В.* Изменение приморской полосы в окрестностях Тиритаки в античную и ранневизантийскую эпохи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 172–176.

[3] *Зинько А.В.* О застройке боспорского города Тиритака в IV–VI вв. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 147–151; *Зинько А.В., Зинько В.Н.* Вопросы топографии города Боспора в ранневизантийское время // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXXIX. Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвящённой памяти Алисы Владимировны Банк (1906-1984). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 164–176; *Зинько А.В., Зинько В.Н.* Тиритака в V–VI вв. н. э. // МАИЭТ. Вып. XIV. Симферополь, 2008. С. 91–102.

[4] *Зинько В.Н.* Хронология строительства крепостных стен боспорского города Тиритаки // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 177–182.

[5] *Зинько В.Н., Зинько Е.А.* Сакральные постройки ранневизантийской Тиритаки // МАИЭТ. XXIII. 2018. С. 120–134; *Зинько А.В.* Амфоры с менорами из раскопок ранневизантийской Тиритаки // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 131–132; *Зинько А.В.* Особенности религиозной жизни Тиритаки V–VI вв. н. э. (по материалам археологических раскопок) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 1. СПб., 2007. С. 177–179; *Зинько А.В.* Этноконфессиональный состав населения боспорского города Тиритаки в V–VI вв. // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 250–253.

[6] *Зинько В.Н.* Рыболовный промысел в Тиритаке в III в. н. э. // БИ. XI. Симферополь-Керчь, 2006. С. 177–186; *Зинько А.В.* Позднеантичный жилищно-хозяйственный комплекс из раскопок Тиритаки // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Ойкос. Керчь, 2006. С. 129–132.

[7] *Домжальский К., Смокотина А.В.* Краснолаковая керамика Тиритаки позднеримского и ранневизантийского времени // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Симферополь – Керчь, 2019. С. 155–159.

щение II с алтарями) разбирается, а юго-восточное помещение I перестраивается и функционирует еще до середины VI в. [1]

В целом сакральный комплекс занимал площадь около 300 м^2 и состоял собственно здания святилища и Г-образного мощеного двора площадью не менее 150 м^2, на котором находились отдельные подсобные постройки (кухня, латрина), а также хозяйственные ямы и вкопанный пифос. Вдоль восточной продольной стены святилища располагалась крытая галерея шириной до 2 м. Вход на территорию комплекса, вероятно, вел непосредственно с улицы с юго-запада от здания [2].

В.Н. Зинько особо отмечает, что тиритакское святилище забрасывается во второй половине V в., когда в припортовой части города возводится трехнефная христианская базилика.

В западной части центрального раскопа XXVI открыто несколько усадеб, существовавших до середины V в.

Для следующего периода – 2-й пол. V – 3-й четв. VI в. – постройки и хозяйственные комплексы различной степени сохранности прослежены практически по всей площади раскопа. В этот период сохраняется террасная планировка в центральной части города. Террасы разделяла подпорная стена, вдоль которой проходила I-я продольная (керамическая) улица, ориентированная в направлении СВ – ЮЗ. Улица перестала функционировать не ранее третьей четверти VI в., на это указывают датировки материалов из развала, перекрывшего улицу [3].

Перестроенное святилище (СК-I) продолжает существовать в течение конца V – 3-й четв. VI вв. С трех сторон здание было окружено вымощенным двором или небольшой площадью.

Постройка СК-VIII в юго-западной части раскопа была городской усадьбой 2-й пол. V – 3-й четв. VI в. с двором, мощеным камнем, и пифосом, на горле которого еще до обжига было нанесено однострочное граффити – христианский крест и слово греческими буквами ΦΙΛΕ [4].

В северо-западной части участка открыты остатки двухэтажной городской усадьбы, частично уходящей за границы раскопа.

Следующий строительный период датируется В.Н. Зинько последней четвертью VI – 3-й четвертью VII в. Он прослежен преимущественно в северной (северо-западной) и восточной частях раскопа XXVI, к северо-западу от 1-й продольной (керамической) улицы. Это развал амфор, остатки каменного цоколя ограды усадьбы, цемяночная площадка с желобом, каменная загородка с очагом и хозяйственная яма.

Все выявленные в северо-западной части раскопа XXVI комплексы, вероятно, можно объединить в одну «северо-западную» усадьбу площадью 200–250 м^2. Она примыкала с северо-запада к 1-й продольной (керамической)

---

[1] *Зинько В.Н., Зинько А.В.* Основы планировочной структуры боспорского города Тиритака в ранневизантийское время // МАИЭТ. XXV. 2020. С. 171.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 173.

[4] *Зинько В.Н., Зинько А.В.* Тиритака в V–VI вв. н. э. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 91–102.

улице; здесь же, вероятно, находился вход в усадьбу. В северо-восточной части этой усадьбы находилась сырцово-каменная постройка, к которой с запада примыкал хозяйственный двор с давильной площадкой винодельни, хозяйственными ямами и очагом.

Также в северо-западном углу квадрата 37 был расчищен развал ранневизантийских амфор, в основном светлоглиняных амфор типа «Carotte», датирующихся VI–VII вв. [1]

В северной части раскопа XXVI открыто помещение СК-XI с хозяйственной ямой 11 и хозяйственный двор с каменной вымосткой VI, на котором исследованы хозяйственные ямы с пифосом и амфорой. В юго-восточном углу помещения СК-XI была устроена хозяйственная яма 11 глубиной 1,65 м с уникальным комплексом находок, обнаруженных в виде бесформенной и слипшейся массы. В процессе очистки их удалось разделить на отдельные предметы: фрагменты железных ножей, наконечник железной стрелы, бронзовый браслет, два бронзовых рыболовных крючка, два кремня и разнообразные детали поясного набора. На основании этих находок засыпь хозяйственной ямы 11 можно отнести ко второй половине VII в. Комплекс находок из нее определяет и время прекращения функционирования СК-XI [2].

В целом реконструировать схему городской застройки для периода посл. четв. VI – 3-й четв. VII в. не удается. Но этим временем можно датировать заключительный этап функционирования городища.

Таким образом, в основе планировки Тиритаки во 2-й пол. III – VI в., как и ранее, была городская усадьба, состоящая из жилого дома и расположенных во дворе хозяйственных комплексов. Размеры усадеб были сравнительно невелики – от 150 до 300 м^2. Это свидетельствует о том, что здесь проживало достаточно однородное городское население, сравнительно невысокого достатка. Жилищно-хозяйственные постройки блокировались в кварталы и занимали всю городскую территорию общей площадью до 10 га, ограниченную крепостными стенами [3].

В центральной и западной частях город имел террасную планировку. Исследовано две такие террасы (раскопы V–VI, XV и XXVI), по каждой из которых проходили продольные улицы различной ширины. Следует предполагать наличие, по крайней мере, еще одной продольной улицы в восточной части города, проходившей вдоль западного фасада христианской базилики. Наличие поперечных улиц (переулков) в центральной части выявить пока не удалось, однако они отмечены у северной крепостной стены на раскопе XXII и на раскопе XXVIII [4].

В целом Тиритака в ранневизантийское время сохранила сложившуюся в предшествующие эпохи городскую планировку с элементами регулярной ортогональной квартальной структуры, которая после набега тюркютов 576 г.

---

[1] *Зинько В.Н., Зинько А.В.* Основы планировочной структуры боспорского города Тиритака в ранневизантийское время // МАИЭТ. XXV. 2020. С. 177.

[2] Там же. С. 178.

[3] Там же. С. 179.

[4] Там же.

пришла в упадок, и лишь на отдельных участках городища были восстановлены отдельные усадьбы, просуществовавшие еще столетие – до 3-й четв. VII в. Все это не просто свидетельствует о континуитете позднеантичных традиций в городе, но и делает Тиритаку базовым памятником рассматриваемого времени на всем его протяжении (2-я пол. III – 1-я пол. VII вв.).

Нимфей. На некрополе Нимфея имеются отдельные разрозненные находки IV–V вв. Однако сам город, видимо, погиб в период готских походов III в. [1] Следов существования позднеантичного города здесь нет. В застройке последнего периода преобладали отдельные жилищно-хозяйственные комплексы, обширные пространства между которыми занимали дворы с ямами для хранения сельскохозяйственной продукции. К началу IV в. территория города оказалась практически заброшенной [2].

Илурат. Крепость Илурат, по общепринятому мнению, погибает между 267 и 275 гг. в связи с военными событиями периода готских походов. Основную массу населения составляли варвары – боспорские военные поселенцы. Общее население крепости составляло до 1 000 чел. Однако на городище есть эпизодические изолированные находки керамики IV в., не представляющие единой группы [3]. Поскольку амфорные комплексы из раскопок В.Ф. Гайдукевича не опубликованы, а комплекс из помещения 1 (опубликованный) состоит из светлоглиняных амфор типа Д по Шелову и амфор с воронковидным горлом [4], то помещение могло существовать во 2-й пол. IV–VI вв. [5] Отмечается здесь и слой VII в. [6] Выделение позднеантичного и ранневизантийского слоя на городище и его историческая интерпретация, видимо, являются делом будущего.

Акра. Поселение на территории южной прибрежной части с. Заветное датируется по середину IV в. В античное время озера Яныш не существовало. Долина небольшой речки была затоплена ок. V в. Одним из факторов оставления Акры являлось полное или частичное затопление морем низменной береговой террасы [7]. Вплоть до 1997 г. раскопки не позволяли точно выделить слои IV в. Нумизматический материал ныне дает возможность вполне уверенно говорить о существовании города по сер. IV в. Есть случайная находка золотого солида императора Маврикия (А.В. Куликов), конца VI в.

Возможно, город в конце своего существования пришел в упадок, а часть его населения переселилась в соседний Китей, который рос и укреп-

---

[1] *Соколова О.Ю.* Основные итоги раскопок Нимфея (1939–1999) // Боспорский город Нимфей. СПб., 1999. С. 68–71.

[2] *Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея // БИ. IV. Симферополь – Керчь, 2003. С. 191.

[3] *Горончаровский В.А.* Крепость Илурат: итоги изучения (к 175-летию начала исследования) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 75.

[4] *Гайдукевич В.Ф.* Илурат // МИА. 85. М., 1958. С. 34.

[5] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 37.

[6] Там же. С. 137.

[7] *Куликов А.В.* Археологические раскопки на городище Акра // АИК. 1994. Симферополь, 1997. С. 160–162.

лялся в пределах той же локальной микрозоны. Вопрос о времени гибели городища остается открытым [1].

В последние годы достаточно активно исследуется подводная часть городища (В.В. Вахонеев).

Китей. Среди городов европейской части Боспора представляет немалый интерес главный город юго-востока полуострова – Китей. Во всех письменных источниках он всегда именуется как город или крепость. Материал позднеантичного времени встречается здесь начиная с первого года раскопок [2]. Еще Ю.Ю. Марти отмечал, что керамический материал Китея охватывает время вплоть до V в. [3].

В конце III в. происходят последние значительные перестройки на всех участках. На северной линии обороны возводится протейхизма, а башни у ворот усиливаются противотаранными поясами. Стены башни в западной части городища были усилены дополнительным панцирем. Это отражает возросшее давление с севера [4]. Жилые и хозяйственные помещения в основном перестраиваются на старых фундаментах. Характерными становятся складские помещения для зерна в виде врытых в землю пифосов и больших амфор. К началу IV в. перестает существовать святилище Богу Гремящему [5].

В 1957 г. на раскопах I и II в юго-западной приморской части города с жилыми и хозяйственными постройками были зафиксированы четко выраженные слои конца IV – 2-й четверти VI вв. [6] На раскопе I архитектурные сооружения существовали до VI в. [7]

На раскопе II (зольник площадью 3 750 кв. м из 5 000, до 90-х гг. было вскрыто 327 кв. м площади [8]) был открыт слой III–IV вв. мощностью в 9 штыков. Здесь в III в. существовал храмовый комплекс Бога Гремящего. Кладка 35, соединяющаяся с полукруглой кладкой 11, по форме дает здание типа базилики (монеты IV в.) [9] Этот слой, быть может, доходит до начала V в. [10] Под кладкой 11 найдены поздние монеты и фрагменты керамики IV в. Перестройка помещения здесь произошла не ранее начала IV в. Есть обломки стекла с синими каплями [11]. На основании этого можно передатировать комплекс на V в. Тогда вполне становится реальным существование базилики.

---

[1] *Куликов А.В.* Обзор монетных находок с городища Акра (1981–2001) // БИ. II. Симферополь, 2002. С. 272–273.

[2] *Молев Е.А., Сазанов А.В.* Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы истории и археологии. Воронеж-Белгород, 1991. С. 63.

[3] *Марти Ю.Ю.* Раскопки городища Китэя в 1928 г. Симферополь, 1929. С. 8.

[4] *Молев Е.А.* Система обороны Китея // БИ. II. Симферополь, 2002. С. 304.

[5] *Молев Е.А.* Основные этапы истории Китея // Таманская старина. Вып. 3. СПб., 2000. С. 44.

[6] *Молев Е.А., Сазанов А.В.* Позднеантичные материалы... С. 63.

[7] *Молев Е.А.* Раскопки Китейской экспедиции в 1991 г. / Архив ИА НАНУ. № 24632. С. 5.

[8] *Молева Н.В.* О культовой принадлежности Китейского зольника // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 70.

[9] *Молев Е.А.* Раскопки Китея // АИК. 1994. Симферополь, 1997. С. 201.

[10] *Молев Е.А.* Раскопки Китейской экспедиции в 1990 г. / Архив ИА НАНУ. № 24077. – С.2.

[11] *Молев Е.А.* Раскопки Китейской экспедиции в 1991 г. / Архив ИА НАНУ. № 24623. С. 6.

В 1992 г. здесь были открыты амфоры, в т. ч. V в., христианская лампада V–VI вв. [1], а также слой пожара, датируемый 2-й четвертью VI в. [2]

Слой III–IV вв. на зольнике имеет мощность от 0,5 до 1,6 м. Он насыщен бутовым камнем, костями животных, раковинами и концентрируется только в центральной части святилища. Находок, выходящих за пределы IV в., на зольнике нет. Максимальные наслоения находятся в центральной части холма. Центральная часть прежнего святилища с конца этого столетия оказалась заброшенной [3].

На III раскопе (северная стена города с воротами) в верхнем слое имелась керамика III–IV вв. [4]

На восточном участке крепостной стены (раскоп IV) в 1986 г. был открыт второй позднеантичный комплекс, где исследовалось помещение с тарапаном, под которым в подвале обнаружен склад амфор (всего их 7). Большинство из них датируется концом V – 3-й четвертью VI вв. (есть дипинти) [5]. Дата подтверждается находкой в слое золотого солида Юстиниана I [6]. В значительных количествах есть керамика с христианской символикой (красно-лаковые блюда с крестами), фрагменты рюмок для причащения, а в 1990 г. открыты фрагменты 12-ти лампад зеленоватого стекла [7].

Большинство находок стекла в слое III–VI вв. (74,6 %) сосредоточено в восточной части городища (раскоп IV). Преобладают фрагменты светлого прозрачного и светло-зеленого стекла. Есть фрагменты разнообразных кубков, стаканов, бальзамариев. Найдено 23 фрагмента сосудов с каплями синего стекла (16 из них на IV раскопе). Есть фрагмент фиалы с рельефным орнаментом из оливкового стекла (мастерская Танаиса). В III–VI вв. стекло прочно вошло в быт китейцев и стало применяться для столовых и парфюмерных целей, вошло в состав погребального инвентаря. Сохранилось и культовое значение стекла [8].

Помещение «Г» (кладки 40, 42, 43) на IV раскопе было перестроено в IV–V вв. (двухпанцирная постелистая иррегулярная кладка) и функционировало до сер. VI в. как домашняя винодельня (тарапан лежал поверх склада амфор), единый комплекс жилого и хозяйственного назначения [9]. В сезоне

---

[1] *Молев Е.А., Сазанов А.В.* Позднеантичные материалы... С. 64.

[2] Там же.

[3] *Молева Н.В.* Некоторые итоги археологических исследований Китейского святилища // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 125. Подробнее см.: *Молева Н.В.* Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002. С. 17, 19–20, 21–22, 76, 95, 96; *ее же:* Обряд жертвоприношений в Китейском святилище // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 188.

[4] *Молев Е.А.* Раскопки Китейской экспедиции в 1986 г. / Архив ИА НАНУ. № 22043. С. 3.

[5] Там же. С. 5, рис. 48–53.

[6] *Молев Е.А.* Монеты из раскопок городища и некрополя Китея (раскопки 1970–1987 гг.) // АМА. № 7. Саратов, 1990. С. 114–115.

[7] Подробнее см.: *Молев Е.А.* Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок Китея // БИ. V. 2004. С. 408–412.

[8] Там же. С. 408–412; *Молев Е.А.* Стеклянные изделия из раскопок Китея 1970–2017 гг. // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. VII. Материалы Круглого стола к 50-летию Китейской археологической экспедиции. Белгород, 2020. С. 6–21.

[9] *Молев Е.А.* Раскопки Китейской экспедиции в 1986 г. / Архив ИА НАНУ. № 22043. С. 6.

1993 г. на раскопе IV было вскрыто помещение «З», полностью сгоревшее в результате локального пожара (мощный слой золы, куски обгоревших бревен-перекрытий, мощный слой черепицы – рухнувшая крыша). Находки: бронзовый перстень с инкрустацией, большая остродонная позднебоспорская амфора, пифос, девятирожковый светильник, миска со штампованным крестом, позднебоспорская монета. Эта (предположительно) «мастерская камнетёса» (в помещении найден ряд хорошо обработанных плит и заготовок с пропилами) датируется V – началом VI вв. Это был значительный строительный комплекс IV–VI вв. площадью ок. 30 кв. м. Время гибели – не позднее середины VI в. [1] Здесь также неоднократно происходили землетрясения [2]. Это может быть связано с гибелью части комплексов.

Новые работы 2016–2017 гг. на южном участке раскопа IV дали замечательные находки – ритуальное блюдо с вырезанным от руки на дне крестом с голубками (сграффито) (таким блюдом нельзя было пользоваться в быту, так как рисунок мог испортиться) [3]. Там же были найдены и иные замечательные находки, дающие надежную датировку VI в., которые пока не опубликованы.

В позднеантичном слое III – 1-й пол. VI вв. на городище было сделано 11 находок светильников [4].

В ранневизантийский период жизнь продолжалась в восточной, центральной и западной приморских частях городища. Не исключено, что в VI в. в городе был размещен византийский гарнизон. Следов насильственной гибели города и целенаправленного разрушения стен на исследованных участках нет. Нет и больших производственных сооружений [5].

Хотя в некоторых изданиях отмечалось, что в позднем Китее (как и в Ольвии, и в Тире) уже не сохранялась регулярная планировка в позднеантичное время, аргументация этого не приводилась, и, кроме того, тут же утверждается, что население города сохраняло эллинские традиции, обычаи, обряды, привычки [6].

Выводы Е.А. Молева относительно финала истории Китея: последний период истории города был относительно мирным (могли быть локальные пожары по разным причинам), и гибель его, скорее всего, была вызвана не

---

[1] *Молев Е.А., Молева Н.В.* Раскопки Китея // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994. С. 265.

[2] *Молев Е.А.* Раскопки Китейской экспедиции в 1990 г. / Архив ИА НАНУ. № 24077. С. 9.

[3] *Молев Е.А., Молева Н.В.* Красноглиняное лощеное блюдо с крестом из раскопок Китея в 2016 г. // История и археология Крыма. V. Симферополь, 2017. С. 222–227. См. также: *Молев Е.А.* Боспорский город Китей. Киев, 2010; *Молев Е.А., Молева Н.В.* Боспорский город Китей. Т. 2. Симферополь – Керчь, 2016.

[4] *Молев Е.А.* Некоторые итоги изучения светильников из Китея (по материалам раскопок 1979–1995 гг.) // Боспор Киммерийский в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 260.

[5] *Молев Е.А.* Основные этапы истории Китея // Таманская старина. Вып. 3. СПб., 2000. С. 44.

[6] Давня історія України. Т. 2. К., 1998. С. 472–473.

внешними факторами, а обезвоживанием района вследствие нарушения структуры водоносных слоев [1], с чем нельзя не согласиться.

Итак, городище (в своей сохранившейся части) продолжало существование в позднеантичное время на всей территории. Северные участки стены с воротами были в свое время датированы III–IV вв., но не исключено, что их можно датировать и позднее. То же относится и к зольнику. Более определенно существование города доказано для западного и восточного участка городища (раскопы I и IV). Особенно выразителен комплекс 1986 г. Тщательное обследование территории за городскими стенами, проделанное в 2019 г. А.В. Катцовой и экспедицией Эрмитажа, показало, что часть городской территории выходила за пределы стен в северном и западном направлениях [2], образуя своеобразный «посад», в том числе и в позднеантичное время.

Без сомнения, в позднеантичное время город существовал и в южной, приморской своей части, которая ныне обрушилась в море.

Континуитет материальной культуры в Китее очевиден: непрерывность культурного слоя на всех раскопах, типичный для Боспора керамический комплекс, прежняя планировка зданий, прежние строительные приемы без заметного огрубления. Значение Китея как главного позднеантичного города юго-востока Европейского Боспора не вызывает сомнений.

Киммерик. Плато Опук – самая высокая точка Керченского полуострова (184 м над уровнем моря). Античное городище располагалось на западном склоне. К концу III в. относятся три огромных зернохранилища (ямы) в одном дворе дома близ гавани. Здание погибло от пожара [3]. Весь Киммерик пережил разгром в конце III в. Поселение IV–V вв. было расположено уже в отдалении от морского берега. Не говорит ли это в пользу того, что главная угроза городу была с моря? [4] Возможно, в позднеантичное время он уже носил варваризованное название Киверник (Ps.-Arr.).

В IV–VI вв. на горе Опук (восточная оконечность вершинного плато) воздвигается цитадель, ставшая южным форпостом обороны в системе Узунларского вала [5]. Само городище располагалось в полутора километрах от крепости на юго-западном приморском склоне г. Опук [6], где были открыты позднеантичные слои. Оборонительные сооружения античного времени на Опуке можно назвать уникальными для Боспора. Они самые мощные из сохранившихся; площадь огороженного участка слишком велика для одного

---

[1] *Молев Е.А.* Археологические исследования Китея в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 61.

[2] *Катцова А.В.* Пять лет Китейской экспедиции Государственного Эрмитажа // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. VII. Материалы Круглого стола к 50-летию Китейской археологической экспедиции. Белгород, 2020. С. 27–48.

[3] *Кругликова И.Т.* Отчет о раскопках в Киммерике в 1951 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 741. С. 20.

[4] Там же.

[5] *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.: ИА РАН, 2003. С. 204.

[6] *Кругликова И.Т.* Раскопки древнего Киммерика // АИБ. I. Симферополь, 1952. С. 72.

или нескольких поселений [1]. Цитадель в восточной части плато – небольшая крепость – самостоятельная фортификационная единица, которая не является естественным продолжением развития предшествующего оборонительного комплекса. Задачей новой крепости, построенной в античных традициях, была защита небольшого гарнизона, целью которого было осуществление визуального контроля над огромной территорией к западу. Эта крепость могла существовать до VI в. [2]

В.К. Голенко провел раскопки участка западной куртины цитадели и прилегающих помещений. Стены возвышались до 1,5 м. Амфорный материал (Делакеу, Зеест 96–97, Шелов E и F, с рифлением типа «набегающей волны»), краснолаковые (в т. ч. с греческими монограмматическими крестами), фрагменты стеклянного кубка с каплей синего стекла дают дату IV – 1-я пол. VI в. [3]

Цитадель Киверника, вероятно, просуществовала до конца 1 трети VI в. У внешней стороны стены цитадели обнаружены мусорные напластования IV–VI вв., толщиной на отдельных участках до 1,1 м [4]. Причина упадка и оставления – скорее всего, отпадение необходимости в связи с аннексией Юстиниана и объединением всех владений империи на южном берегу Таврики. Погром утигуров в ходе мятежа против Грода менее вероятен, так как крепость достаточно удалена от столицы. Керамический материал у куртины и «казематов» неоднороден. «Казематы» дают более поздние вещи (V–VI вв.); они были разрушены, видимо, на финальном этапе существования крепости.

Итак, для Киммерика достаточно четко устанавливается факт разгрома в конце III в. Возрождение крепости на горе Опук, несомненно, было вызвано нуждами Боспорского государства и, возможно, связано какими-то событиями рубежа III–IV вв. Тот факт, что цитадель возведена в античных традициях и ей соответствует целостный позднеантичный керамический комплекс, не оставляет сомнений в непрерывности и преемственности жизни здесь вплоть до VI в.

Крымское Приазовье. Наиболее интенсивные раскопки позднеантичных памятников проводятся в последние десятилетия в районе Крымского Приазовья. Здесь существовал ряд крупных и мелких поселений, главным из которых был город Зенонов Херсонес (городище на мысе Зюк). Это один из малых городов Боспора, признаками которых, по определению Ю.А. Виноградова, являются: хаотичность застройки, невыделенность общественных построек в массе хозяйственно-жилых комплексов, отсутствие крупных храмов [5]. Культурные слои до VI в. включительно прослежены здесь практиче-

---

[1] *Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А.* Оборонительные сооружения европейского Киммерика // ПИФК. 4, ч. 1. М.-Магнитогорск, 1997. С. 140.

[2] Там же. С. 142–143.

[3] *Голенко В.К.* К вопросу о времени сооружения «цитадели» на плато горы Опук // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. М., 1999. С. 37–38.

[4] *Голенко В.К., Клюкин А.А.* Работы Южно-Боспорской экспедиции // АИК. 1994. Симферополь, 1997. С. 79.

[5] *Виноградов Ю.А.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 100.

ски на всей исследованной территории [1], особенно на раскопе «Город» (слой мощностью 0,7 м) и на раскопе «Берег» (0,4 м). Ряд строительных комплексов просуществовал здесь вплоть до VI в. До начала VI в. в западной части города функционировала сточно-канализационная система, построенная не позднее II–III вв. [2] Планировка здесь оставалась неизменной в течение I–VI вв. В юго-восточной части городища выявлен позднеантичный комплекс построек. Это были небольшие дома из 1–2 комнат с примыкавшими к ним двориками или помещения, выходившие на общий двор, образуя замкнутый квартал. Подробный разбор керамики дает абсолютную датировку комплекса IV–VI вв. [3] Вывод: верхняя граница жизни на поселении – 2-я четверть VI в. [4]

На западном участке городища планировка всех построек, судя по направлению стен, оставалась в целом неизменной с I по IV вв. [5] Обнаружена также мостовая, относящаяся ко времени не ранее конца IV в. [6]

На территории городища открыты также позднеантичные винодельни [7]. Ряд больших зерновых ям исправно функционировал вплоть до VI в. [8] Среди инвентаря на городище присутствовала типичная позднеантичная керамика (красноглиняные амфоры, краснолаковая посуда с клеймами в виде креста, светильники).

Весь полученный материал свидетельствует о том, что малый город существовал примерно в одних и тех же границах без катастрофических потрясений в течение ряда столетий. Его гибель обычно связывается с мятежом гуннов против византийского ставленника – филарха Грода во 2-й четверти VI в. (ок. 526/527 г.), когда происходил ряд погромов и сражений гуннов с имперским экспедиционным корпусом (Malal. 431.16 – 432.2; Theophan. 527). [9]

Итак, мощность единого позднеантичного культурного слоя, неизменность планировки улиц, единый керамический комплекс, высокий уровень урбанизации (канализационная система) убедительно свидетельствуют о континуитете материальной культуры.

Специфика данного района, в отличие от большинства других, где один более или менее крупный «малый город» преобладал над сельской округой, является неабсолютная доминация одного города, не очень сильно отличавшегося размерами от целой сети достаточно крупных поселений.

Феодосия. В V в. в состав Боспорского государства уже не входил район Феодосии (по мнению Е.А. Катюшина – «область Кафа»). Псевдо-Арриан сообщает, что это – «опустевший город, имевший гавань, древний эллинский город,

---

[1] *Масленников А.А.* Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 150; 121. Рис. 1.

[2] Там же. С. 151–156.

[3] Там же. С. 164–167.

[4] Там же. С. 167.

[5] *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1984 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 11356. Л. 52.

[6] *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1981 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10358. Л. 26.

[7] *Масленников А.А.* Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 154, 156.

[8] Там же. С. 155.

[9] *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1984 г. С. 61–62.

о котором есть упоминания во многих сочинениях; ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, т. е. Семибожный» (РРЕ. 77).

В конце III и 1-й пол. IV в. Судакская долина и ее окрестности входили в зону, где свободно и активно обращались эмиссии боспорских правителей. В окрестностях Коктебеля, Судака и Щебетовки имеется позднеантичный слой. Окрестности Судака могли, по мнению В.К. Голенко, входить в сферу прямого влияния боспорской Феодосии. В 1927 г. у горы Курубаш близ Феодосии был обнаружен клад (не ранее 327 г.) – исключительно из монет Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI [1]. Он показывает, что в 1-й пол. IV в. район Феодосии еще входил в состав Боспора. Других позднеантичных материалов из района и городища Феодосии пока нет [2], если не считать редкого подъемного материала.

А.В. Гаврилов говорит о сохранении Феодосии в смутах III в., хотя в это время погибает Куру-Баш – последняя крепость, прикрывавшая город с запада. На рубеже III–IV вв. в городе сидит боспорский наместник Менестрат. В 306 г. здание в столице построил римский представитель в Феодосии Аврелий Валерий Сог.

Граница по Узунларскому валу, проведенная во 2-й четв. IV в., оставила Феодосию за пределами Боспорского царства. Кафа перешла в состав херсонесских владений (?). Городок-торжище (Ардабда) последний раз упоминается в V в. [3]

Фанагория. Фанагория располагалась на двух террасах с перепадом в несколько метров. На Береговом стратиграфическом раскопе два строительных периода относятся к IV–VI вв. Дома здесь построены в позднеантичной традиции. Отмечены два периода разгрома города – две прослойки пожаров [4]. Нижний пожар датируется концом IV в. и соответствует принятой в литературе XX в. дате разгрома Фанагории гуннами. Масштабы этого разгрома были, однако, преувеличены.

Сейчас можно утверждать, что пострадала практически лишь юго-западная часть города. Здесь были обнаружены не восстановленные в дальнейшем развалы, а также городская свалка конца IV в., слой которой имел толщину до 4 м [5]. Сам факт очистки города говорит о его восстановлении. Погиб один из южных участков города [6]. На юго-востоке городища есть материал позднего времени, перекопов нет. Керамика представлена типами, бытовавшими и в VI–VII в. [7] Часть юго-восточного участка (раскоп Керамик)

---

[1] *Шелов Д.Б.* Феодосийский клад боспорских «статеров» // ВДИ. 1950. № 2. С. 134–139.

[2] Подробнее см.: *Петрова Э.Б.* Античная Феодосия. Симферополь, 2000; *Гаврилов О.В.* Феодосія та її околиця за античної доби // Археологія. 2004. № 2. С. 39.

[3] *Гаврилов А.В.* Феодосия и ее округа в античную эпоху // ПИФК. XIII. 2003. С. 91–92.

[4] *Атавин А.Г.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // БС. 1. М.: НИЦ Архэ, 1992. С. 173–174.

[5] *Кобылина М.М.* Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 30.

[6] *Горлов Ю.В.* Отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции в 1982 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9456. С. 19.

[7] *Горлов Ю.В.* Отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции в 1983 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 11209. С. 16.

также погибает. Выше него расположены лишь погребения, в том числе одно с глиняным сосудиком V в. Слой I «Южного города» относится к IV–VI вв. дал находки пифосов, зарытых в землю, свинцовых скоб, корчажек.

Находки в комплексе после пожара рисуют нам жизнь типичного провинциально-византийского города V–VI вв. [1] Керамический материал (амфоры, краснолаковая посуда, индивидуальные находки) датируется в пределах конца IV – начала VI вв. Над слоем пожарища, на самом берегу залива, были открыты значительные строительные остатки V в. – каменные фундаменты, вымостки, колодец. Толщина слоя V в. – 60 см. На Центральном раскопе, в 100 м от берега слой V–VI вв. очень тонкий, а строительные остатки незначительны. Главная часть города V–VI вв. находилась в прибрежной части нижнего плато, ныне во многом разрушенной морем [2].

Работы подводных археологов открыли немало интересного. Так, в сезоне 2003 г. среди развала камней был найден мраморный обломок надписи царя Фофорса (нач. IV в.) в 6 строк [3]. Ко времени Юстиниана относятся обломки амфор, стеклянных сосудов 1-й пол. VI в. Возможно, под водой были найдены остатки стеклодувной мастерской [4].

Второй пожар можно отнести к 40-м гг. VI в. Он связан с боевыми действиями, т. к. в слое найдены камни от метательных машин, обстреливавших город со стороны залива. После этого разгрома от прежнего города мало что остается. Новая строительная техника на месте пожарища совершенно иная, исчезает краснолаковая керамика, оконное стекло и т. п. [5] Город, видимо, был захвачен утигурами, о чем упоминает Прокопий (Bello Goth. V, 23).

Позднеантичный материал в пределах широких датировок в Фанагории встречается почти повсеместно на территории городища [6]. Раскопки ГИМ в 1939 г. на северо-западной части городища открыли три слоя позднеантичного времени: слой 3 – VI–VII вв.; слой 4 – V–VI вв.; слой 5 – IV–V вв. [7] Слой 5 дал двухслойную вымостку (№ 23–24) из черепков и мелкого бута, плотно и ровно уложенных в глиняной подушке; остатки сильно разрушенного пола, обломок керамической плитки с рельефным изображением креста, черепок краснолакового блюда со штампованным крестом. Слой 4: два отрезка стены плохой бутовой кладки на глине (кв. XIX–XX), участки вымостки № 22 из черепицы с бутом. Вымостка принадлежала дворику с обломками пифоса. Под вымосткой – субструкция из песка и глины, а под ней – следы сильного разрушительного пожара. Есть обломки рифленой и реберчатой посуды,

---

[1] *Атавин А.Г.* Краснолаковая керамика IV–VI вв. н. э. из Фанагории // БС. № 2. М., 1993. С. 170.

[2] *Кобылина М.М.* Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 35.

[3] Фанагория подводная. Воронеж, 2003. С. 13.

[4] Там же. С. 14.

[5] *Атавин А.Г.* Краснолаковая керамика IV–VI вв. н. э. из Фанагории // БС. № 2. М., 1993. С. 170.

[6] *Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Фанагории // БС. № 2. М., 1993. С. 125, 127–129, 131–135, 137.

[7] *Пятышева Н.В.* Отчет о раскопках ГИМ в Фанагории в 1939 г. // ТГИМ. 37. 1960. С. 112.

плоские кирпичи (плинфа) с желобчатой поверхностью и кремовым ангобом, светильник местной работы [1]. Слой 3 – каменная вымостка № 18 на квадратах XIX–XX из одинаковых по величине камней, черепяные вымостки – пол помещения или дворика, обломки терракотовых статуэток – передней части фигуры воина в панцире и плаще, тыльной части обнаженной гротескной статуэтки мужской фигуры.

На раскопе «Верхний город», квадрат II были открыты слои позднеантичного времени. Это остатки дома, среди инвентаря которого – стекло с синими каплями. Автор раскопок В.С. Долгоруков датировал памятник концом IV в. [2] Однако ныне больше аргументов – за середину VI в. В этом убеждают находки амфорного материала – фрагменты круглодонных корчажек (кон. IV–VII вв.), дно краснолакового сосуда V–VI вв. со штампованным крестом. Квартал IV дал тот же материал (яма К, яма Л): круглодонные корчажки, амфоры с гребенчатым орнаментом, амфора с коническим дном.

Толстый слой пожарища (до 20 см) обнаружен на нижнем плато центральной части города, над развалинами хозяйственного комплекса и примыкавшими к нему жилыми сооружениями III–IV вв. [3]

На Керамике открыто 6 обжигательных печей, отнесенных М.М. Кобылиной к IV в. [4] Время разрушения определяется фрагментами краснолаковых блюд с орнаментом и стеклянных сосудов с синими каплями. Это V–VI вв., а не IV в., как считалось ранее.

На раскопе «Верхний город» в 1998 г. было снято 0,8 м культурного слоя IV в. Большинство амфорных находок – светлоглиняные узкогорлые. Обнаружен закрытый комплекс – развал черепиц от обрушившейся крыши площадью 250 кв. м. Видны следы сильного пожара. В.Д. Кузнецов предварительно датировал его IV в. [5]

Спецификой материальной культуры Фанагории является разгром конца IV в. По традиции его можно назвать гуннским, но сомнения по этому поводу у нас остаются. Пострадала менее важная южная часть города. Выше слоя пожара, который кое-где (точнее сказать нельзя в силу малой площади раскопок) охватил и другие районы города, город продолжил свое существование. На Береговом раскопе дома продолжают строиться в прежней античной традиции. Культурный слой, насколько это ныне известно, распределяется по городищу неравномерно: его толщина убывает по мере отдаления от берега на юг. Целый ряд памятников нуждается в передатировке.

Важен факт присутствия плинфы с ангобом. Лишь после второго пожара меняется весь комплекс материальной культуры – новая строительная техника,

---

[1] Там же. С. 115.

[2] *Долгоруков В.С.* Отчет о раскопках в Фанагории в 1976 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5877. С. 15.

[3] Там же. С. 101; *Кобылина М.М.* Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 35.

[4] *Кобылина М.М.* Керамическое производство Фанагории в IV в. // СА. 1966. № 3. С. 172.

[5] *Кузнецов В.Д.* Работы Фанагорийской экспедиции в 1998 г. // ПИФК. 7. 1999. С. 392–393.

иная керамика. Ситуация здесь характерна для материальной культуры постантичного города, захваченного варварами и подвергшегося варваризации.

Дополнительный свет на историю города может пролить анализ письменных источников. Прокопий, а вслед за ним и Феофан называют Фанагорию Φανάγουρις. В этом нельзя не видеть некоторой варваризации, связанной с присутствием варварского населения.

Феофан прямо указывает, что болгары жили на внутренней территории близ города, расположенного на берегу [1]. По мнению П. Георгиева и А.В. Гадло, Фанагория еще во 2-й пол. V в. стала первостепенным центром оногурского союза [2]. Это еще одно проявление «боспорского феномена», симбиоза. П. Георгиев в этой связи полагает, что название Фанагурис – не случайно и отражает симбиоз позднеантичного города-крепости и окрестности с множеством номадских лагерей [3].

Кепы. В Кепах, расположенных близ Фанагории, центр городища на современном берегу дал мощный слой VI в.: каменные цоколи большого дома в позднеантичной традиции, подвал с пифосом, оконное стекло, краснолаковая посуда. Все это сгорает в пожаре. После пожара жизнь возобновляется, но новый город уже не похож на старый, византийский: иные строительные традиции, иная керамика. Видимо, сменяется население [4]. К этому времени и нужно отнести погребение 1962 г., отнесенное Н.И. Сокольским к V в. [5] (раскоп В). На раскопе А найдена круглая колонна византийского типа. На раскопах А, В, Д, И, Л, М есть керамический материал конца IV – 2-й четв. VI в., а на раскопе Б – до 3-й четв. VI в. (правда, находки редкие). Немалую роль в запустении Фанагории и Кеп сыграло море, активно размывавшее берег в этом районе в V–VI вв., из-за чего корабли не могли подходить близко по мелководью [6].

В 1957 г. на Северном раскопе в Кепах в позднеантичном слое было найдено гранитное ядро, а в 1958 г. – такое же на Центральном раскопе [7].

Работы 50–60-х гг. под руководством Н.И. Сокольского выявили много позднеантичного материала, среди которого были краснолаковые блюда, фрагменты стеклянных сосудов, позднебоспорские монеты, бронзовая христианская курильница (аналогии – V в.). Автор раскопок отнес гибель города к концу IV в., указывая, что в слоях пожарищ Кеп нет находок, характерных только для послегуннского времени [8]. Однако эта гуннская эпоха растянулась

---

[1] *Чичуров И.С.* Экскурс Феофана о протоболгарах // Древнейшие государства на территории СССР. 1976. М., 1976. С. 65–86.

[2] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. Л., 1979. С. 55–56; 70–80; *Георгиев П.* Фанагурис, Томитуракан и «Великая Болгария» // АДСВ. 36. Екатеринбург, 2005. С. 34–50. С. 41.

[3] *Георгиев П.* Ук. соч. С. 48.

[4] *Атавин А.Г.* Влияние природных факторов на жизнь Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. М., 1987. С. 32.

[5] *Сокольский Н.И.* Погребение V в. в Кепах // СА. 1964. № 4. С. 209.

[6] *Атавин А.Г.* Влияние природных факторов... С. 32.

[7] *Сокольский Н.И.* Каменные ядра из Пантикапея // МИА. 103. 1962. С. 245, 247.

[8] *Сокольский Н.И.* Гунны на Боспоре // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Amsterdam, 1968. S. 253.

на конец IV–VI вв. Сокольский концептуально постулирует одновременную гибель всех таманских городищ, включая Ильичевское, а также Тиритаки. Если сегодня мы датируем разгром последних VI в., то сегодня очевидно, что относительно гибели Кеп речь должна идти о 1-й пол. VI в., и погром этот описан Прокопием.

Позднеантичные Кепы были похожи на большую деревню. Дома строились из сырцового кирпича, стены возводились на фундаментах-цоколях из необработанного камня, есть блоки вторичного использования. Жилые помещения соединялись в единые комплексы с хозяйственными и производственными помещениями [1].

Может быть, Кепы все же вернулись Византии после 545 г. (в 548 г.), но не отстраивались, а разрушенные участки были заброшены? [2] Окончательную точку в истории города должно было поставить тюркютское нашествие.

Историческая судьба близко расположенных Кеп и Фанагории была схожей. В результате передатировки и синхронизации материалов позднеантичных слоев с материалами других памятников стало ясно, что и строительные остатки (фундаменты, подвалы), и керамический комплекс (краснолаковые блюда), и стекло (включая оконное) в комплексе позволяют продлить жизнь городища как позднеантичного города до середины VI в., когда и происходит его разгром. Как и Фанагория, город восстанавливается, но уже как постантичный, видимо, достаточно быстро после разрушения. Часть населения, видимо, была в обоих городах вынуждена остаться под властью варваров, захвативших на некоторое время весь прежний Азиатский Боспор.

Городища Киммериды. Наряду с Фанагорией и Кепами разгром сер. VI в. прослеживается и на Киммериде (Фанталовском п-ове). Крупные сельскохозяйственные поселения [3] были разрушены. Уцелело, однако, *Ильичевское городище*, расположенное у основания косы Чушка [4]. Ядром городища была крепость с сырцово-кирпичными оборонительными стенами на каменных фундаментах. У башен, по мнению Э.Я. Николаевой, должны были находиться метательные орудия типа баллист или катапульт [5]. Раскопана большая часть крепости и участки поселения вокруг нее. Открыты части оборонительных стен, башни, ворота, центральная улица с переулком. По восточной и западной сторонам цитадели располагались казармы солдат-

---

[1] *Сокольский Н.И., Сорокина Н.П.* Раскопки г. Кеп и его некрополя в 1957–1963 гг. // Ежегодник ГИМ. 1963. М., 1964. С. 45.

[2] *Чхаидзе В.Н.* Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. 10. 2006. С. 487–517.

[3] *Долгоруков В.С.* Позднеантичное поселение на городище Батарейка II // КСИА. № 109. М., 1967. С. 123; *Сокольский Н.И.* Крепость на городище у хут. Батарейка // СА. 1963. № 1. С. 188–189.

[4] *Гавритухин И.О., Паромов Я.М.* Ильичевское городище и поселения его округи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII веков / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 152–157.

[5] *Николаева Э.Я.* Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры. М., 1976. С. 183.

наемников [1]. Кроме того, открыт дом начальника гарнизона, мастерская стеклодува и пр.

Поселение к югу от крепости существовало по крайней мере со II–III вв. по VI век [2]. В V–VI вв. здесь функционировал крупный хозяйственный комплекс, находка которого для позднего азиатского Боспора уникальна (принято считать, что подобные комплексы более характерны для городов европейской части). Городище было восстановлено в конце IV в., разрушено около сер. V в. и вновь отстроено до 2-й пол. VI в. Разрушения, произошедшие здесь в середине V в., можно связать с приходом утигуров, а окончательный разгром во 2-й половине VI в. – с тюркютами [3]. Страшный пожар привел к образованию золистого слоя в 1 м.

Небольшая коллекция предметов вооружения из Ильичевки дает нам представление о воине-всаднике V–VI вв., имевшем при себе лук со стрелами, меч или кинжал у пояса, копье на длинном древке, шлем с султаном. Имел ли воин кольчугу или панцирь, сказать трудно. На Ильичевке, видимо, в числе других подразделений дислоцировались катафрактарии [4]. Очень многочисленна в Ильичевке христианская символика, особенно на краснолаковой керамике [5].

Тот факт, что крепость просуществовала на протяжении IV–VI вв. без принципиальных изменений в материальной культуре, позволяет предположить, что ее содержание поддерживалось властью (до VI в. боспорской, а затем византийской).

Раскопано 12 помещений сер. V–VI вв. Они располагались в 2–3 ряда по периметру оборонительных стен. Между рядами помещений были нешироки переулки. Слой пожарища V в. был вычищен, вынесен на вал, который использовался как мусорная свалка. На отремонтированных помещениях появились новые перекрытия. Ни в керамическом производстве, ни в торговле упадка не отмечается. Населением крепости в этот период были, видимо, полиэтничные федераты [6]. Дома имели два этажа и застекленные окна. Первый этаж обычно был хозяйственным, второй – жилым. Найденные здесь кости верблюда подтверждают сведения Прокопия о караванной торговле [7].

Мраморные архитектурные детали: обломки карнизов, капители пилястра, барабан колонны говорят о наличии в крепости базилики в VI в. Может быть, к христианской утвари относятся фрагменты пяти плоских мраморных

---

[1] *Устаева Э.Р.* Археологические раскопки у поселка Ильич // Таманская старина. I. СПб., 1998. С. 78.

[2] *Николаева Э.Я.* Отчет о работах Ильичевской экспедиции в 1986 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 11991. Л. 27.

[3] *Николаева Э.Я.* Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). Т.2. Ереван, 1979. С. 376–377.

[4] *Николаева Э.Я.* Христианский комплекс VI в. на Боспоре Киммерийском // ПИАГ. М., 1989. С. 88.

[5] Там же. С. 86–87.

[6] *Николаева Э.Я.* Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). Т.2. Ереван, 1979. С. 377.

[7] *Устаева Э.Р.* Археологические раскопки у поселка Ильич // Таманская старина. I. СПб., 1998. С. 79.

блюд диаметром от 30 до 50 см. В крепости обнаружена и молельня, расположенная в одном из помещений казарм (XXIII). В одном из помещений на южной стене крепости была обнаружена предположительно мощехранительница.

У южной границы городища, в 174 м от крепости, был выявлен большой хозяйственный комплекс с зерновыми ямами (значительные запасы зерна). На зиму ямы были наглухо закрыты каменными крышками и замазаны глиной с камкой [1].

Чрезвычайно интересно, что еще в V в. фигурное изображение Диониса украшало верхнюю часть антефикса кровли над входом в винодельню Ильичевского городища [2].

Небольшое, но важное Ильичевское городище [3] представляло собой крепость с посадом, и в этом смысле было похоже на ряд прочих пунктов Киммериды, лишь по некоторым признакам сближаясь с малыми городами, но в силу его важности как базового памятника мы рассмотрели его в ряду городищ.

Континуитет материальной культуры здесь налицо. Особенно выразительно появление ранневизантийского слоя, в чем усматривается поддержка византийских властей из Пантикапея-Боспора. Крепость была разгромлена врагами полностью, так как имела важнейшее стратегическое значение близ переправы, и не вступила в постантичную фазу.

Непрерывно существовал на протяжении всего периода *Патрей* [4]. По мнению ряда исследователей, город был разрушен в IV в., но в виде небольшого поселения продолжал существовать и в византийское время [5]. Позднеантичный слой здесь неплохо сохранился. Материал позволяет проследить процесс континуитета [6]. Позднеантичный слой имеет мощность в 1 м. Строительные остатки многочисленны, но в западной части раскопа (общая площадь – 320 кв. км) сильно разрушены. В восточной части достаточно полно сохранилась часть строительного комплекса: пересечение фундаментов 12–13 и 11,8; 27 и 41, 52, 53, 55. Фундаменты сложены в два панциря с забутовкой из необработанных разнородных камней на глиняном растворе. После разрушения помещение продолжало существовать вместе со всем комплексом. Фундамент 12 – позднейший строительный период этого слоя. К востоку от фундамента 41 – черепичная вымостка – остатки покрытия небольшой улицы, вливавшейся в большую центральную улицу, начинавшуюся от восточных ворот, открытых в 1964 г. [7] Открыты зерновая яма обычной грушевидной формы в помещении между фундаментами 52 и 53–55. Быть может, это был единый хозяйственный комплекс. Найдены фрагменты узкогорлых

---

[1] Там же. С. 80.

[2] *Винокуров Н.И.* Виноделие античного Боспора. М., 1999. С. 105.

[3] Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в средние века. М., 2003. С. 152–157.

[4] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 91–92.

[5] *Голенко К.В.* Третий патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н. э. // НиЭ. XII. 1978. С.10.

[6] *Стручалина Р.А.* Некоторые итоги раскопок городища Патрэй (по материалам археологических исследований 1968-1969 гг.) // АМА. 1. Саратов, 1972. С. 45.

[7] Там же. С. 40.

светлоглиняных амфор, красноглиняных с массивными профилированными ручками, краснолаковые [1].

По мнению Р.А. Стручалиной, культурного слоя V–VI вв. ею не было обнаружено. Ее предшественник А.С. Башкиров указывал на наличие слоя V–VI вв., но не описал его. По нашему мнению, в силу общих подходов к передатировке боспорских памятников, начавшейся с конца XX в., материалы Стручалиной нуждаются в пересмотре; за V–VI вв. Башкиров принял более поздний слой (возможно, VII–VIII вв.), т. е. описанный выше слой – и есть слой V–VI вв.

Мы полагаем, что это разрушение можно связать с гуннским погромом VI в., так как следы разгрома конца IV в. устанавливаются на Тамани определенно только для Фанагории и Кеп.

Планировка позднеантичных построек почти совпадает с предшествующим периодом. План же раннесредневековых сооружений, т. е. после пожара, совершенно иной на всем городище. Стручалина видит в этом дискон-тинуитет. По нашему мнению, период IV–VI вв. здесь непрерывен, так как пожар должен быть датирован VI в.

Керамический комплекс Патрея, в особенности краснолаковая посуда, также убеждает нас в необходимости расширить рамки позднеантичного периода на городище на IV–VI вв. В пользу этого говорит цельность материальной культуры до разгрома, как и иной характер восстановленного позднее городка. Фаза постантичного города здесь хронологически соответствует Фанагории и Кепам. Наличие хозяйственных комплексов убедительно свидетельствует о самообеспечении жителей города и его округи (микрозоны). Феномен возрождения жизни после разгрома сам по себе также является в определенной степени признаком континуитета. Дисконтинуитетными элементами выступают признаки иной жизни, а не продолжения прежней.

Гермонасса. Крупный боспорский город Гермонасса доминировал в южной части азиатского Боспора и являлся главным центром обширной области Синдики. Можно считать, что во 2-й пол. III в. Гермонасса была разрушена, как и другие поселения города Боспора [2]. Эта дата подтверждается кладом 1970 г. из 44 биллоновых статеров Рескупорида V. Издавший эти монеты К.В. Голенко определил, что клад зарыт в 252 г. Все это позволяет считать, что связываемая с кладом постройка (Нагорный раскоп, 1973–1975 гг.) имеет два строительных периода. Скорее всего, она была в середине III в. разрушена (после 252 г.). Во 2-й пол. III в. на ее фундаментах было воздвигнуто новое здание, просуществовавшее, по мнению А.К. Коровиной, до гуннского нашествия. В это время, очевидно, и был создан архитектурный декор его северного фасада с 4-мя выступами колонн или пилястр, украшавших наружную стену здания [3]. Местоположение здания в центре городища и большие размеры (длина северной кладки около 20 м) дают основание определить его как общественное, возможно, типа

[1] Там же. С. 50.

[2] *Коровина А.К.* Гермонасса. М., 2002. С. 78.

[3] *Коровина А.К.* Позднеантичная Гермонасса (по материалам раскопок 1973–1975 гг.) // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 167.

пританея, как и предыдущие, открытые в этом районе. Скорее всего, это был большой хозяйственный комплекс, связанный с городским управлением [1].

Раскопками 1973–1975 гг. в Гермонассе был открыт комплекс большого здания III–IV вв., состоящий из вымощенного дворика в западной части и двух помещений в восточной части. Находки из слоя пожарища позволяют установить дату гибели здания от пожара III в. Следы пожара в этом слое прослежены по всему раскопу.

А.К. Коровина утверждает: «был ли город разрушен гуннами, нам неизвестно» [2]. Быть может, в период поздней античности Гермонасса утратила былое значение, находилась в стороне от главных дорог. С.А. Плетнева считает, что город уцелел в бурных событиях конца IV в. (подразумевая гуннское нашествие). Археологический материал не дает однозначного ответа. Поздний слой не был выделен ни С.А. Плетневой, ни И.Б. Зеест, так как он был фактически разрушен ямами более позднего времени.

По мнению А.К. Коровиной, четкую грань между античностью и средневековьем здесь провести невозможно [3]. Недаром в принципе однородный материал она разделяет, включая IV в. в античный период, а V–VII вв. – в средневековый [4].

На Северном раскопе открыта цистерна близ винодельни № 2 с керамикой – фрагментами позднебоспорских амфор и краснолаковыми мисками со штампованными изображениями животных, рыб, птиц и крестов. Нам представляется, что эти материалы позволяют продлить историю города до VI в. Видимо, после разрушения винодельни в III в. сюда сбрасывался городской мусор последующих веков [5].

Экспедиция ГМИИ в начале 1970-х гг. на Нагорном и Северном раскопах на небольших участках открыла остатки кладок построек «раннесредневекового времени». Ориентация кладок совпадает с ориентацией позднеантичных построек. Сложены они из рваного камня на глинистом растворе и перекрыты развалом более ранних стен. Ориентация кладок совпадает с ориентацией предшествующих построек [6]. Новые постройки перекрыли старые, погибшие не от пожара, а от естественного разрушения глиняных стен. Находок в слое немного, все они продолжают античную традицию. Наиболее характерны обломки стекла с синими каплями, 7 склеенных амфор.

Наиболее интересный керамический материал IV–VI вв. есть на Северном раскопе. Слой сохранился очень плохо, разрушен ямами хазарского времени, постройки разобраны на камень. Найдены поздние амфоры херсонесского и боспорского производства, краснолаковые. На 13 фрагментах –

---

[1] *Коровина А.К.* Винодельни Гермонассы // КСИА. 191. 1987. С. 65–66.

[2] *Коровина А.К.* Гермонасса в раннесредневековый период // Таманская старина. I. СПб., 1998. С. 19.

[3] Там же. С. 22.

[4] Там же, название глав 7 и 8.

[5] *Коровина А.К.* Винодельни Гермонассы // КСИА. 191. 1987. С. 65.; *Коровина А.К.* Гермонасса. М., 2002. С. 85–86.

[6] *Коровина А.К.* Гермонасса. М., 2002. С. 88–89.

штампованные изображения [1]. На 3-х штампах – кресты, на одном из которых – А и Ω. Другие изображения – лев (или собака), бык, птицы, неизвестные стилизованные существа. Посуда со штампами изготовлена в одном центре, может быть, в Пантикапее. Время бытования – середина IV–VI вв.

В Гермонассе нет возможности распределить краснолаковую керамику по хронологическим группам [2]. Аналогии, по мнению А.К. Коровиной, имеются в Томах. Слой на Северном раскопе А.В. Сазанов передатировал на VI век, связав окончание слоя с нашествием тюркютов [3]. Следов пожара, однако, здесь нет [4]. «Послегуннский» слой на участке XXVII исследовался в 1954 г. А.В. Сазанов передатировал его 3-й четвертью VI в. [5]

Очевидно, в Гермонассе в V в. уже был христианский храм [6].

Итак, вся материальная культура городища демонстрирует непрерывность и преемственность. Прежде всего отметим факт разгрома города во 2-й пол. III в., несомненно, в связи с морскими походами варваров на юг. Город, однако, был восстановлен. Ориентация стен помещений совпадает на протяжении всего позднеантичного периода. Хорошо прослеживается стратиграфия. Керамический комплекс Северного раскопа – один из самых выразительных на Боспоре для IV–VI вв. И.Б. Зеест выделила для Гермонассы два позднеантичных слоя – 9 и 8. Как градостроительство, так и керамический комплекс убедительно свидетельствуют о континуитете материальной культуры. Краснолаковая посуда со штампами говорит об импорте из империи, как и капитель колонны, и мраморный рельеф.

Важнейший вывод об исторических судьбах города проистекает из анализа его материальной культуры. Поскольку здесь, в отличие от Фанагории и Кеп, нет следов разгрома 2-й четверти VI в. и возникновения «постантичного» слоя, мы можем с большой степенью уверенности заключить, что Гермонасса (как, видимо, и вся Синдика) не была захвачена утигурами в ходе мятежей VI в. и сохранилась под властью византийских наместников Боспора. На это же указывает и Прокопий Кесарийский, упоминающий о разгроме лишь Фанагории и Кеп в 540-е гг. (а Гермонасса была достаточно крупным городом). Косвенное подтверждение этому также заключается в наличии христианской базилики. Храмы начали строить на Боспоре не ранее V в., а благоприятные условия создались лишь к концу V в., после усиления государства под «протекторатом» утигуров, за спиной которых стояла империя, и далее – под властью Византии в VI в. Период прямой власти Византии в Фанагории и Кепах был слишком мал (около 20 лет), чтобы за это время здесь успели построить долговечные церкви (в рамках целенаправленной политики

---

[1] Там же. С. 25, рис. 6, 7. См. также: *Коровина А.К.* Гермонасса. М., 2002. С. 85–86, рис. 44; с. 91, рис. 47.

[2] Там же. С. 26; *Коровина А.К.* Гермонасса. М., 2002. С. 92.

[3] *Сазанов А.В.* Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // ДБ. 3. 2000. С. 231–232.

[4] Там же. С. 236.

[5] Там же. С. 232–235.

[6] *Коровина А.К.* Гермонасса в раннесредневековый период. С. 27; *Коровина А.К.* Раннесредневековая Гермонасса // VI Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. М., 1999. С. 59–60; *Коровина А.К.* Гермонасса. М., 2002. С. 93.

империи по христианизации). Отчасти поэтому, видимо, их остатки пока не обнаружены, хотя в Фанагории сложилась отдельная епархия (первое упоминание 519 г.) еще до византийской аннексии.

Горгиппия и ее округа. Юго-восточный Боспор в эпоху поздней античности дает нам небольшое количество находок. Горгиппия погибла в сильнейшем пожаре вскоре после 239 г. [1] Постройки сер. III в. сохранились наиболее хорошо и дали эталонные для всего Северного Причерноморья комплексы находок этого времени [2]. Во 2-й пол. III в. город частично возрождается, но прежним он не стал. Постройки: кривые в плане сооружения, небольшие по площади, без подвалов (V строительный период на городище). На всей раскопанной площади (7 000 кв. м) известно лишь 3 помещения с позднеантичным материалом, перекрывших слой пожара (дома 9а, 21а, 28). Их стены были наскоро возведены из разномасштабных камней. Есть куски крупных поздних амфор. Находки конца III–IV вв. нельзя признать массовыми. Быть может, жизнь возродилась лишь на отдельных участках города.

В Горгиппии есть находки монет Рескупорида V и VI [3]. В 1991 г. были обследованы помещения 119 и 120, где был найден керамический материал середины IV – середины V вв.: светлоглиняная толстостенная керамика IV в. [4], красноглиняная с крупными включениями и коричневым ангобом IV–V вв. [5] и т. д. В одной из могил найдено краснолаковое блюдо V в. с крестом [6]. Части таких блюд есть и в культурном слое городища [7].

Делать по этим находкам какие-либо выводы о характере населения города и его политическом статусе было бы преждевременно [8]. Вместе с тем наличие монетных кладов доказывает возрождение интенсивной жизни в окрестностях Горгиппии и развитие этого региона [9].

Материальная культура Горгиппии конца III–V вв. вызывает много вопросов. С одной стороны, город, несомненно, возродился, пусть и в крайне ограниченном объеме по сравнению с прежней эпохой. Определенная преемственность в градостроительстве есть, но она не имеет определяющего характера. Керамический комплекс позднеантичного типа здесь, безусловно, присутствует, но выражен достаточно слабо. С другой стороны, есть ряд признаков,

---

[1] *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 75.

[2] *Алексеева Е.М.* Анапа. Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н. э. – III в. н. э.) // ДБ. 6. 2003. С. 25.

[3] *Кругликова И.Т., Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1967–1972 гг. // Горгиппия. Вып.1. Краснодар, 1980. С. 104; *Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1979–1989 гг. // ПИФК. 4, ч. 1. М.-Магнитогорск, 1997. С. 147.

[4] *Алексеева Е.М., Антипина Е.Е., Беляева В.Н., Пилипко В.Н., Тихонова Т.С., Шавырин А.С.* Отчет о работе Анапской экспедиции ИА РАН и Горгиппийской экспедиции КИАМЗ в 1991 г. / Архив ИА РАН. Р-1. М.,1992. Л. 27.

[5] Там же. Л. 30.

[6] *Кругликова И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. II. Краснодар, 1982. С. 124. Рис. 6, 3.

[7] *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. С. 76.

[8] *Фролова Н.А.* Уникальный клад боспорских монет из Горгиппии III в. до н. э. – 238 г. н. э. // Древнее Причерноморье. Одесса, 1993. С. 90.

[9] *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. С. 76; *Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1979–1989 гг. // ПИФК. 4, ч. 1. 1997. С. 149.

указывающих на смену населения (или его части) – это иная строительная традиция, более интенсивная жизнь на сельской округе, чем на городище. В любом случае античные материалы на городище не выходят за рамки середины V в. [1]

Создается впечатление, что округа города была прочно освоена варварами, которые пытались как-то возродить прежний античный город, частично его населили, но далее этот процесс не пошел по неизвестным нам причинам. Возможно, что в эпоху натурализации хозяйства и обособления локальных микрозон сыграла свою роль удаленность города от других районов Боспора, его ориентация на материковые области, а не на острова и берега, а также слишком сильная варваризация. В отличие от более позднего возродившегося Танаиса, расположенного в более выгодном месте, и возрожденного преимущественно варварами, здесь варварские племена больше ориентировались не на торговлю, а на сельское хозяйство. Оторванная от остального Боспора, Горгиппия в прежнем виде возродиться не смогла. Впрочем, все это пока лишь предположения. Более важен вопрос о типологии постантичного города. Горгиппию конца III – сер. V вв. мы можем сблизить по хронологии и характеру с Ольвией, но не с Танаисом.

Причины окончательной гибели города неизвестны. Возможно, это было связано с приходом новой волны варваров – готов-тетракситов, а затем – гуннов-утигуров (нач. 2-й пол. V в.).

Танаис. Накануне разгрома в середине III в. Танаис насчитывал ок. 2 тыс. жителей [2]. Город ожидал катастрофу и лихорадочно к ней готовился, восстанавливая оборонительные сооружения, но избежать не смог.

После разгрома город был восстановлен, как считал Д.Б. Шелов, не ранее середины – последней четверти IV в. Вместе с тем есть предположения о восстановлении города уже в конце III – начале IV вв. [3]

Новые монетные находки также позволяют поставить вопрос о разрыве безмонетного периода истории города и, следовательно, иначе взглянуть на период запустения. Хронологический диапазон читаемых на монетах дат составляет 286–330 гг., однако нельзя исключить, что эти статеры могли попасть на рынок Танаиса и позднее.

Среди последних находок – монеты Боспора от Фофорса до Рескупорида VI и римские – Карина (выпуск 282–283 гг.) и Константина I. Монеты 250–282 гг. полностью отсутствуют. Так что находки 286–330 гг., видимо, должны быть пока помещены в более поздний контекст, учитывая факт их длительного обращения, а также присутствие подражаний, чеканившихся вне

---

[1] *Алексеева Е.М.* Горгиппия. Последний этап развития (конец I–III в. н. э.) // ДБ. 19. 2015. С. 7–27.

[2] *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972. С. 227.

[3] *Безуглов С.И., Захаров А.В.* Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. № 6. Р.-н.-Д., 1989. С. 61–62; *Хайрединова Э.А.* Боспор и морские походы варваров второй половины III в. // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995. С. 522; *Лавров В.В.* К вопросу об этническом составе населения Танаиса во 2-й пол. III–IV вв. н. э. // МОБЧМ. Р.-н.-Д., 1992. С. 58–60.

государственной эмиссии денег на Боспоре [1]. Еще один пласт находок – римские монеты 2-й пол. IV в. (Феодосий I, Аркадий) в промежутке 383–393 гг. (время поступления). Клад попал в Танаис, видимо, единовременно [2].

Вся площадь прежнего города III в. была вновь заселена, ремонтировались руины и строились новые дома [3]. «Это был город с достаточно плотной жилой застройкой, в какой-то мере повторявшей застройку предыдущего периода, с системой оборонительных сооружений» [4]. Однако кое-где развалины III в. не были разобраны, а лишь отгорожены стенами от восстановленных жилых кварталов [5]. В строительстве употреблялись капитальные вымостки из больших каменных плит (остатков каменных мостовых) [6], придающих постройкам гуннского времени известную монументальность. Характерно появление округлых в плане построек.

Присутствие в Танаисе собственно гуннов археологически устанавливается очень слабо. Наличие отдельных гуннских вещей (обломки сложного лука, фибула с двумя пружинками, бронзовая позолоченная обкладка от пряжки с геометрическим штампованным орнаментом) не может служить доказательством присутствия гуннов в составе постоянного населения Танаиса.

Частью населения города могли в это время стать носители черняховской культуры – остатки разбитых готов. Их вещи – двупластинчатые фибулы (элемент женского восточно-германского костюма гуннского времени), остроребериые миски с зигзагообразным профилем [7]. Нельзя исключить и притока новых волн германцев в район позднего Танаиса в IV–V вв. Большинство же населения составляли, видимо, аланы-танаиты – носители позднеантичной боспорской культуры. Можно думать, что в гуннское время Танаис в какой-то мере выполнял функции транзитного центра, через который шел товарообмен Боспора с племенами степей [8].

Позднеантичные слои прослеживаются практически на всех исследованных участках центрального четырехугольника городища. Слои IV–V вв. – самые мощные по сравнению со слоями предшествующих периодов. В центральной части западной оборонительной линии (раскоп VI) вскрыты остатки нескольких домов конца IV – начала VI вв. и часть улицы поверх развалин III в. Эта улица, как и более ранняя, подходит к стене с востока и переходит в

---

[1] *Безуглов С.И.* К характеристике нумизматического наследия позднего Танаиса // VIII Всероссийская нумизматическая конференция. ТДС. М., 2000. С. 30–32; *Яценко В.В.* Случайные находки (1998–2000 гг.) монет из Танаиса // ДА. 2001. № 3–4. С. 95.

[2] *Яценко В.В.* Случайные находки (1998–2000 гг.) монет из Танаиса // ДА. 2001. № 3–4. С. 95–96.

[3] Там же. С. 328.

[4] Там же.

[5] *Шелов Д.Б.* Волго-донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 84.

[6] Там же. С. 86; *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. С. 312.

[7] Обломский А.М. Об одной категории лепных сосудов Танаиса как о показателе миграций населения в гуннскую эпоху // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 271–277.

[8] *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. С. 330.

каменную лестницу, ведущую на развалины стен III в. Находки – остатки производства медника – заготовки пластин, заклепки, обломки сосудов [1].

На главном центральном раскопе в 1993–1994 гг. проводились исследования помещений IV в.

На раскопе XIX в сер. IV в. возводится ряд усадеб уникальной для Танаиса сохранности (три строительных периода) [2]. К началу XXI в. здесь было известно 22 позднеантичных дома, 13 из них раскопаны. Слой образовался во время 2-го строительного периода (расцвет – рубеж IV–V вв.). На раскопе выявлен факт повторного использования старых античных ворот к порту; существовал и сам порт (несомненные признаки континуитета). Южная часть раскопа еще не изучена. Расцвет участка заканчивается в 1 четв. V в. [3]

В 1993 г. в районе бывших городских ворот были открыты остатки домов середины IV в. На площади построек были устранены завалы прежних слоев до скалы, и даже скала была вырублена для землянки на 30 см. Всего раскопано три дома с большими площадями. Выделено три строительных периода: 1) сер. IV в.; 2) нач. V в.; 3) сер. V в. Найден богатый материал. Среди керамики очень высока доля лепной, гончарная – амфоры. В IV–V вв. это был район частных построек. Стены домов были построены из камня, извлеченного из слоя III в. На них были фрагменты 21 надписи из района городских ворот. В дальнейшем было найдено еще более 40 фрагментов. Всего их 62, из них 46 – греческие, а 16 – сарматские тамги. Частота и отчасти отличное ремесленное исполнение последних, по мнению Ю.Г. Виноградова, указывают на: 1) высокий уровень образования этой варварской группы населения города, которая использовала свою собственную систему знаков письма; 2) общественное значение представителей этой группы, имевших право поставить свои надписи, которые должны были понимать и греки [4].

В юго-западной части городища завершено исследование большого помещения IV–V вв.; расчищено пять уровней полов.

На раскопах IV, VI, XIV в 1981–1984 гг. был исследован переулок 3 длиной 22 м на стыке раскопов VI и XIV. Переулок местами сильно разрушен ямами и постройками IV–V вв. В юго-западной части раскопа VI была доследована одна из самых больших усадеб Танаиса. В IV–V вв. территория усадьбы была застроена. Жилища этого времени сильно пострадали от поздней выборки камня. Прослежено два строительных периода. Особый интерес представляет небольшое жилище или кладовая последнего строительного периода площадью 5,5 кв. м. [5]

---

[1] *Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б.* Исследования Танаиса в 1966–1969 гг. // КСИА. 130. 1972. С. 94–95.

[2] *Арсеньева Т.М., Казакова Л.М., Науменко С.А.* Работы Нижне-Донской экспедиции в Танаисе в 1993–1994 гг. // ИАИАНД. 14 (1994 год). Азов, 1997. С. 41–42.

[3] *Бёттгер Б., Ульрих М.* Позднеантичное поселение в Танаисе (результаты работ на раскопе XIX) // МИАД. I (Сарматы и их соседи на Дону). Р.-н-Д., 2000. С. 283–299.

[4] *Бёттгер Б., Виноградов Ю.Г.* Результаты исследований совместной русско-немецкой археологической группы в Танаисе в 1993 г. // МОБЧМ. Р.-н-Д., 1994. С. 65–67.

[5] *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Раскопки Танаиса в 1981–1984 гг. // КСИА. 191. 1987. С. 82.

Площадь в южной части города ближе к порту могла быть возможным местом агоры.

Раскоп XX в центре восточной части городища был исследован на площади 325 кв. м. Выяснено, что здесь, как и, видимо, на всем городище, в позднеантичный период городская планировка в корне меняется; дома часто заходят и даже совсем перекрывают древние уличные мостовые, улицы оказываются изрытыми многочисленными хозяйственными ямами и канавами [1]. Так, была заброшена «восточная улица».

Новая планировочная структура сопровождалась тем, что все постройки заглублялись в грунт и были полуземлянками. На отдельных участках они оказались заглубленными до самой скалы и даже врезанными в нее. Для позднего города не открыто ни одной широкой улицы, между домами имелись лишь узкие проходы, вымощенные небольшими камнями – это был дневной уровень, который по отношению к полам жилищ находился выше примерно на 0,6–1 м. Дома сооружались из камня, по крайней мере, в цокольной части. Стены – однослойные и однолицевые. Камень добывался из руин Танаиса. Раствор – грязевой. Характер культурного слоя – рыхлый, пылевидный, с большим содержанием золы. Поэтому цвет всех предметов из слоя – черный.

Дома чаще всего – прямоугольные, с перегородками из тростника и жердей. Реже дома имели округлую форму. Кое-где имелись входы с лестницей или каменным порогом. Характерная особенность каждого дома – очаги и печи куполообразной формы, сложенные из камня, глины и керамики, зачастую на постаменте у одной из стен дома. Во всех домах открыты хозяйственные ямы. Хрупкие дома часто ремонтировались и перестраивались. Мусор выбрасывался в заброшенные постройки, там нивелировался, а сверху строилось новое здание.

Прослеживаются три строительные фазы, каждая длиной в 25–35 лет. Очень приблизительно можно установить, что для первой фазы были характерны большие, длинные и прямоугольные дома. Дома второй фазы значительно меньше, прямоугольной или округлой формы, часто встроены в дома первой фазы. Третья фаза – совсем небольшие жилища, встроенные в мусорные слои предшествующего времени; небольшие каменные вымостки, территориально расположенные в пределах старых, более ранних домов [2]. Плотность застройки различна: на центральном участке (раскопы VI, XIV) – значительная и достаточно хаотичная; на южном участке (раскоп XIX) – более четкая планировка и регулярность домов. Где находился центр позднего города, пока сказать трудно. По характеру находок: значительно увеличивается процент лепной керамики в слое, костяные изделия. В северной части раскопа XX отсутствуют поздние постройки из-за ям и перекопов.

[1] *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // ДБ. 4. 2001. С. 56.

[2] Там же. С. 69.

Керамический комплекс демонстрирует преемственность по отношению к античному: есть амфоры, краснолаковая посуда [1], а также стекло; однако, вся посуда – импортная, боспорской тары нет. Вместе с тем преобладает местная лепная керамика. Торговля с Танаисом территориально не могла вестись помимо Боспора, но качественных изменений этот фактор не принес; торговля была транзитной. На ее северном конце, по Дону, контрагентами были местные варвары. В IV–V вв. Танаис продолжал осуществлять обширные транзитные торговые связи. В город продолжают поступать амфоры, краснолаковая посуда, в меньшей степени стекло. На краснолаковой посуде отсутствуют клейма и кресты, что характерно для 2-й пол. V–VI вв. Почти отсутствует боспорская амфорная тара, однако поступают светлоглиняные амфоры с Южного Понта. При раскопках постоянно встречаются обломки серолощеных сосудов, украшенных валиками, налепами и пролощенными полосами [2]. Жители продолжали заниматься прежней хозяйственной деятельностью, однако значительно увеличился процент лепной керамики.

Три строительных периода свидетельствуют о внутреннем континуитете для периода сер. IV – сер. V вв., но каждая фаза обнаруживает прогрессирующий упадок. С чем были связаны смены фаз – неизвестно. Можно, однако, предположить, что так называемое «гуннское нашествие» на Танаисе никак не отразилось, а 2-й строительный период в начале V в. мог быть связан с продвижением отступавших от гуннов готов. Третья фаза могла быть связана с приходом утигуров, но хронологическая привязка здесь почти натянута. Окончательная гибель города может быть связана с приходом утигуров и кутригуров в Приазовье.

* * *

Итак, весьма значительный археологический материал достаточно убедительно показывает, что на протяжении IV–VI вв. топография городов Боспора сохраняла в основном прежний облик, материальная культура развивалась без перерывов. Большинство прежних городских центров государства продолжает свое существование.

Херсонес [3]. Кроме известной монографии А.Л. Якобсона и ряда других специальных работ, краткий очерк археологического изучения христианских древностей Херсонеса был дан Л.А. Беляевым [4]. Византийский город нашел отражение в книге В.М. Зубаря по истории археологических исследований Херсонеса [5], доведенной до 2005 г. А.И. Романчук представила опыт обобщающей монографии, в которой основное внимание уделено историографическим про-

---

[1] *Arsen'eva T., Domzalski K.* Late Roman Red Slip Pottery from Tanais // Eurasia antique. 2002. Bd. 8. S. 415–491.

[2] *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* К вопросу о торговых связях Танаиса // МОБЧМ. Р.-н-Д., 1994. С. 69–70.

[3] О названиях города и их употреблении см.: *Храпунов Н.И.* Херсонес Таврический или Херсонес в Таврике? // Символ в философии и религии. Севастополь, 2004. С. 46–47.

[4] *Беляев Л.А.* Христианские древности. М., 1998. С. 217–220.

[5] *Зубарь В.М.* Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округи / МАИЭТ. Suppl. 6. Симферополь, 2009.

блемам [1]. Обобщающее исследование подготовил С.Б. Сорочан, однако хронологические рамки этой работы охватывают 2-ю пол. VI – 1-ю пол. X вв. [2]

На протяжении всей своей истории Херсонес неизменно выполнял функции города. От интересующего нас времени до нас дошли монументальные постройки города: его крепостные стены, обновленные почти по всему периметру города в V–VI вв., его храмы, а также мавзолеи херсонесской знати и ее богатые погребальные склепы.

Несравненно хуже обстоит дело с памятниками, оставленными рядовым населением. Жилища дошли до нас в крайне фрагментарном виде; бытовых комплексов, связанных с жилыми усадьбами, мы почти не знаем. Типичный византийский дом IV–VI вв. окончательно стал крытым, двух-трехэтажным, а его двор был связан с основной экономической деятельностью обитателей [3]. В ранней Византии принцип социальной гетерогенности в расселении горожан не способствовал выделению аристократических кварталов [4].

В целом ранневизантийский Херсонес рисуется нам как достаточно большой для своего времени город, несколько более населенный, чем в античную эпоху (на что указывает большая густота застройки и расширение территории на запад) [5].

Важным вопросом является периодизация истории города в позднеантичное время и поиски хронологического рубежа между античностью и средневековьем.

Сторонник наиболее раннего наступления новой эпохи С.А. Беляев апологетически принимает за ее рубеж IV век в силу начала христианизации. Этим же столетием он датирует большинство храмов города. По ряду позиций с ним сближался В.М. Зубарь.

Херсонес IV–VI вв., как утверждал С.А. Беляев, во многом – terra incognita. Причина – в скудости письменных источников, отсутствии четко выраженных археологических слоев и разработок отдельных групп археологического материала, слабой изученности строительных приемов и техники кладки зданий и стен. Как показали многолетние раскопки, слоя V–VI вв. практически нигде на городище нет. Есть отдельные комплексы, заполненные материалом данного времени: рыбозасолочные цистерны, колодцы, подвалы. Материал является заполнителем и никак не связан со строительными остатками. Работа над основными группами материала и поныне еще далеко не завершена [6].

---

[1] *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Том 2. Византийский город. Тюмень, 2008.

[2] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Топография и архитектура города освещены на с. 680–1030. Там же дан и список общественных сооружений Херсонеса VI–X вв. (с. 1026–1030). Для периода, включающего начало VII в., установлено 33 сакральных сооружения, 7 светских общественных, 12 оборонительных.

[3] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 100.

[4] Там же. С. 434.

[5] *Марченко Л.В.* Топография и планировка Херсонесского городища // ХСб. 8. Севастополь, 1997. С. 62–67.

[6] *Беляев С.А.* Из истории социальной жизни Херсонеса второй половины IV–VI вв. // ПС. 29 (92), ч. 1. Л., 1987. С. 74.

По мнению Г.Д. Белова и ряда других специалистов, в V в. Херсонес лежал почти весь в руинах и находился в состоянии глубокого упадка: «В IV–V вв. Херсонес подвергся вражеским нападениям и был сильно разрушен. Особенно выразительны раскопки 1931–1940 гг.: многие, притом монументальные здания прекратили свое существование в конце IV или в V в. Когда началось восстановление города в конце V в., а особенно в широком масштабе в VI в., то остатки сооружений предыдущего периода могли быть использованы только в качестве фундаментов; многочисленные же рыбозасолочные цистерны были превращены в мусорные ямы. Сильному разрушению подверглись также и крепостные стены, о восстановлении которых гласит надпись Зенона и IOSPE. I [2]. 449–450» [1]. Действительно, относительный упадок Херсонес переживает с конца IV по конец V в. [2] Этому соответствует и значительное сокращение количества письменных источников. Однако сегодня эти представления в значительной степени пересмотрены.

Еще в 1961 г. Д.Л. Талис указывал, что рубеж античности и средневековья в истории Херсонеса, относимый к рубежу IV–V вв., ошибочен, так как опирается лишь на некоторые данные об изменениях частного характера и не принимает во внимание всей совокупности фактов [3]. На протяжении IV–VI вв. бытовала однородная материальная культура, керамический материал, расцветает монументальное строительство, сохраняется денежное обращение. Таким образом, история Херсона V – 1 пол. VI в. – неотъемлемая часть предшествующего этапа развития [4]. Лишь в сер. VI в. происходит резкий спад в экономическом развитии. В VII в., по мнению Д.Л. Талиса, город обезлюдел. Причины – сугубо внутренние. Значительная часть хоры превращается в пастбище. Идет натурализация. Все это маркирует наступление средневековья.

С.Б. Сорочан обоснованно утверждает, что в начале правления Юстиниана (527–565) Херсонес был все еще античный в своей основе город, в котором даже христианство еще не утвердилось как единственно возможная и неоспоримая религия [5]. Исследователь специально подчеркивает, что еще одной важной вехой истории города стало создание в 50–60-х гг. VI в. византийского дуката в Крыму.

Роль природных факторов и катаклизмов в смене эпох в Херсонесе отмечает О.В. Вус [6].

По мнению А.В. Сазанова, VII в. должен считаться водоразделом между двумя историческими эпохами на основании изменений в керамическом комплексе.

---

[1] *Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 133.

[2] Там же. С. 131.

[3] *Талис Д.Л.* Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. 18. 1961. С. 55.

[4] Там же. С. 61.

[5] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. С. 7–8.

[6] *Вус О.В.* О морских землетрясениях и тотальной перестройке византийского Херсона во второй половине VI века // Lavrea II. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора В.И. Кадеева, к 90-летию со дня рождения. Материалы. Харьков: ООО «НТМТ», 2017. С. 81–85.

К более поздней дате наступления византийско-христианской эпохи стала склоняться и А.И. Романчук (2-я пол. VI в.).

Одно из пониманий континуитета – сохранение города как центра развитого товарного производства, с сельской округой большого радиуса и широкими торговыми связями, т. е. города с сохранением всех основных функций в несколько сниженном объеме [1], в Херсонесе достаточно четко выражено на протяжении всего периода IV–VI вв.

Таким образом, поздняя античность в Херсонесе непосредственно охватывает период до начала VI в., однако и первое византийское столетие (VI в.) является прямым продолжением предыдущего этапа.

Истинный рубеж Средневековья – рубеж VI–VII вв. Следовательно, период интенсивного храмового строительства 2-й пол. – конца VI в. можно считать предпосылкой смены эпох, которое, изменив принципы топографии города, стало важной хронологической вехой. При этом очевидно, что само наличие споров о периодизации делает ее условной. Тем самым фактически имеет место континуитет материальной культуры, политических структур, культуры.

В первые века н. э. население Херсонеса по оценкам не превышало 20–25 тыс., но и не опустилось за отметку менее 10 тыс. [2] Протяжение сухопутных стен города – ок. 1 300 м. Площадь города – 29 га [3]. В III–V вв. границы города оставались неизменными. В конце V – начале VI вв. произошло небольшое расширение территории Херсонеса: линия оборонительных стен была перенесена к западу, и в состав города был включен участок в 0,5 га, где позднее возводится базилика [4]. У стены раскопан склеп сер. V в. [5] Участок был укреплен башней I[a] [6].

В ранней Византии постепенно сложилась новая система обороны. На смену сплошной стене вокруг всей городской территории приходит сравнительно небольшое укрепление – кастрон. Оно прикрывает наиболее важные районы города (общественные здания – церковь, тюрьма) и в случае приближения противника служит убежищем для местных жителей [7]. Кастроном мог

---

[1] *Сазанов А.В.* Хронология керамических комплексов Херсонеса конца VI–VII вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, 1994. С. 62–63.

[2] *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. Харьков, 1989. С. 11.

[3] *Марченко Л.В.* Топография и планировка Херсонесского городища // ХСб. 8. Севастополь, 1997. С. 62–67. Здесь дана цифра в 38 га с прилегающими территориями.

[4] *Романчук А.И.* Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // АДСВ. 17. Свердловск, 1980. С. 73.

[5] *Суров Е.Г.* Херсонес Таврический. Свердловск, 1961. С. 77–82.

[6] *Антонова И.А.* Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ. 25. Свердловск, 1990. С. 21.

[7] *Сюзюмов М.Я.* Византийский город (сер. VII – сер. IX вв.) // ВВ. 27. 1967. С. 43, 51; *Dunn A.* The transition from *polis* to *kastron* in the Balkans (III-VII cc.): general and regional perspectives // Byzantine and Modern Greek studies. Birmingham, 1994. V.18. P. 60–80; *Müller-Wiener W.* Von der Polis zum Kastron // Gimnasium. 1986. V. 93. S. 435–465; *Гоголев Д.А.* Города и крепости Византии в VII – 1 пол. IX вв.: эволюция и функции. Тюмень, 2002. С. 10–11; *его же:* Крепостное строительство в ранневизантийский период // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. Екатеринбург, 1995. С. 36–37.

называться и небольшой город-крепость [1]. Лишь крупнейшие города империи сохраняют свои стены. Сохранил их и Херсонес [2].

Никифор, Феофан и Константин Багрянородный именовали Херсон одновременно и полис, и кастрон, видя в нем город-крепость. Топографические ориентиры и доминанты восстанавливаются по Житиям св. епископов Херсонских. Восточный район – Феона; малая агора – близ Портового квартала I, напротив Южных ворот города, где у пересечения главных поперечной и продольной улиц города в окружении общественных построек издавна находилась рыночная площадь [3].

Мнения В.В. Латышева и А.Л. Якобсона, видимо, ошибочны, так как если упоминаемый в Житиях храм связать с Уваровской базиликой, то под Феоной надо понимать фактически лучшую часть города, размером с его половину. М.И. Ростовцев и В.М. Зубарь отождествили Феону с цитаделью, но ориентиры из текста явно указывают на весь район, примыкавший к Карантинной бухте. Мнение А.И. Романчук о том, что малая агора располагалась в III квадрате, близ Уваровской базилики, видимо, не подтверждается текстом, т. к. этот участок очень невелик.

Рассмотрим особенности фортификации города [4]. На юго-восточном участке оборонительных стен Херсонеса расположен ряд башен и куртин. Расширение территории цитадели было проведено в начале III в. Во время Зенона была построена стена против 19 и 20 куртин на протяжении от башни XV до новых выездных ворот К и далее до берега бухты [5]. Значительная часть укреплений по Карантинной бухте – времени Юстиниана. На территории всей цитадели есть лишь один строительный комплекс VI в. [6] Стену напротив 16, 17, 19 куртин можно датировать V–VI вв. [7] Концом IV–V вв. датируются: увеличение высоты 16 куртины, круглая башня XV, 3-я стена 12 куртины, первое утолщение башни XVI, поднятие высоты передовой стены, башня XVII, башня XII, кладка из кружальных плит на юго-восточном фланге 16 куртины. К VI в. относятся: перестройка куртины 26, куртина 17, повышение высоты 19 куртины, повышение передовой стены, 4-я стена 20 куртины, башня XVII’, второе кольцо башни XVII [8]. В IV–V вв. возводится круглая XIV башня [9]. Забота о внешнем виде кладки заметна лишь в тех рядах, что видны над землей; все, что лежит ниже дневной поверхности, не затрагивается перестройкой.

---

[1] Никифор, Феофан и Константин Багрянородный называют Херсон и полисом, и кастроном. См.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 59.

[2] *Даниленко В., Токарева Р.* Башня Зенона. Симферополь, 1974. С. 41.

[3] Жизнь и гибель Херсонеса. С. 676–677; *Сорочан С.Б.* Византия… С. 60.

[4] Одна из первых публикаций: *Гарабурда И.М.* Оборонительные стены Херсонеса // ИТУАК. 43. 1909. С. 88–98.

[5] *Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе // ИАК. 21. 1907. С. 158.

[6] *Антонова И.А.* Раскопки в цитадели Херсонеса // АИК. 1994. Симферополь, 1997. С. 23.

[7] *Антонова И.А.* Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. 7. Севастополь, 1996. С. 123.

[8] *Антонова И.А.* Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. С. 128.

[9] *Антонова И.А.* XIV оборонительная башня // Херсонес Таврический: ремесло и культура. К., 1974. С. 70.

Стены со стороны Карантинной бухты I строительного периода – не ранее III–IV вв. (около 26 куртины). II период (на стыке 25–26 куртин) – башня V–VII в. III период – VI–VII вв. Заново возводятся 25–26 куртины [1].

В районе цитадели стена напротив 16, 17, 19 куртин датируется V–VI вв. [2] В конце IV–V вв. увеличивается высота 16 куртины, строится круглая башня XV, 3-я стена 12 куртины, первое утолщение башни XVI, поднятие высоты передовой стены, башня XVII, башня XII, куртина 25, кладка из крупных плит на юго-восточном фланге 16 куртины. В VI в. строится куртина 17, повышается высота 19 куртины, передовая стена, 4-я стена 20-й куртины, башня XVII', второе кольцо башни XVII [3].

Высота стен по позднеантичным канонам должна была составлять 12 локтей (9,5 м). Кладка стен: opus quadratum (квадровая); наиболее распространенная – opus implectum. Лицевой панцирь – из тесаных блоков, тыльный из грубо отесанных ломаных кмней с обработанным фасадом. Бут заливался известковым раствором с различными примесями.

Кроме каменных кладок делалось чередование рядов камней с 4–5 рядами кирпича (opus mixtum). Это характерно для крупных городов. Использовался связующий раствор с примесями (песок и цемянка). Иногда каменные блоки связывали не раствором, а железными скобами (Мангуп). В раннем средневековье в крепости остаются одни ворота и калитки-потерны [4].

Топографический облик цитадели позднеантичного времени сформировался в конце III–IV вв. В это время бассейн, находившийся с юго-восточной стороны от бань II–III вв., был перестроен в небольшие самостоятельные термы. Подвергся реконструкции «дом командира». Часть казарменных построек в цитадели в IV в. оказалась занята обжигательными печами [5].

Военный лагерь в цитадели, просуществовавший до VI–VII вв., включал казармы, дома для административного состава, термы, лагерную площадь, жилые помещения командира, здание вексилляции (штаб), хозяйственные помещения у 20 куртины [6]. Континуитет топографии был столь прочным, что в 1-й пол. IX в. именно цитадель стала преторием – центром византийской администрации [7].

---

[1] *Антонова И.А.* Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. 7. Свердловск, 1971. С. 103–104.

[2] *Антонова И.А.* Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. 7. Севастополь, 1996. С. 123.

[3] Там же. С. 128; *Зубарь В.М.* Таврика и Римская империя. К., 2004. С. 204–205.

[4] *Манаев А.Ю.* Ранневизантийские оборонительные сооружения Юго-Западного Крыма и Болгарии: опыт сравнительного анализа // Историческое наследие Крыма. № 1. 2003. Симферополь: КО ИВ НАНУ, 2003. С. 16–21.

[5] *Зубарь В.М., Сарновский Т., Антонова И.А.* Новая латинская надпись из раскопок цитадели и некоторые вопросы позднеантичной истории Херсонеса // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. ХСб. XI. Севастополь, 2001. С. 111.

[6] *Антонова И.А.* Административные здания Херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989–1993 гг.) // ХСб. 8. Севастополь, 1997. С. 17.

[7] *Храпунов М.І.* Преторий у середньовічному Херсоні // Археологія. 2002. № 3. С. 101–107.

В цитадели 16–17 куртины имеют очень прочную штучную квадровую кладку из извести – IV–V вв. (также XIV–XV башни) [1]. То же – облицовка XXI башни у Карантинной бухты. Третий ярус 16–17 куртин с внутренней стороны – ранневизантийского времени. Здесь же была найдена надпись Фл. Вита. Крестообразная башня XX датируется VI веком.

Постройка башни Зенона – массивного сооружения, доминировавшего в системе обороны на юго-востоке – объяснялась необходимостью ремонта после землетрясения 480 г. и защитой от гуннов. Эти объяснения взаимодополняют друг друга. Второе кольцо башни Зенона относится к концу IV в. Всего колец три [2]. Признак позднеантичного времени – известковый раствор. Тип облицовки еще подражает античной квадровой кладке. Одновременно со вторым кольцом была построена внутренняя башенная клетка из остатков архитектурных обломков. На одной из плит кладки этого кольца есть современные ему примитивные изображения человеческих лиц. Они были сделаны на плите до установления в кладку. Подобные изображения найдены слева при входе в катакомбу № 1480, возле загородного крестообразного храма [3]. Третье кольцо – более мелкий бут, это утолщение второго, так как имеет только наружную облицовку, а бут непосредственно прилегает к облицовке второго кольца. Мощная основная стена снаружи покрыта облицовкой, сделанной простой квадровой кладкой из больших каменных кубов. Толщина всей стены с облицовкой – 3,3 м, толщина облицовки – 0,5 – 1,2 м [4]. Второе кольцо по форме – овал, третье кольцо – правильный круг. Башня всегда являлась важнейшим оборонительным пунктом, находящимся всегда под обстрелом со стороны господствующей высоты (Девичьей горы). III строительный период башни Зенона относится к V в. Керамика – V–VI вв. IV период – иная техника строительства и материал. Наружная облицовка – из известняка (VI в.). Вторая перестройка коснулась лишь башни, но не куртин. Надпись Зенона связана с третьей перестройкой. Очень важно, что при этом одновременно возобновляются соседние башни и 20 куртина. Четвертая перестройка происходит при Юстиниане [5]. Она в определенной степени придала завершенность оборонительному комплексу города.

Четвертая стена 20 куртины относится к эпохе Феодосия и Аркадия. Пятая стена 20 куртины – конец V в. 2-й ярус 19 куртины на наружной юго-западной стороне – конец IV в. Кладка Феодосиевой эпохи – кордонная. 3-й участок внутренней стороны 19 куртины – стена ранневизантийского времени с вылазной калиткой. К северу от 19 куртины – 3-й слой – римско-византийского времени. Толщина слоя – 0,75 м. 4-й строительный период относится к VI–VII вв. [6] В районе городских ворот и средневековой калитки

---

[1] *Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического // ХСб. 2. Севастополь, 1927. С. 14.

[2] Там же. С. 66–69.

[3] Там же. С. 68.

[4] Там же. С. 69.

[5] *Стржелецкий С.Ф.* XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. 4. Симферополь, 1969. С. 18–27.

[6] *Гриневич К.Э.* Отчет о Херсонесских раскопках 1926 года в связи с раскопками 1907–10 гг. // ХСб. 2. Севастополь, 1927. С. 264.

найдена надпись о построении стены при Феодосии и Аркадии (кон. IV в.) [1]. Надпись IV в. моряка Мёзийского Флавиева флота обнаружена в 1960 г. в забутовке 20 куртины [2]. Эскадра этого флота длительное время базировалась в Херсонесе, а сам город был местом резиденции его командования, руководившего гарнизонами и кораблями от Тиры до Боспора.

В IV–V вв. к башне XVI была сделана пристройка. Найдено большое количество посуды, в т. ч. краснолаковые со штампом Гелиос на колеснице [3]. На этом участке города в IV в. шло интенсивное строительство: неоднократные перестройки и ремонты здания, многочисленные ремонты мостовых на улицах. По раскопкам И.А. Антоновой, в конце IV–V вв. в юго-восточной части городища велись строительные работы на трех куртинах, передовой стене и четырех башнях.

В 1998 г. с внутренней стороны 21 куртины была открыта новая башня XLI прямоугольной формы с мощным фундаментом. Возвели ее после III в. для улучшения обороны на этом важном участке [4].

В IV–VII вв. в цитадели продолжали существовать многие прежние здания, однако часть казармы около 19-й куртины оказалась занята гончарными печами. Были перестроены также «дом командира» и термы рядом с ним [5].

На западном фланге обороны Херсонеса 1 куртина имеет длину 45 м. Датировка – V–VI вв. (А.Л. Якобсон), точнее – 2-я четв. – сер. VI в. (И.А. Антонова). Новая линия обороны, возведенная в 1-й пол. VI в., охватила к сер. VI в. 1–5 куртины. Керамика представлена краснолаковыми блюдами со штампами в виде креста и птиц. К стене примыкает хозяйственный комплекс сер. V в. [6] Кладка башни III и стены в западном районе Херсонеса – красивая штучная кладка ранневизантийского времени (конец IV – начало V в.) [7]. Башня на южном конце куртины 1 построена в IV в. (по монете в склепе № 1039). Стиль кладки: еще античные традиции, но уже используется известковый раствор, чего не знали римляне и греки.

В пределах нового западного участка, защищенного стенами, возникает храмово-монастырское хозяйство [8]. После работ И.А. Антоновой основной период строительства на западном участке определяется во 2-й четв. VI в. [9]

Таким образом, линия оборонительных стен византийского Херсона в основном повторяет античную, сформировавшуюся в III в. до н. э. [10] Наибольший размах строительства приходится на VI в. [1]

---

[1] *Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического // ХСб. 1. Севастополь, 1926. С. 65.

[2] *Писаревский Н.А.* Морской флот античного Херсонеса // Норция. 3. Воронеж, 1999. С. 187.

[3] *Борисова В.В.* Раскопки в цитадели в 1958–1959 гг. // СХМ. 3. Симферополь, 1963. С. 51.

[4] *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес – Херсон – Корсунь. К., 2003. С. 60.

[5] Там же. С. 71.

[6] *Антонова И.А.* Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. 3. Симферополь, 1963. С. 61.

[7] *Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического. III // ХСб. 5. Симферополь, 1959. С. 106.

[8] *Завадская И.А.* Раннесредневековые храмы западной части Херсонеса // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1998. С. 327–343.

[9] *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: УрГУ, 2000. С. 50–51.

[10] *Бертье-Делатард Ал.* О Херсонесе. С. 158–160; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. С. 40.

Точные датировки строительства всех башен и куртин сегодня невозможны, т. к. они в основном были открыты без учета массового датирующего материала [2]. В.В. Кучма отметил соответствие фортификации города требованиям военной теории [3]. Античный запрет на застройку участков с внутренней стороны оборонительных стен сохранялся до XI в. [4]

Крупное новое строительство стен в масштабах всего города имело место в конце IV в. при Зеноне (кон. V в.) и в VI в. при Юстиниане. Использование нуммулитового известняка, слабого и поддающегося выветриванию, для облицовки оборонительных стен в Херсонесе ограничено относительно коротким временем. Он появляется не ранее IV–V вв. и в скором времени уже используется только для кладок, скрытых землей. Кроме XIV башни нуммулитовый известняк встречен лишь в третьей стене 20 куртины (V в.), в кладке XVI башни и в утолщении 19 куртины, где он использован для фундамента.

В гражданском градостроительстве ранневизантийская техника кладки, применявшаяся в центральных областях Византии, как известно, античного происхождения, точнее, исходит из строительных традиций римского времени. Это главным образом техника монументального строительства (стены, дворцы, храмы), резко отличающаяся от техники массовых жилых построек. В последних как в античные времена, так и в средние века по преимуществу применялась бутовая кладка с различными вариантами: правильными рядами; иррегулярная; в елку; насухо, на глине или на извести; из разномерного камня, булыжника или из плитняка [5].

Монументальное строительство: монолитная кладка из больших блоков камня, тщательно пригнанных друг к другу, на растворе (римский период) и составляющих всю или почти всю толщу стены. Лишь узкое пространство между камнями внутри стены заполнял бут на извести. Вариант – «кордонная кладка» – ряд тонких плит на ребро. Все системы и типы кладок хорошо представлены в Херсонесе. Кордонная кладка (в упрощенном виде) относится к концу V в. – строительству времен Зенона. Позднее кордонная кладка встречается очень редко. Применение кордонной кладки может указывать на устойчивость местных ремесленных навыков каменщиков, на устойчивость строительной традиции. С VI в. кордонной кладки уже нет. Ее полностью вытесняет квадровая кладка [6]. Всего в Херсонесе на начало нового столетия было отмечено 16 случаев использования кладки opus mixtum [7]. Дальнейшая

---

[1] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 68; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. С. 40.

[2] *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. С. 43.

[3] *Кучма В.В.* Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва» // АДСВ. 3. 1965. С. 148–163.

[4] *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. С. 48.

[5] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 70.

[6] Там же. С. 71; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: УрГУ, 2000. С. 49.

[7] *Сорочан С.Б.* Бани византийского Херсонеса (VI–X вв.) // Древности. 2005. Харьков, 2005. С. 201.

разработка этой проблемы позволит уточнить топографию и хронологию общественного строительства.

В портовом районе (II портовый квартал) открыты остатки большого здания с пифосами и импортными амфорами, разрушенного в нач. VII в. Тогда же возводится стена, отделившая гавань от жилой застройки [1].

Херсонесское городище раскопано более чем на треть. Однако почти не сохранились дома, которые позволили бы судить об их планировке для позднеантичного времени в целом. Число археологических комплексов IV–VI вв. в Херсонесе невелико.

В VI квартале северо-восточного района в 1985 г. открыта цистерна, вырубленная в скале. Комплекс состоит из керамики и столовых изделий. Наиболее поздние фрагменты кувшинов из светло-коричневой глины с воронкообразным горлом, плавно переходящим в рифленое тулово. Стаканы – с каплями синего стекла и на кольцевой подставке оливкового стекла. Единовременная засыпь цистерны произошла, по мнению Л.В. Седиковой, не ранее начала V в. [2] Мы продлили бы эту дату до сер. V в.

На пересечении главной продольной и поперечной улиц раскопано три последовательно существовавших здания. Второе из них существовало со 2-й четв. III до V–VI вв. Это было военно-административное здание [3].

Под XI Поперечной улицей открыт слой IV в. с монетами римских императоров от Констанция до Аркадия, с керамикой позднеантичного времени (обломки амфор с желобчатыми ручками, краснолаковая посуда), с оконным стеклом [4]. Под помещением V открыты две ямы 3, 4 с материалами V–VI вв. Среди заполнения ям – амфора со сферическим горлом, желобчатым корпусом, обломок горла амфоры с гравированными изображениями животных, более 20 монет IV–VI вв. [5]

В конце V–VI вв. в Северном районе была произведена серьезная нивелировка кварталов, засыпка значительной части рыбозасолочных цистерн, которые начали использоваться в качестве подвалов, кладовых новых домов. В V в. были ликвидированы и винодельни. В нач. V в. была построена цистерна № 33 (раскопки УрГУ). Цистерна № 92 была засыпана не ранее конца VI в., ряд других существовал еще несколько столетий [6]. В северных кварталах мы видим определенный перерыв в строительстве, а вследствие этого – нарушение строительной преемственности. Хронологически материал жилых кварталов почти не расчленен [7].

---

[1] *Романчук А.И.* Раскопки второго портового квартала // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 207–208.

[2] *Седикова Л.В.* Комплекс находок позднеантичного времени из цистерны в VI квартале Херсонеса // ХСб. 7. Севастополь, 1996. С. 175–181.

[3] *Антонова И.А.* Административные здания Херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989–1993 гг.) // ХСб. 8. Севастополь, 1997. С. 12–14.

[4] *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // ХСб. 5. Симферополь, 1959. С. 20–22.

[5] Там же. С. 23–24.

[6] *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: УрГУ, 2000. С. 91–92.

[7] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 282–283.

Старая планировка в принципе сохраняется. Сами кварталы, правда, не остались неизменными. Они расширялись путем объединения нескольких смежных, а в строительстве жилых усадеб, наоборот, ясно сказывалась тенденция к мельчанию [1]. Слияние кварталов отмечено в северном районе. Увеличение плотности застройки объяснялось увеличением заселенности. В VI в. город был застроен теснее и, следовательно, был в некоторой степени населеннее, чем в предшествующий период [2].

Постепенная потеря ясного и четкого размещения кварталов, переход к неправильной городской застройке имел место в Византии в целом несколько позднее [3], в VII–VIII вв., когда основополагающим принципом планировки застройки становится стихийность.

Строители VI в. обычно использовали камень из разобранных ранних домов [4]. Открыты ямы № 3 и № 4, обложенные внутри камнями, для раствора извести при постройке базилик 1935 и 1932 гг. Стены из крупных камней имеют монументальный характер. Яма № 4 была засыпана в 3-й четв. VI в. [5]

В начале V в. перестраиваются кварталы в северо-восточной части Херсонеса [6]. Здесь в 1989–1990 гг. был исследован жилой квартал. Засыпь в помещении 3 была насыщена керамическим материалом IV–VII вв. (ARS 62B, LRD 2, LRS 1-3). Наиболее мощным был слой сер. VI – нач. VII вв. Он прослеживается по всей площади северо-восточного района. Это искусственно созданная нивелировочная засыпь, предшествовавшая широким строительным работам, охватившим весь город [7].

Слой сер. VI – нач. VII вв. прослежен на всей территории северо-восточного района Херсонеса. Он создан искусственно перед предшествующими широкомасштабными работами. Обычно считается, что строились в основном в это время базилики, а не частные дома. Экономического потенциала города хватило лишь на базилики. В квартале IX значительная строительная деятельность велась в первой четверти IV в. [8] По наблюдениям А.И. Романчук, не во всех случаях именно строительство культовых сооружений вело к образованию искусственной нивелировочной засыпи [9]. Обилие импортной посуды позволяет усомниться в том, что экономика города сконцентрировалась на постройке базилик. Вряд ли горожане в это время не строили для себя обычных жилых домов.

---

[1] *Сорочан С.Б.* К вопросу о планировке и функциях улиц раннесредневековых византийских городов // ПИАУ. Харьков, 1997. С. 65.

[2] Там же. С. 284–285.

[3] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 191; *Dagron G.* Le christianisme dans la ville byzantine // DOP. 1977. 31. P. 6.

[4] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 130.

[5] *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // ХСб. 5. Симферополь, 1959. С. 23.

[6] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 54.

[7] *Золотарев М.И., Ушаков С.В.* Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // ХСб. 8. Севастополь, 1997. С. 33–36.

[8] *Рыжов С.Г.* Раскопки девятого квартала Херсонеса // АО. 1983. М., 1985. С. 350.

[9] *Романчук А.И.* К истории Херсона VII в. // АДСВ. 31. Екатеринбург, 2000. С. 95.

Раскопки 2003 г. в квартале XCVII, помещение № 10 (северо-восточный район) в нижнем наскальном слое толщиной в 0,3 м дали материалы позднеантичного и ранневизантийского времени. Среди материала – фрагменты сосудов понтийской позднеримской группы, «фокейской сигиллаты». Засыпь цистерны дала около 10 типов посуды 2-й пол. IV–VI вв. В основном время бытования сосудов – 1-я пол. – сер. V в. [1]

Материал из засыпи «круглой ямы» помещения В, которая была открыта в 1911 г. в северо-восточном районе Херсонеса Р.Х. Лепером, датируется второй-третьей четвертью VI в. [2]

Уникальным элементом топографии городища является стена, которая отделяла гавань от жилой застройки (юго-восточный район). В 1989 г. она была открыта экспедицией УрГУ. Под нижним рядом кладки были обнаружены фрагменты амфор кон. VI – нач. VII вв., что определяет нижнюю грань сооружения стены [3].

Жития епископов Херсонских среди некоторых топографических ориентиров города указывают место в его восточной части, носившее с IV–V вв. название Феона. Оно простиралось от «малой агоры» до бывшего Парфенона, где стоял храм ап. Петра (Восточная базилика № 36) [4]. Название Парфенон указывает на то, что здесь ранее находился теменос Храма Девы, т. е. налицо континуитет сакральной топографии.

В 3-й четверти VI–VII вв. масштабное строительство идет в портовом районе; засыпаются цистерны № 9 и 92. Те же процессы шли и в небольшом портовом квартале 2, где после нивелировки возникло крупное здание с послойной пятирядовой кладкой opus mixtum (использовалась только в общественных зданиях). Может быть, это была государственная апофика – склад [5]. В цитадели вдоль 19 куртины было построено крупное здание (монастырь?). В VI–VII вв. был восстановлен «дом командира», крупный водосток с каменными стенами и перекрытием, пересекавший Южную площадь цитадели [6].

Нивелировка прослеживается на месте античного театра. До строительства храма с ковчегом на его месте стояли ранневизантийские постройки. Материалы V–VII вв. дают здесь 4 слоя [7].

В восточном районе, квартал I, найдены остатки вымостки двора дома рыбопромышленника. На главную продольную улицу в кв. IV выходил рыбный эргастирий. В IX квартале Северного района велось строительство Се-

---

[1] *Ушаков С.В.* Три группы краснолаковой керамики из Херсонеса // АДСВ. 36. 2005. С. 26–27.

[2] *Голофаст Л.А.* Комплекс VI в. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. IV. 1995. С. 215–224.

[3] *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: УрГУ, 2000. С. 46.

[4] *Латышев В.В.* Жития епископов Херсонских // Зап. АН. Серия VIII по ист.-филол. Т. 8. № 3. СПб., 1906. С. 16, 51–57, 62.

[5] *Сорочан С.Б.* Об источниках финансирования и причинах «архитектурного бума» в византийском Херсоне кон. VI – нач. VII вв. // Юг России в прошлом и настоящем. Белгород, 2004. С. 266–267.

[6] Там же. С. 267.

[7] Там же. С. 268.

верной базилики и общественной бани. Прибрежные районы подвергались наибольшей перепланировке из-за эрозии берега. В кв. VIII, IX, X велось обширное строительство на месте позднеантичных зданий. На месте кв. XIX и XXV были возведены базилики 1932 и 1935 г. [1]

В кв. XVIII и XXVIII (Северный берег) – наиболее ясно выраженный раннесредневековый слой. Обширная застройка, не приведшая к изменению общего каркаса застройки и правильной сетки улиц, охватила самые разные районы города.

А.В. Сазанов выделяет 16 археологических комплексов кон. VI – нач. VII вв. К VI в. относится большинство привозных церковных художественных изделий. Пример такого же строительства дает Равенна [2]. Завершился процесс христианизации. Литургический образ стал «нормативным». Инициатива строительства храма шла из епископии. Средств было достаточно: колонны храмов были только мраморные [3].

Литургия в то время была еще процессионной, поэтому тип базилики был оптимальным для храмов. Артели строителей были местные. Косвенное указание на датировку строительства – отсутствие упоминаний о нем в трактате De aedif., написанном в 560 г. Одной из причин строительства, возможно, стала необходимость ликвидировать последствия землетрясений сер. VI в. [4]

В 1990–1992 гг. велись раскопки XIV Продольной улицы, которая ведет на север – северо-восток от XVI куртины. В IV–V вв. здесь произошла кардинальная перестройка всего участка. Длина улицы сократилась за счет того, что одна из усадеб разместилась непосредственно у XVI куртины. Улица была сдвинута на 1 м к северо-западу и покрыта ракушечно-черепяной вымосткой. Ямы – свидетельство активной жизнедеятельности. Особенности устройства водосточного канала позволяют предположить, что владельцы усадеб ранневизантийского времени самостоятельно решали вопрос отвода сточных вод в городскую канализацию [5]. Винодельня в квартале XVIII существовала до сер. VI в., как и дом винодела здесь же [6]. Дом имел двухэтажное здание в античных традициях, значительный двор с хорошей вымосткой, глубоким колодцем и цистерной для хранения воды. Верхний этаж дома был жилым, нижний – производственный [7]. Хозяйственное помещение с подвалом имело вход со двора, как это было принято в античности.

В 1997–1998 гг. были проведены раскопки в квартале Хб Северного района Херсонеса. Перестройка жилых кварталов происходила в VI–VII вв. Л.А. Голофаст описывает материал из трех близкорасположенных комплек-

---

[1] Там же.

[2] Там же. С. 269.

[3] Там же. С. 270.

[4] Там же. С. 271–272.

[5] *Дьячков С.В.* Раскопки XIV Продольной улицы Херсонеса Таврического // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, 1994. С. 18.

[6] *Стржелецкий С.Ф.* Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // ХСб. 5. Симферополь, 1959. С. 152–154.

[7] *Стржелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического // ХСб. 6. Симферополь, 1961. С. 138–141.

сов. Это краснолаковая керамика, монеты, стекло, амфоры. Нижняя граница образования их слоя – конец VI в. На данном участке была засыпана рыбозасолочная цистерна, сооружены новые (№ 5 и 3) – самые поздние), выравнивается поверхность перед новым строительством. Аналогичная ситуация отмечается и на других участках города [1]. До начала VI в. в квартале XIV работала стеклоделательная мастерская, а в 1-й пол. VI в. в квартале XVIII действовали винодельческие комплексы [2].

Во 2-й пол. VI в. жилое строительство активно ведется в кварталах XV–XVII и XXV на Северном берегу [3], а в конце VI в. – в квартале XXII [4]. В 1961 г. в XXII квартале (северный район) было открыто большое здание с цистерной, кладовой с 19 пифосами для хранения соленой рыбы, двор и колодец. Монеты и посуда дают IV в., керамика – III–VI вв. Цистерна засыпана в конце VI в. [5] Здесь сооружаются базилики 1932 и 1935 гг. В центре городища, севернее Владимирского собора, у монастырской стены в 2002 г. была открыта большая крытая водосборная цистерна ранневизантийского времени [6].

В кварталах XXV и XXVII существовал целый район с эргастириями стекольщиков, снесенный к концу VI в. развернувшимся здесь, на Северном берегу, строительством христианских храмов и новых жилых усадеб [7].

Позднеантичный период в западной части городища представлен весьма толстым и насыщенным кухонными отбросами и обломками керамики культурным слоем [8]. С 1958 г. ведутся комплексные работы на северо-западном участке городища. За первые 10 лет было открыто 9 склепов IV в. С возведением новой западной стены захоронения на участке, оказавшемся между стен, больше не проводились. Наиболее поздняя монета – Гонория. Таким образом, район между стенами возник в середине или 2-й пол. V в. Площадь – 16,1 кв. м [9].

В целом, насколько можно судить, в городе IV–VI вв. в жилой застройке доминирует тип обычной усадьбы с жилыми и хозяйственными постройками, располагающимися по периметру вокруг двора. Большинство усадьб было связано с рыночной торговлей [10].

---

[1] *Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.* Комплексы ранневизантийского времени из раскопок квартала Хб в Северном районе Херсонеса // VI Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. М., 1999. С. 42–43.

[2] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 90.

[3] Там же. С. 129.

[4] Там же. С. 132.

[5] *Белов Г.Д.* Раскопки Херсонеса в 1961 г. // СХМ. 3. Симферополь, 1963. С. 57–59.

[6] *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес – Херсон – Корсунь. К., 2003. С. 100.

[7] *Сорочан С.Б.* Византия… Харьков, 2001. С. 110; *Голофаст Л.А.* К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсоне // МАИЭТ. 6. 1998. С. 323–324.

[8] *Белов Г.Д.* Раскопки в Херсонесе в 1930 году // ХСб. 4. Симферополь, 1948. С. 17.

[9] *Суров Е.Г.* К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. 3. Свердловск, 1965. С. 127–128.

[10] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 148–149.

Античный театр в Херсонесе существовал до IV в. Античный слой здесь прослеживается до сер. IV в. [1] В слое IV в. найден опрокинутый вниз каменный жертвенник, на котором совершали жертвоприношения, с надписью с именем Тита Флавия Цельсина, бенефециария IX легиона. Театр был провинциальным сооружением из простого бутового камня на глине, с диспропорцией архитектурных частей. Театрон пострадал сильнее прочих частей и не подвергся переделкам, как пароды, проскений и скене, руины которых в V–VI вв. приспосабливались для жилья [2]. На развалинах театра в V–VI вв. появились убогие жилища, строители которых использовали руины театра. Наиболее ранняя из построек – каменная хижина V–VI вв. с земляным полом и очагом. Кладки позднеантичных сооружений были как бы вмонтированы в раннесредневековую постройку [3].

Храм с ковчегом относится, по мнению О.И. Домбровского, к поздним храмам города [4], что противоречит представлениям других специалистов, относящих его к VI в. [5]. Факт возведения храма в VI в. указывает на стремление поднять значение этого участка, а кроме того – на желание окончательно нейтрализовать языческое сакральное или, по крайней мере, общественное место, сделав его христианским сакральным.

«Убогость» жилищ, по мнению С.Б. Сорочана, была сильно преувеличена. Строения кон. VI – нач. VII вв., одновременные храму с ковчегом, вполне обычны.

В V в. здесь появились кое-какие строения, совершены погребения. Первым появился малый однонефный храм типа сирийского мартирия VI в. на месте развалившейся скене и ее подвалов. Вскоре на снивелированной территории орхестры появились фундаменты большого и высокого храма в виде свободного креста с оградой. К сер. VII в. здесь сформировалась южная культовая доминанта города. Западнее их распологались «Мертвые ворота».

«Термы» в Херсонесе у южной границы города западнее театра были заброшены в сер. III в., во 2-й пол. IV в. они были снивелированы засыпкой грунтом из культурных отложений IV в. (слои 7–10) [6]. Прилегающие к водохранилищу с юга постройки относятся по времени не ранее IV–V вв., т. е. ранее они находились за стеной города [7].

---

[1] *Домбровский О.И.* Античный театр в Херсонесе (раскопки 1954–1958 гг.) // СХМ. 1. Симферополь, 1960. С. 29–30.

[2] Там же. С. 36.

[3] *Домбровский О.И., Паршина Е.А.* О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. 1. Симферополь, 1960. С. 37.

[4] *Домбровский О.И., Паршина Е.А.* О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. 1. Симферополь, 1960. С. 36–42; ср.: *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 228–229; *Сорочан С.Б.* О датировке и интерпретации храмового архитектурного комплекса на месте античного театра Херсонеса // Вісник ХНУ. Історія. Вип. 35. Харків, 2003. С. 65–66.

[5] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес: очерки истории материальной культуры // МИА. 63. М., 1959. С. 79–112.

[6] *Кутайсов В.А., Юрочкин В.Ю.* Бассейн римского времени в юго-западном районе Херсонеса // Международная конференция «Византия и Крым». Симферополь, 1997. С. 53–55.

[7] *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес – Херсон – Корсунь. К., 2003. С. 209–210.

Как показали многолетние раскопки Херсонеса, в ранневизантийское время в городе была проведена генеральная перестройка жилых кварталов, которая, однако, не нарушила принципиальной планировки города. В результате нивелировки площади были засыпаны многочисленные рыбозасолочные цистерны. После передатировки отдельных групп материала уточнить дату цистерн очень трудно. В 1997 г. была открыта новая цистерна в квартале Хб Северного района. В заполнении содержится богатый амфорный материал, но почти нет лепной посуды; хорошо представлено стекло, включая лампады. Много монет Юстиниана I. Суммарный анализ материала дает дату засыпи цистерны – последние десятилетия VI в. [1] Ряд рыбозасолочных цистерн на северо-западе Херсонеса был сооружен в V в. [2]

До конца VI в. функционировали рыбозасолочные цистерны № 30–32, 52, 55, 56, 68, 69, 92, на северном берегу – № 70, 79, 89, 90, 94, 95 [3]. Выделены три типа цистерн: 1) дно выложено плинфой и обмазано цемянкой; 2) дно вымощено кубиками из черепицы и залито раствором цемянки; 3) на скалу уложены плитки известняка, залиты цемянкой. Профиль цистерн тесно связан с геологическим разрезом.

В части цистерн вымостка дна была выполнена из плинфы с индиктными клеймами (№ 60, 83, 84, 86), которые датируются V–VI и VII вв. Цистерна № 10 имеет 10 вариантов меток.

Единственный пример использования плинфы в жилом строительстве – здание в Портовом квартале 2: часть стен сложена в технике opus mixtum (не ранее нач. VII в.). В склепе в северо-западном районе была ниша, заложенная плинфой (8 вариантов).

С V–VII вв. начинается производство черепицы с гладким полем или с продольными полосами. Ее размеры и форма близки к римским изделиям. Рельефные знаки на черепице появляются в VI–VII вв. [4]

Не ранее V в. были построены цистерны № 60–62 в северо-восточной части города. До VI в. использовались цистерны № 70, 79, 86, 89, 90, 94, 95. До рубежа VI–VII вв. – № 30–33, 52, 56, 68, 69, 72, 73, 76, 92, 97, 90–101. В V–VI вв. были построены цистерны № 33, 34–41, 60–62, 83, 84, 86. До сер. VII в. использовались цистерны № 74–75 [5].

Херсонес располагал по меньшей мере двумя торгами. В IV–V вв. они назывались «пратирион». В житиях и исторических сочинениях позднеантичного времени слово «торжище» (агора) и «площадь» понимались как синонимы [6]. «Большая агора» находилась близ центральной улицы, в районе

---

[1] *Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.* Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала Хб в Северном районе Херсонеса // ПИФК. 9. 2000. С. 78–117.

[2] *Романчук А.И.* Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных ванн в Херсонесе // АДСВ. 9. Свердловск, 1973. С. 49.

[3] *Романчук А.И.* План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. 14. Свердловск, 1977. С. 19.

[4] *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: УрГУ, 2000. С. 115 (о плинфе – с. 117–118).

[5] Там же. С. 93–94.

[6] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 10.

современного Владимирского собора. Имелась в городе и «малая агора» – где-то рядом с портовым кварталом 1, может быть, напротив Южных ворот города, на месте старой рыночной площади [1].

Рыбный рынок (опсополион) находился на площади в районе «базилики 1935 г.» [2] Он существовал здесь еще в римское время и продолжал функционировать в позднеантичное.

В начале IV в. Херсонес получил от императора Константина грамоту о податных льготах для купцов и их судов. В конце IV – начале V в. городу было предоставлено право торговли с восточными областями империи. Письменные источники (Soz. V.2 и Const. Porth. 53) сообщают о даровании Константином I херсонесским купцам и судовладельцам привилегии на уплату пошлин. Известно, что проникновение херсонесских товаров на Южный берег Крыма, особенно в IV в., было значительно слабее, чем в Юго-Западный Крым [3], где на самой границе хоры в низовьях Черной речки в V в. возникает крупное аграрно-торговое поселение аланов и готов на Загайтанской скале [4].

В IV в. Херсонес вывозил свою продукцию прежде всего в центры Западного и Южного Понта и оттуда же ввозил значительное количество разнообразных товаров [5]. С Южного Понта поступали вино и масло в светлоглиняных амфорах, черепица. Из Пергама поступали чашки из светлой глины с характерным лаком, миски на низком поддоне. С Проконнеса продолжали привозить мрамор и архитектурные детали. Увеличился самосский импорт, товары из Балканской Греции (аттические светильники и пр.). Новый подъем переживала сирийская торговля. С 1-й пол. IV в. разворачивается североафриканский импорт (краснолаковая керамика). Более редкими были торговые связи с Галлией и Германией, откуда поступали стеклянные изделия.

События конца IV в. почти не повлияли на характер херсонесской торговли. Сохранились интенсивные связи с Константинополем и Малой Азией. Поступала сирийско-палестинская стеклянная посуда, керамика, североафриканская краснолаковая посуда со штампами. С.Б. Сорочан считает, что они появляются в Херсонесе на рубеже IV–V вв. [6] В целом это несколько более ранние датировки, чем принято в современной литературе. Штампованная керамика встречается в Херсонесе до 2-й пол. VII в. включительно.

В V в. торговля Херсонеса с Малой Азией была достаточно строго регламентирована. Связи с Грецией практически прекращаются, а торговля с Северной Африкой достигает максимума в начале V в. Североафриканские

---

[1] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. 2-е изд., доп. Харьков, 2001. С. 60.

[2] *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.А.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 620–621.

[3] *Сорокина Н.П.* Стеклянные сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 188.

[4] *Савеля О.Я.* Средневековое Загайтанское поселение в нижнем течении р. Черная в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее Средневековье. Симферополь, 1994. С. 58–59.

[5] *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. Харьков, 1989. С. 61.

[6] Там же. С. 72–73.

товары поступали в Херсонес через Константинополь. Небольшой, но устойчивый объем торговли существовал с Подунавьем. Развитие торговли происходило в условиях экономического подъема города. Скорость движения морских судов того времени обычно составляла 2–4 узла, так что кратчайшие расстояния от устья Дуная или от мыса Карамбис можно было преодолеть за три дня, а при благоприятных условиях – за сутки. Херсонес располагал своими кораблями и в V–VI вв. Вход в Карантинную бухту становился опасным, когда дули ветры северного направления, но они преобладали зимой. Итак, экономика Херсонеса в позднеантичное время в немалой степени зависела от состояния внешней торговли.

Таким образом, в течение IV–V вв. не наблюдалось каких-либо существенных качественных изменений, связанных с упадком торговли и натурализацией хозяйства [1]. Период натурального обмена между Херсоном и его сельской периферией наступил только в VIII в. [2]

В 1961 г. около 60 надписей краской и граффити на керамике было обнаружено в Херсонесе. Большая часть надписей – из цистерны Л и колодца М, принадлежавших обширному дому IV–VI вв. Все слова и буквы – греческого алфавита [3]. Надписи на амфорах пришли на смену клеймам. Делались черной или красной краской, после обжига. Эти надписи богаче и разнообразнее клейм [4]. Надпись IV.3 содержит тройное (римское) имя Квинт Лукий Нидит в родительном падеже. Перед именем стоит крест. IV–V вв. На нескольких амфорах надписаны названия рыб, на ряде амфор – меры объема.

Производственные мастерские и комплексы, выходившие за рамки частного домашнего промысла, в античные времена выносили за территорию города. А.И. Романчук последовательно утверждает эту идею и в отношении ранне- и средневизантийского периода, полагая, что власти города соблюдали в этом античные традиции жилой застройки [5]. Однако материал частично противоречит этому выводу. Кроме того, в 1957 г. И.А. Антоновой у 4-й куртины (западная часть городища) открыта ранневизантийская гончарная мастерская, выпускавшая амфоры [6]. В XXV кв. обнаружены 3 стекловаренных комплекса кон. IV – 1-й пол. V вв.; в XVIII кв. – кон. VI в. Более того, частично эти нарушения античных принципов градостроительства наблюдались и в эллинистическое, и в римское время. Крупная обжигательная печь была открыта под четырехапсидным храмом. То же наблюдалось в Ольвии вплоть до IV в., пока не погиб город. Гончарные мастерские в центре города – топографическая деталь и других византийских провинций [7]. Два Кера-

---

[1] Там же. С. 100.

[2] *Романчук А.И.* Раннесредневековые комплексы Херсонеса // From Late Antiquity to Early Byzantium. Praha, 1985. С. 133.

[3] *Беляев С.А.* Позднеантичные надписи на амфорах из раскопок Херсонеса 1961 г. // НиЭ. VII. 1968. С. 127–128.

[4] Там же. С. 139.

[5] Напр.: *Романчук А.И., Белова О.Р.* К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ. 1987. С. 52–68 и др.

[6] *Сорочан С.Б.* Византия IV-IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 130–131.

[7] Там же. С. 133.

мика Херсонеса располагались у Песочной бухты и у цитадели, у Карантинной бухты [1]. Рыбозасолочные цистерны продолжали традицию первых веков н. э. и размещались в жилых кварталах [2].

В дополнение отметим, что античные традиции вынесения за город ремесленного (керамического) производства сохранялись в Херсонесе и в раннее средневековье [3].

Наиболее яркими памятниками материальной культуры города ранневизантийского времени являются христианские храмы. В силу плохого уровня раскопок, 26 базилик и купольных храмов Херсонеса, а также 38 небольших часовен, открытых в дореволюционный период, были почти отрезаны от археологического контекста [4]. Однако их исследования ведутся весьма интенсивно. С конца VI в. возводится целый ряд храмов, меняющих топографическую доминанту города, что кладет предел преобладанию античных традиций в топографии города.

О христианских храмах в контексте культурного континуитета будет сказано ниже.

Приют св. Фоки [5] располагался, быть может, в I или II портовом квартале, где было бы уместным расположение храма св. Фоки и где были сделаны обе находки штампов с изображением святого. Здесь же было найдено навершие епископского посоха. С.Б. Сорочан связывает эту находку с прибытием отряда Феоны и деятельностью первых епископов города. Они были расселены в восточной части города. Епископ мог быть куратором херсонесского приюта [6]. В целом в христианской топографии Херсонеса особую роль играли юго-восток (портовый район) как место сосредоточения заведений призрения и благотворительности [7], и северный берег, вдоль которого было вытянуто много храмов, формировавших панораму города для прибывавших к нему со стороны моря. В ряде случаев имел место континуитет сакральной топографии (Восточная базилика на старом теменосе Парфенон) [8].

У Южных ворот, у 13 куртины, видимо, располагалась больница Херсонеса. Здание примыкало к водохранилищу с запада. Это – ксенодохион, приют и больница. В VI–VIII вв. это было активно действующее сооружение [9].

---

[1] Там же. С. 136.

[2] Там же. С. 142.

[3] *Золотарев М.И.* Херсонесский гончарный комплекс VIII–IX вв. // Византия и ее провинции (АДСВ). Свердловск, 1982. С. 145–148; *Рыжова Л.А.* Гончарная печь VIII–IX вв. вблизи Херсона (в районе Радиогорки) // Византия и ее провинции (АДСВ). Свердловск, 1982. С. 149–156.

[4] *Беляев Л.А.* Христианские древности. М., 1998. С. 218.

[5] Впервые о нем: *Иванов Е.Э.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. 46. Симферополь, 1912. С. 72–73; см. также: *Храпунов Н.И.* Администрация ευαγεις οικοι в Херсоне // МАИЭТ. VII. Симферополь, 2000. С. 359–360.

[6] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 245.

[7] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 271–272.

[8] Там же. С. 60.

[9] *Сорочан С.Б.* Больница в ранневизантийском Херсоне // Древности. 2004. Харьков, 2004. С. 59–65.

В последние годы С.Б. Сорочаном введен в оборот огромный материал о повседневной бытовой стороне жизни Херсонеса IV–VI вв.

В центре цитадели была открыта баня, возобновленная при кардинальной переделке VI в. (баня на «южной площади» цитадели) [1]. Одновременно баней могли пользоваться 10–15 человек.

С VII в. существовала еще одна баня – в кв. IX, к югу от Северной базилики. Эта баня была чуть меньше цитадельной. Она имела префурний – кочегарку, ванны с сидениями, залы-купальни.

Третья баня – кв. III, рядом с главной продольной улицей.

В более поздних банях нет тепидария и фригидария. Видимо, это более поздние черты: баня – утилитарное сооружение [2].

Сооружения с кладкой opus mixtum [3]:

1) 13 куртина V–VI вв.
2) Общ. здание около 13 куртины V–VI вв.
3) Здание гос. апофики в портовом квартале № 2. Нач. VII в.
4) Птохион св. Фоки IV–VI вв.
5) Здание «Г» (дворец) около пересечения главной продольной и главной поперечной улиц. IV–VI вв.
6) Базилика № 28 на агоре. Вт. пол. VI – нач. VII вв.

Далее перечисляется еще 10 случаев (всего 16). Этот прием был распространен в IV–V вв., а в Херсонесе – во 2-й пол. VI – нач. VII в. Число рядов – 4–6 – характерно для кон. VI – нач. VII вв. Толщина слоя в V в. равна толщине кирпича; в IV в. – в 1,5–2 раза толще плинфы.

А.И. Романчук дала сводку материала о строительных остатках VI в. в жилых кварталах.

Разрозненные свидетельства построек VI в. имеются в ряде кварталов Северного района. В Северном районе повсеместно фиксируется строительство сер. VI или кон. VI – нач. VII вв.

В кв. XIII до сер. VI в. располагался комплекс с большим количеством пифосов. Вторая половина VI – начало VII вв. – перепланировка.

Кв. XV–XVI – ряд домов.

Кв. XVII (северо-запад) – немногочисленные остатки.

Кв. XXV – ряд помещений (9а, 12а, 21а)

Кв. XXVIII – развалы, монеты.

Кв. XXIX – ряд кладок.

Кв. I – колодец кон. VI – нач. VII вв.; дом V–VI вв., погибший в пожаре VII в. (комплекс 1Б) [4].

---

[1] *Сорочан С.Б.* Бани византийского Херсонеса (VI–X вв.) // Древности. 2005. Харьков, 2005. С. 197–198, рис. 1.

[2] *Сорочан С.Б.* Бани византийского Херсонеса (VI–X вв.) // Древности. 2005. Харьков, 2005. С. 209; см. также: *Foss C.* Life and Country // OHB. Oxf., 2002.

[3] Там же. С. 201.

[4] *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: УрГУ, 2000. С. 131–132.

Итак, значительный археологический материал позднеантичного (ранневизантийского) времени в Херсонесе дает нам яркую и полнокровную картину жизни этого локального центра цивилизации и демонстрирует континуитет его материальной культуры во всех проявлениях [1]. Идея о гуннских разрушениях в Херсонесе ныне решительно отвергнута [2]. Город стабильно существовал и в III–VI вв., и далее.

Херсонес на протяжении IV–VI вв. оставался типичным позднеантичным городом, всецело находившимся в сфере распространения античной материальной культуры. В области топографии [3], планировки сохраняются основы прежней гипподамовой системы, направления улиц и переулков в жилых кварталах. Плохая сохранность слоя пока не позволяет нарисовать более обширную картину. Вся территория прежнего античного городища была обитаема в позднеантичный период. Население даже несколько увеличилось, как и городская территория, обнесенная стеной. Условное деление на районы и реальное деление на кварталы полностью сохранилось. Юстинианов город отличался лишь более плотной застройкой. С конца VI в. в топографии города начинают доминировать базилики.

Одна из главных черт планировки Херсонеса – сохранение регулярной системы уличных магистралей.

Часть перепланировок на Северном берегу, видимо, была вызвана из-за изменения линии берега [4].

Культовое строительство ранневизантийского времени привело к укрупнению ряда кварталов. Так, возведение Уваровской базилики привело к слиянию двух ранних кварталов. Возник и более крупный квартал III. Изменения носили локальный характер и принципиально не нарушали регулярной сетки улиц и прямоугольных очертаний кварталов [5].

В фортификации, в отличие от основных провинций империи, дольше сохраняется старая городская стена вокруг всего городища. Более того, в конце V в. она даже расширяется в западной части. Как видим, кастрон здесь не появляется, в отличие от многих византийских городов, начиная с VII в. Это можно рассматривать как яркое проявление континуитета и большей прочности старых традиций на такой периферии античного мира, как Северное Причерноморье.

Строительные приемы в фортификации в основном остаются традиционными как для башен, так и для куртин. Сохраняется штучная квадровая кладка и облицовка (до конца VI в.). Облицовка – специфически позднеантичное явле-

---

[1] *Белова О.Р.* Проблемы континуитета в работах М.Я. Сюзюмова и материалы раскопок Херсонеса // История Византии и византийская археология. Екатеринбург, 1998. С. 76–79.

[2] *Зубар В.М.* Про заключний етап епохи в історії Херсонеса Таврійського // Старожитності Русі-України. К., 1994. С. 28–30. Рубеж начала византийской эпохи исследователь устанавливает со времени Юстиниана.

[3] *Jasrzebowska E.* Ephesos und Chersonesos in spätantike und frühbyzabtinische Zeit: Eine vergleichende topographische Studie // Rivista di Archeologia Cristiana. LXXV, 1–2. 1999. S. 475–520.

[4] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 197.

[5] *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: УрГУ, 2000. С. 131–132.

ние, использовавшееся на протяжении только этого периода. Башни и куртины неоднократно перестраивались и укреплялись. К элементам нового в строительной технике следует отнести появление известкового раствора, но это не византийский феномен, а позднеантичный, т. к. он появляется в IV в.

«Гражданское» (т. е. не военного характера) строительство этого времени делится, как и ранее, на монументальное и массовое жилищное. До конца V в. в монументальном строительстве используется традиционная кордонная кладка, затем доминирует квадровая, что можно по крайней мере хронологически связать с усилением византийского влияния. В рядовых домах длительное время использовались все виды античных кладок. Характерная смешанная кладка в данное время приобретает специфические черты: ряды кирпича увеличиваются с 2–3-х до 5–6-ти. Растет толщина раствора, которая в VI в. превышает толщину кирпича [1].

После некоторого «застоя» в 1-й пол. VI в. в конце VI – начале VII вв. ведется интенсивное строительство, происходит засыпь основной массы цистерн. Город полностью сохраняет прежние производственные, торговые, а также административные и культурные функции [2]. Основная схема планировки жилой усадьбы остается прежней, античной: в центре – двор, вокруг которого вдоль наружных стен размещаются хозяйственные помещения. Лишь в VI в. строители начинают активно использовать камень из разобранных более ранних домов [3].

Жилые и хозяйственные постройки сохранились фрагментарно. Причина этого во многом заключается в нивелировке части территории городища в конце V–VI вв. Часть территории (северный квартал) имеет перерыв в строительстве, но это не признак упадка и запустения, а пауза в ходе реконструкции.

Показателем сохранения высокой урбанистической культуры в Херсонесе является наличие крупных общественных уборных (афедронов) – у Южных ворот и на границе города и порта [4].

Дополнительную информацию несет материал из цистерн, ям, засыпей и пр. Ямы сами по себе свидетельствуют об активной жизнедеятельности.

Район, где прослеживается относительный упадок – это район театра. Жилища, перекрывающие его, действительно довольно примитивны, но этот эффект возникает, во-первых, по контрасту с монументальным зданием самого театра, а во-вторых, время сооружения этих жилищ – конец IV–V вв. – действительно время относительного упадка как самого города, так и его материальной культуры.

Отдельная сторона херсонесского градостроительства, имеющая вместе с тем и ряд других составляющих – христианские храмы. Не вдаваясь здесь в

---

[1] *Завадская И.А.* О происхождении христианской архитектуры Херсонеса // МАИЭТ. VIII. Симферополь, 2001. С. 273.

[2] *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. Симферополь, 2001. С. 164–168.

[3] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 130.

[4] *Сорочан С.Б.* Общественные афедроны в ранневизантийском Херсоне // ПИАУ. Харьков, 2004. С. 73–74.

проблемы культурно-идеологического континуитета, следует отметить, что их тип (базилика), размещение на территории городища (топография), строительная техника соответствовали в основном тем формам, что имели место в основных провинциях империи. Лишь когда было построено много базилик и они стали определять архитектурный облик города (VII в.), наступает эпоха раннего средневековья в градостроительстве [1]. Ж. Дагрон в связи с этим отмечал: «Не то чтобы христианство было причиной перехода от античного урбанизма к урбанизму средневековому, … но оно окрашивает эту трансформацию и позволяет нам проследить ее повороты и контуры» [2].

Присутствие импорта из центральных провинций империи – свидетельство сохранения прежней торговли и сохранения прежних потребностей херсонеситов, еще вполне античных. Внутренняя торговля и денежное обращение в Таврике в целом также продолжали сохраняться на протяжении всего позднеантичного периода. Эпоха натурального обмена между Херсонесом и его округой наступила только в VIII в.

Восточносредиземноморский мир, в котором происходило формирование византийской цивилизации, перенес античный город в средневековье без перерыва в развитии [3].

Ольвия. В южной части Верхнего города раскопками 1994–1998 гг. открыты остатки каменной вымостки, вероятно, улицы IV в. и нескольких мастерских [4]. После возрождения города в 80-е гг. III в. существует только ближайшая хора Ольвии в радиусе 5–10 км. Имеются находки римских монет от Диоклетиана до Валента [5]. В позднеантичный период город осуществлял торговлю с поселениями черняховской культуры. Связи с другими античными центрами стали минимальными [6].

***

Континуитет материальной культуры позднеантичных центров Северного Понта, как видно из приведенного материала, налицо. По нашему мнению, сегодня нужно уже не доказательство его наличия, а изучение как отдельных проявлений, так и всего комплекса. Как известно, античная материальная культура в целом достаточно консервативна. Формы и приемы строительного дела, керамический комплекс, детали одежды и украшения менялись медленно и постепенно. Смена форм материальной культуры на Боспоре еще недавно просто нуждалась в доказательствах. Ныне мы должны признать тож-

---

[1] Ср.: *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 129, 168; *Беляев С.А.* Христианская топография Херсонеса // Церковные древности. VII Международные Рождественские образовательные чтения. М., 1999. С. 3–49; *Пелин А., прот.* Христианская топография Херсонеса. Сергиев Посад, 2001 (дисс.).

[2] *Dagron G.* Le christianisme dans la ville byzantine // DOP. 1977. Vol. 31. P. 3.

[3] *Романчук А.И.* Ранневизантийский Херсон (отражение в источниках основных функций города) // АДСВ. 26 (Византия и средневековый Крым). Барнаул, 1992. С. 205.

[4] *Крыжицкий С.Д., Крапивина В.В.* Основные результаты раскопок Ольвии в 1994–1998 гг. // VI Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. М., 1999. С. 60.

[5] *Карышковский П.О.* Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Одесса, 2003. С. 205.

[6] *Крапивина В.В.* Торговые связи Ольвии с античным и варварским миром в I–IV вв. н. э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 260–261.

дество характера и темпов эволюции материальной культуры в Средиземноморье и в Северном Причерноморье. На Северном Понте имеется лишь некоторая региональная специфика. Материальная культура Херсонеса еще более традиционна, нежели боспорская, и подтверждает общее правило.

Весь рассмотренный материал убеждает нас в том, что топография, материальная культура городов позднеантичного Северного Причерноморья была генетически античной и продолжала развивать античные традиции. Это касается основных рассмотренных категорий – топографии, планировки, фортификации, техники монументального и частного жилищного строительства.

Из тех городов, что не погибли в смуте III в., практически все (на Боспоре) доживают до VI в., а некоторые и дольше. Города, захваченные или разрушенные варварами, испытывают дисконтинуитет материальной культуры и могут быть определены как постантичные.

Каждый город имел индивидуальный характер развития: так, Херсонес как региональный центр в данное время даже расширился; Пантикапей-Боспор лишь к VI в. несколько сократился по территории, но сохранил значение столичного центра. Киммерик и Ильичевка были стратегическими крепостями. Остальные города имели ремесленно-торговое и аграрное значение как центры локальных микрозон.

Большинство относительно крупных городищ имеют несколько (до 4-х) слоев позднеантичного времени. Впрочем, их сохранность везде не лучшая, особенно в Херсонесе. Выгодно в этом смысле отличается Танаис, но его мощный позднеантичный слой правильнее было бы назвать постантичным.

Тенденция к снижению уровня качества градостроительства и домостроительства, уменьшение степени регулярности и возрастание скученности застройки, ухудшение чистоты прежних планировочных приемов, возникновение своеобразных хозяйственных предместий обнаруживается в античных городах Северного Причерноморья уже в первые века н. э. [1] В позднеантичное время этот процесс продолжился.

Основная градостроительная планировка кварталов Херсонеса просуществовала со 2-й пол. IV в. до н. э. до X в. [2] Существенные перепланировки могли осуществляться только в связи с возведением в разных местах новых основных общественных макродоминант – базилик, других храмов. Так, на месте Уваровской базилики были ранее обычные жилые кварталы. Эти перестройки, однако, также не сопровождались переносом или переориентацией направлений улиц. Чаще менялась внутриквартальная разбивка домовладений (например, IX квартал в нач. V в. на Северном берегу). Античная планировка Северного берега была уничтожена исключительно из-за абразии берега [3]. Ломка старой планировки была экономически нецелесообразной и затруднительной. Длительное сохранение старой планировки – правило, а не исключение.

Важнейшими континуитетными признаками в городах мы считаем сохранение прежней планировки зданий и улиц в новых строительных перио-

[1] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 193.
[2] Там же. С. 196.
[3] Там же. С. 197.

дах, сохранение прежней строительной техники, сохранение жилых помещений вообще, сохранение хозяйственных комплексов как свидетельство интенсивной хозяйственной жизни, восстановление после локальных разгромов, присутствие импортных вещей как свидетельство заморской торговли, непрерывность существования городов как центров товарного производства. Все они в той или иной степени присутствуют в материальной культуре городов Боспора и Херсонеса, сохранявшихся как позднеантичные в IV–VI вв. Дальнейшая эволюция вела к их превращению в византийские города, для которых относительно IV–VI вв. отмечаются: значительная доля неаграрных функций, население, занятое в разнообразных сферах; это компактное, часто уже укрепленное (вторая линия укреплений кроме кастрона) поселение с высокой плотностью построек, с центральной администрацией, с экономическими и культурными функциями для сельской округи и для пригородов, роль посредника по отношению к более крупным центрам. Эти города, как правило, меньше, чем классический полис [1]. Город того времени – не только производственный центр, но и центр превращения натуральнохозяйственного продукта в товар [2]. На Северном Понте мы наблюдаем и такую характернейшую черту топографии ранневизантийского города, как отсутствие деления территории на «посад» и «аристократическую гору» [3], принципиальное относительное статусное равенство жилых кварталов.

Строительный материал и конструкция улиц городов долгое время тоже сохраняли преемственность с архитектурными традициями античных полисов. Обычно они были замощены мелким камнем, щебенкой, галькой вперемешку с толченой керамикой, строительным мусором и песком. Положенные на слой глины, они создавали хороший дренаж (участок между четырехапсидным храмом и Западными воротами Херсонеса имел слой мелкого щебня в 0,7 м) [4].

Если во многих позднеантичных городах Восточного Средиземноморья средневековый город развивается не на остатках античного города, а рядом с ним, при этом сохраняя свое название и преемственность многих форм культуры, то на Боспоре и в Херсонесе мы видим факт непосредственного продолжения существования городов примерно на той же территории и в тех же объемах, что и в более раннюю эпоху. Территориальный континуитет с античностью сохранили лишь наиболее значительные из византийских городов, не считая вновь построенных (Константинополь) [5].

---

[1] *Курбатов Г.Л.* Судьбы ранневизантийского города и кризис VII в. в Византии // Вестник СПбГУ. 1993. Сер. 2, вып. 4. С. 3–11; 1994. Сер. 2, вып. 1. С. 25–36.

[2] *Белова О.Р.* Проблемы континуитета в работах М.Я. Сюзюмова и материалы раскопок Херсонеса // История Византии и византийская археология. Екатеринбург, 1998. С. 76; *Сорочан С.Б.* Понятие «прибыль» и размеры торгово-ремесленных доходов в раннесредневековой Византии // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 300–319.

[3] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 112.

[4] *Сорочан С.Б.* Византия IV-IX вв.: этюды рынка. С. 198–199; *Гарабурда И.М.* Оборонительные стены Херсонеса // ИТУАК. 43. Симферополь, 1909. С. 97–98.

[5] *Сорочан С.Б.* Византия IV-IX вв.: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 198.

§ 4. Сельские поселения: континуитет планировки, хозяйственной деятельности

Сельская территория Боспора начала активно исследоваться только в середине XX в. А.А. Масленников отмечает, что работы последних десятилетий позволяют ныне выделить слой конца III – конца VI вв. помимо городищ и на сельских поселениях Боспора [1].

В качестве основных континуитетных характеристик здесь будут рассмотрены: сохранение античной системы расселения, планировки поселений, строительного дела, землепользования, хозяйственной деятельности, быта.

Сельская территория античного типа обычно противопоставляется городской, но здесь мы имеем в виду лишь общие различия в функциях и размерах поселенческих структур [2]. Выделение сельской территории в определенной степени условно.

Устойчивой тенденцией развития позднего Боспора было медленное, но неуклонное сокращение числа сельских поселений и переход к очаговому характеру расселения. Комплексные причины этого явления – те же, что и в основных центрах античной цивилизации. На Тамани в III в. существует около 140 поселений, на рубеже IV–V вв. точно установлено (на конец XX в.) 37 [3]. Ярко выраженных черт какого-либо варварского присутствия в материальной культуре сельского населения не прослеживается, хотя отдельные элементы имели место [4]. Точнее, речь можно вести о синкретическом сплаве, в котором преобладали античные элементы.

Значительная часть сельской хоры Боспора была разрушена в ходе передвижений племен III в. [5] Непродолжительное время какое-то население, этнос которого не ясен, обитало на развалинах городищ III в. как на побережье, так и в глубине полуострова (Ново-Отрадное, Илурат, Нижнее-Заморское). Есть варварские селища, но они не исследовались и их хронология не точна. Никакого устойчивого и охраняемого пограничья, разделявшего позднеантичное государство и варварские земли, не существовало [6]. Однако определенное территориальное разграничение имело место.

---

[1] *Масленников А.А.* Исследование сельской территории Европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. 1997. № 3. С. 61; *Масленников А.А.* Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения). Автореф. докт. дисс. М., 1993. С. 2.

[2] *Масленников А.А.* Сельские поселения Европейского Боспора (некоторые проблемы и итоги исследований) // БИ. I. Симферополь, 2001. С. 75–76. Типология поселений: там же, с. 82–83. № 1–4 подходят под определение сельских поселений бесспорно.

[3] *Воронов А.А., Паромов Я.М.* Планировочные принципы в организации расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // ПИАГ. М., 1989. С. 29–31; *Паромов Я.М.* О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // АВ. 7. СПб., 2000. С. 310.

[4] *Масленников А.А.* Сельская территория европейского Боспора в ранневизантийское время // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, 1994. С. 41.

[5] *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 101; *Зинько В.Н.* Хора городов Европейского побережья Боспора Кимерийского (VI–I вв. до н. э.) / БИ. XV. Симферополь – Керчь, 2007.

[6] *Масленников А.А.* Греки и варвары на «границах» Боспора // ДГВЕ. 1996–1997. М., 1999. С. 191.

Античная система земельного межевания, хорошо известная по хоре Херсонеса, приходит в упадок в течение сер. III – кон. VI вв. На Тамани размежеванные земли в первые века н. э. еще составляли около 600 км^2, а всего на Боспоре – значительно более 1 000 км^2. [1] Отдельные категории земель на Боспоре никогда не были обрабатываемыми: это заросшие кустарником откосы высоких берегов Меотиды, холмы и гряды, развитые системы балок, служившие пастбищами и охотничьими угодьями [2]. В позднеантичное время стали забрасываться и некоторые обрабатывающиеся ранее наделы.

Оборона сельской территории Боспора (с конца III в.), как и общий характер расселения, приобретают локальный характер [3]. О важности крепостей на боспорской хоре говорит терминология Константина Багрянородного: рассказывая о войнах с Херсонесом, он упоминает лишь столичный город Боспор и «крепости Меотиды» (De adm. Imp. 53).

Сельские поселения позднеантичного времени, размещенные скоплениями (очаговым образом), открыты на большей части территории Боспора.

В центре европейской части, в 19 км к западу от Керчи, у с. Михайловка открыто городище на вершинах холмов, а подножия занимали остатки сельскохозяйственных оград позднеантичного времени [4]. Строительные остатки пятого слоя в различных направлениях перекрывают фундаменты и вымостки предыдущего слоя. Автор раскопок отнес материал к IV в. Слой 4 заканчивался пожаром середины III в. Возродившееся во 2-й пол. III в. поселение было, по мнению автора раскопок, разрушено гуннами [5]. Конец жизни поселения, видимо, действительно был связан с гуннами [6], но этот вывод четко не обоснован.

Поселение у дер. Ново-Отрадное было расположено на высоком холме в 1,5 км к северо-востоку от северного конца Узунларского оборонительного вала. Погибло в результате готского нашествия [7], но жизнь здесь теплилась до IV в.

Еще одно поселение в этом ряду – у дер. Золотое. В V в. связь этого района (западной части азовского берега Керченского п-ова) с остальным Боспором была номинальной. Поселение, оставившее некрополь у с. Заморское, продолжало существовать после середины III в. [8]

В целом мы должны констатировать прекращение жизни в прежних формах в северо-западной части Европейского Боспора (Ново-Отрадное, Семеновка, Золотое), а также в ряде пунктов центральной, материковой части Керченского полуострова (Илурат, Тасуново). С конца III в. основной массив сельского насе-

---

[1] См.: *Паромов Я.М.* О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // АВ. 7. 2000. С. 309–310.

[2] Там же. С. 314.

[3] *Масленников А.А.* Исследование сельской территории Европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. 1997. № 3. С. 66.

[4] *Петерс В.Г.* Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 117.

[5] *Петерс Б.Г.* Монеты из античного поселения и курганного могильника у с. Михайловки на Керченском полуострове // НиЭ. XII. 1978. С. 4.

[6] *Петерс В.Г.* Михайловское городище античного времени. С. 127.

[7] *Кругликова И.Т.* Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря // СА. Т. XXV. М., 1956. С. 237.

[8] *Корпусова В.М.* Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 8. 1973. С. 45.

ления Европейского Боспора концентрируется в Крымском Приазовье [1], т. е. в прибрежной зоне от восточного конца Казантипского залива до мыса Зюк.

В Крымском Приазовье в IV–VI вв. сохранился экономический потенциал этой важной сельской территории Боспора. Набор и облик лепной керамики в это время сравнительно мало изменился. Преемственность ее основных типов и форм на протяжении длительного времени очевидна [2]. Поселения существовали на протяжении всего позднеантичного времени без заметных потрясений и практически не изменили своего облика. Окончательно жизнь на местных поселениях замирает лишь ок. 575 г. [3]

А.А. Масленников выделяет ранневизантийский период в истории европейской хоры Боспора. Речь идет о вполне полнокровном функционировании целого ряда прежних городищ. Непрерывность обитания по третью четверть VI в. устанавливается для поселений: Мыс Зюк, Зеленый Мыс, Сиреневая бухта, Генеральское-восточное, Салачик, Куль-Тепе-западное, Золотое Восточное в бухте [4]. Открыты четкие и выразительные слои позднеантичного времени. На всех поселениях найдены поздние боспорские монеты. Наиболее дробная стратиграфическая колонка получена на поселениях Зеленый мыс и Золотое Восточное в бухте.

Восточно-Крымская археологическая экспедиция с 1984 г. вела раскопки поселения Зеленый мыс, расположенного в 8 км к западу от с. Курортное (мыс Зюк). Это городище площадью ок. 1 га. После пожара и гибели в середине III в. последовал период запустения [5], по мнению авторов раскопок, до 2-й пол. IV в. На небольшом скалистом мысу была расположена «цитадель», где обнаружен материал IV–VI вв., в т. ч. монета 325 г. [6] Естественным оврагом городище делится на две части – северную (условное название «цитадель») и южную. В 1985 г. здесь был найден клад боспорских монет Фофорса и Рескупорида VI, два золотых солида Феодосия II 443–444 гг. (по определению В.В. Кропоткина) в культурном слое IV–VI вв. [7] В 1986 г. в северной части был открыт жилой массив VI в. площадью около 650 кв. м. [8]

Время формирования нивелировочного слоя – начало 2-й четв. VI в.; 570–580-е гг. – время формирования золистого слоя, означающего гибель поселения. Для определения хронологии авторы публикаций отмечают важ-

---

[1] *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 38.

[2] *Сазанов А.В., Мокроусов С.В.* Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс // ПИФК. VII. М.-Магнитогорск, 1997 и др.

[3] *Масленников А.А.* Исследование сельской территории Европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. 1997. № 3. С. 67.

[4] *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 175.

[5] *Сазанов А.В., Мокроусов С.В.* Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс (Восточный Крым) // ПИФК. 7. 1999. С. 172.

[6] *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1985 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 11846. Л. 67, 88.

[7] Там же. Л. 88; *Абрамзон М.Г., Масленников А.А.* Золотые монеты Феодосия II из Восточного Крыма // ВДИ. 1999. № 4. С. 79–83.

[8] *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1979 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7708. Л. 42–43.

ность преобладания краснолаковой керамики формы 3 группы LRC; на втором месте – форма 10, появляющаяся с 570–580-х гг. [1]

На поселении Зеленый мыс после его восстановления выделяется два хронологических этапа: 1) 2-я пол. IV в. – начало 2-й четв. VI в.; 2) начало 2-й четв. VI в. – 570–580 гг. Первый пока слабо дифференцирован. Это хозяйственные ямы, обрывки вымосток, «жертвенник» [2], но вместе с тем хорошо обработанные блоки, плиты, архитектурные детали, вторично использованные в кладке стен 2-го этапа, в т. ч. уникальная феодосианская капитель V в. Это незавершенное изделие: лишь намечен, но не проработан ни один из стреловидных листьев, которые разделяют листья аканфа (основной элемент декора эхина); нет отверстия для крепления с телом колонны.

Пострадавшее в пожаре 20-х гг. VI в. поселение отстраивается практически заново. Нивелировочные работы уничтожили остатки более ранних сооружений и связанные с ними слои. Новые постройки возводились на мощном слое плотной субструкции – это жилые дома прямоугольной формы с примыкающими к ним открытыми дворами (античная традиция). Лишь две постройки доживают до гибели поселения в 70–80-х гг. [3]

Открыто 8 хозяйственных ям 2-го хронологического периода. Частично исследованы два помещения. Кладка стен иррегулярная, выполнена довольно аккуратно с использованием глиняного раствора из бутового камня различной величины. В северном углу одного из дворов обнаружен жертвенник с монетой Рескупорида VI 326 г. Ок. 550 г. южное помещение подверглось реконструкции (возводится поперечная стена и др.). Обе структуры гибнут в начале 3-й четверти VI в. Но жизнь на поселении не прекращается. На части площади на насыпном грунте возводится вымостка. Продолжает существовать постройка на третьей террасе (уже указанные хорошо обработанные прямоугольные блоки известняка, замковый камень арки, феодосианская мраморная капитель колонны). Поселение гибнет в 570–580-е гг. [4]

Как видим, основные строительные остатки относятся ко второму этапу. В начале 2-й четв. VI в. на поселении, незадолго до того пострадавшем в пожаре, происходят интенсивные строительные работы. Оно практически отстраивается заново. В конце 2-й четверти столетия большая часть новых построек гибнет в пожаре. Часть из них уже не восстанавливается. Ок. 565 г. гибнут и оставшиеся. Лишь одно помещение доживает до полной гибели поселения около 570–580 гг.

С.В. Мокроусов проводит идею именно о двух пожарах на Зеленом мысу (как и на Золотом Восточном в бухте) – ок. 525 и 550 гг., против чего выступает А.В. Сазанов, объединяющий эти события. Исторически это, без-

---

[1] *Сазанов А.В., Мокроусов С.В.* Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс (Восточный Крым) // ПИФК. 7. 1999. С. 202.

[2] *Мокроусов С.В.* Крымское Приазовье в ранневизантийское время // Пантикапей-Боспор-Керчь. 26 веков древней столице. Керчь, 2000. С. 100.

[3] Там же. С. 101–102.

[4] *Масленников А.А., Мокроусов С.В., Сазанов А.В.* Исследования Восточно-Крымской археологической экспедиции на азовском побережье Керченского полуострова в 1998 г. // ПИФК. 7. 1999. С. 395–396.

условно, разные события, но смена типов керамики за 25 лет в данном случае могла быть незаметной.

Дополнительно отметим, что на поселении Зеленый мыс выделено несколько типов печей. Размеры печей никак не связаны с величиной помещений. Лишь в двух случаях вместо печей имелись очаги [1].

Одним из наиболее изученных поселений Крымского Приазовья позднеантичного времени является Золотое Восточное в бухте. Эта небольшая бухта расположена в северо-западной части микрозоны. Общая площадь поселения Золотое Восточное в бухте составляет 0,5 га. С востока поселение было ограничено возвышенностью в основании мыса. С 1990 г. на восточном склоне этого холма были начаты раскопки, давшие культурный слой мощностью до 3 м и открывшие остатки мощных фортификационных сооружений («башня»). Весь материал культурного слоя дал материал IV–VI вв. Хорошая репрезентативность фрагментов керамики, в том числе и импортной, позволили А.В. Сазанову и С.В. Мокроусову установить стратиграфию позднеантичного времени [2]. Значительная территория городища и наличие крупного некрополя позволяют предположить, что Золотое Восточное в бухте могло быть важным региональным центром. По предположению А.А. Масленникова, здесь могли жить позднебоспорские федераты, охранявшие северо-западные рубежи государства. В начале последней четверти VI в. городок был разрушен. Особенно пострадал комплекс «башни» [3]. Эта дата хорошо согласуется со временем тюркского завоевания 576 г.

Стратиграфия построена на основе анализа амфорной и краснолаковой керамики. Стратиграфическая колонка наиболее репрезентативна на восточном раскопе. Устройство нивелировочного слоя, строительство помещений (1-й строительный период) приходится по синхронизации материала на начало 2-й четверти VI в. [4] К 1-му строительному периоду можно отнести башню и примыкающий к ней с востока комплекс из двух жилых помещений и дворика. Башня была прямоугольной формы, на скальном останце; стены лишь «облицовывают» скалу. Комплекс погибает в начале 2-й четв. VI века. 2-й строительный период – 2-я четверть VI в. Ему соответствуют новые уровни полов в помещениях. Стены и башня заметным реконструкциям не подверглись. В конце 2-й четверти VI в. происходит новый разгром. После этого возведена новая стена 7. К башне с юга пристраивается стена 1. К западной стене основания башни был пристроен мощный контрфорс [5]. В 3-й четверти VI в. происходит полная перепланировка восточного участка. Это – 3-й строительный период [6]. Формируется зольник.

---

[1] *Мокроусов С.В.* Печи поселения Зеленый мыс (по материалам раскопок 1996, 1998–2000 гг.) // 175 лет Керченскому музею древностей. Керчь, 2001. С. 99–102.

[2] *Сазанов А.В., Мокроусов С.В.* Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым): опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // ПИФК. 3, ч. 1. 1996. С. 100.

[3] *Масленников А.А.* Семейные склепы... М., 1997. С. 40–49.

[4] *Сазанов А.В., Мокроусов С.В.* Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым): опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // ПИФК. 3, ч. 1. 1996. С. 91.

[5] *Мокроусов С.В., Сазанов А.В., Масленников А.А.* Строительный комплекс ранневизантийского времени на поселении Золотое Восточное в бухте // ПИФК. 6. 1998. С. 123–131.

[6] Там же. С. 95.

Образование слоя 7, самого мощного в данной колонке, связано с гибелью комплекса «башни». Окончательное разрушение комплекса «башни», т. е. финал 3-го строительного периода, датируется концом 3-й четв. VI в. [1] (ок. 575 г.).

Частичную перепланировку на городище Золотое Восточное в бухте после разгрома 550 г. можно объяснить мятежом гуннов, разрушившим Фанагорию и Кепы. Тот факт, что Киммерида уцелела в этих событиях, позволяет предположить не вторжение утигуров с востока через пролив, а какое-то «местное» восстание на европейском Боспоре. Менее вероятно вторжение варваров с запада. Можно допустить также следующее: утигуры разгромили Тамань, обошли, не взяв, Ильичевскую крепость (которая не сдалась?) и ударили по Крымскому Приазовью – наиболее жизнеспособной зоне европейского Боспора, расположенной относительно далеко от столицы. Золотое Восточное при этом могло быть захвачено ими на какое-то время (3-й строительный период).

Одно из наиболее показательных поселений – Генеральское. Открыто в 1977 г. Генеральское-восточное имело площадь – ок. 1 га. Вскрытые в 1979 г. слои относятся к позднеантичному времени (IV в.). А.А. Масленников отмечает высокое качество обжига и тщательную выделку лепной посуды (светло-коричневая глина с примесью толченой ракушки). В помещении III есть находка дна краснолаковой тарелки с клеймом в виде креста [2]. В яме 9 – амфоры IV–VI вв. (тип 100 по Зеест). Следы локальных разрушений середины III в. на поселении есть, но они не были катастрофическими. После разрушения где-то в середине IV в. поселение отстраивается заново и существует еще около двух столетий, хотя население сокращается, а постройки становятся небрежнее и меньше [3]. Сильный пожар, видимо, произошел в конце IV в. Однако, поселение в сильно сократившемся виде существует до VI в. Поселение выделяется своими большими размерами. Быть может, оно было центром какой-то округи или прибрежного района [4]. Жизнь на Генеральском городище продолжалась до 2-й половины VI в. без следов катастроф [5].

Близкое по типу, но меньше по размерам (около 0,5 га) городище Сиреневая бухта почти не раскапывалось.

Далее на запад располагалась бухта Генеральская, в которую впадает степной ручей. Близ обособленной скалы (на восточном берегу ручья) находилось многослойное поселение Салачик. Здесь в 1979 г. была отмечена локальная катастрофа III в. – наводнение (из-за резкого подъема уровня моря или из-за сильнейшего разлива ручья). На Салачике выявлен слой IV–VI вв. Постройки этого времени сооружались заново после наводнения и имели иное направление планировки, нежели в предыдущую эпоху. Сохранность

---

[1] Там же. С. 100.

[2] *Масленников А.А., Чевелев О.Д.* Разведочные раскопки на городище Генеральское // КСИА. 182. 1985. С. 54.

[3] *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 13998. Л. 25–26.

[4] *Масленников А.А., Чевелев О.Д.* Разведочные раскопки на городище Генеральское // КСИА. 182. 1985. С. 55.

[5] *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1979 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7708. Л. 42–43.

построек относительно хорошая. Все постройки гибнут в пожаре 1 пол. VI в., что соответствует времени гибели Зенонова Херсонеса.

Наличие многочисленных поселений позднеантичного времени на территории микрозоны подтверждает представление об относительно плотном заселении и важном значении этой территории для всего Боспора в данное время.

Гибель античных сельских поселений Крымского Приазовья надо связывать не с восстанием Грода, а с вторжением тюркютов [1]. Археологически на всех указанных поселениях вполне четко вырисовывается византийский (юстиниановский) этап, охватывающий 2–3-ю четверти VI в. и следы целенаправленного строительства и реконструкции зданий, организованного, без сомнения, властями.

Все поселения Крымского Приазовья имеют много общего. Так, повсеместно отмечены разрушения 3-й четверти III в., кое-где окончательные. Некоторые поселения существовали до IV в. и далее (Ново-Отрадное [2], Белинское).

Несколько южнее микрозоны Крымского Приазовья, в 3 км к юго-востоку от оз. Чокрак было расположено поселение Кёзы-Северное, существовавшее по V–VI вв. (в 15 км к северо-западу от Пантикапея, на дороге в столицу). Выгодное положение на сети дорог, укрепленный «мыс» на холме среди балок, источники воды делают роль этого поселения достаточно важной [3].

В 4 км к югу от ст. Багерово было раскопано поселение Андреевка Северная. В III в. жизнь на поселении была очень интенсивной. Она была прервана неожиданной катастрофой – нападением врагов. Все помещения погибли в пожаре [4].

Городище Белинское расположено на высоком плато, господствующем над местностью, и с трех сторон ограничено речной долиной. Это крупный памятник, который по многим позициям соответствует «малому городу» Боспора. Руководитель раскопок В.Г. Зубарев полагает, что этот объект может соответствовать городку Пароста, известному из античной письменной традиции.

В северной части городища Белинское первоначально был выявлен второй строительный период сер. III – 1-й четв. IV вв.; третий (и последний) охватывает 2-ю четв. IV – 1-ю пол. V в. [5] В последующих публикациях хронология была уточнена: второй период – посл. четв. III – сер. IV в.; третий – 3-я четв. IV – 1-я пол. V в. [6] В середине III в. постройки первого периода подверглись разрушению со следами пожара. Картина гибели напоминает ситуацию в Ново-Отрадном.

Разрушения III в. не привели к гибели городища. Очень быстро, уже к последней четверти III в., на сырцовом развале стен первого периода восста-

---

[1] *Масленников А.А.* Греки и варвары на «границах» Боспора // ДГВЕ. 1996–1997. М., 1999. С. 191.

[2] *Кругликова И.Т.* Поселение у дер. Ново-Отрадное // ДБ. 1. 1998. С. 162.

[3] *Ермолин А.Л.* Расписной склеп некрополя поселения Кёзы-Северное // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 82–85.

[4] *Кругликова И.Т.* Раскопки поселения Андреевка Северная // ДБ. 3. 2000. С. 80.

[5] *Зубарев В.Г.* Античное поселение у села Белинское (предварительные итоги раскопок в 1996-1999 годах) // ДБ. 3. 2000. С. 63.

[6] *Зубарев В.Г.* К вопросу о времени существования городища Белинское // 175 лет Керченскому музею древностей. Керчь, 2001. С. 57.

навливаются постройки, а общая территория застройки даже расширяется. Происходит частичная перепланировка, но в целом она сохраняется. Следовательно, новые постройки возводили прежние жители. В яме монетный материал относится к 280–322 гг. [1] Между выделенными на городище вторым и третьим слоями стратиграфии лежит золистый мусорный слой. В третьем – керамический материал V в., три переносных алтарика [2]. Напластования на городище в основном позднеантичного времени. Очень показателен материал из ямы 7 1998 г. на раскопе «Северный». Датирующий материал – монетный. Последние монеты из ямы относятся к 322 г. Яма функционировала как зернохранилище, но однажды, в начале 320-х гг., была засыпана [3]. Окончательное разрушение на участке сопровождалось находками каменных ядер, сильным пожаром ок. 322 г. Эта часть городища более не восстанавливается, но в других местах жизнь продолжалась и позднее [4], до сер. V в. Яма 8 использовалась для сброса отслуживших культовых вещей до конца V в. За эти пределы не выходит и керамический материал [5].

Материалы из раскопок слоя IV–V вв. показывают, что на исследованном участке городища продолжалась и даже увеличилась практика жертвоприношения собак [6] (континуитет сакральной жизни). Отмечается и некоторое усиление дионисийских мотивов в религии местного населения, в чем можно усмотреть влияние малоазийских «федератов»-поселенцев.

В 2002 г. на северном участке городища открыт сакральный комплекс с алтарем[7].

Все два десятилетия нового века раскопки Белинского активно продолжались и дали много интересного материала, в том числе позднеантичного [8].

---

[1] *Зубарев В.Г.* Античное поселение у села Белинское. С. 65.

[2] Там же. С. 66.

[3] *Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г.* Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. 4. 2001. С. 455–456.

[4] *Зубарев В.Г.* К вопросу о времени существования городища Белинское // 175 лет Керченскому музею древностей. Керчь, 2001. С. 57–58.

[5] *Зубарев В.Г.* Античное поселение у села Белинское // ДБ. 3. 2000. С. 66. См. также: *Зубарев В.Г., Крайнева А.А.* Светильники городища Белинское // ДБ. 7. 2004. С. 199–216.

[6] *Зубарев В.Г.* Некоторые особенности сакральной жизни населения сельской территории Европейского Боспора в первых веках н. э. (по материалам городища Белинское) // ДБ. 6. 2003. С. 141.

[7] *Зубарев В.Г.* Сакральный комплекс позднеантичного времени с городища Белинское // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 117–119.

[8] *Зубарев В.Г., Седых Е.Е.* Планировка и основные этапы застройки городища Белинское во II – первой половине V вв. н. э. // БИ. 2013. Вып. XXVIII. С. 250–274; *Зубарев В.Г., Шапцев М.С.* Комплекс с амфорами типа C SNP I («Делакеу») из раскопок городища «Белинское» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 190–196; *Зубарев В.Г., Шапцев М.С.* Краснолаковая керамика из раскопок городища Белинское // История и археология Крыма. I. Симферополь, 2014. С. 289–306; *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* К вопросу об инновационных влияниях на сакральную жизнь сельского населения Европейского Боспора в позднеантичный период (на примере сакральных объектов городища Белинское и его некрополя) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007. С. 154–160; *Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л.* «Варварский» компонент в материальной культуре сельских поселений европейского Боспора во II–V вв. (на примере городища «Белинское») // Боспор Киммерийский и варварский мир в период

Население окончательно ушло отсюда (в Крымское Приазовье?) к середине V в. [1], возможно, в связи с возвращением утигуров.

Соседние с Крымским Приазовьем степные и более западные районы не дают монет позднее сер. III в. (Артезиан, Золотое-берег, Казантип-восточный, Илурат, Савроматий, Ново-Отрадное). Граница проходила здесь по Узунларскому валу, точнее – по урочищу Сююр-Таш.

Городище Артезиан после разрушительного землетрясения в середине – 2-й пол. III в. постепенно оставлялось жителями вплоть до первых десятилетий IV в. [2]

Район мыса Казантип (к западу от Крымского Приазовья) сильно пострадал в последней трети III века. Но сохранилось поселение у дер. Семеновки [3]. Оно располагалось на небольшом мысу над бухтой. Его разгром произошел между 267 и 275 г. Есть материал, датирующийся временем после разгрома, который датируется IV в. Вся укрепленная часть поселения располагалась на холме и представляла собой кварталы жилых домов. Ширина улиц и переулков не превышала 1–1,1 м. Все помещения очень однородны, но дворики разнообразны [4]. Всего на холме найдено 35 домов, на мысу еще 10. На раскопе X есть слой после разгрома: дворик 13, вымощенный каменными плитами, стены 12, 15, 16, обломки реберчатых амфор. Комплекс построек конца IV в. возник на склоне холма после гибели поселения; проще было построить новые дома, чем расчищать прежние [5]. Ни в одном из домов не было оштукатуренных стен и черепичных крыш.

На крайнем северо-востоке европейского Боспора можно отметить два позднеантичных поселения: Глазовка и Каменка. Территория, таким образом, была обитаема в позднеантичное время, но, кроме прочих причин, жизнь здесь была затруднена фактором наличия основной дороги на азиатский Боспор и переправы, т. е. передвижениями кочевников. Следы культурного слоя поселения, существовавшего здесь до «раннесредневекового времени», были зафиксированы в начале 60-х гг. В.В. Веселовым в 1,3 км западнее северной окраины дер. Бондаренково близ участка вала, точнее неизвестного [6].

Большой северо-восток полуострова, включавший Пантикапей, Мирмекий и Тиритаку, еще с доантичной древности был ограничен валом (вала-

---

античности и средневековья. Традиции и инновации. Керчь, 2018. С. 170–178; *Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л.* «Варварский» компонент в материальной культуре сельских поселений европейского Боспора во II–V вв. (на примере городища «Белинское») // БИ. XXXVIII. 2019. С. 179–204; *Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л.* Особенности планировки и основные этапы освоения восточного участка городища Белинское // БИ. XL. 2020. С. 109–139.

[1] *Зубарев В.Г.* Европейский Боспор во II–V вв. н. э. (археология и опыт исторической реконструкции) // ПИАУ. Харьков, 2004. С. 56.

[2] *Винокуров Н.И.* Исследование юго-западной части городища Артезиан // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 59, 67, 68–69.

[3] *Кругликова И.Т.* Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря // СА. Т. XXV. М., 1956. С. 252.

[4] *Кругликова И.Т.* Раскопки поселения у дер. Семеновка // МИА. 155. 1970. С. 30.

[5] Там же. С. 76.

[6] *Масленников А.А.* Древние… М., 2003. С. 155.

ми?) и составил отдельную микрозону. Не ясно, играл ли этот вал какую-либо серьезную роль в позднеантичное время и как с ним на южном участке связана хора Тиритаки, которая должна была располагаться западнее вала. Собственно, Тиритакский вал иногда ставится под сомнение [1]. На Михайловском поселении выявлены незначительные строительные остатки с фрагментами амфор IV в. [2] Ряд поселений погиб в ходе готских походов III в. [3]

На сельской округе Нимфея в конце III – 3-й четв. VI вв. также продолжалась жизнь. На территории между озерами Тобечик и Чурубаш на площади ок. 60 кв. км были проведены сплошные разведки. В глубине территории керамики позднеантичного времени меньше, чем на побережье пролива. Позднеантичный материал имеется на поселении Осовины I, непрерывно существовавшем с IV в. до н. э. по XVI в. [4]

На северном берегу Тобечикского озера (у совр. дер. Челядиново) на раскопах I–II открыт был культурный слой III–IV вв. мощностью от 0,4 до 0,9 м [5].

На южном берегу того же озера, на мысу к востоку от дер. Костырино, также был найден позднеантичный слой на поселении [6].

На юго-западной окраине Героевки есть находки позднеантичной (раннесредневековой) керамики, значительное скопление фрагментов глиняной посуды [7]. На поселении Героевка I, расположенном в 1 км к северу от Тобечикского озера на обрывистом берегу, имеется материал IV–VI вв. [8], в том числе фрагменты построек кон. IV – нач. V вв. [9] На поселениях Героевка II и Героевка VI имеются постройки IV–VIII вв. Героевка VI открыта в 1991 г. в 2,2 км к югу от Нимфея на 2-й приморской террасе в 230 м от моря. На площади 4 га обследовано 7 построек. Героевка II расположена в 2 км к югу от Героевки VI. Открыты остатки строительного комплекса, несколько помещений, жилой дом из двух помещений, двор в нижней части древней балки; примыкавшие помещения были врезаны в ее склоны. Дата – IV–VII вв.

На поселении Героевка II выявлен жилищно-хозяйственный комплекс IV – 3-й четв. VI вв. В.Н. Зинько была исследована усадьба, в центре которой располагался хозяйственный двор, в южной части – помещения для переработки и хранения зерна; в северной – трехкамерный жилой дом. Стены помещений – глинобитные, имелись деревянные конструкции. Открыта большая печь сложной конструкции. Несомненна зерновая направленность хозяйственной де-

---

[1] Там же. С. 189.

[2] *Петерс Б.Г.* Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 127.

[3] *Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея // БИ. IV. Симферополь – Керчь, 2003. С. 189.

[4] *Зинько В.Н.* Античное поселение Осовины I // МОБЧМ. Ростов-на-Дону, 1992. С. 29.

[5] *Кругликова И.Т.* Отчет о раскопках Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции / Архив ИА РАН. Р-1. № 1251. 1956. С. 2.

[6] Там же. С. 4.

[7] Там же. С. 7, 21.

[8] *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. VII. Симферополь, 2000. С. 186–188.

[9] *Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея // БИ. IV. Симферополь – Керчь, 2003. С. 191, 200.

ятельности обитателей. Усадьба располагалась на склонах древней балки [1], будучи врезанной в них. Она погибла в сильном пожаре. Керамика датируется автором публикации очень широко – в пределах V–VII вв. [2] В слое разрушений найдена византийская монета – фоллис VI в. и две бронзовых пряжки [3] кон. VII – нач. VIII вв. Сохранился и загон для скота (сырцовая стена, сохранилась на 26,5 м). Это был не только жилой сельский дом, но и производственный комплекс, где занимались в основном разведением крупного рогатого скота.

На карте в книге И.Т. Кругликовой отмечен ряд сельских поселений позднеантичного времени (по крайней мере, включая IV в.) на юго-востоке европейского Боспора. На некрополе Кыз-Аул (между Китеем и Киммериком) открыт склеп II в., приспособленный позднее под жилище – достроены стены дромоса, при входе в первую камеру сделан проход с южной стороны, есть вымостка, хозяйственные ямы. Амфорный материал из заполнения ям дает недифференцированную широкую «вилку» конца IV – сер. V вв. – 2–3-й четв. VI в. (краснолаковой керамики нет). Гибель комплекса можно связать с событиями 576 г. (тюркское нашествие). С первых лет XXI в. работы здесь ведут керченские археологи.

Самой западной частью единой боспорской хоры до 2-й трети III в. был район поселения Фронтовое I на центральном участке Акмонайского вала [4]. После его гибели в результате «готских походов» Боспорское государство покидает территории западнее Узунларского вала. Очень важно отметить, что население малоазийского происхождения обитало здесь еще до сер. III в. [5] Позднее, в IV–VI вв., этот этнический пласт сосредоточится в Крымском Приазовье.

Элементы античной системы расселения сохраняются вместе с тем и западнее – на хоре Феодосии до IV–V вв.: это укрепление и селище на горе Яман Таш в западной части Старо-Крымской долины. Возможно, оно было позднескифским, но еще в 30-х гг. IV в. здесь ходила боспорская монета [6].

В Судакской долине район Таракташа (с. Дачное) еще в 1-й четв. IV в. испытывал влияние Боспора. В 1-й пол. V в. здесь существовало укрепление с небольшим гарнизоном, контролировавшим долины и дороги к морю и на Боспор. Гарнизон состоял из варваров-федератов, с которыми, судя по кладу 2000 г., рассчитывались золотом [7].

---

[1] *Зинько В.Н.* Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. V. Симферополь,1996. С. 18; *Зинько В.Н., Соловьев С.Л.* Раскопки на поселении Героевка-2 в 1992 г. // БС. 4. М., 1994. С. 160; *Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея // БИ. IV. Симферополь-Керчь, 2003. С. 191–195; рис. 111 – план усадьбы (с. 192); с. 201.

[2] *Зинько В.Н.* Раннесредневековые жилищно-хозяйственные комплексы на поселениях Героевка II и Героевка VI // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, 1994. С. 19–20.

[3] *Зинько В.Н.* Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. V. Симферополь, 1996. С. 19. См. также: *Зинько В.Н.* Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Международная конференция «Византия и Крым». Симферополь, 1997. С. 40–41.

[4] *Гаврилов А.В.* О валах на Акмонайском перешейке // МАИЭТ. VII. Симферополь, 2001. С. 12–16.

[5] *Яйленко В.П.* Новые эпиграфические данные о римском Боспоре: надписи малоазийцев с Керченского полуострова // Eirene. XXII. Praha, 1985. С. 71–75.

[6] *Гаврилов А.В.* Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004. С. 101.

[7] *Юрочкин В.Ю., Лысенко А.В.* Разведки в районе Таракташского гребня // АВУ. 2001–2002. К., 2003. С. 297–298.

На азиатском Боспоре продолжала существовать обширная сельская позднеантичная территория. Ее опорой, основным укрепленным районом была Киммерида. Я.М. Паромов для IV в. указывает на существование здесь девяти крепостей при поселениях: Каменная батарейка (Береговой 3), Патрей, Кучигуры, Ильич (Ильичевское городище) [1], Батарейки 1 и 2 [2], Красноармейский, Фонталовская, За Родину. Кроме того, еще три крепости погибли в сер. III в. – Татарская, Пересыпь, Юбилейный. За IV в. датировки А.М. Паромова не выходят, так как именно это столетие ученый принимает за рубеж античной эпохи [3].

Большая часть поселений позднего азиатского Боспора – крупные неукрепленные поселки, занимающие обширные территории. Были и небольшие поселки из одной-двух или из группы изолированных усадеб [4]. У нас нет данных о конкретном количестве сельских поселений IV–V вв., но в целом по Тамани по отношению к III в. их стало меньше [5]. Сохраняется жизнедеятельность береговых поселений, расположенных у переправ и в других узловых пунктах, поселений у главных дорог, а также укрытых от внешнего воздействия в глубине полуострова [6].

К настоящему времени на Тамани открыты остатки регулярного античного землеустройства – сложные межевые системы, особенно в восточной части Фанталовского полуострова. Целый ряд открытых участков межевания имеет аналогии с хорой Херсонеса. Это землеустройство относится, скорее всего, к римскому времени (в силу регулярности, прямоугольных межевых элементов, ориентирования основных межевых линий и др.) [7]. Более позднее землеустройство теряет геометрическую строгость и регулярность.

Ряд поселений на Тамани носит местное название «батарейки». Батарейка I на Киммериде (северный берег Динского залива) существовала на протяжении всего позднеантичного периода. Площадь неукрепленного поселения достигала 27 га [8]. На западе городище ограничено небольшой балкой, спускающейся к морю, на севере и востоке – небольшими понижениями почвы. Поверхность основной, равнинной части городища находится на 2,5–3 м

---

[1] *Гавритухин И.О., Паромов Я.М.* Ильичевское городище и поселения его округи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII веков / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 152–157.

[2] *Бонин А.В., Шаров О.В.* Н.И. Сокольский и его батарейки (от укреплений к поселениям) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 57–62.

[3] *Паромов Я.М.* К вопросу о пространственном размещении крепостей Фонталовского полуострова // ДБ. 6. 2003. С. 98–99; рис. 1 на с. 103.

[4] *Кругликова И.П.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С.99.

[5] *Воронов А.А., Паромов Я.М.* Планировочные принципы в организации расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 29–31.

[6] *Паромов Я.М.* Принципы выявления эволюции системы расселения (на примере Таманского полуострова) // КСИА. 210. 1993. С. 32.

[7] *Гарбузов Г.П.* Пример регулярного древнего землеустройства в азиатской части Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 60–61.

[8] *Кругликова И.П.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 93.

над уровнем моря. В юго-восточной части городища, непосредственно у залива, расположен курганообразный холм («батарейка») [1]. На холме у западного края зафиксировано три слоя интересующего нас времени: № 4 – позднеантичный IV в.; № 5 – «позднейший античный слой»; № 6 – средневековый слой IX–XI вв. Раскопано помещение, построенное в позднебоспорской манере. Вымостка пола была плотно сложена из уплощенных необработанных и подтесанных обломков известняка. Черепицы нет. В трех раскопах, расположенных по углам сохранившейся части «батарейки», открыты жилища, состоявшие из нескольких комнат. Поселок был застроен плотно, а жизнь в нем была интенсивной до момента катастрофы. Поселение погибло в сильном пожаре. Толщина слоя пожарища в помещениях – более 1 м. Внезапность гибели засвидетельствована большим количеством предметов хозяйства и быта. Слой 5 перекрыл пожарище. Он относился к концу античной эпохи и почти не содержит строительных остатков.

На Батарейке II [2] (2 км к востоку от Батарейки I) обнаружен материал, показывающий, что поселение жило непрерывной жизнью в течение позднеантичного времени. Оно было расположено не только на центральном холме, но и на близлежащей территории. Холм возвышается над городищем до 5,5 м [3]. По мнению В.С. Долгорукова, поселение подверглось разрушению и погибло в IV в. [4] Размеры поселения, окружавшего крепость-«батарейку» в районе Патрея и расположенного на восточном берегу балки, составляют на суше не менее 6 га [5].

На шести «батарейках» Тамани существовали позднеантичные поселения вокруг холмов с бывшими крепостями. Все они характеризуются единой материальной культурой, общим укладом жизни и, что особенно важно, все они одновременно перенесли катастрофу, после которой большинство прекратили существование [6]. Это поселение у Красноармейска (3 км восточнее Батарейки II), городище Каменная батарейка на западном берегу полуострова, южнее Динского залива. Материалы везде совершенно аналогичны и синхронны. То же пережил и Патрэй. Разница лишь в том, что жизнь здесь возродилась быстрее, чем на соседних поселениях. Среди материала – сосуды с каплями синего стекла [7]. Мы должны перенести по этому признаку все прочие материалы на V–VI вв. Итак, единовременная гибель постигла Батарейку I, Батарейку II, Красноармейское, Каменную Батарейку. Жизнь этих поселений до момента гибели была интенсивной.

---

[1] *Сокольский Н.И.* Крепость на городище у хут. Батарейка I // СА. 1963. № 1. С. 179.

[2] *Бонин А.В., Шаров О.В.* Н.И. Сокольский и его батарейки (от укреплений к поселениям) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 57–62.

[3] *Сокольский Н.И.* Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 109. 1967. С. 108.

[4] *Долгоруков В.С.* Позднеантичное поселение на городище Батарейка II // КСИА. 109. 1967. С. 123.

[5] *Абрамов А.П.* Работы Патрейского отряда Таманской экспедиции // АО. 1996. М., 1997. С. 195.

[6] *Голенко К.В., Сокольский Н.И.* Клад 1962 г. из Кеп // НиЭ. VII. 1968. С. 85–86 (рис. 4).

[7] Там же. С. 88.

В целом на Фанталовском полуострове еще в IV в. существовало много сельских поселений, зачастую достаточно крупных. Так, в центре полуострова располагались поселения Фанталовская 1 и 6. В.Г. Зубарев отождествляет их с городком Стратоклия [1] Плиния (Plin. VI. 18).

На Синдике раскопками В.Д. Блаватского 1953 г. было установлено существование ряда поселений в позднеантичное время. Так, поселение Восточно-Карабетово бытовало как стоянка пастухов типа коша [2]. На урочище 10-й километр постоянное поселение возникло в позднеантичное время и продолжало существовать в ранневизантийский период (по дороге от ст. Таманской в Сенную) [3]. Поселение 12-й километр дало мощный слой, датированный Блаватским III–IV вв. Среди находок – вымостка, большие амфоры, строительные остатки. Дома имели стены на каменных цоколях, мощеные дворики, черепичные крыши. Пятиколодезное имеет развалины довольно значительных сооружений. Такой характер построек и обилие вещевых находок заставили В.Д. Блаватского предположить в этом поселении Корокондаму [4].

В 1996 г. Южно-Таманская экспедиция Эрмитажа начала раскопки на Северозеленском поселении (Волна 1) у северной подошвы горы Зеленской. Площадь – ок. 32 га. Находки охватывают в т. ч. и раннее средневековье [5].

В позднеантичное время также было обитаемо поселение Старотитаровская 17 (южный берег Синдики) и ряд других [6].

К северо-востоку от Горгиппии в районе станицы Гасточаевской было открыто укрепленное городище III–IV вв. [7]

Кандаурская группа поселений (на островах близ современного устья Кубани) была, по всей видимости, самой восточной окраиной Боспора в позднеантичное время [8].

Материальная культура Закубанья (Анапа – Новороссийск) IV в. известна очень слабо. Там жили, скорее всего, племена готского круга, пришедшие в середине III в., а также местные племена (тореты и ахеи?). Представление о доминации автохтонов становится все более популярным [9]. В III в. прекращается функционирование ряда памятников юго-востока: Раевское, Цемдолинский некрополь. Это может быть связано с отторжением юго-востока Боспора

---

[1] *Зубарев В.Г.* Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции // ДБ. 2. 1999. С. 136.

[2] *Блаватский В.Д.* Отчет 1953 г. о раскопках в Синдике / Архив ИА РАН. Р-1. № 857. С. 8.

[3] Там же. С. 9.

[4] Там же. С. 22.

[5] *Соловьев С.Л., Бутягин А.М.* Комплексная научно-исследовательская программа «Синдский остров»: краткие итоги кампаний 1996–1997 гг. // Таманская старина. I. СПб., 1998. С. 40–41; *Соловьев С.Л., Бутягин А.М., Вахтина М.Ю., Рогов Е.Я.* Сельские памятники окрестностей Гермонассы: поселение Волна 1 // АО. 1996. М., 1997. С. 227–228.

[6] *Соловьев С.Л.* Хора Гермонассы: итоги исследований // Таманская старина. 4. СПб., 2002. С. 33–60.

[7] *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 143.

[8] Крым, Северное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. С. 159–160.

[9] *Малышев А.А.* Захоронения эпохи Великого переселения народов в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. 1. М. – Армавир, 1995. С. 152.

и созданием там постантичного политического центра, автономного от Боспора. В нем могла ходить монета, имитировавшая античную [1].

Отдельные предметы IV в. найдены на Раевском городище [2]. Это статер IV в., три серебряных монеты – подражания римским денариям варварской чеканки, обломки амфор, краснолаковых и других сосудов. Вопрос о принадлежности этого городища Боспору в IV–V вв. также остается открытым [3].

Среди материала позднеантичного времени из этого региона – клад с Шум-речки с боспорскими статерами III–IV вв.[4] и могильник на р. Дюрсо, где в погребении 517 были найдены монеты поздних боспорских царей (Фофорса 296 г. и Рескупорида VI 322 г.) [5]. Весь имеющийся материал по юго-востоку Боспора говорит скорее в пользу того, что, оставаясь в сфере распространения боспорской материальной культуры, этот район в состав государства не входил или входил лишь номинально, образуя автаркичную микрозону.

Особое значение имеют материалы некрополя Дюрсо, датирующиеся в целом последней третью V – серединой VI вв. и имеющие аналогии среди материалов сельских некрополей Крымского Приазовья [6]. Раннесредневековые древности могильника изданы в обобщающем труде [7].

В начале III в. на левобережье Дона прекращают существование два крупных античных городища Крепостное и Позазовское, тогда как правобережные во главе с Танаисом продолжают бытовать. На левобережье присутствуют западные элементы – погребение в районе Крепостного и Позазовского городищ.

Во 2-й пол. III в. в дельте Дона возникают многочисленные мелкие и несколько крупных поселений. Часть из них появилась на ранее не заселявшихся участках. Большинство позднеантичных поселений расположено в устье рек, впадающих в Дон. Имеются материалы из более чем 10 поселений 2-й пол. III в. [8]

Ряд позднеантичных поселений открыт в дельте Дона близ Танаиса. Прежде всего это Рогожкино X, XII, XIII. На них найдено 14 фибул, три из которых имеют бесспорно западное происхождение, а две – черняховское. Преобладает позднесарматский погребальный обряд (2-я пол. III – начало IV в.) [9]. На

---

[1] *Онайко И.А.* Варварские подражания римским денариям из раскопок Раевского городища // КСИА. 199. М., 1967. С. 52–53.

[2] *Онайко Н.А.* Раскопки Раевского городища в 1955–1956 гг. // КСИИМК. № 77. М., 1959; *она же.* О раскопках Раевского городища // КСИА. № 103. М., 1965 и др.

[3] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 96; *Александровский А.Л. и др.* Раевское городище и его окрестности // ДБ. 2. 1999. С. 7–29.

[4] *Салов А.И.* Клад III–IV вв. с Шум-речки (Анапский р-н) // СА. 1975. № 3.

[5] *Дмитриев А.В.* Могильник эпохи переселения народов на р. Дюрсо // КСИА. 158. М., 1979. С. 56; *он же:* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 97–98.

[6] *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 38.

[7] Крым, Северное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. С. 186–206 (о Дюрсо – с. 200–206).

[8] *Гудименко И.В.* К вопросу о взаимосвязи походов и поселений второй половины III–IV вв. н. э. в дельте Дона // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, 1994. С. 14–15.

[9] *Гудименко И.В.* Фибулы III–IV вв. н. э. с позднеантичных поселений дельты Дона // ИАИАНД. 10. Азов, 1991. С. 102.

трех поселениях Рогожкино найдены фрагменты амфор «инкерманского типа» (III–IV вв.). Они изредка встречаются в поздних слоях Танаиса.

Наиболее выразительно позднеантичное поселение Рогожкино XIII. Оно расположено на длинной береговой гряде вдоль берега Старого Дона. Время его существования – 2-й пол. III–IV вв. Поселение было самым крупным из всех расположенных рядом. Оно возникает на ранее не заселенном участке и также внезапно прекращает существование. Амфорный материал датируется концом IV – началом V вв. (амфоры типа F по Шелову). На амфорах есть дипинти, некоторые формулы которых определяются IV–V вв., что подтверждает датировку. Есть ряд имен; все они имеют греческую основу [1]. Население состояло из варваров, в определенной степени подвергшихся эллинизации.

На хоре Херсонеса имеется подъемный материал позднеантичного времени, относящийся к V–VII вв. Краткий обзор памятников позволяет создать достаточно репрезентативную картину. На северном берегу хоры в районе Круглой и Камышовой бухт усадьбы античного типа существовали вплоть до V в. (клеры № 1–4, 7, 9, 12–14, 22, 30–33) [2], а может быть, и дольше.

В 1979–1982 гг. на участке западной части Гераклейского полуострова, на правом берегу Камышовой бухты, в 7 км от Херсонеса открыто позднеантичное поселение. Был исследован также многослойный памятник на наделе 32, на западном берегу Камышовой бухты. Неукрепленная усадьба на берегу Камышовой бухты существовала до конца IV–V вв. Ее площадь – более 1 200 кв. м. Строительные остатки конца IV–V вв. выявлены в восточной и северо-восточной части комплекса. Это обрывки стен, водосток, мощная двухпанцирная стена С. В кладке стены – монета Льва I. На Камышевской усадьбе обнаружено три кладовые с пифосами, использовавшимися до IV–V вв., т. е. до конца жизни самого хозяйства. На месте эллинистических наделов № 25 и 53 открыты два круглых сооружения конца IV–V вв. (по монетам Феодосия II и Льва I). Назначение построек неясно [3]. В V–VI вв. была проведена кардинальная перестройка одной античной усадьбы: разобраны до фундаментов стены помещений. Из камней были сложены новые помещения и два двора [4]. В конце VI–VII вв. был засыпан водосток. В 11 км к северо-востоку от усадьбы, у моря, находилась башня, разобранная частично в тот же период (снят противотаранный пояс) [5]. Далее к северо-западу появляются новые жилые и хозяйственные постройки, связанные с населением салтовского типа.

---

[1] *Гудименко И.В., Ильяшенко С.М.* Надписи на позднеантичных амфорах поселения Рогожкино XIII // Донская археология. 2000. № 2. С. 12–28.

[2] *Стржелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического // ХСб. 6. Симферополь, 1961. С. 143.

[3] *Николаенко Г.М.* Херсонесская округа в I в. до н. э. – IV в. н. э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. К., 1988. С. 207–210.

[4] *Яшаева Т.Ю.* Средневековое поселение ближней округи Херсонеса на Гераклейском полуострове // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, 1994. С. 79.

[5] *Яшаева Т.Ю.* Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // ХСб. 10. Севастополь, 1999. С. 249.

На юго-западном склоне оконечности Хомутовой балки раскрыт многослойный комплекс. Верхний слой – 1-я пол. IV в. Найдены фрагменты керамических водопроводных труб с рифленой поверхностью.

В районе мыса Фиолент доследованы сооружения 47–48. Есть материал позднеантичного периода.

Система межевания земли на Гераклейском полуострове отражает положение, сложившееся к концу позднеантичного периода [1].

В 1992 г. был раскопан курган, под которым оказалось кольцеобразное сооружение и прямоугольная ограда небольшой постройки. Керамический материал дал IV–V вв. (участок 41 б) [2]. Под так называемыми курганными насыпями могут располагаться и основания юртообразных сооружений раннесредневекового времени.

Круглые постройки были отнесены Л.А. Ковалевской к V–VII вв. и были атрибутированы как жилые помещения, которые принадлежали местным скотоводам [3].

Круглые постройки на Гераклейском полуострове были всесторонне проанализированы В.М. Зубарем [4]. Всего опубликовано 15 построек такого рода [5], а зафиксировано более 20 [6]. Две постройки (уч. 25, 135) располагались на клерах, а остальные – пристроены к стенам более ранних усадеб либо располагались внутри башен или помещений заброшенных усадеб. Датировка: кон. IV – нач. VII вв. Усадьбы активно функционируют до сер. V в. Далее они покидаются хозяевами [7] (с. 257).

Приход тюрок в 581/582 гг. привел к значительной смене населения на хоре.

Слабые места концепции В.М. Зубаря не дают ответа на вопрос – где же были расположены наделы херсонеситов? Как они кормились и уживались с гуннами, которые владели всей степью? Зачем им была нужна хора для скотоводства (животноводства)? Как шел обмен продуктами?

«Усадьба Басилидов» на наделе 150 расположена в центральной части Гераклейского полуострова. Прекращение жизни на усадьбе датируется в пределах 3-й четверти V в. Усадьба не была разрушена и, видимо, была покинута в достаточно спокойной обстановке (входы аккуратно заложены камнем). Раскопками открыты помещения III–V вв. Пятый строительный период можно датировать IV–V вв., точнее – посл. четв. III в. – 475 г. [8] Вполне вероятно, что

---

[1] *Зубарь В.М.* Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. К., 2007. С. 139.

[2] Там же. С. 151.

[3] *Ковалевская-Сарновска Л.А.* Рец.: Кленина Е.Ю. Керамические сосуды II–III вв. из усадьбы «Близнецы» (хора Херсонеса Таврического). Poznan, 2004 // Археологія. 2005. № 4. С. 113–119.

[4] *Зубарь В.М.* Об интерпретации остатков круглых построек на Гераклейском полуострове // ПИФК. XVI/1. 2006. С. 65–87; *он же*. Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. К., 2007. С. 232–260. С.Ю. Сапрыкин назвал их обычными башнями в усадьбах: *Сапрыкин С.Ю.* Денежное обращение Херсонеса. М., 2005. С. 170–171, прим. 69.

[5] *Зубарь В.М.* Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. К., 2007. С. 235, рис. 136.

[6] Там же. С. 253.

[7] Там же. С. 257.

[8] *Ковалевская Л.А., Сарновски Т.* О хозяйственном укладе одной из херсонесских усадеб в позднеримское время // ВДИ. 2002. № 3. С. 87.

начало серьезных перестроек хозяйства, выразившихся в резком возрастании роли скотоводства и превращении его в ведущую отрасль, свертывании интенсивного виноградарства и плодоводства связано с готским нашествием и опустошением окрестностей Херсонеса в конце 260 – начале 270-х гг. После этого были сооружены огромные скотные дворы площадью до 400 и 500 кв. м, большое помещение для скотников, двор для разведения коз. Вместе с тем ряд помещений был заброшен [1]. В III–V вв. в окрестностях виллы появились обширные пастбища, значительные по площади террасы со сплошными посадками и посевами, включая ложе Юхариной балки [2]. Данная латифундия принадлежала представителю верхнего слоя херсонесской аристократии.

Несмотря на тенденцию к увеличению удельного веса животноводства в позднеантичный период, В.М. Зубарь полагает, что нет каких-либо веских оснований говорить о полной замене зернового хозяйства на Гераклейском полуострове животноводством [3]. Земельный фонд на Гераклейском полуострове активно использовался по крайней мере до середины – 2-й пол. V в. [4] Усадьбы античного типа функционировали вплоть до конца V в. [5] Причины упадка – скорее внешние, чем внутренние [6].

12 усадеб существовали еще в IV в. Многослойный комплекс на юго-западном склоне оконечности Хомутовой балки был открыт в 1981 г. Комплекс 1928–1929 гг. в балке Бермана (юго-запад Гераклейского полуострова) дал монеты Гонория и Константина I. Сооружение № 45–46 (Юхарина балка, 1924 г.) существовало до IX в. В районе мыса Фиолент существовали постройки № 47 и 48 – квадратные башни со стороной 10 м из огромных блоков (материал – до V–VII вв.). На усадьбе за хутором Молочный открыты неукрепленные постройки (кладовые, винодельни), существовавшие до IV–V вв., площадью более 1 200 м^2. Сохранились прежние наделы и дороги между ними [7]. На наделах № 25 и 53 были открыты два крупных сооружения с монетами Феодосия II и Льва I, позднеантичной керамикой. На высоте Безымянная открыты остатки построек ранневизантийского времени (до VI в.) [8]. Быть может, жители неукрепленных усадеб занимались земледелием, находясь под охраной башен своих соседей.

Бывшая античная дальняя хора Херсонеса – западнокрымское побережье – влачила жалкое существование после III в. Однако в некоторых прибрежных населенных пунктах жизнь продолжала существовать до прихода гуннов и позднее [9].

---

[1] Там же. С. 226–229 (рис. 14 на с. 229 – общий план-макет виллы).

[2] Там же. С. 230 (рис. 16 на с. 231).

[3] *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический в античную эпоху. К., 1993. С. 35.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 45.

[6] Там же. С. 111.

[7] *Николаенко Г.М.* Херсонесская округа в I в. до н. э. – IV в. н. э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. К., 1988. С. 203–205, 208–210.

[8] *Сарновски Т., Ковалевская Л.А.* О защите Херсонесского государства союзным римским военным контингентом // РА. 2004. № 1. С. 45–46.

[9] *Щеглов А.Н.* Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма // СА. 1970. № 1. С. 254–261; *его же:* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 135.

Ряд поселений только возникает в конце III–V вв. [1]

Во 2-й пол. V–VI вв. на Гераклейском полуострове активно ходили монеты Льва I (457–474 гг.) и Юстиниана I, а также Феодосия I. Нормализация денежного обращения произошла в нач. IV в. и далее не испытывала кризисов. Монета здесь обращалась исключительно имперская [2].

С.Ю. Сапрыкин дает перечень римских монет на хоре Херсонеса в позднеантичный период:

- на участке 9 – медная монета Гонория или Феодосия II, Юстиниан I;
- участок 30: Валентиниан I, Аркадий или Феодосий II;
- участок 32: Лев I;
- участок 25: Феодосий I, Лев I (в круглом здании);
- 227 юж.: Максимиан, Лициний, Валент, Валентиниан I, Феодосий I, Лев I. Еще 3 монеты IV в.;
- участок 340: клад монет IV в.;
- Хомутова балка: Галерий, Константин I;
- храм в Балаклаве: фоллис Галерия.

Часть усадеб продолжала активность до позднеантичных и средневековых походов (усадьба на наделе № 9 и др.).

На «ближней» хоре Херсонеса почти нет римских монет II–III вв. Зато есть много монет IV–VI вв.

Поток имперских монет идет с начала IV в., достигая колоссальных размеров в конце IV в. и сохраняясь весь V в.

Во 2-й пол. V–VI вв. самыми ходовыми были выпуски Льва I (457–474 гг.) и Юстиниана I. Активное денежное обращение на Гераклейском полуострове начинается в самом начале IV в. Это – свидетельство полного восстановления нормальной жизни.

В IV–V вв. на усадьбах обращаются исключительно римские монеты (особенно заметно – 2-й пол. V вв.).

На крупных башнях есть монеты конца IV–V вв. Эти башни характерны для античного мира как важный элемент сельских усадеб. Они защищали наделы от кочевников. Обитатели этих башен – квазифедераты, военно-хозяйственные поселенцы из местных племен. Римские субсидии шли именно им, и в том числе на постройку этих башен.

В окрестностях Херсонеса монеты IV–VII вв. найдены на северном склоне хребта Мегало-Ялo и в некрополе в пещере Каймос – в Балаклаве – IV – нач. V вв. В Каламите найдена монета сер. V в.

Нет сомнений в том, что денежная подпитка окрестного населения Херсонеса в IV–V вв. была связана с обороной от внешних варваров [3].

---

[1] *Уженцев В.Б.* Боспор и Северо-Западный Крым в первые века нашей эры // Боспорский феномен. СПб., 1999. С. 313.

[2] *Сапрыкин С.Ю.* Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М., 2005. С. 170.

[3] Там же. С. 140–173.

Много имперских монет было найдено в более дальних окрестностях Херсонеса Таврического [1]. Клады серебряных и медных позднеримских монет IV в. найдены на городище Айрчи и на пересыпи озера Донузлав. Отдельные монеты этого времени попадались вдоль всего побережья Западного Крыма, а у с. Молочное их найдено более десятка. Видимо, и в ранневизантийское время здесь находились экономические интересы Херсонеса (добыча соли?) [2].

***

Таким образом, обзор основных памятников сельской территории Северного Понта позднеантичного времени убеждает нас в том, что сельская хора Боспора и Херсонеса существовала и продолжала прежние традиции материальной культуры.

Основными континуитетными признаками в области материальной культуры для сельских поселений, как и для городищ, являются античная система расселения, фортификация, хозяйственные занятия и быт, а также этнический состав населения. Все они в рассматриваемый период сохраняли свой прежний характер.

Несмотря на очаговый характер расселения, аграрная территория охватывает большую часть хоры Боспора [3] и всю хору Херсонеса. Сельская округа, во многом продолжающая античные традиции, существует даже близ постантичного города Танаиса. Непрерывность обитания установлена для всех поселений Боспора, не погибших в событиях III в.

Видимо, только тюркское нашествие окончательно разрушило античную систему землепользования и землеустройства с ее основными демографическими элементами (поселениями), и античные аграрные традиции, хотя не исключено, что жизнь еще кое-где теплилась и несколько десятилетий спустя [4].

Наиболее репрезентативный материал получен к настоящему времени в отношении поселений Крымского Приазовья. Так, на большинстве поселений открыто несколько строительных периодов. Более или менее определенно выделяется ранневизантийский слой 2–3-й четвертей VI в., в котором имеются и новые, специально построенные фортификационные сооружения, несомненно, при содействии органов власти.

Для сельских поселений в большей степени, чем для городищ, характерны перепланировки после разрушений. Однако это преимущественно частичные перепланировки, касающиеся как оборонительных, так и жилых сооружений. В силу сугубой утилитарности последних, их перепланировки были связаны не со сменой этносов или деградацией материальной культуры, а с восстановлением жизни с наименьшими затратами.

В ряде случаев имеет место полная нивелировка отдельных участков поселений после разрушений. Кое-где имеются и полностью разгромленные и не восстановленные участки, датируемые 2-й четв. VI в. (восстание гуннов-утигуров).

---

[1] Там же. С. 171–176.

[2] *Ланцов С.Б.* Античное святилище на западном берегу Крыма. К., 2003. С. 51.

[3] *Зинько В.Н.* Хора городов Европейского побережья Боспора Кимерийского (VI–I вв. до н. э.) / БИ. XV. Симферополь – Керчь, 2007.

[4] *Масленников А.А.* Сельские поселения Европейского Боспора // БИ. I. Симферополь, 2001. С. 98.

Строительная техника неоднородна. На одних и тех же поселениях есть жилые помещения с иррегулярной кладкой стен из камней различной величины и строения из прямоугольных блоков с деталями мраморной декорации (Зеленый мыс). Преобладает сырцовая кладка, характерная для сельских поселений.

На поселениях в составе керамического комплекса имеется импортная краснолаковая посуда. Неясно, как она попала в Крымское Приазовье, но скорее всего, через крупные города (Пантикапей-Боспор), а не непосредственно.

Ямы и зернохранилища свидетельствуют об интенсивной хозяйственной деятельности.

Для большинства сельских поселений, существовавших на протяжении всего позднеантичного периода, характерны следы локальных разрушений. Они в основном датируются 3-й четв. III в., концом IV в. и 2-й четв. VI в., а также концом VI в. Небольшая часть поселений погибла в 3-й четв. III в. и не была восстановлена. Периоды разрушений в целом не были катастрофическими и не приводили к тотальной гибели поселений, кроме финальной фазы – вторжения тюркютов.

В окрестностях городов (существовавших и бывших) в позднеантичное время бытовали (частично появились вновь) небольшие поселения и усадьбы, ориентированные, как и прежде, на производство и продажу зерна (Героевка II – усадьба и др.).

Некоторые районы европейского Боспора были исключительно сельскими микрозонами без городского центра (район Нимфея; северо-восток близ переправы может рассматриваться как дальняя периферия Пантикапея).

В целом на европейском Боспоре в IV–VI вв. существует определенное греко-варварское пограничье. Рубеж проходит по Узунларскому валу от урочища Сююр-Таш до Киммерика.

На преимущественно варварских землях вокруг Боспора есть ряд поселений постантичного типа. В основном здесь продолжает бытовать в своей основе античная материальная культура, но очень огрубленная (нет оштукатуренных стен и черепичных крыш) и унифицированная (одинаковые дома) [1].

Спецификой сельской территории азиатского Боспора позднеантичного времени является наличие «хуторов» из 1–2-х или чуть более отдельных усадеб. Специфика расселения: близость к морю, коммуникациям, либо труднодоступные места внутри полуострова. Поселения азиатского Боспора также многослойны и имеют следы пожаров, причем несколько иного времени, чем на европейской стороне; датировка – 20–30-е гг. IV вв., конец IV в. Многие крупные поселения здесь были крепостями («батарейками»). На Тамани (для IV в.) имеется больше импортных вещей.

Земли к юго-востоку от Горгиппии, как и район Танаиса – образцы постантичной сельской территории. Поселения близ Танаиса – варварские (готo-аланские), но следы греков-боспорян и античной культуры имеются (имена на дипинти, боспорские амфоры), хотя и не доминируют.

[1] Юго-восток азиатского Боспора, Танаис, территории западнее с. Золотое в Приазовье, районы Феодосии и Судака.

Хора Херсонеса данного времени пока не исследована хотя бы с относительной полнотой. Имеются лишь отдельные памятники. Вместе с тем их анализ позволяет сделать достаточно определенные выводы. Усадьбы античного типа преобладают здесь до конца V в. Идет процесс расширения животноводства. Часть усадеб была покинута хозяевами («усадьба Басилидов») [1], часть перестроена на рубеже V–VI вв. Интересно отметить факт частичной разборки оборонительных сооружений, видимо, в период усиления византийского влияния. В отдельные периоды IV–VI вв. хора испытывала внешнее давление, вызывавшее оставление или укрепление усадеб. Варварское население оседало на полуострове эпизодически, в основном на окраинах (Инкерман), и не изменило общего позднеантичного характера хоры.

Как уже отмечалось для Фанталовского полуострова, в позднеантичное время хора Херсонеса утрачивает геометрическую строгость и регулярность межевания [2].

Итак, континуитетные начала в материальной культуре сельской территории Боспора и Херсонеса налицо. Варваризованные постантичные участки были территориально отграничены от античной хоры. На оставшихся происходила относительно мирная и постепенная эволюция хозяйственной жизни.

Очаговый характер расселения, видимо, был характерен не только для Боспора в целом, но и для каждой отдельной микрозоны. На поселения приходили, а затем уходили дальше какие-то группы населения, оставляя порой случайные вещи.

Прекращение функционирования большинства хозяйств на Гераклейском полуострове не ранее 2-й пол. V в. привело к постепенной замене античного аграрного производства ремеслом, промыслами и торговлей [3]. Можно вести речь о постепенном перенесении основной аграрной территории с хоры Херсонеса в Юго-Западный Крым, к федератам, с которыми херсонеситы предпочитали торговать и обмениваться продуктами.

Можно отметить такое характерное явление, как приспособление под жилье бывших склепов. В V в. такие факты отмечаются на некрополе Илурата, Китея, поселения Кыз-Аул. Кто заселял эти склепы – беженцы из античных городов и поселений, христиане (на некоторых стенах «жилых» склепов вырезаны кресты) или варвары, проходившие мимо в бесконечных скитаниях эпохи Великого переселения? С конца VI в. в таких склепах располагается первая волна салтовского населения, активно переселявшегося в Восточную Таврику [4].

---

[1] *Кузищин В.И.* Раскопки позднеантичной виллы близ Севастополя // АО. 1979. М., 1980. С. 294.

[2] См.: *Жеребцов Е.Н.* Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклейского полуострова // КСИА. 168. М., 1981. С. 21.

[3] *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V – VI вв.: политический и экономический аспекты // ХСб. IX. Севастополь, 1998. С. 125.

[4] См. *Ермолин С.А.* Европейский Боспор VI – 1-я пол. VII вв.: проблемы смены населения и христианизации. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2019.

§ 5. Некрополи: континуитет погребального обряда

Некрополи городищ Северного Понта в позднеантичное время, как правило, располагались по античной традиции вблизи от города, но за его чертой. Христианский обычай погребать внутри городских стен [1] появляется в Северном Причерноморье достаточно поздно (история Гикии (Const. Porph. 53) может служить косвенным указанием на обстоятельства возникновения прецедентов такого рода). Так, в Херсонесе близ «базилики на холме», почти в центре города, возникло кладбище, обнесенное каменной оградой. Видимо, и постепенное наступление некрополя на гору Митридат в Керчи надо рассматривать не столько в плане кризиса города, сколько в ментальных изменениях отношения к смерти и мертвым [2]. Влияние Востока в формировании подобных представлений очевидно [3]. Кладбищенские церкви становились в некотором роде очагами общественной жизни, заменяя прежний форум.

На хоре грунтовые некрополи надолго становятся неотъемлемой чертой сельского ландшафта в ближайших окрестностях поселений. Занимая, как правило, относительно ровные пространства, они в поздний период «осваивают» иногда и склоны холмов, подчас довольно крутых. Имеется определенное количество невысоких надмогильных насыпей, кольцевых выкладок из дикарного камня и очень редкие стелы-надгробия. Так помечались и входы в дромосы грунтовых склепов, фиксированных также холмами выброшенного при их строительстве светлого материкового грунта. Нечастые впускные захоронения кочевников IV–VI вв. в старых курганах не меняли общей картины степных и прибрежных пространств полуострова [4].

Далее предметом нашего исследования станут античные традиции в размещении и типологии некрополей, погребальных сооружений, погребальном обряде. Этнические особенности будут затронуты в минимальной степени и не являются здесь предметом специального рассмотрения.

Керченский (Боспорский) некрополь. Для истории Боспора IV–VI вв. важнейшие материалы дают керченские некрополи позднеантичного времени. Русскими археологами в свое время был накоплен огромный материал. Ни один некрополь античного города не был исследован археологами так полно [5], как основной позднеантичный некрополь Керчи на г. Митридат. Но их отчеты имели ряд недостатков: не совсем точная топографическая фиксация открываемых памятников, отсутствие иллюстраций и т. п. Лишь в послевоенное время К.М. Скалон удалось восстановить паспортизацию хранящих-

---

[1] *Краутхаймер Р.* Три христианские столицы. Топография и политика. М.-СПб., 2000. С. 75.

[2] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 9; то же: Харьков, 2001. С. 64.

[3] *Колпакова Г.С.* Искусство Византии. Ранний и средний периоды. СПб., 2004. С. 33.

[4] *Масленников А.А.* Некрополи в ландшафте хоры античного Боспора // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998. С. 40–44.

[5] *Цветаева Г.А.* Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. № 19. М., 1951. С. 63.

ся в Эрмитаже керченских комплексов. Пока лучшей и, по сути, единственной общей публикацией остается работа И.П. Засецкой 1993 г. [1]

Относительно общепринято установлены районы трех основных некрополей:

1) северный склон г. Митридат: южный конец Госпитальной улицы, западная часть Эспланадной, Шлагбаумской, 1-й Подгорной между 2-м Креслом и Пирамидальной скалой [2];

2) южный склон г. Митридат: восточная покатость Длинной скалы, южный склон 2-го Кресла;

3) Глинище: район бывшей Братской церкви, на берегу бухты, на Аджимушкайской площади, в районе 2-й Поперечной и 4-й Продольной улиц, по дороге к Царскому кургану [3].

Западной границей первого некрополя считался вал, спускающийся с Золотого кургана [4]. Вместе с тем и сегодня остается в силе утверждение Г.А. Цветаевой о том, что «всякая попытка составления топографической карты пантикапейского некрополя не может претендовать на абсолютную точность» [5].

Определенные уточнения внесли исследования, проводившиеся с 2001 г. в Керчи. В свете новых данных «катакомбный» некрополь Пантикапея охватывает район в следующих границах: восток – ул. Госпитальная, север – ул. 23 мая 1919 г. и ул. Чкалова, юг – ул. Чкалова и ул. Турчинского, запад – развилка ул. Чкалова и Куль-Обинского шоссе [6].

В первые годы нового века было картографировано более 160 склепов, а всего их, предположительно, должно быть несколько тысяч [7].

На сегодняшний день пока нет специального исследования архитектуры склеповых конструкций, позволившего бы проследить в динамике преемственность и изменения в приемах сооружения гробниц на протяжении функционирования некрополя. Нет и полного картографирования всех объектов [8]. Наиболее успешно систематизацией склепов занимается Е.А. Зинько.

Общая площадь некрополя может достигать 25 га [9]. Несколько имеющихся сегодня «систем» склепов (т. е. проходов-коридоров) образовалось в

---

[1] *Засецкая И.П.* Материалы боспорских некрополей 2-й пол. IV – 1-й пол. V в. // МАИЭТ. III. Симферополь, 1993; см. также: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV – XIII вв. М., 2003. С. 31–40.

[2] Впервые границы этого некрополя определил В.В. Шкорпил: Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. 25. СПб., 1907. С. 2.

[3] *Цветаева Г.А.* Грунтовой некрополь Пантикапея. С. 83.

[4] *Засецкая И.П.* Материалы боспорских некрополей 2-й пол. IV – 1-й пол. V в. С. 23.

[5] *Цветаева Г.А.* Грунтовой некрополь Пантикапея. С. 63.

[6] *Сохин М.Ю.* Исследование восточной части «катакомбного» некрополя Пантикапея в 2001–2002 годах // ДБ. 6. 2003. С. 276.

[7] *Лысенко А.В., Сохин М.Ю., Парфенов А.А., Юрочкин В.Ю.* Исследования некрополя Пантикапея-Боспора в 2002 г. // Археологічні відкриття в Україні. 2001–2002 рр. К., 2003. С. 167.

[8] *Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю.* Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000–2002 гг.) // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. К., 2004. С. 94–166. Ср.: *Зинько Е.А.* «Старые» и «новые» исследования некрополя Пантикапея // МАИЭТ. XI. Симферополь, 2005. С. 603–610.

[9] *Зинько Е.А.* О топографии позднеантичного некрополя Пантикапея // БИ. III. 2003. С. 60.

результате грабительской деятельности. В настоящее время отсутствует единая общепринятая нумерация склепов (№ 1–48 по нумерации КФИА соответствуют «системе 2000 г.» Е.А. Зинько). Некоторая упорядоченность склепов позволяет предполагать наличие над ними каких-либо надмогильных знаков на поверхности [1].

Традиционно считалось, что основной некрополь на г. Митридат принадлежал боспорской элите. Однако сегодня известно уже более ста погребальных сооружений, сходных по конструкции, не позволяющих предполагать строгой социальной дифференциации участков могильника. Число склепов в целом, видимо, превышало тысячу. Компактность в расположении катакомб свидетельствует о регламентации границ некрополя городскими властями, т. е. о сохранении в это время определенных социальных институтов [2].

На некрополе господствует традиционный тип грунтового склепа с лежанками, известный здесь с первых веков н. э. Речь идет о семейных склепах, что подчеркивает преемственность эпох. При этом тип погребального сооружения в данном случае не может выступать как твердый показатель для этнической атрибуции погребенных.

Не менее сложен и вопрос о конфессиональном составе погребенных. Христианская символика и состав инвентаря здесь мало помогут решению проблемы. Видимо, погребальный обряд длительное время имел общие черты для христиан и язычников и не противоречил представлениям обеих конфессий.

Точная хронология некрополя не может считаться полностью разработанной. Сопоставление датировок вещей с планиграфией некрополя, указывающей на относительную хронологию, еще не проводилось.

Исследования склепов на северном склоне г. Митридат, проведенные КФ ИА НАНУ, позволили выделить несколько групп по особенностям объемно-планировочного решения. Первая группа: подпрямоугольные в плане камеры, перпендикулярные дромосу, с тремя (реже двумя) лежанками и покатыми уступами; ряд склепов имеет особенно большие размеры. Вторая группа: склепы меньшего размера, ориентированные длинной осью по оси дромоса, с тремя лежанками и 1–3 нишами. Третья группа: небольшие склепы с одной лежанкой и одной нишей. Видимо, отдельную группу могут составить «вписанные» между другими, уже существовавшими, склепами [3].

Типология склепов соответствует хронологическим группам, выделенным И.П. Засецкой [4].

Большинство склепов отличается довольно высоким качеством обработки. Во многих склепах вырубались дополнительные лежанки или удлиня-

---

[1] *Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю.* Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000–2002 гг.) // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. К., 2004. С. 98.

[2] *Мыц В.Л., Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю.* Некрополь Пантикапея-Боспора: проблемы и перспективы исследования // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 1. СПб., 2001. С. 174–175.

[3] Там же. С. 117–118, 127–129.

[4] Там же. С. 129.

лись уже существовавшие. После обработки камеры на ее стены наносилась разметка контуров лежанок и ниш, прочерченная по мергелю острым предметом [1]. Большинство погребальных сооружений могильника использовались для многократных захоронений. Это были семейные склепы. Покойные находились в гробах. На боковых лежанках погребенных размещали ногами к дромосу.

Склепы, обследованные КФ ИА НАНУ, относятся к I–II периодам по И.П. Засецкой. Однако авторами работ была предложена уточненная хронология: 1 период – посл. четв. III – IV вв. (в них продолжали хоронить до нач. V в.) (склепы I типа); 2 период – IV в. (склепы типа I/II); 3 период – посл. четв. IV – 1-я пол. V вв. (тип II); 4 период – 2-я пол. V в. – 1-я пол. VI в. (тип III); 5 период – 2-я пол. VI – нач. VII в. (архитектурные признаки точно не выделены). Материалы исследованного участка отражают постепенную смену традиционной конструкции склепов, направленную на уменьшение размеров, что было связано с дефицитом места. Господствуют прежние грунтовые склепы с лежанками и нишами; техника их сооружения не меняется. Это – яркое свидетельство континуитета [2].

Формы крестов из склепа XVI аналогичны изображениям из катакомбы 491 г. и на надгробии диакона Евсевия 437 г. [3]

«Система склепов 2000 г.» исследуется на предмет уточнения топографии, хронологии и типологии, а также выявления и анализа новых расписных склепов. В первые годы столетия была проведена съемка 47 склепов. В 2001 г. был расчищен склеп № 11 из «системы 2000 г.». Роспись и инвентарь дают дату 1-й пол. V в. (серебряная пряжка, железный меч, серебряный наконечник ремня, фрагмент листика от погребального венка) [4].

В 2002 г. был исследован склеп № 30 из «системы 2000 г.», датированный IV–V вв., и открыта «система 2002 г.» из 45 склепов. Количество еще неоткрытых склепов должно быть весьма значительным [5].

Вторая система из 63 склепов расположена по ул. Желябова. Большинство склепов вырублено в толще мергеля (плотной желтовато-серой глины), поверхность стен слегка заглажена и не оштукатурена. Свод камеры – монолитный слой известняка мощностью в 1 м [6]. Глубина этих склепов – около 4 м. Пол камер – прямоугольный, дромосы в 70 % случаев – с северной стороны. Лежанок имеется от 1 до 4-х, есть ниши для посуды. Потолок – сводча-

---

[1] Там же. С. 178–179.

[2] *Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю.* К вопросу о типологии и хронологии склепов некрополя Пантикапея-Боспора // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002. С. 87–88; *Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю.* Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000–2002 гг.) // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. К., 2004. С. 127–129.

[3] Там же. С. 180.

[4] *Зинько Е.А.* Исследование некрополя Пантикапея в 2001 году // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 101.

[5] *Зинько Е.А.* Некрополь Пантикапея – новые открытия // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 114.

[6] *Зинько Е.А.* Культовая символика в росписи нового склепа Пантикапейского некрополя // БИ. II. Симферополь, 2002. С. 249–250.

тый. Участок имел строгую планировочную структуру, при которой склепы располагались плотными рядами, вытянутыми вдоль склона горы [1].

Анализ инвентаря склепов был сделан А.В. Лысенко и В.Ю. Юрочкиным. Амфорный материал в основном охватывает 2-ю пол. V – 1-ю пол. VI вв. [2]

Размеры подземного некрополя: длина с востока на запад – более 1 км, ширина – до 250 м в восточной части.

Системы склепов подземного некрополя существовали несколько веков, возникнув до позднеантичного периода. Продолжение их существования в IV–VI вв. можно рассматривать как яркий феномен континуитета. По относительной хронологии М.Ю. Сохин выделил три периода, не давая абсолютных дат [3].

Важно отметить, что на протяжении конца III–VI вв. технология сооружения склепов и их типология практически не меняются, что свидетельствует о континуитете населения Пантикапея и его культуры в указанное время [4].

Свою уточненную классификацию поздних некрополей предложил в 2004 г. С.А. Шестаков: 1) северный склон г. Митридат (подземные склепы); 2) на Братской улице (IV–V вв.); 3) по дороге на Царский курган (продолжение предыдущего); 4) на улице Свердлова (южный склон г. Митридат) (V–VI вв.) [5].

Свой анализ комплексов погребений на северном склоне горы Митридат предложила И.П. Засецкая [6]. По ее мнению, отличительной особенностью комплексов погребений первого хронологического периода является присутствие в них более древних вещей, чем время, в которое совершались захоронения. Это особенно характерно для богатых погребений, подобных тем, какие были обнаружены в склепе 145 или в склепах «24 июня 1904 г.» Это были семейные усыпальницы высшей боспорской знати, а возможно, и боспорских правителей [7]. При этом надо помнить, что склепы 145, «24 июня 1904 г.», Гордиковский и ряд других существовали около 375–420 гг., склеп 154 существовал в 1-й пол. V в., склеп 165 – до начала 2-й пол. V в. [8] Со временем новые склепы вырезались в очень небольшом количестве, чаще исполь-

---

[1] *Зинько Е.Н.* Боспорские склепы на северном склоне горы Митридат // МАИЭТ. VII. Симферополь, 2000. С. 69.

[2] *Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю.* Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000–2002 гг.) // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. К., 2004. С. 119–127.

[3] *Сохин М.Ю.* Изучение «новой системы» подземного некрополя Пантикапея // ДБ. 5. 2002. С. 241–259.

[4] *Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю.* Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000–2002 гг.) // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. К., 2004. С. 129.

[5] *Шестаков С.А.* Топография поздних некрополей как показатель этнического состава населения Пантикапея – Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 427–430.

[6] *Засецкая И.П.* Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 31–40.

[7] *Засецкая И.П.* Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя… С. 99.

[8] Там же.

зовались старые склепы [1], земляные вместо каменных, или под склепы приспосабливались прежние зерновые ямы [2]. Склеп 1894 г. имеет изображение корабля влево от лежанки. С обеих сторон ниши (в правой стене) – грубые изображения двух деревьев с корнями и ветвями. Среди инвентаря – светильник с рельефным изображением двух рыб. Склепы № 50–53 на северном склоне г. Митридат содержали типичный инвентарь (украшения с полихромной икрустацией, пряжки «готского» стиля). На Глинище схожий характер имеют склепы № 44, 70–71, 75, 77–79, 85, 87 [3].

Склепы I периода (конец IV – 1-я пол. V в.) [4] имеют очень разнообразный и многочисленный материал, что резко отличает их от склепов последующих периодов. Отличительная особенность – использование вещей более древних [5]. Здесь сочетаются сармато-готские элементы, греко-римские традиции, влияние гуннов. К 375–420 гг. относятся: склепы 145, «24 июня 1904 г.», Гордиковский, Новиковский, 1896 г.; к IV – 1-й пол. V в. – 154 с 11 погребениями; к 1-й пол. – сер. V в. – 165.

II период (2-я пол. V – 1-я пол. VI в.) характеризуется несколько более бедным и однообразным инвентарем. Почти нет предметов вооружения, конской упряжи, полихромных украшений, художественных изделий из империи. Есть пальчатые фибулы. Склеп 78 использовался около 100 лет, в нем 14 погребений 2-й пол. V – сер. VI в. В склепе № 1904/152 был найден бронзовый светильник с ручкой в виде креста и др. предметы V в. [6] В 1891 г. открыты два склепа с предметами конца V в. и монетами императора Льва I (457–474) [7].

В III период (с сер. VI в.) материал становится еще менее разнообразным. Характерны пряжки с головами хищных птиц. Образец – склеп 180 с семью погребениями. Этот период близок могильнику Суук-Су – преемнику керченского некрополя по хронологии.

Некрополь Керчи, по мнению И.П. Засецкой, прекратил существование в 1-й пол. VII в. [8] Образчик склепов этого времени – склеп 78/1907, существовавший со 2-й четв. VI в. до сер. VII в. В нем были похоронены представители нескольких поколений одной семьи [9].

---

[1] *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. // ИАК. 25. СПб., 1907. С. 41 (склеп 154).

[2] Там же. С. 26.

[3] *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 г. // ИАК. 47. 1913. С. 42–72.

[4] *Засецкая И.П.* Три хронологических индикатора боспорского некрополя раннесредневекового периода // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I. СПб., 2002. С. 311–320.

[5] *Засецкая И.П.* Степи Северного Причерноморья и Боспор в гуннскую эпоху (конец IV–V в. н. э.). Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности. Автореф. докт. дисс. М., 1996. С. 34.

[6] ИАК. 25. 1907. С. 39–41.

[7] ОАК. 1891. С. 60–61.

[8] *Засецкая И.П.* Степи Северного Причерноморья и Боспор в гуннскую эпоху (конец IV – V в. н. э.). С. 40; *ее же:* Три хронологических индикатора боспорского некрополя раннесредневекового периода // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I. СПб., 2002. С. 311–320.

[9] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 104.

Среди прочих катакомбных погребений можно выделить христианские. Христианские надгробия с надписями и крестами позволили определить места трех участков христианских погребений в Пантикапее-Боспоре:

1) на северном склоне г. Митридат в районе Госпитальной улицы;

2) на Глинище, в районе бывшей Братской церкви;

3) по дороге к Царскому кургану.

Это – районы прежних позднеантичных некрополей (континуитет топографии).

Точно атрибутированные христианские памятники в Керчи немногочисленны. Можно выделить три типа греческих христианских надгробий: 1) краткое указание имени почившего; 2) рассказ о почившем; 3) автобиография [1]. Эти памятники должны были входить в состав бытового погребального инвентаря, типичного для того времени, смешиваться с обиходными вещами – пряжками, фибулами, браслетами и т. п. Вместе с ними они расхищались и исчезали. От повального грабежа склепов некрополя Госпитальной улицы (в значительной степени христианского) уцелели лишь случайные крохи [2].

А.И. Айбабин видит проявление христианизации лишь в появлении плитовых могил с середины VI в. [3] О массовой христианизации, которая хронологически была связана с исчезновением у христиан элементов языческого погребального обряда (инвентарь), можно вести речь лишь с VII в., а до того христианский погребальный обряд на Боспоре был тесно связан с античными традициями предшествующего времени [4] (инвентарь).

Погребальный инвентарь в керченских склепах в целом представлен достаточно однотипными предметами вооружения, конского снаряжения, украшениями и принадлежностями костюма, стеклянной посудой и серебряной утварью. Для богатых погребений боспорской знати типичны золотые изделия в технике перегородчатой полихромной инкрустации, фибулы, серебряная и стеклянная посуда, умбоны от щитов, предметы вооружения и конского снаряжения. Инвентарь почти утратил древний греческий характер, но в своей основе остался античным: золотые погребальные венки, оттиски с монет римских императоров, краснолаковая керамика. Как известно, погребальный обряд связан с наиболее консервативными сторонами общественной идеологии и изменяется только после того, как в реальной жизни те или иные новшества получили полное признание. Культура «поздних керченских ката-

---

[1] *Новосадский Н.И.* Несколько заметок о греческих христианских надписях. Харьков, 1914. С. 6.

[2] *Мацулевич Л.А.* Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926. С. 50.

[3] *Айбабин А.И.* О хронологии раннесредневекового некрополя Боспора // МАИЭТ. III. Симферополь, 1993. С. 22. Другие авторы считают их этническим признаком готов. Об этом же позднее высказался и сам А.И. Айбабин (Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 104).

[4] *Зинько Е.А.* Некоторые особенности религиозной жизни на Боспоре в период христианизации (III–VI вв.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 154.

комб» наиболее полно представлена склепами 145, 147, первичным захоронением склепа 163, 165–169, 176–178 и др. [1]

Катакомбный тип погребений продолжал бытовать на Боспоре вплоть до конца V в. как характерный продукт материальной культуры местного населения [2]. Итак, это местная боспорская культура, испытавшая влияние варваров эпохи Великого переселения народов. Степные (гуннские) древности значительно от нее отличаются отсутствием фибул, венков, индикаций, стекла и серебра, умбонов, а также всем подбором инвентаря [3].

Преимущественно христианские погребения, надгробия которых найдены на Глинище в районе бывшей Братской церкви, а также христианские склепы, открытые большей частью на Госпитальной и I Подгорной улицах [4], представляют собой склепы, которые сделаны грубо и небрежно, тщательнее отделан лишь вход, над которым изнутри склепа обычно изображался крест (склепы 1895, 1912 гг.) или дата сооружения (491 г.).

Склеп № 154 с одиннадцатью погребениями в гробах относится к кон. IV–VI вв. В гробах под голову умерших здесь клали подушечки, набитые лавровыми листьями [5]. С.Б. Сорочан считает, что этот элемент обряда связан с важным церковным статусом погребенных лиц [6].

Важнейшим памятником конца V в. является керченская христианская «катакомба 491 г.», описанная Ю.А. Кулаковским. На стенах склепа – дипинти стихов 90-го псалма. Характер письма – тот же, что и на боспорских эпиграфических памятниках. Письмо – унциальное, с определенной и ясной формой отдельных букв. Ю.А. Кулаковский подчеркивает, что в конце V в. письмо на Боспоре сохранило свои старые традиционные формы, отличия от эпиграфического алфавита незначительны. Есть отступления от установленных классических форм в написании отдельных слов («фонетическая революция» в процессе византинизации): ι вместо ει, ε вместо αι, ο вместо ω, взаимозамена αι и η. Памятник датируется по старой боспорской эре и неоспоримо утверждает непрерывность культурной жизни населения Боспора до конца V века [7].

В склепе была похоронена знатная боспорская чета – Саваг и Фаиспарта, реконструкцию биографии которых предложил Ю.Г. Виноградов [8]. Использованный здесь комплекс молитвословий имеет отношение к погребению христиан, которые сами приготовили здесь себе место упокоения и обильно украсили его знамениями креста [9]. С псалма 90 начинается отпева-

---

[1] *Засецкая И.П.* Боспорские склепы гуннской эпохи // КСИА. 158. 1979. С. 13.

[2] *Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. 6. СПб., 1891. С. 21.

[3] *Засецкая И.П.* Боспорские склепы гуннской эпохи. С. 14.

[4] *Цветаева Г.А.* Грунтовой некрополь Пантикапея. М., 1951. С. 84.

[5] *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. Вып. 25. 1907. С. 44.

[6] *Сорочан С.Б.* О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартирии св. Василия в раннесредневековом Херсоне // АДСВ. 34. 2003. С. 161.

[7] *Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. 6. СПб., 1891. С. 22; *Латышев В.В.* ΠΟΝΤΙΚΑ. СПб., 1999. С. 364.

[8] *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1. С. 233–247.

[9] *Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба 491 г. С. 10.

ние. Псалом 120 имеет место в чине освящения дома. Альфа и омега как символы употребляются в латинских надписях с 354 г. Древнейшая греческая надпись с крестом в начале относится к 450–455 гг., а латинская – к 496 г. [1]

В.В. Латышев установил, что всего в катакомбе 491 г. содержится 7 надписей:

1) дата – 491 г.;

2) стихира с прославлением христианской смерти;

3) псалом 90 (с него начиналось отпевание);

4) Трисвятое;

5) две небрежных стихе из псалма 120;

6) две первые фразы пс. 26;

7) крестики и 7 букв (начало псалма 101?) [2].

В 1895 г. была открыта еще одна «катакомба» конца V в. Она во всем аналогична предыдущей, но гораздо беднее по содержанию [3]. На стене тоже были начертаны стихи из 90-го псалма. Писец знал принятое деление псалма на стихи, но не обозначил их нумерацию. Текст написан гораздо точнее и тщательнее, чем в «катакомбе 491 г.» [4] Этот склеп датируется 496 г.

К 497 г. относится точно датированная надпись с поверхности христианского мраморного памятника, от которого сохранился только нижний правый угол [5]. Плита с надписью, по мнению издателя, была укреплена в стене. Точное указание даты по боспорской эре – еще одно свидетельство сохранения основных форм жизненного уклада боспорян на рубеже VI в.

Среди других памятников V в. – надгробие христианина Арсака [6], надгробие Евтихиана, найденное в 1972 г. в районе универмага «Детский мир» [7].

Рассмотрение дальнейшей судьбы керченских некрополей позволяет отметить, что они в целом продолжают прежние традиции [8]. Этот период существования Боспорского некрополя (2-я пол. VI–VII вв.) стал предметом изучения А.И. Айбабина. Исследуя инокультурные влияния, ученый определил хронологию появления в некрополе различных деталей одежды – фибул и пряжек; это важнейший датирующий признак. В частности, было отмечено, что маленькие двупластинчатые фибулы с инкрустацией появляются на Боспоре в 1-й пол. IV в., полихромные вещи с перегородчатой инкрустацией – 2-я пол. IV – нач. V вв., керченские пальчатые фибулы и орлиноголовые пряжки – VI–VII вв. Прототип керченских фибул бытовал на Дунае во 2-й пол. V –

---

[1] Там же. С. 20.

[2] *Латышев В.В.* ПОNTIKA. СПб., 1999. С. 360.

[3] *Кулаковский Ю.А.* Две керченские катакомбы с фресками // МАР. 19. СПб., 1896. С. 63.

[4] *Шкорпил В.В.* Вновь найденная христианская катакомба // ЗООИД. 18. Одесса, 1895. С. 188–196.

[5] *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1904 г. // ИАК. 14. СПб., 1905. С. 90. Надпись 107, надписи 100–106 также христианские, скорее всего, V в.

[6] *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1904 г. С. 86, надпись 100.

[7] *Молев Е.А.* Новые эпиграфические находки из Керчи // ВДИ. 1978. № 2. С. 132.

[8] *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Ранневизантийский некрополь Боспора // АДСВ. 46. 2018. С. 33–53.

1-й пол. VI вв. В VI–VII вв. бытуют в Крыму серебряные позолоченные фибулы Удине-Планис. Орлиноголовые пряжки на Боспоре начали изготовлять по дунайским прототипам не ранее сер. VI в. и носили до конца VII в. [1]

Отмечавшееся ранее неуклонное сокращение территории некрополя Пантикапея-Боспора на протяжении IV–VI вв. [2] в связи с сокращением населения ныне не подтверждается. Некрополь, наоборот, расширялся, и это свидетельствует скорее о росте количества погребенных, т. е. о сохранении значительного количества населения. В любом случае население столицы не испытало в данный период резких потрясений и катастрофических сокращений.

Склепы позднего периода отличаются принципиально новым объемно-планировочным решением. Все они – с трапецевидной погребальной камерой. Площадь лежанок остается прежней, а площадь камеры уменьшается более чем в два раза [3].

Как считает А.И. Айбабин, приписываемые гуннам кочевнические погребения с вещами полихромного стиля (И.П. Засецкая) распространились на полуострове с начала V в. В тот же период у боспорской знати вошли в моду полихромные изделия, стилистически близкие гуннским [4]. В настоящее время полихромия гуннской эпохи не считается чисто гуннской, ее создавали разные народы, в том числе и гунны [5]. Вещи с полихромной инкрустацией имеют на Боспоре богатую историю. Впервые они появляются в эпоху эллинизма. Выделяется стиль римско-сарматского времени и стиль гуннского времени [6].

В отличие от И.П. Засецкой, А.И. Айбабин продляет бытование керченского некрополя на весь VII век и констатирует полное сохранение в нем прежних традиций [7].

Весьма важными новыми достижениями в исследовании некрополей Пантикапея-Боспора можно считать уточнение территории массовых безынвентарных кладбищ города с простыми грунтовыми могилами. Они маркируют процесс массовой христианизации города и формируются в самом конце VI – 1-й пол. VII вв. [8]

---

[1] *Айбабин А.И.* О хронологии некрополя Боспора VI–VII вв. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 5–8. Ср. др. типологию орлиноголовых пряжек: *Сидоренко В.А.* Федераты Византии в Юго-Западном Крыму. Автореф. канд. дисс. СПб., 1994. С. 17–18.

[2] *Якобсон А.Л.* Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. XXI. 1954. С. 151.

[3] *Сохин М.Ю.* Исследование восточной части «катакомбного» некрополя Пантикапея в 2001–2002 гг. // ДБ. 6. 2003. С. 279.

[4] *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I. Симферополь, 1990. С. 67.

[5] *Черниенко Д.А.* Гунны в Европе. Ижевск, 2003. С. 51.

[6] Переходный этап – второй трети III–IV вв. проанализировал О.В. Шаров. См.: *Шаров О.В.* О полихромных стилях на Боспоре в позднеримское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 408–413.

[7] *Айбабин А.И.* О хронологии раннесредневекового некрополя Боспора // МАИЭТ. III. Симферополь, 1993. С. 22.

[8] *Зинько А.В., Пономарев Л.Ю.* К топографии ранневизантийского города Боспора и его плитово-грунтовых некрополей // БИ. XXXII. Симферополь– Керчь, 2016. С. 107–148; *Ермолин С.А.* Европейский Боспор VI – 1-й пол. VII вв.: проблемы смены населения и христианизации. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2019. С. 24–25.

В начале VII в. у подножия горы Митридат и на ее склонах начали хоронить на новых участках городского некрополя в грунтовых и плитовых могилах. В результате раскопок А.И. Айбабина 2007–2009 гг. на нижней террасе юго-восточного склона горы Митридат, в Босфорском переулке, был зачищен участок раннесредневекового некрополя Боспора. Могилы были выкопаны в слое разрушения жилого квартала, погибшего в результате вторжения тюркютов в 576 г. Раскопаны три типа могил: 1 – простые грунтовые (55 могил); 2 – могилы с бортами, выложенными камнями и плитами (21 могила); 3 – плитовые (23 могилы).

На данном участке городского некрополя хоронили христиане. В пяти могилах на плитах высечены кресты. В двух женских могилах найдены перстни с христианской символикой. В могилах нашли фоллисы Юстина II (выпуск 577/8 г.) и Ираклия (610–641) или Константа II (641–668), византийские цельнолитые бронзовые пряжки типа «Сиракузы» и с овальным кольцом варианта II–5, с вырезанным в центре щитка трилистником. По монетам и пряжкам участок некрополя датирован VII – первой половиной VIII вв. [1]

В ходе охранно-спасательных работ Керченской охранно-археологической экспедицией под руководством А.Л. Ермолина в Керчи по ул. 1-я Митридатская, 26, в 2006 г. был выявлен некрополь VII в. и исследовано 27 могил, где умершие были захоронены в плитовых могилах, так называемых каменных ящиках. На некоторых плитах были вырезаны кресты, и могилы ориентированы на Восток – Запад. Костяки лежали головой на запад. Погребального инвентаря при погребениях не было, за редким исключением были элементы одежды – металлические пряжки. Обряд соответствует христианскому обряду захоронения. Этот участок некрополя можно датировать VII в. по пряжкам типа «сиракузы», имевшим хождение в VII в. в Крыму.

На месте строительства нового здания музея в Керчи по адресу ул. Свердлова, 24 (между улицами 1-я Митридатская и ул. Свердлова) в 2006 г. была проведена шурфовка участка Керченской охранно-археологической экспедицией под руководством А.Л. Ермолина. В шурфе № 1 была выявлена могила, по устройству и обряду захоронения сходная с могилами на участке по ул. 1-я Митридатская, 26. В 2007–2009 гг. на этом месте были проведены охранные раскопки под руководством А.И. Айбабина [2]. Восточная оконечность этого некрополя находилась на пересечении

---

[1] *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Ранневизантийский некрополь Боспора // Античная древность и средние века. Вып. 46. 2018. С. 33–53.

[2] *Айбабин А.И., Смокотина А.В., Хайрединова Э.А.* Некоторые итоги раскопок раннесредневековой Керчи в 2007 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria / Боспорские чтения. Вып. IX. Керчь, 2008. С. 5–8; *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Раскопки некрополя раннесредневекового Боспора в 2007–2008 гг. …; *они же.* Раскопки раннесредневекового Боспора в 2007–2009 гг. …; *Айбабин А.И.* Раскопки нового рыбозасолочного комплекса в г. Боспор…; *Хайрединова Э.А.* Костюм городского населения Боспора в VII–VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь – Керчь, 2013. С. 286–317; *она же.* Перстни и кольца раннесредневекового времени из Керчи // Боспорские исследования. Вып. XXX. Симферополь – Керчь, 2014. С. 442–460; *Смокотина А.В.* Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора …; *она же.* Штампы на краснолаковой керамике из

ул. 1-я Митридатская и пер. Клабукова (далее к востоку на сегодняшний день захоронений не выявлено), где в 1976 г. при прокладке траншеи водопровода напротив Портовой больницы (ул. 1-я Митридатская, 47а) обнажились три плитовых могилы. В одной из могил С.А. Шестаковым было исследовано богатое женское захоронение [1].

От пер. Клабукова и до пер. Босфорского (мест раскопок А.Л. Ермолина и А.И. Айбабина) периодически проводились только охранные раскопки, в ходе которых в разные годы в районе ул. Свердлова были выявлены более десятка плитовых могил, ориентированых на юго-запад, и в некоторых были найдены пряжки типа «сиракузы» [2]. Эти находки могил дают основания предполагать, что раннесредневековый некрополь как единое целое занимал территорию от пер. Клабукова до здания музея с востока на запад и от ул. 2-я Митридатская с севера и до левой стороны ул. Свердлова с юга. Предположительная площадь этого некрополя составляла 4–5 га.

Еще один раннесредневековый некрополь находился на северо-западном склоне горы Митридат на совр. ул. Н. Крупской и 23 Мая 1919 года. Здесь в 2006 г. Керченской охранно-археологической экспедицией были проведены охранные раскопки при строительстве дома по адресу ул. 23 Мая 1919 года, № 101. В ходе раскопок было исследовано 8 могил – каменных ящиков. В могиле № 5 находилась бронзовая пряжка, которая датируется 2-й половиной VII в. Подобные бронзовые пряжки были найдены на некрополе Эски-Кермен в склепе № 257 [3], в той же могиле торцовая плита с западной стороны каменной обкладки была с изображением креста с расширяющимися концами в круге. Далее в восточном направлении средневековых могил за все время охранных раскопок и наблюдений выявлено не было, и, скорее все-

---

раскопок Керчи в 2007 г. …; *она же*. Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок г. Боспора …; *она же*. Керамика группы «африканской краснолаковой» из раскопок Керчи в 2007–2008 гг. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы / Боспорские чтения. Вып. XI. Керчь, 2010. С. 416–418; *она же*. Керамика группы «Африканская краснолаковая» из раскопок в Керчи // Материалы археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVII. Симферополь-Керчь, 2011. С. 328–362; *она же*. О торговле г. Боспора с Северной Африкой в ранневизантийское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации / Боспорские чтения. Вып. XIII. Керчь, 2012. С. 396–397; *она же*. Амфоры LRA 1 в контексте торгово-экономической истории Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории / Боспорские чтения. Вып. XIV. Керчь, 2013. С. 430–433; *она же*. Амфоры LR 1 на Боспоре // МАИЭТ. XIX. Симферополь – Керчь, 2014. С. 68–87.

[1] *Холодков В.Н.* Комплекс раннесредневековой могилы из Керчи // Проблемы археологии и истории Боспора. К 165-летию основания Керченского музея древностей. Керчь, 1991. С. 33–35; *Баранов И.А*. Таврика в эпоху раннего средневековья … С. 107; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 100. Рис. 38, 2.

[2] *Молев Е.А., Молева Н.В*. Археологические находки в Керчи // Археологические открытия 1972. М., 1973. С. 314–315; *Баукова А.Ю.* Археологічна діяльність Керченського музею у другій половині 40-х – 50-і рр. XX ст. // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. II. Керчь, 2008. С. 189–190.

[3] *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А*. Крымские готы страны Дори. Симферополь, 2017. С. 247. Рис. 167, 12.

го, некрополь заканчивался на развилке совр. улиц Театральная и 23 Мая 1919 года.

Что касается западной границы этого некрополя, то в 1957 г. по ул. Крупской около дома № 43 были выявлены две плитовые могилы, ориентированные на восток – запад [1]. В 2007 г. во дворе дома № 80 по той же ул. Н. Крупской была исследована плитовая могила. В могиле был захоронен ребенок 10–12 лет, захоронение ориентировано на восток – запад. В могиле была найдена бронзовая шарнирная пряжка с овальным кольцом варианта 1–1. Аналогичная была найдена в некрополе Скалистое, склеп 381 [2], которая датируется 2-й пол. – концом VII в. Дом № 80 находится точно напротив дома № 43, так что ранее найденные могилы, скорее всего, тоже датируются этим временем.

Кроме того, к западной границе некрополя, в 70 м западнее, на месте современной ул. Курсантов в древности проходил глубокий овраг и, скорее всего, некрополь там и заканчивался. Далее за ул. Курсантов подобных захоронений не выявлено.

Таким образом, на площади около 3 га между ул. Курсантов и пер. Почтовым в направлении восток – запад и между ул. 23 Мая 1919 года и ул. Н. Крупской по юг – север, включая дворы с южной стороны улицы, в VII–VIII вв. располагался христианский некрополь.

Еще один некрополь, который можно отнести к тому же периоду, находится непосредственно на горе Митридат, к северо-западу от вершины до современной ул. Пугачева. В разные годы на этой площади было исследовано более 200 захоронений, среди них основное место занимали могилы VII–VIII вв. [3] Достаточно подробно этот некрополь был описан Л.Ю. Пономаревым [4]. С разной плотностью захоронений некрополь занимал около 6 га. Одна из могил на западной границе этого некрополя была исследована в 2006 г. на углу ул. Пугачева и 4-го Пугачевского переулка. Могила была полностью разграблена, но осталась каменная обкладка, ориентированная на В-З. На этом же некрополе В.В. Шкорпилом была исследована плитовая могила № 1 1905 г. [5], в которой было найдено 15 треугольных золотых подве-

---

[1] Охранные раскопки Керченского историко-археологического музея в 1957 г. … С. 25–26.

[2] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 317. Табл. XXX, 58.

[3] *Блаватский В.Д.* Материалы по истории Пантикапея. План города …; *Шкорпил В.В.* Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 году … С. 84; *Гайдукевич В.Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке … С. 201, прим. 2; *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея (1947 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXVII. 1949. С. 31–38; *он же.* Раскопки Пантикапея // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXXVII. 1951. С. 212–228; *он же.* Пантикапей... С. 223. Рис. 75–76; *Марченко И.Д.* Раскопки Пантикапея в 1965–1972 годах // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств. Вып. VII. 1984. С. 3–28; *Толстиков В.П.* Пантикапей – столица Боспора …; *Журавлев Д.В.* Новые данные о Пантикапее в позднеантичную эпоху // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы. Международная научная конференция, посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н.Л. Грач. Тез. докл. СПб., 1999. С. 29–30.

[4] *Зинько А.В., Пономарев Л.Ю.* К топографии ранневизантийского города Боспора …

[5] *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году … С. 3.

сок, серебряная орлиноголовая пряжка и бусы из янтаря и сердолика. Захоронение женское, украшения можно отнести к типичному женскому готскому костюму. Это захоронение датируется концом VI – началом VII вв.

Таким образом, если в начале позднеантичного периода в Пантикапее-Боспоре доминировал некрополь на северном склоне горы Митридат, состоявший из грунтовых склепов (описан И.П. Засецкой, Е.А. Зинько) с инвентарем, а некоторые склепы имели изображения на стенах («живопись боспорских склепов»); при этом два других некрополя располагались на Глинище (район Автовокзала) и по дороге на Царский курган, то с VII в. три основных некрополя, представляющих отчасти развитие предыдущих, становятся христианскими кладбищами с погребениями в плитовых и простых грунтовых могилах.

Дальнейшие исследования помогут уточнить новейшую картину жизни позднего Боспора и состояния его некрополей.

Нимфей. Нимфейский некрополь площадью 6 тыс. кв. м занимает территорию к югу, западу и северо-западу от древнего города [1]. Наибольший интерес среди грунтовых погребений представляют наиболее поздние захоронения, которые были совершены тогда, когда катакомбный некрополь уже не функционировал (конец III – начало IV в.) [2]. Открытие позднеантичных погребений – чрезвычайно важное явление для истории Нимфея. Захоронения А16, А17, А22, А23 уверенно датируются монетным материалом, еще ряд – по топографии. Грунтовые погребения появляются около катакомб в конце III в. (наиболее поздние погребения катакомбного некрополя датируются 60-ми гг. III в.). Самое позднее погребение датируется монетой Радамсада. Сосредоточение поздних захоронений на одной небольшой территории и их малочисленность позволяют высказать предположение о том, что они принадлежали одной семье, т. е. это было родовое кладбище [3].

В катакомбе К11 последнее захоронение было совершено в 267 г., буквально накануне разгрома города. В погребении есть грубое изображение мужского бюста [4]. Аналогий этой находке нет. Быть может, это варварское подражание греческой традиции?

Самая поздняя находка – стеклянный кувшин IV в. [5]

Илурат. В первые сезоны раскопок исследовался южный участок некрополя, позднее – северный, наиболее близко прилегающий к городу [6].

---

[1] *Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999. С. 23.

[2] *Соколова О.Ю.* Основные итоги раскопок Нимфея (1939–1999) // Боспорский город Нимфей. СПб., 1999. С. 68–71; *Аветиков А.А.* Охранные раскопки некрополя Нимфея // АИК. 1994 г. Симферополь, 1997. С. 8–10.

[3] *Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999. С. 33–34. Описание находок: с. 39–41.

[4] Там же. С. 125, рис. 53.

[5] *Кунина Н.З.* Стеклянный кувшин IV в. н. э. из некрополя Нимфея // БИ. Х. Симферополь – Керчь, 2005. С. 196–200; *Кунина Н.З.* Стеклянный кувшин с христианскими символами из Эльтигена // Византия в контексте мировой истории. СПб.: ГЭ, 2004. С. 82–86.

[6] *Хршановский В.А.* Некрополи Илурата и Китея. Археологическая экспедиция ГМИР 1968–1998 // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998. С. 103.

Склепы 2-й пол. III в. – одни из самых больших (№ 205, 206) [1].

В некрополе Илурата открыты остатки круглого, вырубленного в скале святилища, на полу которого высечены изображения креста, а по его сторонам – птицы и рыбы [2]. Христианские символы были нанесены на стены «языческого» склепа. Склеп IV в. имеет 6 крестов, высеченных на его стенах. М.М. Кубланов открыл несколько погребений IV–V вв. [3] Погребение 69 (комплекс из взрослого и детского погребения, открытый в 1987 г. [4]) может быть отнесено ко времени после прихода гуннов и датируется 1-й пол. V в. [5], что устанавливается по монете Аркадия (395–408). Среди инвентаря – пять пронизок из золотой фольги с поперечным тиснением, два серебряных колечка, фрагмент терракоты, бронзовые двупластинчатые фибулы.

Зафиксирован факт вторичного использования склепа 18 в V в. Среди остатков инвентаря этого захоронения – золотая монета императора Гонория (395–423), чеканенная в Равенне [6]. Это – одно из подтверждений существования каких-то форм жизни на Илурате в V в. [7] Есть здесь и керамика IV–V вв. [8] После перерыва в VI в., некрополь Илурата вновь действует в VII–VIII вв., когда в склепах начинают жить представители нового пришлого населения.

Китей. Склепы Китея впервые были открыты Ю.Ю. Марти в 20-е гг. В 1959 г. их описал В.Ф. Гайдукевич [9], а с 1989 г. раскапывает В.А. Хршановский. Некрополь Китея за многие столетия постепенно заполнил территорию ближней хоры к северо-востоку, северу и юго-западу от городища. Северной границей некрополя является цепь сопок Джурга-Оба, где на отдельном участке после Марти в 2001–2009 гг. работала Керченская экспедиция во главе с А.Л. Ермолиным.

По сложным погребальным комплексам можно установить, что некрополь существовал как минимум до конца V в., а по отдельным погребениям – до конца VI в. [10]

---

[1] *Хршановский В.А.* Раскопки некрополей Илурата и Китея в 2002–2002 гг. // АВУ. 2001–2002. Киев, 2003. С. 238; *он же*: Новый склеп с полуциркульным сводом на некрополе Илурата // Археологія. 2003. № 3. С. 21–31.

[2] *Кубланов М.М.* Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // НАИМ. Л., 1983.

[3] Там же. С. 96-129.

[4] *Хршановский В.А.* Погребения гуннского времени на некрополях Илурата и Китея // Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь, 1996. С. 71–73.

[5] *Хршановский В.А.* Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // НАИМ. Л., 1988. С. 25; *он же*. Некрополь Илурата: топография, хронология, этнокультурная характеристика // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 272.

[6] *Кубланов М.М.* Раскопки некрополя Илурата в 1969 г. // КСИА. 130. 1972. С. 87–88.

[7] *Хршановский В.А.* Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // НАИМ. Л., 1988. С. 25.

[8] *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I. Симферополь, 1990. С. 66.

[9] *Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х гг. // МИА. 69. 1959. С. 223–238.

[10] *Хршановский В.А.* Некрополи Илурата и Китея. Археологическая экспедиция ГМИР 1968–1998 (предварительные итоги) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998. С. 104.

На некрополе Китея выделяется склеп № 145, камера 2. Суммарно комплекс может быть надежно датирован 1-й пол. V в. Аналогия – погребение с некрополя Илурата [1]. Склеп № 206 на раскопе 23 в II–VI вв. использовался как сакральное место для жертвоприношений и тризн и был окружен овальной в плане оградой из необработанных глыб известняка, поставленных на ребро. Ритуальный характер комплекса не вызывает сомнений. Время его функционирования – III–IV вв. [2]

Склеп № 265 (вырубной, но надстроенный известняковыми блоками) относится к III–IV вв. Самая ранняя монета в инвентаре – 267 г., самая поздняя – 329 г. Комплекс должен датироваться IV в., точнее, его 2-й половиной, по прочему материалу (пряжки, пронизи, бусины). Краснолаковая керамика – более ранняя (на полвека); она соответствует формам III в. [3]

Склеп № 263 [4] на северо-западном участке некрополя сложен из блоков и плит известняка. Большая камера использовалась в последний раз в середине IV в. Находки: золотые пронизи, бляшки, ряд бронзовых украшений, железных изделий, позднебоспорские монеты, фрагменты стекла. В малой камере – золотой перстень с сердоликовой вставкой, три бляшки, фрагменты погребального венка из золотой фольги. Есть фрагменты бронзового зеркала.

Склеп № 269 – вырубной в плите известняка и материковой глине. Среди инвентаря – индикация желтого металла с оттиском головы римского императора (Максимина?). Монеты дают датировку 1-й трети IV в. [5]

Открытый в 2001 г. монументальный вырубной склеп № 314 с полуциркульным сводом последний раз заполнялся во 2-й пол. III в., а заполнение его дромоса относится ко 2-й пол. III – нач. V вв. [6]

По склону кряжа Джурга-Оба, ограничивающего район китейского некрополя с севера, расположен ряд склепов. В 1929 г. был открыт склеп № 2 с росписью – изображением кораблика с парусом и человеческой фигурой в шляпе и одежде с широкими рукавами. У лежанки № 4 – плохо сохранившееся изображение всадника [7]. Есть и надпись «Саваг, сын Тасия» [1]. В 2001 г.

---

[1] *Хршановский В.А.* Погребения гуннского времени на некрополях Илурата и Китея // Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь, 1996. С. 73; *Хршановский В.А.* Новый памятник гуннской эпохи из некрополя Китея // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 1998. С. 80–81.

[2] *Тульпе И.А., Хршановский В.А.* Позднеримский погребально-поминальный комплекс в прибрежной зоне некрополя Китея // Боспорский город Нимфей. СПб., 1999. С. 78–82.

[3] *Хршановский В.А.* Вырубной склеп позднеримского времени на некрополе Китея // Ольвія та античний світ. К., 2001. С. 138–141; *он же.* Раскопки некрополей Илурата и Китея в 2001–2002 гг. // АВУ. 2001–2002. К., 2003. С. 288–291.

[4] Нам довелось принять участие в раскопках этого склепа в 1999 г. (начальник экспедиции ГМИР – В.А. Хршановский).

[5] *Хршановский В.А.* Погребальные комплексы IV в. н. э. на некрополе Китея // БИ. II. Симферополь, 2002. С. 313–323.

[6] *Хршановский В.А.* Вырубной склеп с полуциркульным сводом на некрополе Китея // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002. С. 144–145; *его же.* Раскопки некрополей Илурата и Китея в 2001–2002 гг. // АВУ. 2001–2002. К., 2003. С. 288–291.

[7] *Марти Ю.* Раскопки городища Китэя в 1928 г. Симферополь, 1929. С. 9–11.

склеп был доследован. Новый материал указывает на IV в. и христианскую принадлежность погребенных.

Склеп № 1 использовался до IV в. Склеп № 3 дал блюдо со штампованным крестом с расширяющимся перекрестьем. Еще одно дно со штампом – многолинейный круг, внутри которого перекрещиваются полосы, образующие четырехлопастную розетку. Дата – не ранее 2-й пол. V в. (у Гайдукевича – IV в.) [2]. В засыпи склепа – многочисленные обломки мрамора со следами букв. Склеп № 4 датируется фрагментами стекла с синими каплями. Это V в., а не IV (остальной инвентарь и сооружение Гайдукевич отнес к III в.) [3]. Склеп № 5 дал среди прочего материала большое разбитое краснолаковое блюдо с многолинейным гребенчатым орнаментом. Профиль – такой же, как и у блюда со штампованным крестом. Дата – 2-я пол. V в. (у Гайдукевича – IV в.) [4]. Земляной склеп № 6 – несколько южнее прочих, у основания кургана Джург-Оба. Среди инвентаря – две золотые бусины, стакан, целый стеклянный шарообразный кувшин с вертикальной реберчатой ручкой. Датирующий материал – краснолаковая тарелка с энглифическим изображением креста на дне. Есть и фрагменты еще одной тарелки со штампом в виде сосуда или корзины. Дата – 2-я пол. V в.

Наконец, в 2009 г. были открыты неграбленные погребения готского круга в земляных склепах с богатым инвентарем [5].

Сам В.Ф. Гайдукевич отмечал, что все склепы использовались многократно, быть может, до V в. [6] Это указание в свете новых датировок приобретает особое значение, так как нынешняя хронология доводит бытование склепов до 2-й пол. V–VI вв. Это подтверждается и находкой обломка сероглиняного блюда с изображением креста (подъемный материал на городище) [7].

Китейские склепы – веское доказательство наличия в позднеантичном городе достаточно богатых жителей, строивших монументальные семейные усыпальницы с росписью. Погребальные камеры – просторные, с капитальными дромосами.

На некрополях Илурата и Китея известна практика жертвоприношений животных в поминальной обрядности (склепы III–IV вв.) [8]. Выявить этниче-

---

[1] *Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х гг.) // МИА. 69. 1959. С. 229, рис. 99. Гайдукевич считает этот склеп склепом сабазиастов и уверенно датирует его III в.

[2] *Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х гг.). С. 230.

[3] Там же. С. 232.

[4] Там же. С. 235.

[5] *Ermolin A.* Das Gold der Nekropole von Džurg-Oba // Die Krim: Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Bonn: LVR-LandesMuseum, 2013–2014. S. 352–361.

[6] *Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х гг.). С. 236.

[7] Там же. С. 237, рис. 108.

[8] *Хршановский В.А.* Жертвоприношение в погребально-поминальной обрядности Европейского Боспора II в. до н. э. – IV в. н. э. (по материалам археологических раскопок некрополей Илурата и Китея) // Жертвоприношение. СПб., 2000. С. 248.

скую специфику обряда невозможно. Следы тризны III–IV вв. есть в склепе 141. В это же время совершались захоронения в катакомбе 145 [1].

В последние годы наиболее активно исследуется юго-западный участок некрополя, примыкающий с запада к городищу (городской стене) [2]. Он дал немало нового позднеантичного материала.

Киммерик. Позднеантичные погребения Киммерика не опубликованы. Однако в окрестностях города есть некоторые могильники.

Значительно далее от города на запад – в восточной части предгорного Крыма – исследован могильник у с. Курского. В III – 1 четв. IV вв. этот район в долине р. Индол находился в сфере влияния Боспора. Группа ранних погребений типична для III в. Во 2-й пол. III в. отмечен этнокультурный импульс – подбойные могилы новой конструкции. Инвентарь – лепные позднескифские сосуды, германские гребни и фибулы, сарматские удила и псалии с поясными наборами (наконечники ремней и пряжек), позднеантичные краснолаковые, простые гончарные и стеклянные сосуды. Здесь в конце III в. закрепляется новая группа поселенцев из зоны контактов германской и сармато-аланской культур. Погребальный обряд нивелируется позднебоспорской культурой [3].

Крымское Приазовье. Некрополь у дер. Ново-Отрадное, расположенный на берегу Азовского моря при впадении в него реки Аджиели, датируемый не позднее III в., дал одну из самых ранних христианских находок на Боспоре – перстень с изображением двух рыб и креста [4], а также прочий позднеантичный материал.

Могильники конца III – середины VI вв. в Крымском Приазовье характеризуются как сохранением прежних традиций, так и появлением новых черт в обряде и облике инвентаря. Особый интерес вызывает серия грунтовых склепов.

Самый интересный объект – некрополь Сююр-Таш. Он расположен в седловине между двумя возвышенностями примерно в 0,5 км от поселения Золотое Восточное и в 0,3 км к юго-западу от городища Золотое Восточное в бухте. Некрополь вытянут с запада на восток полосой шириной в 300–500 м на расстояние до 3 км [5]. Здесь абсолютно преобладает материал конца IV –

---

[1] *Хршановский В.А.* Раскопки некрополя Китея и Верхнего некрополя Илурата // АИК. 1994. Симферополь, 1997. С. 264–265.

[2] *Хршановский В.А.* Между готами и гуннами. Новые материалы к истории Европейского Боспора IV в. (по результатам раскопок некрополя Китея в 2009–2016 гг.) // БИ. XXXV. 2017. С. 208–228; *Хршановский В.А.* Некрополи Китейской равнины // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. СПб., 2018. С. 249–258; *Хршановский В.А.* Перстень с раннехристианской геммой из некрополя Китея (к истории распространения христианства на Боспоре) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 491–496.

[3] *Труфанов А.А.* О населении восточной части предгорного Крыма в позднеантичное время // 175 лет Керченскому музею древностей. Керчь, 2001. С. 103.

[4] *Арсеньева Т.М.* Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное // СА. 1963. № 1. С. 192–194.

[5] *Масленников А.А.* Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья первых веков н. э. // ДБ. 3. 2000. С. 140.

начала VI вв. [1] Склеп 11/2 обладает монументальным дромосом, тщательно обработанной камерой. Все это, а также художественный вкус заказчиков позволяют относить погребенных здесь боспорян к высшим слоям населения городища Золотое-Восточное. В склепе найдено две надписи. В первой из них 13 знаков, большая часть которых может быть отождествлена с буквами греческого алфавита. Прочтению не поддается [2]. Здесь же – два антропоморфных рельефных изображения в примитивном стиле (обозначены лишь конечности, рты и носы). Ряд других склепов также имеют дромосы. Расположение гробниц было каким-то образом регламентировано [3]. Разные типы гробниц сосуществуют на некрополе примерно в одно и то же время: конец IV – начало VI вв. Некрополь может стать эталонным памятником для древностей Восточного Крыма [4].

Некрополь поселения Сиреневая бухта имеет около десятка гробниц позднеантичного времени [5]. Возможно, некоторые участки некрополя (в позднеантичный период?) были заняты свалкой или хозяйственной окраиной городища. Склепы и грунтовые могилы открыты на некрополе Старожилово [6], Зеленый мыс [7].

К группе гробниц 2-й пол. III–V (VI?) вв. на некрополе Сююр-Таш относятся 6 могил (№ 3, 5, 12, 13, 30, 38). В некрополе Сиреневая бухта – 33 гробницы (№ 4, 11, 21, 35, 37, 60–63, 72, 89, 94, 109, 121, 123, 125–126, 128–129, 131–133, 136, 139, 144–146, 148, 150, 155, 158, 165, 167). Еще 11 – вероятно (№ 15, 17–18, 23, 25, 47, 49, 73, 122, 151, 154). Самая поздняя могила № 85 датируется концом VI–VII вв. [8]

Материалы периода I–VI вв. в некрополях Караларского побережья (Крымское Приазовье) характеризуются единством, непрерывностью и целостностью. Тип погребений и погребального обряда принципиально един [9]. Появление и распространение нового типа погребений – подбойных могил (самый поздний тип) – связывается с сармато-аланскими традициями. На Сююр-Таше эти могилы занимали отдельный участок [10]. Все гробницы с маленькими нишами относятся к позднеантичному периоду. Большинство захоронений совершено в деревянных гробах. Со временем в большей степени преобладают одиночные погребения [11]. Подсыпка раковинами пола гробниц – сохранение древнего обычая. Таковы многие детские захоронения. Ориентация поздних подбойных могил неустойчива. Полностью отсутствуют

---

[1] Там же. С. 46.

[2] Там же. С. 50, рис. 170, 1–2; *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 11–12.

[3] Там же. С. 77.

[4] Там же. С. 78.

[5] Там же. С. 97.

[6] *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1989 год / Архив ИА РАН. Р-1. № 14891. С. 61–64.

[7] *Масленников А.А.* Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья первых веков н. э. // ДБ. 3. 2000. С. 138–139.

[8] Там же. С. 157.

[9] Там же. С. 158, 163.

[10] Там же. С. 158.

[11] Там же. С. 160.

всякие следы кремации. Нет и очевидных следов тризн. Со 2-й пол. III в. в регионе отмечается несколько волн инноваций в некрополях, что связывается с приходом новых варварских групп. Безусловно доминирование античных (позднебоспорских) традиций.

В Крымском Приазовье открыт ряд семейных грунтовых склепов (катакомб). Ранее в глубине сельской территории они были неизвестны. А.А. Масленников в 1997 г. опубликовал 23 таких склепа. Выделяются два-три типа склепов, в целом близких друг другу. Первый – неглубокий, короткий, наклонный дромос, небольшая камера с округлыми стенками и сводом. Второй – широкий и глубокий дромос со ступеньками, большая прямоугольная камера (более древний тип). Третий – наиболее распространенный тип с трапециевидной или прямоугольной камерой, прямыми сводами и нишами-лежанками [1]. Интересная конструктивная особенность – малые ниши, иногда украшенные декором или рельефными изображениями. Там могли стоять светильники, а более вероятно – особого рода приношения. Стеклянные изделия из склепов датируются 2-й пол. III–VI вв. Керамика и другие категории инвентаря в целом соответствуют этой датировке. Итак, гробницы особенно интенсивно использовались в V–VI вв. [2]

В 2003 г. В.Г. Зубарев открыл некрополь, относящийся к городищу Белинское, расположенный в 1,5 км к югу от него. Ряд склепов был исследован в 2005 г. Они в целом относятся к сер. – 2-й пол. III в., хотя не исключается и более позднее использование. Некрополь не уступает ни по площади, ни по количеству погребальных сооружений, ни по монументальности склепов некрополю Илурата, а по историческому значению – большинству некрополей других малых городов Европейского Боспора [3].

Все упомянутые позднеантичные поселения и могильники расположены на побережье или рядом с ним, к востоку от Узунларского вала [4]. Ни на поселениях, ни на некрополях Крымского Приазовья почти нет украшений кочевников, не найдено ни одного фрагмента керамики черняховского облика [5]. Семейный характер склепов указывает на подъем роли семейно-клановых структур, видимо, за счет ослабевавшего государства.

Некрополи сельских поселений Крымского Приазовья позднеантичного времени имеют много общего. Среди инвентаря можно также отметить следующее. Ладанка (филактерий) в виде медного цилиндрика (оп. 91) содержала крохотный кусочек материи, как и известный амулет из Сююр-Таша [6]. Римские монеты и индикации в некрополях принадлежат IV в., боспорские моне-

---

[1] *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 26.

[2] Там же. С. 38.

[3] *Зубарев В.Г., Ланцов С.Б.* Некрополь городища «Белинское» (предварительные результаты первых раскопок) // ДБ. 10. 2006. С. 316–339, особенно с. 325.

[4] Там же. С. 45.

[5] *Масленников А.А.* Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья первых веков н. э. // ДБ. 3. 2000. С. 146.

[6] Там же. С. 150. Датированная надпись дает 305 год.

ты – от Фофорса до Рескупорида VI [1]. Самая поздняя находка датируется концом VI–VII вв. Итак, побережье было обитаемо в позднеантичную эпоху [2].

Главные выводы: население обитало здесь непрерывно на протяжении нескольких столетий. Со 2-й пол. III в. происходит довольно заметная волна инноваций. Возможно, это была инфильтрация переселенцев и воинов аланосарматского происхождения [3]. Явных готских и гуннских признаков нет. Безусловно доминирование античных (в позднебоспорском и даже шире – позднем восточно-средиземноморском варианте) традиций [4]. Есть даже указания на новые «всплески» этого влияния.

Некоторые некрополи расположены несколько западнее микрозоны Крымского Приазовья.

Некрополь у с. Заморское (западнее Ново-Отрадного) существовал во 2-й пол. III–IV вв. В.М. Корпусова считает, что некрополь принадлежал греческому свободному земледельческому населению, однородному по социальному положению, среднему по достатку. Некрополь расположен на 1 км к югу от берега Азовского моря на ровном плато. Раскопано 26 погребений. В одном из них был найден золотой венок из трехзубчатых листков (могила № 4). На одной из мисок по сырой глине был проведен пальцем крест [5]. Есть сосуд с каплями синего стекла [6]. Эти последние находки позволяют поставить вопрос о продлении существования некрополя на V в. [7] Еще один аргумент в пользу этого – пряжки, аналогичные находкам в херсонесском склепе V–VI вв., поздний наконечник ремня. Есть фибулы, характерные для черняховской культуры. Старые греческие традиции погребального обряда здесь были сохранены (ориентация на запад, золотые венки, монеты, краснолаковые и стеклянные сосуды, костяная пиксида, гребень, пряжки, браслеты). Имеются также некоторые сарматские элементы – зеркальца, серолощеная посуда.

Возможно, новый импульс жизни этого региона придали малоазийские пленники готов III в. (Soz. II. 6; Philost. 65) [8].

На пути в Феодосию, на Акмонайском перешейке до 2-й трети III в. существовал некрополь Фронтовое I у северного подножья Парпачского хребта близ озера Парпач. Он прекращает существование во 2-й пол. III в.

---

[1] Там же. С. 154–155.

[2] Там же. С. 157.

[3] Там же. С. 164.

[4] Там же. С. 164–165.

[5] *Корпусова В.М.* Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 8. 1973. С. 37, рис. 7,1; *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 3.

[6] Там же. С. 39, рис.11.

[7] Сам автор публикации ставит вопрос об уточнении хронологии, так как объект обследован не полностью.

[8] См. также: *Васильевский В.Г.* Русско-византийские отрывки. Житие Иоанна Готского // *Васильевский В.Г.* Труды. Т. 2. СПб., 1912. С. 361–367; *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 47.

(монеты Рескупорида V) [1], но отдельные погребения в прежней традиции здесь делаются и в IV–V вв.[2]

На поселении Кёзы-Северное по дороге из Пантикапея в Крымское Приазовье в III в. существовал склеп с росписью. Некрополи расположены по склонам балок. Позднеантичный некрополь к югу от поселения почти полностью уничтожен грабителями [3].

Фанагория. В конце 30-х гг. к западу от городища исследовался некрополь А. Открыто позднеантичное погребение и колодец III–V вв. с остатками вымостки [4]. На вершине холма В найдены многочисленные поздние могилы (до V в.) и остатки монументальной постройки [5]. На некрополе в инвентаре преобладают позднеантичные сосуды – графины из прозрачного стекла с шаровидным туловом. На Южном некрополе Фанагории есть ряд могил позднеантичного времени.

В 1964–1965 гг. исследовался участок II некрополя, расположенный на двух небольших холмах к востоку от городища. Западный холм, около склона оврага, использовался по IV в. для захоронения рядовых граждан Фанагории [6]. А.К. Коровина выделяет IV хронологическую группу для III–IV вв. На юго-восточной окраине городища в районе Керамика в 50–60-е гг. было открыто более 20 могил, впущенных в позднеантичный слой [7]. В составе населения Фанагории с середины IV в. присутствовали евреи, судя по надгробным надписям [8].

На Западном некрополе Фанагории раскопками 90-х гг. открыт декор крышки гроба, сбитой брусками, образующими крест, и украшенной накладными деревянными пластинами в форме стилизованной рыбы. Оба символа связываются с распространением христианства на Боспоре [9]. Автор публикации отнес этот памятник к разделу с датами II–III вв. На наш взгляд, это самый конец III в. или даже позднее.

В первые десятилетия нового века Фанагорийская экспедиция вела активные работы на некрополях Фанагории. Публикации участников ее Воронежского отряда позволяют отметить, с одной стороны, сохранение непрерывной жизни в городе, а с другой, свидетельствуют о некоторых разрушениях и присутствии гуннов, видимо, затронувших город либо в конце IV в., либо в ходе захвата города в 540-е гг. [10]

---

[1] *Гаврилов А.В.* О валах на Акмонайском перешейке // МАИЭТ. VIII. Симферополь, 2001. С. 12–16.

[2] *Корпусова В.Н.* Сільське неселення пізньоантичного Боспору // Археологія. № 8. 1973. С. 27–45.

[3] *Ермолин А.Л.* Расписной склеп некрополя поселения Кёзы-Северное // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 82–85.

[4] *Блаватский В.Д.* Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 19. 1951. С. 189.

[5] Там же. С. 191.

[6] *Коровина А.К.* Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.) // СГМИИ. 8. 1987. С. 71.

[7] *Атавин А.Г.* Средневековые погребения из Фанагории // СА. 1986. № 1. С. 262.

[8] *Люценко Е.* Древние еврейские надгробные памятники, открытые в надписях Фанагорийского городища. СПб., 1880. С. 5.

[9] *Шавырина Т.Г.* Западный некрополь Фанагории (раскопки 1991–1999 гг. Общий обзор) // ДБ. 3. 2000. С. 360.

[10] *Медведев А.П.* Позднеантичный некрополь Фанагории (раскопки 2005 г.) // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 1. СПб., 2007. С. 224–228;

Кепы. До IV в. включительно существует курганный некрополь Кеп [1]. К 1-й пол. IV в. относятся захоронения в земляном склепе в кургане Сенной 58 (к югу от городища, близ берега). Датировка – по монетам Савромата III, Фарсанза и Рескупорида VI. Монеты последних царей обращались еще долго, так что погребения могут быть и более поздними. Отмечаются синкретические черты погребального обряда некрополя Кеп (местное влияние) [2].

При раскопках Кеп в 1962 г. на раскопе В было открыто погребение с фибулой и зеркалом. Оно датировано Н.И. Сокольским V–VI вв. и было совершено после гибели города [3]. Разгром Кеп в 1960-е гг. относили к концу IV в. Теперь стало возможным передатировать события. Погребение, совершенное в варварской традиции, относится в действительности к концу VI–VII вв. и доказывает, что в то время античного города здесь уже не было. Город, следовательно, погиб не ранее VI в., так как материальная культура его позднего слоя соответствует IV–VI вв.

Гермонасса. Публикаций позднеантичного материала из исследований некрополя Гермонассы на сегодняшний день практически нет, но поздний некрополь, находившийся к юго-востоку от городища, был открыт Н.П. Сорокиной и Н.Б. Зеест в 1956 г. Выделена группа погребений «римского времени», более детально недифференцированная [4].

Горгиппия и ее окрестности. В районе Гагр в 1907 г. был исследован могильник V в. А.А. Спицын считает, что его инвентарь «стоит посередине между культурой поздних керченских катакомб IV–V вв. и византийской VI–VII вв.» [5]. Среди прочего здесь найдена золотая монета Гонория.

В могильнике на р. Дюрсо близ Новороссийска было открыто 525 погребений в нижней части возвышенности, окаймляющей справа долину р. Дюрсо. С запада лежит крутой горный отрог, с юга – большой овраг. Пряжки из погребений датируются V в., броши в виде цикад – VI в. Хронология всего могильника еще не разработана. Предварительная датировка: I этап – 2-я пол. V в.; II этап – 1-я треть VI в.; III этап – 2-я треть VI в.; IV этап – посл. треть VI–VII в. [6] А.В. Дмитриев связывает Дюрсо с готами, однако погребальный обряд имеет многие позднебоспорские черты и близок материалам некрополей Крымского Приазовья конца V–VI вв. [7]

Медведев А.П. Об эллинском и варварском в культуре населения Фанагории I–V вв. н. э. // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 324–328; *Медведев А.П.* Позднеантичный некрополь Фанагории (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 1. 2011. С. 32–45.

[1] *Паромов Я.М.* Курганный некрополь Кеп // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002. С. 279.

[2] *Паромов Я.М.* Курганный некрополь Кеп // ДБ. 6. 2003. С. 247–260.

[3] *Сокольский Н.И.* Погребение V в. в Кепах // СА. 1964. № 4. С. 207–209.

[4] *Сорокина Н.П.* Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 гг. // КСИА. М., 1963. Вып. 83. С. 46 сл.; *Коровина А.К.* Гермонасса. М., 2002. С. 26.

[5] *Спицын А.А.* Могильник V века в Черноморье // ИАК. 23. 1907. С. 107.

[6] *Дмитриев А.В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов. М., 1982. С. 102–106.

[7] *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 38.

Северокавказские комплексы V в. остаются пока хронологически нерасчленимыми. В 1991 г. в Цемесской долине, в северо-восточной части некрополя открыто два погребения гуннской эпохи. Погребение 8 датируется IV в., погребение 59 – IV–V вв. Во втором погребении есть стекло с синими каплями (остродонный кубок конической формы) [1]. В долине существовал редкий, но, видимо, довольно обширный некрополь позднеантичного времени. Некрополь оставили не гунны, а местное население.

В 1954 г. на Горгиппийском некрополе было вскрыто погребение с конем. Череп сильно деформирован. В ногах стояло разбитое краснолаковое блюдо с изображением креста (Анапский музей, инв. № 1902) [2]. Возможно, что это погребение варвара, находившегося под влиянием позднеантичной культуры, что соответствует исторической ситуации того времени в регионе.

В Анапском районе близ с. Первомайка в 1971 г. было найдено надгробие из ракушечника с крестом в виде фасада здания, на фронтоне которого изображен крест [3]. В этом нельзя не усмотреть определенного византийского влияния.

Под Новороссийском в урочище Широкая Балка есть могильник, где жителями были найдены вещи позднеантичного времени, в т. ч. стакан «с выпуклинами» [4]. Это V век.

Танаис. Некрополь Танаиса позднеантичного времени находится лишь в начальной стадии изучения. Одним из первых заметных шагов его исследования стали раскопки В.В. Чалого 1975 г. Выявлен район курганного могильника и район полей погребений. Один из основных типов погребальной обрядности Танаиса гуннской эпохи – небольшие катакомбные могилы Т-образной конструкции с короткой прямоугольной или трапециевидной входной ямой, в северной стене которой сооружалась камера. Вход в камеру часто закрывался плитами. Расположение посуды строго регламентировалось: она ставилась только в изголовье [5].

Погребения 14 и 15 наиболее типичны. В них есть стакан с каплями синего стекла, две серебряные пряжки, серьги с 14-гранным утолщением (до гуннов их нет; однако они связаны с культурой оседлых народов). Аналогичны погребения 295 на западном участке некрополя и богатая женская могила у ст. Синявка. Среди инвентаря последней – золотые бляшки и пронизи специфичных форм, пара двупластинчатых фибул.

На западном некрополе (раскоп XVI) была выявлена серия выразительных комплексов IV–V вв. Наиболее характерны два женских погребения – 10/1981 (295) и 3/1990. Первое погребение – катакомбное. Инвентарь – се-

---

[1] *Малышев А.А.* Захоронения эпохи Великого переселения народов в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. 1. М.-Армавир, 1995. С. 151.

[2] Там же. С. 58.

[3] *Салов А.И.* Случайные находки у хут. Красный Курган в 1971 и 1972 гг. // КСИА. 182. 1985. С. 57.

[4] *Онайко Н.А.* Отчет о работе Новороссийско-Геленджикской экспедиции в 1972 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4917. С. 8.

[5] *Безуглов С.И.* О погребениях V века в Танаисе (по раскопкам В.В. Чалого 1975 г.) // ИАИАНД. 11. Азов, 1993. С. 126.

ребряный туалетный набор, бронзовое зеркало, нашивки из золотой фольги (пронизи, лунницы). Во втором погребении найдена золотая серьга с 14-гранником на конце, две массивные серебряные фибулы, бронзовое зеркало, золотые нашивки. Оба погребения синхронны и однокультурны. Двупластинчатые фибулы принадлежат горизонту Виллафонтана с абсолютными датами 370/380–400/410 гг. Я. Тейрал охарактеризовал комплексы с этим горизонтом как надрегиональный элемент, возникший ок. 400 г. вследствие тесных контактов между Средней Европой и понтийской зоной [1]. Женщины были облачены в костюм восточногерманской схемы, сложившийся в ареале черняховской культуры этапа С3 и окончательно оформившийся в гуннскую эпоху в Среднем Подунавье.

Указанный комплекс оставлен представителями одной из алано-германских групп. Возможно, район Танаиса был одной из окраинных восточных зон культурного синтеза, ярко воплотившегося в памятниках горизонта Унтерзибенбрунн [2]. Позднебоспорский культурно-этнический компонент характеризуют лепные лощеные кувшинчики. В степи их нет.

Существовал устойчивый позднебоспорский подбор инвентаря: гладкие двупластинчатые фибулы (чаще с удлиненной ножкой); мелкие полиэдрические серьги (с 14-гранником); малые и крупные «хоботковые» пряжки; гладкие (редко инкрустированные) «двускатные» наконечники ремней; скромные наборы мелких золотых бляшек; зеркальца с центральной петелькой, украшенные концентрическими кругами или двумя концентрическими полосами; небольшие лощеные кувшинчики; стеклянные сосуды с каплями синего стекла.

В Керчи ассортимент вещей шире и богаче – престижные перегородчатые инкрустации, роскошная конская упряжь, богато отделанное оружие, позднеримский импорт, разнообразные наборы ювелирных изделий и стекла, а также типичные для северопонтийского региона первых веков н. э. погребальные венки, индикации.

Данный археологический комплекс сложился до гуннского нашествия, которое, видимо, не имело синхронного археологического отражения. Археологические новации, накопившиеся у оседлого населения на протяжении конца IV – начала V вв., вряд ли могли быть обусловлены только политической доминантой гуннов[3]. Культура рядового оседлого населения 1-й пол. V в. близка культуре «догуннского» IV в. Их элементы иногда сочетаются в комплексах, что заставляет с предельной осторожностью подходить к хронологической оценке «догуннских» признаков. Так, к периоду IV–V вв. на

[1] *Teiral J.* Mahren in 5 Jahrhundert. Praha, 1973.

[2] *Безуглов С.И., Толочко И.В.* К характеристике культурных связей Танаиса в эпоху переселения народов (по материалам погребений) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 1. СПб., 2001. С. 96–101.

[3] *Безуглов С.И.* О погребениях V века в Танаисе… С. 127.

некрополе Танаиса относятся 14 мужских черепов и 35 женских; из них 10 деформированы; ряд черепов имеет некоторые монголоидные черты [1].

Грунтовые погребения 2-й пол. III–IV вв. на хоре Танаиса немногочисленны (более 100) и сосредоточены в нескольких могильниках дельты Дона. Все они подкурганные. Рогожкино X (Азовский р-н) занимает обширную, но невысокую незатопляемую песчаную дюну. Открыто три позднеантичных погребения. Анализ инвентаря дал даты: 2-я пол. III – нач. IV в. К более позднему периоду принадлежит материал из «ситуации № 3» (2-я пол. IV – 1-я пол. V вв.), а также «ситуация № 8». Анализ материала показывает, что население дельты Дона 2-й пол. III – нач. IV вв. в высшей степени синкретическое и полиэтничное. Это мигранты с северо-запада, прежние обитатели дельты, часть жителей разрушенного Танаиса [2].

В 1998 г. в окрестностях Танаиса было открыто случайное погребение эпохи переселения народов. Оно находилось в 1 км к западу от городища, между селами Синявка и Недвиговка. Датировка памятника – 1-я пол. V в. Данное погребение стоит в тесной связи с погребением 1958 г. у с. Синявка. Оно считалось слабо связанным с материалами некрополя Танаиса. Однако важнейшие категории вещей рассматриваемых двух погребений из Синявки и танаисского некрополя имеют непосредственные параллели. Это позволяет предполагать прямую принадлежность синхронных могил 1958 и 1998 гг. социальной элите позднего Танаиса. Возможно, в месте их нахождения существовал небольшой аристократический некрополь, не принадлежавший кочевникам [3].

Итак, погребения в окрестностях Танаиса указывают на то, что его население было в значительной степени варваризовано, а город уже вряд ли являлся частью Боспорского государства.

Мнение о кратковременности, бедности и незначительности укрепленного поселения Танаис эпохи Великого переселения народов должно быть пересмотрено. Танаис являлся крупнейшим и важнейшим пунктом оседлой культуры в степной полосе юга России.

На раскопе XVI в котловане к западу от городища раскопками 1981–2004 гг. была выявлена серия выразительных комплексов. Особенно интересны два женских погребения: 10/1981 (295) и 3/1990. Погребения совершены в катакомбах. Они не связаны с традицией Танаиса II–III вв. и с аланскими катакомбами. Эта локальная группа не может быть этническим индикатором. В погребении 3/1990 – женский восточногерманский костюм, сложившийся в ареале черняховской культуры на хронологической ступени C_3 и окончательно оформившийся в гуннскую эпоху в Среднем Подунавье (= погребение 1958 г. у Синявки). Главный элемент – двупластинчатые фибулы.

---

[1] *Батиева Е.Ф.* Новые данные об антропологии некрополя Танаиса // Таманская старина. 3. СПб., 2000. С. 158–159.

[2] *Гудименко И.В.* Погребения позднеантичного времени у хутора Рогожкино в дельте Дона // МИАД. I (Сарматы и их соседи на Дону). Ростов-на-Дону, 2000. С. 272–277.

[3] *Безуглов С.И., Ильяшенко С.М.* Богатое погребение гуннской эпохи близ Танаиса // ДА. 2000. № 1. С. 91–98.

Дата погребений – кон. IV – нач. V вв. Аналогии (по золотым нашивкам) – погребение 145 Китея (1998) и ограбленный склеп 1999 в Крымском Приазовье. Это развитый V век, женский восточногерманский костюм. Погребальные одежды эпохи Великого переселения народов с отделкой легкими золотыми нашивками принадлежит к большой и длительной традиции, восходящей к скифской эпохе.

Материальная культура позднеантичной южнорусско-припонтийской зоны была в значительной мере смешанной. Это были различные народы с интернациональной модой варварской аристократии V в. Носители этого типа в Европе – ушедшие на запад аланы, усвоившие часть восточногерманских этнографических традиций [1].

Херсонес. В Херсонесе открыто несколько некрополей позднеантичного времени. Ни один из них, к сожалению, полностью и исчерпывающе не опубликован. Большая часть погребенных в IV–VI вв. хоронилась по-прежнему вне городской черты. Это – важнейший континуитетный признак, отражающий античные традиции.

Основной район погребений располагался к юго-востоку от городища. В III–IV вв. его территория здесь значительно расширилась. Она охватила пространство не только вокруг города, но и южнее, заняв широкую полосу вдоль западной стороны Карантинной бухты. Ярко выраженный некрополь V–VI вв. территориально совпадает с позднеримским и за его пределы не выходит [2].

Основная масса погребений этого времени расположена на юг от цитадели, главным образом в районе загородного храма. В связи с культом епископов это место приобрело особо священный характер. Известно лишь несколько захоронений в богатых склепах, расположенных далеко от некрополя, у крестообразного храма. Они возникли в IV в. и использовались более двух столетий. Геологические особенности Херсонеса учитывались при сооружении склепов на террасах за его стенами. Плоскости террас совпадают с поверхностью крепких известняков, а в уступах выходят известняки более мягкого слоя. Ориентировка склепов зависит от рельефа местности. Именно в V–VI вв. было сооружено около 30 склепов. Форма позднеантичных склепов сохранила прежние черты, но приобрела несколько специфический характер по сравнению с формами склепов Боспора. Лежанки отделялись от основного помещения низкими загородками [3]. Часть склепов IV в. имеет Т-образную форму.

Обряд захоронения: деревянные гробы с гвоздями. Форма – двускатная. Гробы стояли в нишах. На гроб ставили посуду, стекло – в головах. Во 2-й пол. III в., после вывода из города римских войск, исчезает обряд кремации. На протяжении IV–VI вв. кремация использовалась лишь однажды – в

---

[1] *Безуглов С.Н., Толочко И.В.* О культурно-исторических связях населения Танаиса в эпоху переселения народов (по материалам погребений) // ДБ. 10. 2006. С. 89–110; *Гречанова Л.Н.* Раннесредневековое погребение из Танаиса // Изв. РОМК. Вып. 5. Р-н.Д., 1989. С. 58–65.

[2] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 63. 1959. С. 250.

[3] Там же. С. 253.

склепе 3/1891, где находилась урна и фибулы 2-й пол. V в. [1] Общие черты обряда сохранялись на протяжении III–VI вв. Полностью отсутствуют деформированные черепа. Последние из них встречаются в IV в. [2]

Некрополь Херсонеса около загородного крестообразного храма огромен и очень насыщен погребениями. Около 3 000 из них раскопано еще до 1917 г. По монетному материалу основная масса склепов, по мнению Е.В. Веймарна, имеет конечные даты IV–V вв. Это, однако, не исключает их более позднего использования. К IV–V вв. относится массовое использование подбойных могил, вырубленных в скале, с нишами (склепы без ниш принадлежат варварскому населению Юго-Западного Крыма) [3].

Исследования 1906 г. на некрополе у крестообразного храма дали склеп № 2128 с монетами IV в.; № 2129 с монетами Феодосия и Гонория, индикацией и серьгой; № 2132 (монеты V в.); № 2136 (6 бронзовых монет IV в.); № 2137, № 2138 (императорские монеты IV–V вв.; это богатый семейный склеп, использовавшийся в III в. и в христианскую эпоху); № 2139 (монеты конца III–IV вв., золотые вещи); № 2143 (монеты IV–V вв., индикации, светильники, браслеты, пряжки и т. п.) [4]. Несколько новых расписных склепов в этом районе было открыто в 1998–1999 гг. [5] Погребение 1957 г. у некрополя 1937 г. сопровождалось монетами IV – нач. V в. Среди инвентаря – золотые нагубники, краснолаковая миска, бронзовый цилиндрик – футляр для амулетов. Есть и прочие находки амулетов [6].

А.Л. Якобсон констатирует устойчивость традиций в устройстве некрополя, сказавшуюся не только в его топографии, но и в типе погребальных сооружений – склепов и вырубных могил; указывает на распространенность практики вторичного использования склепов; убеждает в сравнительной бедности некрополя.

Топографической доминантой комплекса некрополя был монастырский комплекс Богородицы Влахернской с агиасмой – источником целебной воды [7].

Раскопки участка позднеантичного некрополя Херсонеса у Загородного храма показали, что в 60 % погребальных сооружений были светильники, посуда – в 33 %, стекло – в 38 %. В позднеантичное время светильники стали класть в каждое третье-четвертое погребение [8].

---

[1] *Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. К., 1982. С. 188.

[2] Там же. С. 256.

[3] *Веймарн Е.В.* Некрополь около крестообразного загородного храма в Херсонесе // АДСВ. 14. Свердловск, 1977. С. 6–14.

[4] *Косцюшко-Валюжинич К.* Извлечения из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 г. // ИАК. 33. 1909. С. 50–70.

[5] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. К., 2000. С. 144–154.

[6] *Даниленко В.Н.* Позднеантичное погребение // СХМ. 2. Симферополь, 1961. С. 57–62.

[7] *Фомин М.В.* О раннехристианском некрополе и монастыре Богородицы Влахернской в окрестностях Херсонеса // ПИАУ. Харьков, 2004. С. 74–75.

[8] *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Светильники в погребальном обряде античных городов Северного Причерноморья // Античная культура Северного Причерноморья. К., 1984. С. 150.

В Херсонесе есть ряд погребений с деформированными черепами (87). Это сармато-аланы, приток которых отмечается в III–IV вв. А.Л. Якобсон указывает, что для времени после IV в. этот обычай нехарактерен. К IV в. относится 10 погребений такого рода, к V в. – 7. Позднейший склеп № 797 датируется монетой Льва. Несмотря на значительное влияние античной цивилизации, сарматы в Херсонесе сохраняли некоторые специфические черты своей культуры [1].

Новый погребальный комплекс Западного некрополя Херсонеса, открытый в 1981 г., расположен по восточному склону Песочной бухты. В склепе № 4 найдена монета Гонория. Один из черепов – со следами деформации. Есть кувшин и серебряная пряжка конца V в., обломки желобчатых амфор V–VII вв., светильники IV–V вв., обломки стекла с синими каплями [2], пряжки VI–VII вв., фибулы V в., 13 монет IV–V вв., золотые украшения III в. Склеп построен в III в. Вторая группа захоронений – V в. Инвентарь – языческий. В 1982 г. был открыт склеп № 1 на территории западного некрополя Херсонеса [3], существовавший еще в IV в. В погребениях много глиняных светильников, бытовавших до V–VI вв.

В 1983 г. были открыты еще два склепа римского времени, использовавшихся также в V–VII вв. [4] Простенки в склепах были покрыты красной краской, в склепе 1 были устроены загородки из камня и кирпича – характерный позднеантичный датирующий признак.

В общей сумме по отношению к другим периодам погребений V–VII вв. в Херсонесе открыто сравнительно немного. В 1981 г. был опубликован один из склепов, где захоронения совершались на протяжении длительного времени. К VI в. относятся бронзовая пряжка со щитком в форме креста, браслет с расширяющимися концами, серебряная серьга и бусина из синего стекла, серебряные трехпальчатые фибулы с гранатовыми вставками; во входной яме – надгробие с изображением креста [5]. Погребения на территории городища, известные к настоящему времени, совершены преимущественно в склепах.

В северо-западном районе у цистерны 33 был открыт склеп, использовавшийся до конца IV в. В V–VI вв. здесь была построена новая линия оборонительных стен [6]. В северо-западном углу городища, у I куртины и I башни расположен склеп № 1039, конец IV в. (или IV–V вв.). Рядом – склеп V–VI вв.

---

[1] *Зубар В.М.* Про сарматський элемент у пізньоантичному Херсонесі // Археологія. 20. 1976. С. 42–46.

[2] *Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В.* Новый погребальный комплекс Западного некрополя Херсонеса // Античные древности Северного Причерноморья. К., 1988. С. 148–155.

[3] *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Новый погребальный комплекс II–IV вв. н. э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная цивилизация и варварский мир. 1. Новочеркасск, 1992. С. 102.

[4] *Зубарь В.М., Робустова А.В.* Два новых раннесредневековых склепа Западного некрополя Херсонеса // АДСВ [24]. Свердловск, 1988. С. 135–140.

[5] *Зубар В.М., Магомедов Б.В.* Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса // Археологія. 36. 1981. С. 77.

[6] *Суров Е.Г.* Раскопки в северо-западном районе городища // СХМ. 2. Симферополь, 1961. С. 69.

Н.И. Репников в 1908 г. открыл склеп № 2814, датируемый концом VI в. Инвентарь: золотой солид Маврикия, янтарные пронизи, бусы, миниатюрный бальзамарий. Склеп не имеет себе равных по величине, отличен от других своей конструкцией и количеством погребенных [1].

В IV–V вв. Херсонес поддерживал тесные связи с дунайскими провинциями. Во 2-й пол. IV в. в Херсонесе были похоронены выходцы из Подунавья, возможно, римские чиновники. В одном из склепов находились Т-образные фибулы.

Во 2-й пол. VI–VII вв. основные городские христианские некрополи Херсонеса располагались по-прежнему на западном берегу Карантинной бухты и за западной оборонительной стеной [2]. В это время идет общий процесс «монументализации» мест погребального или поминального культа, которые обрастают постройками и превращаются в обширные культовые комплексы.

Эпиграфисты проанализировали ряд христианских надписей херсонесских некрополей. Надгробие в форме креста местной херсонесской мученицы Анастасии имеется на надгробии V–VI вв. [3] К бесспорно христианским памятникам Херсонеса можно отнести надгробие Феодоракиса IV–V вв. с крестом и христианской формулой, двустрочной надписью с крестами. Ряд надписей-дипинти относятся к концу III – началу IV вв. [4] По мере углубления процесса христианизации эпитафии становятся все более простыми и скромными, часто из них исчезает дата – обязательный элемент для античной эпитафии. Происходит переход к «анонимности» могилы.

В ближних окрестностях Херсонеса в 1937 г. был раскопан участок юго-восточного склона Херсонесской балки у подошвы Девичьей горы. Предметы из склепа № 2 (серьга, перстень и камень с крестами) датируются IV – началом V в. Инвентарь в склепе № 4 не выходит за рамки позднеантичной эпохи [5].

Для I–IV вв. средний возраст смерти для мужчин в Херсонесе (по грунтовым могилам) составил 42,7 года, для женщин – 32,3 года [6]. По склепам: мужчины – 41,3 года, женщины – 32,6 года [7].

Уровень средней продолжительности жизни населения города был достаточно стабильным на протяжении поздней античности – раннего средневековья [8]. То обстоятельство, что он не менялся на протяжении длительного

---

[1] *Репников Н.И.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 году // ХСб. 2. Севастополь, 1927. С. 181.

[2] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 168.

[3] *Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике. IV // ВВ. VI. 1899. С. 367–368.

[4] *Соломоник Э.И.* Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ. 1973. № 1. С. 58, 68.

[5] *Тахтай А.К.* Раскопки Херсонесского некрополя // ХСб. 4. Севастополь, 1948. С. 41.

[6] *Назарова Т.А.* Палеодемография населения Херсонеса (по данным антропологии) // Северное Причерноморье в античное время. К., 2002. С. 149.

[7] Там же. С. 151. Для средневекового Херсона в целом, мужчины – 49 лет, женщины – 35,2 года (там же. С. 152–153).

[8] Там же. С. 153.

отрезка времени, свидетельствует о благоприятном социальном климате и относительном этническом единстве населения города [1].

На ближней хоре Херсонеса в позднеантичный период также совершались погребения. В 1968 г. на восточном склоне Килен-балки на Гераклейском п-ове был случайно открыт склеп IV в. Позднее было открыто еще 8 склепов. По форме – Т-образные, вырублены в известняковых обнажениях. В засыпях дромоса – следы поминальных обрядов. Конструкция склепов отличается от склепов херсонесского некрополя. Отличается и погребальный инвентарь (гробы с железными гвоздями, остатки полотняных одежд, кожаной обуви, головных уборов, стеклянные украшения, краснолаковая посуда, стаканы, кубки, монеты). В целом эти могильники близки некрополям Юго-Западного Крыма (в обрывах Сушильского, Воловьего, Микрюковского оврагов, Доковой, Хомутовой, Карантинной, Юхариной балок на Гераклейском полуострове). Могильник принадлежал, быть может, группе варварского населения, воинскому контингенту для Херсонеса [2]. В Инкерманской долине, пограничном районе хоры Херсонеса и Юго-Западного Крыма, открыто 49 погребальных сооружений V–VII вв. Инвентарь – позднеантичного времени. Если более ранние могильники Юго-Западного Крыма имели огромное количество самой разнообразной посуды, то могильники V–VII вв. ее почти не имеют. Это связано с христианизацией. Прямое указание – бронзовые кресты и известняковые плиты с изображением креста [3].

В позднеантичный период появляются захоронения на территории самого города. Так, ряд захоронений был совершен рядом с Уваровской базиликой, главным храмом города. Сравнительная малочисленность гробниц говорит прежде всего о том, что чести быть похороненными здесь удостаивались немногие [4]. Это было связано с уже отмеченным С.Б. Сорочаном изменением отношения к мертвым и погребениям с победой христианства. Некрополи постепенно становились очагами общественной жизни, заменяя прежний форум [5].

Погребения на территории городища, известные к настоящему времени, совершены преимущественно в склепах.

По наблюдениям С.Б. Сорочана над материалами раскопок С.А. Беляева, в западной части города близ «базилики на холме» возникло кладбище с каменной оградой, примыкавшей к мощеной площади между двумя базиликальными комплексами.

---

[1] Там же. С. 154.

[2] *Савеля О.Я., Савеля Д.Ю.* Могильники позднеантичной-ранневизантийской поры на Гераклейском полуострове (по материалам раскопок могильника в Килен-балке в 1991–1992 гг.) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, 1994. С. 60–61.

[3] *Борисова В.В.* Могильник у высоты «Сахарная голова» (по раскопкам и разведкам 1951 и 1953 гг.) // ХСб. 5. Симферополь, 1959. С. 190.

[4] *Завадская И.А.* Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997. С. 310; *Сорочан С.Б.* Византия… Харьков, 2001. С. 63.

[5] *Сорочан С.Б.* Византия… Харьков, 2001. С. 63–64.

Среди христиан, погребенных в городе, можно выделить захоронения особо важных и почитаемых в церкви лиц. Возможно, такое погребение (как под полом баптистерия Западной базилики) сопровождалось подушечкой, набитой лавровыми листьями [1]. Первый прецедент такого рода дал сам император Константин, похороненный в храме св. Апостолов. Однако мавзолеями в дальнейшем храмы не стали [2].

Таким образом, некрополи всех позднеантичных городов Северного Причерноморья демонстрируют непрерывность и эволюционный характер развития. Континуитет материальной культуры можно проследить по эволюции погребального обряда, инвентаря и т. д.

Погребальный обряд. Основным типом позднеантичных погребальных сооружений в Северном Причерноморье III–VI вв. были склепы. Склепы имелись грунтовые, вырубные и каменные, сложенные из блоков. Традиционный тип грунтового склепа с лежанками известен с первых вв. н. э. и заимствован из Малой Азии [3]. В позднеантичное время эта категория наиболее четко представлена в Пантикапее и Крымском Приазовье. Вырубные склепы представлены вновь открытыми системами склепов в Пантикапее [4].

Богатые склепы с монументальным дромосом и камерой из тщательно обработанных камней в первые века н. э. строились во всех античных городах, но в IV–VI вв. они почти не сооружались на Боспоре. Масштабы нового строительства склепов в Херсонесе – гораздо меньшие, чем ранее [5]. Склепы Херсонеса учитывали геологические особенности и в ряде случаев располагаются на террасах. Вновь сооружаемые склепы на Боспоре отличаются заметной грубостью и небрежностью по сравнению с предшествующей эпохой; тщательно отделан лишь вход. Особо отметим признаки христианских склепов: изображения крестов, надписи христианского содержания, символические изображения – росписи.

Общая конструкция склепов оставалась традиционной: дромос, камера (иногда две) с лежанками. Поздние, развитые типы склепов Херсонеса по конструкции: лежанки отделялись от основного помещения низкими загородками. В.М. Зубарь полагает, что ниши-лежанки, отгороженные от погребальной камеры каменными или черепичными закладами, являются показателем христианской принадлежности погребенных. В Китее роль заклада лежанки в одном из случаев выполнял матерчатый полог, крепившийся над лежанкой на железных гвоздях. Появление таких загородок относится, по мне-

---

[1] *Сорочан С.Б.* О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартирии св. Василия в раннесредневековом Херсоне // АДСВ. 34. 2003. С. 160–161.

[2] *Виноградов А.Ю.* Император и апостолы: храм и мавзолей // Поблекшее сияние власти. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 15–26.

[3] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. К., 2000. С. 47 сл., 55. Ср.: *Масленников А.А.* Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора в первые века н. э. // СА. 1982. № 1. С. 33–43.

[4] *Сохин М.Ю.* Изучение «новой системы» подземного некрополя Пантикапея // ДБ. 5. 2002. С. 241–259.

[5] *Зубар В.М.* Склепи з нішами-лежанками з некрополя Херсонеса // Археологія. 1978. № 28. С. 39–40.

нию В.М. Зубаря, к VI–VII вв. [1] Их смысл заключался в отделении собравшихся в склепе родственников от погребенных в ходе литургий и поминальных трапез. На это указывает и наличие специально вырубленных скамеек для сидения. В ряде склепов ниши-лежанки замуровывались кирпичом, положенным на известковый раствор. Кое-где стены и потолок тщательно оштукатурены, на них сверху нанесены надписи или изображения.

Некоторые склепы возникали на месте зерновых ям, некоторые оказывались заполненными водой. В ряде склепов имелись ниши для сосудов, лампад.

Покойные лежали в деревянных гробах. Гробы обычно ставили вдоль склепа, от входа к центральной лежанке. Остатки гробов были найдены в наиболее представительных по инвентарю и размерам склепах Пантикапея – № 145, 154 (11 гробов – 4 на полу, 7 на лежанках), 165, 176. Длинные стороны сохранившегося гроба из склепа 154 состояли из двух узких досок, прибитых железными гвоздями к цельным коротким сторонам; дно – из одной доски, крышка – из двух половин, соединенных в середине и по концам деревянными поперечными планками, прибитыми к крышке гвоздями. Деревянный гроб обивался кожаными полосками с золоченым тисненым орнаментом (склеп 165, погребение 3).

В Китее был открыт уникальный склеп, в котором лежанки-ниши и гробы представляли собой единое целое, высеченное в скале. Сверху гробы были закрыты плитовыми крышками [2].

Появление склепов было связано с ростом проявления особой заботы об умершем родственнике, развитие апофеоза простых людей. Генезис конструкции склепов указывает на их близость по планировке триклинию античного дома, где происходили пиры [3]. На Боспоре такие склепы появились со II в. С этим связан и рост количества посуды, так как умершие должны были проводить время в трапезах и возлияниях. Переосмысленные христианством, эти представления продолжают бытовать и находить материальное выражение в погребальном обряде северопонтийских склепов V–VI вв. Таким образом, погребальный обряд этого времени был тесно связан с античными идеологическими представлениями.

Погребения некрополей сельских поселений, особенно хорошо изученные в Крымском Приазовье, в целом соответствуют по погребальному обряду погребениям склепов близ городов и в городах.

Мужские погребения сопровождались оружием (железные мечи, пронизки-навершия от рукояток мечей, наконечники копий и стрел, умбоны, рукоятки от деревянных щитов); на голове – золотой венок; на шее – золотые пронизки; на груди – фибулы; на поясе – пряжка, наконечники ремней; на ногах – пряжки; на руках – перстни, браслеты; по сторонам – накладки лука,

---

[1] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 55–56.

[2] Выражаем признательность за сообщение начальнику экспедиции на некрополе Китея В.А. Хршановскому.

[3] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 117.

украшения, деревянные ножны с кольцами-обоймами, грецкие орехи; иногда в ногах – детали упряжи, подпруга, седло, колокольчики.

Женские погребения имели возле рук – монеты; в ногах – бронзовое зеркальце, стеклянная посуда, гребни; в головах – серьги; на шее – бусы, пронизки, ожерелья; на правом плече – фибула; на руках – перстни, браслеты; на ногах – пряжки; над головами – стеклянные сосуды; возле головы – шкатулки, предметы туалета, гребни. В нишах стояли стеклянная посуда, светильники, тарелки, цветы, ветки. Подушки под головами набивались лавровыми листьями. Под гробы подкладывались плоские камни. Пол склепа и лежанки иногда имели подсыпку из мелкого ракушечника.

Выделяются следующие компоненты женского костюма: функциональные детали одежды, украшения, туалетные принадлежности, орудия труда [1].

Отдельные категории инвентаря. Среди традиционных античных греческих элементов погребального инвентаря следует выделить золотые погребальные украшения – венки, нагубники, наглазники. Они были характерны для погребального обряда Херсонеса еще в первые века н. э. [2] Венки из пластинок золотой фольги существовали в течение всей античной эпохи. Эти листики по форме напоминали листья сельдерея. Иногда лицо покойного накрывали золотой маской, но чаще использовали накладки из золотой фольги, прикрывавшие глаза и рот умершего. Золотые украшения и нашивные бляшки известны также с первых веков н. э., но, по мнению ряда исследователей, последнее – уже варваризованный элемент погребального обряда.

В богатых семейных склепах Боспора, почти в каждом из них, кто-то из погребенных был увенчан золотым венком. Золотой венец являлся символом знатного происхождения умершего, а также его героизации.

Наиболее показателен и репрезентативен комплекс материалов пантикапейского (боспорского) некрополя. Дальнейший наш анализ будет основываться преимущественно на нем.

Золотые украшения в погребениях боспорского некрополя – двух видов. Одна группа – это вещи античного происхождения (венки, индикации и т. д.), вторая – варваризованное искусство, усвоенное позднебоспорским населением (гривны, серьги, перстни, медальоны, браслеты и пр. с полихромной инкрустацией).

Венцы-диадемы и индикации встречаются в наиболее богатых склепах (№ 21, 73, 74, 75, 221, 288 по каталогу И.П. Засецкой). Редок по мастерству исполнения и красоте золотой светильник (№ 180). Античные традиции продолжает ожерелье (№ 76) с фигурными подвесками.

Гривны – шейные обручи и ожерелья – имеются как без полихромии (№ 10, 78, 79, 80, 276, 299), так и с вставками цветных камней (гранатов) и стилизованными изображениями драконов (№ 77).

---

[1] *Хайрединова Э.А.* Боспорский женский костюм первой половины V в. (по материалам некрополей) // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002. С. 215–219.

[2] *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический: быт и культура. Харьков, 1998. С. 80 сл.

Браслеты украшены полихромией в большей степени. Без вставок камней – № 24, 83; с вставками гранатов и горного хрусталя – № 81; с гранатами и изображениями драконов – № 82.

Перстни: без вставок (№ 89); со вставками граната (№ 88), стекла (№ 353), сердолика (№ 246), аметиста (№ 318), утраченная вставка (№ 370). Можно отметить разнообразие камней, используемых для вставок. № 370 – образец синтеза греческих и варваризованных вкусов: фигурки дельфинов сочетаются со вставкой камня в напаянном гнезде.

Серьги: без вставок (№ 86), с гранатами (№ 85), со стеклом (№ 84), с гранатами и янтарем (№ 243), с альмандинами (№ 351). Как видим, здесь разнообразие вставок – такое же пестрое, как и у перстней.

Медальон (№ 87) – яркий показатель варваризованных вкусов эпохи. Вставлен один крупный сердолик, в напаянных гнездах – вставки из плоских пластинок граната и красного стекла.

Яркий показатель варваризованных вкусов эпохи – нашивные бляшки, имитировавшие богатство и роскошь (№ 23, 94, 95, 96, 97, 225, 287, 319, 323, 336, 343, 354). Некоторые из них имеют полихромные вставки – гранаты (№ 95, 96, 97).

Серебряные изделия: в ряде погребений содержатся византийские вотивные предметы – чаши Констанция II (№ 5, 38, 181, 186). Престижными предметами были серебряные тазики (№ 6, 182), кувшины (№ 41, 184, 185), ложки (№ 7, 183), ситечки (№ 40, 188), а также браслеты (№ 11), кольца (№ 32, 54), серьги (№ 12).

Большинство из этих вещей являются предметами искусства, изготовленными в империи, и носят престижный характер. Их нахождение в погребениях, с одной стороны, свидетельствует о несомненном позднеантичном влиянии на вкусы боспорян; с другой стороны, они отражают отчасти политику империи по отношению к Боспору, близкую политике в отношении варваров – вотивы, подношения, преимущественно из серебра (поступление золота к варварам было официально запрещено. На Боспор эти ограничения, видимо, не распространялись, так как золотых предметов в погребениях достаточно много).

Элементами античного происхождения здесь являются орнамент на кувшине № 184, фигурки мух на ситечке № 188, надпись мастера на ручке кувшина № 41, изображение лица бородатого мужчины с характерной ранневизантийской прической на ситечке № 40.

Варваризованные, но издревле адаптированные греками, вкусы представлены выступом в виде головки грифона на ложке № 39. Отнесем сюда же редкие серебряные перстни со вставками граната (№ 237) и аналогичные серьги (№ 305).

Анализ сложнейших переходных состояний в культурно-идеологической сфере, реконструируемых по чашам Констанция II (№ 5, 38, 186), будет произведен ниже. Здесь же будет достаточно сказать, что изображения на чашах отражают самый момент трансформации позднеантичных

мотивов в ранневизантийские с ориентацией на варваризованные вкусы населения периферии.

Пряжки и фибулы являются важнейшими деталями одежды. К этой же категории можно отнести наконечники ремней, правда, не всегда четко можно отделить наконечники ремней одежды и конской упряжи. Пряжек в целом больше, чем фибул, что отражает общую варваризацию костюма. Серебряных пряжек больше, чем золотых, что отражает общий невысокий уровень благосостояния. Нередки сочетания материалов – золото, серебро, бронза, железо, особенно для фибул (№ 303, 90, 91), но есть и пряжки (№ 26, 103, 271, 282, 301). Пряжки представлены всех форм – с круглой, овальной и прямоугольной рамками; преобладают круглые.

Среди золотых пряжек есть простые (№ 102, 116, 282, 301), но большинство – с полихромной инкрустацией – вставками в напаянных гнездах из граната (№ 9, 106, 108, 378), красного стекла (№ 105, 107, 271, 379); есть сочетание граната и стекла (№ 108) без аналогий. Есть украшения в виде стилизованной птичьей головки (№ 271). Ряд пряжек – лишь позолоченные (№ 271, 282, 301), в основе – бронзовые и железные.

Серебряные пряжки более популярны: обычные (№ 14, 27–29, 104, 109, 111–115, 117–124, 227, 230–235, 260–265, 278–281, 289–292, 300, 346, 356, 371б, 380–382), которые абсолютно преобладают; и с полихромией – с гранатами и позолотой (№ 26), с гранатами, красным стеклом и позолотой (№ 193). Отсюда очевидно, что полихромная инкрустация характерна лишь для золотых пряжек. Камни в напаянных гнездах, как правило, сочетаются с золотом и позолотой.

Очень редко встречаются серебряные бляхи с позолотой в форме головы льва (№ 174).

Фибулы гораздо больше связаны с античностью генетически. Однако в позднеантичное время фибулы переходят в новый, ранневизантийский костюм, испытавший сильное варварское влияние. Фибула здесь стала носить не функциональное значение, а декоративное или престижное. Варварский костюм Северного Причерноморья также усвоил фибулу в том же смысле, что и в Византии. На Боспоре получил распространение готско-гепидский костюм. Фибулы присутствовали и в других видах костюма. Они больше характерны для женских погребений.

Золотые фибулы встречаются редко и уступают серебряным по количеству. В Боспорском некрополе есть как простые фибулы (№ 371 – одночленная, пластинчатая), так и с полихромией (№ 246 – с янтарем и сердоликом; № 92–93 – в виде мухи, с янтарем, причем № 93 – позолоченная серебряная). Золото с полихромией здесь выражают не функциональный, а престижный характер, что еще больше подчеркивается высокохудожественным уровнем исполнения мух (№ 92–93).

Серебряные фибулы имеют полихромию только вместе с позолотой (№ 90 – пара фибул с вставками из гранатов в 11 напаянных гнездах). Остальные – кованые (№ 222, 236, 296, 303) и литые (№ 91, 284). Преобладают двупластинчатые с ромбической ножкой (№ 91, 222, 236, 284, 296, 303).

Выделяется фибула типа Смолен (№ 284), отражающая германское (дунайское) влияние и датирующаяся сер. – 2-й пол. V в. (позднее, чем весь комплекс некрополя). Большинство серебряных фибул и пряжек изготовлено на Боспоре и хронологически соответствует времени бытования некрополя – конец IV – 1-й пол. V вв.

Наконечники ремней, которые можно отнести скорее к одежде, чем к конской упряжи – № 33, 34, 125-129, 161, 322, 347, 357, 358. Есть чисто серебряные (№ 129, 161, 347), позолоченные (№ 33, 34, 126), позолоченные с полихромной инкрустацией красным стеклом (№ 322), золотые с гранатами (№ 125, 127, 357), золотые с гранатами и стеклом (№ 128), только золотые без инкрустации (№ 358). Наблюдается некоторая закономерность: в золотых наконечниках часто используется более дорогой гранат, а в позолоченных – красное стекло. Чисто серебряные не имеют полихромии. Налицо престижный характер данных предметов, которые были призваны показать или имитировать богатство и важность статуса их владельца.

Оружие и детали его украшения представлены весьма разнообразно. Это мечи (№ 130, 147, 294, 307, 377, 383), кинжалы (№ 146, 147, 302), ножи (№ 212, 267, 316), наконечник копья (№ 218). Все предметы сделаны из железа, степень их сохранности различна. Преобладают мечи – основное личное оружие воина.

Декоративные детали: навершия мечей (№ 8, 47, 50, 130, 134–136, 177, 214), накладки ножен мечей (№ 48, 49, 51, 130–133, 139, 144, 201, 228, 269, 285), обоймы от рукояти меча (№ 140, 145, 204–206, 345, 363, 364), перекрестие меча (№ 384), декоративные накладки неопределенные (№ 67, 138, 141–143, 157, 158, 160, 175, 176, 205, 206, 268, 270, 321, 337, 341, 344, 359, 361, 365, 374), декоративные гвозди (№ 36, 159, 342 – золото, бронза, стекло; золото, гранаты, бронза), гвозди от щитов и умбонов без полихромии (№ 46, 155, 156).

Среди прочих предметов оружия: костяные обкладки лука (№ 229), наконечники стрел (№ 217, 330); детали щитов: обкладки (№ 45 – серебро, бронза), умбоны (№ 149, 150, 215 – бронза, позолота), рукояти (№ 151, 204, 216, 331 – бронза, серебро, позолота; железо), обивки (№ 152, 153), корпус деревянный (№ 154), окантовка (№ 203); кроме того – серебряные обкладки от бармицы шлема (№ 202).

Конская упряжь представлена следующими видами: удила и псалии (№ 57–62, 170–172), детали седел (№ 55, 199), наконечники и накладки от уздечных ремней (№ 65, 66, 162–167), колокольчики (№ 63, 169, 293 – бронза, серебро, железо), зажимы упряжи (№ 200).

Итак, оружие и его декоративные детали представлены в большом количестве. Находок декоративных деталей в несколько раз больше, чем самого оружия. Из отдельных видов оружия преобладают мечи, менее распространены кинжалы и ножи. Совсем мало копий (№ 148, 218), луков и стрел (№ 217, 229, 330).

Материал декоративных деталей оружия и упряжи распределяется следующим образом. Без полихромии:

– золото (№ 48, 133, 145, 175, 359, 363, 364);
– золото и серебро (№ 33, 55, 59, 199, 201, 344);
– серебро (№ 51, 56, 161, 163, 167, 200, 202, 228, 268, 285, 337, 345, 374);
– золото, серебро, железо (№ 58);
– серебро, позолота (№ 162, 177);
– серебро, бронза (№ 165, 166);
– серебро, железо (№ 60, 61, 171, 203);
– бронза, позолота (№ 53, 65, 66);
– золото, железо (№ 132);
– бронза (№ 205, 206, 286).

С полихромной инкрустацией:

– золото, серебро, гранат, халцедон (№ 50);
– золото, серебро, гранат, стекло (№ 131, 138 с пастой, 157, 365 с бронзой);
– золото, серебро, гранат (№ 136, 158, 176, 321);
– золото, серебро, стекло (№ 137, 141-143, 160);
– золото, гранат, оникс (№ 135);
– золото, гранаты, стекло, перламутр (№ 341);
– золото, стекло (№ 139, 144, 361);
– золото, гранат (№ 140);
– золото, серебро, железо, стекло, гранат (№ 35, 57, 146);
– золото, серебро, железо, гранат (№ 170);
– золото, бронза, железо, гранаты, паста (№ 130);
– золото, железо, сердолик (№ 49);
– золото, железо, стекло, гранат (№ 269, 270).
– золото, железо, стекло (№ 384);
– оникс, халцедон (№ 214);
– детали из янтаря (№ 8).

Как видим, полихромия украшает декоративные детали в достаточно большом количестве случаев: 31 из 73. Абсолютно преобладают стекло и гранат – 28 случаев, из других камней – сердолик, халцедон, оникс, янтарь, перламутр. Художественная работа – фигурки животных – встречается 4 раза: 1 раз из золота, 1 – из серебра, 1 – золото, серебро, полихромия. Полихромия встречается в сочетании с золотом, серебром, бронзой, железом (золото – обязательно). Много изделий изготовлено только из серебра – 13, из серебра в сочетании с другими материалами – 34. Только из золота – 7 изделий, в сочетаниях с другими материалами – 42. Только из бронзы – 3, в сочетаниях – еще 4.

Детали конского снаряжения, изготовленные из драгоценных металлов, да еще и украшенные полихромией, носили прежде всего престижный характер и обозначали статус владельца.

Украшения конской упряжи – издавна варваризованный элемент погребального обряда на Боспоре, как и полихромия вообще. Декоративные детали вооружения – элемент менее варваризованный, хотя полихромия и здесь представлена достаточно определенно. Конская упряжь в Боспорском некрополе неотделима от остального комплекса вооружения и является органичной частью погребального обряда боспорян.

Из керамического комплекса некрополя выделяется античная группа, представленная тремя светильниками с художественными изображениями античного типа (№ 256, 333, 334). Вторая группа носит варварский характер: это лепные сосуды грубого исполнения с плоским дном (№ 256, 275, 310, 329, 335, 385). Ряд из них имеет лощение (№ 275, 329, 385), элементы орнамента (№ 275, 329, 385).

К предметам быта можно отнести гребни (№ 194, 224), туалетные наборы из золота и серебра (№ 101, 249, 362), пиксиды (№ 15, 187 – из серебра), щипчики-пинцет (№ 321 – 2-я пол. V–VI вв.), игральный набор (№ 198), шкатулки и их детали (№ 192, 193, 272, 304). Все это – предметы античной материальной культуры и античного погребального обряда. Налицо континуитет данных форм.

Бусы из стекла и полудрагоценных камней – также древний античный элемент (№ 19, 100, 244, 277, 349, 360). Часть бус – золотые (№ 22, 98, 320) и серебряные (№ 99); характерны также 14-гранники (черняховского типа).

Зеркала – варваризованный сарматский элемент погребального обряда. Зеркал в погребениях Боспорского некрополя всего два (№ 238, 297), из них одно – в кожаном чехле.

Кожа присутствует в погребениях в различных «ипостасях» – как одежда, как чехол для зеркальца, как обивка щита и пр.

В погребениях также открыты амулеты – грецкие орехи – с положенными внутри кусочками ткани; цветы и сухие ветви, поставленные в ниши склепов, а также лавровые листья, которыми набивались подушки для погребенных.

Стеклянные изделия становятся важным элементом погребального обряда в первые века н. э. В Боспорском некрополе стеклянные сосуды разнообразны по форме, местам изготовления, назначению. Часть сосудов – импортные. Часть носила исключительно погребальный характер (острые края). Представлены блюда, кувшины, стаканы, кубки, чаши, тарелки, амфоры и просто «сосуды». В любом случае стеклянные изделия являются одним из важнейших элементов континуитета погребального обряда, так как их античное происхождение и назначение не вызывает сомнений.

Импорт распределяется следующим образом: Сирия (№ 1, 2, 71, 213, 242, 254, 308, 311, 312, включая сомнительные), Египет (№ 2, 213, 254, 368), Рейн (№ 367). Всего – 14. Северопонтийских сосудов всего – 25. Из них боспорских – 7 (№ 1, 16, 18, 70, 191, 327, 332). Остальные – неопределенно «северопричерноморские» (№ 17, 69, 71, 189, 239–241, 252, 253, 255, 308, 309, 311, 313, 314, 315, 317). Сосудов неопределенного производства – 3 (№ 190, 251, 258).

Преобладают (на 40–45 %) сосуды местного производства, но доля импорта высока (ок. 1/3). Направления импорта вполне традиционны.

Типы сосудов: точно неопределенные (№ 1, 18, 71, 190, 251, 308, 311, 317, 327), блюда (№ 2), тарелка-блюдо (№ 258), амфора (№ 367), кувшины (№ 16, 189, 239, 255, 257, 309, 312, 313, 332, 368), стаканы (№ 17, 69, 70, 191, 240, 241, 252, 253, 314, 315), кубки (№ 213, 254), чаши (№ 242).

По цвету стекло распределяется так: зеленоватое (№ 1, 2, 17, 18, 69, 70, 189–191, 240, 255, 257, 258, 314, 317, 327б, 332), темно-зеленое (№ 16, 242, 309, 313), темно-коричневое (№ 71, 311), темно-синее (№ 213 с поясками цветного стекла), зеленовато-голубоватое (№ 239, 312), зеленое (№ 241, 251, 368), темно-оливковое (№ 252), коричневое (№ 253), голубоватое (№ 254), бесцветное (№ 308, 315, 327а), желтовато-зеленоватое (№ 367). Сосуды с синими каплями (№ 69, 70, 241, 252, 253, 314); все – северопонтийского производства.

У всех сосудов – воронкообразное горло, плоское дно; тулово – округлое, грушевидное, колбообразное, яйцевидное, цилиндрическое; ручки – вертикальные, 3–4-ствольные. Сосуды с острыми необработанными краями – все северопонтийского производства (№ 240а, 240б, 241, 253, 314). Рваные острые края – показатель ритуального (погребального) характера (назначения) сосуда. Остальные попадают в погребения, отслужив свой срок в быту. Хронологически выделяются № 308 (IV–VI вв.), № 327 а-б (V – нач. VI вв.).

Большой интерес вызывают остатки одежды. Известно, что к нижнему краю платья подшивались золотые бляшки. В склепе 154 Керчи сохранились фрагменты платья из материи темно-коричневого цвета с параллельными складками – шерсть, кожа гофрированная. В том же склепе еще одно погребение сохранило длинное платье из гладкой шелковистой ткани. Погребение 4 из склепа 165: длинное платье, ворот и рукава которого были украшены 55 золотыми бляшками. Ткань чаще всего (из того, что дошло до нас) – шерсть, есть кожа. Лучше сохранились женские платья. Они имеют уже «византийский» покрой (впрочем, это могли быть зимние или специально погребальные одеяния) [1].

Итак, Боспорский некрополь конца IV – начала V вв. демонстрирует нам единство и преемственность материальной культуры в области погребального обряда. Имел место единый комплекс, сложившийся на основе традиционного греческого (античного) и воспринявший некоторые варварские элементы. Вместе с тем общий античный характер в целом сохранился.

Тот же комплекс материальной культуры характерен и для других некрополей Боспора, включая сельские. Некоторые из них, принадлежащие позднеантичным городам и поселениям с преобладающим варварским населением, имеют в целом схожий комплекс материальной культуры, но в нем доминируют варваризованные элементы. Самостоятельную линию эволюции

[1] Об эволюции костюма в это время: *Болгов Н.Н.* Эволюция позднеантичного костюма в Северном Причерноморье как проявление культурного континуитета // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 57; *его же*: Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии. Белгород, 2002. С. 173-179.

материальной культуры на континуитетных началах дают некрополи Херсонеса.

Поскольку остальные некрополи позднеантичного Северного Понта не опубликованы с той же степенью полноты, приведем лишь наиболее характерные предметы. В склепе 145,2 Китея найдены 66 золотых пронизей (ожерелье), золотые серьги. В погребении 69 Илурата – пять пронизок из золотой фольги. Золотые венки найдены в склепах Крымского Приазовья. Золотые бляшки и пронизи есть в богатой женской могиле у ст. Синявка близ Танаиса. Нашивки из золотой фольги (пронизи, лунницы) и серьги с 14-гранником найдены в погребениях 10/1981 и 3/1990 на западном некрополе Танаиса (восточногерманский костюм; золотые нашивки – имитация дорогих ожерелий). В Херсонесе в склепе № 2132 найдены большая золотая серьга и пара детских; № 2137 – пара золотых серег; № 2138 – массивный золотой перстень и кольцо, пара серег, 5 медальонов-подвесок; погребение 1957 г. – золотые нагубники; склеп № 2/1937 – серьга, перстень и т.д. Как видим, основные предметы и их количественные пропорции в целом близки Боспорскому некрополю.

Инвентарь сельских некрополей Крымского Приазовья, проанализированный А.А. Масленниковым, является позднеантичным и целиком соответствует общебоспорскому. В поздних боспорских сельских некрополях резко возрастает число погребений с монетами. Не все из них просверленные, часть из них – римские [1]. Серийность, качество и исполнение стеклянных изделий вполне допускают их боспорское производство. Сосуды с каплями синего стекла (кон. IV – нач. VI вв.), рюмки самых разнообразных форм, колбообразные сосуды, кувшины, бальзамарии дополняют картину [2]. Амфорный материал охватывает период до конца VI в. [3] Имеется сармато-аланская керамика, лепная, с лощеной поверхностью. Найдены костяные обкладки большого сложного лука V в. [4] Среди краснолаковой керамики выделяются группы III в. и V–VII вв. «Провал» IV в., видимо, вызван особенностями хронологии А.В. Сазанова, на которые уже обращено внимание специалистов. Фибулы относятся к кон. IV–VI вв. Пряжки – непременные детали рядового костюма той эпохи. Они бытовали на очень большой территории и имели общие стандарты. К IV в. относится 6 пряжек, к V в. – 16 пряжек. Они особенно близки пряжкам из могильника Дюрсо (посл. треть V – сер. VI вв.). Среди других вещей интересен туалетный набор из бронзовой ложечки и крючка (кон. IV – 2-я пол. V в.). Золотой перстень с сердоликом отражает распространение полихромии. Этих изделий мало потому, что они отражают уровень достатка населения, а также потому, что склепы были ограблены. Ли-

[1] *Масленников А.А.* Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья первых веков н. э. // ДБ. 3. 2000. С. 155–156.

[2] *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 30.

[3] Там же. С. 31.

[4] Там же. С. 35.

сточки золотой фольги от венков – важнейший признак греческого погребального обряда.

Мы не касались специально проблем христианизации населения Боспора и Херсонеса по материалам некрополей; эта задача недавно была решена В.М. Зубарем и А.И. Хворостяным. Однако, надо отметить, что этот процесс был постепенным, достаточно медленным, и имел место континуитет материальной культуры: погребальный обряд северопонтийских христиан естественным образом вырос из античного (в его северопонтийском варианте). Боспорские некрополи позволяют охарактеризовать сознание боспорян как архаическое, традиционное, практически не менявшееся в течение тысячи лет [1]. То же характерно в основном и для Херсонеса.

Изучение некрополей позднеантичных центров Северного Причерноморья позволяет сделать ряд *выводов*.

1. Характер материальной культуры некрополей позднеантичных городищ и поселений соответствует характеру материальной культуры на этих городищах и поселениях. Он – позднеантичный; в основе своей – античный, но еще ранее (на Боспоре) впитавший ряд сарматских черт.

2. Среди типов погребальных сооружений преобладают традиционные: склепы, подбойные земляные могилы, обычные грунтовые могилы, изредка – подкурганные погребения.

3. Датировка некрополей соответствует позднеантичному времени.

4. На отдельных некрополях есть находки вещей, более поздних, чем время гибели городища.

5. Преобладают прежние греческие черты погребального обряда: деревянные гробы с тонкими покрывалами; золотые погребальные венки, нагубники, наглазники; монеты или индикации местных или имперских монет [2]; краснолаковые и стеклянные сосуды (в т. ч. с каплями синего стекла); бытовые предметы (пиксиды, гребни); украшения (браслеты, бусы, серьги, пронизи); детали одежды (фибулы, пряжки). Часть этих черт и отдельных форм была синкретической и варваризованной (особенно детали одежды).

6. Среди варварских, во многом адаптированных северопонтийскими греками, черт обряда выделяются: роскошная конская упряжь; богато отделанное оружие; украшения престижного характера с полихромной инкрустацией; сармато-аланские признаки: деформация черепа, зеркальца, серолощеная посуда; наборы мелких золотых бляшек; черняховские черты: полиэдрические серьги (с 14-гранником), янтарные грибовидные бусы, пальчатые фибулы; амулеты-трубочки с заклинаниями [3].

---

[1] *Тульпе И.А., Хршановский В.А.* Сакральное поле некрополя // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002. С. 167.

[2] На Боспоре индикации составляли центральное украшение погребального венка – диадемы; их смысл – оберег, апотропей.

[3] Дополнительно для Херсонеса отмечаем: скрещенные ноги для костяков; правая рука на тазу, левая – вдоль туловища; женское погребение с кинжалом; погребение с конем и сбруей; украшения.

7. Этнические влияния не вполне определенно прослеживаются по материалам некрополей и еще менее определенно привязываются к конкретным историческим событиям – миграциям, завоеваниям и т. п.

8. Погребения степняков-кочевников четко отличаются от позднеантичных и, как правило, отсутствуют на позднеантичных некрополях.

9. По некрополям можно проследить связи по импорту и этнические контакты (малоазийские, дунайские и пр.).

10. Топография некрополей сохраняет прежние традиции.

11. Несмотря на рост влияния христианства и завершение христианизации в основном к концу позднеантичного периода, в целом сохраняются античные традиции размещения некрополей за пределами города (исключение – надгробие Евтихиана, найденное в Керчи под горой Митридат, с северо-восточной стороны, но плита могла упасть сверху).

12. Христианские (точно установленные) погребения не имеют отдельных изолированных участков среди прочих.

13. Погребальный обряд христиан континуитетен по отношению к античному языческому. Погребения христиан выделяются только знаком креста, надписями с особыми формулами и надписями – цитатами из Библии, а также символическими изображениями на стенах склепов. Обычная черта христианского захоронения позднеантичного времени – инвентарь, носящий в себе пережитки античных традиций (оружие в мужских захоронениях, украшения в женских).

14. Постройка достаточно крупных склепов в античной традиции требовала немалых затрат, что свидетельствует об относительном материальном достатке семей погребенных, по крайней мере, в столице. На сельской территории строили более простые земляные склепы или использовали старые вторично.

15. Погребения в склепах делались в течение длительного времени и принадлежали отдельным семьям. Рост значения семейно-клановых социальных структур показателен в плане замещения ими ослабевавших государственно-политических структур.

16. Общий характер позднеантичной материальной культуры в регионе, судя по погребениям, – греческий. Римский же прослеживается лишь по отдельным погребениям в Херсонесе (варваризованный).

17. Варваризованные в значительной степени некрополи размещаются обычно на границах или за пределами античных микрозон (Инкерман и др.).

18. Отдельные богатые погребения содержат предметы искусства – имперские вотивы, обычно дарившиеся варварским вождям. Какую роль здесь играет знать позднеантичных периферийных государств, не входивших в состав империи? Скорее всего, аналогичную роли варварских вождей.

19. Изучение некрополей и погребений сильно осложнено их массовым ограблением и нарушением целостности.

20. Некрополи крупных городов, их топография, размещение погребений, границы и пр. регламентировались властями.

* * *

Общие выводы. В рассматриваемый период палеогеографические условия несколько отличались от современных. Этот, а также социальный и экономический фактор предопределили оформление в позднеантичный период локальных территориально-хозяйственных микрозон. География памятников материальной культуры подтверждает предложенную нами картину расселения.

Основные города Боспора и Херсонес сохранились как позднеантичные в области топографии, градостроительства, фортификации, городского характера материальной культуры, планировки улиц, строительной техники и приемов, типов частных и общественных зданий. Это выражается в сохранении основной территории городов на прежних местах, сохранении единой городской стены (а не только цитадели – кастрона), сохранении гипподамовой системы планировки кварталов. Доминирует прежний тип жилого дома-усадьбы. Основной тип общественного здания – базилика (Херсонес). Постепенно нараставшие изменения касались в основном некоторого сужения улиц, частичной перепланировки кварталов при сохранении направлений улиц и переулков, увеличения хозяйственных функций дома-усадьбы. Наступление новой эпохи в области топографии города и градостроительства можно связать с массовым строительством христианских храмов в конце VI в. (Херсонес). Часть городов в разное время попадает под власть варваров; для них начинается фаза постантичного города с различным процентом дисконтинуитетных элементов материальной культуры.

Континуитет топографии и материальной культуры сельских поселений по тем же характеристикам также не вызывает сомнений. Вместе с тем очаговый характер расселения привел хору к такому состоянию, что ряд микрозон (Крымское Приазовье) были густо заселены и активно развивались, другие лишились городов (Нимфей), третьи отличались наличием крепостей вместо одного города-центра (Киммерида). Тип сельского поселения для всего Боспора остался прежним и традиционным. На хоре Херсонеса отдельных сельских поселений типа боспорских не имелось; здесь существовали позднеантичные виллы с различным типом хозяйства.

Материалы боспорских и херсонесских некрополей убеждают нас в единстве и преемственности материальной культуры и погребального обряда. Сложился единый комплекс, хотя и подвергшийся варваризации (на Боспоре – еще в предыдущий период), а со временем и христианизации, но в своей основе оставшийся позднеантичным.

Таким образом, общий характер топографии и материальной культуры является континуитетным по отношению к предыдущему периоду.

ГЛАВА III. КОНТИНУИТЕТ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО СЕВЕРНОГО ПОНТА

В центре внимания в данной главе – проблемы континуитета отдельных форм и общей эволюции основных групп памятников материальной культуры позднеантичных центров Северного Понта. По каждой категории будет дана география основных находок, описание важнейших комплексов материала, анализ существующих классификаций и их критика. Будут рассмотрены: континуитет керамического комплекса, монетного дела, стекла, деталей одежды и украшения в полихромном стиле инкрустации. Главное – установить степень сохранения и преемственности генетически античных элементов, показать варварские влияния и определить степень варваризации, выявить роль импорта и торговых связей, а также проследить дисконтинуитетные формы [1].

§ 1. Континуитет керамического комплекса Северного Причерноморья (позднеантичные амфоры и краснолаковая посуда)

Континуитет производственных традиций, сохранение в византийском ремесле общих черт с античностью в технике производства и организации ремесла признается большинством специалистов [2]. Амфорный материал является важнейшей категорией материальной культуры Северного Причерноморья позднеантичного времени, так как именно он позволяет выстроить более или менее устойчивую хронологию археологических слоев. Для позднего Боспора эта проблема особенно остра [3]. Ни одна из предложенных к настоя-

---

[1] Общие проблемы византийской археологии: *Сазанов А.В.* Византийская археология: проблемы и методы // ХСб. 7. Севастополь, 1996. С. 5–12; *Романчук А.И., Щеглов А.Н.* Проблема культурного слоя в византийской археологии // ВВ. 55 (80), ч. 2. 1999. С. 178–183 и др.

[2] *Романчук А.И.* Античные традиции в гончарном ремесле средневекового Причерноморья // ВВ. 32. 1971. С. 40.

[3] *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора. М., 1960; *Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4; *Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 3. М., 1994; *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979; *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 7. Свердловск, 1971; *Шелов Д.Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых вв. н. э. Классификация и хронология // КСИА. 156. М., 1978; *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург, 1995; *Кузманов Г.* Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV – нач. на VII в.) / Разкопки и проучвания. XIII. София, 1985; *Кузманов Г.* Типология и хронология на ранновизантийските амфори (IV–VI вв.) // Археология (София). 1973. № 1; *Сазанов А.В.* Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. III. Симферополь, 1993; *Сазанов А.В.* Світлоглиняні амфори з рифленням типу набігаючої хвилі (IV–VII ст. н. э.) // Археологія. 1992. № 1; *Сазанов А.В.* Амфоры «Carrotes» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени. Типология и хронология // БС. 6. М., 1995; *Сазанов А.В.* Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // ПАВ. 3. СПб.,1992; *Сазанов А.В.* Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. 7. 1999; *Сазанов А.В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. II. Симферополь, 1991; *Сазанов А.В.* Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // ДБ. 3. 2000; *Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю.* Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья // ХСб. 9. Севастополь, 1998;

щему времени датировок базовых памятников не является бесспорной. Тем не менее предварительный общий обзор основных типов амфор, бытовавших на позднем Северном Понте, настоятельно необходим.

Период обращения амфоры определяется временем от производства сосуда до его доставки в конечный пункт назначения. Там продукция либо изымалась, либо оставалась в амфоре, которую помещали на склад, чаще всего в подвал. Эта часть цикла продолжалась, по мнению А.В. Сазанова, максимум 50 лет.

К настоящему времени специалистами выделяется около двух десятков основных амфорных типов позднеантичного времени. По цвету глины можно выделить четыре основных класса: 1) красноглиняные; 2) розовые; 3) светлоглиняные; 4) коричневоглиняные.

Существует ряд классификаций позднеантичного амфорного материала, составленным различными авторами. Некоторые из них основаны на базовых памятниках Северного Причерноморья, другие – на памятниках преимущественно восточных провинций поздней Римской империи, которые привлекаются для аналогий исследователями северопонтийского региона. Наиболее авторитетной в отечественной науке считается классификация керамической тары Боспора, составленная И.Б. Зеест в 1960 г. [1] Однако ее датировки нуждаются в некотором уточнении.

За новую обобщающую периодизацию амфор Северного Причерноморья многие специалисты приняли разработки А.В. Сазанова. Еще в 1989 г. он составил общую типологию позднеантичных амфор Боспора с учетом аналогий из других классификаций. Основой для этого послужили эталонные комплексы Тиритаки и Зенонова Херсонеса. Амфорный комплекс Тиритаки передатирован А.В. Сазановым на конец IV – 3-ю четв. VI в. Эта передатировка является одной из важнейших в новой хронологии Сазанова [2].

Со своей классификацией всех амфор преимущественно на материалах Патрэя выступил также А.П. Абрамов [3].

Типологию ранневизантийских амфор Таврики в 1979 г. дал А.Л. Якобсон. Он говорит о «раннесредневековых амфорах, еще античных по своему облику» [4]. Однако по хронологии значительная часть описываемых им видов относится к IV–VI вв. Показанные Якобсоном единство и эволюция форм – важнейшее и наглядное свидетельство континуитета материальной культуры в регионе. Среди других типологий выделяются Херсонесская (АДСВ) [5], Шелов [1], Романчук-Сазанов [2].

Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. 33. 1954; *Бьотгер Б.* Домашна керамика от IV–VI вв. от Ятрус (Долна Мизия) // Археология (София). № 2. 1978; *Болгов Н.Н.* К проблеме классификаций позднеантичной керамики: амфоры IV–VI вв. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Вып. 2. Белгород, 1998 и др.

[1] *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора. М., 1960.

[2] *Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. С. 41–60.

[3] *Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 3. М., 1994. С. 4–135.

[4] *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 9.

[5] *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 7. Свердловск, 1971.

Хорошие аналогии дает район Балкан. Две обобщающие типологии подготовлены Г. Кузмановым [3] (1973 и 1985). Из более отдаленных аналогий наиболее характерны памятники афинской агоры (Х. Робинсон и др.), Карфагена, Бет-Шаха (Дж. Фитцджеральд), Саккары, Калабши-Южной в Нубии (Е. Штроугал), Телль-Фары в Палестине (Дж. Табб), Кесарии (Дж. Райли), Марселя (М. Бонифей), Равенны (М. Стоппиони), Язи-Ада.

Общая мировая классификация позднеантичных амфор была составлена Дж. Хейсом (1972 с приложением 1980 г., ряд других работ). На основе этого труда типологию и хронологию отдельных типов амфор на юге России дал в ряде статей 90-х гг. А.В. Сазанов. В первые годы XXI в. начался частичный пересмотр его классификаций (К. Домжальский). Не повторяя отдельных конкретных классификаций, мы приведем здесь список сопоставлений и соответствий основных типов с указанием хронологии [4].

I. СВЕТЛОГЛИНЯНЫЕ

1. С воронкообразным горлом: Аф. Агора М. 272; Абрамов 59; Сазанов 3; Якобсон 10; Кузманов 1; Бёттгер 1; Херсонес XI–XII; Скорпан VII (2-я пол. III – нач. V вв.); Романчук-Сазанов 18 (по Сазанову – к. IV – к. VII вв.).

2. Узкогорлые [5]: а) Шелов F; Зеест 105; Абрамов 61; Сазанов 7 (2-я пол. III–IV вв.; по Сазанову – к. IV – сер. V вв.); б) Шелов E; Зеест 104; Сазанов 4; Абрамов 62 (кон. IV – 1-я пол. V вв.; по Сазанову – 1-я пол. V – 2-я четв. VI вв.).

3. С набегающей волной [6]: Якобсон 9; Херсонес VIII–X; Бёттгер 11; Скорпан VIII; Кузманов XIV; Сазанов 5 (1-я пол. V – 1-я пол. VII вв.).

4. С сильно вытянутым корпусом: Якобсон 1; Кузманов XI; Херсонес XI; Сазанов 2 (VI – 1-я пол. VII вв.).

5. Carrote («морковкообразные») [7]: Якобсон 1; Кузманов XI; Херсонес II; Сазанов 2 (2-я четв. VI – сер. VII вв.).

6. С желобчатым корпусом: Якобсон 2; Кузманов XIII; Сазанов 6 (2-я четв. VI – кон. VII вв.).

---

[1] *Шелов Д.Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых вв. н. э. Классификация и хронология // КСИА. 156. М., 1978.

[2] *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург, 1995.

[3] *Кузманов Г.* Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV – нач. VII в.) / Разкопки и проучвания. XIII. София, 1985; *Кузманов Г.* Типология и хронология на ранновизантийските амфори (IV–VI вв.) // Археология (София). 1973. № 1.

[4] Ср.: *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. Симферополь, 2001. С. 100–103. Здесь сопоставлены лишь 6 классификаций (Зеест, Херсонес, Якобсон, Романчук-Сазанов, Хейс, Райли).

[5] *Сазанов А.В.* Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. III. Симферополь, 1993. С. 16–21.

[6] *Сазанов А.В.* Світлоглиняні амфори з рифленням типу набігаючоі хвилі (IV–VII ст. н. э.) // Археологія. 1992. № 1. С. 51–59.

[7] *Сазанов А.В.* Амфоры «Carrotes» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени. Типология и хронология // БС. 6. М., 1995. С. 185–186.

II. КРАСНОГЛИНЯНЫЕ

1. Делакеу (розовые или красные): Зеест 100; Абрамов 60; Воронов 1; Скорпан XVII; Романчук-Сазанов 3; Сазанов 12 (кон. IV – сер. VI вв.) [1].

2. С белым ангобом: а) Аф. Агора М. 239; Абрамов 63 (2-я пол. I II–IV вв.); б) Аф. Агора М. 239 (2-я пол. III – 1-я пол. V вв.).

3. Тонкостенные [2]: Зеест 95; Абрамов 56; Скорпан V; Кузманов VII; Якобсон 6; Райли 4; Воронов 2; Романчук-Сазанов 22; Сазанов 8 (кон. IV – 1-я пол. VIII вв.).

4. С высоко поднятыми ручками: Аф. Агора М. 274; Зеест 79; Абрамов 56 (2-я пол. III–IV вв.).

5. Широкогорлые: Зеест 96–97; Сазанов 9 (по Зеест – 2-я пол. III–IV вв.; по Сазанову – кон. IV – 3-я четв. VI вв.).

6. Круглодонные вытянутые: Зеест 99 а-б; Херсонес VI; Романчук-Сазанов 16; Сазанов 11 (2-я четв. VI – 1-я пол. VIII вв.).

7. Круглодонные ангобированные: Якобсон 2; Херсонес V (2я четв. VI–VII вв.).

8. С веретенообразным корпусом: Якобсон 5; Кузманов XV; Бёттгер III (V–VII вв.).

9. Круглодонные корчажки с веретенообразным корпусом: Зеест 98; Сазанов 10 (по Зеест – IV–VI вв.; по Сазанову – 1-я пол. V – 1-я пол. VII вв.).

10. С удлиненным корпусом: Зеест 103 (IV–V вв.).

11. «М.273»: Аф. Агора М. 273; Абрамов 65; Бёттгер XIX (III–V вв.).

12. Харакссские: Зеест 102 (IV – нач. VI вв.).

13. «Тира 38»: Тира 38; Абрамов 66 (кон. IV в.).

14. «Тира 605»: Тира 605 (кон. IV в.).

III. ТЕМНОКРАСНЫЕ И КОРИЧНЕВОГЛИНЯНЫЕ

1. Темнокрасные со слюдой: Абрамов 66 (сер. III – кон. IV вв.).

2. Колхидские IV: Абрамов 62 (2-я пол. III–IV вв.).

3. Темнокрасные с песком: Зеест 101 (IV–V вв.).

4. Круглодонные с воротникообразным венчиком: Якобсон 8; Скорпан VI; Рили 1; Кузманов III; Воронов 5; Херсонес IV; Сазанов 1 (кон. IV – сер. VII вв.).

5. С перехватом: Якобсон 7; Кузманов IX; Воронов 6; Скорпан XV; Зеест 103; Херсонес I; Романчук-Сазанов 1 (IV–VI вв.); Сазанов 13 (2-я четв. VI – 1-я пол. VII вв.).

Из импортных типов добавим:

1. Сиро-палестинские с мешкообразным корпусом, различные типы глины: Якобсон 8; Херсонес IV; Романчук-Сазанов 5 (римская эпоха – VIII в.).

2. «Газа»: Херсонес IV; Романчук-Сазанов 4 (сер. III – кон. VII вв.).

---

[1] *Зубарев В.Г., Шапцев М.С.* Комплекс с амфорами типа C SNP I («Делакеу») из раскопок городища «Белинское» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 190–196, и др.

[2] *Сазанов А.В.* Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // ПАВ. 3. СПб., 1992. С. 100–112.

Почти все названные типы амфор в большом количестве встречаются во всем Северном Причерноморье от Тиры до Колхиды. Основной район их распространения – Боспор. Многие типы имеют аналогии на Балканах и в Средиземноморье.

Как видно из приведенного списка, работа по унификации различных классификаций далеко не завершена. Авторы отдельных типологий зачастую рассматривают некоторые типы как одинаковые, а другие авторы выделяют их в разные. Сохраняются разногласия и по хронологическим рамкам типов амфор, и по местным особенностям. Тем не менее все археологи согласны в том, что материальная культура позднеантичного времени принципиально едина на огромных пространствах от Атлантики до Кавказа. Важнейшим компонентом этой материальной культуры является амфорный материал. Количество, сохранность и репрезентативность позднеантичных амфор позволяют археологам строить достаточно надежные исторические реконструкции.

Дальнейшие археологические исследования позволят более точно согласовать между собой основные типы амфорного материала, и тем самым более полно представить себе позднеантичную эпоху в Северном Причерноморье и на юге России вообще.

Основные комплексы амфорного материала. А.В. Сазанов разделяет надежно документированные комплексы IV–V вв. на следующие хронологические группы: 1) 2-я пол. IV в.; 2) конец IV – 1-я пол. V в.; 3) 3-я четв. V в.; 4) посл. четв. V в. [1]

К первой группе отнесены «послеготский дом» в Тире, слой VIII Восточно-Эспланадного раскопа 1953 г. в Пантикапее, два помещения Батарейки I.

Вторая группа – слой в районе стены 30 VII квартала Херсонеса, слой 5 в помещении XXXVI в Портовом квартале 2 Херсонеса, слой IX на Восточно-Эспланадном раскопе Пантикапея 1953 г.

Третья группа – последний период Танаиса (D), 2 слой на участке античного театра в Херсонесе, 1 строительный период здания на Береговом стратиграфическом раскопе в Фанагории 1982–1985 г. (450–480 гг.). Самый поздний слой Танаиса датируется 450–460 гг. [2]

Четвертая группа: «цистерна в алтаре» во 2 квартале Херсонеса, 1 уровень засыпи колодца К-4 в 3 квартале. Дополнительная группа (4а) охватывает 2-ю пол. V – 2-ю четв. VI в. Это комплекс ямы 6 в Тиритаке.

По исследованиям А.А. Масленникова, в Крымском Приазовье IV–VI вв., ведущем экономическом районе позднего Боспора, преобладают большие красноглиняные пантикапейские амфоры (тип Зеест 96), а также красноглиняные типа Делакеу (Зеест 100). Прочие позднеантичные амфоры менее многочисленны. Это светлоглиняная типа Якобсон I, Кузманов XI, с рифлением

[1] *Сазанов А.В.* Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. 7. 1999. С. 224.

[2] Там же. С. 231.

типа «набегающей волны», коричневоглиняные с перехватом, тонкостенные красноглиняные (инкерманская, Зеест 95), корчажки (Зеест 99) [1].

Керамический материал Гермонассы хорошо укладывается в рамки кон. IV–VI вв. [2]

Л.А. Голофаст выделила 26 амфорных комплексов на материалах позднеантичного Херсонеса [3] и отдельным из них посвятила специальные публикации.

Среди наиболее полно изученных ранневизантийских комплексов Херсонеса выделяются: 1) засыпь рыбозасолочной цистерны № 92; 2) заполнение колодца в квартале 1 северо-восточного района городища; 3) слой пожара в усадьбе портового квартала 2; 4) слой разрушения на юго-восточном участке портового квартала 1 (в районе куртины 17). Амфорный комплекс начала VII в. в северо-восточном районе Херсонеса исследован А.В. Сазановым [4].

Керамических комплексов времени тюркютского нашествия (570–580 гг.) выделено шесть. Это слой 4 Ильичевки, слой 7 поселения Золотое Восточное, зольный слой поселения Зеленый мыс, «раннесредневековый» слой на Северном раскопе Гермонассы, «послегуннский» слой на участке XXVII Гермонассы, слой А раскопок 1991–1992 гг. в Кооперативном переулке в Керчи [5].

В 2000 г. на раскопе XXIII в западной пригородной части Танаиса был найден амфорный материал позднеантичного времени. Присутствие позднеантичных находок относительно немногочисленное, но устойчивое, т. к. эти амфоры еще не найдены в цитадели, точнее их не удалось пока выделить и правильно атрибутировать. Эти амфоры часто встречались лишь в хозяйственных ямах и в верхних слоях при раскопках территории западного участка некрополя Танаиса (шурф 1983 г. и раскоп XVII/2). К ранневизантийскому времени относятся 3 венчика, 2 фрагмента горл, 1 ручка, 4 дна, несколько стенок с бороздками. Все – светлоглиняные круглодонные с волнообразным рифлением на горле. Ручки прилеплены крайне небрежно. Тип: Опайт LRA-2, Кузманов XX, Бёттгер II.1. Дата – 2-я пол. V – нач. VII вв. (Скорпан – V–VI вв.). По Сазанову это – тип «набегающей волны» (по ручкам более точная дата – кон. VI – нач. VII вв.). В процессе эволюции тип, возможно, утратил ребристость на тулове и несколько уменьшился в размерах (близок тип Ятрус IV. 1). Неясно, можно ли эту находку связать с оседлой жизнью на территории Недвиговского городища. Можно предположить связь с остатками оседлой жизни, но, может быть, и с кочевьями [6].

---

[1] *Масленников А.А.* Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 164–165.

[2] *Коровина А.К.* Гермонасса в раннесредневековый период // Таманская старина. I. СПб., 1998. С. 28.

[3] *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. Симферополь, 2001. С. 104–120.

[4] *Сазанов А.В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. II. Симферополь, 1991. С. 60–71.

[5] *Сазанов А.В.* Керамические комплексы Боспора 570-580 гг. // ДБ. 3. 2000. С. 221.

[6] *Нидзельницкая Л.Ю.* Раннесредневековая амфора из Танаиса // ДА. 2001. № 1–2. С. 89–93.

А.В. Сазанов отмечает, что в 500–570/580 гг. в Северном Причерноморье производились местные имитации североафриканских сосудов.

В 2017 г. он же дал новый полный перечень археологических комплексов Крыма 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв., в которых содержался амфорный и иной керамический материал ранневизантийского времени [1].

Как видим, основные северопонтийские керамические комплексы вполне репрезентативны и показывают длительное и устойчивое использование и широкую степень распространения амфорного материала – местного и импортного.

Эволюция форм амфор как признак континуитета. Наиболее важный аспект проблемы континуитета материальной культуры – эволюция форм амфор. Существует прямая связь между основными типами форм амфор позднеантичного и византийского времени [2]. Это хорошо прослеживается в постепенной смене типов венчиков, ручек, иногда доньев и объема сосуда [3]. Эта эволюция шла достаточно плавно и постепенно.

В III–IV вв. господствовали амфоры с шаровидным туловом. Но уже в это время получают распространение амфоры с воронковидным горлом, не вошедшие в сводку И.Б. Зеест (три варианта) [4].

Формы керамических изделий V–VI вв. вполне тождественны формам предшествовавшего времени. В V–VI вв. происходил процесс постепенного вытеснения остродонных амфор амфорами со сферическим дном, но и эта тенденция наблюдалась уже с III в., и уже в IV в. ощутимо выявилась.

Характерная особенность всех раннесредневековых амфор желобчатость, бороздчатость или рифление корпуса также является признаком, зародившимся еще в III в., и уже в IV в. ставшим широко распространенным.

В развитии херсонесских амфор намечается тенденция к укорочению и расширению сосудов. Около половины амфор ранних типов (до VII в.) имеют отношение высоты к наибольшему диаметру свыше двух. Большинство типов амфорной тары выпускалось и тем более находилось в обращении как массовый материал до 300–400 лет. При этом за весь период существенных изменений сосуды не претерпели [5].

Г. Кузманов отмечает характерные черты амфор, которые называет ранневизантийскими: поверхность с бороздами (рифлением), нестандартные размеры амфор одного типа. Отмечена общая тенденция к сокращению высоты и увеличению диаметра корпуса. Важнейший признак амфор раннесредневековой

---

[1] *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б.* Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии. М., 2017. С. 25–148.

[2] *Романчук А.И.* Античные традиции в гончарном ремесле средневекового Причерноморья // ВВ. 32. 1971. С. 43.

[3] *Сазанов А.В.* Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. 7. 1999. С. 259.

[4] *Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю.* Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья // ХСб. 9. Севастополь, 1998. С. 100–109.

[5] *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 7. Свердловск, 1971. С. 97.

эпохи по Якобсону – грушевидность и округлость днища [1]. Формировались же эти признаки вполне постепенно и в течение длительного времени.

Круглодонные амфоры встречаются в Северном Причерноморье с IV в. Особенно прочно утвердилась со временем форма круглодонной амфоры с незначительным сужением желобчатого корпуса книзу. Самую раннюю круглодонную амфору из Херсонеса издал Г.Д. Белов [2]. Постепенное округление дна амфор в Таврике прослеживается по многим памятникам. Одну из схем выстроил В.П. Бабенчиков: 1) Мирмекий III–IV вв.; 2) Тиритака IV в.; 3) Керчь IV в.; 4) Инкерман IV в.; 5) Черноречье IV–V вв.; 6) Херсонес IV в.; 7) Херсонес V–VII вв.; 8) Тиритака IV в. [3] Приведенные здесь датировки ныне должны быть скорректированы, но сами эволюционные ряды можно выстраивать по той же схеме.

Со 2-й пол. III в. распространяются большие реберчатые амфоры высотой более 1 м с туловом почти цилиндрическим, но в нижней части суживающимся и заканчивающимся острием. К IV в. относятся и меньшие по размеру амфоры (0,6–0,85 м), у которых ножка притуплена и округлена. Дальнейшая эволюция: еще более закруглено дно, но оно еще не сферическое – конус с закругленной вершиной. В это же время уже появляются амфоры, совершенно потерявшие коничность; диаметр их донной части равен 1.2 наибольшего диаметра тулова, грушевидного по форме. Широкое сферическое дно имеет ряд амфор IV–VI вв. Тулово – почти цилиндрическое, с едва заметным сужением книзу. Лишь в VII в. округлость стандартизируется, а тулово становится яйцеобразным, с узкой частью внизу. Этот тип усваивается далее носителями салтово-маяцкой культуры.

Итак, в период поздней античности на Боспоре преобладают очень большие реберчатые красноглиняные амфоры, с воронкообразным горлом, высоким венцом, широкими плоскими профилированными ручками; круглодонные реберчатые, небольшие, с узким горлом; светлоглиняные – толстостенные, с несимметрично профилированными ручками [4]. Характерные для Боспора IV в. небольшие амфоры с суженным днищем в виде стержня продолжали бытовать и в V в. Они часто встречаются и в Херсонесе.

Формы амфор, найденных в Херсонесе и относящихся к V–VI вв., исходят из более ранних античных форм и почти идентичны им, однако по месту, времени и условиям находки такие амфоры должны быть отнесены к ранневизантийским. Такова большая амфора (90 см) с коническим корпусом и высоким прямым горлом, амфоры из склада помещения 16 квартала XVIII. Происхождение амфор – местное.

Сохраняется еще одна позднеантичная форма – круглодонная, с грушевидным бороздчатым корпусом. Однако в более поздних амфорах этого типа уже заметно определенное, и притом довольно сильное отклонение от позд-

---

[1] *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 11.

[2] *Белов Г.Д.* Античный дом в Херсонесе (по раскопкам 1947–1948 гг.) // ВДИ. 1950. № 2. С. 120.

[3] *Бабенчиков В.П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1968. С. 129–132.

[4] *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора. М., 1960. С. 34.

неантичных форм: дно более округлено, корпус приближен к яйцевидному, что изменило весь облик сосуда.

В VI в. производили и другие типы амфор, еще сильнее и резче отличающиеся от позднеантичных: цилиндрический удлиненный корпус, округлое дно и довольно широкое горло с прямым вертикальным венчиком; ручки массивные, кольцевидные в виде ушек; глубокое и частое рифление верхней части корпуса (бороздки рифления имеют в сечении острый зигзаг) [1]. В V–VII вв. употреблялись и уменьшенные варианты таких амфор, имевшие, вероятно, специфическое назначение – более короткий цилиндрический корпус, короткий и резко выделенный узкий венчик и оттопыренные ручки.

В VI в. появилась форма амфоры, оказавшаяся более устойчивой и ставшей исходной формой для дальнейшего развития форм тары Северного Причерноморья. Образец – амфора из помещения 6 в квартале XVIII в засыпи кладовой. Это круглодонная бороздчатая амфора в ленточной технике изготовления; корпус укорочен, яйцевидной формы со слабым сужением книзу; укорочено и горло, и ручки. Вся амфора стала меньше. Находки такого рода есть в Фанагории, Тиритаке, Мирмекии [2].

Все это разнообразие типов амфор и их тесная зависимость от позднеантичных форм отражает как бы неустойчивость ремесленного ассортимента и косвенно указывает на неразвитость ремесленного производства керамики в Херсонесе.

Отметим в дополнение, что кувшины V–VI вв. отличаются от прежних, главным образом, способом крепления ручки (к венчику или чуть пониже его), отсутствием кольцевого поддона и заметной тенденцией к увеличению общей приземистости форм. Эти отличительные особенности вполне сформировались уже к середине IV в.

В Пантикапее, как полагает И.Т. Кругликова, в III–IV вв. резко возрастает количество лепной и лощеной бытовой керамики. Фрагменты грубой керамики местных типов и лощеной иногда преобладают над фрагментами простой посуды пантикапейского производства. Увеличивается разнообразие форм лепных, они украшаются орнаментами. Распространяются сосуды с сарматской и аланской орнаментацией [3]. Местная грубая посуда уступает количественно только фрагментам остродонных амфор. Появляется много вариантов уже встречавшихся ранее форм сосудов, которые видоизменяются, эволюционируют, но резкого изменения типов керамики нет. Это горшки, миски, кувшины, кастрюли, светильники [4]. У лощеных сосудов лощение плохого качества, бесцветное, иногда черное без блеска. Характерны лощеные кувшины с прямой высокой ручкой, имеющей сквозное отверстие. Ручки по-

[1] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 63. 1959. С. 301–302.

[2] Там же. С. 303.

[3] *Кругликова И.Т.* О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. 33. 1954. С. 97.

[4] Там же. С. 103.

лучают новую функцию – носика. Такой сосуд был найден Ю.А. Кулаковским в 1890 г. вместе со стаканом с каплями синего стекла [1].

Итак, мы наблюдаем факт длительного бытования отдельных типов керамики, зачастую более двух столетий. Это относительно новый феномен материальной культуры. Далее можно отметить локальные различия и нечеткость в определении различных типов, что порождает проблему наличия различных классификаций и необходимости синхронизации. В настоящее время это сделать с необходимой точностью невозможно; даже автор наиболее подробных классификаций А.В. Сазанов часто передатирует отдельные типы. Вместе с тем отмечаются определенная унификация и стандартизация типов. Так, Б. Бёттгер отмечает стандартизацию типов керамики во Фракии позднеантичного времени. Этот факт важен в условиях общей децентрализации керамического производства [2]. Выделено четыре периода: A – 1-я пол. IV в.; B – 2-я пол. IV в.; C – 1-я пол. V в.; D – VI в. [3]

Наконец, имеет место плавная и постепенная смена типов амфор на протяжении позднеантичного периода (IV–VI вв.), постепенное нарастание «средневековых» признаков (выделенных А.Л. Якобсоном), начинающих доминировать в VII в.

Таким образом, континуитет материальной культуры в регионе убедительно прослеживается на амфорном материале – как импортном, так и местном.

Краснолаковая керамика. Краснолаковая столовая посуда является одним из важнейших явлений материальной культуры ранневизантийского времени [4]. Она получила распространение не только на пространстве всего

---

[1] Там же. С. 109.

[2] *Бьотгер Б.* Домашна керамика от IV–VI вв. от Ятрус (Долна Мизия) // Археология (София). № 2. 1978. С. 31.

[3] Там же. С. 26.

[4] Обзор публикаций см.: *Болгов Н.Н.* К проблеме изучения краснолаковой керамики раневизантийского времени // Белгородская область вчера и сегодня (к 45-летию образования Белгородской области). Т. I. Белгород, 1999. С. 3–4. Среди основных: *Hayes J.W.* The later Roman Pottery. L., 1972; *Hayes J.W.* A Supplement to «Late Roman Pottery». L., 1980; *Robinson H.S.* Pottery of the Roman Period. Princeton, 1959; *Домжальский К.* Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье (ТГИМ. 102). М., 1998; *Журавлев Д.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. М., 1998; *Беляев С.А.* К вопросу о североафриканской краснолаковой керамике IV в. н. э. из Херсонеса и Керчи // КСИА. 130. 1972; *Книпович Т.Н.* Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // МИА. 25. 1952; *Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995; *Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени (хронология некоторых типов) // Проблемы исследований античных городов. М., 1989; *Арсеньева Т.Н.* Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV – начала V вв. н. э. // КСИА. 168. 1981; *Асатиани Л.* Краснолаковая керамика из Пицунды // Великий Питиунт. Т. 2. Тбилиси, 1977; *Атавин А.Г.* Краснолаковая керамика IV–VI вв. из Фанагории // БС. 2. 1993; *Беляев С.А.* Краснолаковая керамика Херсонеса IV–VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968; *Воронов Ю.Н.* Краснолаковая посуда Апсилии (V–VI вв.) // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. 12. Тбилиси, 1983; *Кругликова И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. II. Краснодар, 1982; *Молев Е.А., Сазанов А.В.* Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород, 1991; *Николаева Э.Я.* Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища //

Средиземноморья, но и северопонтийского региона как его части. В совокупности с амфорным материалом позднеантичного времени [1] краснолаковая керамика является важнейшим компонентом материальной культуры, датирующим материалом и нуждается в дальнейшем комплексном исследовании для более полного воссоздания истории сложнейшего периода перехода от античности к средневековью на юге России [2]. Краснолаковая керамика – важнейший признак позднеантичной материальной культуры всего Средиземноморья, яркое доказательство ее континуитета в IV–VI вв., наиболее хорошо разработанный хронологический эталон [3].

Начало производства столовой посуды, покрытой красным лаком (terra sigillata), относится к эллинистическому периоду, а ее родиной является восточная часть античного мира [4]. Со времени Августа краснолаковая керамика становится основным типом парадной столовой посуды вплоть до VI–VII вв. С начала 70-х гг. XX в. для обозначения более поздних сосудов (в отличие от раннеримских) стал употребляться также и термин Red slip, хотя все основные характеристики ранних и поздних типов совпадают (цвет лака, повторяемость форм и т. д.).

Поздняя краснолаковая керамика относится к группе парадной столовой посуды. На территории Северного Причерноморья эта керамика встречается достаточно часто. Ее верхнее покрытие не является лаком в полном смысле слова. Это ангоб того же цвета, что и глина изделия, иногда довольно густой. В результате обжига он приобретает тусклый блеск, что дает внешнее сходство с сосудами типа terra sigillata [5]. Сильная степень обжига – самый характерный признак керамики IV–V вв. В I–III вв. температура обжига составляла 800–900 градусов, в IV–V вв. – свыше 1 000 [6].

КСИА. 156. 1978; *Силантьева Л.Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 85. 1959; *Арсеньева Т.М.* Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса // КСИА. 182. 1985; *Голофаст Л.А.* Штампы V–VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. V. 1996; *Голофаст Л.А.* Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. IX. Симферополь, 2002; *Domžalski K.* Notes on Late Roman Red Slip wares in the Bosporan Kingdom // Rei Cretariae Romanae Factorum. Acta. 36. Abingdon, 2000; *Охрименко Т.И.* Коллекция керамической тары из фондов КГИКЗ // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002; *Domzalski K.* Late Roman Light-coloured ware: A rare group of fine pottery and its northern distribution (Bosporan region and the Neighbouring Pontic Littorals) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002, и др.

[1] *Болгов Н.Н.* К проблеме классификаций позднеантичной керамики: амфоры IV–VI вв. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Вып. 2. Белгород, 1998. С. 34–35.

[2] *Болгов Н.Н.* К проблеме изучения краснолаковой керамики раневизантийского времени // Белгородская область вчера и сегодня (к 45-летию образования Белгородской области). Т. I. Белгород, 1999. С. 3–4.

[3] *Hayes J.W.* The later Roman Pottery. L., 1972; *Robinson H.S.* Pottery of the Roman Period. Princeton, 1959; *Смокотина А.В.* Импорт краснолаковой керамики в г. Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // ДБ. 19. 2015. С. 312–339.

[4] *Домжальский К.* Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье (ТГИМ. 102). М., 1998. С. 17.

[5] *Атавин А.Г.* Краснолаковая керамика IV–VI вв. н. э. из Фанагории // БС. 2. 1993. С. 149.

[6] *Беляев С.А.* К вопросу о североафриканской краснолаковой керамике IV в. н. э. из Херсонеса и Керчи // КСИА. 130. 1972. С. 125.

Типологии краснолаковой столовой посуды. Разработанные доселе типологии в каждом случае опираются на материалы исключительно из одного памятника или района. Импортная краснолаковая керамика занимает настолько значительное место, что требуется ее осмысление в качестве важного исторического источника, отмечала Т.Н. Книпович еще в 1952 г. [1]. С.А. Беляев, опираясь на Ф. Вааге (афинская агора и Антиохия), выделил 4 группы краснолаковой керамики (вторая отечественная типология). В дальнейшем были опубликованы комплексы материала из различных центров Северного Причерноморья [2].

Первая общая типология различных групп поздней краснолаковой керамики была составлена в 1972 г. Дж. Хейсом [3]. С последующим дополнением [4] она и сегодня является основой для дальнейших исследований. В последующие годы появилось много локальных классификаций. Обобщающую публикацию выпустил А.В. Сазанов [5].

В Северном Причерноморье прослеживается, начиная с первых веков н. э., три группы краснолаковой керамики:

1) импорт, происхождение которого определяется по внешним признакам (Самос, Пергам, Чандарли и др.). Это тарелки с вертикальным бортиком, миски и блюда с блестящим лаком различных оттенков (до начала III в.).

2) херсонесская сигиллята с характерным пережженным и вздувшимся черепком; С.В. Ушаков выделил 5 групп открытых сосудов и 2 типа закрытых [6].

3) позднеантичная или ранневизантийская краснолаковая керамика. Она, собственно, и находится здесь в центре нашего внимания. Группа исключительно разнообразна, но легко выделяется по морфологии, цвету глины и покрытия.

Основные группы, имеющие отношение к северопонтийскому региону: African Red slip (ARS) (африканские краснолаковые сосуды; в Северном Причерноморье в чистом виде не встречаются, им подражают понтийские позднеримской группы)); Late Roman C (PhRS) (поздний римский С – фокейская сигиллята); Late Roman D (поздний римский D); PRS (Pontic Red slip – понтийская сигиллята с позднеримской группой).

Наиболее типичны три формы сосудов:

1) миски с утолщенным, нависающим («клювовидным») венчиком на кольцевом поддоне (фокейская сигиллята, LRC,3). На днищах и стенках многих из них – штампованные клейма в виде крестов.

---

[1] *Книпович Т.Н.* Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // МИА. 25. 1952. С. 289.

[2] Обзор публикаций см.: *Болгов Н.Н.* К проблеме изучения краснолаковой керамики ранневизантийского времени // Белгородская область вчера и сегодня. Т. 1. Белгород, 1999. С. 3–4. Из последних: *Зубарев В.Г., Шапцев М.С.* Краснолаковая керамика из раскопок городища Белинское // История и археология Крыма. I. Симферополь, 2014. С. 289–306.

[3] *Hayes J.W.* Late Roman Pottery. L., 1972.

[4] *Hayes J.W.* A Supplement to «Late Roman Pottery». L., 1980.

[5] *Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995. С. 406–433.

[6] *Ушаков С.В.* Три группы краснолаковой керамики из Херсонеса // АДСВ. 36. 2005. С. 23–24.

2) глубокие, толстостенные блюда со слегка заостренным вертикальным или немного загнутым краем на широком кольцевом поддоне (PRS – понтийская сигиллята позднеримской группы – подражание африканским).

3) блюда с широкой отогнутой закраиной с орнаментом полосами в виде концентрических окружностей, звезд и волн (LRC,2; по К. Домжальскому – часть PRS) [1].

Археологические исследования в Северном Причерноморье показывают, что в IV–V вв. здесь преобладает группа PRS, а затем возрастает доля группы PhRS, которая становится основным типом высококачественной посуды с конца V в. Доля подражаниям ARS в это время была небольшой, но стабильной.

Ныне выделяются следующие наиболее часто встречающиеся на Северном Понте формы:

– LRC, форма 2: краснолаковые миски с прочерченным гребенчатым орнаментом, иногда с клеймами (кон. IV – 3-я четв. VI вв.);

– LRC, форма 3: с клеймами в виде крестов (V – сер. VI вв.);

– LRC, формы 1, 4, 5, 6.1, 6.2, 8.2, 10;

– LRD, формы 2, 5.2, 7.1, 8.2: с отогнутым зубчатым или плоским краем;

– ARS, формы 32/58, 50B/64A, 61A, 62A, 62B, 67, 81, 85B, 91Д, 93B, 94, 95, 97.7, 99, 101, 102, 104, 105, 108, E 1 (с клеймом в виде трех пальмовых ветвей) [2].

ARS, форма 62A датируется Хэйсом 350–425 гг., а Сазановым – 350–575 гг. Тип В формы 3 по Хэйсу – 450–550 гг., по Сазанову – 4 подтипа – 400–575 гг. [3] А.В. Сазанов дает перечень основных находок обоих типов. Интересно отметить упрощение формы клейм – от двухэлементных клейм с растительным орнаментом к одноэлементным крестам. Кроме того, встречаются также чашки с наклонными стенками.

Особенности посуды IV–VI вв.: особый профиль венчика, значительный диаметр сосудов (до 0,4 м), очень тонкие стенки чаш (изменение условий обжига), множество тонких линий из-за формовки чаш на гончарном круге [4].

Опираясь на работу Дж. Хэйса, А.В. Сазанов установил хронологию этих изделий на позднем Боспоре [5]. Базовые типы краснолаковой керамики датируются на Боспоре следующим образом. «Африканские краснолаковые сосуды»: середина IV – 3-я четв. VI в. [6]. «Поздний римский С»: с начала V в. по 3-ю четв. VI в. [7].

---

[1] Там же. С. 24–25.

[2] *Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1994. С. 406–433.

[3] *Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени (хронология некоторых типов) // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 103–104.

[4] *Беляев С.А.* Краснолаковая керамика IV–VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 32–38.

[5] *Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. С. 41–60.

[6] *Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени (хронология некоторых типов) // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 103.

[7] Там же. С. 104.

Так как краснолаковая керамика встречается почти повсеместно на Боспоре и сопредельных территориях [1], ее современная хронология имеет исключительное значение.

А.В. Сазанов в своей общей классификации позднеантичного материала на Боспоре выделил среди краснолаковой керамики ряд признаков (14–21 по единой сквозной пагинации) [2].

Признак 14. Краснолаковые миски ARS формы 62B с загнутым внутрь краем. Сер. IV – 3-я четв. VI в.

Признак 15. Краснолаковые миски группы LRD с отогнутым зубчатым краем. Сер. V – 3-я четв. VI в.

Признак 16. Краснолаковые миски группы LRD с горизонтально отогнутым плоским краем. Конец IV – 3-я четв. VI в.

Признак 17. Краснолаковые миски LRC формы 3. Конец V – нач. VII в.

Признак 18. Краснолаковые миски группы LRC формы 2. Конец IV – 2-я пол. VI в.

Признак 19. Краснолаковые миски LRC формы 3 с клеймами в виде крестов и животных. VI в.

Признак 20. Краснолаковые миски группы ARS с клеймом в виде трех радиально расположенных пальмовых ветвей.

Признак 21. Краснолаковые чашки с наклонными стенками. IV–VI вв.

К. Домжальский вслед за А. Опайтом особо выделяет и исследует тип Pontic Red Slip ware (PRS – понтийская сигиллята) [3]. Он происходит из Малой Азии и Африки (или Кипра). Преобладающий цвет – оранжево-красный. Во 2-й пол. V в., как отмечает исследователь, происходят фундаментальные изменения в структуре краснолаковой керамики. На смену наиболее распространенному PRS приходит фокейская сигиллята (PhRS), происходящая из северо-восточной Эгеиды. Клейма на этой посуде носят как античные, так и христианские символы. Самые ранние – пальметки. Распространение сосудов этого типа относится к концу V–VI вв. Последняя по времени группа краснолаковых на Боспоре – African Red Slip ware (ARS) (в подражаниях). Этот тип распространен в Средиземноморье с IV по VII в.

---

[1] *Арсеньева Т.Н.* Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV – начала V вв. н. э. // КСИА. 168. 1981. С. 43–47; *Асатиани Л.* Краснолаковая керамика из Пицунды // Великий Питиунт. Т. 2. Тбилиси, 1977. С. 177–210; *Атавин А.Г.* Краснолаковая керамика IV–VI вв. из Фанагории // БС. 2. 1993. С. 149–171; *Беляев С.А.* Краснолаковая керамика Херсонеса IV–VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 32–38; *Воронов Ю.Н.* Краснолаковая посуда Апсилии (V–VI вв.) // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. 12. Тбилиси, 1983. С. 88–95; *Кругликова И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. II. Краснодар, 1982. С. 123–124; *Молев Е.А., Сазанов А.В.* Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж – Белгород, 1991. С. 63–73; *Николаева Э.Я.* Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. 156. 1978. С. 183–188; *Силантьева Л.Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 85. 1959. С. 283–311; *Arsen'eva T., Domzalski K.* Late Roman Red Slip Pottery from Tanais // Eurasia antiqua. 2002. Bd. 8. S. 415–491.

[2] *Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. С. 51–55.

[3] Ibid. P. 163. Понтийская сигиллята впервые была выделена Дж. Хейсом в 1985 г.

Неплохой историографический очерк проблем мирового изучения краснолаковой керамики дал К. Домжальский [1], а по отечественной литературе – Д.В. Журавлев [2]. К середине 80-х гг., отмечает исследователь, была создана новая типология восточной сигиллаты (Дж. Хейс). К уже выделенным группам была добавлена понтийская сигиллята (PRS). Отмечается, что А.В. Сазанов односторонне использовал типологию Хейса, без учета технологических аспектов. Это привело к определенным неточностям в идентификации различных форм разных групп позднеримской керамики, а из-за этого – к ошибочной картине соотношения местной и импортной керамики в то время [3]. Так, выделенная форма 62B ARS, по его мнению, в действительности относится к понтийской позднеримской группе (PRS) и не является африканской. Это – наиболее популярная форма понтийской сигилляты, распространенная по всему Причерноморью. Возможно, что к этой же группе относятся выделенные Сазановым PhRS и CRS 2, а также 32/58 ARS [4]. Понтийская группа не является такой компактной группой, как ESA, ESB, ESC. Еще более усложняет дело ее типологическое и технологическое сходство с мёзийскими и дакийскими сигиллятами [5]. Предстоит работа по уточнению критериев выделения тех или иных групп.

Группа краснолаковой керамики роскошного стиля (LRL-C) датируется V – нач. VII вв. Центр производства – Эгейский бассейн. Имела распространение на Боспоре. Импорт шел из Северной Африки, Фокеи, Пергама (ARS, LRC, LRC/PhRS), Кипра (CRS=LRD).

Сама по себе позднеримская сигиллята являет один из наиболее ярких примеров континуитета форм и групп по сравнению с предыдущей (римской) эпохой.

Краснолаковая керамика из Херсонеса, как и другие категории материала, издана недостаточно. Но из того, что опубликовано, известны:

– фокейская сигиллята (LRC 3) с клеймами-штампами в виде крестов;

– глубокие толстостенные блюда со слегка заостренным вертикальным или немного загнутым краем на широком кольцевом поддоне: понтийская сигиллята, близкая ARSW;

– блюда с широкой отогнутой закраиной с орнаментом «полосами» в виде концентрических окружностей, звезд и волн (LRC 2).

В IV в. в Херсонесе выпускалась своя сигиллята. Поздняя «понтийская» бытовала в IV – 1-й пол. VI вв. Часть посуды такого рода могла производиться в Херсонесе [6].

---

[1] *Домжальский К.* Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. М., 1998. С. 17–29.

[2] *Журавлев Д.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. М., 1998. С. 31–51.

[3] *Домжальский К.* Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства. С. 23.

[4] Там же. С. 23, прим. 32.

[5] Там же. С. 25.

[6] *Ушаков С.В.* О трех группах краснолаковой керамики из Херсонеса // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 37–38.

Центры производства (импорта). Определение центров производства краснолаковых сосудов наталкивается на ряд трудностей. Основные центры устанавливаются по косвенным данным [1]. На территории Северного Причерноморья мастерских по производству краснолаковой посуды пока не обнаружено [2]. Следовательно, эта категория материальной культуры является одним из важнейших доказательств связей северопонтийского региона с основными провинциями империи. Даже если такие мастерские будут обнаружены в будущем в достаточно большом количестве, все равно отрицать факт наличия массового импорта посуды античного типа невозможно.

Наиболее хорошо изучен североафриканский импорт, обнаруженный в ряде комплексов. Посуда из различных центров Северной Африки сделана из довольно грубой глины с гранулированной внешностью с включениями извести, железистых минералов и слюды. Обычный цветовой диапазон – от оранжевого-красного до кирпично-красного. Лак, являющийся очищенным вариантом глины, из которой сделан весь сосуд, хорошего качества; будучи наложен толстым слоем, имеет гладкий слабо блестящий вид, более тонкое покрытие сливается с глиной [3]. Североафриканская посуда со временем вытесняет галльскую и италийскую и становится главным направлением импорта. Однако в районе Эгеиды она сменяется подражаниями, которые и присутствуют в Северном Причерноморье.

Распространение фокейской сигилляты из Эгейского бассейна может быть объяснено влиянием централизующей силы Византии [4]. Центр ее производства – восточная Эгеида.

После времени Юстиниана импорт краснолаковой посуды в Северное Причерноморье значительно сокращается, хотя А.В. Сазанов выделяет две группы комплексов этого времени (кон. VI – 1-я четв. VII вв.; 3-я четв. VII в.).

Как видно из точно установленных центров импорта, для каждого вида посуды характерен один центр производства. В основном это Восточное Средиземноморье. Помимо традиционных для античной эпохи «ближних» связей с южным берегом Понта, в позднеантичный период прослеживаются и более дальние связи – с эгейским бассейном, Сиро-палестинским регионом, Италией, Северной Африкой (через посредничество Эгеиды). Часть посуды прибывала в Таврику, видимо, непосредственно из указанных центров, часть же – при посредничестве Константинополя.

Наличие краснолаковой керамики на Боспоре, ее непрерывный приток в течение всего ранневизантийского периода убедительно свидетельствует о континуитете торговых связей со Средиземноморьем и глубокой вовлеченности Боспора в общую позднеантичную экономическую систему [5].

---

[1] *Арсеньева Т.М.* Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса // КСИА. 182. 1985. С. 77.

[2] *Журавлев Д.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения. С. 33.

[3] *Голофаст Л.А.* Штампы V–VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. V. 1996. С. 77.

[4] *Domžalski K.* Notes on Late Roman Red Slip wares in the Bosporan Kingdom // Rei Cretariae Romanae Factorum. Acta. 36. Abingdon, 2000. P. 167.

[5] *Смокотина А.В.* Импорт товаров в амфорах и краснолаковой керамики на Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // Stratum plus. 2018. № 4. С. 263–279; *Смокотина А.В.* Керамика группы

Проблемы хронологии краснолаковой керамики. К. Домжальский отмечает, что работа, начатая А.В. Сазановым по пересмотру хронологии, должна быть продолжена. Она еще далека от совершенства. Краснолаковые блюда из погребальных комплексов могут быть датированы рубежом 1–2-й четв. IV–V вв., в основном – его первой половиной [1]. Часть материала может оказаться древнее, чем предложил Сазанов. В целом присутствие краснолаковой керамики в комплексах, особенно твердо датируемой, является основой для передатировки основных комплексов. Кроме того, в хронологии А.В. Сазанова не выделены комплексы 2-й пол. V – 1-й четв. VI в. [2] Керамика этого времени должна присутствовать, что отмечает и сам Сазанов, указывая периоды бытования для отдельных форм. Следовательно, нужна работа по определению комплексов данного периода.

Другие виды керамики. Помимо столовой посуды близкой категорией изделий являются амфориски. Среди них – сосудов церковного обихода для воды и масла – выделяются две группы: 1) с желобчатым туловом, массивной плоской ножкой (запад Малой Азии, VI–VII вв.); 2) веретенообразные, с ребром на горле, срезанным дном (кон. V–VIII вв.) [3].

В Северном Причерноморье позднеантичного времени выделяются также 4 группы импортных глиняных светильников.

1. Аттика: склепы 154, 176 (Шкорпил, Керчь) – лампы с изображением на щитке синкретического божества, сочетания Афины и Деметры; катакомба 1897 г. в Херсонесе – светильник с изображением двух рыб в одной связке; из собраний коллекционеров – рельефное изображение Гелиоса, окруженное штампованными кружками и рубчиками.

2. Понт: грушевидная форма со слабо выделенным рожком и петлеобразной ручкой, на щитке – опирающаяся на две колонки арка, окруженная выпуклыми точками и косыми штрихами («источник жизни» у христиан) – Херсонес, Ольвия, Ильичевка.

«Африканской краснолаковой» из раскопок Керчи в 2007–2008 гг. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 416–418; *Смокотина А.В.* Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. XIV. 2008. С. 103–144; *Смокотина А.В.* Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII вв. Автореф. канд. дисс. Симферополь, 2014; *Смокотина А.В.* Ранневизантийские критские амфоры в городах Боспоре и Тиритаке // МАИЭТ. XXIV. 2019. С. 160–172; *Смокотина А.В.* Торговые связи г. Боспора в конце IV – первой половине VI вв. (по материалам находок амфор) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Керчь, 2017. С. 490–495; *Смокотина А.В*. Штампы на краснолаковой керамике из раскопок Керчи в 2007 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 419–422; *Смокотина А.В.* О торговле г. Боспора с Северной Африкой в ранневизантийское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 396–397.

[1] *Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г.* Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. 4. 2001. С. 465.

[2] *Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1996. С. 407.

[3] *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. Симферополь, 2001. С. 104; *ее же:* Амфориски из раскопок ранневизантийского Херсона // АДСВ. 25: Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990. С. 50–54.

3. Нижняя Мёзия и Фракия: с ручкой в виде листа с четырехконечным прислоненным к ручке крестом; с круглым вогнутым щитком, окруженным расходящимися лучами, с круглыми щитками; с лучевой орнаментацией.

4. Италия, Африка: «африканский тип» со штампованными изображениями в медальонах, составленных из пальметок и геометрических фигур [1].

Ранневизантийская керамида в основном воспроизводит форму позднеантичной в виде плоской плитки с высокими прямыми бортиками. Существенные отличия: размер черепицы уменьшился, сужение в нижней части стало резче выражено; в нижней части появился водосливный полуовал с заострением. Сделана из хорошо отмученной и промешанной глины, поверхность ровная [2]. В византийском строительстве ремесленные клейма встречаются только на кирпичах, но это не оттиск матриц, а оттиск особого штампа. Кровельная черепица Херсонеса интересна главным образом рельефными клеймами – оттисками с деревянных форм-матриц, в которых формовались черепицы. Рельефные клейма свойственны каждой черепице. Боспорская черепица в своей массе лишена клейм, разнородна и разнообразна, стандартизация отсутствует.

Музейные фонды. В фондах КГИКЗ имеется собрание керамической тары. К группе 1/3 относятся амфоры I–IV вв., к группе 2/1 – V–VII вв. Можно выделить подпериод III–IV вв. Это амфоры с вытянутым рифленым туловом, округлым дном (например, ККТ-219 со дна моря, 1962 г.).

В 1994 г. по ул. Свердлова, 20 в хозяйственной яме ранневизантийского времени был найден ряд амфор – светлоглиняная (ККТ-1074) с дипинто красной краской (V–VI вв.). ККТ-1052 относится к V–VII вв.

Музейные предметы керченской коллекции не опубликованы [3]. Сходная картина наблюдается и в Херсонесе.

В фондах КГИКЗ выделяется группа позднеантичных светильников (IV–VII вв.). Основной единицей в классификационной системе ламп является тип. Он определяется наличием и устойчивым сочетанием технологических и формальных признаков, объединяющих экспонаты в определенные хронологические рамки. Позднеантичные светильники еще не обработаны и не каталогизированы [4].

Многие находки и фрагменты неопубликованы [5]. Предстоит большая работа по изучению уже накопленного материала.

---

[1] *Залесская В.Н.* Импортные глиняные светильники IV–VII вв. в Северном Причерноморье // Международная конференция «Византия и Крым». Симферополь, 1997. С. 38–39.

[2] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 63. 1959. С. 305; *Романчук А.И.* Античные традиции в гончарном ремесле средневекового Причерноморья // ВВ. 32. 1971. С. 41.

[3] *Охрименко Т.И.* Коллекция керамической тары из фондов КГИКЗ // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 193–196.

[4] *Желтикова А.Л.* Коллекция античных светильников из фондов Керченского государственного историко-культурного заповедника // Пантикапей-Боспор-Керчь. 26 веков древней столице. Керчь, 2000. С. 39-45.

[5] *Domzalski K.* Late Roman Light-coloured ware: A rare group of fine pottery and its northern distribution (Bosporan region and the Neighbouring Pontic Littorals) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 284–291.

Итак, краснолаковая керамика является одним из важнейших континуитетных элементов материальной культуры. Самое важное – импорт столовой посуды из восточных провинций Византии, доказательство прочных связей Северного Причерноморья с основными районами империи. Местное производство этой качественной посуды является признаком высокого уровня развития материальной культуры региона.

Посуда со штампами может служить важным фактором исследования культурно-идеологического континуитета.

Типологии и хронологии краснолаковой посуды еще далеки от единообразия. Тем не менее основные типы выделены, их хронология в общих чертах установлена.

К сожалению, весь материал из Северного Причерноморья полностью не обработан. Значительное количество его находится в музеях в депаспортизированном виде. Предстоит большая работа по систематизации этого материала и введения его в научный оборот.

§ 2. Монеты и денежное обращение как проявление континуитета

Монеты – один из самых важных видов источников по проблеме континуитета материальной культуры, так как это – стопроцентно античный материал. Варвары монет, как правило, не чеканили, только грубые подражания. Монеты позволяют исследовать денежное обращение местных центров Северного Причерноморья, их экономическое состояние. Имперская монета указывает на торговые связи и этнические контакты. Денежное обращение и эмиссии – важнейшие континуитетные признаки [1].

---

[1] *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (сер. I в. до н. э. – сер. IV в.). М., 1997. Ч. 2; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. К., 1986; *Абрамзон М.Г., Масленников А.А.* Золотые монеты Феодосия II из Восточного Крыма // ВДИ. 1999. № 4; *Молев Е.А.* Монеты из раскопок городища и некрополя Китея // АМА. 7. 1990; *Голенко К.В.* О характере выпуска некоторых монет Фофорса // МАПП. 2. Одесса, 1959; *Голенко К.В.* Третий патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н. э. // НиЭ. XII. 1978; *Голенко К.В.* К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора // ВВ. 25. 1964; *Голенко К.В.* Второй Патрэйский клад монет (1951 г.) // НиЭ. I. 1960; *Голенко К.В.* К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора // ЗОАО. 1 (34). Одесса, 1960; *Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р.* Монетное дело боспорского царя Радамсада // НиЭ. XV. 1989; *Фролова Н.А.* История правления Рискупорида V (242–276 гг.) по нумизматическим данным // СА. 1980. № 3; *Фролова Н.А.* К вопросу об интерпретации некоторых изображений на позднебоспорских монетах // Проблемы античной культуры. М., 1986; *Фролова Н.А.* Клады позднебоспорских монет как исторический источник // ТГИМ. 8. М., 1983; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора IV в. до н. э. – IV в. н. э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М.: Наука, 1992; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора первых веков н. э. Автореф. дисс. ... д. и. н. М., 1985; *Фролова Н.А.* Монетное дело Радамсада (309–322 гг.) // ТГИМ. 69, ч. 10. М., 1988; *Фролова Н.А.* Монетное дело Тейрана (266, 275–278 гг.) // КСИА. 204. М., 1991; *Фролова Н.А.* Монетное дело Фофорса (285–308 гг.) // СА. 1984. № 2; *Фролова Н.А.* Монеты Савромата IV (275 г.) // КСИА. 174. М., 1983; *Фролова Н.А.* О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI // СА. 1975. № 4; *Фролова Н.А.* Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // ВДИ. 1998. № 1; *Фролова Н.А.* Уникальный клад боспорских монет из Горгиппии III в. до н. э. – 238 г. н. э. // Древнее Причерноморье. Одесса, 1993; *Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н.* Клад боспорских медных монет (I – середина IV в. н. э.), найденный в Керчи в 1995 г.

Серьезными проблемами нумизматики позднеантичного Северного Причерноморья являются также проблемы хронологии и географии находок. Анализ времени и мест находок позволит сделать важные выводы об уровне развития материальной культуры региона в позднеантичное время. Эволюция легенд косвенно служит источником по проблемам политического континуитета, а характер и типы изображений на монетах дают информацию по проблемам культурно-идеологического континуитета.

Клады и основные отдельные находки на Боспоре. На начало XXI в. на территории Боспора было найдено 33 клада позднебоспорских монет.

Позднебоспорские монеты образуют группу кладов (сер. III – 1-я пол. IV в.). К началу 90-х гг. 18 из них были систематизированы Н.А. Фроловой:

1. Патрэйский 1969 г. (228 экз.). 224–251 гг.
2. Таманский 1970 г. (44 экз.). 242–252 гг.
3. Керченский 1964 г. 232–254 гг.
4. Клад из дер. Семеновка 1957 г. 242–267 гг.
5. Тиритакский 1937 г. (2093 экз.). 234–267 гг.
6. Второй Патрэйский 1951 г. (397 экз.). 275–326 гг.
7. Феодосийский 1927 г. (135 экз.). 286–328 гг.
8. Таманский 1958 г. (198 экз.). 243–278 гг.
9. Судакский 1958 г. (1025 экз.). 238–291 гг.
10. Керченский 1961 г. (40 экз.). 286–328 гг.
11. Таракташский 1908 г. (2000 экз.). 211–237 гг.
12. Тиритакский 1946 гг. (227 экз.). 276–341/342 гг.
13. Клад 1962 г. из Кеп (745 экз.). 276–341/342 гг.
14. Клад с Шум-речки Анапского р-на 1972 г. 286–341 гг.
15. Гайкадзорский 1977 г. (115 экз.). 288–341 гг.
16. Илуратский 1976 г. (66 экз.). 242–267 гг.
17. Ильичевский 1977 г. (36 экз.). 295–327 гг.
18. Ильичевский 1975 г. (130 экз.). 262–565 гг. [1]

В дальнейшем к ним добавился:

19. Клад боспорских статеров 234–253 г. из Керчи (1988 г.) [1].

// ВДИ. 2001. № 3; *Фролова Н.А., Масленников А.А.* К истории позднеантичного Боспора // Тезисы IV Всероссийской нумизматической конференции. М., 1996; *Фролова Н.А., Николаева Э.Я.* Клад монет из Ильичевки // ВВ. 39. 1978; *Фролова Н.А., Шургая И.Г.* Илуратский клад монет Рискупорида V // ВДИ. 1982. № 1; *Кропоткин В.В.* Новые находки византийских монет в Керчи // ВВ. 32. 1971; *Горелый А.В.* Идентификация обрезанных боспорских монет с византийскими гирьками // РА. 1996. № 1; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983; *Соколова И.* Медные монеты Юстина I и Юстиниана I, чеканенные в Византийском Херсоне // СГЭ. 32. 1971; *Орешников А.* Херсоно-византийские монеты // Нумизматический сборник. 1. 1911; *Студитский Я.В., Бутырский М.Н.* Монеты Херсона с именами Юстина I и Юстиниана I // ВВ. 59 (84). 2000; *Белова Л.Н.* Неизданные монеты Херсонеса // СА. VII. 1941; *Фролова Н.А.* Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4; *Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В.* «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса // ВДИ. 1961. № 1; *Салов А.И.* Клад III–IV вв. с Шум-речки (Анапский район) // СА. 1975. № 3; *Онайко Н.А.* Варварские подражания римским денариям из раскопок Раевского городища // КСИА. 109. 1967 и др.

[1] *Фролова Н.А.* Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4. С. 198.

20. В 1995 г. в Темрюкском районе был найден небольшой клад позднебоспорских монет. Изучены 34 монеты – Фофорса, Радамсада, Рескупорида VI. К его последним годам, вероятно, и относится сокрытие. Всего монет было около 50 [2].

В 2008 г. позднебоспорские клады были заново изданы М.Г. Абрамзоном и Н.А. Фроловой. Выделенная ими подгуппа 3 – Позднебоспорские клады – включает 28 кладов (№ 87–114) [3] (нумерация общая):

87. Патрэйский (1970), последняя монета 257 г.
88. Гермонасский (1970), сокрытие 252 г.
89. Пантикапей (1964), сокрытие 253 г.
90. Пантикапей (1988), сокрытие 253 г.
91. Войково (1962), римские антонинианы, сокрытие 256 г.
92. Пантикапей (1954), римские монеты, сокрытие 257 г.
93. Керчь? (1871), сокрытие 253–276 гг.
94. Адыгейский (1999), последняя монета 264 г.
95. Семеновка (1957), последняя определенная монета 267 г.
96. Илурат (1976), сокрытие 267 г.
97. Тиритака (1937), последняя монета 276 г.
98. Батарейка на Тамани (1958), последняя монета 278 г.
99. Судак (1958), сокрытие 291 г.
100. Ильичевское городище (1977), последние монеты 327 г.
101. Феодосия – Курубаш (1927), сокрытие 328 г.
102. Пантикапей (1961), сокрытие 328 г.
103. Патрэй (1951), сокрытие 336 г.
104. Кепы (1962), сокрытие 341 г.
105. Таракташ близ Судака (1908), сокрытие после 326 г.
106. Тиритака (1956), сокрытие 341 г.
107. Новороссийск (1933), подражания римским монетам, 1 треть IV в.
108. Гай-Кадзор (1972), последняя монета 341 г.
109. Гай-Кадзор II (1972), последняя монета 341 г.
110. Пантикапей (1995), последняя монета 341 г.
111. Керчь (1869), тезаврация между 314 и 341 гг.
112. Керчь (1870), тезаврация между 314 и 341 гг.
113. Пантикапей (1879), тезаврация между 314 и 341 гг.
114. Ильичевское городище (1975), сокрытие между 538 и 565 гг. (включал 5 золотых солидов Юстиниана).

В 2011 г. клад боспорских статеров последних выпусков был найден в Фанагории [1], а в 2012 г. на раскопе 2 Китея был найден клад позднебоспорских монет [2].

---

[1] *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А.* Клады античных монет. Т. 1 / Из собрания КГИКЗ. Нумизматическая коллекция. К.: Мистецтво, 2006. С. 65–81.

[2] *Аптекарев А.З.* Новые монетные находки в Краснодарском крае // Проблемы истории и археологии Боспора. Керчь, 1996. С. 15–7.

[3] *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.) / БИ. Suppl. II. Симферополь – Керчь, 2008. С. 358–564.

Продолжилась работа над уточнением типов эмиссий и техники изготовления поздних монет Боспора [3].

На Боспоре найдено определенное количество византийских монет. На 70-е гг. XX в. они были систематизированы В.В. Кропоткиным.

Среди находок ранневизантийских монет в Крыму В.В. Кропоткин выделяет № 198 (Артек, солид Юстиниана I, до 1907 г.); № 199 (Тиритака, 1934, неопр.); № 203 (Суук-Су, 1903-1907 гг., медь Юстина I и Юстиниана I); № 206 (Керчь, сев. склон г. Митридат, 1873 г., разграбленная катакомба № 25, золотой солид Юстиниана I); № 208 (Керчь, 1934 г., близ церкви Иоанна Предтечи, фоллис 587 г. Маврикия); № 223 (Старо-Крымский р-н, 1959 г., два золотых солида Юстиниана I). В 1959 г. в Фанагории был найден золотой солид Зенона (474–491) (№ 40).

Летом 1985 г. на поселении Зеленый мыс в остатках жилого комплекса (рядовое, небольшое жилище), разрушенного не позднее 3-й четв. VI в., были найдены две золотые монеты императора Феодосия II. Датировка – 449 г. [4] Выпущены, скорее всего, на монетном дворе Фессалоники.

В 2000 г. близ Белогорска, в 1,7 км восточнее святилища, был обнаружен клад (район Сары-Кая, вершина хребта), в который входили (помимо 25 серебряных денариев II в., золотых подвесок с сердоликовыми вставками, серебряного браслета, фибулы, пряжки, пронизи) 5 золотых монет Феодосия II (408–450).

Солид Юстиниана из Китея был найден на 4 раскопе в 1986 г. в позднеантичном комплексе, в слое, где был также найден склад амфор. Такие монеты чеканились в 527–538 гг. [5]

В 2006 г. солид Юстиниана был найден В.Д. Кузнецовым в Фанагории [6].

Золотой солид императора Маврикия поднят как случайная находка на городище Акра (А.В. Куликов).

Большинство находок византийских монет в Керчи относятся к концу VI–1-й пол. VII в. – от Тиверия (578–582) до Ираклия (610–642).

Таким образом, количество находок византийских солидов V и VI вв. по количеству и характеру распределения подтверждают представление о том, что Боспор в V в. в состав империи не входил. Появление двух солидов Феодосия Младшего из Крымского Приазовья можно связать с контекстом возвращения утигуров в 430-е гг. Солид Зенона из Фанагории является еди-

---

[1] *Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д.* Клад боспорских статеров III–IV вв. н. э. из Фанагории (2011 год) // ВДИ. 2014. № 4. С. 56–86.

[2] *Абрамзон М.Г., Молев Е.А.* Клад позднебоспорских статеров из Китея (2012 г.) // ВДИ. 2016. № 2. С. 387–409.

[3] *Абрамзон М.Г., Сапрыкина И.А., Смекалова Т.Н.* Новые данные о технике изготовления статеров Рескупорида V и Фарсанза // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте (Боспорские чтения XXI). Симферополь – Керчь, 2020. С. 29–32.

[4] *Абрамзон М.Г., Масленников А.А.* Золотые монеты Феодосия II из Восточного Крыма // ВДИ. 1999. № 4. С. 79–80.

[5] *Молев Е.А.* Монеты из раскопок городища и некрополя Китея // АМА. 7. 1990. С. 114–115.

[6] *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.) / БИ. Suppl. II. Симферополь – Керчь, 2008. С. 566.

ничной находкой эпохи «гуннского протектората» и, возможно, правления Дуптуна на Боспоре.

Находки VI в. (преимущественно Юстиниановского времени) обширнее, и найдены они на городищах Пантикапей (2), Тиритака, Китей, Акра, Фанагория, Ильичевское городище (5). Это подтверждает факт установления прочной византийской власти в первые годы правления Юстиниана.

Среди византийской бронзы в Крыму преобладают пентануммии Маврикия (582–602), чеканенные на Херсонском монетном дворе [1].

Мы имеем также 42 экземпляра обрезанных монет с византийскими гирьками [2]. Обрезке подвергались почти все боспорские медные монеты.

В первое десятилетие XXI в. в рамках широкой программы систематизации и публикации коллекций Керченского музея-заповедника, начатой в 2004 г., были изданы каталоги античных монет [3]. В рамках отдельных очерков были охарактеризованы современные подходы к трактовке особенностей денежного обращения последних боспорских царей [4] и обращения монет империи на Боспоре [5].

Варварские подражания. Имеется значительная группа подражаний монетам Фофорса и Рескупорида VI. Быть может, подражания чеканились на Боспоре после прекращения регулярного выпуска монет Рескупорида VI, возможно, по частной инициативе [6]. Варварские подражания римским денариям обнаруживают внутреннее единство, устойчивость типа и последовательность стадий деградации, что выявляет однородную этническую среду.

Монеты «неизвестного народа» – варварские подражания римским денариям с типом идущего Марса – находили близ Новороссийска, в Тиритаке, Фанагории. Всего известно 74 экз., из них 61 плохого серебра, 13 медных. Это копии римского оригинала II–III вв. Распространение этих монет ограничивается небольшим районом Боспора вблизи Северного Кавказа [7]. Выделяются три группы монет: 1) сер. III в.; 2) 2-я пол. III в.; 3) кон. III – нач. IV вв. Подражания появляются в эпоху готских походов. Их чеканка была вызвана, видимо, потребностями готов в «римской» монете, т. к. боспорскую они не признавали [8].

---

[1] *Кропоткин В.В.* Новые находки византийских монет в Керчи // ВВ. 32. 1971. С. 216.

[2] *Горелый А.В.* Идентификация обрезанных боспорских монет с византийскими гирьками // РА. 1996. № 1. С. 87.

[3] Клады: *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.) / БИ. Suppl. II. Симферополь – Керчь, 2007–2008; *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А.* Клады античных монет. Т. I / Из собрания КГИКЗ. Нумизматическая коллекция. К.: Мистецтво, 2006. Отдельные монеты: *Абрамзон М.Г., Иванина О.А.* Античные монеты. Т. II. К.: Мистецтво, 2010.

[4] *Абрамзон М.Г., Иванина О.А.* Античные монеты. Т. II. Киев, 2010. С. 37–39.

[5] Там же. С. 53–55.

[6] *Голенко К.В.* О характере выпуска некоторых монет Фофорса // МАПП. 2. Одесса, 1959. С. 189–190.

[7] *Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В.* «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса // ВДИ. 1961. № 1. С. 128–129.

[8] *Горелый А.В.* Идентификация обрезанных боспорских монет с византийскими гирьками. С. 133–134.

Подражания на Шум-речке представляют собой грубо выполненные мелкие монеты из низкопробного медно-серебряного сплава весом 2,1 и 2,8 г [1]. Подражания имеют на лицевой стороне изображения человеческой головы с расходящимися от нее лучами, на обороте – известное изображение идущего Марса или вооруженного копьем воина (№ 231, 232). Находка подражаний совместно с боспорскими монетами – явление чрезвычайно редкое и доселе не зафиксированное. Единичные находки боспорских монет есть в районе Анапы. В 1965 г. в с. Гайкадзор было найдено варварское подражание римским денариям с типом идущего Марса. Второе найдено в 7 км, юго-западнее ст. Раевской (12 км от Анапы) [2]. Этот и ряд других боспорских кладов были зарыты внезапно и одновременно. Сокольский связывает их сокрытие с гуннами. Однотипность монет из Анапского клада свидетельствует об однородности денежного обращения в разных частях Боспора [3]. Подражания локализуются в районе Новороссийска.

В районе Раевского городища найдено три монеты (1962 г.), связанные с приходом готов и боранов. Северо-Восточное Причерноморье было местом чеканки и основным ареалом их распространения. Это варварские подражания римским денариям [4].

Денежное обращение. Денежное обращение и Боспора, и Херсонеса не прерывалось на протяжении всего позднеантичного периода. Римская монета не участвовала в денежном обращении Боспора даже после прекращения выпуска местной монеты. В Херсонесе же позднеримская медная монета совершенно заменила местную и обращалась в большом количестве. Причина – в особенностях боспорского денежного обращения, основой которого был статер. На Боспоре, в отличие от Рима, вассальных царств и провинциальных центров, основу денежного обращения составлял золотой статер, а не серебряная монета. С 80 по 336 г. весовая норма и неизменность типа монет были стабильны, но постоянно шла деградация металла. При Ининфимее для чеканки служило уже низкопробное серебро, при Рескупориде V – медь, свинец и олово, с Фофорса – только медь. Создается впечатление, что в целом тезаврация кладов боспорских статеров определялась катастрофическим падением пробы металла этих монет. Неясно, насколько связано было обесценение боспорской и римской монеты. Увеличение выпуска статеров было выгодно империи, но не Боспору (меди – наоборот).

Находки боспорских монет за пределами Боспора очень редки. Находки римских монет на Боспоре явно случайны. Поэтому нельзя преувеличивать (как делает Н.А. Фролова) роль связи боспорской и римской монетных систем и влияние политической сферы на боспорскую монету [5].

---

[1] *Салов А.И.* Клад III–IV вв. с Шум-речки (Анапский район) // СА. 1975. № 3. С. 172.

[2] Там же. С. 174.

[3] Там же. С. 175.

[4] *Онайко Н.А.* Варварские подражания римским денариям из раскопок Раевского городища // КСИА. 109. 1967. С. 52–53.

[5] *Голенко К.В.* Третий патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н. э. // НиЭ. XII. 1978. С. 17.

Медная монета в эпоху готской смуты не служила объектом тезаврации. Регулирующий момент обращения можно видеть в подтверждении платежных функций монет старых эмиссий путем надчеканки [1]. Политический аспект исключается из-за предельно грубого характера надчеканок.

В 256 г. – в период варварских походов – эмиссии статеров были сокращены более чем вдвое. В 258–260 гг. чеканка статеров прекращается. В 263 г. Рескупорид V делает попытку реформы денежного обращения (золотая монета). В 264 г. чекан серебряных монет был продолжен. Это – беспримерное увеличение эмиссий статеров. Номинальная стоимость статера возросла вдвое в 265 г. В 264–265 гг. боспорский царь проводит в два этапа денежную реформу. Сначала он ввел новый тип статера – маленькие, но полновесные серебряные монеты. А затем номинальная стоимость статеров была увеличена в два раза [2]. Воцарение Тейрана – не узурпация. Заманчиво думать, что боспорские цари убедили варваров в 266 и 267 гг. не идти через Боспор. В эти годы мобилизуются все денежные средства. Вес статера не уменьшен. Серебро – от 20 до 50 %.

В 268–275 гг. статеры не выпускаются [3]. Качество монет Савромата V лучше, чем у Рескупорида V. Больше олова и свинца. Монетное дело свидетельствует против предположения о социальной и внутренней борьбе на Боспоре в 275 г. Объяснение – скорее внешнеполитическое [4]. Все статеры Тейрана однотипны. Наличие одинакового дифферента на монетах Рескупорида V и Фарсанза скорее подтверждает мнение Фроловой об их совместном правлении, чем предположение Голенко и Сокольского об узурпации Фарсанза. Оба правителя использовали один монетный двор Пантикапея [5]. Начало массовых эмиссий медных статеров на Боспоре следует относить только к началу единоличного правления Тейрана (277 г.) [6].

В 278–285 гг. монета на Боспоре не выпускается. При Фофорсе чеканка осуществлялась волнообразно, с периодами подъемов и спадов. Большая часть монет Радамсада чеканилась очень вяло. При Рескупориде VI чеканка весьма интенсивна, но в конце наблюдается резкий спад.

Р.А. Исанчурин и Е.Р. Исанчурин собрали данные о 344 монетах Радамсада. Все они однотипны. В отличие от Фофорса и Рескупорида VI стиль исполнения легенд на монетах Радамсада крайне груб и примитивен. Это напоминает аверсы варварских подражаний с азиатского Боспора. Во время правления Радамсада художественный стиль, как и монетное дело в целом, испытали сильное влияние варваров (боспорских или внешних). Основные отступления от нормы: 1) искажения слов легенды, проникновение в язык разговорных форм; 2) сознательные сокращения слов, вызванные неумением резчика разместить всю легенду; вынос неуместившихся букв за расположе-

---

[1] Там же. С. 26.
[2] Там же. С. 71.
[3] *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (сер. I в. до н. э. – сер. IV в.). М., 1997. Ч. 2. С. 60.
[4] Там же. С. 73.
[5] *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. К., 1986. С. 123.
[6] Там же. С. 75.

ние легенды или их врезка между другими буквами; 3) ошибки резчика из-за низкой грамотности или спешки [1]. Легенды сокращались лишь у трех последних царей. Личных династических эмблем у Радамсада нет (у Рескупорида VI – трезубец). Необычна толщина монет Радамсада – 3,5 мм.

Многие монеты Радамсада чеканены из светлой бронзы, в отличие от остальных, битых из красной меди. Светлая бронза полностью вытеснит медь только в 319–320 гг. В 20-е гг. IV в. использовался единый, устоявшийся стиль и шаблон в трактовке деталей изображений. Вследствие обильной и напряженной чеканки сложился единый даже в мелочах стандартный стиль монет [2]. Все статеры Радамсада имеют дифферент «палица», не употреблявшийся с 252 г.

В легендах монет вплоть до Фофорса нет ошибок. В конце эпохи Радамсада титул появляется в именительном падеже (остальная легенда – в родительном). При Рескупориде VI наблюдается полное смешение именительного и родительного падежей. Преобладает титул в родительном, а имя – в именительном падеже. Распространено неполное написание имени царя, замена омеги омикроном, замена эты иотой в имени царя.

В 294–303 и в 317–328 гг. на Боспоре резко усиливалась эмиссия. В 322–323 гг. по всей европейской части произошли события, вызвавшие массовое сокрытие кладов. Экономическая жизнь здесь уже не восстановилась. Отсутствие массовой тезаврации при Фофорсе, Радамсаде и Рескупориде VI (до 625 г. б. э.) говорит, прежде всего, о том, что монеты всех трех царей были абсолютно равноценны (судя по внешнему виду). В это время никаких крупных потрясений не происходило. Отзыва «лишней» монеты из обращения не было, т. е. не было перенасыщения рынка монетой.

В 285–293 гг. Фофорс выпускал монеты без дифферентов, что говорит о финансировании чеканки самим царем. Это можно понимать так, что первые годы правления Фофорс не смог установить контакта с теми кругами, которые оказывали финансовую поддержку всем боспорским царям. С 294 г. появляется трезубец и пара дифферентов. Это можно связывать с получением римских субсидий [3]. Точка может быть объяснена как знак эмиссий, субсидировавшихся Римом [4].

Несмотря на разнообразие вариантов типа позднебоспорских статеров, они всегда очень определенны и характерны для строго хронологически ограниченных групп монет. Дата по сторонам изображения императора появляется впервые на боспорских монетах только при Рескупориде VI в 618 г. б. э., и этот тип становится ведущим вплоть до прекращения выпуска монеты вообще [5]. С 263 г. рядом с бюстом царя появляется изображение трезубца. На

---

[1] *Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р.* Монетное дело боспорского царя Радамсада // НиЭ. XV. 1989. С. 68–69.

[2] Там же. С. 229–230.

[3] Там же. С. 127.

[4] Там же. С. 135.

[5] *Голенко К.В.* К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора // ВВ. 25. 1964. С. 178.

оборотной стороне – портрет римского императора в профиль вправо; на аверсе – погрудные изображения боспорского царя в профиль вправо. Из всех монет не было ни одной римской.

Исходя из состава монетных сплавов, видно, что при Тейране, а затем при Фофорсе римские дары в виде денариев либо совсем перестают поступать на Боспор, либо не расходуются более на чеканку статеров.

Последние цари бьют монету даже без соблюдения определенной рецептуры. Создается впечатление, что для этого в дело шел любой подходивший для этого металл. Большинство чеканено из оловяно-свинцовой бронзы. Многочисленность поздних монет не должна смущать; они находились в обращении очень долго [1]. Чеканка монет на Боспоре всегда находилась в руках местных властей, а Боспор рассматривался как самостоятельное государство [2].

Тезис о внезапном прекращении эмиссии имеет больше оснований, чем предположение о постепенном ее затухании. Косвенное указание на внешнюю угрозу есть в надписи 335 г. о строительстве оборонительной стены с пожеланием победы городу [3]. Н.А. Фролова считает, что это были варвары. Возможно, речь должна идти о войне с Херсонесом. Моменту прекращения чеканки предшествовало несколько лет, в течение которых монета выпускалась эпизодически и в очень ограниченном количестве [4]. К.В. Голенко в 1960-е гг. считал, что последние выпуски Боспора настолько ничтожны, что их появление нужно рассматривать как политический жест – использование правителем права чекана. Прекращение выпуска монеты на Боспоре не было внезапным. Предположение, что после прекращения выпуска боспорской монеты ее в обращении сменила римская, не подтверждается источниками [5].

Конец чеканки не был следствием натурализации хозяйства. Это общеантичные явления, скорее, не позволили чеканке возродиться после каких-то внешних событий конца 20-х гг. IV в., подорвавших экономические силы государства настолько, что оно не смогло возобновить чеканку.

В.А. Анохин считает, что перед самым концом чеканки интенсивность работы монетного двора Боспора была настолько высокой, что предположение о естественном прекращении чеканки по причине упадка торговли и постепенной натурализации хозяйства должно отпасть – решающую роль в этом сыграли какие-то внешние причины [6].

Монеты позволяют проанализировать иконографию боспорских царей. Еще в IV в. боспорские цари носили римскую одежду, в т. ч. палудамент как отличительный признак высшей государственной власти. Волосы царя показаны длинными, косо спадающими за спиной до уровня плеч. Волосы римских императоров традиционно коротки, без деления на пряди и завитки.

---

[1] Там же.

[2] *Смекалова Т.Н.* Боспор в сфере влияния Римской империи (по данным о составе монетных сплавов) // ДБ. 4. 2001. С. 344–345.

[3] Там же. С. 137.

[4] *Голенко К.В.* Второй Патрэйский клад монет (1951 г.) // НиЭ. I. 1960. С. 244.

[5] *Голенко К.В.* К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора // ЗОАО. 1 (34). Одесса, 1960. С. 338.

[6] *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. К., 1986. С. 118.

Обычен лавровый венок на голове императора. Боспорские цари на монетах в основном длинноволосы и безбороды. Резкое огрубление стиля делает невозможным применение иконографического метода идентификации правителей.

В целом для античных городищ Крымского Приазовья А.А. Масленников разработал коэффициент частоты встречаемости монетных находок. Для поселений он на порядок ниже, чем для культурных слоев городов [1]. Монеты позднеантичного периода составляют не менее 20 % от всего нумизматического собрания Приазовья (за исключением кладов), и все это медь. Самые поздние из них датируются 338–441 гг. Часть из них обнаружена в слоях, связанных с гибелью поселений, часть – в домашних алтарях-жертвенниках, многие – в погребениях [2].

На внутреннем рынке Византии обращались золото и медь, а серебро шло на внешний рынок [3]. Обращение на территории Боспора золотой византийской монеты надежно зафиксировано отдельными находками и кладами. Боспорские эксагии свидетельствуют о регулярных и интенсивных товарно-денежных отношениях Боспора с Византией в VI в. [4]

С 590 г. на Боспоре начинает обращаться медь, следующая монетным типам Херсона, что отражает факт существования единой византийской административной обрасти в Таврике.

Как резюмирует В.В. Гурулева, в ранневизантийский период на Боспоре обращались монеты, характерные и для других центров империи, где медные монеты обеспечивали мелкую рыночную торговлю, серебро представлено редкими церемониальными монетами, а золото было средством крупных платежей и накопления. Локальной особенностью было включение в оборот выпусков Херсона, так как собственного монетного двора в городе Боспор, по-видимому, не существовало [5].

Для изучения денежного обращения в Северном Причерноморье позднеантичного и ранневизантийского времени чрезвычайно важны регистрация и точная топография монетных находок. Вопросы денежного обращения на Боспоре в IV–VI вв. требуют дальнейшего исследования.

Монетное дело Херсонеса. Ряд проблем имеет история денежного обращения и состояния монетного дела в Херсонесе. В городе в обращении находились как местная, так и имперская монеты.

Находки кладов позднеантичных местных и имперских монет в Херсонесе достаточно часты. В начале IV в. город прекратил выпуск медной монеты. Ее заменяет римская. Большая часть монет приходится на время Кон-

---

[1] *Масленников А.А.* Монетные находки и денежное обращение в Крымском Приазовье в античную эпоху // ДБ. 1. М., 1998. С. 205.

[2] Там же. С. 212.

[3] *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (сер. I в. до н. э. – сер. IV в.). М., 1997. Ч. 2. С. 177.

[4] *Горелый А.В.* Идентификация обрезанных боспорских монет с византийскими гирьками. С. 97.

[5] *Гурулева В.В.* Основные проблемы нумизматики Крыма византийской эпохи // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 94: Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». СПб.: Гос. Эрмитаж, 2018. С. 68.

стантина I и его сыновей, особенно Констанция II (из Фессалоники, Никомедии, Антиохии, Кизика, Сисции).

Уже в начале IV в. наблюдается некоторый упадок искусства гравирования монетных штемпелей. Вырабатывается шаблон, бюсты не отличаются индивидуальными чертами, диадема и одежда одинаковы. Поэтому если нет пояснительной надписи, то определить, какому правителю принадлежит выпуск, невозможно.

Характерной чертой денежного обращения Херсона V – начала VI в. является обилие (сотни экземпляров) мелких медных номиналов императоров Аркадия (383–408), Льва I (457–474), Зенона (474–491), Анастасия I (491–518). Как считает В.В. Гурулева, это были самые востребованные на местном рынке монеты [1].

Первый период работы Херсонского монетного двора относится к концу V – началу VII вв. Низкий рельеф на монетах Зенона и их длительное обращение приводили к быстрому стиранию. На лицевой стороне херсонесских монет Зенона – погрудное изображение императора вправо. На обороте – император в рост, анфас, с головой вправо, с крестом в правой и сферой в левой руке, ногой попирает пленника. Плохая сохранность, плохая структура (бронза и свинец) [2].

От эпохи Юстина I и Юстиниана I дошло несколько сотен монет. Более 200 монет имеют изображение императора со щитом; около 200 – где он держит сферу. После реформы Анастасия монетный рынок империи быстро насыщается крупными фоллисами; в Херсоне же их находки единичны, зато местным двором в обращение выпускаются мелкие номиналы.

В Херсонесе имеются монеты Юстина двух типов. В монетном деле ранней Византии практиковался выпуск монет от имени одного из соправителей и даже от имени жены императора [3]. Иконографический тип Юстина: погрудное изображение императора анфас, с крестом в правой руке и щитом в левой. Другой тип: на обороте император со щитом в левой и с лабаром в правой руке, с головой вправо. На лицевой стороне обоих типов император изображен в диадеме с расходящимися надо лбом лучами; проработка лица тщательная, выполненная профессионально. Итак, Юстину принадлежат три типа монет (третий: император на обороте с крестом и сферой). Более ранний – со щитом и лабаром, третий – позднейший.

При Юстине I (518–527) и Юстиниане I уменьшается приток монет из Константинополя и других городов империи, поскольку активно функционирует монетный двор Херсона, удовлетворяющий запросы внутреннего рынка. Количество находок монет Юстина I местной чеканки вдвое превосходит число монет других монетных дворов, при Юстиниане I разница существенно увеличивается в пользу херсонских выпусков (15:1). Но в дальнейшем она

---

[1] Там же. С. 63.

[2] *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 17–18.

[3] *Соколова И.* Медные монеты Юстина I и Юстиниана I, чеканенные в Византийском Херсоне // СГЭ. 32. 1971. С. 68.

сокращается до соотношения 8:1 при Юстине II (565–578) и 5:1 при Маврикии (582–602) [1].

Монеты Юстиниана полностью сохраняют иконографические типы монет его предшественника [2]. В VI в. часты ошибки резчиков. На херсоно-византийских свинцовых монетах Юстиниана I выбита монограмма названия города Херсонеса, как на меди. На монетах Маврикия есть изображение императорской четы плохой сохранности, на обороте – Феодосий с крестом, в середине – четырехконечный крест [3].

Чеканка монет Херсона в V–VII вв. не была исключительным явлением: получив в наследство от античности право на чеканку монет, города Византии в V–VII вв. выпускали медные монеты различного достоинства. Но, в отличие от большинства других, Херсон уже при Зеноне выпускал средний номинал, в течение 1-й пол. VI в. – мелкий (равный константинопольскому пентануммию) [4].

Атрибуция и классификация херсонского монетного чекана 1-й пол. VI в. остаются во многом спорными. И. Соколова выделила по три типа монет каждого императора. На каждой монете есть изображение императора и надпись VICTOR. Я.В. Студитский и М.Н. Бутырский уточнили и дополнили работу Соколовой. Ими был проведен анализ выборки из 600 монет. Было выделено 4 типа монет Юстина I и 2 типа Юстиниана I. III тип Юстина («крест-сфера») станет единственным при Юстиниане [5]. В Византии обозначение номинала монеты никогда не встречается в круговой надписи. II тип по Соколовой следует отвергнуть.

Обращение меди в ранневизантийский период в Херсоне характеризует ряд особенностей, резко отличающих его от общеимперского. Во 2-й пол. V в. единственный медный номинал в империи – нуммий AE 4, а в Херсоне при Льве I и Зеноне обращается крупный номинал AE 2/3.

Найденные в Херсонесе ранневизантийские монеты от Валента до Ираклия были обработаны В.В. Серовым (по фондам Государственного Эрмитажа и Национального заповедника «Херсонес Таврический»). Количественно преобладают монеты Феодосия I, Аркадия, Льва, Анастасия, Юстиниана [6].

Монетное дело Херсонеса в целом соответствует политическому статусу города – в отдельные периоды оно не поддается точному определению.

---

[1] *Гурулева В.В.* Основные проблемы нумизматики Крыма византийской эпохи // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 94: Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». СПб., 2018. С. 63.

[2] *Соколова И.* Медные монеты Юстина I и Юстиниана I, чеканенные в Византийском Херсоне // СГЭ. 32. 1971. С. 19–21.

[3] *Орешников А.* Херсоно-византийские монеты // Нумизматический сборник. 1. 1911. С. 108.

[4] *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 107–108.

[5] *Студитский Я.В., Бутырский М.Н.* Монеты Херсона с именами Юстина I и Юстиниана I // ВВ. 59 (84). 2000. С. 228.

[6] *Серов В.В.* О ранневизантийских монетах в фондах музеев Эрмитаж и «Херсонес Таврический» // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 39–40.

Денежное обращение в Херсонесе. Для Херсонеса IV в. среди римских монет абсолютно преобладают чеканенные в восточной части империи. Мелкая монета являлась главным средством обращения в Херсоне с III в. В 70-х гг. III в. чеканка херсонесских медных монет окончательно прекратилась, однако денежное обращение не сократилось. В IV–V вв. деньги повсеместно продолжали широко применяться при сделках, а в империи в V в. денежное обращение даже улучшилось. В IV в. с ликвидацией институтов полисной организации функции агораномов перешли в руки чиновников во главе с комитом. В III–IV вв. размер пошлины на импорт и экспорт увеличился до 12,5 %, тогда как ранее он составлял 2–3 %. Для позднеантичных и раннесредневековых сплавов характерно повышенное содержание свинца при незначительном количестве олова. Но существенной разницы между античной и средневековой медью нет, т. е. нет оснований говорить об изменении источников снабжения Херсонеса сырьем [1]. После прекращения городской монетной чеканки при Галлиене херсонесские и римские монеты находились в обороте до VII в.

В III–IV вв. медь была представлена позднеэлевтерийными выпусками и медными римскими номиналами, которые в ранневизантийский период дополнили выпуски Льва, Зенона, Юстина и Юстиниана. Историческая ситуация IV–V вв. способствовала длительному сохранению старой монеты в обращении, не выходившей из города. Сначала это был номинал AE 2, затем AE 2/3. Последний, очевидно, соответствует позднеэлевтерийному тетрассарию. В империи в начале V в. крупная медь выходит из обращения. В Херсоне она остается. На основе номинала AE 2/3 складывается местная денежная система. Интенсивное строительство в городе конца V – начала VI вв. потребовало резкого увеличения количества медной монеты в обращении. В связи с этим при Льве I туда ввозится монета номинала AE 2, а при Зеноне, возможно, открывается собственный монетный двор. В Херсонесе имеется ряд медных монет Зенона. Одна из них (№ 4795/8) представляет особый тип. Бюст императора Зенона в плаще и в диадеме, вправо. Реверс – Зенон во весь рост, голова вправо. Одет в короткую тунику, плащ и сапоги, голова увенчана диадемой. В правой руке держит длинный крест, древко заканчивается острием как копье, в левой руке сфера. Левой ногой попирает пленника, обращенного вправо. В дореволюционных раскопках часто встречались подобные монеты. Кроме монет Льва I и Юстиниана есть много монет Зенона. Такой тип монеты Зенона не издан, встречается только в Херсонесе. Место чекана не обозначено. Л.Н. Белова предполагает, что эту монету чеканили на одном из византийских монетных дворов только для Херсонеса, а быть может, ее и чеканили в Херсонесе [2].

Подтверждением факта существования в Херсоне VI в. локальной денежной системы являются результаты воздействия на нее реформы Анастасия. Местный рынок не принял в обращение крупного фоллиса, находки ко-

[1] *Кадеев В.И.* Некоторые результаты спектрального исследования металлов из позднеантичного Херсонеса // СХМ. 3. Симферополь, 1963. С. 38.

[2] *Белова Л.Н.* Неизданные монеты Херсонеса // СА. VII. 1941. С. 327.

торого на городище единичны. Пентануммии Анастасия, находимые в значительном количестве, по-видимому, органично влились в обращение.

Херсонесские выпуски Юстина I и Юстиниана I продолжили традицию медного обращения в рамках локальной монетной системы, существовавшей в городе в начале VI в. [1]

Монеты Юстиниана ежегодно находят при раскопках в Херсонесе. Медная монета № 6416 дает нам бюст Юстиниана I, одетого в плащ, вправо, голова с диадемой. Реверс – в рост, впрямь, одет в короткую тунику, плащ, сапоги. Голова – в диадеме и покрыта шлемом. В правой руке держит длинный крест, в левой сферу. Медные византийские монеты VI в. чеканились только для внутреннего денежного обращения в Византии. Монетный двор Херсонеса со времени Зенона выпускал медную монету для Херсонеса.

Итак, общие закономерности, характерные для монетного дела и денежного обращения основных провинций империи, хорошо прослеживаются и в Северном Причерноморье. Континуитет монетного дела и обращения в Херсонесе и на Боспоре несомненен.

Факт наличия имперской монеты в Херсонесе и на Боспоре сам по себе не может еще служить доказательством континуитета, так как имперская монета поступала и к варварам. Однако характер денежного обращения, состав кладов свидетельствуют об обращении имперской монеты в Северном Причерноморье наряду с местной монетой. Варвары же не имели систематического денежного обращения, а монеты использовали часто не по назначению.

На Боспоре обращение местной монеты продолжалось в течение всего позднеантичного периода, несмотря на прекращение эмиссии в IV в. Местные выпуски монет в Херсонесе осуществлялись несистематически. География находок кладов на Боспоре позволяет в большинстве случаев связать их с известными из письменных источников событиями.

Количество и качество находок позднеантичных монет в Таврике не позволяют принять тезис о полной натурализации хозяйства и отсутствии товарно-денежных отношений.

Иконография монет отражает факт постепенного огрубления и деградации типов (особенно на Боспоре), а также изменения типов изображения, символики и легенд (в империи). В данном контексте монеты могут служить источником изучения культурно-идеологического континуитета.

§ 3. Позднеантичное стекло Северного Причерноморья

Стекло – важный источник по истории материальной культуры северопонтийского региона. Эта категория вещей позволяет выявить особенности и характер как местного производства, так и импорта, установить направления торговых связей, изучить культурно-идеологические процессы.

---

[1] *Студитский Я.В., Бутырский М.Н.* Монеты Херсона с именами Юстина I и Юстиниана I // ВВ. 59 (84). 2000. С. 229.

Основные материалы из стекольных мастерских Боспора и памятники из Херсонеса достаточно полно изданы и могут служить важным и репрезентативным источником для исследования континуитета материальной культуры в регионе [1].

Мастерские. В Таврике в целом и на Боспоре в частности открыто уже достаточно большое количество стеклоделательных мастерских позднеантичного времени [2]. Стеклоделы работали на Боспоре по меньшей мере до V в. [3] (кепские стаканы II и IV типов и др.). Стеклоделательная мастерская открыта также в квартале XXV Херсонеса. Г.Д. Белов относит ее к IV–V вв. Кроме оконного стекла здесь изготовляли посуду с пузырьками [4]. Стеклоделательную мастерскую в Херсонесе Э.Я. Николаева передатирует на конец V – начало VI в. Установлено существование стеклоделия в Танаисе и на Ильичевском городище.

Стекло было широко распространено на Боспоре позднеантичного времени. Мастерские III–V вв. производили продукцию в основном для местного производства. В погребениях Боспорского некрополя IV–V вв. наблюдает-

---

[1] Историография рассмотрена в работе: *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. Симферополь, 2001. С. 97–100. См. также: *Сорокина Н.П.* Стеклоделие античного мира первых веков н. э. Автореф. докт. дисс. М., 1988; *Сорокина Н.П.* Основные направления изучения стекла первых веков н. э. из Северного Причерноморья (по материалам отечественной литературы) // ТГИМ. 70. 1989. С. 142–149; *Щапова Ю.Л.* Византийское стекло. М., 1998. С. 40–44; *Сорокина Н.П.* Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // АМА. 3. Саратов, 1977; *Скалон К.М.* О некоторых формах стеклянной посуды позднеантичного и раннесредневекового Боспора // СГЭ. 37. 1973; *Николаева Э.Я.* Стеклоделие на Боспоре // КСИА. 204. 1991; *Голофаст Л.А.* К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. VI. 1998; *Голофаст Л.А.* Комплексы стеклянных изделий конца VI – начала VII в. из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995; *Голофаст Л.*А. Стекло из ранневизантийских слоев Херсонесского городища // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, 1994; *Голофаст Л.А.* К вопросу о стеклоделии позднеантичного Херсонеса // Международная конференция «Византия и Крым». Симферополь, 1997; *Сорокина Н.П., Гущина И.И.* Стеклянные изделия из могильников первых веков н. э. из Юго-Западного Крыма // ТГИМ. 51. 1980; *Кунина Н.З.* Сирийские выдутые в форме стеклянные сосуды из некрополя Пантикапея // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973; *Сорокина Н.П.* Стеклянные сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973; *Кунина Н.З.* К вопросу о западном импорте стекла на Боспор // ТГЭ. 24. 1984; *Кунина Н.З.* Стеклянный сосуд галльского мастера из Ольвии // СГЭ. 46. 1981; *Сорокина Н.П.* Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1949 гг. // МИА. 103. 1962; *Скалон К.М.* Стеклянные сосуды из боспорского некрополя // СГЭ. 38. 1974; *Голофаст Л.А.* Рюмки из раскопок ранневизантийского Херсонеса // АДСВ. 29. Екатеринбург, 1998; *Кунина Н.З., Сорокина Н.П.* Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 13. 1972; *Сорокина Н.П.* Позднеантичное стекло из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976; *Засецкая И.П.* О двух классификациях стеклянных сосудов с декором из напаянных капель и нитей синего стекла // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000; *Сорокина Н.П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4; *Голофаст Л.А.* Стеклянные осветительные приборы позднеантичного и раннесредневекового Херсонеса // Древности. 1997–1998. Харьков, 1999; *Сорокина Н.П.* Три стеклянных сосуда IV в. н. э. с рельефными изображениями из Северного Причерноморья // МАПП. 3. Одесса, 1960 и др.

[2] *Щапова Ю.Л.* Византийское стекло. М., 1998. С. 40–44.

[3] *Сорокина Н.П.* Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // АМА. 3. Саратов, 1977. С. 127.

[4] *Щапова Ю.Л.* Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983. С. 153–154.

ся широкий ассортимент и разнообразие форм посуды: кувшины, рюмки, блюда, остроконечные кубки, сосуды-банки с накладными нитями из восточных провинций. В погребениях VI–VII вв. стеклянной посуды много, но всего нескольких типов – в основном колбовидные с округлым или грушевидным туловом (местного производства) [1]. Вся местная посуда изготовлена с применением выдувательной трубки, в технике свободного выдувания или в форме.

В Пантикапее в погребениях и жилых кварталах стекла столько, что это напоминает картину находок в областях, где обнаружены стеклоделательные мастерские.

В VI в. в Гермонассе имелось собственное стекольное производство в традициях сирийских мастеров [2].

Мастерская на Ильичевском городище сохранилась почти полностью. Общая площадь – 140 кв. м. Это 5 % площади крепости. Ассортимент продукции: оконное стекло, рюмки, лампады, кувшинчики, колбы, чаши, тарелки, бусы [3].

Остатки стеклоделательного производства открыты были и в Танаисе.

Сокращения типов и количества стеклянной посуды в VI в. на Боспоре нет. Рынок сбыта – ближайшая округа. Стекло было распространено шире, чем обычно считается.

Основные комплексы с присутствием стекла. Комплексы стекольного производства в Херсонесе распадаются на две хронологические группы: 1) конец IV – 1-я пол. V в.; 2) 2-я пол. VI в. [4] Пример первой – засыпь подвала 1965 г. в северо-западном углу XXV квартала, второй – заполнение подвала в юго-западном углу квартала, слой в помещениях возле него (1963 г.). В конце VI – начале VII вв. стеклоделательные мастерские, как и многие другие постройки города, были разрушены в ходе нового строительства. Остатки были сброшены в цистерны.

В эпоху поздней античности стекло стало повседневной посудой, и его качество и сохранность оставляют желать лучшего. Фрагменты стеклянных изделий относятся к числу наиболее массовых находок, встречаемых при раскопках ранневизантийских слоев херсонесского городища [5].

Л.А. Голофаст выделяет 5 комплексов: 1) засыпь ямы в помещении 10 квартала VII Северо-восточного района; 2) засыпь цистерны в помещении 21 на Северном берегу; 3) засыпь колодца в 1 квартале Северо-восточного района; 4) засыпь цистерны 1 в помещении 4 усадьбы 1 Северного района; 5) заполнение цистерны 2а в квартале VII Северо-восточного района.

Набор сосудов этого времени очень ограничен – это повседневная столовая утварь (рюмки, бутылки) либо предметы церковного обихода (лампа-

---

[1] *Скалон К.М.* О некоторых формах стеклянной посуды позднеантичного и раннесредневекового Боспора // СГЭ. 37. 1973. С. 51.

[2] *Николаева Э.Я.* Стеклоделие на Боспоре // КСИА. 204. 1991. С. 50.

[3] Там же. С. 51–53.

[4] *Голофаст Л.А.* К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. VI. 1998. С. 314, 324.

[5] Общий очерк см.: *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Харьков, 2005. С. 247–253.

ды). Художественные образцы отсутствуют. Вся посуда изготовлена с применением выдувательной трубки в технике свободного выдувания и понтии. Большая часть сосудов сделана из серо-голубого тонкого стекла с иризованной поверхностью и некоторым количеством пузырьков. Преобладающая форма – рюмки (во всех центрах византийского времени). Местное производство: рюмки, флаконы и лампады [1].

В Херсонесе комплексы изделий конца IV – 1-й пол. V вв. малочисленны. Стекло VI – нач. VII вв. делится на три группы: 1) сосуды из серо-голубого стекла различных оттенков (в основном рюмки); 2) сосуды оливкового стекла высокого качества (стаканы, в т. ч. с каплями синего стекла); 3) очень малая группа сосудов из синего стекла (рюмки) [2].

XXV квартал Северного района Херсонеса (1963–1965) дал сброс из стеклоделательной мастерской IV–V вв. В ходе дальнейшего изучения было выделено две группы: конец IV – 1-я пол. V в.; конец VI – начало VII в. В первый период преобладает зеленоватое стекло, а со 2-й четв. V в. – оливковое. 2-я пол. VI в. – время повсеместного возникновения локальных стекольных мастерских в провинциальных византийских городах [3].

Типологии. Типология стекла позднеантичного Херсонеса разработана Л.А. Голофаст. К типу 1 она отнесла сосуды с обрезанным краем. Подтипы: 1) с округлыми стенками (в т. ч. с каплями синего стекла (имитация сосудов из золота и серебра с драгоценными камнями)); 2) конические кубки; 3) в форме усеченного конуса. Имеется также несколько типов орнаментации. Тип 2 – сосуды с оплавленным краем. Тип 3 – чаши. Тип 4 – лампады. Тип 5 – кувшины и бутыли. Тип 6 – бальзамарии. Тип 7 – донья. Тип 8 – сосуды на конической подставке. Тип 9 – рюмки. Тип 10 – браслеты.

В VI–VII вв. исчезают все приемы орнаментации, происходит резкое ухудшение качества стекла и обеднение ассортимента (2–3 при доминировании рюмок) [4].

Для Херсонеса IV в. характерны стаканы с негравированной поверхностью и кольцевым поддоном [5]. Аналогии – сирийские сосуды из некрополя Пантикапея [6].

Импорт. В IV–V вв. в империи монополия на экспорт стекла принадлежала церкви [7]. Херсонесская периферия была охвачена импортом стеклянных изделий. В Юго-Западном Крыму («Совхоз-10») есть стекло 2-й пол.

---

[1] *Голофаст Л.А.* Комплексы стеклянных изделий конца VI – начала VII в. из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 101.

[2] *Голофаст Л.А.* Стекло из ранневизантийских слоев Херсонесского городища // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, 1994. С. 11–12.

[3] *Голофаст Л.А.* К вопросу о стеклоделии позднеантичного Херсонеса // Международная конференция «Византия и Крым». Симферополь, 1997.

[4] *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. 2001. С. 162.

[5] *Сорокина Н.П., Гущина И.И.* Стеклянные изделия из могильников первых веков н. э. Юго-Западного Крыма / ТГИМ. 51. 1980. С.93.

[6] *Кунина Н.З.* Сирийские выдутые в форме стеклянные сосуды из некрополя Пантикапея // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973.

[7] *Щапова Ю.Л.* Византийское стекло. М., 1998. С. 247.

IV в.[1] Скорее всего, в Харакс стекло поступало через Херсонес. Харакссские экземпляры стаканов с каплями синего стекла – самые ранние из всех известных не только в Северном Причерноморье, но и в римских провинциях (1-я пол. IV в.). В общем они датируются 2-й пол. IV – началом V в. [2]

Ряд импортных сосудов III – нач. IV в. с Боспора имеет западное происхождение [3]. Это высокие стаканы на сплошном плоском поддоне, сосуды со сферическим туловом и сужающимся кверху горлом, фиалы полусферической формы, тонкостенные чаши-кубки. В 1914 г. в Эрмитаж поступил стеклянный сосуд – случайная находка 1911 г. из Ольвии [4]. Западное направление импорта на Боспор в III–IV вв. было устойчивым и постоянным. Стекло Северного Причерноморья V–VI вв. обнаруживает сходство и стилистическое родство со стеклом Средиземноморья, прежде всего, Балкан и Северной Адриатики. Это, очевидно, та часть византийского стеклоделия, на развитие которого государственная политика империи оказала меньшее влияние. Большая часть импортных сосудов в позднеантичных центрах Северного Причерноморья имеет сирийское происхождение.

Отдельные типы сосудов. Самый распространенный тип сосудов – в виде колбы округлой или грушевидной формы с высоким узким горлом, заканчивающимся широкой воронкой или венчиком из стекла зеленоватого цвета и одинакового качества.

Посуда с острыми краями, составляющая большую группу в погребениях Боспорского некрополя IV–V вв., относится к IV–V вв. В конце V–VII вв. на всей стеклянной посуде делаются зашлифованные края.

Стаканы, судя по количеству обломков, были особенно распространены в Пантикапее со 2-й пол. III в. и в IV в. [5] Стаканы на кольцевом поддоне делались на двух стеклоделательных мастерских Херсонеса IV в. На Боспор они попадали, скорее всего, из Средиземноморья, так как херсонесские удовлетворяли местные нужды.

Стаканы в виде сот бытовали с конца III по 1-ю пол. IV в. Обломок стекла с сотчатым орнаментом был найден в позднеантичном слое Пантикапея. Сотчатые стаканы есть в Пантикапее и Херсонесе, Совхозе 10, Цебельде.

Среди многочисленных однотипных сосудов местного производства выделяется небольшая группа кувшинов, отличающихся стройной и изящной формой. Эти находки свидетельствуют о широких торговых и культурных связях Боспора с восточными провинциями империи в IV–V вв. [6]

---

[1] *Сорокина Н.П.* Стеклянные капельники, или гуттусы первых веков н. э. / ТГИМ. 74. 1990. С. 76.

[2] *Сорокина Н.П.* Стеклянные сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 186.

[3] *Кунина Н.З.* К вопросу о западном импорте стекла на Боспор // ТГЭ. 24. 1984. С. 147–164.

[4] *Кунина Н.З.* Стеклянный сосуд галльского мастера из Ольвии // СГЭ. 46. 1981. С. 45, рис. 1.

[5] *Сорокина Н.П.* Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1949 гг. // МИА. 103. 1962. С. 233.

[6] *Скалон К.М.* Стеклянные сосуды из боспорского некрополя // СГЭ. 38. 1974. С. 47. К началу V в. относится кувшин № 4 с рельефной мордой льва.

Рюмки – бытовые сосуды для питья, но вместе с тем – и лампады [1]. Рюмки с двойными стенками (группа А) появляются в Северном Причерноморье не в IV, а во 2-й пол. V в. Рюмок нет среди стекла Тиры, Танаиса, Совхоза 10, Харакса (это 1-я пол. V в.). Нет рюмок и в херсонесских комплексах IV–V вв. [2] На Боспорском некрополе рюмки найдены в захоронениях II хронологического периода – 2-я пол. V – 1-я пол. VI в. Эти рюмки во 2-й пол. VI в. становятся преобладающим типом и доминируют весь VII век [3].

К IV в. на Боспоре почти полностью исчезают бальзамарии [4].

На Боспоре в IV в. существовали бутылки, которые повсеместно уже вышли из употребления. Качество стекла – много хуже, чем на других одновременных изделиях. Бутыли, особенно часто встречающиеся на Боспоре, относятся к IV–VI вв. Они найдены также в Паннонии и восточных провинциях [5].

Самые поздние сосуды VI–VII вв. – однотипные колбовидные, с узким горлом без воронки и небольшим валиком. Со временем работа становится более небрежной, без проработки деталей; производство упрощается и удешевляется.

Помимо отдельных типов вызывает интерес орнаментация. В IV в. характерными становятся орнаменты, выложенные из нитей только того же стекла, из которого был сделан сам сосуд. Часто встречается волнистый и ячеистый орнамент [6]. К IV–V вв. относится много сосудов, имеющих резной декор. Впрочем, в ранневизантийском стеклоделии сочетаются сложнейшие резные сосуды и примитивные украшения, что является одним из его характерных признаков.

Орнаментация каплями синего стекла появилась на рубеже IV в. и бытует длительное время. В Северном Причерноморье имеется не менее 70 только целых сосудов с каплями синего стекла. В основном эти находки концентрируются на Боспоре [7]. Стакан с каплями синего стекла из могилы 33 – вероятно, с Боспора, где такие стаканы встречаются чаще всего. Но они могли попасть сюда и из Херсонеса. В Паннонии они датируются несколько более поздним временем. Современные твердые датировки этой категории стекла кон. IV–V вв. позволяют передатировать многие комплексы [8]. Стеклянная посуда (стаканы и кубки) с каплями синего стекла – один из наиболее характерных видов материальной культуры позднеантичного вре-

---

[1] *Голофаст Л.А.* Рюмки из раскопок ранневизантийского Херсонеса // АДСВ. 29. Екатеринбург, 1998. С. 228.

[2] Там же. С. 231.

[3] *Голофаст Л.А.* Рюмки из раскопок ранневизантийского Херсонеса. С. 233.

[4] *Кунина Н.З., Сорокина Н.П.* Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 13. 1972. С. 171.

[5] *Сорокина Н.П.* Позднеантичное стекло из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 206.

[6] Там же. С. 200; на рис. 2, с. 201 – фрагменты сосудов IV в. из Ольвии.

[7] Там же. С. 205.

[8] Уточненная классификация: *Засецкая И.П.* О двух классификациях стеклянных сосудов с декором из напаянных капель и нитей синего стекла // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 209–229. См. также: *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. Симферополь, 2001. С. 126.

мени. В Северном Причерноморье известно более 70 таких сосудов, сохранившихся целиком. Н.П. Сорокина выделяет три основных типа: 1) стаканы с округлыми стенками; 2) стаканы в виде высокого усеченного конуса; 3) остродонные конусовидные кубки [1]. Сосудов 1-го типа – 14. Из них 8 прочно связаны с Пантикапеем. 2 тип – 18 сосудов, из них 8 – из Пантикапея, 1 – из Фанагории; за пределами региона редки. 3 тип – 4 экз. из Пантикапея; широко распространены в империи. На Боспоре эти сосуды входят в состав погребальных комплексов. Известно более 30 комплексов могильного инвентаря с этими сосудами. Как правило, это богатые погребения.

В I группу входят погребения, которые датируются Н.П. Сорокиной до 370 г. (могилы 100 1909 г.; 150 (42) 1905 г.; 261 (73) – 1902 г.; могила 1890 г.; склепы 145, 146, 154, 165 – 1904 г.; 181 – 1902 г.). В инвентаре погребений этой группы очень сильны традиции античной культуры (пиксиды, фибулы IV в., керамика). Ко II группе (конец IV – начало V в.) относятся могилы 29 1949 г.; 340 (217) 1904 г.; 45 1909 г.; склеп 24.06.1904 (Пантикапей); склеп 50, могила 42 1964 г. (Фанагория) [2]. И.П. Засецкая справедливо уточняет некоторые датировки, указывая на одновременное со стаканами с каплями синего стекла нахождение вещей 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв.

Стаканы типов I–II входили в распространенную в империи данного времени группу Patoria gemmata, имитировавшую сосуды из золота и серебра, украшенные драгоценными камнями. Сосуды с каплями синего стекла из Северного Причерноморья примыкают к восточной группе Patoria gemmata. Н.П. Сорокина связывает их распространение с боспорской модой на полихромные украшения. Обломки таких сосудов встречаются на городищах, следовательно, они использовались и в быту. В IV в. они связаны с крупными городами региона, позднее они распространились и на периферии. Скорее всего, это был сирийский и египетский импорт.

Стаканы с необработанными краями относятся к концу IV – первому десятилетию V в. [3]

Конические кубки в Северном Причерноморье относятся к концу IV – 1-й пол. VI вв.

В каталоге И.П. Засецкой подавляющее большинство сосудов не имеют четкого определения места производства: это или Северное Причерноморье, или Восточное Средиземноморье [4]. Данное обстоятельство указывает, прежде всего, на континуитет торговых связей региона с империей, на общность позднеантичных вкусов населения Северного Понта и на возможность производства в регионе сосудов, ничем не отличавшихся от средиземноморских.

---

[1] *Сорокина Н.П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4. С. 85.

[2] Там же. С. 93.

[3] *Засецкая И.П.* О двух классификациях стеклянных сосудов с декором из напаянных капель и нитей синего стекла // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 213.

[4] Там же. С. 221–225.

Особое значение имеет факт нахождения на городищах Северного Понта оконного стекла. Его обломки (археологический признак общественных зданий) содержались в слое III в. и хорошо прослеживаются в IV в. В Пантикапее оконное стекло было найдено в основном на Эспланадном раскопе, меньше – на Ново-Эспланадном и на Босфорском [1]. Оконное стекло найдено также в Тиритаке и Херсонесе. Оконное стекло изготавливали в деревянных формах, смачивавшихся водой. Налитая в форму стеклянная масса растягивалась по всей поверхности щипцами. Известно, что четверть византийских стекол сварена на соде. Три четверти – на золе пустынных растений [2]. Среди северопонтийских находок есть византийские сосуды из золистого стекла. Из него же – оконные стекла из Гермонассы [3].

Стеклянные светильники (лампады) начинают конкурировать с традиционными глиняными в IV в. В них наливали воду, и лишь сверху находился слой масла. Стенки таких сосудов обычно украшали шлифованными полосами и каплями синего стекла. Конические кубки использовались двояко – и как сосуды для питья [4]. В Северном Причерноморье конические кубки датируют 380/400–500/550 гг. В Херсонесе найдены фрагменты двух групп этих сосудов. Лампады также можно разделить на две группы. А – с выпуклым, сферическим в сечении дном. Б – с заостренным дном с синей каплей. Первые найдены в Херсонесе и в Керчи (V в.; также в слоях VI–VII вв.). Вторые – VI–VII вв. Лампада с узкой полой ножкой появляется в самом конце V в. Скорее всего, в Херсонесе имелось их производство. Отдельный вид – трехручные лампады, которые подвешивались к кронштейну или кресту. Датируются концом IV–VI вв. Находки – в Ильичевке, Тиритаке, Китее, Пантикапее, на Генеральском городище. Итак, выделено 4 типа стеклянных светильников: 1) конические кубки; 2) лампады со скругленным дном (А и Б); 3) лампады с цилиндрическим или полусферическим туловом с узкой полой ножкой; 4) трехручные сосуды [5].

Музейные коллекции. Дополнительную информацию несут музейные экспонаты, оторванные от археологического контекста, но найденные, как правило, в Северном Причерноморье. В коллекции А.В. Новикова имеются замечательные сирийские кувшины IV в. Особое значение имеет чаша с христианскими символами и надписью, сделанная во 2-й пол. IV в. в сиро-палестинском регионе [6].

В коллекции стекла Археологического музея в Одессе есть три сосуда IV в. с рельефными изображениями. Первый сосуд найден в Херсонесе. Это кувшин с шестигранным туловом, горло обвито толстой стеклянной нитью.

---

[1] *Сорокина Н.П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4. С. 234. Рис. 17 на с. 235.

[2] *Щапова Ю.Л.* Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983. С. 167.

[3] Там же. С. 174.

[4] *Голофаст Л.А.* Стеклянные осветительные приборы позднеантичного и раннесредневекового Херсонеса // Древности. 1997–1998. Харьков, 1999. С. 134.

[5] Там же. С. 142.

[6] *Кунина Н.З.* Стекло из Нимфея в коллекции Эрмитажа // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь, 2001. С. 70.

Каждая грань – с рельефными изображениями: крупные ромбы с вписанными в них кругами с точкой посередине; мелкий ромбический орнамент; человеческое лицо с очень схематически трактованными чертами. На дне – шестилучевая звезда [1]. Второй сосуд похож на первый, но шестая грань – со схематически изображенным деревом с прямыми, поднимающимися кверху ветвями. Стекло – темно-синего цвета. Точное место находки неизвестно (Северное Причерноморье). Третий сосуд имеет шарообразное тулово без ручки. В средней части – орнамент в виде пересекающих друг друга вдавленных окружностей, в середине – по вогнутому кружку. Все сосуды сделаны путем выдувания в форме, поэтому имеют рельефную поверхность и граненую форму. Среди аналогий этим сосудам выделяется большая группа сосудов IV в. с рельефами, связанными с кругом христианских изображений.

Итак, в отличие от краснолаковой керамики, стекло из северопонтийских комплексов преимущественно производилось на Боспоре и в Херсонесе, однако все основные технологические достижения, типы и виды посуды, известные в Средиземноморье, отмечаются и в нашем регионе. Существовало также два устойчивых и массовых направления импорта – западное, из Галлии через Дунай, и восточное, из сиро-палестинского региона. Потребители широко использовали стеклянные сосуды в быту, в погребальном обряде, в церковном культе. Стеклянные сосуды использовались как в античных центрах Северного Причерноморья, так и у варваров этого региона, однако у последних значительно уже сфера использования и характер назначения сосудов. Часть находок документирована, другие сосуды попали в музейные коллекции без точного определения места и обстоятельств находки, но большинство из них имеют отношение к региону Северного Причерноморья. В конце III–IV вв. многие стеклянные изделия, особенно сирийских мастеров, утрачивают присущие античному стеклу ясность и четкость форм, простоту, гармоничность пропорций. Это сосуды с гребенчатыми налепами и вычурными ручками, имеющими лишь декоративное значение. Необычные формы в IV в. сочетаются с разнообразными видами декора: на стенках – диагональное рифление, на дне – орнамент в виде сот, на горле и ручках – налепы. Ряд сосудов изысканного силуэта имитирует серебряные кувшины того же времени. Близость к серебряным сосудам подчеркивается чеканным профилем ножки, характером изгиба ручки и особенно треугольным выступом, возвышавшимся над венчиком. У металлических кувшинов такой выступ имел практическое значение, здесь нет.

Таким образом, в целом эта категория материальной культуры занимает достаточно прочное место в регионе и подтверждает идею континуитета в данной сфере.

[1] *Сорокина Н.П.* Три стеклянных сосуда IV в. н. э. с рельефными изображениями из Северного Причерноморья // МАПП. 3. Одесса, 1960. С. 229.

§ 4. Ювелирные изделия, украшения, детали одежды

Ювелирные изделия, украшения, детали одежды являются важнейшей датирующей категорией материальной культуры. Вместе с тем это наиболее варваризованная категория вещей, имеющая отношение к античным центрам Северного Причерноморья IV–VI вв., позволяющая оценить степень варварского влияния. Тем не менее греки Северного Понта еще в первые века н. э. усвоили данные вещи, адаптировали их, и в этом контексте можно проанализировать их с точки зрения континуитета материальной культуры античного типа в регионе. Культурно-идеологический аспект этих вещей будет рассмотрен отдельно.

Ювелирные изделия в полихромном стиле инкрустации. Под влиянием сарматов на Боспоре еще в первые века н. э. складывается стиль ювелирных изделий и украшений с полихромной инкрустацией. В гуннское время этот стиль претерпевает значительные изменения. Центр их изготовления находился, скорее всего, на Боспоре [1], что позволяет поставить вопрос о взаимовлияниях вкусов позднеантичных греков и варваров Северного Понта.

В свое время усматривали готское влияние в данных изделиях и помещали его хронологически между сарматским и гуннским периодами. М.И. Ростовцев отмечал: «Это вовсе не готский стиль: он иранский, если хотите, сарматский. Это были не готы, а сарматы, которые ввели его в центральную и южную Европу» [2]. Задолго до прихода готов выработался новый стиль, новая боспорская культура. «Начинателями этого искусства были, конечно, не одни готы ... Больше, чем кто-либо другой, это были эллинизованные сарматы и сарматизированные греки, которые приняли деятельное участие в экспедиции готов. Это и есть причина, почему распространение нового стиля не только было опрокинуто, но, скорее всего, подкреплено завоеваниями гуннов. Хорошо известно, что гунны, подобно готам, сопровождались сарматскими племенами» [3]. И в новых формах раскрывается все та же художественная потенция, обусловленная не нацией. Поэтому на протяжении веков и на колоссальных территориях оказывается возможной общность декоративных факторов и изобразительных целей.

В древностях гуннского времени А. Альфёльди выделил германские, сармато-аланские, гуннские черты. Парадокс, однако, заключается в том, что вещи варварской моды в данное время производили на Боспоре, продолжая древнейшую традицию снабжения варваров ювелирными изделиями, идущую от греко-скифских времен.

Полихромные изделия некрополя Госпитальной улицы в Керчи имеют широкие аналоги с памятниками в Европе; и, напротив, они коренным образом отличаются от боспорской полихромии непосредственно предшествующего времени [4]. В ювелирном искусстве Северного Понта гуннского времени

---

[1] Там же. С. 168.

[2] *Rostovtsev M.* Iranians and greeks in South Russia. Oxf., 1922. P. 173.

[3] Ibid. P. 186.

[4] *Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. IV. 1995. С. 38.

(IV–V вв.) для украшения поверхности предметов широко использовались различные вставки, орнаментация зернью и филигранью. Особенно же характерно заполнение свободного пространства между вставками треугольников из зерни. Преобладает геометрический орнамент, значительно реже встречаются изобразительные мотивы. В Керчи превалирующим элементом является красный цвет, а зеленые вкрапления занимают очень скромное место [1]. Особая близость форм и употребление совершенно одинаковых технических приемов при изготовлении даже мельчайших деталей предмета позволяют предположить, что они сделаны в одном центре – на Боспоре [2].

В погребальном обряде Северного Причерноморья гуннской эпохи новыми чертами, не свойственными культуре сармато-алан, являются: погребения с сожжениями, курганы с кострищами, бескурганные, изолированные от могильников, захоронения, присутствие в погребениях шкуры лошади или целого скелета коня (тюркский признак), распространение новых форм оружия, конской упряжи, украшений костюма [3].

Памятники христианского культа или с христианскими атрибутами в Керчи немногочисленны. Они должны были входить в состав бытового погребального инвентаря, типичного для того времени, смешиваться с обходными вещами с пряжками, фибулами, браслетами и т. п. И вместе с ними они расхищались и исчезали. С другой стороны, отдельные христианские предметы разобщены, оторваны от комплектов. Поэтому особенно ценны лампа с ручкой из склепа № 152 и склеп № 19, где с типичными вещами «готского» стиля были найдены две глиняные чашки с клеймом в виде креста и кружочков в углах его. Шкорпил относил склеп и его инвентарь к концу III – 1-й пол. IV века, но характер некоторых предметов говорит за значительно более позднюю дату.

И.П. Засецкая дала классификацию полихромных изделий керченского некрополя [4]. I группа – золотой фон со вставками из полудрагоценных камней. II группа – отсутствие золотого фона, напаянные гнезда-ячейки. Вещи, датируемые А.К. Амброзом VII веком, И.П. Засецкая переносит на V в. [5] И.П. Засецкая полагает, что золотые диадемы были принадлежностью головного убора варварской знати, а в боспорских погребениях диадемы полихромного стиля неизвестны [6]. В V – 1-й пол. VI вв. сильно различались пышные украшения знати и подражавшие им скромные вещи рядового населения. Ювелирное новшество V в. – пышный декор из цветных, в основном красных вставок. С V в. появились звериные головки на остриях язычков: у них оска-

[1] Там же. С. 40.

[2] *Скалон К.* Изображение дракона в искусстве IV–V вв. // СГЭ. 22. Л., 1962. С. 42–43.

[3] *Засецкая И.П.* Сармато-аланская традиция в украшениях гуннской эпохи. С. 161.

[4] *Засецкая И.П.* Степи Северного Причерноморья и Боспор в гуннскую эпоху (конец IV–V в. н. э.). Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности. Автореф. докт. дисс. М., 1996. С. 13–30.

[5] Там же. С. 24.

[6] *Засецкая И.П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975. С. 15.

лена зубастая пасть, длинные прижатые уши, намеченная штрихами грива. На Боспоре такие же головки есть на золотых браслетах и шейных гривнах [1].

В позднеантичную эпоху для изготовления орудий труда, предметов быта и украшений широко использовались медь, бронза, латунь. Бронза и латунь производились на месте из привозного сырья. В Херсонесе использовалась медь, выплавляемая из сульфидных руд. Литейное дело и обработка цветных металлов были на довольно высоком уровне, несмотря на отсутствие собственной сырьевой базы [2].

В степях Таврики гуннского времени встречаются те же ювелирные изделия, что и в керченском некрополе. Так, в погребении 1959 г. в совхозе им. Калинина Красногвардейского района Крыма было найдено 28 золотых предметов, в т. ч. пластинки с зернью и филигранью с альмандинами [3].

В IV–V вв. орнаментация из зерни получает широкое распространение [4]. Чешуйчатый орнамент на треугольных золотых пластинах – один из самых распространенных орнаментов рубежа IV–V вв. [5]

Особый интерес вызывают фибулы – важнейшая деталь одежды. Женская одежда с фибулами связана с культурами земледельческих народов, бесфибульная одежда и диадемы женщин – степные древности. Вместе с тем распространявшаяся в гуннское время мода привела к определенному смешению признаков. Для Боспора и его мастерских VI–VII вв. характерны орлиноголовые пряжки с выступом трапециевидной формы, специфические серии фибул типа Аквилея и Керчь, ряд вариаций фибул с ножкой в виде вписанных друг в друга ромбов [6]. Фибулы типа Керчь: ромбическая ножка, завершающаяся звериной головой и украшенная по центру вертикально и горизонтально симметричным узором из 4-х завитков, полукруглой головкой и пятью длинными пальцами и украшенной композицией из двух S-образных завитков. Тип Аквилея имеет ряд вариантов [7].

Картографирование фибул боспорского производства VI–VII вв. показывает «точечный» характер их распространения (Гурзуф, Херсонес). В Поднепровье имеются две компактные области – в районе Порогов и между Каневым и Черкассами. Так же «точечно» боспорские фибулы попадают и на запад. Видимо, эти находки показывают места, где компактно проживали выходцы с Боспора, торговцы или беженцы. Боспорские украшения не вызывали интереса у местных жителей, поэтому и не распространялись за грани-

---

[1] Там же. С. 48.

[2] *Кадеев В.И., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д.* О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе // СА. 1963. № 1. С. 47.

[3] *Высотская Т.Н., Черепанова Е.Н.* Находки из погребений IV–V вв. в Крыму // СА. 1966. № 3. С. 196.

[4] *Мацулевич Л.А.* Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926. С. 25–26.

[5] *Мацулевич Л.А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.-Л., 1934. С. 48.

[6] *Гавритухин И.* Боспор и Поднепровье в VI–VII вв. (к изучению северопонтийских ювелирных школ) // Международная конференция «Византия и Крым». Симферополь, 1997. С. 27.

[7] Там же. С. 28.

цы этих областей, не вызвав и подражаний, переработок или других форм, отражающих культурное влияние [1].

На Боспоре в 1-й пол. VI в. появилось много западных пальчатых фибул [2]. Крымские двупластинчатые фибулы, в отличие от западных, сделаны с применением очень тонкой пластины металла. Собственно боспорское производство рельефных орлиноголовых пряжек и пальчатых фибул началось не ранее VI в., одновременно с Юго-Западным Крымом. Они широко бытовали на Боспоре в VII в. [3] Все боспорские фибулы отлиты из серебра и в целом характеризуются одинаковой формой и конструкцией. Поверхность фибул с лицевой стороны украшена орнаментальными композициями и позолочена [4]. Присутствие птичьих голов на боспорских фибулах следует рассматривать как традицию остготской культуры V в. Прототипами керченских фибул вида I были изделия 2-й пол. V в. дунайско-итало-готского происхождения [5]. Вид II синхронен первому. Вид III датируется VI в. Орнамент из двух волют широко применялся в декоре остгото-гепидских фибул 2-й пол. V в.

Время бытования большинства пальчатых фибул на Боспоре – конец V – 1-я пол. VI в. [6] Пальчатые фибулы в женском костюме на Боспоре не могли быть просто модой. Это типичные атрибуты германской одежды. Такие вещи проникают в иную культурную общность только вместе с их носителями и получают распространение лишь при условии их попадания в родственную среду. Следовательно, готы составляли часть населения Боспора. Если основным признаком являются именно пальчатые фибулы, то можно синхронизировать их появление на Боспоре и приход туда части готов после Недао (по М. Казанскому, племя ангискиров). На Боспоре орлиноголовые пряжки появляются вместе с германцами в 528 г., подавлявшими восстание гуннов [7]. В Юго-Западном Крыму костюм с орлиноголовой пряжкой носили представительницы христианских алано-готских общин.

Серьги с литыми многогранниками появились в начале V в. у населения римских провинций и распространились у оседлых народов гуннской державы. В Крыму они известны с 1-й пол. V в. до сер. VII в. Делались они местными мастерами по дунайским прототипам [8].

С V в. жительницы Юго-Западного Крыма носили производившиеся на Боспоре серьги, фибулы-броши и расшитые золотыми бляшками одежды (греко-сарматский стиль). В 1-й пол. V в. в Керчи и Юго-Западном Крыму (Лучистое, Алмалык-Дере) носили золотые серьги с сердоликом, красным камнем или янтарем. Одежда и головные уборы украшались нашивными

---

[1] Там же. С. 29–30.

[2] *Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. С. 45.

[3] Там же. С. 38.

[4] *Засецкая И.П.* Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. VI. 1998. С. 398. Об историографии вопроса: с. 394–398.

[5] Там же. С. 413.

[6] Там же. С. 435.

[7] *Хайрединова Э.А.* Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. VII. Симферополь, 2000. С. 91–92.

[8] Там же. С. 99–100.

бляшками из золотой фольги. Сармато-аланская традиция: нашивные бляшки с геометрическим и растительным орнаментом и бусами; в первые века н. э. одежда с золотыми бляшками входит в моду на Боспоре. В V в. мода на золотые нашивки распространяется уже с Боспора [1].

В VI в. на Боспоре появляются вещи, характерные для готов из Италии. Гипотетическое перемещение остроготов на Понт выявляется в первую очередь по элементам женского убора. Очевидно, что готские солдаты, попавшие в армию Юстиниана, в Италии сопровождались семьями. В 535 г., в начале Готской войны, армия Юстиниана занимает остроготский Сирмий. Вполне возможно, что захваченные в плен в ходе этих военных действий остроготы были депортированы на восток, во Фракию, где имеются остроготские вещи, а может быть, даже и в Крым. Завоевание Сирмия произошло практически одновременно с отправкой экспедиционного корпуса на Боспор Киммерийский против захвативших его гуннов. Военная депортация готов в Крым около или после 535 г. вместе с их семьями может быть одной из причин появления в Северном Причерноморье элементов остроготской материальной культуры [2].

Итак, ювелирные изделия, украшения, детали костюма в Северном Причерноморье позднеантичного времени в наибольшей степени подверглась миксации и взаимопроникновению. Будучи продуктом синкретического греко-сарматского стиля первых веков н. э. и сложившись на Боспоре, в гуннское время ювелирные изделия в полихромном стиле инкрустации широко распространились на всем пространстве гуннской державы. Эти вещи в V в. производились на Боспоре, а оттуда уже стали распространяться на варварскую периферию позднеантичных центров Северного Понта, прежде всего, на Юго-Западный Крым. Несомненное германское влияние прослеживается в деталях женского костюма на Боспоре (особенно в фибулах). Появившись вместе с германцами – носителями данного костюма, эти вещи были также усвоены на Боспоре и стали неотъемлемой частью его материальной культуры. В Херсонесе данные изделия представлены в несравненно меньшем количестве, что связано с более полным сохранением античных традиций и меньшей варваризацией материальной культуры.

Ювелирное дело ранневизантийского Херсонеса было проанализировано С.Б. Сорочаном [3]. Среди разнообразных находок можно отметить пряжки, предметы христианского культа (серебряное кадило VI–VII вв. с погрудным изображением Христа, апостолов Петра и Павла) и др.

***

[1] *Хайрединова Э.А.* Боспорские изделия V в. в костюме варваров Юго-Западного Крыма // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 242–245.

[2] *Казанский М.М.* Юстиниан I и древности италийских остроготов в Крыму // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 10. 2018. С. 219.

[3] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Харьков, 2005. С. 241–246.

В целом, подводя итоги по анализу отдельных групп памятников материальной культуры, мы должны будем отметить непрерывность их развития и преемственность производственных традиций. Сохранялись хозяйственно-производственные навыки и приемы, бытовые особенности, денежное обращение (винодельческие и рыбозасолочные комплексы, хозяйственные ямы, монеты и т. д.). Наиболее характерно это проявляется в амфорном и вообще керамическом материале. Стекло, а также украшения, детали одежды, как и монеты, подтверждают высказанную гипотезу. Амфоры показывают как традиции местного производства, так и импорт. Изменение их внешнего облика, нарастание «византийских» признаков происходило постепенно, на континуитетных началах. Краснолаковые сосуды и стекло – яркий пример континуитета торговых связей с основными провинциями империи (преимущественно восточными). Украшения в полихромном стиле инкрустации – наиболее варваризованная часть материальной культуры; в гуннское время этот греко-сарматский стиль стал распространяться далеко за пределы Северного Причерноморья с территории Боспора.

В целом материальная культура позднеантичных центров Северного Причерноморья сохраняла вполне четко выраженный античный характер, постепенно трансформировавшийся в византийский вместе с аналогичными изменениями в самой империи. Варваризация охватила лишь некоторые категории материальной культуры (детали костюма, украшения) и не вытеснила ее античную основу.

Общее состояние музейных коллекций и фондов относительно позднеантичных материалов требует большой работы по систематизации, каталогизации и введению в полноценный научный оборот названных категорий вещей. Лишь тогда станут возможными более обоснованные, а значит, и более бесспорные выводы и заключения.

ГЛАВА IV. КОНТИНУИТЕТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Проблемы континуитета в политической и социальной сфере являются одними из наиболее сложных в общей проблематике преемственности между античной и византийской эпохами в Северном Причерноморье. В силу состояния источников и сложности исследования данных проблем именно эта линия континуитета на сегодняшний день наиболее сложна в отношении Боспора. Относительно Херсонеса требуется еще раз обратиться к исследованию конкретных форм эволюции политических структур и выявить специфику континуитета в этом центре.

§ 1. Органы государственного управления позднего Боспора и социальная структура его населения

Характеристика состояния проблемы и наши взгляды на ее основные стороны уже были опубликованы [1]. Это избавляет нас от необходимости повторения. Поэтому здесь мы предлагаем лишь отдельные уточнения наших позиций по ряду вопросов.

Стержнем боспорской государственности и ее ведущей силой в первые века н. э. была царская власть. Боспорская династия Тибериев-Юлиев выступала как наследница Митридатидов. Ее легитимность была подтверждена Римом и никем не оспаривалась. Митридатизм [2] с опорой на «царскую землю», уравновешенный с греческими городами, стал основой политики Тибериев-Юлиев. Характерным явлением позднеантичного Боспора был институт соправительства. Для рассматриваемого времени отмечены факты соправительства в 266 г. (Рескупорид V и Тейран), 275 г. (три царя), 308–316 гг. (Радамсад и Рескупорид VI). Соправительство отмечалось здесь и в более ранние времена, поэтому его нельзя рассматривать как нечто новое.

Как уже отмечалось, можно с большой осторожностью предположить, что в конце III – начале IV вв. на боспорском троне находились две линии: одна – Тиберии-Юлии с романофильской ориентацией, другая – линия Хедосбия-Фофорса-Радамсада (первым узурпатором этого рода мог быть Фарсанз в 253 г.) с ориентацией на варварский мир. Эта вторая линия хорошо прослеживается, но мы не можем установить ее именно как династию [3]. Легитимные же Тиберии-Юлии неизменно подчеркивали свое происхождение и романофильство. Таким образом, боспорские цари в период поздней античности имели уже сложное династическое происхождение (по меньшей мере, две линии).

---

[1] *Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 69–93.

[2] Наиболее полное обоснование термина см.: *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1996. Об истоках династии Тибериев-Юлиев см.: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.

[3] *Minns E.* Scythians and Greeks. L., 1913. P. 609. Ср.: *Туаллагов А.А.* К вопросу о сарматском происхождении царской династии Боспора // ПИАУ. Харьков, 1997. С. 25–26.

Во внутренних делах боспорские цари обладали высшей законодательной и судебной властью [1]. Одной из главных их функций было верховное командование армией. Царь должен был лично принимать участие в походах и сражениях (Тейран, Фофорс).

Мы не знаем отдельного района погребений боспорских царей. И.П. Засецкая считает возможным отнести склепы «24 июня 1904 г.» к семейным усыпальницам высшей боспорской знати, а может быть, и боспорских правителей [2]. Косвенное указание на это в том, что именно там были найдены вотивные чаши с бюстом Констанция II. В эпоху поздней античности царей погребали, скорее всего, в их родовых склепах.

Боспорская эра зафиксирована источниками до 497 г. [3] Поскольку эра связана с династическими вопросами, осознанием собственной исторической эпохи и преемственности власти, то можно говорить о существовании в какой-либо форме царской власти, восходившей к прежней династии, вплоть до конца V в.

Зависимость Боспора от империи, выраженная в клиентском статусе, сохранялась на протяжении III–IV вв. Усиление империи, как правило, отражалось в эпиграфике и нумизматике Боспора [4].

Двор был построен по образцу восточных и греко-восточных монархий. Еще в IV в. его вес и значение в государстве, основные придворные должности и сама структура militia palatina, сложившиеся в несколько более ранние времена, сохранялись. Понятие «царский дворец», «царский двор», по всей видимости, обозначались на Боспоре словом πυλη (πυλαι) (КБН, комм. к надп. 36). В.А. Сидоренко считает, что все упомянутые в надписи должности составляли военно-сакральную коллегию – амфиктионию [5]. Список – ведущая часть амфиктионов. Летоисчисление ведется по жрецам. Это ценное наблюдение хронологически соответствует времени распространения на Боспоре культа Бога Высочайшего.

Несомненное сокращение и деградация государственного аппарата к V в. привели к тому, что в надписи царя Дуптуна (КБН 67) кроме имени ца-

---

[1] *Астахов В.А.* Боспорское царство в I в. до н. э. – IV в. н. э.: политическая организация. Автореф. дисс. … к. и. н. М., 1991. С. 9; *его же:* К вопросу об обожествлении боспорских царей // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М.: Наука, 1986. С. 13–15; *его же:* Царский культ в позднеантичном Боспоре // Религия, умонастроения, идеология в истории. Брянск: БГПУ, 1996. С. 4–11.

[2] *Засецкая И.П.* Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя (конец IV – начало VII вв.) // АСГЭ. 30. 1990. С. 101.

[3] Подробнее см.: *Перл Г.* Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 39–69. Если надпись царя Дуптуна датировать 503 г., то боспорская эра используется до этого времени.

[4] См., например: *Шаров О.В.* Рескупорид V и Константин Великий // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002. С. 215.

[5] *Сидоренко В.А.* Высшие воинские должности на Боспоре во II – начале IV вв. н. э. (по материалам эпиграфики) // БИ. I. Симферополь, 2001. С. 146.

ря упомянуты лишь две важнейшие должности: эпарх и комит [1]. Эпарх – должность, известная в Византии: главный судья в Константинополе, ведавший также вопросами снабжения города, его безопасности, благоустройства, организации внутригородской и внешней торговли, проведения празднеств, церемоний и т. д. [2] Применительно к Боспору функции эпарха определить не удается, но все, чем он занимался в империи, может быть распространено и на Боспор. Более того, в условиях сокращения населения, охваченного сферой действия государственных институтов, многие функции управления могли объединяться в одних руках. В таком случае логично предположить, что чин эпарха в какой-то степени заменил должность «наместника царства», занимавшегося как административным, так и военным руководством. В эпиграфике Боспора эта должность больше не встречается.

В.Д. Блаватский считает, что комитом мог быть как боспорский чиновник, так и византийский магистрат, по поручению императора решавший вопросы укрепления обороноспособности Боспора [3]. В Восточной Римской империи с конца IV в. не было должности собственно комита. Была целая дифференцированная система: комит личного имущества императора, комит военных дел (командующий частями регулярной армии в отдельной провинции), комит – главный казначей, комит-военачальник, ведавший главными императорскими конюшнями, комит – заведующий сбором доходов с государственных и частных имуществ и их эксплуатацией.

Главные функции комита в ранней Византии – военные и фискальные. Таковыми же они могли быть и на Боспоре. Однако византийский комит был слишком важной должностью в империи, чтобы быть назначенным на Боспор. Подобного прецедента не знают синхронные государства на периферии империи. Лишь раз император послал на Боспор комита Иоанна, но перед ним была поставлена важная стратегическая задача – аннексия Боспора [4]. Тем более вряд ли византийский комит мог иметь варварское имя Опадин (Спадин). Поэтому более правдоподобно будет предположить, что комит царя Дуптуна был местным боспорским магистратом. Действительно, невозможно подтвердить источниками византийское присутствие на Боспоре в какой-либо форме в V в. Кроме того, комит трижды упоминается в боспорских надписях V в.

Царь Дуптун, как и его предшественники, имеет двор. Среди придворных чинов есть некий «первенствующий», а также πινακιδος, которым является по совместительству комит. Заведывание канцелярией также указывает на местный характер должности комита. Особенностью в титулатуре царя

---

[1] Подробнее см.: *Brehier L.* Les Institutions de l'empire Byzantin. P., 1949; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи IV–IX вв. М., 1996. С. 156–157; *Noethleehs K.L.* Strukturen und Funktionen des spatantiken Kaiserhofes // Comitatus. B., 1998. S. 13–51.

[2] *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977. С. 124–125, 135, 138, 140, 147.

[3] *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время // *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 255.

[4] *Кулаковский Ю.А.* К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове. СПб., 1895. С. 8.

Дуптуна является только постановка эпитета ευσεβης на первом месте, тогда как в надписях царей предшествующего времени он стоит всегда на третьем. По мнению Кулаковского, это было следствием того, что Дуптун был христианином [1]. Упоминается здесь также и попечитель (эпимелет) [2].

В переходе языческого термина в христианскую эпоху нет ничего необычного. В империи имел место понятийный и категориальный континуитет государственной номенклатуры. Многие термины сохранялись. Однако со временем шло глубокое переосмысление сути терминов, обозначавших должности; настал системный дисконтинуитет с античным наследием (ευσέβεια становится широко распространенной в императорской титулатуре только в V–VII вв.) [3].

Итак, центральный правительственный аппарат Боспора позднеантичного времени в основных своих чертах не отличался от того, что сложился в предшествующее время. Важно, что он сохраняется и в «темное» V столетие, постепенно инкорпорируя структуры, характерные уже для византийского времени.

Характерно, что все должности срочны; это – яркая позднеантичная черта. Интересно также, что все общегосударственные должности обозначаются формулой ό επί.

Мы видим на Боспоре уже в III в. три вида государственной службы: военную, собственно государственную и дворцовую, которые были характерны для поздней античности вообще [4]. Лишь при Юстиниане были объединены военная и гражданская власть в провинциях [5].

Понятие границ Боспорского государства оказывается окончательно размытым со 2-й пол. V в. Так как утигуры располагались на зимовки в Прикубанье, а Крым был местом их сезонных выпасов, то ежегодно они совершали перекочевки через территорию Боспора. Локальные укрепленные районы должны были теперь обеспечивать безопасность близлежащего населения на время перекочевок. Утигуры же защищали Боспор в целом от притязаний других кочевников.

Даже в V в. боспорская армия сохраняла элементы правильной организации. Так, в керченском склепе 145/1904 г. (конец IV – начало V вв.) были найдены шарики-бусины с продевавшимися через них золотыми гвоздиками с перегородчатой инкрустацией на шляпках. По мнению Л.А. Мацулевича, здесь имело место захоронение крупного военачальника, а шарики были остатками знамени отдельного, не византийского, а скорее всего боспорского

---

[1] *Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. 6. 1891. С. 25.

[2] *Храпунов Н.И.* К дискуссии о «надписи Дуптуна» // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. I. СПб., 2002. С. 88–90.

[3] *Бибиков М.В.* Генезис и парадигматика идеи власти в Византии // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 76.

[4] *Курбатов Г.Л.* История Византии: от античности к феодализму. Л., 1984. С. 41.

[5] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. IV–IX вв. М., 1996. С. 355.

отряда, имевшего свой βανδον (vexillum) [1] в виде птицы подобно римскому орлу на древке (шарики были припаяны вдоль спины статуэтки птицы) [2]. Отрядом, который мог иметь такой знак, мог быть отряд царской гвардии. Интересно, что аналогия этому предмету находится в Вознесенском поминальном храме под Запорожьем (раскопки 1930 г.) (конец VII в.) – это болгаро-хазарский круг древностей. Преемственность с римским легионным орлом здесь несомненна.

Основную часть населения Боспора традиционно составляли жители городов. Но границы между городским и сельским населением Боспора со временем в значительной степени стерлись относительно занятий, быта, образа жизни. В V в., видимо, в условиях натурализованного хозяйства грани окончательно элиминировались, и все трудящееся население составило одну массу простолюдинов.

Таким образом, мы имеем следующую общую схему социальной структуры Боспора позднеантичного времени:

1. Знатные роды греко-сарматского происхождения, жившие в городах, но имевшие укрепленные усадьбы на «царской земле», несшие службу в качестве тяжеловооруженной конницы. Его обеспечение продовольствием лежало не на самой знати, а на подвластном ему населении [3]. В среде этого «сословия» должно было существовать два разряда – высший и низший. Первый составляли старейшины родов и их ближайшие родственники, второй – более многочисленные «дружинники»-катафрактарии [4].

2. Большинство населения городов, стоявшее вне аристократии [5].

3. Основное трудящееся сельское население – зависимые и свободные поселяне. В этническом отношении они носили смешанный характер. Обе последние категории стремительно сближались по имущественному и социальному положению, как это видно по материалам городских и сельских некрополей.

Эта социальная структура в основном должна была сохраниться вплоть до VI в. Пантикапейский некрополь IV–V вв. дает отличную картину богатых погребений знатных родов в семейных склепах, использовавшихся на протяжении десятилетий [6]. Постройка такого склепа была делом трудоемким и по затратам труда была сравнима с постройкой крупного жилого дома.

---

[1] *Мацулевич Л.А.* Войсковой знак V в. // ВВ. 16. 1959. С. 199. Греческое название штандарта происходит от готского слова band (отряд). См.: Ps.-Mauric. Strat. I, 3. Это пример адаптации варваризма в греческом языке (*Kazhdan A.* Bandon // ODB. 1. 250).

[2] *Мацулевич Л.А.* Войсковой знак V в. // ВВ. 16. 1959. С. 196–197; *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху Средневековья. Воронеж, 2003. С. 156, рис. 10.

[3] *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Т. 2 // ВДИ. 1989. № 4. С. 129.

[4] *Десятчиков Ю.М.* Процесс сарматизации Боспора. Автореф. дисс. … к. и. н. М., 1974. С. 19.

[5] *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Т. 2 // ВДИ. 1989. № 4. С. 132.

[6] *Засецкая И.П.* Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя (конец IV – начало VII вв.) // АСГЭ. 30. 1990. С. 101; *Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995. С. 50.

Вместе с тем совершенно очевидна тенденция к упрощению социальной структуры населения и нивелировке граней между стратами [1].

Усиление семейно-родовых, клановых структур хорошо прослеживается и по некрополям сельского населения Боспора в Крымском Приазовье [2].

Проблема сохранения элементов самоуправления в структуре позднего Боспорского царства сложна по причине недостатка источников. Но при любом анализе материала нужно исходить из одного принципиального положения: до самого конца своего существования античность на основных территориях ойкумены базировалась на самоуправляющейся муниципальной организации, подчиненной монарху [3].

Есть косвенные указания на существование нецерковного территориального самоуправления: это уже упоминавшееся общественное здание в Танаисе площадью до 50 кв. м, надпись 1962 г. из Фанагории, в которой упоминается протокомит Киммериды Устан («первый в коме», т. е. сельский староста) [4]. В.П. Яйленко считает, что протокомит возглавлял сельский округ Киммериду, т. к. в IV–V вв. там уже не было городов. Если это был глава округа, то, скорее всего, не наместник из центра, а глава местного самоуправления. Вряд ли это был и византийский наместник, т. к. имперский контроль над Киммеридой был недолгим – около 20 лет. На местный характер полномочий Устана указывает также его иранское имя. И.П. Засецкая, подчеркивая, что Боспор длительное время был «самостоятельным сначала государством, а потом городом» [5], отметила именно данный аспект проблемы, т. е. выход на первый план негосударственных структур. Более конкретного материала, к сожалению, пока нет. Ю.Г. Виноградов предложил иную интерпретацию надписи. По его реконструкции, здесь упоминается комит Киммериды Саваг, сын Аристона – крупный боспорский государственный деятель.

Титул протокомита читается и в надписи Дуптуна (503 г.). Имя этого человека восстанавливается Н.И. Храпуновым как Аттас, сын Савага. Аргументы: протокомит упоминается после комита. Помимо трактовки этой должности как сельского старосты, ее можно интерпретировать как просто статус знатного человека [6] – неформального лидера микрозоны.

Надпись 307 г. упоминает архонтов агриппейцев и кесарейцев. Должность архонта хорошо известна как высшая магистратура греческих городов и относится к гораздо более раннему времени. На Боспоре она, однако, отме-

---

[1] Ср.: *Русяева А.С., Зубарь В.М.* Боспор Киммерийский: история и культура. Николаев, 1998. С. 103–105; *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. К., 2000. С. 41.

[2] *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 27.

[3] *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 287; *Астахов В.А.* Центральная власть и города в позднеантичном Боспоре // Проблемы социальной истории Европы: от античности до Нового времени. Брянск, 1995. С. 3–21.

[4] *Яйленко В.П.* О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. 48. 1987. С. 167–168. Аналогии – из Малой Азии.

[5] *Засецкая И.П.* Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя (конец IV – начало VII вв.) // АСГЭ. 30. 1990. С. 105.

[6] *Храпунов Н.И.* К дискуссии о «надписи Дуптуна» // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002. С. 89–90.

чена и для III в. (КБН 1245). В начале IV в. упоминание архонтов, равно как и римских названий боспорских столиц, было уже анахронизмом, использованным в политических целях. Видимо, архонтами здесь были названы политархи [1]. Этот титул упоминается также в КБН 36, 1000.

Видимо, очаговый характер обороны заставлял горожан самих заботиться об укреплении стен (КБН 1112 от 335 г.).

Косвенным указанием на существование гражданских общин на позднем Боспоре может служить упоминание демотиконов в эпиграфике этого времени (КБН 495, 1048, 1249) [2]. В качестве гражданской общины, видимо, можно рассматривать «патриду кититов» из надписи 234 г. на культовом столе [3]. Отметим также в КБН 1112 пожелание победы города (общины) после восстановления стены (Тамань, 335 г.).

Кроме того, мы не можем игнорировать вопрос о профессиональных, локально-селитебных и прочих микросообществах [4], в которых протекала значительная часть повседневной жизни боспорян, но их существование нуждается в подтверждении источниками в большей мере, чем это возможно сегодня [5].

Частные сообщества на Боспоре в первые века н. э., включая начало IV в., хорошо известны. Большинство специалистов считает их общественно-религиозными или культовыми союзами [6]. Классификация этих сообществ дана Н.В. Завойкиной [7]. По ее выводам, в III в. в Пантикапее действовали семь религиозных союзов, погребальное сообщество и культовый союз молодых, т. е. достаточно разнообразный круг сообществ. Эти союзы, видимо, пережили и христианизацию, и относительную варваризацию и в том или ином виде могли существовать еще в V в.

§ 2. Поздний Боспор и варварские королевства: общее и особенное

В вопросе об исторической эволюции позднебоспорской государственности на первый план выходит ряд вопросов: о характере континуитета и преемственности форм политической организации, о сущности «гуннского протектората» на Боспоре, о кризисе боспорской государственности в связи с

---

[1] *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время. С. 248.

[2] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 31.

[3] *Молев Е.А.* Археологические исследования Китея в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 40.

[4] Этно-конфессиональную группу могли составлять иудеи: *Могаричев Ю.М.* К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах Боспора // 175 лет Керченскому музею древностей. Керчь, 2001. С. 54–56.

[5] Ср.: *Русяева А.С., Зубарь В.М.* Боспор Киммерийский: история и культура. Николаев, 1998. С. 106; *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 368–408; то же: Харьков, 2001. С. 334–336.

[6] *Завойкина (Смирнова) Н.В.* Частные сообщества Пантикапея в первые века н. э. // ДБ. 6. 2003. С. 120–137.

[7] *Завойкина Н.В.* Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М.: РФСОН, Университет Дмитрия Пожарского, 2013.

общим кризисом античной цивилизации, о формах этого кризиса. Историческая эволюция позднебоспорской государственности тесно связана с комплексными и частными причинами гибели античной цивилизации. В периоды кризиса и разрушения цивилизаций важнейшую роль играет состояние государства.

И.Т. Кругликова, не отрицая того, что после прихода гуннов боспорская государственность сохранилась, отметила, что «возникшее на развалинах Боспорского царства государство носило уже иной [не античный] характер, приближаясь, вероятно, к варварским государствам раннего средневековья» [1]. Высказанный лишь в качестве общего суждения, этот тезис, несомненно, не учитывал того обстоятельства, что история и материальная культура Боспора IV–VI вв. есть логическое продолжение предыдущего этапа, а не совершенно новый.

Политическая структура Боспора после гуннов была в большей степени позднеантичной, нежели сходной с варварскими королевствами. Видимо, И.Т. Кругликова под варварским характером государства подразумевала как необратимую варваризацию самого Боспора, так и «гуннский протекторат» над ним.

Боспорское царство с самого начала своей истории носило смешанный этнический характер, в целом определяемый как боспорский локальный вариант античной культуры. В рассматриваемый период времени варварские вторжения извне застигли здесь уже давно сложившееся государство античного типа с тысячелетней традицией. Это – первое принципиальное отличие Боспора от варварских королевств. Готы, начиная с III в., не оказали заметного влияния на политические институты Боспора, а «протекторат» гуннов-утигуров в конце V – начале VI вв. в миниатюре должен был повторять систему взаимоотношений между гуннами Аттилы и Римской империей в середине V в. Кроме того, сами векторы эволюции варварских королевств и Боспора были разнонаправленными – варварская государственность находилась на восходящей, позднеантичная боспорская – на нисходящей линии.

Остаётся сравнить характер варваризации. Казалось бы, и Боспор, и варварский Запад в этом отношении очень похожи. Но и здесь мы отмечаем принципиальную разницу. Варваризация Боспора не перешла «критической черты»: в своей основе это было государство, по-прежнему базировавшееся на античной традиции (греческий язык, античные формы материальной культуры, политические традиции). Греческое население на Боспоре бытует, по крайней мере, до XIII в. (последнее упоминание Боспора в византийских письменных источниках). В варварских королевствах же, несмотря на численное преобладание позднеримского населения, тенденция к его варваризации была очевидной и вскоре привела их этносы к практически полной трансформации (дисконтинуитет).

В отличие от варварского королевства, в котором варвары и «римляне» формально живут каждые по своим законам, но над теми и другими стоит

[1] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 24.

король-варвар и его войско, на Боспоре ни один из гуннских риксов не был непосредственно правителем Боспора и боспорян, никогда не имело силы варварское право (у гуннов бытовало, по всей видимости, лишь обычное право). Боспор сохранял по меньшей мере до конца V в. собственную царскую власть, прежнюю династию и счет лет.

Варварские королевства возникают в результате завоевания территории с позднеантичной государственной организацией, причем варвары используют элементы этой государственности (налоговую систему, территориальное деление, таможенную и монетную системы и т. д.). На Боспоре фактора внешнего завоевания не было.

На Боспоре хранителем античных традиций выступает само государство, т. е. центральная власть, в совокупности со всем населением, а в варварских королевствах – бывшие римские муниципии, гражданские общины. На большинстве территорий, подпавших под власть варваров в Западной Европе, гражданские общины сохраняются и действуют преимущественно как общины христианские, но в традициях города империи [1].

Еще одна роль позднеримского города – культурно-идеологическое воздействие в варварской среде, которое исходило от церкви и распространялось на значительные территории путем миссионерской деятельности [2]. Важное значение имело также сохранение экономической базы западноримских городов – сельской округи, земли. В тех государствах, где позднеантичные города были лишены земли (вандальская Африка), позднеантичные города утратили свой прежний характер, их сенаты либо исчезли, либо стали придатками власти короля[3].

В Восточной Римской империи город в основном сохранял свой позднеантичный характер вплоть до самого конца античности. Боспорский город в силу особенностей исторического развития региона не был точной копией ранневизантийского города (как Херсонес). Города Боспора зависели от царской власти, а после ее ослабления реальная власть в обособлявшихся друг от друга микрозонах с преимущественно натуральным хозяйством переходила не к «городскому гражданству», а к боспорским «сильным людям» – знатным родам, зачастую сармато-аланского происхождения, усвоившим греческий язык и боспорскую культуру. В состав этой знати влилась и часть готов. Эти люди имели землю и возможность участия в гуннских грабительских походах. В силу ряда причин, общих для позднеантичной эпохи во всем Средиземноморье, они были заинтересованы в сохранении Боспорского государства, без которого не мыслили своего существования. Всё остальное население, вместе живя и обороняясь в отдельных территориальных микрозонах, также выступало хранителем тысячелетнего уклада жизни на Боспоре. Очень

[1] *Колосовская Ю.К.* Позднеримский город на Дунае и варвары // From Late Antiquity to Early Byzantium. Praha, 1985. С. 118.

[2] Там же. С. 119; *Томпсон Э.А.* Римляне и варвары. СПб., 2003. С. 216–220.

[3] *Беляев С.А.* Города римской Северной Африки во времена владычества вандалов. Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1970. С. 19; *Дилигенский Г.Г.* Северная Африка в IV–V вв. М., 1961; *Диснер Г.-Й.* Королевство вандалов: взлет и падение. СПб., 2002. С. 160.

слабое, но важное влияние оказывал и фактор клиентской зависимости Боспора от империи.

Итак, в позднеантичное время развитие различных частей периферии римского мира пошло различными путями. На Западе варварская периферия после перелома во взаимоотношениях с империей хлынула на территорию западных провинций и затопила их, поглотив остатки государства. На Востоке полоса буферных государств (в основном восточного происхождения и характера, кроме Боспора) [1] постепенно превращается в «византийское сообщество (содружество наций)» [2].

Следовательно, поздний Боспор и синхронные ему варварские королевства Западной Европы представляют собой хотя и сходные по ряду внешних признаков, но типологически различные государства и общества, с разнонаправленными векторами развития, различным «возрастом» цивилизации и различными историческими судьбами. Тем не менее все они в равной мере являются политическим феноменом переходной эпохи от античности к средневековью.

Вместе с тем Боспор еще в V в. имел немалый потенциал в рамках поздней античности. Как ни парадоксально, но главными хранителями прежнего уклада жизни на Боспоре стали знатные роды греко-сарматского (отчасти готского) происхождения. Именно они в 1-й пол. V в. обладают монополией на участие в гуннских походах [3]. Наследственные родовые склепы в Керчи говорят о мощи боспорской аристократии в V в. [4] Для поздней античности вообще характерен счет родства по-семейному [5]. Это говорит о преемственности традиций и континуитете господствующего класса Боспора на протяжении всех «темных десятилетий».

Значительная роль боспорской аристократии, видимо, оказала влияние на некоторое оживление экономики Боспора в V в., которое «было проявлением именно внутренних процессов в жизни края и определялось не Византией» [6]. Влияние Боспора на окружающий его племенной мир было столь ощутимым, что Л.А. Мацулевич назвал его «феодальным центром широкой области» (термин «феодальный» в данном случае нуждается в уточнении – скорее имеется в виду «средневековый») [7].

Данные традиции о событиях VI в. прямо указывают на обособленное политическое существование Боспора и утигуров и в это время. Гунны, за

---

[1] *Болгов Н.Н.* К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV–VI вв.): дескриптивный обзор // Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород, 1997. С. 35–48.

[2] *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. М., 1998. С. 35–51.

[3] *Гавритухин И.О.* Боспорские фибулы середины V–VII вв. как показатели культурных связей // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 66–68.

[4] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 221.

[5] *Савостина Е.А.* Сакральное пространство и погребальный обряд боспорских гробниц // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 224.

[6] *Якобсон А.Л.* Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. 21. 1954. С. 149.

[7] *Мацулевич Л.А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе // ИИГАИМК. 112. 1934. С. 116.

небольшими исключениями [1], на Боспор не вселялись и не вызывали особых изменений в материальной культуре Боспора и образе жизни его обитателей. Следовательно, гуннский «протекторат» был лишь «надстройкой» над традиционным и очень консервативным укладом жизни позднего Боспора, который на протяжении IV–VI вв. медленно трансформировался из позднеантичного в раннесредневековое общество. Археологические исследования последних лет все больше убеждают нас в этом выводе.

Исторические итоги боспорской государственности заключаются в следующем. Боспор с самого начала своей истории входил в зону античной государственности. Вместе с территориями, охваченными «вторичной колонизацией», эта зона дошла до устья Танаиса на севере и до Геленджикской бухты на востоке. Основное ядро боспорских территорий сохранялось и в период поздней античности.

Тенденция к растворению Боспора в варварском мире была прервана византийским завоеванием, которое задало мощный импульс последующей его истории на протяжении VII–VIII вв. и далее, в рамках Средневековья [2].

§ 3. Проблемы политического статуса Херсонеса в период поздней античности

В центре внимания данного раздела будут две основные проблемы: 1) проблема внутренней эволюции политической системы города; 2) проблема его взаимоотношений с империей, степень автономии или независимости.

Проблема периодизации и поисков грани между античной и византийской эпохами специально не ставилась, так как в истории Херсонеса континуитет является наиболее выраженным, а разорвать единый поток истории нельзя.

Проблемы периодизации истории Херсонеса позднеантичного-ранневизантийского времени проанализировала А.И. Романчук [3]. Победу византинизации она склонна, вслед за В.М. Зубарем и С.Б. Сорочаном, помещать на 2-ю половину VI в.

Истоки позднеантичного периода в истории Херсонеса лежат в III веке, как и всего региона. По конец III в. продолжался период II элевтерии Херсонеса (на фоне римского протектората и симмахии с Боспором) [4]. Процесс инкорпорации города в Римскую империю в качестве провинции, который был наиболее близок к завершению во II в., так и не достиг финала.

---

[1] Некоторые гунны могли оседать на боспорской территории (надпись КБН 1099 в интерпретации В.П. Яйленко) и адаптироваться к позднеантичной цивилизации, восприняв греческий язык, религию и местную культовую организацию: *Яйленко В.П.* О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. 48. 1987. С. 165–166; *Яйленко В.П.* Гуннский именник V в. н. э. с Тамани и его чувашские соответствия // Ономастика Поволжья. Вып. 6, ч. 1. М., 1991. С. 126.

[2] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Л., 1964; *он же*. Крым в средние века. М., 1973.

[3] *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Т. 2. Тюмень, 2008. С. 90–96.

[4] *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первых веках н. э. Харьков, 1981. С. 4.

В конце 30-х – начале 40-х гг. III в. под давлением сарматских групп, пришедших с Северного Кавказа, возросла угроза Херсонесу, и римские войска были выведены из него.

Около 250 г. в Херсонесе вновь появляется римская вексилляция, солдатами которой было восстановлено здание схолы принципалов в цитадели [1].

Латинская надпись 250 г. из Херсонеса – образец поздней провинциальной латыни – свидетельство того, что масштабный отзыв римских войск из Херсонеса, скорее всего, имел место во 2-й трети III в., при Галлиене. Младшие офицеры – принципалы, упоминающиеся в надписи, составляли важную и значительную часть римского гарнизона в Херсонесе.

Передвижения племен середины III в., «готские походы», заставили римлян еще раз отозвать войска из Херсонеса в 3-й четверти III в. [2] Происходят изменения в системе обороны города. Прямая военная помощь была заменена субсидиями.

Около 295 г., по мнению В.И. Кадеева, в Херсонесе прекращается чеканка собственной монеты. Причина этого, по его мнению, заключалась в превращении Херсонеса в провинциальный город [3]. Однако другие исследователи не согласны со столь категоричным выводом. Даже если считать, что империя предпринимала усилия по укреплению власти, в том числе и на периферии, то данное обстоятельство еще не говорит об аннексии Херсонеса. Так, В.А. Анохин, а вслед за ним В.М. Зубарь полагали, что прекращение чеканки произошло ранее, при Галлиене, в рамках единовременной акции, охватившей значительные территории.

В конце III – 1-й четверти IV вв. римские войска были вновь расквартированы в Херсонесе (I Италийский и II Геркулийский легионы). В цитадели возводится новый комплекс – здание вексилляции, казармы, термы, претория [4]. Латинская надпись из Херсонесского музея № 9 гласит: «При Диоклетиане и Максимиане …сын Публия …легат легиона... Служил в Италии и Паннонии» [5]. В.М. Зубарь датирует ее 293–305 гг. Эта надпись доказывает факт присутствия римских войск в городе в указанное время [6].

Надпись 1995 г. с упоминанием протектора Аврелия Канди[диана?] датируется В.М. Зубарем 286–293 гг. [7] или, с уточнениями, 293–306 [8].

В Херсонесе предполагается появление римской вексилляции во главе с протектором (включение пограничных частей в состав полевых сил). Однако

---

[1] *Зубар В.М.* З історії Південно-Західної Таврики у другій чверті – середині III ст. // Археологія. 2003. № 3. С. 50–55.

[2] *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. К., 1994. С. 126–141.

[3] *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первых веках н. э. С. 36.

[4] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 50–51.

[5] *Шангин М.А.* Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. № 3. С. 79–80.

[6] *Зубарь В.М.* По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III – на рубеже IV–V вв. // Stratum+. 2000. № 4. С. 291–302.

[7] Там же.

[8] *Зубарь В.М., Сарновский Т., Антонова И.А.* Новая латинская надпись из раскопок цитадели и некоторые вопросы позднеантичной истории Херсонеса // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. ХСб. XI. Севастополь, 2001. С. 110; *Зубарь В.М.* Таврика и Российская империя. К., 2004. С. 183–187.

стационарный римский гарнизон в городе не мог быть размещен надолго, т. к. полевая армия не использовалась для защиты городов на территории империи. Появление войск могло быть связано с экстраординарным событием (вторжение с Боспора?). После исчезновения опасности войска должны были быть выведены в Подунавье, на место постоянной дислокации [1].

Херсонес стал не просто городом, а скорее региональным центром, контролировавшим значительный район Таврики [2]. С.Ю. Сапрыкин (по нумизматическим данным) предполагает, что расширение границ Херсонеса и территории, находящейся под его контролем и влиянием, имело место с 320 по 370-е гг. [3]

В благодарность за помощь империи в войнах с варварами на Дунае между 323 и 327 гг. (поход против сарматов летом 323 г. или второй поход Константина против сарматов в 334 г., может быть, против готов [4]) Константин I подтвердил данную Херсонесу ранее свободу и освобождение от податей.

Существуют различные мнения по поводу политического статуса города в течение IV в. По мнению одних ученых, к началу IV столетия Херсонес, утратив свою элевтерию, а с ней и статус независимого государства, окончательно превратился в ординарный провинциальный римский город. Другие полагают, что Херсонес официально не входил в состав империи, а продолжал оставаться союзным городом – опорным пунктом империи в Таврике [5].

Жития святых епископов Херсонских сообщают о 500 стратиотах, сопровождавших в 325 г. епископа Капитона в Херсонес и оставшихся там [6]. Кроме того, начало миссии, посланной иерусалимским епископом Херсоном, традиционно датируется 299 г. [7]

Ядро легенды о епископах формировалось с конца IV до VI в., когда культ херсонских мучеников окончательно сложился [8]. Видимо, вначале речь шла о миссионерах-одиночках, и лишь в более поздних версиях текста появляется отряд воинов от лица государства [9].

По Евнапию и Зосиму (IV. 5,2), в 364–365 гг. Херсонес был таким местом, где можно было не опасаться имперских чиновников и солдат. Но

---

[1] *Зубарь В.М., Сарновский Т., Антонова И.А.* Новая латинская надпись из раскопок цитадели и некоторые вопросы позднеантичной истории Херсонеса // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ: ХСб. XI. Севастополь, 2001. С. 112; *Зубарь В.М.* Таврика и Римская империя: римские войска и укрепления в Таврике. К.: Стилос, 2004. С. 183–191.

[2] *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. К., 1994. С. 123; *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. К., 1997. С. 92.

[3] *Сапрыкин С.Ю.* Денежное обращение Херсонеса Таврического в античную эпоху. М., 2005. С. 190.

[4] *Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. С. 129–130.

[5] *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя (сер. I в. до н. э. – 2-я пол. V в.). Автореф. докт. дисс. К., 1991. С. 26–27.

[6] *Латышев В.В.* Жития. С. 42, 62.

[7] *Иванов С.А.* Византийское миссионерство. М., 2003. С. 43.

[8] *Цукерман К.* 1994/95. С. 253–202; *Зубарь В.М.* Византийская Таврика. К., 1991. С. 18; *Иванов С.А.* Византийское миссионерство. М., 2003. С. 82–83.

[9] *Иванов С.А.* Византийское миссионерство. М., 2003. С. 83. О Херсонских епископах см. также: *Могаричев Ю.М.* Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода // ПИФК. XIII. 2003. С. 271–273.

ссылки опальных лиц в Херсонес свидетельствуют, очевидно, о наличии в городе в той или иной форме имперской военной власти [1]. В 366 г. сюда был сослан Фронемий в связи с участием в узурпации Прокопия (Amm. Marc. XXVI. 7, 10), а в 460 г. – александрийский патриарх Тимофей Элур.

Вместе с тем Херсонес выступает как отдаленный северный пункт империи среди сплошь враждебного населения, где власть империи была далеко не прочной. Аммиан Марцеллин (XXVI,6) сообщает, что узурпатор Прокопий [2] в 365 г. бежал «в скрытые и далекие местности», где «терпел от голода в диких местах и был лишен человеческого общества». Зосим уточняет, что это был Херсонес (IV.5,2). Вряд ли столь мрачная характеристика надуманна и случайна; это, по всей видимости, топос. Факт проживания узурпатора в Херсонесе свидетельствует о слабости фактического влияния империи в городе.

В.М. Зубарь, в 2004 г. еще раз обратившись к проблеме римского военного присутствия в Херсонесе в IV в., пришел к выводу о том, что на протяжении данного столетия отношения Херсонеса с империей строились на союзной основе, и официально в состав империи город не входил [3]. Его защита осуществлялась гарнизоном, по мнению В.М. Зубаря, набиравшимся за счет субсидий центральной власти из местных жителей. Организован он был по образцу легионов баллистариев позднеримской армии, но, по сути, являлся городским ополчением, хорошо известным в ряде центров того времени на Балканах, вследствие чего, как об этом свидетельствуют эпиграфические памятники (в т. ч. надпись 1995 г.), ему оказывалась помощь специалистами, периодически направлявшимися должностными лицами имперской администрации, а также материалами для изготовления баллист. Учреждение корпуса баллистариев должно было произойти при Константине Великом [4].

А.И. Айбабин, однако (вслед за К. Цукерманом), считает иначе. Баллистарии – это солдаты регулярной римской армии, и размещены они были при Валенте и соправителях [5], но не ранее. К. Цукерман связал прибытие в Херсонес имперских баллистариев с миссией епископов. По нему, имперская воинская часть прибыла в Херсонес при Валенте и стала постоянным гарнизоном города. В это же время епископом был Еферий. Цель прибытия войск – обеспечение безопасности города во время войны Валента с готами. Далее эти войска помогали епископу Капитону при Феодосии I начать кампанию по

---

[1] *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. К., 1914. С. 56–57.

[2] Подробнее см.: *Курбатов Г.Л.* Восстание Прокопия (365–366 гг.) // ВВ. 14. 1958. С. 3–26.

[3] См.: *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. К., 2000. С. 20–21; *Зубарь В.М*. 2004. С. 199.

[4] *Зубар В.М.* Ще раз про римську військову присутність у Херсонесі в другій половині III – на зламі IV–V ст. // Археологія. 2000. № 3. С. 83–97; *Зубарь В.М.* По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III – на рубеже IV–V вв. // Stratum+. 2000. № 4. С. 291–302. Псевдокомитаты – полевая часть, использовавшаяся для решения конкретных оперативных и тактических задач, а не для защиты границ. Римскую вексилляцию могли перебросить в Херсонес для борьбы против боспорских «варваров» вместе с херсонесским ополчением. Затем римляне могли быть быстро выведены в Подунавье (до 2-й пол. IV в. нет надписей с упоминанием римских солдат).

[5] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 53–54.

искоренению язычества. Викария со временем сменяет дука, и это означает превращение Херсонеса в центр отдельного регионального командования империи не позднее 2-й пол. VI в. [1]

По всей видимости, херсонесские баллистарии были действительно римским подразделением, иначе и быть не могло [2]. Но с годами они, видимо, пополнялись местными ополченцами, ведь в канабах лимитанам было разрешено заводить семьи, а Диоклетиан вовсе прикреплял к профессиям всех работников, не исключая и солдат. Союзные города здесь не исключение. Неопределенность статуса гарнизона Херсонеса – того же свойства, что и неопределенность политического статуса города в целом.

Баллисты, как справедливо указывает К. Цукерман, были очень мощным, стратегическим оружием, которое ни при каких обстоятельствах не должно было попасть к варварам. Баллисты использовались только легионами регулярной армии. Известен лишь один случай, когда впомогательным войскам было разрешено использовать этот вид артиллерии. В 220 г. форт Бремениум в Британии (Нортумбрия) под командованием некоего испанца Вардуллы мог использовать баллисты (о чем свидетельствуют результаты раскопок и надписи) [3]. Если доверять письменным сообщениям о баллистариях в Херсонесе, то нужно вполне определенно считать, что это регулярные имперские войска. Это, однако, не снимает вопроса об их статусе и составе. Это – не полевые, а пограничные силы, что не вполне обычно. В.М. Зубарь указывает, что псевдокомитаты – баллистарии были частями пограничной армии, которые периодически включались в состав полевой армии, но не имели ее статуса [4].

Внутреннее государственное устройство Херсонеса в IV в. было следующим: во главе городского самоуправления стоял Первый архонт-эпоним. Должностные лица выбирались из социальной верхушки населения, которое уже принимало христианство. Эпонимные функции первых архонтов сохранялись вплоть до конца IV в. Возможно, первым архонтом иногда был епископ [5]. Вплоть до конца IV в. органы городского самоуправления во главе с Первым архонтом сохранялись.

В конце IV – 1-й пол. V в. в византийских городах старые муниципальные структуры начинают ощущать усиление центральной власти [6]. Надпись 370–375 гг. упоминает начальника императорской гвардии префекта прето-

---

[1] *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсонеса в IV в. // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995. С. 560–561.

[2] *Вус О.В.* Боевая деятельность легиона Balistarii Seniores в Крыму в IV–V вв. // Lavrea I. Чтения памяти проф. В.И. Кадеева. Харьков, 2015. С. 74–79.

[3] *Томпсон Э.А.* Римляне и варвары. Радение Западной империи. СПб.: Ювента, 2003. С. 14. (Там же – литература вопроса: прим. 15 на с. 230).

[4] *Зубарь В.М. Зубарь В.М.* Таврика и Римская империя: римские войска и укрепления в Таврике. К.: Стилос, 2004. С. 195.

[5] *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. С. 126.

[6] *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 136; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсонеса в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // ХСб. IX. Севастополь, 1998. С. 118.

рия Домиция Модеста при Валенте (370–378 гг.). Одно из слов можно дополнить как comes. Модест как трибун баллистариев руководил реконструкцией оборонительных стен [1]. Город курировал военный магистр Фракии. Но однозначного вывода об инкорпорации города в состав империи сделать по имеющимся источникам нельзя. Надпись Домиция Модеста позволяет утверждать, что гражданское управление Херсонесом в последней четверти IV в. контролировалось префектурой Восток, а не администрацией одной из дунайских провинций [2].

Несмотря на то, что до рубежа IV–V вв. Херсонес официально в состав империи, скорее всего, не входил, а его взаимоотношения с центральной администрацией строились, как прежде, на союзной основе [3], из надписи Домиция Модеста 370–375 гг. следует, что гражданские дела, связанные с регламентацией отношений между городом и империей, находились в ведении префектуры Востока, а военные, после разделения гражданской и военной власти в ходе реформ Константина Великого, курировал имперский военный магистр [4].

Надпись Флавия Вита 383–385 гг. гласит: «За владык наших, вечных Августов, непобедимых Флавиев Феодосия и Аркадия и много потрудившегося при деле Флавия Вита трибуна и строителей, построена стена при Евферии превосходительном…» [5]. На основании этого обычно считают, что при Феодосии Херсонес уже входил в состав империи и признавал императоров своими непосредственными владыками (ὑπερ των δεσποτων ἡμων) [6].

К.Э. Гриневич также полагал на основании надписи Евферия о постройке стены, что при Феодосии Херсонес уже входил в состав империи и признавал императоров своими непосредственными владыками. В городе, по его мнению, стоял имперский гарнизон, начальник которого заботился о стенах города [7]. Однако однозначно о статусе города по этой надписи сделать выводы нельзя.

В.М. Зубарь считал, что восстановление должности комита здесь спорно; более вероятно – архонт или протевон [8]. Другие специалисты с этим не согласились. К. Цукерман вновь предложил чтение «комит», а Евферия предложил считать военным магистром Фракии. В любом случае, однако, основ-

---

[1] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 53.

[2] *Зубар В.М.* Ще раз про римську військову присутність у Херсонесі в другій половині III – на зламі IV–V ст. // Археологія. 2000. № 3. С. 89.

[3] Там же. С. 147–148; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // ХСб. 9. Севастополь, 1998. С. 118.

[4] *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. С. 147–148; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты. С. 118.

[5] ИАК. 1. СПб., 1901. С. 56–59; IPE. IV. 464. Найдена в 1899 г. К. Косцюшко-Валюжиничем.

[6] *Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р. Х. М., 1908. С. 7.

[7] *Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического. III // ХСб. 5. Симферополь, 1959. С. 101.

[8] *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. С. 142.

ной гарнизон города должен был состоять из местных жителей, и поэтому его вхождение в состав империи остается под вопросом [1].

Повторный анализ надписи о постройке стены в 383–395 гг. и ряд других данных свидетельствует, что пока нет оснований делать вывод об изменениях в системе управления и утрате Херсонесом былых привилегий при Феодосии. Упоминание в надписи первого архонта Евферия свидетельствует о сохранении в городе должностей, восходящих к прежней системе самоуправления [2], пусть и пережиточно, с изменением характера. Быть может, истина заключается в компромиссе между номинальным имперским сюзеренитетом и естественным (для античного мира в целом) сохранением переродившихся остатков муниципального самоуправления. Вопрос же о дате номинальной аннексии остается открытым.

Надпись № 11 найдена в 1914 г. в районе общей крещальни. Опубликовал ее В.В. Латышев, переиздал М.А. Шангин, а затем В.А. Сидоренко: «… вверху лежащим местам, которым солнце (восходящее) … право приплывать к … [император] цезарь Гонорий … и Херсонес (?) … (как) прежде и Феодосий…». Надпись содержит регламентацию отношений Херсонеса с восточными областями империи. Декрет издан Гонорием (и Аркадием) в подтверждение декрета, изданного ранее Феодосием. Период Феодосия и Аркадия был временем реального усиления центральной (имперской) власти в Херсонесе, но это никак не уточняет номинальный статус города. Н.И. Храпунов указывает, что из данной надписи извлечь больше, чем она может дать, невозможно [3].

Важно привлечь сведения по денежному обращению. По наблюдениям А.М. Гилевич и С.Ю. Сапрыкина, римская монета резко увеличивается в денежном обращении Херсонеса, начиная с Диоклетиана, еще более возрастает при Лицинии и Константине I, а затем еще нарастает при сыновьях Константина I, достигая колоссальных размеров при Феодосии I и сохраняя этот уровень весь V в. [4]

В конце IV – 1-й трети VI вв. Херсонес, по мнению Н.И. Храпунова, находился в зависимости от империи, но формально не входил в ее состав. Его возглавлял «отец города». Императоры осуществляли власть в Херсоне как посредством прямых рескриптов, так и через гражданскую администрацию префектуры Восток и офицеров, возглавлявших городской гарнизон. Выражением зависимости от империи были налоги и торговые пошлины, для взимания которых было создано специальное учреждение – практий. Часть аккумулированных практием средств поступала в государственную казну,

---

[1] См.: *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 19.

[2] *Зубарь В.М.* По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III – на рубеже IV–V вв. // Stratum+. 2000. № 4. С. 301–302.

[3] *Храпунов Н.И.* К дискуссии о греческой надписи из Херсонеса с именем императора Гонория // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев – Судак, 2002. С. 268–271. Нет полной уверенности, несмотря на место находки, в том, что речь идет именно о Таврическом Херсонесе.

[4] *Сапрыкин С.Ю.* Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М., 2005. С. 169.

другие использовались на содержание баллистариев и ремонт укреплений. В результате реформы императора Зенона Херсонес получил право самостоятельно собирать и использовать часть налогов. Собранные деньги шли на нужды городской общины и строительство. Для технической и организационной помощи при восстановлении стен продолжали привлекать имперских офицеров.

Любой возможный статус города в V в. никак не означал освобождения от уплаты податей в имперскую казну. Контроль над делами в городе осуществляли имперские чиновники. До 485/486 г. городские налоги и таможенные сборы поступали в государственную казну. За их счет финансировались баллистарии и строительство стен.

Таким образом, пока нельзя точно установить дату, когда Херсонес стал составной частью империи не только формально, но и юридически. Ранневизантийское правительство в принципе до конца, пока было возможно, поддерживало и модифицировало остатки античного полисного строя, превратившегося в бюрократию как основную и органичную опору своей власти [1]. Однако фактически самоуправление в городах с V в. в огромной мере перестало быть реальным самоуправлением, элитаризировалось и превратилось в обременение для простых граждан.

Итак, до конца IV – начала V вв. Херсонес был союзным по отношению к империи городом. Фактически же он ничем не отличался от обычного иперского города. Элементы самоуправления постепенно становятся бюрократическим органом власти, проводившим политику империи.

С конца IV в. в городе исчезают постановления Совета. Таким образом, отношения с империей были отношениями не союза, а подчинения. Правящие круги города проявляли обычный сервилизм по отношению к империи. Свобода в это время – не благодеяние, а повинность, за которую нужно было расплачиваться.

В конце V в. появляются новые источники по проблеме политического статуса города [2]. Прежде всего, это надпись 488 г. (СГНХВ, 7), в которой упоминается император Зенон (474–491 гг.): «Самодержец кесарь Зенон, благочестивый, победитель, трофееносный, величайший, присночтимый. Их благочестие, возревновав как во всех городах, так и в сем городе, даровало выдачу денег, именно собираемые из мытницы местного викарата преданных баллистариев. На эти [суммы] возобновляя стены во спасение этого самого города и благодарствуя, поставили мы сию надпись в вечное воспоминание их царствования. Возобновлена же башня сия трудом светлейшего комита Диогена, лета 512, индикта 11-го».

А. Бертье-Делагард отметил, что надпись времен императора Зенона издавалась 18 раз, но все время с ошибками. Дата – с сентября 487 по сентябрь 488 г. На основании этой надписи существовало мнение о том, что где-то

[1] *Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 75.

[2] Ср. очерк для конца V–VI вв.: *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 24–32.

в V в. город номинально вошел в состав империи. Комит же от имени империи осуществлял военное и гражданское управление [1]. Здесь упоминается ряд структур. По надписи Зенона, практий Херсонеса был не местным, а государственным, имперским учреждением. Император разрешает выдачу денег на местные нужды, и это разрешение увековечивается городом надписью как благодеяние [2]. Комит Диоген именуется «великолепнейшим» (μεγαλοπρεπέστατος). Итак, комит Диоген, подобно комиту двух проливов в Византии, занимал в Херсонесе должность практора или коммеркиария [3]. При чтении надписи Зенона (СГНХВ, 7) видна глубокая зависимость Херсонеса от императоров. Попутно отметим, что по аналогиям В. Юргевич отнес надпись Зенона вообще не к Херсонесу, а к Фессалонике [4], но эта точка зрения не получила поддержки у других специалистов.

По существу, в Херсонесе уже в конце V в. наблюдается процесс зарождения системы городского управления нового типа, близкой к будущей фемной [5]. В фемной структуре викарий был равен стратигу, комит – коммеркиарию и т. п. Процесс организации квази-фемных структур Зеноном остался незавершенным. При Зеноне начинается местная монетная чеканка (типично имперский облик монеты, образ императора). Это было отражением реальной сильной зависимости города от империи. С V в. часть доходов отпускалась на нужды города [6]. Вопреки М.И. Ростовцеву и С.П. Шестакову, можно присоединиться к В.В. Латышеву и Ю.Г. Виноградову в том, что комит Диоген был имперским должностным лицом в Херсонесе и являлся проводником в жизнь политики императора Зенона. В город он мог прибыть с каким-либо конкретным поручением, например, для надзора за постройкой оборонительных стен или контроля расходования отпущенных для этого средств [7].

Вскоре он стал известен в империи как комит схол (начальник придворной гвардии) и прославился как полководец в войне против исавров 493 г. С.П. Шестаков и А.Л. Якобсон указывали, что Диоген был также еще и коммеркиарием, т. е. возглавлял херсонесское финансовое управление. Таким образом, он являлся главой администрации [8]. Следовательно, в Херсонесе складывался порядок, характерный для всей империи в более поздний период [9].

---

[1] Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсонеса // МАИЭТ. III. Симферополь, 1993. С. 137–138.

[2] *Шестаков С.* К истолкованию херсонской надписи времени Зенона // ЖМНП. 1906, март-апр. С. 142.

[3] Там же. С. 149.

[4] Там же. С. 781.

[5] *Баранов И.А.* Административное устройство ранневизантийского Херсона. С. 137–145.

[6] *Зубарь В.М.* Херсонесские баллистарии // Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. М.Я. Сюзюмова. Екатеринбург, 1993. С. 12–14.

[7] *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты. С. 119.

[8] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 26.

[9] *Баранов И.А.* Административное устройство ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. III. Симферополь, 1993. С. 137.

По надписи Зенона можно сделать вывод о том, что Херсонес является скорее имперским городом [1] еще и потому, что в силу этого обстоятельства ему были дарованы деньги на возобновление оборонительных сооружений. Включение города в состав империи при Зеноне хорошо согласуется с началом местной монетной чеканки именно в это время [2]. Однако неясно, было ли это оформлено каким-либо юридическим актом. Отсутствие источников не позволяет также уточнить, как предполагаемое включение города в состав империи повлияло на его административную систему. В.В. Латышев считал, что в это время таможня (мытница) [3] и баллистарии были объединены в рамках викарата. Следовательно, военная и гражданская власти были объединены. Викарат, т. е. высшая военная власть, осуществлял здесь и гражданское управление, в частности сбор пошлин с привозимых товаров и налогов с населения. Часть этих средств шла на ремонт стен. К. Цукерман посчитал, что практий собирал какие-то местные налоги, кроме таможенных сборов, и на них-то и содержались баллистарии под командой викария [4]. Упоминание в надписи комита Диогена как куратора стеностроительства позволяет предполагать, что в конце V в., как и ранее, гражданские дела Херсонеса находились в ведении префектуры Востока, т. е. военного командования. Итак, кардинальных перемен в реальной системе управления городом под властью империи не произошло [5].

К концу V в., по-видимому, уже вполне определилось положение города в геополитической системе византийских владений того времени. Херсонес вновь превращается в реальный опорный пункт империи в регионе. В конце V в. при Зеноне, видимо, была одержана какая-то победа над гуннами, позволившая империи взяться за укрепление своих позиций. С этого времени также шел процесс подчинения империи окружавшего Херсонес местного населения Юго-Западного Крыма. Характерно, что в ранневизантийской традиции в восприятии столичных жителей Херсонес слывет городом варварским и даже «городом готов» или городом «в стране тавро-скифов» [6].

На территории города в конце V в. основное внимание было уделено юго-восточному узлу обороны (цитадель), где в римское время стоял имперский гарнизон.

А.Л. Якобсон также полагает, что в конце V в. город был уже полностью фактически инкорпорирован в систему византийской власти [7]. Но зависи-

---

[1] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. М., 1959. С. 22; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 88–89.

[2] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). К., 1977. С. 107, 156, № 309; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 17–18, 138.

[3] А.И. Айбабин считает наличие таможни признаком вхождения Херсонеса в торговую систему империи. См.: *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 89.

[4] *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1994. С. 559, прим. 42.

[5] *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты. С. 120.

[6] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 21.

[7] Там же. С. 22.

мость Херсонеса от Византии носила, по его мнению, односторонний характер, так как была основана на политическом господстве, опиравшемся на военную силу, и не имела глубоких экономических корней. Экономика Херсонеса V–VI вв. была в значительной степени самодостаточной и зиждилась на торговых связях с местным земледельческим населением и степняками-гуннами [1]. Морская повинность выражалась в поставке судов и морского снаряжения.

К середине VI в. юридический статус города ощутимо меняется. Херсон становится центром провинции, в которую входят также Юго-Западный Крым и Боспор. Во 2-й пол. VI в. военную и гражданскую власть в Византийской Таврике осуществлял, вероятно, дука Херсона [2]. Укажем, однако, что Херсонес не упоминается ни в анонимном Перипле Понта Евксинского, ни в официальном «Синекдеме» Иерокла, ни в ND (хотя это не убедительный аргумент: данные тексты имеют лакуны).

При Юстиниане Херсонес, вероятно, управлялся викарием – начальником византийского гарнизона. На херсонских монетах периода Юстиниана I помещалась надпись «полис Херсон», но это прямо не свидетельствует о функционировании в городе полисной администрации. В Византии это было обозначением географического центра (города) или епископского центра [3]. Однако античные истоки этой надписи налицо. Император обязал горожан выполнять морскую повинность [4]. Императорским эдиктом 569 г. определялось, что провинциальные гражданские чиновники должны были избираться епископами из тех, кого они почтут способными и достойными, из числа местной знати, после чего избранные представлялись императору на обязательное утверждение. Так формировалась местная провинциальная знать [5].

Еще одна надпись из Херсонеса № 19 (Латышев, 1906) относится (неопределенно) к ранневизантийскому времени [6].

Далее лишь в конце VI в. появляются новые источники по административному строю Херсонеса. Строительная надпись № 4, впервые опубликованная В.В. Латышевым (ИАК. 18. 1906. № 37), относится ко времени Юстина II (565–578 гг.) и происходит из района южной оборонительной стены. «Была построена стена (или башня) …при благочестивейших (наших владыках Юстине) и Софии … и при деятельности дука (Херсона) … светлейшего Феагена…» [7]. Феаген мог быть комитом и содействовать строительству, ко-

---

[1] Там же. С. 30. Ср.: *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 24–32.

[2] *Храпунов М.І.* Адміністрація Херсона наприкінці IV–VI ст. // Археологія. 2000. № 1. С. 66.

[3] *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // ХСб. IX. Севастополь, 1998. С. 122.

[4] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 124.

[5] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 30; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. С. 146.

[6] *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России (находки 1906 г.) // ИАК. 23. 1907. С. 28–48.

[7] *Соломоник Э.И.* Несколько новых греческих надписей Средневекового Крыма // ВВ. 47. 1986. С. 212.

торое велось под руководством дуки Херсона [1]. Факт этого строительства подтверждается раскопками К.О. Гриневича в 1927 г. – следы мощной нивелировочной засыпи сер. VI в. [2] Камень для строительства брался из каменоломни недалеко от башни Зенона, на месте загородного некрополя [3].

Серьезной угрозой городу стала тюркская осада 580–581 гг. (о ней сообщает Менандр Протиктор). Она закончилась, видимо, лишь благодаря внезапной смерти хагана Арсилы в 581 г. Тюркская угроза, однако, ощущалась на территории Таврики до конца 80-х гг. [4]

В надписи Евпатерия (СГНХВ 99) (конец VI в.) имя императора умышленно, по неизвестным причинам, повреждено. С надписями V–VI вв. эту надпись сближают крест перед ее началом и знак S для обозначения сокращения слов. Термин «стратилат» эквивалентен термину magister militum. Термин дукс (дука) уже с III в. стал обозначать определенных должностных лиц, функции которых со временем менялись. Евпатерий был стратилатом и дукой Херсона, причем дукой только Херсона. Перевод: «Сверх прочих великих и дивных деяний и сие славное на Боспоре кесарское здание [καισάρειον] возобновил Маврикий, благочестивейший [ευσεβέστατος] и богохранимый [θεοφύλακτος] наш владыка через собственного своего раба Евпатерия, славнейшего стратилата и дука Херсонского. Индикта 8-го». Комит называет себя собственным рабом (γνήσιος δουλος) императора. Это особая формула [5]. Надпись носила показной, триумфальный характер, на что указывают изображения двух Ник [6].

Надпись Евпатерия, стратилата и дуки [7], дает повод для некоторых размышлений. Должность стратилата в империи хотя и проистекает из должности magister militum, не всегда соответствует военному магистру. Это мог быть и гражданский трибун. Стратилат во времена Юстиниана был начальником гарнизона или комендантом города, непосредственно подчиненным наместнику. Нередко он соединял в своих руках и гражданскую власть [8]. Дука являлся военачальником, назначавшимся в отдаленные провинции и горо-

---

[1] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. С. 26; *Якобсон А.Л.* 1959. С. 67–68; *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1994. С. 560, прим. 45; *Сорочан С.Б.* Око и щит империи. Херсонес к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. V. Симферополь – Керчь, 2004. С. 325–326.

[2] *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. Симферополь, 2001. С. 107–108; *Сорочан С.Б.* Око и щит империи. Херсонес к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. V. Симферополь – Керчь, 2004. С. 326.

[3] *Сорочан С.Б.* Там же.

[4] Там же. С. 324.

[5] *Латышев В.В.* Заметки к христианским надписям из Крыма. III // ЗООИД. 21. 1898. С. 225–254.

[6] *Сорочан С.Б.* Око и щит империи. Херсонес к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. V. Симферополь – Керчь, 2004. С. 327.

[7] Об этих должностях см.: *Латышев В.В.* ΠΟΝΤΙΚΑ. СПб., 1909. С. 208–209.

[8] Это предписывалось Новеллами Юстиниана. См.: *Успенский Ф.И.* История Византийской империи IV–IX вв. М., 1996. С. 355; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. Oxf., 1964. P. 282–283; *Durliant J.* Magister militum – στρατηλατης dans L'Empire Byzantin (VI–VII siecles) // BZ. 1979. 72. Ср. *Сорочан С.Б.* Око и щит империи. Херсонес к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. V. Симферополь – Керчь, 2004. С. 328–330.

да, чаще окраинные, и поэтому занимал менее высокое положение, чем стратилат. Итак, Евпатерий был представителем верховной власти империи на Боспоре и в Херсонесе, а также командующим вооруженными силами Херсонеса. Евпатерий – представитель верховной власти империи в Крыму, на которого были возложены функции гражданского управления в Херсоне и на Боспоре.

Особое место в общественной структуре Херсонеса занимали органы церковного управления. Главный источник здесь – Жития епископов Херсонских. Текст житий был опубликован В.В. Латышевым по одной из пространных редакций. Ф. Алкэн в 1984 г. издал другую редакцию, возможно, восходящую к более древней версии. Хронология житий в соответствии с ней должна быть омоложена: Еферий взошел на епископскую кафедру в 381 г., а назначение Капитона следует датировать серединой 380 – началом 390-х гг. Население Херсонеса до прибытия Капитона оставалось в основном языческим [1]. Во всех версиях легенды успех миссии епископов связан с прибытием в город отряда имперских войск. Восточная часть города была отведена для этих солдат и стала называться Феона.

Видимо, ко 2-й пол. VI в. город превратился в провинциальный центр отдельного регионального командования в лице дуки и, очевидно, рассматривался как составная часть соответствующей византийской епархии (провинции) [2].

О тесной связи церкви с государством, о потестарных, а может быть, и о политических функциях церкви свидетельствует факт присылки значительного отряда воинов вместе с епископами Херсонскими. Кроме того, прошение епископа Херсонесского Асклепиада к императору Феодосию Младшему с чисто светской просьбой об освобождении тех, кто в нарушение закона торговал с варварами, наглядно показывает роль церкви в социально-политической сфере.

Фрагментированная надпись времен Юстина II говорит об укреплении стен города и упоминает дуку, видимо, руководившего работами. Причем этот дука – не Феаген, который мог быть комитом [3].

Итак, при Юстине II (565–578) вместо комита в Херсонес назначается дука. Среди его функций – руководство городским строительством, прежде всего, фортификацией [4]. Он имел в подчинении крупные военные силы, охранявшие лимес вплоть до Боспора (надпись Евпатерия). Из трех групп монет (Юстина II и Маврикия) две – с именем императора, одна – со словом Херсон. А.И. Айбабин полагает, что дука был главнокомандующим всех ви-

---

[1] *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV веке. С. 549.

[2] Термин «епархия» в то время использовался для обозначения как церковного, так и гражданского округа. В отечественной историографической традиции этот термин для обозначения провинции не утвердился. См. *Сорочан С.Б.* Око и щит империи. Херсонес к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. V. Симферополь – Керчь, 2004. С. 325; *Храпунов М.І.* Адміністрація Херсона наприкінці IV–VI ст. // Археологія. 2000. № 1. С. 62.

[3] *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // ХСб. 9. Севастополь, 1998. С. 123 (со ссылкой на Ю.Г. Виноградова).

[4] *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 18. 1906. С. 122–123.

зантийских войск в Крыму [1]. Таким образом, как резюмирует И.А. Баранов, это было главное административное лицо города, а Херсон с конца VI в. становится центром дуката.

Феофан Исповедник впервые упоминает о чиновниках городского управления – протополите и протевонах «из числа знатных мужей» [2]. Л. Брейе рассматривает институт протевонов как продолжение традиций муниципального управления античного города [3]. Если в V в. этот термин означал членов городских советов, то в дальнейшем он приобретает более широкое значение.

Магистратура «отца города» известна в Херсонесе на протяжении без малого шести столетий (конец IV – 1-я пол. X в.). Н.И. Храпунов считает, что этот институт обеспечил известную преемственность в управлении городом, в то время как общие принципы административной организации империи непрерывно менялись [4]. В Херсоне «отец города» впервые упомянут в латинской надписи 370–375 гг. Эту должность исполняли, скорее всего, местные уроженцы. М.И. Ростовцев отождествлял эту должность с должностью протевона [5]. И.В. Соколова считала «отцов» совокупным наименованием руководителей городского самоуправления, в т. ч. кира и протевона [6], но развитие политического строя города заставляет нас отказаться от такого понимания. Наибольший размах бытования этой должности в Византии пришелся на IV–VII вв. Обычно «отца города» избирала знать (гражданская и церковная), однако это был типичный имперский чиновник, а выборы носили чисто формальный характер. По предположению Н.И. Храпунова, в строительной надписи 532/533 г. с Тамани упоминается «отец города» или архонт с Боспора [7].

Н.А. Алексеенко видит в Херсоне «особый тип поселения со своеобразным социально-административным устройством, в котором сочеталась государственная власть и городской муниципалитет» [8].

Одна печать из Херсона с упоминанием «отца города» относится к VIII в. В эпиграфике и папирологии эти должности фигурируют для Памфилии, Карии, Палестины. Есть они и в Северном Причерноморье, в том

---

[1] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 132; *Соломоник Э.И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 47. 1986. С. 213–214.

[2] *Баранов И.А.* Административное устройство ранневизантийского Херсона. С. 137–145.

[3] *Brehier L.* Les Institutions de l'empire Byzantin. P., 1949. P. 209. С этим в последнее время активно не соглашаются исследователи.

[4] *Храпунов Н.И.* О взаимосвязи византийской и муниципальной администрации Херсона: чиновники πατέρες τής πόλεως // ПИАУ. Харьков, 1997. С. 34–35; *Храпунов Н.И.* О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники πατέρες τής πόλεως // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999. С. 162.

[5] *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 23. 1907. С. 18.

[6] *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 113–115.

[7] *Храпунов Н.И.* О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники πατέρες τής πόλεως. С. 166.

[8] *Алексеенко Н.А.* Патер полиса Херсон и его роль в имперской администрации в Таврике // Древности. 2005. Харьков, 2005. С. 58.

числе в Херсонесе, для более раннего времени. В херсонесской надписи 370–375 гг. «отец города» обозначен как vir perfectissim.

Феноменом Херсона является очень длительное – до X в. – существование позднеантичных по происхождению должностей, исторически связанных с муниципальным самоуправлением. В литературе существует обширная дискуссия о роли и функциях этих должностей.

Архонты упоминаются в III и в VIII–IX вв. «Отец города» (Патер полеос) – с конца IV по X вв. Должность экдика (defensor civitatis) была реорганизована Юстинианом, а в Херсонесе отмечена впервые в конце IX в. Наряду с «отцом города» экдик был вторым лицом среди муниципальных властей [1]. Протевон отмечается до нач. VIII в.

В начале VII в., при Юстиниане II, во главе города находился совет из сорока протевонов во главе с протополитом. Политический строй города окончательно стал элитарным и отражал интересы местной знати – «сильных людей», послушно следовавших политике империи.

Н.И. Храпунов признает муниципальный аспект функций власти в ранневизантийском Херсоне [2]. Н.А. Алексеенко также указывает, что еще в X в. при сохранении в Херсоне некоторых элементов традиционной политической системы протевоны все еще оставались в положении «отцов города», но получали дополнительно возложенные на них государственные обязанности [3].

Однако реально уже с V в. это не было самоуправление; в империи оно к тому времени уже почти выродилось, аристократизировалось. На куриалов давили тяжелые налоги. Поэтому реально эти должности становились административными, сохранив прежние названия [4]. В эдикте 569 г. указывается, что провинциальные чиновники должны были избираться из местной знати, куриалов.

Таким образом, мы видим определенный континуитет администрации византийского Херсона. Ряд должностей появляется во II–IV вв. в империи. Но их значение и функции существенно меняются. Против преувеличения роли элементов самоуправления в Херсонесе, в пользу реального смысла их как инструмента имперской администрации последовательно выступает С.Б. Сорочан [5], назвавший попытки доказать обратное поисками «призраков самоуправления».

Об администрации Херсона дополнительную информацию дают находки печатей. Империя прилагала все усилия для сохранения постоянного кон-

---

[1] Подробнее см.: *Алексеенко Н.А.* Defensor civitates и его роль в управленческом аппарате Херсона // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 94–101.

[2] *Храпунов Н.И.* О континуитете администрации византийского Херсона // Древности. 2004. Харьков, 2004. С. 51–59. Ср.: *он же*: Администрация византийского Херсона в VIII – нач. IX вв. // ПИФК. XII. 2002. С. 568–582.

[3] *Алексеенко Н.А.* Протевоны Херсона в системе городских структур в конце X в. // АДСВ. 32. Екатеринбург, 2001. С. 161.

[4] *Сорочан С.Б.* Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. 2003. Т. 62 (87). С. 21–46.

[5] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Харьков, 2005. С. 582–677; *Сорочан С.Б., Смычков К.Д.* Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // ПИФК. XVI/1. 2006. С. 207–217.

троля над Херсоном, что было связано не с экономическим значением этой небольшой территории, а с ее стратегической важностью. Херсонес играл роль наблюдательного пункта за передвижениями степных народов. В византийское время херсониты привозили продовольствие на собственных кораблях с южного берега Черного моря [1]. Среди позднеантичных центров, в которых становление качественно нового городского организма протекало менее разрушительно, прежде всего выделяются расположенные на морском побережье [2]. Херсон и в дальнейшем сохранял роль и функции города в период самой глубокой дезурбанизации VII–VIII вв. [3]

Таким образом, взгляд о том, что вплоть до учреждения фемы Херсон пользовался реальной автономией во главе с органами местного самоуправления, видимо, не учитывает формализацию полисных по происхождению должностей [4]. Ближе к истине идея об исчезновении «призраков самоуправления», обоснованная С.Б. Сорочаном [5].

Спор идет лишь о степени реальной власти Византии над городом. В любом случае имело место и генетически античное самоуправление города, ставшее бюрократическим придатком империи, и верховная власть последней. Вопрос заключается лишь в выяснении степени их соотношения и во времени издания юридического акта об инкорпорации города. Пока не будет найден более ранний, таковым надо считать лишь акт императора Феофила 835 г.

Итак, в позднеантичной истории Херсонеса имеет место постепенная эволюция политического статуса. Имперское влияние усиливалось в отдельные периоды. Юридических свидетельств о подчинении Херсонеса империи в позднеантичное время нет, они имеются лишь для средневизантийского периода. Фактически же нет сомнений, что уже при Зеноне город непосредственно (фактически) входил в состав империи. Видимо, это вхождение было как-то оформлено и юридически.

Немаловажным фактором истории Херсонеса стали осевшие близ него новые варварские группы. Готы близ Херсонеса с конца III – начала IV в. были квазифедератами или союзниками (федераты – со времени Константина). Судя по происходящему из Херсонеса фрагменту декрета 1914 г., Феодосий I, а затем в 408 г. и Гонорий разрешили варварам-федератам селиться в Херсонесе и его округе [6]. Эдикт 449 г. предписывает освободить от наказания тех, «которые передали варварам искусство строить корабли, не известное им

---

[1] *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. VII. Симферополь, 2000. С. 310.

[2] *Романчук А.И.* Море как фактор развития экономики и культуры византийского Херсона // МАИЭТ. VII. Симферополь, 2000. С. 338.

[3] *Сюзюмов М.Я.* Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 127.

[4] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 164, 214–215; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты. С. 122–123.

[5] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Харьков, 2005. С. 582–679.

[6] *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I. Симферополь, 1990. С. 67. По этому поводу высказались также В.А. Сидоренко (1987) и А.В. Сазанов (1999).

ранее». Спасло этих людей заступничество Асклепиада, епископа Херсонеса (CTh. IX. 40, 24). Видимо, теми варварами, кто не знал морского дела, были гунны [1].

В IV–VI вв. античная городская **социальная организация** Херсонеса постепенно трансформируется в византийскую. Важнейшим «индикатором» этого процесса является возрастающая роль церкви. Апологетическую оценку этой роли в истории города дает С.А. Беляев.

Ряд надписей выделяется С.А. Беляевым в единую группу по их начальной фразе, представляющей собой одну твердую формулу; и потому, что они исполнены на предметах, являвшихся частью интерьера христианского храма. Это: 1) надпись на мозаичном полу из южного нефа Уваровской базилики; 2) две плиты, изданные В.Н. Юргевичем в 1879 г. (ЗООИД. 11); 3) обломок плиты 1893 г. близ Уваровской базилики; 4) обломок карниза (МАР. 17. С.24, № 30) и др. Всего – 10 надписей. Все они имеют формулу ὑπέρ ευχης. Все они нанесены на элементы интерьера, причем многообразные: мозаичный пол, колонка или пилястр, карниз, плиты алтарной преграды и т. д. В.В. Латышев в целом датировал эти надписи IV–VI вв. Может быть, № 4 – несколько позднее (другая формула – «о молитве за такого-то…» или «по обету за такого-то…»). Такие надписи распространены по всей империи, в основном в восточных провинциях. Формула возникла еще во II–III вв. Она встречается в надписях, посвященных императору. Суть: некое лицо или община приносят в дар Богу за своих живых или умерших тот предмет, на котором нанесена надпись. Абсолютное большинство встречается на мозаиках, деталях интерьера и т. п. Но это – части архитектурного комплекса. Жертвователь – соучастник строительства храма, который финансировал часть постройки. Таким образом, храм – коллективная постройка на средства жертвователей, частных лиц [2].

Основная важность рассматриваемых херсонесских надписей, по мнению С.А. Беляева, заключается в том, что они показывают, что и после смены религии организация социальной жизни в основном сохранилась и жители городов продолжали строить «за свой счет» христианские храмы так же, как раньше они строили языческие [3]. У нас действительно нет данных о том, что сооружение культовых христианских зданий в Византии регламентировалось бы какими-то общегосударственными узаконениями.

Есть несколько вариантов организации строительства христианских храмов:

1) епископ решает построить церковь и делает это на церковные или на свои личные средства;

2) епископ решает строить храм и ищет донаторов;

---

[1] *Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 299. Этот источник надо, однако, использовать с осторожностью, так как в нем не сказано определенно, какой Херсонес имеется в виду.

[2] *Беляев С.А.* Из истории социальной жизни Херсонеса второй половины IV–VI вв. // ПС. 29 (92), ч. 1. Л., 1987. С. 78.

[3] Там же. С. 80 (ср.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 30).

3) богатый донатор ради спасения души берет на себя постройку церкви или мартириона (роль епископа сводится к выдаче санкции на проект и, может быть, к контролю за его осуществлением).

Второй случай – самый частый, первый – самый редкий [1].

Сохранение хотя бы внешнего континуитета городской жизни в ранневизантийский период ставит вопрос о тех формах локальной территориальной общности горожан, которые могли быть унаследованы от античного полиса. Это – городские районы, кварталы, округа (regeoni, amphoda, klima, laura), делившиеся на еще более мелкие микроструктуры по профессиональному принципу [2].

Без сомнения, в Херсонесе существовали социальные микросообщества основной массы горожан, сформировавшиеся по торгово-ремесленному корпоративному принципу, связанные общими занятиями и местами проживания. Так, до конца VI в. на Северном берегу жили стекольщики (кварталы 25, 27) [3]. Важное место в городских микроструктурах занимали рынки, постоялые дворы, порты, а также капилеи и катарапотии (распивочные и закусочные) [4]. Один из важнейших континуитетных институтов – система гостиниц, постоялых дворов, таверн, дававших приют самым разным категориям лиц [5]. Значительное количество источников подтверждает наличие в поздней античности развитого, организованного гостиничного дела, постепенно принимавшего все более выраженный благотворительный характер. В IV–V вв. началась постепенная, но последовательная и определенная эволюция от общественных и частных поступлений в сторону самообеспечения приютов за счет доходов с собственных или соседских хозяйств.

Итак, в Херсонесе в IV в. существовал политический строй союзного по отношению к империи города. Во главе города стоял первый архонт-эпоним. Должностные лица выбирались из социальной верхушки населения [6]. Эпонимные функции первых архонтов сохранялись здесь вплоть до конца IV в. [7], равно как и органы городского самоуправления [8] в традиционном смысле. Возможно, первый архонт и епископ были одним и тем же лицом [9]. Еще во 2-й пол. IV в. здесь безбоязненно жили узурпаторы и прочие беглецы от императорской власти. Постепенно начавшееся с V в. и возраставшее влияние в этом районе Византии привело к введению в Херсонесе (при, возможно, формальном статусе союзного города) ряда имперских политических ин-

---

[1] Там же. С. 83 (со ссылкой на Ж. Лассюса).

[2] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 51.

[3] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 98, 110. Ср.: *Каждан А.П.* Микроструктуры в Византии VIII–IX вв. // XVIII Международный конгресс византинистов. М., 1991. С. 84–101.

[4] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 90.

[5] Там же. С. 209.

[6] *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя (середина I в. до н. э. – 2-я половина V в.). Автореф. дисс. … д. и. н. К., 1991. С. 27.

[7] *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. С. 143.

[8] Там же. С. 148.

[9] Там же. С. 144.

ститутов. Так, в конце V в. здесь существовал институт коммеркиариев, или практоров, т. е. особых чиновников, ведавших сбором пошлин [1]. Упоминается и специальное ведомство практий, управлявшее сбором пошлин. Такие ведомства обычно учреждались византийским правительством в приморских областях и городах, имевших важное значение в торговле [2].

Отсюда становится видно, что местная административная организация, унаследовавшая прежние античные потестарные структуры, ведала достаточно узким кругом дел, пределы которого определялись практическими нуждами. Ряд функций публичной власти здесь был введен империей. Степень реальной инкорпорированности города в состав империи в VI в. была весьма значительной. Прокопий пишет о Херсоне как о части империи. Завоевав Боспор, Юстиниан должен был считать Херсон частью империи, центром ее владений в Таврике. Органы нецерковного гражданского управления на основе традиционных институтов в Херсоне существовали еще в конце VII в.: город возглавлял протополит (первенствующий) [3].

Окончательно все муниципальные органы власти как таковые были формально отменены Львом VI (886–912 гг.) вместе с победой фемного строя [4].

§ 4. Проблемы типологии постантичного города

Уже упоминавшееся выше понятие «постантичный город» станет здесь предметом нашего специального исследования. Речь идет о городах Северного Понта [5], которые пережили варварский разгром на раннем этапе Великого переселения народов, и после этого так или иначе возродились, но уже в несколько ином качестве. Для восточных провинций империи такой феномен, в отличие от западных, весьма редок. Мы можем его постулировать лишь для северной периферии ранневизантийского региона.

Первой по времени постановки проблемы в историческом плане из городов Северного Причерноморья попала в данную категорию **Ольвия.** В общий контекст можно вписать и Тиру, которая всегда считалась для III–IV вв. варваризованным городком. Общими чертами для обоих последних городов являются: периферийность, удаленность от Боспора и Хер-

---

[1] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. № 7 от 488 г.

[2] *Талис Д.Л.* Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. 18. 1961. С. 60.

[3] *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. М., 1973. С. 31.

[4] *Науменко В.Е.* Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности. 1996. Харьков, 1997. С. 23–30.

[5] В.М. Зубарь поставил проблему постантичных раннегосударственных структур на местах или в окрестностях античных центров Северного Причерноморья: *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. К., 1998. С. 146–150. Идею развил А.И. Хворостяный; см.: *Хворостяний О.І.* Рецензія на кн.: Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород, 1996 // Археологія. 2000. № 1. С. 151.

сонеса, варваризация после восстановления, относительная изолированность, политическая и экономическая зависимость скорее от варваров, чем от античных центров.

Впервые период с конца III по 3-ю четверть IV в. как позднеантичный был выделен для Ольвии В.В. Крапивиной [1]. Однако В.М. Зубарь восемь лет спустя высказал сомнения в таком определении и предложил считать заключительный период жизни города постантичным [2]. Для Ольвии археологически устанавливается два разгрома, связывающиеся с походами 232–238 и 269–270 гг. [3] Указывается, что после первого разгрома город вряд ли мог быть быстро восстановлен без помощи римлян [4]. На основании материалов из закрытых комплексов датой разгрома города В.М. Зубарь считает 260–265 гг. [5], В.В. Крапивина – 269–270 гг. Следов тотального пожара и гибели населения не прослеживается. Вместе с тем значительная честь города была разрушена. Население разбежалось по окрестностям и возвратилось не ранее начала 280-х гг. (монеты Диоклетиана) [6]. Часть осталась жить на сельской округе (городище Александровка на р. Ингулец, где открыты каменные стены с круглыми башнями, внутри – регулярная застройка; античная торговая фактория на поселении Каменка-Анчекрак близ Ольвии; Днепровское и Золотомысское городища).

Строительные остатки постантичного периода четко отделяются от более ранних [7]. Они найдены на южной части цитадели (Верхнего города), на участках НГ, НГЦ, НГСс, Берег и в затопленной части города. На центральной возвышенности постантичный слой не зафиксирован [8]. Застройка велась небольшими отдельно и хаотично расположенными 1–2-камерными постройками. Фрагменты кладок – обрывки наземных стен из бута или очень грубо обработанного камня [9]. Стены выложены небрежно по рядовым, приближающимся к иррегулярным системам. Строительные материалы представлены известняком и сырцовыми кирпичами. Кладки выполнены в одной технике. Преобладают прямоугольные помещения с каменными загородками (вероятно, кормушки для скота). Производственно-хозяйственные комплексы сочетались с жилыми помещениями. Всё это характерно скорее для черняховской культуры на широких пространствах Нижнего Побужья, нежели для античного города. Очень важным обстоятельством является частичная перепланировка кварталов и строений. Две металлообрабатывающие мастерские были

---

[1] *Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. К., 1993. С. 155–157.

[2] *Зубарь В.М.* О заключительном этапе истории Ольвии (третья четверть III – первая половина IV в.) // ВДИ. 2001. № 1. С. 133–138.

[3] Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. К., 1999. С. 321; *Виноградов Ю.А.* Счастливый город в войне и мире. СПб., 2006. С. 220–222.

[4] Ольвия. К., 1999. С. 321.

[5] Там же. С. 134.

[6] Там же. С. 325 сл., 605 сл.

[7] *Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. К., 1993. С. 11,14.

[8] *Крапивина В.В.* К вопросу о застройке Ольвии во II–III вв. // Античная культура Северного Причерноморья. К., 1984. С. 210–212.

[9] *Лейпунская Н.А.* Предместье первых веков н. э. в Нижнем городе Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. К., 1988. С. 78.

открыты в центре постантичной цитадели. Ранее производственные комплексы помещались за городом.

В.В. Крапивина прослеживает не менее трех строительных периодов и отмечает определенное сохранение античных традиций в планировке кварталов и домов (прямоугольный характер) и строительной технике зданий при общем ухудшении их качества (например, штукатурка стен). В.М. Зубарь называет это деградацией строительной техники.

Территория города в сравнении с предшествующим временем сократилась как будто незначительно. Ольвия была вновь отстроена в классических традициях, но оборонительных сооружений она уже не имела. На территории бывшей цитадели были возведены обычные жилые дома.

Можно сказать, что в облике позднего города достаточно отчетливо проявляются признаки вырождения, деградации, ослабления экономического и демографического потенциала [1].

На территории постантичного городища открыт комплекс пока неопубликованных погребений. Также обнаружено значительное количество зерновых ям, очагов, печей, загородок, располагавшихся на месте бывших монументальных зданий. Все это, а также небольшое количество монет, свидетельствуют о натурализации хозяйства. Полностью отсутствуют товарные отрасли – виноделие, рыбозасолка (как в Херсонесе и на Боспоре) [2].

Террасы конца III – 1-й пол. IV в. раскрыты на участке Р-25. Их границы не совпадают с границами террас античного времени. Перепланировка говорит о смене населения или о разрыве традиции.

Керамический комплекс Ольвии сохранял преимущественно античный характер. Ок. 25 % кружальной керамики составляла краснолаковая, сероглиняная – 20 % [3].

Видимо, в рассматриваемый период имела место значительная смена населения. По мнению В.М. Зубаря, большинство жителей Ольвии в указанное время составляли выходцы из черняховского населения Северо-Западного Причерноморья, генетически не связанные с населением античного города предшествующего времени [4]. Бытовые предметы черняховцев: трехручные вазы (выполнены в Ольвии на заказ для готов), костяные гребни, фибулы.

Длительное время не было единого мнения по принципиально важному вопросу: есть ли на Ольвийском городище черняховские материалы или нет. В.М. Зубарь считал, что черняховские материалы есть (керамика).

Теперь предметы черняховской культуры в изрядном количестве известны в Ольвии: Цитадель, Нижний город, некрополь. Это характерные

---

[1] *Виноградов А.Ю.* Император и апостолы: храм и мавзолей // Поблекшее сияние власти / Отв. ред. М.А. Бойцов. М., 2006. С. 15–26.

[2] *Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. К., 1993. С. 157.

[3] Там же. С. 125.

[4] *Зубарь В.М.* О заключительном этапе истории Ольвии… С. 137. Противоположное мнение: *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. К., 1987. С. 15; *Крапивина В.В.* Ольвия. С. 156.

только для этой культуры типы сероглиняной посуды, роговых гребней и фибул. Это подтверждается и данными антропологии.

Черняховские материалы обнаружены и на периферии Ольвии – в верхних слоях античных крепостей-городищ Мыс, Петуховка, Ст. Богдановка, Козырка, Станислав I, Золотой мыс. Раскопаны также могильники Каборга, Бол. Кореniха, Каменка-Анчекрак (поселение и могильник) [1].

Ныне на ольвийской периферии известно 23 черняховских поселения. Большинство из них появилось на свободных землях. Лишь на семи античных городищах возникли черняховские поселения. Таким образом, черняховцев не привлекали античные развалины в качестве жилья, но им требовались крепости с каменными стенами. Новые крепости были построены черняховцами в ключевых точках коммуникаций. Плотность крепостей указывает на существование здесь ядра раннегосударственных объединений – королевства Гезимунда, союзника гуннов (конец IV в.). С этим хорошо согласуется ольвийский клад с золотыми вещами гуннского времени [2]. Конец готского периода истории Ольвии – 433 г. (финал черняховской культуры), перенесение ставки Аттилы на Средний Дунай [3].

Возрождение жизни в Ольвии хронологически совпадает с расцветом черняховской культуры (причерноморский вариант) [4] и увеличением числа неукрепленных черняховских поселений в Северо-Западном Причерноморье. Для них характерно преобладание каменного домостроительства, ингумации в ямах сложных конструкций. Это – эллинизированные поздние скифы и оседлые сарматы, составлявшие часть черняховской культуры [5]. Для готов, пришедших сюда в сер. III в., были характерны глинобитные и углубленные постройки, трупосожжение. Оба типа памятников известны близ Ольвии. В 1905 г. был найден ряд надписей. Надпись № 20 из Ольвии относится к позднеримской эпохе [6].

Территория от Тиры до Ольвии вошла в состав обширной варварской конфедерации и составила в ней отдельную микрозону [7] с политико-редистрибутивным центром в Тире (ее площадь сильно сократилась и ограничилась бывшей римской цитаделью). Ольвия при этом предположительно определяется как крупное ремесленное поселение с хорой в 5–10 км в радиусе.

---

[1] *Магомедов Б.В.* Городища-крепости ольвийской округи в позднеримское время // Borysthenika – 2004. Материалы МНК к 100-летию начала исследований о. Березань Э.Р. фон Штерном. Николаев, 2004. С. 113.

[2] *Ross M.* Catalogue of the Byzantine and Early Medieral Antiquities in the Dumbarton Ooks Collection. V. II: Jewelry, Enamels and Art of the Migration Period. Washington, 1965. № 166.

[3] *Магомедов Б.В.* Городища-крепости ольвийской округи в позднеримское время // Borysthenika – 2004. Николаев, 2004. С. 116.

[4] *Магомедов Б.В.* Ольвия и Черняховская культура // Проблемы исследования Ольвии. Парутино, 1985. С. 48.

[5] Там же. С. 47–49.

[6] *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России (находки 1905 г.) // ИАК. 18. 1906. С. 122.

[7] *Брашинский И.Б.* Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ. 1970. № 2. С. 133–137; *Зубарь В.М.* О заключительном этапе истории Ольвии… С. 138.

В самом начале IV в. в Ольвии, возможно, размещался небольшой римский гарнизон [1]. Аммиан Марцеллин во 2-й пол. IV в. еще упоминает civitas Borysthenes (Amm. Marc. XXII. 8. 40), хотя это может быть лишь дань традиции.

Время гибели сооружений постантичного времени определяется от начала IV в. (Н.А. Лейпунская) до 3-й четверти того же столетия (В.В. Крапивина) [2] и даже до 30-х гг. V в. (Б.В. Магомедов) [3]. Можно вполне определенно утверждать, что на территории Нижнего города за оборонительными стенами в конце III – начале IV вв. продолжали функционировать предместье и припортовая часть поселения [4], которое утратило значение античного города.

После окончательного запустения Ольвии накануне гуннского нашествия на юго-востоке черняховского ареала возрастает роль Ингулецкой группы поселений середины IV – начала V вв., контролировавшей миграционные потоки сармато-алан вдоль старой римской дороги [5]. Б.В. Магомедов полагает, что в последней четверти IV – 1-й трети V в. Ольвия могла быть центром вассального по отношению к гуннам готского королевства Гезимунда. В 443 г. эти готы ушли с Аттилой в Паннонию.

С 1969 г. исследуется послеготская **Тира**. Выявлены перестройки и два строительных периода. Закрытый керамический комплекс из «послеготского дома», сооруженного над развалинами римской цитадели, дает четкую дату – 2-я пол. IV в. [6] План застройки полностью отличается от предшествующего. Однако в строительном деле сохранены античные традиции. Произошла общая рустификация жизни, но полного разрыва экономических связей с римскими провинциями не произошло [7]. «Послеготский дом» теперь датируется 1-й пол. V в., а не 2-й пол. IV в. Таким образом, достаточно четко видно, что Тира не погибла под ударами гуннов [8].

В 1996 г. на городище Тиры были выявлены остатки сооружения, интерпретируемого авторами раскопок как христианский храм, сооруженный в постантичный период. Он был расположен в 5 м к западу от античной башни и куртины и пристроек к одной из стен снаружи, что исключает их одновременное функционирование. Храм (№ 610) типа базилики своей восточной стеной пристроен к южному фасаду оборонительной стены. В центральной части 12-метровой восточной стены – полукруглая апсида. Обнаружены следы колоннады, отделявшей северный неф от центрального. Имелись полу-

---

[1] *Буйских С.В.* Фортификация Ольвийского государства (первые века н. э.). К., 1991. С. 140.

[2] Ср.: Ольвия. К., 1999. С. 341.

[3] *Магомедов Б.В.* Городища-крепости ольвийской округи в позднеримское время // Borysthenika – 2004. Материалы МНК к 100-летию начала исследований о. Березань Э.Р. фон Штерном. Николаев, 2004. С. 116; *Виноградов Ю.А.* 2006. С. 231.

[4] *Лейпунская Н.А.* Предместье первых веков н. э. С. 80.

[5] *Магомедов Б.В.* Ингулецкая группа памятников черняховской культуры // Мир Ольвии. К., 1996. С. 142.

[6] *Гудкова А.В., Клейман И.Б., Сон Н.А.* Раскопки позднеантичной Тиры // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). Т.2. Ереван, 1979. С. 286.

[7] *Павленко Ю.В., Сон Н.О.* Пізньоантична Тіра та ранньодержавне об'єднання візіготів // Археологія. 1991. № 2. С. 7–14.

[8] Там же. С. 41–42.

круглые арочные своды и вымостки из белых мраморных плит. Найдены два фрагмента капителей с листьями, аналогичных капителям VI в. из Херсонеса. Высота сохранившихся стен, сложенных на цемянковом растворе, – до 2,5 м. Длина составляла ок. 20–25 м [1]. В.М. Зубарь, однако, подверг критике интерпретацию здания с апсидой как базилики и показал, что оно было построено во II–III вв. и существовало до начала V в. Его мраморы – римские, а не ранневизантийские [2].

Жизнь в Тире продолжалась в IV в., но хозяйство ее приобретает черты рустификации: римские монеты поступали на север, минуя Тиру [3].

Строительные остатки Тиры 2-й пол. III–IV вв., несмотря на сохранение античных традиций, обнаруживают варваризацию и деградацию приемов строительной техники в планировке и конструктивных особенностях построек. Крыши покрывались не черепицей, а соломой и камышом [4].

Тира определяется как столичный, политический центр государственного образования (политии, вождества) визиготов-тервингов (Amm. Marc. XXVII. 69; Zos. IV. 2, 1). Возможно, усиление этого племени было связано именно с влиянием цивилизованного населения позднеантичной Тиры [5].

На Западном участке работ 2002 г. был открыт слой позднеантичного времени, одно разрушенное помещение, вымостка; среди находок – местный трехрогий светильник V в.

На Южном участке есть амфорный материал IV в., возможно, V в. Эта часть города во 2-й пол. III–V вв. плотно застраивается с соблюдением норм античной строительной традиции и сохранением планировки более раннего периода. Такая же тенденция четко прослеживается в соседней Истрии. Учитывая важность этого региона (наблюдение за передвижениями племен), логично возрождение интереса к нему в ранневизантийский период.

Среди открытий 2002 г. – улица № 836, улица 737/768 (3-й строительный период). Улицы пересекаются под прямым углом, манера их сооружения носит явно античный характер. Еще открыто 5 помещений, встроенных в объем сооружения с колоннами (постоялый двор). Это 1–2 дома, сооруженных на месте двора № 702, дворик, водосток, кладки, еще три помещения 2001 г.

Все позднеантичные строения имеют прямоугольные черты и объединены в отдельные многокамерные дома, разделенные вымощенными каменными плитами улицами с водостоками [6].

---

[1] *Самойлова Т.Л., Кожокару В.* К вопросу о распространении христианства в I тыс. в междуречье Дуная и Днестра // Христианское наследие Византии и Руси. Симферополь, 2003. С. 39–40. Рис. на с. 46–47.

[2] Зубарь В.М. По поводу раннехристианской базилики в Тире // Боспор Киммерийский и античный мир в период античности и средневековья. Керчь, 2004. С. 164–169.

[3] *Карышковский П.О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. К., 1980. С. 138–139.

[4] *Сон Н.А.* Тира римского времени. К., 1993. С. 55–56; Давня історія України. Т. 2. С. 470–471.

[5] *Она же.* С. 57; Давня історія України. Т. 2. С. 470.

[6] *Самойлова Т.Л., Кожокару В., Смольянинова С.П., Богуславский Г.С., Остапенко П.В.* Раскопки Тиры-Белгорода в 2002 г. // Археологічні відкриття в Україні. 2001–2002 рр. К., 2003. С. 249, 252–253.

У Прокопия (BG. III. 14.32) говорится о посольстве 545 г., где упоминается «опустевший город Турис». Считается, что при Юстиниане I Тира перешла к антам. В городе и окрестностях найдены византийские монеты V–VIII вв. [1] Через этот район (Нижний Днестр), видимо, распространялось христианство на Север. О конкретной жизни города в VI в. пока нет никакой информации. Может быть, в это время жители Туриса поселились не на античных руинах, а к западу от оборонительных стен [2].

Танаис стоит особняком в северопонтийском регионе, представляя его самую дальнюю северо-восточную периферию. После разгрома в середине III в. город был восстановлен, по мнению Д.Б. Шелова, не ранее последней четверти IV в. В последние годы неоднократно указывалось на возможность возрождения города в середине IV в.

В Танаисе после восстановления города в конце IV в., вероятно, были возобновлены в каких-либо формах органы прежнего управления общинами эллинов и танаитов. В каких отношениях с Боспорским государством находился город в то время, сказать трудно. Скорее всего, непосредственно в состав государства он уже не входил, т. е. здесь теперь не было царского резидента – пресбевта, но какая-то номинальная форма политических связей должна была оставаться. Судя по отсутствию обломков оконного стекла, в Танаисе было мало общественных зданий.

Дискуссия о характере постантичного города в Танаисе (сер. IV – сер. V вв.) имеет ряд проблем, которые в настоящее время не могут быть решены. С точки зрения общей идеи континуитета возрождение города в середине IV в. является безусловно феноменом преемственности. Однако город носил уже несомненно постантичный характер. В частности, городская планировка основывается уже на иных принципах. Однако поздний культурный слой за столетие своего существования успел стать самым мощным за всю историю городища. Тип жилищ – новый: полуземлянки, нет широких улиц. Вместе с тем все стены – каменные. Новое: округлые постройки. Интересно отметить, что центр города, видимо, меньше зависел от власти, чем ранее («частный сектор»). На юге городища застройка и планировка, более регулярная, выдает средоточие потестарных структур.

Варвары, жившие в городе до сер. III в., имели свою систему письменности, ставили надписи, которые должны были понимать и греки. Их преемники с конца IV в. использовали плиты с сарматскими письменами для строительства [3]. Вместе с тем создается впечатление, что варвары, заселившие прежний античный город, активно использовали античные традиции, усвоив их в общении с Боспором, и смогли возродить городскую жизнь, сочетая занятия сельским хозяйством и транзитную торговлю. На рынке Танаиса обращались позднебоспорские (начиная с Фофорса) и римские монеты 2-й пол.

---

[1] *Муссуров А.И., Носова Л.В.* Находки византийских монет V–VI вв. на Нижнем Днестре // Stratum+. 2001–2002. № 6. С. 304–307.

[2] Там же. С. 42–44.

[3] *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001. С. 65.

IV в. [1] Как и в Европе, перед нами – типичный постантичный город, имеющий, однако, ряд специфических региональных черт (транзитный торговый центр; геополитическое положение близ устья Дона – «ворота» на континент; открытость в степь и пр.).

Группа погребений 1975 г., находки на территории города, отдельные погребения в округе позволяют частично включать Танаис гуннского времени в ареал позднебоспорской материальной культуры [2]. В городе постантичного времени еще сохранялись определенные традиции античной культуры не только в материальном быту в виде употребления привозных античных изделий, но и в духовной жизни, в частности в употреблении греческого языка, хотя общая варваризация населения, особенно отчетливо прослеживаемая по характеру построек, совершенно несомненна [3].

На преимущественно варварский характер поселения указывает факт нахождения на городище варварских подражаний, а также небольшого клада римских монет 383–393 гг., привезенного, по-видимому, кем-то из танаитов из средиземноморских провинций [4].

Заметной частью населения города в IV–V вв. были германцы, оставившие двупластинчатые фибулы (элемент женского костюма) и остроребериые миски с зигзагообразным профилем [5].

Окончательная гибель города связана, как уже говорилось, с приходом утигуров и кутригуров и их борьбой за гегемонию в степях Приазовья.

На **Боспоре** можно выделить еще несколько микрозон с постантичными образованиями. На европейской стороне таковыми могут считаться районы Нимфея и Илурата. Города здесь исчезли в III в., но на некрополях имеются компактные небольшие группы погребений (Нимфей) и погребения в отдельных склепах (Илурат) IV в. (на Илурате – также и 1-й пол. V в.). Кроме того, на городище Илурата среди подъемного материала есть отдельные находки керамики IV в. (слой не выделяется).

Вторая микрозона может быть выделена на азиатском Боспоре. Это Горгиппия и ее округа; время образования – 2-я пол. III в. Эта континентальная территория относительно велика и изолирована. Здесь расселились готы-тетракситы, другие варварские группы. В самом городе сохранилось больше античных традиций, на периферии – меньше.

Третья – район Фанагории, Кеп и Гермонассы. Еще со 2-й пол. V в. здесь возникает симбиоз (кондоминиум) в виде позднеантичного города, окруженного номадским лагерем-зимовищем [6]. С середины VI в. на месте Фанагории

---

[1] *Он же.* Случайные находки (1998–2000 гг.) монет из Танаиса // ДА. 2001. № 3–4. С. 95–96.

[2] *Безуглов С.И.* О погребениях V века в Танаисе (по раскопкам В.В. Чалого) // ИАИАНД. 11. Азов, 1993. С. 127.

[3] *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. С. 329.

[4] *Яценко В.В.* Случайные находки (1998–2000 гг.) монет из Танаиса // ДА. 2001. № 3–4. С. 95–96.

[5] *Обломский А.М.* Об одной категории лепных сосудов Танаиса как о показателе миграций населения в гуннскую эпоху // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и раннего средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 271–277.

[6] *Георгиев П.* Фанагурис, Томитуракан и «Великая Болгария» // АДСВ. 36. 2005. С. 48.

и Гермонассы после разгрома возникают достаточно крупные постантичные городки с преобладающим варварским населением (утигуры-протоболгары), усвоившим некоторые элементы позднебоспорской материальной культуры. С VII в. Фанагория станет центром Великой Болгарии – раннегосударственного образования кочевников [1], а Гермонассе предстоит яркая средневековая история (город Тмутаракань).

Качественно новым здесь является формирование значительных селищных центров рядом со старыми, хотя и пришедшими в упадок городами, и их постепенное превращение в постоянные агломерации со сравнительно устойчивой властью вождей.

Таким образом, в Северном Причерноморье возникло три основные микрозоны с городами постантичного типа. Одна – с Тирой и Ольвией – существовала в конце III – середине IV вв. [2] Другая – в устье Дона – в середине IV – середине V вв. Города первой попали под политическую и военную власть варваров, но сохранили свои городские торгово-ремесленные функции, а частично – и прежнее население. «Процент» античных элементов здесь неуклонно сокращался. Как бы одновременно с гибелью западной микрозоны на востоке региона возникла другая – вокруг Танаиса. В ней сохранилось больше элементов античной культуры. Танаис имел огромное «геополитическое» значение, связывая империю с миром племен Евразии. Его политический статус был неопределенным, напоминая, видимо, позднейшие «вольные города».

Полагаем, что третья микрозона выделяется на Боспоре и состоит из трех самостоятельных очагов: европейский Боспор (выражена крайне слабо), район Горгиппии и район Фанагории – Кеп – Гермонассы (наиболее поздняя и четко выраженная).

Зона на юго-восточных окраинах (Горгиппия) образуется ранее, примерно в то же время, что и в Ольвии. На Европейском Боспоре есть неразвившиеся постантичные центры (Нимфей, Илурат), точнее постантичная сельская территория. Вполне сформировались самые поздние – Фанагория и Гермонасса (с VI в.). В самом последнем случае речь может идти о непосредственном захвате варварами позднебоспорских городов, сопровождавшимся их разрушениями и последующим восстановлением на новой основе. Это соответствует хронологическому и историческому рубежу Средневековья в регионе.

Феномен постантичного города, характерный преимущественно для Западной Европы переходной эпохи, должен быть теоретически осмыслен и изучен самым внимательным образом и в регионе Северного Причерноморья.

Общие выводы. Итак, проблемы политического и социального континуитета позднеантичных центров Северного Причерноморья весьма дискус-

---

[1] Этот традиционный взгляд встретил критику А.В. Сазанова в его докторской диссертации 1999 г. по археологии.

[2] Ср.: «Тиру во 2-й пол. III–IV вв. нельзя рассматривать в качестве типичного античного центра в орбите политики Римской империи. Аналогичные явления прослежены и в Ольвии»: *Сон Н.А*. Тира римского времени. Киев: Наукова думка, 1993. С. 58.

сионны и остры. Континуитет боспорской государственности как системы очевиден. Местная аристократия обеспечила преемственность своей власти. Однако лидеры могли меняться. По мнению М.М. Казанского, среди правителей Боспора в V – нач. VI вв. могли быть и варвары [1] (в нач. V в. – неизвестный по имени готский король, в начале VI в. – филарх утигуров Грод; В.П. Яйленко считает эллинизированным гунном и царя Дуптуна [2]). Таким образом, «темное столетие» (V в.) на Боспоре, как и в Западной Европе, предстает варваризованным. Однако веских доказательств такой оценки нет. Наоборот, факт династической преемственности употребления имени Тиберий-Юлий еще на рубеже V–VI вв. – отнюдь не формален, как и употребление до 497 г. боспорской эры. В материальной культуре IV–VI вв. в целом катастрофического упадка не наблюдается. Поэтому политическая система, несмотря на некоторую деградацию, также должна была сохраниться. Со 2-й пол. V в. она начинает подпитываться византийскими источниками. Факт усиления Боспорского государства в это время налицо. Но роль Византии в этом процессе еще предстоит выяснить. Распространение Ю.Г. Виноградовым идеи этатизма на Боспор данного времени мы принять не можем. В 1-й пол. VI в. боспорское государство окончательно поглощается Византией.

Херсонес, безусловно, сохранил свою политическую систему. В ее основе лежало традиционное самоуправление, правда, ведущие роли в нем играла местная аристократия. На этой базе надстраивается византийская власть, вначале относительно легкая (с конца V в.), затем все более реальная. Существующие разногласия сводятся в основном к степени реальной власти империи над городом. В любом случае следы античных по происхождению остатков самоуправления доживают, уже с другим содержанием, номинально до VIII–IX вв.

Политический и социальный опыт античных центров Северного Причерноморья в первую очередь заключается в глубокой традиционности уклада жизни, социальных структур, а следовательно, и политических форм. Несмотря на известную варваризацию, особенно на Боспоре, общая оценка позднеантичной государственности северопонтийских центров может быть оценена как континуитетная. Критерий – сохранение традиционной административной системы, преемственной по отношению к самоуправлению (Херсонес) или основ прежней власти (Боспор). Важную социально-политическую роль продолжали играть города [3]. Единственные проявления дисконтинуитета – постантичные города и заброшенные микрозоны. Варвар-

[1] *Казанский М.М.* Готы на Боспоре Киммерийском // 100 лет черняховской культуре. Киев: ИА НАНУ, 1999. С. 286.

[2] *Яйленко В.П.* Гунно-булгары II–V вв. н. э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимики // ДБ. 5. М., 2002. С. 306–324.

[3] Основные социальные процессы в городах ранней Византии: сокращение городского ремесленного населения; немногочисленность и недифференцированность слоя городской знати; более скромное имущественное положение в городах; рост прослойки клириков (*Лебедева Г.Е.* К вопросу о динамике социальной структуры ранневизантийского города // НЧ, посв. 100-летию со дня рождения проф. М.Я. Сюзюмова. Екатеринбург, 1993. С. 53–55).

ское влияние или «протекторат» над Боспором со стороны отдельных варварских племен не имели решающего характера.

Таким образом, наиболее спорная сторона континуитета – в государственно-политической и социальной сфере – на сегодняшний день в большей или меньшей степени может быть признана. Варварское влияние до самого конца античности не смогло преодолеть традиционного уклада жизни и государственности. С другой стороны, постепенно варварский элемент станет органичной частью Византии и византинизма – универсальной империи и универсальной культуры.

Вместе с тем мы не можем отрицать наличия серьезного кризиса государственности на Боспоре позднеантичного времени. Он был преодолен с византийским завоеванием VI в.

ГЛАВА V. КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТИНУИТЕТ И ХРИСТИАНИЗАЦИЯ

§ 1. Финальная фаза языческих культов и монотеизм на Боспоре. Начало христианизации Северного Понта

Процесс эволюции религиозной жизни и постепенного перехода к христианству в регионе неоднократно становился предметом внимания специалистов. Однако и сегодня исчерпывающей картины данного процесса пока нет. Нам хотелось бы еще раз обратиться в этой проблематике в контексте идеи культурно-идеологического континуитета.

Одной из существенных черт религиозной жизни Боспора было долгое сохранение античной религии в качестве официальной. Древние религии не имели твердых догматов. Никакая власть в античности не принуждала никого иметь определенные верования. Точной границы между тем, во что было обязательно веровать, и тем, что можно было отбросить, не существовало [1]. Тем не менее существовали культы официальные, государственные и частные. В Риме времен империи можно было выделить три группы культов: sacra pro populo – официальный культ, исполнение которого государство возлагало на особое должностное лицо или коллегию; sacra publia – официальный культ, в религиозных церемониях которого принимали участие все граждане; sacra peregrina – культы, заимствованные от других народов. Первые и вторые есть sacra publia, т. е. культы, признанные государством [2].

Под государственным культом в противоположность частному понимаются все религиозные акты, совершаемые от имени и по установлению государства жрецами или другими назначенными для этой цели лицами [3]. Частные культы исповедывались религиозными обществами, собиравшимися для этой цели [4].

В III–IV вв. главным культом Боспора был культ верховного женского божества, выступающего чаще всего под именем Афродиты Урании. В нем слились черты Деметры, Кибелы, Астарты. Эта богиня давала власть в государстве и олицетворяла производящие силы природы. В ее культе практически не прослеживается варварского влияния [5]. Еще в III в. на вершине пантикапейского акрополя стоял храм верховного женского божества, иногда именуемый храмом Кибелы [6].

Официальный царский культ занимал важное место в конфессиональной политике Боспорского государства. Хорошо известна официальная ми-

---

[1] *Буассье Г.* Римская религия от времен Августа до Антонинов. М., 1914. С. 706.

[2] *Кулаковский Ю.А.* Коллегии в Древнем Риме. К., 1882. С. 1–3.

[3] *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Ч. 2. Богослужебные и сценические древности. СПб., 1899. С. 13.

[4] Там же. С. 210.

[5] Там же. С. 24.

[6] *Блаватский В.Д.* Пантикапей: очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 196.

фологическая генеалогия династии Тибериев-Юлиев. Надо полагать, что еще в IV в. царский культ поддерживался.

Типично официальным был культ римских императоров. Если в первые века н. э. мы находим множество памятников этого культа, особенно на Тамани, где находился крупнейший храм Августов – фанагорийский Кесарейон [1], то с конца III в. упоминания об этом культе в источниках резко сокращаются [2].

Также продолжало существовать традиционное греческое язычество: например, материалы раскопок зольника на поселении Сиреневая бухта в Крымском Приазовье свидетельствуют о сохранении до VI в. религиозного почитания Асклепия, Аполлона-врача, Персефоны, которым продолжали делаться вотивные дары и приношения [3]. Сохранялись скифские и сармато-аланские языческие верования. В частности, на поселениях Салачик и Зеленый мыс были обнаружены захоронения животных, которые связываются с позднескифскими культами плодородия [4].

В целом сельское население Европейского Боспора и в VI в. придерживалось преимущественно языческих погребальных обрядов и традиций. Такие погребения остаются преобладающими на некрополях. Продолжали существовать языческие святилища и культовые места.

Язычество сохранялось и в городах. Новейшие раскопки Тиритаки свидетельствуют, что языческое святилище города продолжало существовать вплоть до 1-й пол. V в., а активная христианизация греческого населения стала происходить только к концу V века [5].

До V в. действовало круглое святилище женских божеств плодородия на 2-м раскопе Китея, восточнее зольного холма.

Традиционные культы, как греческие, так и восточные, постепенно приходят в упадок на фоне зарождения и усиления монотеизма. На первый план выходит культ Бога Высочайшего, который становится самым массовым боспорским культом. Оживились также верования местного варварского населения [6].

Монотеистический культ Бога Высочайшего появился на Боспоре в I в. н. э. Для большей части населения к IV в. он становится самым массовым боспорским культом [7]. Данное божество почиталось здесь как синкретиче-

---

[1] *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1979. С. 132.

[2] *Блаватский В.Д.* О культе римских императоров на Боспоре // *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 191–194.

[3] *Ковальчук А.В.* Религиозная жизнь на поселении «Сиреневая бухта» // КСИА. № 241. М., 2015. С. 109–125.

[4] *Емец И.А., Масленников А.А.* Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // Российская археология. 1992. № 4. С. 32–42.

[5] *Зинько В.Н., Зинько Е.А., Зинько А.В.* Тиритака: от греко-варварских культов к христианству // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь – Керчь, 2018. С. 155–161.

[6] *Диатроптов П.Д.* Распространение христианства в Северном Причерноморье. Автореф. дисс. … к. и. н. М., 1988. С. 5.

[7] *Юргевич В.Н.* Новые две пантикапейские надписи // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Т. 10. Одесса. 1877. С. 12–15; *Марти Ю.Ю.* Описание Мелек-Чесменского

ское, соединившее в себе черты нескольких божеств (греческого Зевса, иудейского божества, фракийского Зевса-Сабазия или иранского бога-всадника) [1].

Н.И. Новосадский установил связь организационной структуры фиасов – союзов почитателей этого божества – и христианских общин [2].

Роль фиасов и синодов в политической системе Боспорского государства была специально рассмотрена В.А. Астаховым [3]. Расцвет фиасов пришелся на III в., когда корпоративная жизнь на Боспоре достигла апогея. Было предложено считать синодами сугубо культовые объединения, а фиасами – профессиональные корпорации под покровительством божеств [4].

Почему же культ Бога Высочайшего так и не стал полностью официальным? Вероятно, потому, что в своем настоящем виде он более отвечал интересам как двора и господствующего класса, так и низовых корпораций. Частный характер создания, собственный устав давали возможность знати иметь собственные организации, игравшие немалую роль в жизни государства. Горожане же при желании могли видеть здесь quasi-полисный институт или считать его таковым. Вместе с тем покровительство фиасам со стороны двора вплоть до их официального признания выражает стремление двора заручиться поддержкой фиаситов, которые были мощной военной силой. В любом случае через синоды и фиасы правящая династия решала определенные конкретные задачи во внутренней политике.

Считается, что этот культ в любом случае стал важным этапом в развитии античной религии, в усвоении ею монотеизма. Местного варварского влияния на этот культ не прослеживается.

Большинство специалистов отмечают несомненное влияние иудаизма на формирование культа Бога Высочайшего [5]. Не последней причиной распространения иудаизма на Боспоре являлась манумиссорская деятельность последователей данной религии [6]. Боспорские евреи, в отличие от евреев Чуфут-Кале, перешли на греческий язык [7]. В Фанагории, где иудеев было особенно много, в III–IV вв. к их числу, помимо собственно евреев, относились

кургана и его памятников… С. 16–17; *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России… С. 432; *Книпович Т.Н.* Танаис. М.-Л., 1949. С. 109; *Блаватский В.Д.* Пантикапей… С. 213–214; *Новосадская Н.И.* Боспорские фиасы // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Вып III. М. 1928. С. 55–70; *Тачева-Хитова М.О.* О культе (ΘΕΟΣ ΥΨΙΣΤΟΣ на Боспоре // Вестник древней истории. 1978. № 1. С. 133–142.

[1] *Ручинская О.А.* Распространение христианства на Боспоре в первые века н. э. // Византийская мозаика. Т.4. Харьков, 2016. С. 232–246.

[2] *Емец І.А.* Історіографічний аспект у вивченні культу Бога Найвищого на Боспорі // Археологія. 2000. № 1. С. 51.

[3] *Астахов В.А.* Боспорское царство в I в. до н. э. – IV в. н. э.: политическая организация. – Автореф. дисс. … к. и. н. М., 1991. Гл. 2.

[4] *Сапрыкин С.Ю.* Из эпиграфики Горгиппии // ВДИ. 1986. № 1. С. 67–68.

[5] *Левинская И.А.* Эпиграфические памятники культа Theos Hypsistos как источник по этнокультурной истории Боспора в I–IV вв. Автореф. дисс. … к. и. н. Л., 1988. С. 19–20; *Левинская И.А.* Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000. С. 199–214.

[6] *Даньшин Д.И.* Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. С. 64.

[7] *Хвольсон Д.А.* Корпус еврейских надписей. СПб., 1884. С. 375.

и прозелиты из местных варварских племен [1]. В Пантикапее иудейская община появляется в III в. [2]

В III–IV вв. появляется большое количество надгробий с иудейской символикой, на надгробиях появляются надписи на древнееврейском языке, существенно меняется еврейская ономастическая традиция [3]. Д.И. Даньшин связывает эти явления с приливом на Боспор новой волны иудеев, которые были менее связаны с эллинской культурой, нежели боспорские иудеи, хотя и были в некоторой степени эллинизированы [4]. Относительная замкнутость и необыкновенная живучесть иудаизма позволяют поставить проблему роли Боспора в распространении иудаизма среди хазар [5] при сохранении демографического и культурного континуитета в регионе в эпоху переселения народов.

К последним годам правления Фофорса относятся также первые точно датированные сведения о наличии на Боспоре христиан (надгробие с эпитафией Евтропия 304 г.) [6]. К 305 г. относится христианский амулет, найденный в 1897 г. в детской гробнице на некрополе Сююр-Таш в Крымском Приазовье; на клочке материи была нанесена надпись-заклинание, вероятно, по образцу Нового Завета (Деяния 16, 18) с датой [7].

Ранняя история христианства на Боспоре и обзор древнейших памятников этой религии даны в диссертации П.Д. Диатроптова [8]. Поэтому наше внимание в дальнейшем будет сосредоточено на роли христианства в общественной жизни позднеантичного Боспора.

Боспор испытал три волны христианизации:

1) III – начало IV вв.: миссионерская деятельность малоазийских пленников готов; начало христианизации боспорских городов; создание епархии в Пантикапее;

2) VI в.: целенаправленная политика византийской церкви в условиях аннексии Боспора империей [9];

3) конец VI–VII вв.: массовая христианизация, связанная с частичной сменой сельского населения, маркируемая окончательным оформлением безынвентарного погребального обряда и кладбищ с простыми грунтовыми могилами.

Христианизация Боспора происходила мирным путем [10]. Главным показателем глубины христианизации является степень распространения бытовых предметов с христианской символикой. Несмотря на то, что уже в 1-й

---

[1] *Даньшин Д.И.* Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. С. 66.

[2] *Тачева-Хитова М.* О культе Θεος ύψιστος на Боспоре // ВДИ. 1978. № 1. С. 136.

[3] *Левинская И.А., Тохтасьев С.Р.* Древнееврейские имена на Боспоре // Acta associationis internationalis «Terra antiqua Balcanica». VI. Serdicae, 1991.

[4] *Даньшин Д.И.* Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. С. 69.

[5] *Левинская И.А.* Эпиграфические памятники культа Theos Hypsistos как источник по этнокультурной истории Боспора в I–IV вв. Автореф. дисс. … к. и. н. Л., 1988. С. 20.

[6] *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1908 г. // ИАК. 33. 1909. С. 31.

[7] *Шкорпил В.В.* Три христианские надписи, найденные в 1913 г. СПб., 1914. С. 10–11.

[8] *Диатроптов П.Д.* Распространение христианства в Северном Причерноморье. Дисс. … к. и. н. М., 1987. Гл. 2.

[9] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 137–139.

[10] Там же. С. 23–24.

четв. IV в. на Боспоре существовала епископальная организация, в списке иерархов, подписавших определения Никейского собора, Кадм Боспорский [1] упомянут на последнем месте, что, думается, не случайно. Это – показатель слабости и окраинного положения далекой епархии. Кроме того, нет доказательств реального участия епископа в соборе, так как рукописи более поздние.

Как кажется, христианизация Боспора происходила несколько медленнее, нежели это представляется П.Д. Диатроптову. Его вывод о тесной связи христианизации с упадком полисных элементов [2] не представляется нам столь важным для Боспора. Помимо уже освещенного в литературе материала можно указать на малое количество точно установленных христианских надписей, на медленное внедрение христианского погребального обряда в некрополях г. Боспора [3] в течение IV–V вв., наконец, на то, что еще в V веке, при наличии уже долго существующей епископальной организации, имеют место автономные христианские общины, организованные по образцу прежних фиасов. Собственно, ничего удивительного в этом нет, так как переход от демократической общины к епископальной церкви, как и строительство базилик для регулярного культа, достигает особенного размаха в имперских провинциях именно в V в. и далеко не завершается к тому времени. Но, несмотря на то, что на Никейском соборе о епархиально-митропольной системе говорится как о чем-то давно существующем (6-й канон) [4], в реальной жизни до завершения христианизации было еще далеко.

В дальнейшем христианская церковь продолжает укрепляться. В 344 г. епископ Боспора Кекропий участвовал в работе собора в Никомедии, но он погиб во время землетрясения (Soz. IV. 16), а в 358 г. другой епископ участвовал в следующем соборе.

В V веке в отличие от политических связей связи церковные между Боспором и метрополией продолжались. В 404 г. святитель Иоанн Златоуст пишет письмо к Олимпиаде, в нем опальный патриарх высказывает беспокойство о судьбе готской епархии (в Крыму ли?) после смерти епископа Унилы (400–404) [5]. По предположению А.А. Васильева, резиденция епископа готов располагалась именно в Пантикапее-Боспоре [6].

Христианская община к середине V в. была здесь уже ощутимой и имела определенную иерархию. Подтверждением тому служит надгробная плита диакона Евсевия из г. Боспора (IOSPE V.295), относящаяся к 436/7 г. [7]

---

[1] *Бенешевич В.Н.* Синайский список отцов Никейского первого вселенского собора… С. 295; *Лебедев А.П.* Список епископов I Вселенского собора в 318 имен. Пг., 1916. С. 112.

[2] Там же. С. 23.

[3] *Цветаева Г.А.* Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. № 19. М., 1951. С. 69.

[4] *Федосик В.А.* Церковь и государство. Христианство в Римской империи в III–IV вв. Минск, 1988. С. 26, 28.

[5] Иоанн Златоуст. Творения. Т. 3, ч. 2. М., 2009. С. 637–645.

[6] *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 2… С. 304.

[7] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. № 86.

В 448 г. боспорский епископ Евдоксий принимал участие в Эфесском соборе, а затем – в Константинопольском. Подпись этого епископа стоит и под определением Константинопольского собора 459 г. против усилившейся симонии. Третий известный по имени епископ Боспора Иоанн подписался под постановлением Константинопольского собора 519 г. о восстановлении в поминальных диптихах имен ранее осужденных патриархов Евсевия и Македония, а в 536 г. пристуствовал на другом Константинопольском соборе под руководством патриарха Мины [1].

На Боспоре церковь выступала главным хранителем греческого языка, письменности, образованности [2]. Вероятно, при храмах хранились столь редкие в то время книги, существовали элементарные школы. Возможно, под эгидой церкви велись строительные и другие общественные работы, организовывалась оборона от врагов, распределялось продовольствие во время голода и т. п.

Уже в IV в. в Таврике существовали Херсонская, Боспорская и Готская епархии, позднее появились также Фульская и Сурожская [3]. Халкидонский собор 451 г. 28-м правилом подчинил константинопольскому патриарху все епархии, находившиеся «в пределах варваров». Но фактически некоторая независимость церковных округов здесь сохранялась, а Скифская епархия на Нижнем Дунае сохранила полную автокефальность.

Евагрий пишет, что какие-то варвары, обитавшие на Танаисе, просили себе епископа у Юстиниана и получили его (Evagr. IV, 23) [4].

Боспорская епархия первоначально объединяла в церковном отношении весь Боспор. От 519 г. мы имеем первые (и последние) точные сведения о существовании епископской кафедры в Фанагории (подпись под определениями Константинопольского собора епископа Иоанна) [5]. На азиатской стороне Боспора в VI в. мы застаем 4 епархии с центрами в Фанагории, Метрахе (Таматархе), Зихополисе и Никопсисе. Зихский епископ Дамиан оставил подпись под определениями 526 г. [6]

Епархия была совокупностью верующих под руководством данного епископа, территория духовной общины. В организационном плане Боспорская епархия входила в Понтийский округ Кесаре-Каппадокийской патриар-

---

[1] *Митр. Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви. В 12 тт. Т. 1. Ч. 1. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. М., 1994–1996. С. 160.

[2] О требованиях к образованности кандидата в епископы см.: *Лебедев А.П.* Духовенство древней Вселенской церкви (от времен апостольских до IX в.). М., 1905. С. 281.

[3] *Макарий (Булгаков), архиеп. Харьковский.* История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. СПб., 1868. С. 51–74.

[4] *Макарий, архиеп.* История христианства в России до Владимира. СПб., 1868. С. 87.

[5] *Васильевский В.Г.* Труды в 4-х тт. Т. 2. СПб., 1909–1912. С. 384, прим. 2; *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 92.

[6] *Макарий (Булгаков), архиеп. Харьковский.* История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. СПб., 1868. С. 80. Зихи жили к юго-востоку от Горгиппии, на Черноморском побережье Кавказа.

шей кафедры [1]. В середине V в. 12 митрополитов Понтийского диоцеза было подчинено константинопольскому патриарху [2].

Рассматривая имеющийся материал, мы видим, что до VI века нельзя говорить о строгой централизации в Боспорской епархии [3], где продолжали существовать автономные «христианские фиасы» (КБН 1099 в интерпретации В.П. Яйленко), нельзя говорить и о полной христианизации хоры европейского Боспора.

Лишь вхождение Боспора в состав Византии создало предпосылки для завершения христианизации Восточного Крыма. Начинается широкое строительство храмов. Кроме известного храма в Тиритаке мы можем предполагать, что в припортовой части Пантикапея уже в V в. был сооружен первый храм, быть может, на месте позднейшего храма Иоанна Предтечи (VIII в.) [4].

Тип храма, господствовавший в Таврике – базилика. Этот храм обладает большой вместительностью, да и построить его было легче прочих [5].

О жизни и быте рядового городского населения в эпоху христианизации (видимо, конец V – начало VI вв.) ярче всего свидетельствуют материалы раскопок 1983–1985 гг. в Тиритаке (дом на участке XXV, жилой квартал на участке XXIV). Здесь обилие бытового материала прямо связано с христианским культом.

Большой интерес представляет также крупный позднеантичный комплекс в Китее (раскоп IV), исследуемый с 1986 г., с предметами христианского культа (лампадки и др.).

В доме начальника гарнизона Ильичевки в юго-восточном углу на стене сохранились остатки сгоревшего деревянного креста [6]. Там же открыты остатки гарнизонного святилища.

Итак, с принятием христианства Боспор достаточно прочно попадает в пределы Pax Byzantina. Основы общественной жизни, заложенные здесь церковью в позднеантичное время, оказались прочными и сохранялись в самых неблагоприятных условиях еще многие столетия. Очень интересный источник 1-й пол. XIII в. – «Аланское послание» епископа Феодора – свидетельствует о том, что даже после семи веков перемещений кочевников в г. Боспоре сохранялась значительная община христиан во главе с греческим еписко-

---

[1] *Лебедев А.П.* Духовенство древней Вселенской церкви (от времен апостольских до IX в.). М., 1905. С. 210.

[2] *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. Т. 3. М., 1913. С. 336.

[3] *Могаричев Ю.М., Шапошников А.К.* К вопросу о статусе боспорской церковно-административной единицы в VI в. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 12–13. Ставрополь, 2020. С. 162–168; *Могаричев Ю.М., Шапошников А.К.* Епархия или митрополия: к истории христианства на Боспоре в VI веке // Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Т. 2. СПб., 2020. С. 47–51.

[4] *Макарова Т.И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4. С. 91–100.

[5] *Якобсон А.Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983. С. 7.

[6] *Николаева Э.Я., Десятчиков Ю.М.* О распространении христианства на Боспоре // Таманская старина. I. СПб., 1998. С. 82.

пом, которому принадлежит немалая власть наряду с наместником одного из кочевых вождей [1].

Территория Херсонесской епархии простиралась на север до р. Бельбек, на восток – до Алушты. Епископы Херсона: Василей (310–313), Ефрем (313–315, убит скифами на берегах Дуная), Евгений (ум. 311), Эльпидий, Агатодор, Эферий (315–324), Капитон (324), Эферий II (381), Лонгин (448, 451, 459), Стефан (553) [2].

По херсонесскому некрополю хорошо прослеживается переходный период от язычества к христианству. Христианами использовались те типы языческих надгробий, которые не противоречили христианским представлениям.

В семейных склепах Херсонеса каменные и металлические нательные кресты появляются в склепах IV в. (катакомба № 1452 и др.) [3].

Наиболее ранние точно установленные христианские погребения Херсонеса датируются 2-й пол. IV – нач. V в. и являются склепами, вырубленными в скале. Значительная часть погребений сконцентрирована на участке у Загородного храма.

К VI в. в Северном Причерноморье относится большая часть привозных художественных изделий христианского культа. Тогда же налаживается производство местных эвлогий (св. Фоки, св. Леонтия), литургических штампов [4].

Археологические материалы показывают, что до последней четверти IV в. христианская община в Херсонесе еще оставалась небольшой.

Из 305 раннехристианских могил Херсонеса лишь 11 имели ярко выраженных христианские признаки (родовые склепы № 1409, 1452, 1465, 1598, 1589, 2113, 2147, 2173, 2138, 2190, 2122). В ряде погребений есть как языческие, так и христианские вещи. Интересен пример использования мраморного алтаря с изображением палицы Геракла в христианском храме VI в. в качестве подсвечника [5].

На остальных участках херсонесского некрополя лишь 13 погребений можно считать раннехристианскими (№ 11, склепы № 620, 669, 797, 1095, 2283, 2293, 2360, склеп 1901 г., склеп 108/18, склеп 2/1937, склеп 2 / ул. Древняя, склеп ул. Н. Островского/1968). Предметы с христианской символикой появляются в данных погребениях не ранее 2-й пол. IV в. В.Ф. Мещеряков отмечает немногочисленность и разрозненность этих склепов по разным участкам некрополя [6].

---

[1] *Кулаковский Ю.А.* Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. XXI. Одесса, 1898. С. 1–17.

[2] *Гермоген, еп.* Таврическая епархия. Псков, 1887. С.138.

[3] *Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р. Х. М., 1908. С. 13.

[4] *Залесская В.Н.* Утверждение христианства в Херсонесе и на Боспоре по данным вещественных памятников // Церковная археология. 1. СПб.-Псков, 1995. С. 51–52.

[5] *Мещеряков В.Ф.* Проникнення християнства у Херсонес Таврійський // ВХДУ. 118 (История, 9). Харьков, 1975. С. 101–102.

[6] Там же. С. 105.

В IV в. нет насильственной христианизации, но и сколько-нибудь широкого добровольного усвоения – тоже. Положение меняется с конца V в.

О разрушении языческих храмов речь не идет до конца V – начала VI в. Лишь в VI в. на монетах Херсонеса появляется изображение креста. Такой консерватизм херсонеситов можно объяснить лишь живучестью античных традиций, отсутствием мистериальных культов [1].

Два внутрискальных сооружения Херсонеса могут быть интерпретированы как пещерные церкви. Это подземный храм на главной улице и склеп на земле Н.И. Тура.

Подземный храм расположен в III квартале северо-восточной части городища. Он был раскопан в 1883–1884 гг. Большинство специалистов отнесло его к V в. Ю.М. Могаричев (следуя А.И. Романчук и А.Л. Якобсону) отнес комплекс к XI–XII вв. [2] Пол его был мозаичным. Над храмом обнаружены остатки часовни. Храм не перестраивался и существовал до самой гибели города. Сооружение возникло на месте цистерны.

Склеп на земле Тура был превращен в церковь, по мнению Ю.М. Могаричева, в X в. [3]

Трехнефные базилики – наиболее яркие и характерные памятники христианской архитектуры Херсонеса – стали со временем центрами целых храмовых комплексов. Все базилики, по мнению И.А. Завадской, сооружены в рамках одного хронологического периода – 2-я пол. VI – начало VII вв. [4]

Истоки херсонесского типа базилики лежат в восточных провинциях империи. В V–VI вв. здесь наблюдается тенденция к укорочению пропорций здания. Это характерно для всех базилик Херсонеса. Но размеры храма определялись его местом и значением [5].

Оформление предалтарного пространства херсонесских базилик полностью соответствовало образцам константинопольской и греческой архитектурных школ.

Апсида херсонесских базилик – не сирийская. Выступающий тип преобладал почти везде, кроме Сирии. Триконх заимствован, скорее всего, также из Сирии.

Все херсонесские базилики снабжены нартексом, характерным для Балканской Греции.

Оформление портала в виде колонного портика подчинено античной традиции и известно по многим памятникам различных регионов Византии.

Кладка стен – смешанная, что характерно для балканской традиции.

---

[1] *Диатроптов П.Д.* Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV–VI вв. н. э. // Античная гражданская община. М., 1986. С. 128.

[2] *Могаричев Ю.М.* К вопросу о «пещерном храме» на Главной улице Херсонеса // ПИФК. 8. 1999. С. 236.

[3] *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Херсонеса // VI Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. М., 1999. С. 77–78.

[4] *Завадская И.А.* О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. 2001. С. 261.

[5] Там же. С. 263.

В херсонесских храмах кирпич использовался не только в кладке стен. Кирпичными были также арки межнефных колоннад и окон, о чем свидетельствуют их фрагменты. Свидетельством аркад в базиликах является большое число мраморных импостов, служивших опорой для пят арок и не применявшихся в базиликах с архитравами.

Главным ориентиром для херсонесских зодчих была столичная школа. Это проявилось как в эллинистическом типе, определившем весь облик херсонесских базилик, так и в декоративном убранстве их интерьеров, в строительной технике, в литургическом устройстве [1].

Процесс христианизации иллюстрируется также памятниками эпиграфики. Б.Н. Граков в 1939 г. опубликовал подборку надписей о Северном Причерноморье. Надпись № 69 (CIG. IV. 1, № 9261) из Синопы гласит: «Здесь лежит тело Анастасия, [бывшего] и херсонесским епископом. Можно предположить, что Анастасий после Херсонеса был епископом и в Синопе [2].

Ряд христианских надгробий был опубликован В.В. Латышевым и В.В. Шкорпилом [3]. В 1899 г. В.В. Латышев ввел в оборот 6 надписей: 1) обломок плиты с изображением Спасителя с безбородым лицом (Херсонес, склеп № 734 1896 г.); 2) форма для отливки амулетов с надписью «Господи, помоги носящему. Аминь»; 3) надпись на штампе св. Фоки; 4) надпись на евлогии св. Георгия; 5) надгробие; 6) надгробие с надписью «Памятник св. мученицы Анастасии». Все памятники могут быть отнесены к V–VI вв. [4]

В декабре 1896 г. у дер. Копч-Такыл (Феодосийский уезд, Сарайминская волость), на месте древней Акры найден пастухами валявшийся в степи бронзовый футляр в виде продолговатой трубочки длиной 0,135 м. На обоих концах трубочки были прикреплены два ушка для шнурка, чтобы носить амулет на шее. В цилиндрике находились две продолговатые четырехугольные пластинки. Одна – серебряная, другая – золотая. Обе покрыты греческими буквами и неопределенными знаками. Надпись, по мнению В.В. Шкорпила, в высшей степени интересна именем Фаиспарта. На золотой пластинке читается только первая строка, доказывающая, что амулет принадлежал тому же лицу, что и серебряный. Кажется, что надпись, выбитая на золотой пластинке греческими буквами, – негреческая [5]. Третий амулет был найден в мае 1897 г. А.А. Дириным в детской гробнице на Сююр-Таше. На лоскутке материи, помещенном в бронзовый цилиндрик с двумя ушками, темной краской была написана греческая надпись в 10 строк – заклинание. В 7 и 8 ст., вероятно, было написано женское имя, которое, к сожалению, нельзя прочитать.

---

[1] Там же. С. 274.

[2] *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 290.

[3] *Латышев В.В.* Заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД. 23. 1901. С. 74–78; *он же*: ИАК. 23. С. 26–51; *он же*: Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. VI. С. 337–369; *он же:* Заметки к христианским надписям Крыма // ЗООИД. 21. 1898. С. 225–254; *Шкорпил В.В.* ЗООИД. 21. С. 207–209, 33 17–19; *он же*: ЗООИД. 22, протоколы. С. 59–60, № 1–3.

[4] *Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. VI. С. 337–369.

[5] *Шкорпил В.В.* Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи // ЗООИД. 21. 1898, протоколы. С. 9.

Дата, без сомнения, означает 305 год [1]. В.В. Латышев дал свой вариант прочтения этой надписи: «Заклинаю вас Богом живым, всякий дух и призрак и всякий зверь, отступит от души этой женщины». Год здесь по контексту совершенно неуместен [2].

Интересную информацию дает боспорская эпиграфика. Позднеантичные и ранневизантийские надписи Боспора начиная с III в. в настоящее время собраны и опубликованы на интернет-портале IOSPE, включенные в 5-й том «Византийские надписи» [3]. Нами проанализированы все надписи от III по VIII вв. в данном издании, относящиеся к территории Европейского Боспора, а также близлежащих к нему городов Восточного Крыма и Таманского полуострова. Всего к вышеуказанному периоду относятся 64 надписи (IOSPE V. 249, 254–255 (Сугдея); 265–308, 310–312, 314, 316, 321 (Пантикапей-Боспор); 323 (Китей); 326–328 (Фанагория); 329–333 (Гермонасса); 339, 342 (Таманский полуостров)).

Из данных надписей 58 относятся к периоду IV–VI вв. (IOSPE V. 265–306, 308, 310–312, 314, 323, 326–333, 339, 342), причем большая часть датируется IV–V вв.

Из этих надписей 53 (91 %) можно точно атрибутировать как христианские (IOSPE V. 265–296, 298–306, 308, 310–312, 314, 323, 327, 329–331, 339): в них присутствуют слова христианских молитв, формул (например, «раб Божий»), изображения крестов, зачастую они высечены на христианских гробницах с крестами, расположены возле христианских объектов (храмы, кладбища).

Все христианские надписи сделаны на греческом, греческими являются и большинство имен.

Также есть латинские имена, в частности встречаются два имени Феликса (IOSPE V. 294, 302), причем вторая надпись упоминает отца Феликса – Аристовула (V. 302). Эта надпись относится к IV в. Греческое имя отца Феликса может указывать на местное происхождение семейства, а латинское имя самого погребенного – на связи с империей.

Встречаются также и варварские имена, в частности христианами были Тудруг (V. 293) и Тигинаг (V. 300), жившие в IV–V вв. и погребенные в Пантикапее. Но, по сравнению с греческим контингентом, христианизированных варваров было очень мало.

К 470–480-м гг. относится посвятительная эпиграмма, найденная в Гермонассе (IOSPE V. 331). В ней содержится информация о существовании христианской общины-фиаса в городе, а в списке перечисляемых имен – судя по всему, имя небезызвестного комита Савага. Аналогичные общины, скорее всего, также существовали в Пантикапее и других городах Европейского Боспора.

---

[1] Там же. С. 11.

[2] *Латышев В.В.* Эпиграфическая заметка // ЗООИД. 22. 1900, смесь. С. 1.

[3] Древние надписи Северного Причерноморья. Том V: Византийские надписи / А.Ю. Виноградов. [эл. рес.] Режим доступа URL: http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html (дата обращения 12.09.2018).

Важнейшим памятником конца V в. является керченская христианская катакомба 491 г., описанная Ю.А. Кулаковским. К 497 г. относится точно датированная надпись с поверхности христианского мраморного памятника, от которого сохранился только нижний правый угол [1].

Данные эпиграфики позволяют утверждать, что население Пантикапея-Боспора было значительно христианизировано уже в течение IV–V вв. В то же время более чем двухсотлетние археологические исследования на Боспоре показывают, что в то время существовали только единичные захоронения с христианскими артефактами, и все эти захоронения находились на общих некрополях как в Пантикапее-Боспоре, так и на некрополях «малых городов» [2]. До сих пор не найдено отдельного христианского некрополя в пределах IV – конца VI в.

Таким образом, к началу VI в. на Боспоре сложилась весьма сложная этноконфессиональная ситуация. Сосуществовали различные культы – как античные языческие, так и монотеистические. Христианство было лишь одной из религий и в изучаемое время еще не было господствующей. Греческое население сосредотачивалось в основном в приморских городах и поселениях. Оно было в основной массе христианизированным в течение IV–V вв., хотя на периферии продолжали сохраняться античные языческие культы, в том числе монотеистические.

Материалы раскопок показывают, что массовой (полной) христианизации на Боспоре не происходило вплоть до конца VI в., и на данной территории продолжало существовать язычество. Важнейшим доказательством незавершенности христианизации может служить отсутствие полностью христианских кладбищ с безынвентарными захоронениями и специально построенных храмов.

§ 2. Завершение христианизации Боспора и Херсонеса

О христианстве на Боспоре в целом написано достаточно много [3]. Твердо установленным фактом является начало распространения христиан-

---

[1] *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1904 г. // Известия Императорской Археологической Комиссии. 14. 1905. С. 90. Надпись 107; надписи 100–106 также христианские, скорее всего V в.

[2] *Арсеньева Т.Н.* Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное // Советская археология. № 1. 1963. С. 192–203; С. 195. Рис. 3; *Диатроптов П.Д., Емец И.А.* Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. Вып. 2. М. 1995. С. 7–40; *Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба 491 г.; *Цветаева Г.А.* Грунтовый некрополь Пантикапея…; *Хршановский В.А.* Раскопки некрополя Китея // Археологические исследования в Крыму. 1993. Симферополь, 1994. С. 262–266.

[3] См.: *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999; *Васильев А.А.* Готы в Крыму / Известия Российской академии истории и материальной культуры. Ч. 1. Т. 1. М., 1921; *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // Вестник древней истории. № 1. 1998. С. 233–247; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949; *Диатроптов П.Д.* Распространение христианства в Северном Причерноморье. Дисс… к. и. н. М., 1988; *Зінько О.О.* Ранньохристианський Боспор (III–VI ст.). Автореф. дисс. к. і. н. К., 2004;

ства на Боспоре уже в IV в., а V–VI вв. считаются временем «победившего христианства».

Е.А. Зинько вывела следующие этапы христианизации Боспора:

- первый период (до середины III в.) – первые христианские проповеди на Боспоре;
- второй период (2-я пол. III – начало IV вв.) – создание раннехристианских общин;
- третий период (1-я четв. IV – 2-я треть V вв.) – самостоятельное функционирование Боспорской епархии;
- четвертый период (последняя треть V – 1-я треть VI вв.) – христианство – государственная религия Боспора [1].

Однако следует еще раз подчеркнуть, что археологически наличие на Боспоре каких-либо доказательств присутствия и тем более господства христианской общины ранее IV века не выявлено. Есть единичные захоронения и артефакты с христианской символикой, они датируются разным временем, многозначны, посуда с изображением христианских символов находилась в языческих захоронениях как погребальный инвентарь – тарелка с загробной пищей. Т. е. христианские символы зачастую воспринимались как орнаментация и не более [2].

Говорить о «победившем христианстве» в то время, когда на всей территории Боспора (Керченский и Таманский п-ва) не выявлено ни одного христианского кладбища и ни одного специально построенного христианского храма, датированного ранее VII века, было бы неосторожно.

На Боспоре до конца VI в. массовой христианизации рядового населения не произошло, христианская община ограничивалась, по всей видимости, населением греческих городов, весьма немногочисленным относительно основной части населения Боспора, являвшейся языческой. Несомненно, имели место попытки внедрить христианство на Боспоре при Византии в правление императоров Юстиниана I (527–565) и Юстина II (565–578), но каких-либо серьезных изменений такого рода в археологическом плане не зафиксировано.

Из описания и датировки трех некрополей города Боспора, сделанных С.А. Ермолиным [3], можно сделать следующие выводы.

В начале VII в. в городе Боспор появляются новые кладбища с нехарактерными для Пантикапея более раннего времени плитовыми могилами, ориентированными на Восток – Запад, христианскими символами на перекрыти-

---

Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 8–29; *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христиантству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев, 2000; *Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба 491 г. СПб., 1891.

[1] *Зінько О.О.* Ранньохристианський Боспор (III–VI ст.). К., 2004. С. 13.

[2] *Ермолин А.Л.* Тиритакский феномен // Древности Боспора. 2012. № 16. С. 150–156; *он же.* Еще раз к вопросу о позднеантичном храме в Тиритаке: синагога // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 13 (132). Вып. 23. Белгород, 2012. С. 12–14.

[3] *Ермолин С.А.* Европейский Боспор VI – 1-й пол. VII вв.: проблемы смены населения и христианизации. Дисс. … к. и. н. Белгород, 2019. Глава 4, п. 3.

ях и обкладках этих могил и христианским обрядом захоронения. Христианский обряд определяется не только в захоронении головой на запад, но и отсутствием погребального инвентаря. В могилах довольно редко встречаются элементы одежды – пряжки – и украшения – перстни, кольца, серьги, бусы. Есть случаи захоронения в плитовых могилах женщин в костюме с большими серебряными фибулами и орлиноголовыми пряжками.

Основное кладбище находится между ул. Госпитальная – 3-й Эспланадный переулок с востока и ул. Маяковского с запада. С юга оно ограничено ул. 1-й Эспланадной и ул. 2-й Гранично-Нагорной, с севера доходит до ул. В. Чкалова. Площадь некрополя около 40 га.

Подобная ситуация сложилась и на раннесредневековом некрополе Мирмекия, который функционировал с VII в. по XIV в.

Церковь с современным названием Иоанна Предтечи была построена вместе с городскими кварталами в VII в. Первоначально храм имел деревянное перекрытие и был построен не на известковом растворе, а, как и прилегающий квартал, на глине. Аналогичный христианский храм был найден при раскопках поселения Пташкино [1]. В плане этот храм повторяет храм Иоанна Предтечи в Керчи и даже больше него по параметрам. А.В. Гадло пишет: «Размеры, укороченные пропорции и внешний контур апсид позволяет сопоставить его с храмом Иоанна Предтечи в Керчи ...». Там же он указывает на примитивность постройки храма в поселении Пташкино и отсутствие фундамента у него.

Итак, массовая христианизация территорий Европейского Боспора происходит с конца VI – начала VII вв. Именно в это время появляются многочисленные христианские некрополи и начинается строительство храмов как в городах, так и в сельских поселениях.

Восточный Крым вернулся под власть Византии с конца VI в., и, судя по всему, началась проводиться активная прохристианская политика со стороны империи. Строительная надпись 590 г. (IOSPE V. 330) показывает, что основным проводником византийского влияния на Боспоре выступал Херсон. Дукс Херсона контролировал строительство в городе и выделял на него средства. Так как в тот момент империя находилась в тяжелом состоянии и не имела сил и средств, чтобы закрепиться на Боспоре военными методами, она стремилась утвердить свое господствующее положение среди варваров также за счет христианизации. Принятие христианства неизбежно приводило к вовлечению варварских племен в сферу византийского влияния и формированию зависимости их от Византии. Поэтому христианизация была целенаправленной политикой византийских императоров, одной из форм византийской экспансии. Боспор в этой стратегии занимал значимое место одного из опорных пунктов, из которого должно было распространяться христианское учение [2].

---

[1] *Гадло А.В.* К истории восточной Таврики в VIII–X вв. ...

[2] *Рашковский Б.Е.* Хазария: проблема выбора конфессиональной ориентации // Восток (Oriens). 2010. № 1. С. 25–39.

Греки-христиане жили не только на Европейском Боспоре, но и на азиатской стороне, о чем свидетельствует надгробная надпись Идония, датируемая VI–VII вв. и найденная на Таманском полуострове (IOSPE V. 339).

Лишь с конца VI – начала VII вв. на Европейском Боспоре появляются специально построенные христианские храмы, христианские кладбища, а христианский обряд погребения окончательно избавляется от погребального инвентаря «для загробной жизни». Тип захоронений меняется со склеповых погребений на плитовые могилы – «каменные ящики», на которых присутствует христианская символика. Поэтому только с VII в. можно вести речь о победе христианизации на Боспоре в целом и на Европейском в частности. Этому способствовала и целенаправленная политика империи, связанная с христианизацией варваров для вовлечения их в свою сферу влияния.

Как уже отмечалось, в историографии относительно времени христианизации Херсонеса существует точка зрения, которую можно назвать апологетической (С.А. Беляев, П.Д. Диатроптов). Она исходит из ранней датировки победы христианства – IV век.

Ряд ученых подчеркивает принципиальную важность очень раннего появления христианства в Херсонесе, признавая при этом, что «широкая христианизация» имела место позднее (А.Е. Филиппов).

Более взвешенное и набирающее со временем вес мнение – о позднем завершении данного процесса (В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан).

Период массовой христианизации Херсонеса, как и, в значительной степени, Боспора, пришелся на послеюстиниановское время – это последняя треть VI – начало VII вв. [1], а полное завершение христианизации всей Таврики произошло не ранее начала IX в. В этой связи важно обратить внимание на весьма показательный подзаголовок книги В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного – «Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.)». Середина VI века считается этими (и многими другими) исследователями важным рубежом в общеисторической периодизации – рубежом античности и раннего средневековья, причем именно установление господства христианства признается за веху качественных изменений.

В определении хронологических вех важное значение имеет археология, в особенности архитектура храмов и росписи христианских склепов. По поводу их датировки существует немало споров и дискуссий, оживившихся в последние два десятилетия.

Завершение христианизации в Херсонесе в общем можно связать, как и на Боспоре, с появлением массовых христианских кладбищ и с безынвентарными погребениями по христианскому обряду (ориентация, гробы и т. п.). При таком подходе еще в V веке некрополи Херсонеса нельзя назвать полностью христианскими.

[1] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. К., 2000. С. 137.

§ 3. Культурно-идеологический континуитет в регионе как эволюция идейных парадигм

Одним из важнейших составляющих континуитета между эпохами в северопонтийском регионе была культурно-идеологическая преемственность. Несмотря на радикальные перемены, связанные с христианизацией, следует признать, что процесс смены идеологии и форм искусства протекал в Северном Причерноморье (как и во всем средиземноморском мире) достаточно постепенно и сопровождался весьма постепенными изменениями общего культурного облика [1], неким перетеканием одних состояний в другие. Более того, большинство исследователей считают христианство в той форме, в которой оно было воспринято в империи в IV в., продуктом эволюции античной культуры, единственной жизнеспособной и творческой силой поздней античности [2].

Тем не менее при том, что античность и византинизм, основанный на христианстве, – две разные, хотя и последовательные стадии исторического развития, основы двух различных цивилизаций, мы должны четко представлять себе их взаимосвязь и взаимовлияние.

Самый первый, лежащий на поверхности пласт культурного континуитета – античное наследие, античные основы или античные элементы в христианско-византийской культуре. В Северном Причерноморье этот пласт прослеживается так же четко, как и в Восточном Средиземноморье в целом.

Осмысление, оценка и отбор античного культурного наследия составляют характерную и очень существенную черту византийской культуры [3]. Всякое новое искусство начинается с заимствования элементов прежнего [4].

Определенную роль в культурном континуитете, особенно на Боспоре, сыграла, по всей видимости, христианская церковь как важнейший социальный институт в условиях ослабления и постепенного угасания политической организации, государства.

Одной из основных проблем культурных процессов переходной эпохи (IV–VI вв.) было утверждение христианского искусства в качестве господствующего и его внутренняя эволюция, связанная с усвоением художественного арсенала античного искусства и его идейным переосмыслением [5], а также завершение эволюции самого позднеантичного искусства, консервация его отдельных элементов. Противопоставление идейного характера и эстетических принципов античного и византийского искусства стало возможным лишь в результате трансформации античных форм искусства, изменения его

---

[1] Давня історія України. Т. 2. К., 1998. С. 472–478.

[2] См., например: *Моммзен Т.* История римских императоров. СПб., 2002. С. 10; *Lee A.D.* Pagans and Christians in Late Antiquity. L. – N.Y., 2000.

[3] Античность и Византия. М., 1975. С. 5.

[4] *Кондаков Н.П.* О научных задачах истории изучения древнерусского искусства. СПб., 1899. С. 6.

[5] См.: *Османкина Г.Ю.* Мировоззренческие основы формирования раннехристианской культуры Византии в IV–VI вв. Автореф. канд. дисс. Нижневартовск, 2000.

содержания и смысла, а зачастую – и адаптации и инкорпорации отдельных элементов в новую художественную систему [1].

IV век – время насыщения христианства идейными движениями позднеантичного общества [2]. Император Константин, разрешивший открыто исповедовать христианство в Римской империи, стремился повсюду, где только можно, «заключить дыхание новой жизни в старые формы», а не создавать новые.

Постепенно назрел переворот и в отношении церкви к античному наследию. Развитие и кристаллизация богословской мысли, отчеканивание догматов и обрядов шли гораздо быстрее, чем формирование специфического образного строя и художественного языка христианского искусства. Поэтому в IV–V вв. существует известная противоречивость между духом христианства и эстетикой отдельных видов искусства. Но именно здесь лежит источник движения искусства [3]. Вместе с тем культура переходного (позднеантичного) времени носит системный характер. Неоплатонизм, его отказ от реализма, стремление уйти от материального во многом обусловили вкусы заказчиков, чутко реагирующих на мировоззренческие концепции эпохи. Именно этим объясняется массовое распространение в IV–VI вв. упрощенных, выполненных нарочито грубо скульптурных образов, но не только тем, что «мастера утратили прежние навыки».

Официальное христианство IV–VI вв. было «живым», динамичным организмом. Этот период характеризовался поисками во всех сферах деятельности церкви, в том числе и в изобразительном искусстве, которое выступало тогда ареной взаимодействия разнородных тенденций, было многослойным явлением, сочетавшим светские и христианские сюжеты.

Нахождение специфических способов для воплощения непостижимого, неописуемого и «неизобразимого» могло быть осуществлено только на путях компромисса, что подготовило почву для последующего расцвета церковного искусства.

В становлении изобразительного христианского искусства определяющую роль играли его служебные задачи. Различия видов и жанров искусства сложились в зависимости от того, для чего они предназначались [4].

Христианское искусство неизбежно восприняло многие внешние античные образцы, например, сюжеты из мифологии [5]. Собственно античные образцы в мифологических композициях дают иное расположение персонажей и их иную взаимосвязь, чем изображения «византийского антика». По-

---

[1] *Hanfmann G.M.A.* The continuity of classical art: culture, myth and faith // A symposium «Age of Spirituality». N.Y., 1980. P. 75–90; *Baynes N.B.* The Hellinistic Civilization and East Rome. Oxf., 1946.

[2] О кризисе самого античного массового сознания: *Амосова Е.В.* Спонтанные гонения на христиан как проявления кризиса античного массового сознания // АМА. 10. Саратов, 1999. С. 88–94.

[3] *Комеч А.И.* Взгляды христианства II–IV столетий на эстетическую выразительность архитектурной формы // Культура и искусство Византии. Л., 1975. С. 22.

[4] *Бармина Н.И.* Декоративное убранство крымских базилик в культурно-историческом контексте // АДСВ. 34. 2003. С. 114–115.

[5] Подробнее см.: *Weitzmann K.* Greek Mythology in Byzantine Art. Princeton, 1951; *Height P.* The Classical tradition. Greek and Roman influences on western Literature. Oxf., 1953.

следний – не просто копирование античных образцов, не только возрождение классического искусства, но и дезинтеграция античных принципов как в форме, так и в содержании. На византийских памятниках этого рода часто имеет место замена одних действующих лиц другими, появляются персонажи или вообще не поддающиеся атрибуции, или совершенно неожиданные в данной композиции [1]. Имеет место определенная имитация стиля. С победой христианства начинается отбор мифов и персонажей, созвучных христианской символике, которые в качестве аллегорий могли использоваться в христианском контексте.

Многие христианские символы, порожденные определенной исторической обстановкой, утрачивают после IV–V вв. свой тайный смысл и превращаются в элементы декоративных и орнаментальных сюжетов [2].

В V в., особенно со 2-й его половины, наблюдается общий художественный упадок как в рисунке, так и в письме, в небрежности и ремесленном характере исполнения. Во многом это было связано с отсутствием государственного и общественного покровительства искусству [3]. В определенной степени это был финальный аккорд в угасании собственно античного искусства.

Завершением ранневизантийского этапа истории искусства условно можно считать конец V – начало VI в. [4] Художественные ценности классического искусства сохраняются, но мелко и тонко видоизменяются. При Юстиниане окончательно сформировываются основы византийской государственности, церковности, культуры, искусства [5]. При Юстиниане впервые стали разбирать языческие храмы [6].

Со 2-й пол. V в. идет массовое обращение правящих слоев империи в христианство [7] (в самом начале V в. в Константинополе на приблизительно 500 тысяч населения приходилось лишь около 100 тысяч христиан) [8].

Сохранение античных традиций наряду с выработкой новых принципов, равноправное существование древних античных тем и образов рядом с новыми, христианскими – основная черта ранневизантийского искусства [9].

---

[1] *Залесская В.Н.* Прикладное искусство Византии IV–XII веков. Опыт атрибуции. СПб., 1997. С. 4; *ее же*: Прикладное искусство Византии IV–XII вв. в его отношении к античному наследию. Автореф. докт. дисс. СПб., 1998.

[2] *Колесникова Л.Г.* Раннехристианская скульптура Херсонеса // Херсонес Таврический: ремесло и культура. К., 1974. С. 57.

[3] *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. Т. 1. М., 1998. С. 151–153.

[4] *Попова О.С.* Образ Христа в византийском искусстве V–XIV веков // ВВ. 60 (85). 2001. С. 160.

[5] *Попова О.С.* Изобразительное искусство // Культура Византии. IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 558; *Диль Ш.* Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1906; *Корсунский А.Р.* От Восточной Римской империи к Византии // ВВ. 29. 1968. С. 33–39; *Курбатов Г.Л.* История Византии: от античности к феодализму. М., 1984. С. 51–52, 66; *Мягков Ю.Г., Жигунин В.Д.* Юстиниан и «Ренессанс» Римской империи в VI в. н. э. // Античный вестник. III. Омск, 1995. С. 150–157; *Norwich J.J.* Byzantium: The Early Centuries. N.Y., 1989 и др.

[6] *Кондаков Н.П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 52.

[7] *Лунгис Т.* Обращение в христианство господствующего класса Восточной Римской империи во 2-й пол. V в. // From Late Antiquity to Early Byzantium. Praha, 1985. С. 61–72.

[8] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. IV–IX вв. Т. 1. М., 1996. С. 156.

[9] *Kitzinger E.* The Hellinistic Heritage in Byzantine Art // DOP. 1963. Vol. 17. P. 95–117; *Weitzmann K.* The Classical in Byzantine Art as a Mode of Individual Expression // ibid.: Studies in

Античное наследие было постоянным стимулом для развития византийского искусства [1]. Последний период существования собственно язычества укладывается также в VI в. [2]

Процесс синтеза античной и христианской культуры в единую византийскую к концу VI в. зашел так далеко, что прежние четкие разделения и противопоставления утрачивают смысл.

При этом культурные пристрастия и вкусы ранневизантийской знати, уже христианской по вероисповеданию, оставались еще во многом античными (статуи, фрески, мозаики и пр.) [3].

Античные внешние черты преобладали в аллегорическом христианском изобразительном искусстве еще в IV–V вв. И в VI в. изображениям еще было присуще эмоционально-чувственное начало – это античная черта [4].

Отметим также, что в последнее время стало пересматриваться традиционное представление о достаточно позднем появлении собственно христианской символики – креста, евангельских сцен и др. Возможно, она зарождается ранее времени Константина Великого [5] и охватывает среди прочих и Северный Понт [6]. Время появления основных собственно христианских символов: рыба – ок. 230 г., пальма – 302 г., голубь с веткой – 268, 279 г., конь – 354 г., весы – 362 г., феникс – 385 г., лоза – 398 г., парус – 400 г., овцы (агнцы) – 273 г., две птицы, едящие из сосуда – IV в. [7]

Отличительная черта ранневизантийского символизма – его многозначность [8]. В одной и той же композиции часто переплетаются и сосуществуют символика евхаристическая, крещальная, мемориальная [9].

Classical and Byzantine Manuscript Illumination. Chicago – L., 1971. P. 126–150; *Lemerle P.* Le style Byzantin. P., 1943 и др.

[1] *Лихачева В.Д.* Искусство Византии IV–XV вв. М., 1981. С. 30; *Этингоф О.Е.* Образ Богоматери. М., 2000. С. 99–126; *Айналов Д.В.* Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900; *его же:* Пользование античными композициями и фигурами на памятниках христианского искусства // Сб. статей в честь С.А. Жебелева. Л., 1926. С. 107–117.

[2] *Constantelos D.J.* Paganism and the State in the age of Justinian // Catholic Historical Review. 50. 1964. P. 372–380.

[3] *Чекалова А.А.* Сенаторская знать ранней Византии: стиль жизни, стиль мышления // АДСВ. 33. Екатеринбург, 2002. С. 12–20.

[4] См.*: Буслаев Ф.И.* Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001. Особенно интересен ряд примеров бытования античных мотивов в древнерусском искусстве вплоть до XVIII в.

[5] Достаточно полный обзор находок и эволюции образа креста в Северном Причерноморье см.: *Юрочкин В.Ю.* Древнейшие изображения Креста Господня // Православные древности Таврики. К., 2002. С. 21–50.

[6] *Юрочкин В.Ю.* Раннехристианские символы на Боспоре // Христианское наследие Византии и Руси. Симферополь, 2003. С. 14–25.

[7] *Уваров А.С.* Христианская символика. М., 1908. С. 123–124. Общий краткий очерк значения отдельных символов в древнехристианском искусстве см. также: *Покровский Н.В.* Очерки памятников христианского искусства. СПб., 1999. С. 34–52. См. также: *Труфанов А.А.* Символ в раннехристианском изобразительном искусстве // Православные древности Таврики. К., 2002. С. 56–67.

[8] Об одном из аспектов: *Сайгушкина Т.П.* Символика цвета в христианском искусстве // Символ в философии и религии. Севастополь, 2004. С. 40.

[9] *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С. 77.

Схема XIX в. о происхождении христианской символики из набора тайных знаков и образов раннего христианства – аллегорических фигур и сцен, монограмм – прочно вошла в традицию. Однако она небезупречна, так как на Северном Понте известен ряд памятников уже сформировавшегося христианского символизма в доконстантиновский период [1].

Лишь с VII в. постановлениями Трулльского собора символические изображения было предписано не употреблять, так как отпала необходимость в условности. Это означало переход к средневековому византийскому искусству, более дистанцированному от позднеантичного. В конце VII в. на византийских монетах появляется образ Спасителя [2], что стало зримым выражением завершения переходного культурного процесса.

Ранневизантийское искусство, по мнению Н.П. Кондакова, – «тот же греко-римский антик, вновь призванный из жизни оживлением сил империи в V и особенно в VI вв.» [3]

В территориальном отношении перерастание эллинистической культуры в ранневизантийскую происходило прежде всего в: 1) Эгеиде (во главе с Константинополем) и Фракии; 2) Македонии, Греции, прибрежных районах Малой Азии; 3) Сирии [4] и Палестине; 4) Египте и Киренаике. Этот комплекс, состоявший из ряда локальных вариантов, мощно воздействовал на окружающую периферию, в том числе и на Северный Понт.

Регион Северного Причерноморья, прежде всего Крым (с прилегающими областями), должен нами рассматриваться как особая локальная зона, имеющая свою специфику как культуры вообще, так и культурного континуитета в частности. Ж. Дагрон отмечал, что своеобразие каждого византийского региона (региона скорее даже в культурном отношении, нежели в политическом) во многом определяется его удаленностью от столицы [5].

По наблюдению Н.Д. Протасова, достаточно беглого знакомства с археологическим материалом Херсонеса, чтобы прийти к мысли о крайней многогранности и разнообразии тех культурных влияний, под которыми там проходил процесс материализации жизни в византийскую эпоху [6].

Топографическое положение Крыма определило его исторический облик. Это место, к которому стремились из средиземноморского бассейна бушевавшие в ту эпоху волны культур. Именно здесь они не только сталкивались, будто уничтожая друг друга, но и создавали новые культурные ценно-

---

[1] *Юрочкин В.Ю.* Раннехристианские символы на Боспоре // Христианское наследие Византии и Руси. Симферополь, 2003. С. 21.

[2] *Бутырский М.Н.* Золото и благочестие: символика византийской монеты // Символ в философии и религии. Севастополь, 2004. С. 12.

[3] *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. Т. 1. М., 1998. С. 353.

[4] *Банк А.В.* К вопросу о роли Сирии в формировании византийского искусства // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967. С. 77–83; *Кондаков Н.П.* Доклад о восточно-палестино-сирийском происхождении византийского искусства // Сообщения ИППО. Т. 3, вып. 2. СПб., 1892. С. 144–160; *Айналов Д.В.* Искусство Палестины в средние века // ВВ. 25. 1928. С. 80 сл.

[5] *Дагрон Ж.* Двуликий Крым (IV–X вв.) // МАИЭТ. VII. Симферополь, 2000. С. 294.

[6] *Протасов Н.Д.* Сирийские реминисценции… С. 100.

сти. И понятно, чем цивилизованнее было само население, тем острее переживался этот процесс культурной ассимиляции, тем органичнее, цельнее была его продукция, тем, с другой стороны, менее уловимы элементы синтеза [1].

Отметим также, что позднеантичные центры Северного Причерноморья находились в определенной изоляции друг от друга, сообщение между ними было в некоторой степени затруднено, что предопределило некоторые культурные отличия [2].

Херсонес был более близок к общевизантийской культурной модели. Боспор в большей степени испытал варварское влияние. Это проявлялось как в эстетических вкусах, так и в идеологических представлениях. Уже в III в. здесь в искусстве имеет место лишь внешнее подражание античным образцам, но смысл деталей уже непонятен. Упрощаются формы рисунка, теряется реализм изображения, нарушается пропорциональность изображаемых предметов, ощущается стремление к стилизации, плоскостности и примитивности рисунка. В период от готов до гуннов облик культуры Боспора значительно меняется, а в послегуннский период она носит уже значительно варваризованный характер [3], оставаясь тем не менее в своей основе позднеантичной. Варваризацию следует считать одним из наиболее важных факторов – слагаемых «византинизма», создания византийской культуры с отчасти универсальным и открытым для внешних восприятий характером.

Для памятников искусства этого переходного времени характерны эклектика, сочетание различных не сочетаемых ранее элементов, использование элементов, потерявших функциональное значение и вследствие этого утративших смысл. Эти пережиточные явления наглядно свидетельствуют о переосмыслении форм искусства и художественных приемов.

Чувство плоскостности, а не объемности цвета на сферических стенках сосудов будет присуще позднеантичному искусству, вызвавшему вскоре бурный расцвет византийской мозаики [4].

Варваризация искусства азиатского Боспора наметилась раньше, чем на европейском, чему способствовали культурные традиции Пантикапея [5].

Для искусства Боспора можно выделить период конец III – начало V вв. как финальный античный [6].

«Исторический закон преемства и последовательности утверждает, что ни одна появившаяся форма не исчезает бесследно, если она однажды подверглась художественной обработке; тип служит основой дальнейшего развития и художественного претворения» [7]. Процесс принятия и утверждения христианства в Северном Причерноморье был подготовлен синкретическими

---

[1] Ук. соч. С. 100.

[2] *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. М., 1973. С. 17.

[3] *Кругликова И.Т.* Культура Боспора в позднеантичный период // Античное общество. М., 1967. С. 152–155.

[4] *Соколов Г.И.* Искусство Боспорского царства. М., 1999. С. 293.

[5] Там же. С. 351.

[6] Там же. С. 352.

[7] *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. Т. 1. М., 1998. С. 370.

и идеологическими процессами [1] и растянулся на весь период IV–VI вв., завершившись лишь во время Юстиниана [2]. Соответственно этому происходил процесс рождения и утверждения христианского искусства в Северном Причерноморье как доминанты культурного континуитета.

Итак, основными феноменами в процессе культурного континуитета можно назвать:

1. Процесс постепенных изменений отдельных черт культуры, со временем приведший к изменению ее качественных основ.

2. Античное наследие в христианском искусстве ранневизантийского типа.

3. Завершение эволюции собственно античного искусства в его финальной фазе, упадок и деградация.

Динамичное взаимодействие этих феноменов и составляет процесс культурного континуитета.

Конкретный фактический материал, анализирующий финальную стадию эволюции позднеантичного и генезис христианского (ранневизантийского) искусства на Боспоре и в Херсонесе уже анализировался в историографии [3]. Сам факт его наличия, безусловно, свидетельствует о континуитете культурных форм и репрезентаций. Вместе с тем исследование христианских храмов и их декорации, а также других видов искусства представляют собой отдельную самостоятельную тему.

---

[1] *Хворостяный А.И.* Культ ΘΕΟΣ ΥΨΙΣΤΟΣ и распространение христианства на Боспоре // Vita Antiqua. № 5–6. 2003. С. 131.

[2] *Зубарь В.М.* Некоторые особенности распространения христианства на Боспоре // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1999. С. 37; *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. К., 2000; работы П.Д. Диатроптова, В.Ф. Мещерякова и др. Поскольку проблема не раз привлекала внимание исследователей, мы не будем предлагать собственный вариант ее разработки, а уточним наши позиции в ходе освещения главной для нас здесь проблемы – культурного континуитета в регионе.

[3] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Киев, 2000; *Болгов Н.Н.* Культурный континуитет в Северном Причерноморье IV–VI вв. Н. Новгород, 2002.

ГЛАВА VI. ЛЮДИ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО СЕВЕРНОГО ПОНТА

§ 1. Позднебоспорские портреты

Человек позднеантичного Боспора… Еще недавно сама идея этой темы звучала бы совершенно невероятно по той простой причине, что «люди позднего Боспора» нам были практически неизвестны, говорить об их биографиях было нереально.

Теперь открываются определенные возможности для этого, благодаря, прежде всего, труду археологов и интерпретациям эпиграфистов, которые предлагают свои варианты для реконструкции тех или иных надписей.

Нет нужды говорить, какое большое место в отечественных классических штудиях занимает Северное Причерноморье и Боспор. Но среди огромного количества трудов на эту тематику почти нет специальных исследований (не считая отдельных очерков [1]), которые были бы посвящены биографиям исторических персонажей данного региона [2].

Интересно также отметить, что для обозначения антропологического измерения исторического процесса, рассказа о людях той или иной эпохи, нет устоявшегося однозначного термина. Вслед за Ш. Дилем и Г.Л. Курбатовым можно писать «Портреты», следуя А.С. Русяевой, описывать «Исторические личности», или, идя по пути М.Е. Сергеенко и Л. Винничук, говорить о «Людях…». Более строг и сух перечень «материалов к биографиям», скрывающихся за термином «Просопография».

Собственно биографии для персонажей боспорской истории, видимо, не воссоздаются [3]. Но определенные материалы для них уже накопились, что и оправдывает появление настоящих очерков.

Кроме того, история позднего Боспора, в значительной мере совпадающая с эпохой Великого переселения народов, лишь в последние десятилетия стала постепенно выходить из мрака «темной эпохи» [4].

Тем более интересно попытаться представить себе мир людей, оказавшихся на всех мыслимых и немыслимых ветрах истории того времени. Им пришлось жить на сломе античности и пороге Византии, в соседстве с варварами, ряд волн которых прокатился через Боспор. И все-таки они выжили: в 1-й половине VI в. Боспор становится частью восточно-христианского мира Византии.

Просопография позднеантичного Боспора. В настоящее время нам известно уже более сотни имен жителей позднеантичного Боспора и небоспорян – участников исторических событий рассматриваемого времени в

---

[1] Например: *Парфенов В.Н.* Динамия, царица Боспора. Несколько штрихов к политическому портрету // Боспор и античный мир. Н. Новгород, 1997. С. 126–136.

[2] Единственная специальная работа вышла в Киеве: *Русяева А.С., Супруненко А.Б.* Исторические личности эллино-скифской эпохи. Киев-Комсомольск, 2003. 320 с.

[3] Подходы к феномену личности (в т. ч. исторической) см.: *Абульханова-Славская К.А.* О путях построения типологии личности // Психологический журнал. Т. IV. 1983. № 1. С. 14–29.

[4] *Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора. Белгород, 1996. 180 с.; *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени / Автореф. докт. дисс. М., 1999.

этом регионе. Следуя образцу известного просопографического свода А.Х.М. Джонса [1], можно предпринять попытку дать краткую сводку имен персонажей истории позднего Боспора.

Часть имен дают письменные источники IV–IX вв. от Аммиана Марцеллина и Евнапия до Константина Багрянородного [2]. Основной же корпус дает эпиграфика – как античные [3], так и христианские [4] надписи, собранные в нескольких корпусах, а также ряд новейших публикаций [5].

Наиболее ранняя датированная надпись, используемая в данной работе, относится к 285 г. Хотя мы считаем началом позднеантичного периода истории Боспора время «готских походов» (середина III в.), в настоящий обзор не включен ряд надписей 50–70-х гг. III в., так как лишь одна надпись КБН, 36 (IOSPE. II, 29) содержит более полутора сотен имен и требует специального рассмотрения.

1. **Абика**. Надгробие V–VI вв. Керчь, Глинище, 1892 г. Опубликовано: СГНХВ, 87; КХНБ, 4. Имя малоазийского происхождения, его носительница – христианка.

2. **Абрагазан**. В 1896 г. в р-не Акры (ныне с. Заветное) найдена надпись внутри бронзового амулета (филактерия) на двух пластинках – золотой и серебряной. Видимо, это был владелец амулета. Опубл.: КХНБ, 53, 54. Имя – иранское, его носитель – христианин. Ю.Г. Виноградов читает это имя как **Аббагадза** и устанавливает, что оно женское, а его носительница – дочь Савага из катакомбы 491 г. (КХНБ, 49), этот же Саваг – комит из надписи КБН, 67.

3. **Агапит**. Погребальная плита из Керчи, найдена в 1909 г. Погребенный – отец Филоксена, мастера по выделке меха. Опубл.: КХНБ, 39. Имя греческое, носитель – христианин.

4. **Агафус**. Надпись из Керчи, с Карантинной ул. Найдена в 1911 г. Надгробие 1-й пол. IV в. Отец погребенного Трифона. Опубл.: КХНБ, 36. Имя греческое, христианское.

---

[1] *Jones A.H.M., Morris W., Martindale J.* The Prosopography of the Late Roman Empire. V.1. L., 1971.

[2] Глубокое исследование античной письменной традиции в отношении Северного Причерноморья дал в свое время еще М.И. Ростовцев: Скифия и Боспор. Л., 1925. Большинство интересующих нас имен дают Аммиан Марцеллин, Евнапий, Прокопий Кесарийский, Менандр, Иордан, Агафий Миринейский, Иоанн Малала, Феофан Исповедник, Константин Багрянородный.

[3] Античные надписи собраны в двух основных корпусах: *Latyshev B.* Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis de Ponti Euxini. V. II. Petropolis, 1916 (IOSPE); Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965 (КБН).

[4] Христианские надписи Боспора опубликованы также в двух основных корпусах: *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен с юга России. СПб., 1896 (СГНХВ); *Диатроптов П.Д., Емец И.А.* Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. № 2. М., 1995. С. 7–40 (КХНБ). Для христианских имен см. также: *Бенешевич В.Н.* Синайский список отцов Никейского первого Вселенского собора // Известия АН, серия VI, т. 2, № 3. СПб., 1908.

[5] Подборка надписей специально для V в.: *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V в.) // ВДИ. 1998. № 1. С. 233–247.

5. **Агафус**. Надпись из Фанагории I 2-й пол. V в. Найдена в 1962 г. В прочтении Ю.Г. Виноградова – отец Кимирия. Опубл.: Виноградов, 6. Имя греческое, христианское.

6. **Агораст**. Погребальная надпись IV в. (?). Найдена в 1897 г. в Керчи, на Глинище. Опубл.: КХНБ, 5. Имя греческое, его носитель – христианин.

7. **Адас** (Ада). Знатный боспорянин, принкипс, муж Стораны. Погребальная надпись ок. 343–352 гг. Опубл.: IOSPE. II.182/2. Имя нехристианское, происхождение неясно.

8. **Адельфа**. Керчь, сев. Склон г. Митридат. Погребальная надпись V–VI вв., найдена в 1878 г. Опубл.: СГНХВ, 88; КХНБ, 6. Имя греческое, христианское. Возможно, надпись означает не имя собственное, а просто «сестра».

9. **Алексарф**. Надпись 307 г. Опубл.: IOSPE. II. 363. «Начальник отряда», сын М. Аврелия Андроника. Имя греческое.

10. **Амфилох**. Погребальная надпись IV в. Отец Аристона, мужа погребенной женщины. Опубл.: IOSPE. II. 221. Имя греческое.

11. **Анагей**. Вождь утигуров в 576 г., вступивший в союз с тюркютами для взятия г. Боспор (Керчь) (Menandr, 45). Имя тюркское.

12. **Андроник, Марк Аврелий**. Бывший наместник царской области, знатный боспорянин, римский гражданин, сын Паппа, отец Алексарфа. Имя содержится в надписи 307 г. на базе памятника, поставленного от имени общин Агриппии (Фанагории) и Кесарии (Пантикапея). Опубл.: IOSPE. II. 363. Имя греческое в форме римских tria nomina.

13. **Аникет**. Погребальная надпись на плите, найденная в 1896 г. Керчь, сев. Склон г. Митридат. V–VI вв. Опубл.: СГНХВ, 88; КХНБ, 6. Имя греческое, христианское.

14. **Аполлоний**. Нечеткая надпись, предположительно, имя Аполлоний. Надпись на стене склепа 11/2 из Сююр-Таша (V–VI вв.). Найдена в 1990 г. Опубл.: Масленников 1997 [1]. Имя греческое, носитель – христианин.

15. **Аристобул**. Погребальная плита V–VI вв. Керчь, Глинище. Найдена в 1896 г. Отец погребенного Феликса. Опубл.: КХНБ, 38. Имя греческое, носитель – христианин.

16. **Аристон**. Надпись 478/479 г. с Тамани. Найдена в 1990 г. Опубл.: Виноградов, 4. Отец Савага. Имя греческое, носитель – христианин.

17. **Аристон**. Погребальная надпись IV в. Муж погребенной женщины. Опубл.: IOSPE. II. 221. Имя греческое.

18. **Арсак**. Погребальная плита с надписью V в. Керчь, Глинище, 1903 г. Опубл.: КХНБ, 8. Имя иранское, носитель – христианин.

19. **Арсен**. Погребальная надпись V–VI вв. из Керчи. Найдена в 1911 г. Опубл.: КХНБ, 9. Имя малоазийское, носитель – христианин.

20. **Архелай**. Погребальная плита VI в. из Керчи, Глинище. Найдена в 1903 г. Опубл.: КХНБ, 10. Имя греческое, носитель – христианин.

---

[1] *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 12.

21. **Аттас**. Имя на обломке стержня колонны из белого мрамора. Найдено на морском берегу в р-не г. Тамань в 1868 г. (IV–V вв.). Опубл.: КБН, 1099; КХНБ, 61. Имя малоазийское, носитель – христианин.

22. **Бохан**. Вождь тюркютов из орды Турксанфа, союзник Анагея по взятию г. Боспора в 576 г. (Menandr., 45). Имя тюркское (?).

23. **Баламир (Баламбер)**. Вождь гуннов, прошедших в 370-е годы на запад через Танаис (?) и разбивший готский союз Эрманариха (Amm. Marc. XXXI. 3, 3; Prisc., 8; Iord., 124). Имя гуннское, возможно, известное античным авторам в иноязычной огласовке.

24. **Бадуарий**. Готский командир, посланный со своим отрядом на Боспор для разгрома восставших гуннов-утигуров (Malal., 430; Theoph., 175). Имя готское, носитель – христианин.

25. **Валентин**. Один из участников событий на Боспоре VI в. (Menandr., 47). Имя латинское, носитель – христианин.

26. **Геннай**. Погребальная плита VI–VII вв. Керчь, Глинище, 1875 г. Опубл.: СГНХВ, 90; КХНБ, 11. Имя греческое, носитель – христианин.

27. **Гедоний**. Надгробная плита ранневизантийского времени. Опубл.: СГНХВ, 101. Имя греческое, носитель – христианин.

28. **Годила**. Готский командир, отправленный вместе с Бадуарием на Боспор в 534 г. сухим путем для подавления восстания утигуров (Malal., 430; Theoph. 175). Имя готское, носитель – христианин.

29. **Грод (Гордас)**. Вождь утигуров, филарх, христианин. Убит восставшими сородичами в 528 г. (Malal., 430; Theoph., 175). Имя гуннское.

30. **Даппас**. Надпись V в. Член «христианского фиаса». Опубл.: КБН, 1099; КХНБ, 61. Имя малоазийское (?), носитель – христианин.

31. **Дамиан**. Епископ зихов, обитавших к юго-востоку от Горгиппии. Участник собора 526 г. Имя упомянуто в Определениях данного собора. Имя латинское, носитель – христианин.

32. **Далматий**. Трибун, начальник имперского гарнизона в г. Боспор (Керчь). Убит во время мятежа утигуров против Грода в 528/529 г. По происхождению испанец, командир отряда испанцев (Procop. De aedif. III. 7; Malal., 431; Theoph. 135). Имя латинское, носитель – христианин.

33. **Далосак**. Надпись 285 г., найденная в 1902 г. Отец Филона, погребенного в склепе 98, Керчь. Опубл.: КБН, 734. Имя иранское.

34. **Дуптун, Тиберий Юлий**. Надпись, обнаруженная в 1888 г. в Керчи (угол Воронцовской ул. и Предтеченской пл.), дала имя царя, правившего, по различным реконструкциям, в конце V или начале VI в. Опубл.: КБН, 67; КХНБ, 2. Имя неопределенного этнического происхождения, с римскими tria nomina. Носитель имени – христианин.

35. **Дутзаг**. Надпись на обломке колонны со списком имен членов христианской общины (V в.). Найдена в р-не г. Тамань в 1868 г. Опубл.: КБН, 1099; КХНБ, 61. Имя гуннское, его носитель – христианин.

36. **Евтих**. Надпись 335 г. из Цукурского лимана. Опубл.: КБН, 1112. Архитектор, построивший стену при Рескупориде VI. Имя греческое.

37. **Евтих**. Проповедник христианства на Боспоре, из малоазийских пленников, приведенных готами в середине III в. (Василий Великий // PG, т. 32, col. 636). Имя греческое, носитель – христианин.

38. **Евтихиан**. Надпись V в., найденная в 1972 г. Е.А. Молевым во II Нагорном переулке, Керчь. Опубл.: ВДИ. 1978. № 2; КХНБ, 15. Имя греческое, носитель – христианин.

39. **Евпрепий**. Надпись из христианского погребения IV в. в Керчи. Найдена в 1911 г. Опубл.: ЗООИД, т. XXXI, прил. 142а; КХНБ, 12. Имя греческое, носитель – христианин.

40. **Евсевий**. Надгробная плита 436/7 г. из Керчи. Опубл.: СГНХВ, 86; КХНБ, 13. Диакон из г. Боспор. Имя греческое, носитель – христианин.

41. **Евпатерий**. Надпись 590 г. Опубл.: СГНХВ, 99. Стратилат и дука Херсона. Восстановил императорское (кесарское) здание на Боспоре после тюркютского разгрома. Имя греческое, носитель – христианин.

42. **Евтропий**. Надгробие 304 г. – самое раннее из бесспорно христианских на Боспоре. Найдено в 1896 г. в Керчи, на Глинище. Опубл.: Шкорпил, 1898а; КХНБ, 14. Имя греческое, носитель – христианин.

43. **Евфрасий**. Надгробная плита V–VI вв. Найдена в 1896 г. в Керчи, на Глинище. Опубл.: ИАК. 10. 89. № 105; КХНБ, 16. Имя греческое, носитель – христианин.

44. **Евдокс(ий)**. Епископ Боспора, участник церковных соборов 448 и 449 гг. (имя есть в Определениях Эфесского собора). Имя греческое, христианское.

45. **Евфросин**. Надгробная плита 345 г. Погребенный имел также прозвище Патир; похоронен вместе с женой Лимией. Опубл.: IOSPE. II. 367/1; КБН, 1091. Имя греческое.

46. **Забаг**. Надпись IV в. (?) на стенке склепа из Китея, найдена Ю.Ю. Марти в 1928 г. Опубл.: КБН, 944. Имя иранское. Возможно, фонетический вариант имени Саваг.

47. **Зимарх**. Восточно-римский посол из Константинополя, отправленный в 576 г. к тюркам и посетивший Боспор накануне тюркютского разгрома (Menandr., 20). Имя греческое (по крайней мере – второй корень), носитель – христианин.

48. **Исаак**. Надгробная плита III–IV вв. Юноша-иудей. Опубл.: КБН, 736. Имя еврейское.

49. **Истеми**. Хан тюркютов, разгромивших Боспор в 576 г. (Menandr., 45). Имя тюркское.

50. **Иоанн**. Епископ Фанагории, принимавший участие в работе Константинопольского собора 519 г. (имя есть в Определениях собора). Имя еврейское, носитель – христианин.

51. **Иоанн**. Византийский комит, сын патрикия Руфина, внук Иоанна Скифа. Участник событий на Боспоре в сер. VI в. (Theoph. 534). Имя еврейское, носитель – христианин.

52. **Исгудий**. Епарх Боспора, сподвижник царя Дуптуна. Опубл.: КБН, 67; КХНБ, 2). Имя иранское, носитель – христианин.

53. **Карбан**. Надгробная надпись. Установитель памятника Трифону, сыну Агафа. IV–V вв. (?). Опубл.: КХНБ, 36. Имя греческое, носитель – христианин.

54. **Косма**. Надпись на стене склепа Царского кургана в Керчи (IV в.). Опубл.: КХНБ, 58. Имя греческое, носитель – христианин.

55. **Кимирий**. Вариант – Киммерий. Предположительно восстанавливаемое имя из надписи 2-й пол. V в. Найдена в 1962 г. в Фанагории. Протокомит азиатского Боспора. Опубл.: Яйленко, 1987 [1]; Виноградов, 6а. Имя греческое, носитель – христианин.

56. **Кириака**. Надгробие V–VI вв. Найдено в 1904 г. В.В. Латышевым. Опубл.: КХНБ, 23. Имя греческое, носитель – христианин.

57. **Кадм (Домн)**. Епископ Боспора, участник Никейского собора 325 г. (имя есть в Определениях собора). Имя греческое, носитель – христианин.

58. **Кандитц**. Член таманского фиаса. Надпись V в. Найдена в 1868 г. Опубл.: КБН, 1099; КХНБ, 61. Имя гуннское (?), его носитель – христианин.

59. **Луй**. Надгробие IV в. Найдено в 1897 г. в Керчи, на Глинище. Отец погребенного Агораста. Опубл.: КХНБ, 5. Имя греческое (?).

60. **Лимия**. Надгробие 345 г. Опубл. IOSPE. II. 367/1; КБН, 1091. Жена Евфросина, погребенная вместе с ним. Имя греческое.

61. **Лавника**. Надгробие IV в. Женщина-нехристианка. Опубл.: КБН, 745. Имя греческое.

62. **М…..лазик..**. Плохо сохранившееся имя из надписи IOSPE. II. 182/2 (ок. 343–352 гг.). Сын Стораны и Адаса принкипса.

63. **Мугель (Муагерий)**. Брат гуннского вождя Грода, предводитель мятежа 528/529 г. на Боспоре (Procop. B. P. I. 12, 8). Имя гуннское.

64. **Малдаг**. Гунн, член фиаса с Тамани. Надпись V в. Опубл.: КБН, 1099; КХНБ, 61. Имя гуннское, носитель – христианин.

65. **Мидах**. Член таманского фиаса. Надпись V в. Опубл.: КБН, 1099; КХНБ, 61. Имя иранское (?), носитель – христианин.

66. **Мария**. Надгробие IV в. Опубл.: КБН, 759. Долгожительница, прожившая 101 год. Имя иудейское.

67. **Модуарий**. Гот, участник событий на Боспоре в 1-й пол. VI в. (Procop. B. P. I. 12). Имя готское, носитель – христианин.

68. **Никифор**. Надгробие IV в. Найдено в 1910 г. в Керчи, в р-не Царского кургана. Отец погребенного Устана. Опубл.: КХНБ, 25. Имя греческое, носитель – христианин.

69. **Никиана**. Надгробие V–VI вв. Найдено в 1891 г. в Керчи. Мать погребенного младенца. Опубл.: СГНХВ, 89; КХНБ, 24. Имя греческое, носитель – христианин.

70. **Опадин (Спадин)**. Надпись конца V или начала VI в., найдена в 1888 г. в Керчи. Высший боспорский царедворец, комит при царе Дуптуне. Ю.Г. Виноградов восстанавливает это имя в форме Спадин. Опубл.: КБН, 67; КХНБ, 2; Виноградов, 1. Имя греческое (от οπαδος – «оруженосец»), либо

[1] *Яйленко В.П.* О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. Т. 48. М., 1987. С. 160–171.

иранское (имя Спадин упоминается у Страбона как имя вождя сарматов); носитель – христианин.

71. **Оримаг**. Член таманского фиаса. Надпись V в. Найдена в 1868 г. Опубл.: КБН, 1099; КХНБ, 61. Имя гуннское, носитель – христианин.

72. **Омар**. Член таманского фиаса. Надпись V в. Найдена в 1868 г. Опубл.: КБН, 1099; КХНБ, 61. Имя семитское, носитель – христианин. Возможно, что это не имя, а присоединенное к предыдущему имени в списке фиаситов обозначение “ο μαρτυς“ – мученик.

73. **Патреос**. Надпись начала IV в. Опубл.: КБН, 65. Сын Феодосия. Имя греческое.

74. **Папп**. Посвятительная надпись 307 г. Отец Марка Аврелия, наместника царской области. Опубл.: IOSPE. II. 363. Имя греческое.

75. **Папп**. Христианское надгробие ранневизантийского времени. Опубл.: СГНХВ, 85а. Имя греческое, носитель – христианин.

76. **Папп**. Надпись 335 г. из Цукурского лимана. Резчик надписи, сын Публия. Опубл.: КБН, 1112. Имя греческое.

77. **Публий**. Отец резчика Паппа из надписи 335 г. (Цукурский лиман). Опубл.: КБН, 1112. Имя латинское.

78. **Патир**. Надгробие 345 г. Прозвище погребенного Евфросина. Опубл.: КБН, 367. Имя греческое.

79. **Паис**. Граффити на стенке пифоса V–VI вв. Найдено в 1939 г. в Тиритаке. Опубл.: КХНБ, 59. Имя греческое, носитель – христианин (?). Надпись может, однако, переводиться как просто «мальчик»; в таком случае речь может идти о детском захоронении в пифосе.

80. **Платон**. Надгробие IV в. Найдено в 1894 г. в Керчи. Опубл.: КХНБ, 26. Имя греческое, носитель – христианин.

81. **Платон**. Надгробие V–VI вв. Найдено в 1907 г. на Тамани. Опубл.: КХНБ, 27. Имя греческое, носитель – христианин.

82. **Проб**. Византийский патрикий, племянник императора Анастасия, установивший власть империи над Боспором ок. 523 г. Впоследствии – один из участников событий в ходе восстания Ника (Procop. B. P. I. 12, 8). Имя латинское, носитель – христианин.

83. **Радамсад (Радампсадий)**. Имя боспорского царя 308–322 гг. Встречается в двух надписях (КБН, 65, 66) в несколько различном написании. Имя неопределенного происхождения.

84. **Рескупорид**. Царь Боспора Рескупорид VI, правивший в 314–342 (?) гг. Опубл.: КБН, 65. В этой надписи встречается сразу два царских имени. Считается, что этот факт говорит об их соправлении. Имя неопределенного происхождения.

85. **Самуил**. Надгробие IV в. Погребенный сын Севера. Опубл.: КБН, 743. Имя еврейское.

86. **Салдих**. Член таманского фиаса V в. Надпись найдена в 1868 г. Опубл.: КБН, 1099; КХНБ, 61. Имя гуннское, носитель – христианин.

87. **Север**. Надгробие IV в. Отец погребенного Самуила. Опубл.: КБН, 743. Имя латинское.

88. **Саббатий (Самбатий)**. Впускное погребение V–VI вв. в Керчи, на Глинище. Найдено в 1901 г. Опубл.: КХНБ, 30. Имя еврейское, носитель – христианин.

89. **Саваг**. Надпись на стене катакомбы 491 г. в Керчи, на Госпитальной улице. Найдена в 1890 г. Знатный боспорянин, погребенный с женой Фаиспартой. Опубл. Ю.А. Кулаковским и в КХНБ, 49. Имя иранское, носитель – христианин.

90. **Саваг**. Надпись на обломке колонны, датируется 478/479 г. Найдена в 1990 г. Опубл.: Виноградов, 4. Комит Саваг, сын Аристона. По мнению Ю.Г. Виноградова, идентичен одноименному боспорянину под № 89, 91, 92.

91. **Савагаск**. Надпись V в. с Тамани. Найдена в 1868 г. Член фиаса. Опубл.: КХНБ, 61. Имя иранское, носитель – христианин. По мнению Ю.Г. Виноградова, данное имя нужно читать как «Саваг», а его носитель идентичен его тезке под № 89, 90, 92.

92. **Сеаваг**. Надпись конца V – начала VI в. из Керчи. Найдена в 1888 г. Отец знатного боспорянина, протевона (?), имя которого не сохранилось. Опубл.: КБН, 67; КХНБ, 2. Имя иранское, носитель – христианин. Ю.Г. Виноградов считает, что этот человек аналогичен Савагу (№ 89, 90, 91).

93. **Севраг**. Надпись позднеантичного времени с Тамани. Найдена в 1868 г. Член фиаса. Опубл.: КБН, 1099; КХНБ, 61. Имя гуннское, носитель – христианин.

94. **Софайнет**. Надгробие V–VI вв. Найдено в 1896 г. в Керчи. Опубл.: КХНБ, 28. Имя греческое, носитель – христианин.

95. **Стефан**. Надгробие V–VI вв. Найдено в 1896 г. в Керчи. Опубл.: КХНБ, 29. Имя греческое, носитель – христианин.

96. **Сорак**. Надпись IV в. на стене катакомбы в Керчи. Опубл.: *Кулаковский Ю.А*. Две керченские катакомбы с фресками, с. 29. Имя иранское.

97. **Сотерий**. Надгробие позднеантичного времени. Найдено в 1901 г. в Керчи, на Глинище. Опубл.: КХНБ, 30. Имя греческое, носитель – христианин.

98. **Сторана**. Надгробие (ок. 343–352 гг.). Жена принкипса Адаса. Опубл.: IOSPE. II. 182/2. Имя греческое.

99. **Самбион**. Надгробие 345 г. Опубл.: КБН, 367. Отец погребенного Евфросина (Патира). Имя неопределенное.

100. **Сог, Валерий Аврелий**. Посвятительная надпись 306 г. на базе памятника. Опубл.: КБН, 64. Знатный боспорянин, римский гражданин, получивший почести от императоров Диоклетиана и Максимина. В 290–306 гг. – наместник Феодосии. Один из высших боспорских царедворцев, римский ставленник. Имя – римские tria nomina, личное имя неопределенное, возможно иранское.

101. **Тасий**. Надпись на стене китейского склепа IV в. (?). Найдена в 1928 г. Опубл.: КБН, 944. Отец погребенного в склепе Забага. Имя иранское (?).

102. **Трифон**. Надгробие 1-й пол. V в. из Керчи, Карантинная улица. Найдено в 1911 г. Опубл.: КХНБ, 36. Имя греческое, носитель – христианин.

103. **Трофим 1**. Член таманского фиаса V в. Надпись найдена в 1868 г. Опубл.: КБН, 1099; КХНБ, 61. Имя греческое, носитель – христианин.

104. **Трофим 2**. Надгробие V–VI вв. Керчь, Глинище. Найдено в 1896 г. Опубл.: СГНХВ, 91б; КХНБ, 61. Имя греческое, носитель – христианин.

105. **Трофим 3**. Надгробие V–VI вв. Керчь, Глинище. Найдено в 1913 г. Опубл.: КХНБ, 34. Имя греческое, носитель – христианин.

106. **Трофим 4**. Надгробие V–VI вв. Керчь, Глинище. Найдено в 1903 г. Опубл.: КХНБ, 33. Имя греческое, носитель – христианин.

107. **Трофим 5**. Надгробие VI–VII вв. Керчь, Глинище. Найдено в 1875 г. Опубл.: СГНХВ, 90; КХНБ, 11. Имя греческое, носитель – христианин.

108. **Тигинаг**. Надгробие позднеантичного времени. Керчь, Глинище. Найдено в 1900 г. Опубл.: КХНБ, 31. Имя иранское (?), носитель – христианин.

109. **Тудруг**. Надгробие V–VI вв. Найдено в 1911 г. в Керчи, Братская улица. Опубл.: КХНБ, 32. Имя иранское или гуннское (?), носитель – христианин.

110. **Турксанф**. Вождь тюрок, напавших в 576 г. на Боспор и причинивших ему значительные разрушения (Menandr., 45). Имя эллинизированное во второй своей части, возможно – греческая передача тюркского.

111. **Устан**. Надгробие IV в. Найдено в 1910 г. в р-не Царского кургана на северной окраине Керчи. Сын Никифора. Опубл.: КХНБ, 25. Имя иранское, носитель – христианин.

112. **Устан**. Надпись V в. с Тамани, найденная в 1962 г. По В.П. Яйленко, Устан – протокомит Киммериды, глава сельского округа Северного острова Таманского архипелага. Ю.Г. Виноградов отрицает такую интерпретацию и не видит здесь имени вообще. Имя иранское, носитель – христианин.

113. **Увага(с)**. Член таманского фиаса. Надпись V в. найдена в 1868 г. Опубл.: КБН, 1099; КХНБ, 61. Имя иранское, носитель – христианин.

114. **Унила**. Епископ крымских (?) готов в 400–404 гг. (Иоанн Златоуст. Epist. Ad Olymp. XIV). Имя готское, носитель – христианин.

115. **Феодосий**. Надпись начала IV в. с упоминанием имени царя Радамсада. Отец Патреоса. Опубл.: КБН, 65. Имя греческое.

116. **Феофил**. Митрополит Готии 1-й пол. IV в. (есть подпись под Определениями I Вселенского собора в Никее 325 г.). Имя греческое, носитель – христианин.

117. **Фаиспарта**. Надпись на стене катакомбы 491 г. Найдена в 1890 г. в Керчи, Госпитальная улица. Опубл.: КХНБ, 49. Жена Савага, погребенная вместе с ним. Имя греческое (?) или иранское, носительница – христианка.

118. **Фаиспарта**. Надпись конца V в. на амулете, найденном в 1893 г. близ Акры. Опубл.: КХНБ, 53; Виноградов, 5а. Имя греческое (?) или иранское, носительница – христианка.

119. **Феликс**. Надгробие V–VI вв. Найдено в Керчи, на Глинище в 1896 г. Опубл.: КХНБ, 38. Сын Аристобула. Имя латинское, носитель – христианин.

120. **Феликс**. Надгробие V–VI вв. Найдено в Керчи, на Глинище в 1898 г. Опубл.: КХНБ, 37. Имя латинское, носитель – христианин.

121. **Филоксен**. Надгробие V–VI вв. Найдено в 1909 г. в Керчи. Погребение мастера по выделке меха, сына Агапита. Опубл.: КХНБ, 39. Имя греческое, носитель – христианин.

122. **Фотида**. Надпись V–VI вв. из Керчи. Найдена в 1913 г. Ю.Ю. Марти. Опубл.: КХНБ, 40. Имя греческое, носительница – христианка.

123. **Филон**. Надпись на стене склепа № 98 (285 г.), Керчь. Найдена в 1902 г. Имя греческое.

124. **Ханак(ес)**. Надпись позднеантичного времени (IV в.?). Опубл.: IOSPE. II. 182/2. Мастер – резчик по камню, автор надгробия принкипса Адаса. Имя иранское.

125. **Хедосбий**. Надпись позднеантичного времени. Опубл. В.В. Шкорпилом в 1914 г. [1] Царь Боспора (III или IV в.). Имя неопределенного происхождения.

126. **Феодосий**. Надгробие V–VI вв. Найдено в 1908 г. в Керчи. Опубл.: КХНБ, 17. Имя греческое, носитель – христианин.

127. **Феодора**. Надгробие V–VI вв. Найдено в 1894 г. в Керчи, на Глинище. Опубл.: СГНХВ, 91; КХНБ, 18. Имя греческое, носительница – христианка.

128. **Феодор 1**. Надгробие V–VI вв. Найдено в 1898 г. в Керчи, на Глинище. Опубл.: КХНБ, 20. Имя греческое, носитель – христианин.

129. **Феодор 2**. Надгробие V–VI вв. Найдено в 1909 г. в Керчи, на Глинище. Опубл.: КХНБ, 21. Имя греческое, носитель – христианин.

130. **Феодор 3**. Надгробие V–VI вв. Найдено в 1913 г. в Керчи, на г. Митридат. Опубл.: КХНБ, 19. Имя греческое, носитель – христианин.

131. **Феодор 4**. Надгробие VI–VII вв. Найдено в 1953 г. в Керчи, на северном склоне г. Митридат. Опубл.: КХНБ, 22. Имя греческое, носитель – христианин.

В общей сумме имен их происхождение распределяется следующим образом: эпиграфика – 117, письменные источники – 20 имен, из которых античные историки дают 15, христианские писатели – 5.

Собственно имен – 123, имен с патронимиками – 11 (т. е. даны имена 11 отцов упомянутых в надписях лиц).

По этническому происхождению: греческие – 68; иранские – 20; латинские – 11; тюркские и гуннские – 13; еврейские и прочие семитские – 7; малоазийские – 4; неопределенные – 14.

Среди названных имен боспорян – 115 (из них римских граждан – 3), выходцев из центральных районов империи – 11, небоспорских варваров – 11.

По конфессиональному признаку: христианских – 93, языческих античных – 29, иудейских – 3, языческих варварских – 12.

Мужских имен – 126, женских – 11.

По занятиям наши персоналии распределяются так: римские императоры – 4; боспорские цари – 5; боспорские царедворцы – 8; боспорские полководцы – 1; имперские военные командиры – 3; имперские чиновники – 4; варварские вожди – 5; епископы, диаконы Боспора и Готии – 6; миссионеры – 1; архитекторы – 1; резчики по камню – 1; кожевники-меховщики – 1. Род занятий остальных лиц не устанавливается.

[1] *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1913 г. СПб., 1914. № 1.

Помимо приведенного 131 имени, из нумизматических материалов [1] (монет и индикаций), найденных на Боспоре, нам известны имена позднебоспорских царей Рескупорида V (242–276 гг.), Фарсанза (253–254 гг.), Фофорса (285–308 гг.) (всего – 3), а также имена римских императоров Галерия, Констанция, Юлиана, Феодосия II, Тиберия, Юстина I, Анастасия (всего – 7). В настоящий список они не включены.

Из сообщения Константина Багрянородного также известны три имени боспорских царей: Савромата IV, Савромата V, Крискорона (Const. Porth. De adm. Imp. 53). Некоторые исследователи относили их ко времени между правлением Рескупорида VI и гуннским нашествием (т. е. к 3-й четверти IV в.). Однако общепринятая точка зрения считает эти имена и этих царей недостоверными.

Полная обработка и анализ этих материалов – дело будущего. Но уже сейчас достаточно четко видно, что общий характер позднебоспорской культуры оставался традиционным греческим, отчасти иранским, что подтверждает концепцию континуитета истории Боспора на протяжении IV–VI вв.

***

Саваг – позднебоспорский магнат V в. Биография боспорского магната V в. Савага уже была предметом рассмотрения в литературе [2]. К ней, по нашему мнению, можно предложить ряд уточнений. Если принять дату надписи царя Дуптуна (КБН, 67) за 502/503 г. [3], то получится наиболее непротиворечивая картина.

Упоминание в датированных боспорских надписях V в. № 2 («дуптуновской») и 3 («таманской») одного имени – Савага (хотя в первом случае – Сеавага (такое прочтение Ю.Г. Виноградов опускает, не комментируя, и использует прочтение Саваг), во втором случае – Савагаска) в принципе не противоречит близкой датировке этих надписей (надпись № 3 здесь хронологически привязывается Виноградовым к надписи № 2 именно на основании употребления одного и того же имени знатного боспорянина). Но имена здесь не стопроцентно совпадают, хотя в надписи № 3 возможно и чтение Савагас. Хронологическое же сближение на основании совпадения (не стопроцентного) одного имени достаточно зыбко.

В этой связи еще раз необходимо напомнить о не столь великом (скорее всего, чисто фонетическом) отличии имени Савага из керченского склепа 491 г. (как и из таманской надписи № 3, и из царской надписи № 2) от имени Забага из китейского склепа (КБН 944). Скорее всего, китейский Забаг жил

[1] Наиболее полная обобщающая работа: *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (сер. I в. до н. э. – сер. IV в. н. э.). В 2-х тт. М., 1997.

[2] *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1; *Храпунов Н.И.* К дискуссии о «Надписи Дуптуна» // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Т. 1. СПб., 2002. С. 88–90.

[3] *Болгов Н.Н.* Еще раз о Боспоре на рубеже V–VI вв. // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. 3. Белгород: БелГУ, 2006. С. 90–101.

несколько ранее керченского Савага [1], хотя датировка этой надписи V веком в принципе не исключена. Китейский Забаг, по чтению Ю.Ю. Марти и В.Ф. Гайдукевича, имел патронимик – сын Тасия. Поэтому он, конечно, не идентичен другому Савагу, сыну Аристона из надписи № 4 (478/479 г.), который жил, скорее всего, позднее китейца. Однако о надписи № 4 в нашей книге 1996 г. речь и не могла идти, так как последняя еще не была опубликована и интерпретирована в данном контексте, а других принципиальных различий с прочими надписями с именем Савага, кроме возможных хронологических, нет. От отождествления китейского Забага с его почти тезками мы все же воздержались бы в первую очередь в силу хронологического разрыва, достаточно убедительно показанного А.Л. Ермолиным и В.Ю. Юрочкиным [2].

В свою очередь, независимо от хронологии, еще раз укажем на то, что имя китейского Забага и имя Фаиспарты с филактерия из-под Акры (надпись № 5а) найдены в одной территориальной микрозоне – юго-восток европейского Боспора – и относятся к одной исторической эпохе – позднеантичному Боспору. И этот факт нуждается в дальнейшем осмыслении, поскольку в керченском склепе 491 г. была похоронена пара с теми же именами – Саваг и Фаиспарта. Принадлежность к одному «знатному семейству», клану, роду в истории обычно может быть прослежена в том числе и по лингвистическим корням, антропонимике, к чему Ю.Г. Виноградов отнесся скептически. Так что, по нашему мнению, связь между местной, локальной аристократией и столичной знатью позднего Боспора все же существовала, пусть вышеуказанное предположение весьма хрупко.

Что же касается реконструированной Ю.Г. Виноградовым на таком обширном материале биографии боспорского вельможи Савага, сына Аристона, то в ней все же остается ряд узких мест. Если с отождествлением Савага, сына Аристона (надпись № 4) и Савагаска из надписи № 3 все же можно согласиться, если отождествить имена из надписей № 5а и 5 (по давней уже традиции), то Саваг (или Сеаваг) из надписи № 2 («дуптуновской»), как и сама ее датировка, оказываются под сомнением в силу вышеуказанных замечаний общеисторического характера.

Итак, Саваг, сын Аристона [3] (как следует из надписи № 4 по Ю.Г. Виноградову), в 478/479 г. «недавно приобрел» участок рыбопромысловых угодий в районе Гермонассы. *Комит* Саваг известен на Тамани (тот же район Гермонассы) и из надписи христиан-фиаситов КБН 1099 (без даты, но шрифт и контекст V в., по мнению В.П. Яйленко). Знатный вельможа Саваг был похоронен в 491 г. с женой Фаиспартой в столице – Пантикапее. В районе Акры – Китея был найден филактерий того же времени с именем Абрагадзы

[1] Археологическое доследование склепа дало материал не позднее сер. IV в.: *Ермолин А.Л., Юрочкин В.Ю.* Повторные исследования склепа могильника Джург-Оба на Боспоре // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 89. Более полная публикация: *Ермолин А.Л., Юрочкин В.Ю.* «Склеп Савага» на Европейском Боспоре // Херсонесский колокол. Симферополь, 2008. С. 51–72.

[2] *Ермолин А.Л., Юрочкин В.Ю.* «Склеп Савага» на Европейском Боспоре. С. 54.

[3] *Виноградов Ю.Г.* Указ. соч.

(Аббагадзы) – дочери Фаиспарты (без даты, шрифт и контекст – конец V в.) [1]. Надпись царя Дуптуна упоминает сына *протевона* (В.В. Латышев) или *комита* (Н.И. Храпунов) Савага; этот сын (Аттас) [2] – сам протокомит (глава сельского округа). Датировка этой надписи 502 годом делает упоминание здесь сына Савага, уже сделавшего карьеру, более логичным (сам Саваг умер в 491 г.), чем в 483 г. [3] Наконец, в китейском склепе IV в. упоминается Забаг (Саваг), сын Тасия [4]. От прямого отождествления китейского Забага с его почти тезками мы все же воздержались бы, в первую очередь в силу хронологического разрыва, достаточно убедительно показанного А.Л. Ермолиным и В.Ю. Юрочкиным. Тем не менее «родовыми землями» клана Савагов, носивших одно и то же (или почти одно и то же) имя, должен считаться все же район Китея – Акры (три упоминания), а не Гермонассы (два упоминания), где Саваг Аристонов лишь *приобрел* владения и, очевидно, лишь поэтому стал здесь влиятелен.

Итак, китейский магнат Саваг на царской службе сохраняет свои родовые владения и приобретает новые в другой, азиатской части Боспора. В самое «темное» время «протектората» гуннов-утигуров над Боспором (посл. четв. V в. – начало VI в.) государство здесь сохраняется, но опирается оно на «сильных людей», местных магнатов, женившихся на своих землячках (Фаиспарта), делавших карьеру в столице и там, куда их назначал царь (Гермонасса), христиан по вероисповеданию, но с очень эклектичным мировоззрением, полных магических представлений. За родовыми землями в это время «присматривали» наследники (дочь Абрагадза, или Аббагадза).

Стержнем континуитета и сохранения традиций были локальные микрозоны и консервативный уклад жизни на протяжении тысячелетия, а также кланы местной знати, в силу античных традиций еще привязанные к государству.

Фаиспарта и Аббагадза – боспорянки. Нам очень мало известно о боспорянках – представительницах прекрасной половины жителей этого государства. Кроме цариц Динамии и Комосарии, а также героинь ряда надписей, нам о них почти ничего неведомо.

Относительно позднеантичного периода некоторая информация имеется в источниках лишь относительно знатной боспорянки из Китея Фаиспарты, похороненной в столице, и Абрагадзы, потерявшей свой филактерий (амулет) в китейской степи.

В районе Акры – Китея был найден филактерий (амулет) с именем Абрагадзы (Аббагадзы) – дочери Фаиспарты (без даты, шрифт и контекст –

---

[1] *Яйленко В.П.* Магические надписи Боспора // Древности Боспора. 8. М., 2005. Надписи № 5а на пластинках филактерия вообще не датированы, но в литературе существует хронологическая привязка этих надписей к надписи № 5 (из склепа 491 г.) на том основании, что в них упоминается одно и то же имя, а также христианского характера надписи. С этим можно согласиться.

[2] *Храпунов Н.И.* Указ. соч.

[3] *Виноградов Ю.Г.* Указ. соч.

[4] *Ермолин А.Л., Юрочкин В.Ю.* Повторные исследования склепа могильника Джург-Оба на Боспоре // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. Принадлежность к одному «знатному семейству», клану, роду в истории обычно может быть прослежена, в том числе и по лингвистическим корням, антропонимике, к чему Ю.Г. Виноградов отнесся скептически.

конец V в.) [1]. Фаиспарта – мать Аббагадзы, в 491 г. была похоронена в крупной семейной усыпальнице в столице – Пантикапее – вместе со своим мужем Савагом.

Придворные V в. Несомненное сокращение и деградация государственного аппарата к V в. привели к тому, что в надписи царя Дуптуна (КБН 67) кроме имени царя упомянуты лишь две важнейшие должности: эпарх и комит [2].

Титул комита в империи появляется еще при Августе. Со времен Константина комиты наделяются неопределенными компетенциями. Это – любой, данный лично или в соответствии с положением титул. Комиты провинций империи существовали только в 327–336 гг. [3]

В.Д. Блаватский считает, что комитом мог быть как боспорский чиновник, так и византийский магистрат, по поручению императора решавший вопросы укрепления обороноспособности Боспора [4].

В Восточной Римской империи с конца IV в. не было должности собственно комита. Была целая дифференцированная система: комит личного имущества императора, комит военных дел (командующий частями регулярной армии в отдельной провинции), комит – главный казначей, комит-военачальник, ведавший главными императорскими конюшнями, комит – заведующий сбором доходов с государственных и частных имуществ и их эксплуатацией.

Таким образом, главные функции комита в ранней Византии – военные и фискальные. Таковыми же они могли быть и на Боспоре. Однако византийский комит был слишком важной должностью в империи, чтобы быть назначенным на Боспор. Подобного прецедента не знают синхронные государства на периферии империи. Лишь раз император послал на Боспор комита Иоанна, но перед ним была поставлена важная стратегическая задача – аннексия Боспора (533 г.) [5]. Тем более вряд ли византийский комит мог иметь варварское имя Опадин (Спадин). Поэтому более правдоподобно будет предположить, что комит царя Дуптуна был местным боспорским магистратом. Действительно, невозможно подтвердить источниками византийское присутствие на Боспоре в какой-либо форме в V в. Кроме того, комит трижды упоминается в боспорских надписях V в.

Ю.Г. Виноградов в одной из надписей V в. читает имя еще одного боспорского комита – Аристона (отец Савага, надпись № 4, 478/479 г.).

---

[1] *Яйленко В.П.* Магические надписи Боспора // Древности Боспора. 8. М., 2005. Надписи № 5а на пластинках филактерия вообще не датированы, но в литературе существует хронологическая привязка этих надписей к надписи № 5 (из склепа 491 г.) на том основании, что в них упоминается одно и то же имя, а также христианского характера надписи. С этим можно согласиться.

[2] Подробнее см.: *Brehier L.* Les Institutions de l'empire Byzantin. P., 1949.

[3] *Моммзен Т.* История римских императоров. СПб., 2002. С. 433.

[4] *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время // *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 255.

[5] *Кулаковский Ю.А.* К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове. СПб., 1895. С. 8.

Должность принкипса происходит явно от латинского «принцепс» в греческой передаче, но обозначает на Боспоре лишь придворного. По имени из принкипсов известен один Адас, надгробие которого сохранилось в Пантикапее.

Протокомит Устан. Есть косвенные указания на существование нецерковного территориального самоуправления: уже упоминавшееся общественное здание в Танаисе площадью до 50 кв. м, надпись 1962 г. из Фанагории, в которой упоминается протокомит Киммериды Устан («первый в коме», т. е. сельский староста) [1]. В.П. Яйленко считает, что протокомит возглавлял сельский округ Киммериду, т. к. в IV–V вв. там уже не было городов [2]. Если это был глава округа, то, скорее всего, не наместник из центра, а именно глава гражданского самоуправления. Вряд ли это был и византийский наместник, т. к. имперский контроль над Киммеридой был недолгим – около 20 лет. На местный характер правления Устана указывает также его иранское имя.

И.П. Засецкая, подчеркивая, что Боспор длительное время был «самостоятельным сначала государством, а потом городом» [3], отметила именно данный аспект проблемы, т. е. выход на первый план негосударственных структур. Более конкретного материала, к сожалению, пока нет.

Ко 2-й пол. V в. Ю.Г. Виноградов отнес надпись Устана (Кимирия). Протокомита он считает важным придворным чином («первым комитом»), а по контексту устанавливает, что этот человек погибает в бою, сраженный выстрелом из лука. Остается непонятным, в каком бою мог быть сражен из лука в бою протокомит – важное должностное лицо, и какой противник разбил его (утигуры?) [4].

Видимо, правильнее считать эту должность все же примером «региональной администрации» на местах.

Епископы. Переживавшие относительный упадок боспорские города нашли поддержку в лице церкви, как и в империи в целом. Поднимая роль города как религиозного, епископального центра, церковь тем самым уже в новой, христианской форме в течение определенного времени освящала и подкрепляла своим авторитетом прежнюю полисную идею господства города над сельской округой. Таким образом, многое в ее деятельности носило особый, позднеантичный характер и в конечном счете поддерживало остатки и традиции античной городской общины [5]. В условиях Боспора V в., а особенно «гуннского протектората» 2-й половины этого столетия, церковь выступала

---

[1] *Яйленко В.П.* О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. 48. 1987. С. 167–168. Аналогии – из Малой Азии.

[2] *Яйленко В.П.* «О бедном Устане замолвите слово...» (новая позднеантичная надпись из Киммерия на азиатском Боспоре) // MNEMA: Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002. С. 288–303.

[3] *Засецкая И.П.* Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя (конец IV – начало VII вв.) // АСГЭ. 30. 1990. С. 105.

[4] Там же. С. 246.

[5] *Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 126–127.

фактически как преемник и наследник многих функций Боспорского государства, прежде всего в сфере организации общественной жизни [1] на местах [2].

К 325 г. формируется Боспорская епископия: на Никейский Собор прибыл Боспорский епископ Кадм (в греч. версии списка участников) или Домн (в синайской и арабской версиях).

Один епископ из Боспора упоминается Созоменом в числе архипастырей, которые должны были в 344 г. из каждого народа явиться на собор в Никомидию; этот епископ, прибыв сюда ранее других, погиб во время случившегося в Никомидии страшного землетрясения.

Евдоксий присутствовал на трех поместных Соборах: Константинопольском в 448 г., когда под председательством патриарха Флавиана в первый раз произнесено было осуждение на ересь Евтихия; Эфесском в 449 г., где незаконно Евтихий был оправдан, а Флавиан осужден; и на Константинопольском в 459 г., целью которого было прекращение усилившейся симонии.

Иоанн в 519 г. подписался под отношением Константинопольского Собора к местному патриарху Иоанну о возобновлении на священных скрижалях (diptycha) имен патриархов Евсевия и Македония, которые этот новый патриарх повелел стереть, а в 536 г. присутствовал на новом Константинопольском Соборе под председательством патриарха Мины.

§ 2. Византийцы на Боспоре

Завоевание Боспора империей при Юстиниане являет собой редкий пример не столько реставрационных, сколько экспансионистских устремлений этого императора и империи в целом. В связи с этими событиями в письменных источниках упоминаются имена некоторых византийских военных командиров, часть которых принадлежала к высшей знати (Проб – племянник императора Анастасия), часть – к варварским командирам (Годила, Бадуарий). Этническое происхождение Иоанна и Далматия неизвестно, но комит Иоанн был потомком ведущей военной знати эпохи Анастасия (внук Иоанна Скифа). Все эти имена упоминаются в связи с обстоятельствами присоединения Боспора к империи.

Факт отправки крупных полководцев и придворных на Боспор находился в русле реставрационной политики Юстиниана, отправлявшего на отвоевание (или завоевание) провинций и территорий действительно важных и значимых военачальников. К сожалению, значительно меньше информации мы имеем относительно мирного обустройства администрации Византийского Боспора.

Рассмотрим этапы биографии византийцев, оказавшихся на Боспоре в это время, подробнее.

---

[1] По мнению А.К. Амброза, не подкрепленному аргументами, склеп Савага и Фаиспарты 491 г. мог принадлежать церковной знати Боспора. См.: *Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995. С. 60.

[2] *Русяева А.С., Зубарь В.М.* Боспор Киммерийский: история и культура. Николаев, 1998. С. 106.

1. Флавий Проб (Fl. Probus, 8; PLRE, II, 912–913), консул 502 г., военный магистр 526 г., патрикий, принадлежал к высшей знати империи. Племянник императора Анастасия (Anon., Val., 13. 74–5; Malal., 438; Marcell. com. s. a. 532; Proc., BP, I, 12. 6), он сохранил влияние при дворе и в период правления Юстина. Имел двоюродных братьев Гипатия (Ипатия) и Помпея (Marcell. com. s. a. 532).

Консульство 502 г. разделил с Руфием Магном Фавстом Авиеном Младшим.

Важным этапом жизни Проба стало знакомство с монахом Севиром (позже патриархом Антиохии), и именно Проб первым ввел его к Анастасию (Zach., HE, VII, 10) предположительно в 508 г., когда Севир посетил столицу. Севир Антиохийский в письме, написанном им в ссылке (период ссылки: 519–538), называет Проба στρατηλάτης (Sev. Ant., Ep. 79).

Имя Проба встречается вместе с Гипатием в списке наиболее знатных лиц, названных в аккламациях в расследовании относительно дела Петра Апамейского в начале 519 г.

В 526 г. Юстин отправил Проба в посольство к гуннам-утигурам на Боспор. Пробу была дана сумма денег для найма войск среди гуннов в помощь иберийцам против нападений персов, но, найдя миссионеров, работающих среди гуннов, Проб, по всей видимости, потратил большинство денег, с одобрения Юстина, на их обращение (Proc., BP, I, 12. 6–9; Zach., HE, XII, 7). В отношении вождя Грода был достигнут успех, и с ним был заключен договор (528 г.) уже при Юстиниане. Вероятно, Проб был *magister militum* во время этих событий.

Возможно, в 528 г., сразу после поражения Константиола и Аскума от болгар, Проб был обвинен по клевете перед Юстинианом. Дело проходило в имперском консистории, но Юстиниан разорвал документ и открыто простил Проба (Joh. Mal., 438).

Когда в 532 г. вспыхнуло восстание «Ника», Проб подозревал, что толпа могла разыскивать его, чтобы провозгласить его императором, и он покинул свой дом, так что его не смогли найти (Chron. Pasch., s. a., 532; Marcell., com., s. a., 532). Марцеллин Комит называет Проба активным повстанцем наряду с Гипатием и Помпеем. Толпа восставших направилась к его дому около гавани Юлиана и спалила его дотла, не найдя хозяина (Theoph., AM 6024). Проб был, очевидно, изгнан Юстинианом после восстания, а его собственность конфискована, но в 533 г. Юстиниан вызвал его обратно и восстановил его имущество (Joh. Mal., 478).

Проб был всё ещё жив и проживал в Константинополе в 542 г.; он сдавал жильё в течение двух лет (540–542) в своем доме Иоанну Эфесскому и некоему священнику Павлу (Joh. Eph., V., SS., Or. 10 (=Patr., Or., XVII, P. 157).

По вероисповеданию Проб был монофизитом (Zach., HE, VII, 10, XII, 7, Joh. Eph., V, SS., Or., 10, Sev. Ant., Ep. 79), как и многие другие видные деятели эпохи Анастасия.

Таким образом, Проб стоит у истоков покорения Боспора империей, так как он начал процесс христианизации местных племен, доминировавших

в регионе, и образования филархата утигуров, что непосредственно предшествовало аннексии.

2. Далматий (Dalmativs; PLRE IIIA, 384), военный трибун (tribunus militum), в 528 г. был назначен командующим византийским гарнизоном Боспора, который Юстиниан поставил здесь, после договора с Гродом, чтобы защищать город и собирать дань. Это был промежуточный вариант установления контроля империи над регионом, пока не предполагавший прямого правления, а предназначенный дополнить установившийся союз с утигурами – главной силой в регионе.

Далматий и его люди были вероломно атакованы и убиты братом Грода Мугелем (Муагерием), который восстал против христианизации и режима филархата. В ходе мятежа первоначально был убит Грод (Malal, 431–432; Theoph., AM 6020; Cedr., I, 644 – τὸντρι βοῦνον Δαλματίας), а затем захвачен Боспор. Прямой власти над Боспором у гуннов доселе не было. Поэтому данный захват спровоцировал империю на установление прямого правления.

3. Годила (Godilas 1; PLRE IIIA, 539–540), военный магистр Фракии 528 г., сыграл главную роль в захвате Боспора. Будучи готского происхождения, служил в армии империи со времен Анастасия. Будучи кампидуктором полка ланциариев (Καμπιδούκτωρ τῶν λαγκιαρίων), в 518 г. он поддержал провозглашение в качестве императора Юстина I (Const. Porph., decer. 93) и, по некоторым данным, возложил шейную цепь на голову Юстина при его провозглашении императором.

В 528 г., когда булгарская армия вторглась в Скифию и Мёзию, нанеся поражение Бадуарию и Юстину, и совершила набег на Фракию, Годила с Константиолом и Аскумом встретили врага и нанесли ему поражение, а также убили их вождей. Тем не менее после битвы они были атакованы и обращены в бегство другими булгарами; при этом три командира в преследовании были захвачены в плен, и только Годила смог разрезать веревку аркана, освободиться и бежать (Malal., 438 – ὁι Ῥωμαίωνστρατηγοί; Theoph., AM 6031 – ὁιστρατηλάται). Годила предположительно имел ранг *magister militum*, так как он, несомненно, был как минимум равен по власти Бадуарию, Аскуму и Константиолу.

В том же 528 г. (?) Годила и Бадуарий повели экспедицию по суше из Одесса, чтобы освободить Боспор, захваченный гуннами-утигурами (Theoph., AM 6020, Cedr., I, 645). Его имя пропускается при сообщении об этих событиях в сохранившемся тексте Иоанна Малалы (Malal., 432), но Иоанн Никиусский дает имя Tùlian и звание «командир флота» (Joh. Nik., 90. 68–69), что, вероятно, является испорченным Godilas (хотя роль «командира флота» фактически относится к Ioannes 7 PLRE).

Экспедиция увенчалась успехом, и Боспор был включен непосредственно в состав империи.

4. Бадуарий (Baduarius 1; PLRE IIIA, 163–164), военный магистр Скифии и стратиг (στρατηγός) в 528 г. (Malal., 432, 437, Joh. Nik., 90. 69 – Βαουδάριος; Theoph., AM 6031 – Βαδούριος; Theoph., AM 6020, Cedr., I, 645 –

Βαδύριος); στρατηλάτης... τῆς Σκυθίας (Theoph., AM 6031; Joh. Mal., 437 – στρατηλάτης Ῥωμαίων).

В 528 г. Бадуарий и Юстин (Iustinus 1), соответственно, дуки (*duces*) Скифии и Мёзии Второй, совместно встретили в битве армию булгар (Иоанн Малала называет их гуннами), которые вторглись в Скифию и Мёзию; при этом Юстин был убит, а захватчики поспешили во Фракию (Malal., 437; Theoph., AM 6031). Бадуарий не упоминается в связи с дальнейшими операциями империи против этих захватчиков, возможно, потому что они удалились из Скифии.

В том же 528 г. Бадуарий вместе с Годилой повел экспедицию по берегу из Одесса на Боспор. Наряду с этим была также отправлена морская экспедиция под руководством Иоанна (Ioannes 7) (Malal., 432, Theoph., AM 6020 – διά γῆς ἀπὸ Ὀδυσσοπόλεως); Joh. Nik., 90.69; Cedr., I, 645).

5. Иоанн (Ioannes 7; PLRE, IIIA, 625–626), почетный консул с 528 г. (ἀπὸ ὑπάτων, в 528; Malal., 432, Theoph., AM 6020, Cedr., I, 645). Внук Иоанна Скифа (PLRE, II, Ioannes 34), консула 498 г., сыгравшего основную роль в разгроме мятежа Илла в 484 г. и разгроме исавров в 490-е гг. (Theoph., AM 6020, Cedr., I, 645). Он был, следовательно, также внуком Сильвана (PLRE, II, Silvanus 7), племянником Тимострата и двоюродным братом Руфина (Rufinus 7) и Иоанна (Ioannes 87).

Иоанн никогда не занимал ординарного консульства и был поэтому почетным консулом. Это звание, как правило, сохранялось в течение всей жизни.

В 528 г. Иоанн был назначен κόμης στενῶν τῆς Ποντικῆς θαλλάσης (Comes Angvstiarvm Pontici Maris) со штаб-квартирой в Гиероне (Malal., 432). Это звание предполагало ответственность за таможенный пост, незадолго до того созданный в Гиероне Юстинианом (Proc., Anecd., 25. 6 – в Абидосе и Гиероне).

Когда Иоанн принял назначение, пришли новости о том, что гарнизон Боспора уничтожен гуннами под руководством Мугеля. Иоанн был отправлен Юстинианом с готскими силами на Боспор по морю, в то время как Годила и Бадуарий пошли по суше. Гунны-утигуры бежали при их подходе (Malal., 432–433: καὶ ἀκούσας ταῦτα ὁ ἀυτὸς βασιλεύς ἐποίησε κόμητα στενῶν τῆς Ποντικῆς θαλάσσης ὅν ἐκέλευσε καθῆσθαι ἐν τῷ λεγομένῳ Ἱερῷ εἰς ἀυτό τὸ στομίον τῆς Πόντου, Ἰωάννην τὸν ἀπό ὑπάτων, ἀποστείλας ἀυτόν μετά βοηθείας Γοτθικῆς; Theoph., AM 6020; Cedr., I, 645; Joh. Nik., 90. 68). В 540 г. Иоанн был отправлен с неким Юлианом (Iulianus 8) в качестве посланника к Хосрою в Иран (Proc., BP, II, 7. 15). Больше о его судьбе и карьере сведений нет.

6. Ангула(т) (IOSPE V, 329) – византийский трибун, исавр по происхождению, который был назначен патером полиса в Пантикапее-Боспоре после присоединения территории Боспора Киммерийского к империи (надпись датируется наиболее вероятно 548 г.). Возможно, совпадает с таксиархом в Лазике в 556 г. (PLRE III, 82).

Все указанные византийцы, оказавшиеся на Боспоре VI в., сделали достаточно серьезную карьеру. Двое из них были тесно связаны с двором Анастасия (Проб – племянник императора; комит Иоанн – внук полководца

Иоанна Скифа, главного защитника трона Анастасия). Проб был (нехотя) связан с восстанием «Ника» как один из династических претендентов на трон.

Годила и Бадуарий – представители несколько иного социального слоя. Это варвары готского происхождения, предводители «испанских полков готов», которые были связаны скорее с военной знатью эпохи Юстина, были причастны к его воцарению и стали региональными военными магистрами (Фракии и Мёзии II) [1]. Военный трибун Далматий ближе неизвестен ни этнически, ни карьерно.

Таким образом, единственный в Ранней Византии эпизод завоевания целой новой страны (не считая сокрушения королевства вандалов в Африке; этот регион был издавна в составе империи) представляет собой очередной «боспорский феномен» из целого ряда таковых случаев самого разного рода. Глядя «из Византии» на эти события, очевидна важность Северного Причерноморья для империи в тот момент, когда гуннский импульс стал угасать, а империя – усиливаться. Тогда и понадобилось вспомнить о сильно варваризованном, но всё же греческом христианском очаге цивилизации, который мог стать естественной опорой Константинополя посреди «моря варваров» севера.

О важности завоевания Боспора говорит факт отправки для его покорения представителей высшей придворной и военной знати империи.

§ 3. Позднебоспорская элита и элита империи

Боспор много столетий являлся единственной альтернативой универсальной имперской государственности внутри античной цивилизации. Вплоть до эпохи Юстиниана Боспор развивался в известной мере независимо. Поэтому вызывает большой интерес сопоставление основного и периферийно-альтернативного варианта организации и состава элит, т. е. в империи и на Боспоре.

Традиционная землевладельческо-военная элита. Представители собственно позднебоспорской (наследственной, землевладельческой) аристократии, обладая экономической мощью (М.И. Ростовцев для первых веков н. э. называл их «сарматизированными феодалами»), не смогли создать особого политического органа при царе по типу парфянского совета знати. Причина в том, что все государственные служащие обладали суммой прав и обязанностей, определяемых царем.

На Боспоре отчасти продолжали сохраняться античные традиции выборности и ненаследственности магистратур, что значительно ограничивало претензии традиционной землевладельческой аристократии и направляло ее устремления в рамки военной службы. Это была единственная сфера, где

[1] *Головина О.В.* Германцы в Ранней Византии. Автореф. … к. и. н. Белгород, 2017. С. 22–23.

традиционная знать могла достойно для своего статуса включаться в дела государства.

Военная организация позднего Боспора может быть реконструирована лишь в самых общих чертах. Руководил войском лично царь. Далее следовали хилиархи (тысяченачальники), лохаги, стратеги, а также наварх. Единая прежде оборонительная система со временем приобретала локальные черты. Звеньями этой системы были сторожевые посты, сигнальные башни, маяки, небольшие крепости. Среди военных должностей Боспора известны: принкипс, тагматарх, «начальник отряда». Даже в V в. боспорское войско сохраняло элементы правильной организации. Так, в керченском склепе 1904 г. был похоронен военачальник со знаменем отряда, подобным римскому орлу. Весьма вероятно, что высшая боспорская (военная) знать участвовала в походах племен гуннского союза в 1-й пол. V в.

Важная роль этой группы элиты хорошо прослеживается по богатым погребениям знатных родов в семейных склепах.

Чиновно-бюрократическая элита. Боспорский государственный аппарат был окончательно оформлен в первые века н. э. В позднеантичное время его составляла особая группа людей – чиновников, назначаемых царем. Показателем социальной значимости высших боспорских чиновников могут служить их римские личные имена. Наделение боспорской знати римским гражданством должно было способствовать ее политической ориентации в сложной борьбе группировок при дворе.

Очевидно, что за влияние при дворе должны были бороться как минимум две группировки – традиционная землевладельческая, она же и военная, знать и незнатная по происхождению бюрократия. Чтобы не допустить формирования аристократической оппозиции, главные места на царской службе были отданы царским отпущенникам. Таким образом, при дворе большей частью доминировала группировка из бюрократии, обязанной своим возвышением лично царю.

Вертикальная социальная мобильность, разумеется, была выше в группе «второй элиты». Через этот канал более способные, но менее знатные могли подняться наверх. Война же постоянно держала «в форме» и традиционную знать. Так что в целом можно говорить о достаточной активности боспорских элит, которые не коснели вдали от двора и политики и не замыкались в своих поместьях, как западноримские аристократы V в.

Количество лиц, так или иначе причастных к дворцовой службе в столице, было весьма значительно: двор и магистраты с их семьями и слугами составляли в IV в. до 1/10 части населения Пантикапея (по подсчетам В.Д. Блаватского).

Одной из важнейших должностей была должность «наместника царства» или «наместника царской области». Это был, скорее всего, внешний имперский представитель – «наблюдатель» и «опекун» (в силу сохранения клиентского статуса Боспора).

В надписи царя Дуптуна (V в.) упоминаются новые должности – эпарх, комит, возможно – протевон («первенствующий»). Трудно судить, военные

ли это должности или гражданские, и какая из двух элит их занимала. Возможно, здесь мы наблюдаем определенное смешение функций, в то время как в империи разделение военного и гражданского управления в рассматриваемый период еще сохранялось.

Из других общебоспорских должностей важны «начальник отчетной части», служащие приходных канцелярий, исполнители судебных решений, аланский переводчик и др. В государственной канцелярии состоял целый ряд секретарей. Известно до пяти наименований этих должностей.

Итак, центральный правительственный аппарат позднего Боспора в основных своих чертах оставался позднеэллинистическим с учетом имперского протектората. Античные традиции выборности и сменяемости магистратур воспрепятствовали окончательной ориентализации боспорской государственности.

Провинциальная (местная) элита. Помимо групп элит, прямо причастных к общегосударственному управлению и общегосударственным делам, можно выделить местную элиту. В империи таковая делилась на провинциальную (элита провинции при дворе ее правителя) и муниципальную (в городах).

Роль провинций на Боспоре выполняли отдельные административные округа. В начале позднеантичного периода продолжали существовать некоторые элементы местного административного управления. К догуннскому времени относится сохранение должностей «начальника Острова» и «начальника аспургиан». Административно-территориальное деление имело две основные функции – военно-стратегическую и налогово-фискальную.

Жизнь и быт городской верхушки позднего Боспора недостаточно известны. Очевидно, что никакого самоуправления в городах в V–VI вв. уже не было, разве что кроме восстановленного «постантичного» Танаиса, но это местное самоуправление было не столько полисным античным, сколько варваризованным общинным. Однако городская (торгово-ремесленная) знать должна была существовать, и с ней должны были сотрудничать назначаемые государством региональные правители и чиновники. На смену муниципальной организации в городе должен был прийти широкий спектр неофициальных микрообществ. Одна из надписей VI в., где можно восстановить должность архонта, по нашему мнению, вряд ли связана с самоуправлением, так как архонт – один из титулов ранневизантийской знати.

Церковь. С успехами христианизации возвышалась церковная организация. На Боспоре с 325 г. известна епархия. Верхушка клира должна была составить особый слой элиты.

Варваризованная и варварская элита. Поздний Боспор разительно отличается от империи тем, что на его территории почти изначально проживали варвары, так или иначе сосуществовавшие с боспорянами внутри страны («внутренние варвары»). Их знать составляла особый слой боспорских элит, близкий военно-земледельческой традиционной по своему характеру, но несколько автономной в силу своего местами обособленного проживания и самостоятельной роли в военной организации.

Близ Боспора постоянно жили и «внешние» варвары, которые часто ему служили как энспонды-федераты со своими командирами, а иногда и враждовали.

Империя. Что касается империи, то среди ее элит на первом месте, безусловно, находились придворные чины, ранжированные на классы [1]. Принципиальной разницы между военной и чиновной службой для карьерного успеха не было. В силу вертикальной социальной мобильности постоянно поддерживалась активность элит. Никто не был гарантирован от стремительного падения. В то же время было возможно и быстрое возвышение.

В отдельные устойчивые группы можно выделить военную знать [2] и сенаторскую знать Константинополя, влиятельную при дворе [3].

Провинциальная элита формировалась вокруг наместника при его дворе в столице провинции и во многом повторяла (на меньшем уровне) столичную знать. Гражданская и военная администрации провинций до конца VI в. были еще разделены, что накладывало отпечаток на специфику элит. Крупные провинциальные землевладельцы в ранневизантийский период еще не играли заметной политической роли.

Муниципальная знать оставались наиболее влиятельным слоем в городах в силу сохранения городского самоуправления до конца позднеантичного периода [4].

Верхушка клира составляла особый род элиты, чья роль проявлялась в столице (патриарх), крупных региональных (провинциальных) центрах, а также на уровне города (епископ).

Таким образом, при сравнении элит империи и Боспора можно сделать ряд наблюдений:

– двор и придворные составляли высший слой элиты и там, и там, но в империи разделение между военной и чиновной знатью носило менее твердый характер; придворная знать формировалась уже не из удачливых вольноотпущенников и авантюристов (ряд которых начинается еще с Сеяна, Нарцисса и Палланта), а из оформившейся константинопольской наследственной сенаторской знати; военная знать империи носила более мобильный характер, не так сильно, как на Боспоре, была связана с землевладением и в целом уступала ведущие позиции «гражданской» сенаторской придворной знати, лишь иногда вмешиваясь в политическую жизнь;

– слой провинциальной элиты на Боспоре отсутствовал в силу небольших размеров страны и четкого единого административного деления; в им-

---

[1] *Гийан Р.* Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.) // Византийский временник. Т. 24. М., 1964. С. 35–48.

[2] *Глушанин А.П.* Военная знать Ранней Византии. Барнаул, 1991; *Беда Р.А.* Военная знать Ранней Византии в послеюстинианову эпоху (565–641 гг.). Автореф. канд. дисс. Белгород, 2015.

[3] *Чекалова А.А.* Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII века. М., 2010.

[4] *Laniado A.* Recherches sur les notables municipaux Dans l'empire protobyzantin. Paris, 2002; *Laniado A.* From municipal councillors to 'municipal landowners': Some Remarks on the Evolution of the Provincial Elites in Early Byzantium // Chlodwigs Welt. Schtuttgart, 2014. P. 545–566.

перии же эти группы имелись, однако провинциальные землевладельцы играли небольшую роль, не находясь на непосредственной службе государству;

– муниципальной элиты на Боспоре не было в силу отсутствия городского самоуправления;

– варвары в империи стремились войти в существующую военную (и отчасти гражданскую) элиту без сохранения себя как особого слоя в ней; на Боспоре же они (даже «внутренние» варвары) всегда были автономны;

– о роли церковной элиты на Боспоре и ее взаимоотношениях с государством мы не можем судить в силу недостатка источников, но очевидно, что роль церкви была здесь меньше, чем в империи, в силу хотя бы того обстоятельства, что ее руководство находилось в империи;

– в империи была важна роль интеллектуалов и образования; через высшую школу в значительной мере столичная и муниципальная знать получала подготовку для государственной службы; о школе на Боспоре нам ничего не известно;

– в целом элита на Боспоре была достаточно подвижной, ее представители, имея опору в том или ином локусе (микрозоне) [1] могли сделать карьеру в столице, занимать должности в различных регионах [2], а высшие должности на Боспоре подражали имперским [3].

С 530-х годов Боспор непосредственно вошел в состав империи, и местные элиты лишились собственной полноценной политической роли, уступив место военному провинциальному византийскому управлению.

Приложение

ПОЗДНИЙ БОСПОР КАК НЕОЖИДАННЫЙ ПРЕДМЕТ ФЕЙКОВОЙ ИСТОРИИ

Поздний Боспор является одним из наиболее интересных, но сложных предметов для изучения – на стыке античности и средневековья, Европы и Азии, Запада и Востока. К сожалению, письменных источников для его истории с середины IV по начало VI вв. мы не имеем.

Тем показательнее стремление заполнить этот существенный пробел. Совершенно неожиданно довелось убедиться в том, что поздний Боспор обрел такую популярность на просторах интернета, что некий умелец (либо целая бригада таковых) попытался в жанре folk-history сочинить политическую историю последних столетий античного Боспора взамен утраченной.

Замысел этот, конечно, благородный, но, увы, совершенно ненаучный. Беда, однако, заключается в том, что по внешним признакам покушение на

[1] *Болгов Н.Н., Болгова А.М., Рябцева М.Л.* Еще раз о Саваге – магнате из Китея (V в.) // Боспорский феномен. СПб., 2011. С. 247–250.

[2] *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1. С. 233–247.

[3] *Храпунов Н.И.* Администрация Боспора в V в. н. э. // Древности Боспора. 15. М., 2011. С. 352–369.

реальную боспорскую историю совершено в принятых ныне формах, которым столь доверяет научная и просто молодежь – в форме статей в «Википедии». Целый ряд – до десяти – таких статей были случайно обнаружены нами весной 2020 г. во время первого печально известного мирового локдауна.

Указанные статьи более-менее похожи на настоящие – со списком литературы, хотя и минимальным, с гиперссылками. Легко принять их за настоящие, если знать тему лишь поверхностно.

Итак, речь идет о заполнении периода 343–528 гг. списком имен царей Боспора, которые нам на самом деле неизвестны. На каждого такого царя автор не поленился создать отдельную статью, даже попытался реконструировать какие-то события каждого «правления», искусно вплетая известные из реальной истории факты.

Чувствуется единый замысел, возможно, одна рука. Настоящую научную статью на таком материале не сочинишь, на книгу – маловато материала. А вот на ряд статей в «Википедии» – в самый раз.

Кто мог совершить столь коварную диверсию – можно только догадываться. В истории, как и в любой другой области человеческой деятельности, немало фанатичных любителей и просто нездоровых людей. Возможно, это «юноша бледный со взором горящим», который не хочет или не может официальным путем 9–10 лет идти к ученой степени, чтобы потом не найти работу по специальности. Возможно, это дело братьев из сопредельного государства, которые горячо любят Боспор. На последнюю версию косвенно указывает одна ссылка, которую, к сожалению, пока мы не можем проверить [1]. Возможно, вся эта «история» изложена уже там. Остальные ссылки и библиография из всех прочих статей «Википедии» – фейковые. В них на самом деле ничего не говорится – и не может говориться – о придуманных царях Боспора.

Но сам по себе это список красив. Впору писать роман и населять реальную историю персонажами, которые могли быть реальными. Такова в принципе и вся folk-history. А, может быть, автору удалось лично побывать в поздней античности? В период пандемии и домашнего затворничества и не такие чудеса становятся возможными…

Итак, новые цари Боспора, открытые неведомым мастером виртуальных искусств:

Рескупорид VIII [2]	**342/3–359 гг**.
Савромат V	359–370
Савромат VI	370–391
Тейран II	**391–421**
Агаллис, гот	**421–430**
Рескупорид IX	**430–458**
Гадигез, гот	**458–470**
Дуптун	470/474–491/500 (на самом деле до 503)

[1] Україна: хронологія розвитку з давних часів до пізньої античності. Т. 1. К., 2007. 544 с.

[2] VIII или VII. Последний реальный царь Рескупорид VI (VII) правил в 314–343 гг.

Грод Гуннский, архонт 503–528
Мугель, гунн, архонт 528–534

Выделенные жирным шрифтом имена и даты являются абсолютно вымышленными. Остальные упоминаются в источниках, но или без точных дат правления, или без указанных титулов.

Дополнительно можно указать на то, что автор данной концепции не очень связал концы с концами относительно принадлежности своих «царей» к династии Тибериев Юлиев. Он непоследовательно, явно не продумав вопрос, в спешке относит или не относит к династии того или иного «царя», независимо от его «политики». Поэтому к легитимной династии у него может принадлежать варвар, а резкая смена курса по отношению к империи объясняется какими-то вескими, но неясными причинами, независимо от династической принадлежности.

Также явным признаком фейка является использование термина «архонт» для гуннских правителей в рамках «протектората» над Боспором. Сам термин может, конечно, употребляться и в широком смысле, но зачем его придумывать, если есть подлинный термин «филарх». Два гуннских архонта в этом списке подлинные, известные из византийских источников, но возглавляли они совсем другое племя – утигуров, а не сарагуров или оногуров – тут автор опять поспешил и не разобрался. Хронология их доминирования над Боспором, правды ради, не указана, но она легко восстанавливается.

Наконец царь Дуптун действительно существовал, его имя известно из эпиграфики, но время правления «скачет» от 402 до 503 г. В рассматриваемой же фейковой истории автор учел спорные версии и колеблется в хронологии, предлагая две версии.

В целом наш автор неоднократно ссылается на «противоречивые мнения специалистов», но никогда их не приводит поименно.

Главное же в опусе нашего автора – это то, что он ни разу не ссылается на источники. И это не случайно – ибо источников таких нет.

Следовательно, сей «исторический роман» способен лишь пробудить интерес к «темным векам» позднего Боспора. Вреден ли он – не знаю. Ум студента, который хоть немного занимается наукой, этот фейк не смутит. Отвечать же явную ерунду на семинаре, опираясь на указанные статьи в «Википедии», тоже не получится – тема слишком редкая и специальная.

Так что писал все это, по всей видимости, достаточно молодой человек, любящий поздний Боспор, относительно разбирающийся в теме, возможно, закончивший истфак, не очумелый фанат-любитель, но который почему-то не может идти в науке легальным путем, а хочет чем-то самоутвердиться, но главное – кому-то насолить – либо самой жизни за то, что не сделала главным специалистом по позднему Боспору, либо коллегам, которые как-то смогли это сделать, либо всей отечественной науке. Не хочется думать, что это просто болезнь, ведь «от большого ума» не всегда бывает хорошее в жизни, особенно весной.

Ну а студентам и околонаучной общественности остается привести всю эту историю как пример бдительности по отношению к «Википедии». Осо-

бый привет ее научным модераторам, пропустившим этот замечательный перл около 10 раз.

А лучше всего следующим летом (или позже) отправиться в экспедицию на Боспор и попытаться найти – конечно, надписи (ибо другие источники на эту тему найти нельзя) – с именами царей позднего Боспора. Ведь чего только не бывает в нашей стремительно меняющейся жизни…

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе был показан в различных своих проявлениях процесс континуитета между античностью и ранним средневековьем в Северном Причерноморье, исследованы финальные фазы материальной культуры, социально-политической организации, культурно-идеологической сферы.

Исходной посылкой к работе послужило понимание того, что поздняя античность представляет собой особый этап в эволюции античной цивилизации, обладающий специфической, но внутренне единой материальной культурой, спецификой социально-политических форм, сложными культурными процессами [1]. В античном мире всегда существовала сложная и эволюционирующая система «центр – периферия» [2]; в эпоху поздней античности северопонтийский регион представлял собой особую зону, имевшую тысячелетнюю традицию развития.

Палеогеография региона в эпоху поздней античности имела значительные отличия от современной, особенно в отношении уровня моря, очертаний берегов, характера флоры и фауны, климата. Характер расселения при этом был локальным, очаговым, сформировавшимся на основе естественно-природных микрозон, составивших территориально-хозяйственные комплексы. Подобный вывод делается и обосновывается впервые.

Материальная культура античного населения Северного Причерноморья в конце III–VI вв. отличалась принципиальным единством и преемственностью по отношению к предыдущему времени. Находки на территории городищ и некрополей убедительно демонстрируют континуитет материальной культуры и сохранение сложно организованной стратифицированной социальной организации. Он прослеживается в сохранении прежних традиций градостроительства, фортификации, планировки, топографии поселенческих структур. Особое значение имеет сохранение традиций и преемственность погребального обряда, прослеживающееся по материалам некрополей.

Датировки основных категорий материальной культуры, предложенные А.В. Сазановым и другими исследователями, убедительно свидетельствуют о продолжении античного этапа истории региона на протяжении конца III–VI вв. Особенно важен факт сохранения импорта отдельных видов предметов (краснолаковая керамика, стекло) на протяжении всего позднеантичного времени из различных провинций империи. Вместе с тем датировки отдельных категорий материальной культуры нуждаются в дальнейшем детальном уточнении, более полной и точной синхронизации, в особенности керамического комплекса. Эта огромная специальная работа уже начата исследователями.

Боспорское государство претерпело в изучаемый период определенную эволюцию, дав особый, периферийный вариант континуитета, близкий к византийскому, но, по нашему мнению, не тождественный ему. Херсонес имел неопределенный политический статус, балансируя между независимостью и

[1] *Cameron Av.* The Mediterranean World in Late Antiquity A. D. 395–600. L.-N.Y., 1993.
[2] *Shils E.* Cenyer and periphery. Chicago, 1975.

пребыванием в составе империи. Номинально входя в состав Византии, город сохранял в значительной степени реальное самоуправление. Вопрос формального статуса города менее важен, чем вопрос о степени реального влияния империи в нем.

На смену угасавшему государству на Боспоре и «в дополнение» к обычным потестарным структурам в Херсонесе приходят новые силы: аристократия, церковь, микрообщества.

Херсонес, благодаря своей открытости, сумел в жесточайших периферийных условиях плавно войти в медиевальное бытие как Херсон.

Социальная структура позднеантичных обществ Северного Понта претерпела определенное упрощение. На Боспоре сохранялась царская власть и двор. Реальное управление сосредотачивается в руках аристократии как на Боспоре, так и в Херсонесе. Остальное свободное население, на Боспоре частично варваризованное, превращается в одну общую массу. Стирается грань между городским и сельским населением как по социальному статусу, так и по занятиям и образу жизни.

Ряд городов и территорий Северного Причерноморья в IV–VI вв. оказался вне позднеантичных потестарных структур. Сформировался тип постантичного города. Впервые нами выделено несколько микрозон с такими городами: Ольвия, Танаис, азиатский Боспор (Горгиппия, позднее – Фанагория, Кепы), или без городов (район Нимфея).

В изучаемое время коренной перестройке подверглась вся система взаимоотношений региона с центром античного мира: от клиентского статуса по отношению к Риму через сложные лабиринты византийской внешней политики и дипломатии к аннексии со стороны Византии, ставшей завершением ее дипломатических усилий.

Особой сложностью отличались культурно-идеологические процессы в регионе, представлявшие собой причудливое смешение античных и христианских элементов; процесс христианизации отличался большой протяженностью во времени и неоднозначностью.

Достаточно определенно можно говорить о сосуществовании различных культов – поздних языческих, иудаизма, монотеистических местных, христианства вплоть до VI в.

При раннем появлении археологических свидетельств христианизации (III в.), завершение этого процесса имело место в Херсонесе лишь во 2-й половине VI в., а на Боспоре – с конца VI в. – в 1-й половине VII в.

Исторические итоги античности в Северном Причерноморье заключаются прежде всего в тысячелетнем опыте непрерывного существования локальной периферийной зоны с рядом ее специфических признаков; регион испытал континуитет материальной и духовной культуры, а также государственности на пути от античности к средневековью; в период конца III–VI вв. в регионе действовала невероятно сложная система взаимоотношений целого ряда факторов – общеантичных и региональных традиций; римского и византийского влияния; аланского, готского и гуннского воздействия. В результате основные черты жизни северопонтийских греков в принципе сохранились на

пороге средневековья, грань наступления которого можно выделить лишь условно.

Особое значение концепция континуитета имеет для Боспорского государства, еще три десятилетия назад в отечественной науке считавшегося погибшим в результате гуннского нашествия конца IV в. До сих пор в науке изучались лишь отдельные стороны этого процесса.

Не отрицая огромной роли материальной культуры, надо признать, что ведущей силой, главным фактором континуитетных процессов были традиционная социальная организация и государство – мощная консервативная сила, стремившаяся сохранить традиционные основы общественной жизни. Вместе с тем на сегодняшний день это – наименее изученная сторона континуитета.

В позднеантичную эпоху сохраняется система периферийных государств с клиентским по отношению к империи статусом, которые служили буфером между восточными рубежами Рима и иранским миром. В отличие от большинства государств этой системы, где преобладал местный этнический элемент и иранские политические традиции, Боспорское государство сохраняло позднеантичные основы общественной жизни и государственности.

История Боспора на протяжении конца III–VI вв. обнаруживает непрерывное естественное развитие. Ни один из народов, приходивших на Боспор в позднеантичное время, не нарушил уклад его жизни и политическое устройство. Археологический материал из многих боспорских городов и сельских поселений дает хотя и пока фрагментарную, но все же достаточно яркую картину именно позднеантичного характера боспорского общества того времени. Сложные этнические процессы, важная роль ираноязычных племен привели к глубокому культурному синтезу, но не к смешению этносов. Миксэллины-боспоряне сохранили свою роль ведущего этноса при анализе факторов выделения этнических общностей (язык, территория, особенности психического склада, культуры и быта, определенная форма социально-территориальной организации).

Каждое отдельное общество является социально-историческим организмом [1], основной социальной ценностью, поэтому изучение каждого общества представляет несомненный интерес. Уникальный исторический опыт Боспорского государства интересен тем более. На протяжении тысячи лет Боспор развивался эволюционным путем, входя в систему античной цивилизации. Его тесные связи с окружающим миром варварских племен предопределили его изучение в отечественной науке на широком историческом фоне, в системе его исторических связей. Не менее интересен исторический опыт Херсонеса – от античного полиса к центру византийской фемы и епархии, а также Ольвии – постантичного города в Причерноморье. Перспективы дальнейшего изучения позднеантичного Боспора и Херсонеса неразрывно связа-

[1] Ср. в археологии: *Генинг В.Ф.* Археологическая культура – социально-исторический организм – центральная категория познания в археологии // Исследование социально-исторических проблем в археологии. К., 1987. С. 6–37.

ны с широкими археологическими исследованиями, систематизацией музейных фондов и их историческим осмыслением.

Также абсолютно необходимо изучать позднеантичный Северный Понт не автономно, а на широком фоне ранневизантийской истории, как один из его регионов, хотя и весьма своеобразный. Поэтому любой историк и археолог, занимающийся Боспором и Херсонесом, должен иметь широкую общеисторическую подготовку и глубоко знать историю империи того же времени.

Дальнейшее накопление нового материала и его историческая интерпретация позволят создать более полную картину истории обществ, «раскрывающихся в средневековье» на самом дальнем краю Ойкумены.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИБ	Археология и история Боспора (Симферополь – Керчь)
АИК	Археологические исследования в Крыму (Симферополь)
АДСВ	Античная древность и средние века (Свердловск – Екатеринбург)
АМА	Античный мир и археология (Саратов)
АО	Археологические открытия
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИ	Боспорские исследования (Симферополь)
БС	Боспорский сборник
ВВ	Византийский временник
ВДИ	Вестник древней истории
ВИ	Вопросы истории
ВО	Византийские очерки
ВХДУ	Вісник Харьковського державного університету
ГИМ	Государственный Исторический музей
ГМИИ	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГМИР	Государственный музей истории религии (Санкт-Петербург)
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ДБ	Древности Боспора
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса)
ИА	Институт археологии РАН
ИАК	Известия Археологической комиссии
ИАО	Из истории античного общества (Горький – Нижний Новгород)
ИВИ	Институт всеобщей истории РАН
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК	Институт истории материальной культуры (Санкт-Петербург)
ИРАИМК	Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТОИАЭ	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (Симферополь)
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии (Симферополь)
КБН	Корпус боспорских надписей
КИАМЗ	Керченский историко-археологический музей-заповедник
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФ ИА НАНУ	Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины (до 2014 г.)
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)
МАР	Материалы по археологии России

МИА	Материалы и исследования по археологии
МИАД	Материалы и исследования по археологии Дона (Ростов-на-Дону)
НАИМ	Научно-атеистические исследования в музеях
НАНУ	Национальная Академия наук Украины
НЗХТ	Национальный заповедник «Херсонес Таврический» (ныне Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»)
НиЭ	Нумизматика и эпиграфика
НЭПХ	Новые эпиграфические памятники Херсонеса
ПАИБ	Проблемы истории и археологии Боспора. – Керчь, 1996.
ПИАГ	Проблемы исследований античных городов. – М., 1989.
ПИАУ	Проблемы истории и археологии Украины (Харьков)
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры (Москва – Магнитогорск)
РА	Российская археология
РАН	Российская Академия наук
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СЭ	Советская этнография (с 1992 г. – Этнографическое обозрение)
ТГИМ	Труды Государственного Исторического музея
ТГМИИ	Труды Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ХИАМЗ	Херсонесский историко-археологический музей-заповедник
ХНМЗ	Херсонесский национальный музей-заповедник (ныне Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»)
ХСб	Херсонесский сборник
CAN	Cambridge Ancient History
BAR	British Archaeological Reports
BZ	Byzantinische Zeitschrift
DOP	Dumbarton Oaks Papers
CHNB	Corpus scriptorum historiae Byzantine (Bonnae)
GGM	Geographi graeci minores
HGM	Historici Graeci minores
IOSPE	Inscriptiones orae Septentrionalis Ponti Euxini
PG	Patrologia Graeca
SC	Scythica et Caucasica
SK	Seminarium Kondakovianum

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Agathias Murinaeus. Historiae // HGM. – Lips., 1871. – Vol. II. – P. 132–392; Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко. – М.-Л.: АН СССР, 1953. – 222 с.

2. Ammianus Marcellinus. Romische Geschichte. – Bd. I–IV. – B., 1968–1971; Аммиан Марцеллин. История / Пер. Ю.А. Кулаковского, А. Сонни. – Тт. 1–3. – Киев, 1906–1908. – 317, 303, 326 с.; Римская история. – СПб.: Алетейя, 1994. – 570 с.

3. Arrien. Périple du Pont-Euxin. Texte établi et traduit par A. Silberman. P., 2002. – XLVII, 96 p.; Anonymus. Periplus Ponti Euxini // GGM. – P., 1855. – Vol. I. – P. 402–426; Арриан. Перипл Понта Эвксинского // ВДИ. 1948. № 1. – С. 265–275; [Псевдо-Арриан]. Перипл Понта Эвксинского // ВДИ. 1948. № 4. – С. 226–238.

4. Asterius of Amasia. Homilies I–XII / C. Datema. – Leiden, 1970. – 212 p.

5. *Charles R.H*. The Chronicle of John, Bishop of Nikiu / Transl. from Zotenberg's Ethiopic Text. – London: Williams & Norgate, 1916. – 216 p.

6. Chronicon Paschale. – Bonnae, 1832 (GSHByz. V. 2); Chronicon Paschale 284–628 A. D. / Ed. Michael and Mary Whittby. Liverpool: University Press, 1989. – 282 p.

7. Codex Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen, P. Meyer. – B.,1905. – Vol. I–II.

8. Corpus iuris civilis. – V.2. – Codex Justinianus / Rec. P. Krueger. – B., 1906; Институции Юстиниана / Текст и пер. Д. Расснера. – Вып. 1–4. – СПб., 1888–1890. – 386 с.

9. Dexippus Atheniensis. Historia / Ed. B.G. Niebuhr // CSHB. – Bonn, 1829. – P. 11–38; Дексипп. События после Александра. История. О скифской войне / Пер. С. Дестуниса // ВДИ. 1948. № 2. – С. 308–311.

10. Dio's Roman History / Ed. E. Cary. – Vol. I–IX. – Cambr. – L.: Loeb Classical Library, 1970; Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXXX. – СПб.: ФФ СПбГУ; Нестор-История, 2011. – 456 с.

11. Eunapius Sardianus. Fragmenta / Ed. B.G. Niebuhr // CSHB. – Bonn, 1829. – P. 41–118; Евнапий. Продолжение Истории Дексиппа / Пер. С. Дестуниса // Византийские историки. – [Т. 5]. – СПб., 1860; Евнапий // ВДИ. 1948. № 3. – С. 272–275; Евнапий. История // Византийские историки. – Рязань, Александрия, 2003. – С. 62–143.

12. Evagrius: The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. – L., 1898; Евагрий Схоластик. Церковная история. – СПб.: Алетейя, 2006.

13. Eusebius Caesariensis: Евсевий Памфил. Жизнь Константина // Евсевий. Сочинения. – Т. 2. – СПб.: Духовная академия, 1858. – 432 с.; Евсевий. Жизнь Константина / Перевод СПб. Духовной Академии, пересмотрен и исправлен В.В. Серповой. – М.: Labarum, 1998. – 412 с.

14. Expositio totius mundi et gentiun // GGM. – P., 1861. – V. II. – P. 513–528; Полное описание Вселенной и народов / Пер. С.В. Поляковой, Н.В. Феленковской // ВВ. 8. 1956. – С. 277–305.

15. Hieroclis Synecdemus / ed. A. Burckhardt. – Leipzig: Teubner, 1892; (Le) Synekdemos d'Hierokles et L'Opuscule geographique de Georges de Chypre. – Bruxelles: Institut de philology et d'histoire orientales et slaves, 1939. – 78 p.

16. Iohannis Malalae. Chronographia / Ed. L. Dindorf // CSHB. – Bonn, 1831; Ioannis Malalae. Chronographia / CFHB. Rec. I. Thurn. – Berolini – Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 2000. – 588 p.; The Cronicle of John Malalas. – Melbourne, 1986. – 414 p.; Иоанн Малала. Хронография. Кн. XVIII / Пер. А.А. Чекаловой // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 467–503.

17. [Iohannis Ephes.] The Third Part of the Ecclesiastical History / Ed. W. Cureton. – Oxf., 1853. – 422 p.

18. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE ³). Vol. 5. Византийские надписи. 2015 / Сост. А.Ю. Виноградов / https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html.

19. Marcellini Comitis Chronicon / Ed. Th. Mommsen // MGH. AA. XI. 1898. – P. 37–108; The Chronicle of Marcellinus: a translation and commentary: (with a reproduction of Mommsen's edition of the text). – Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 1995. XXVII, 152, [52] p. / Ed. B. Croke / Byzantina Australiensia, 7.

20. Menander Protector / Ed. B.G. Niebuhr // CSHB. – Bonn, 1829. – P. 281–244; Менандр [Протиктор. История] / Текст и пер. И.А. Левинской, С.Р. Тохтасьева // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Т. 1. – М.: Восточная литература, 1994. – С. 311–356.

21. Notitia Dignitatum omnium tam civilium quam militarium utriusque imperii / Ed. O. Seeck. – B., 1876. – 339 p.

22. Notitiae episcopatuum Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. J. Darrouzes. – P., 1981.

23. Olympiodorus. Fragmenta // HGM. – Lpz., 1870. – V. I. – P. 450–472; Олимпиодор. История / Пер. Е.Ч. Скржинской. – СПб.: Алетейя, 1999. – 235 с.

24. Orose. Histoires (Contre les Païens). Texte établi et traduit par M.-P. Arnaud-Lindet. 3 т. – P., 1992; Павел Орозий. История против язычников. – СПб.: Изд. Олега Абышко, 2004. – 544 с.

25. Philostorgius. Historia ecclesiastica // PG. – V. LXV, col. 459–638. – P., 1858; Филосторгий. Сокращение Церковной истории // ВДИ. 1948. № 3. – С. 280–283.

26. Prisci Excerpta De legationibus / Ed. Imm. Bekker, B.G. Niebuhr // CSHB. – Bonn, 1829. – P. 137–228; Приск Панийский. Готская история / Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1948. № 4. – С. 244–267; Приск // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Т. 1. – М.: Восточная литература, 1994. – С. 81–95.

27. Procopii Caesarensis Opera omnia / Ed. J. Haury, G. Wirth. – Lpz., 1962–1965. – V. I–IV; Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекаловой. – СПб.: Алетейя, 1998. – 544 с.; Прокопий Кесарийский. История войн римлян с готами / Пер. С.П. Кондратьева. – М.: АН СССР, 1950. – 516 с.

28. Prosperi Tironis epitoma chronicon ed. primum a. CCCCXXXIII, continuata ad. a. CCCCXXV / MGH, AA. Bd. 9. – Berlin, 1892.

29. Ptolemaeus Claudius. Geographia / Ed. K. Muller, C.T. Fischer. – V. I–II. – P., 1883–1901; Птолемей. Географическое руководство // ВДИ. 1948. № 2. – С. 231–257.

30. Scriptores Historiae Augustae. – L., 1967. – 456 p.; [Писатели истории Августов] Властелины Рима / Пер. С.П. Кондратьева. – М.: Наука, 1992. – 384 с.

31. Socrates. Historia ecclesiastica // PG. – V. LXVII, col. 28–842. – P., 1859; Сократ Схоластик. Церковная история / Изд. подг. И.В. Кривушин. – М., 1996. – 368 с.

32. Sozomenus. Historia ecclesiastica // PG. – V. LXVII, col. 843–1630. – P., 1859; Созомен. Церковная история // ВДИ. 1948. № 3. – С. 302–312.

33. Stephani Byzantini Ethnicorum quae supersunt / Rec. A. Meinekii. – B., 1849. – 668 p.; Стефан Византийский. Описание племен // ВДИ. 1948. № 3. – С. 312–330.

34. Strabo. Geographica / Ed. A. Meinekii. – Lpz., 1895–1899. – V. I–III; Страбон. География / Пер. Г.А. Стратановского. – М.: Наука, 1964. – 943 с.

35. The Syriac Chronicle Known as that of Zachariach of Mitylene / Ed. F.J. Hamilton, E.W. Brooks. – L.: Methuen and C°, 1899. – 344 p.

36. Themistii Orationes quae supersunt / Ed. H. Schenkl. – Lips., 1965. – 339 p.; Фемистий. Речи // ВДИ. 1948. № 3. – С. 259–265.

37. Theodoretus. Historia ecclesiastica // PG. – V. LXXXII, col. 881–1280. – P., 1859; Феодорит Кирский. Церковная история. – М.: Росспэн, 1993. – 240 с.

38. Theophanus. Chronica // CSHB. – Bonn, 1829; Феофан Исповедник. Летопись / Пер. В. Оболенского, Ф. Терновского. – М., 1890. – 370 с.; Чичуров И.С. Византийские

исторические сочинения: «Хронография» Феофана. «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – 215 с.

39. Victoris Tonnennensis episcopi chronica a. CCCCXLIV–DLXVII / MGH, AA. Bd. 11. – Berlin, 1894.

40. Zosimus. Nouvelle histoire / Ed. F. Paschoud. – P., 1971–1989. – V. I–III.

41. Авиен, Руф Фест / Пер. С.П. Кондратьева // Античная география. – М.: Географгиз, 1953. – С. 324–337.

42. Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты / В.В. Латышев. ИРАН. Историко-филологическое отделение. Записки. Т. 8. № 3. 1906. – 88 с.; *Лавров П.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. II. – М., 1911. – 292 с.; *Виноградов А.Ю.* «Миновала уже зима языческого безумия…» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. – М.: РФСОН, 2010. – 224 с.; Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического / Нартекс. Т. 1 / Ю.М. Могаричев, А.В. Сазанов и др. – Харьков, 2012. – 412 с.

43. [свт.] Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. – Т. III, книга 2. – М., 2006. – 672 с.

44. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Текст и пер. Е.Ч. Скржинской. – М., 1960. – 435 с.

45. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст и пер. под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. – М., 1989. – 496 с.

46. Корпус боспорских надписей. – М.-Л.: АН СССР, 1965. – 952 с.

47. Корпус боспорских надписей. Альбом. – СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. – XVI, 432 с.

48. Латинские панегирики / XII Panegyrici Latini / Текст; перевод и комментарии И.Ю. Шабаги. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 672 с.

49. Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. Г. Саркисяна. – Ереван, 1990. – 292 с.

50. Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. Ш.В. Смбатяна. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1984. – 260 с.

51. Новый географический текст / Пер. М. Шангина // ВДИ. 1938. № 4. – С. 252–255.

52. Стратегикон Маврикия / Изд. подг. В.В. Кучма. – СПб.: Алетейя, 2004. – 256 с.

53. Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» (De thematibus) и «О народах» (De administrando imperio) / Предисл. Г. Ласкин / ЧОИДР. – М.: Унив. тип., 1899. – Ч. 1–2.

54. Фавстос Бюзанд. История Армении. – Ереван: АН Арм. ССР, 1953. – 254 с.

Исследования

55. *Абрамзон М.Г.* Массовая тезаврация на Боспоре в 320-х – начале 340-х гг. н. э.: проблема интерпретации // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. – Керчь, 2016. – С. 5–11.

56. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. – М.: ИА РАН, 1995. – 656 с.

57. *Абрамзон М.Г.* Римские монеты в денежном обращении Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 5–14.

58. *Абрамзон М.Г., Гаибов В.А., Горлов Ю.В., Мюллер К., Фуаш Э., Поротов А.В.* Исследования в рамках Таманского регионального археологического проекта (ТРАП) в 1998 г. // ПИФК. VII. – М.-Магнитогорск, 1999. – С. 365–367.

59. *Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д.* Клад боспорских статеров III–IV вв. н. э. из Фанагории (2011 год) // ВДИ. 2014. № 4. – С. 56–86.

60. *Абрамзон М.Г., Масленников А.А.* Золотые монеты Феодосия II из Восточного Крыма // ВДИ. 1999. № 4. – С. 79–83.

61. *Абрамзон М.Г., Молев Е.А.* Клад позднебоспорских статеров из Китея (2012 г.) // ВДИ. 2016. № 2. – С. 387–409.

62. *Абрамзон М.Г., Иванина О.А.* Античные монеты. – Т. II / Из собрания КГИКЗ. Нумизматическая коллекция. – Киев: Мистецтво, 2010. – 320 с.

63. *Абрамзон М.Г., Новичихин А.М., Сапрыкина И.А., Смекалова Т.Н.* Редкий тип статера Рескупорида VI 621 г. б. э. из Третьего Гай-Кодзорского клада // Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2019. – С. 21–23.

64. *Абрамзон М.Г., Сапрыкина И.А., Смекалова Т.Н.* Новые данные о технике изготовления статеров Рескупорида V и Фарсанза // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте (Боспорские чтения XXI). – Симферополь – Керчь, 2020. – С. 29–32.

65. *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А.* Клады античных монет. – Т. I / Из собрания КГИКЗ. Нумизматическая коллекция. – Киев: Мистецтво, 2006. – 240 с.

66. *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Корпус боспорских кладов античных монет / БИ. Suppl. II. – Т. I. – Симферополь – Керчь – Киев: АДЕФ-Украина, 2008. – 872 с.

67. *Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 3. – М.: НИЦ Архэ, 1993. – С. 4–135.

68. *Аверинцев С.С.* Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. – М., 1973. – С. 15–47.

69. *Аверинцев С.С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. – М., 1976. – С. 17–64.

70. *Аветиков А.А.* Охранные раскопки некрополя Нимфея // АИК. 1994 год. – Симферополь: Таврия, 1997. – С. 8–10.

71. *Агбунов М.В.* Античная археология и палеогеография // КСИА. 191. – М.: Наука, 1987. – С. 3–6.

72. *Агбунов М.В.* Проблемы и перспективы изучения произведений античных авторов в Причерноморье // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 5–11.

73. *Адаксина С.Б.* Еще раз о христианизации Крыма // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 166–172.

74. *Адаксина С.Б.* Крепость Алустон в ранневизантийский период (вторая половина VI – первая половина VII вв.) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 81–83.

75. *Адонц Н.Г.* Армения в эпоху Юстиниана. – Ереван: Айастан, 1971 (2-е изд.). – 526 с.

76. *Айбабин А.И.* Боспор в конце VI–VII вв. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. – Керчь, 2001. – С. 5.

77. *Айбабин А.И.* Боспор и «варвары» во второй половине III в. // Миры Византии. Χερσῶνος θέματα. – Симферополь, 2019. – С. 179–190.

78. *Айбабин А.И.* Боспорское царство в последней четверти III – третьей четверти IV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 21. 2016. – С. 300–311.

79. *Айбабин А.И.* Византийская политика в Крыму в конце VI в. // Боспор Киммерийский в эпоху античности и средневековья. Ойкос. – Керчь, 2006. – С. 5–6.

80. *Айбабин А.И.* Византийские порты в Крыму в IV–VII вв. // БИ. XXXIII. – Керчь, 2016. – С. 186–209.

81. *Айбабин А.И.* Византия и Крым в IV–IX вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 3–4.

82. *Айбабин А.И.* Готы на Боспоре. Мифы и реалии // Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и варварского миров. – Керчь, 2000. – С. 5–6.

83. *Айбабин А.И.* Еврейская община в позднеантичном Пантикапее и раннесредневековом Боспоре // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. – Керчь, 2016. – С. 12–15.

84. *Айбабин А.И.* Еще об одной версии локализации области Дори // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. – Керчь, 2015. – С. 11–14.

85. *Айбабин А.И.* На окраине византийской цивилизации (Византийский Крым) // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. – К.: Стилос, 2002. – С. 30–33.

86. *Айбабин А.И.* Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. V. – Симферополь, 1996. – С. 290–303.

87. *Айбабин А.И.* Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. XII. – Симферополь, 2006. – С. 615–626.

88. *Айбабин А.И.* О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет черняховской культуре. – Киев: ИА НАНУ, 1999. – С. 242–251.

89. *Айбабин А.И.* О локализации области Дори // МАИЭТ. XX. – Симферополь, 2015. – С. 311–332.

90. *Айбабин А.И.* О нападении гуннов на Боспор в конце IV в. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. – Керчь, 2017. – С. 11–15.

91. *Айбабин А.И.* О хронологии некрополя Боспора VI–VII вв. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 5–8.

92. *Айбабин А.И.* О хронологии раннесредневекового некрополя Боспора // МАИЭТ. III. – Симферополь, 1993. – С. 22–23.

93. *Айбабин А.И.* Погребения 2-й половины V – 1 половины VI вв. в Крыму // КСИА. 158. – М.: Наука, 1979. – С. 22–34.

94. *Айбабин А.И.* Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV–VI вв. // МАИЭТ. III. – Симферополь, 1993. – С. 206–211.

95. *Айбабин А.И.* Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. XIII. – Симферополь, 2007. – С. 129–150.

96. *Айбабин А.И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. 1984. № 1. – С. 104–122.

97. *Айбабин А.И.* Проблемы этнической истории средневекового Крыма // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. – Симферополь, 1999. – С. 3–10.

98. *Айбабин А.И.* Ранневизантийский Боспор // Византия в контексте мировой культуры / ТГЭ. LXXXIX. – СПб.: ГЭ, 2017. – С. 140–150.

99. *Айбабин А.И.* Ранневизантийский Херсонес – Херсон // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвящённой памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984). – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. – С. 353–379.

100. *Айбабин А.И.* Раскопки нового рыбозасолочного комплекса в г. Боспор // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, 2012. – С. 5–6.

101. *Айбабин А.И.* Христианизация крымских готов // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 5–6.

102. *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I. – Симферополь, 1990. – С. 3–86.

103. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма: история науки. – Автореф. докт. дисс. – СПб.: ИИМК, 1998. – 39 с.

104. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь: ДАР, 1999. – 350 с.

105. *Айбабин А.И.* Этнический состав сельского населения европейского Боспора в позднеримский период // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I. – СПб., 2002. – С. 197–200.

106. *Айбабин А.И., Ачкинази И.В., Голофаст Л.А.* Раскопки зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2003. – С. 7–11.

107. *Айбабин А.И., Пиле Кр.* Варвары на границах Римской империи в Нормандии и Крыму в эпоху Великого переселения народов // БИ. II. – Симферополь, 2002. – С. 5–18.

108. *Айбабин А.И., Смокотина А.В., Хайрединова Э.А.* Некоторые итоги раскопок раннесредневековой Керчи в 2007 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. – Керчь, 2008. – С. 5–8.

109. *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Крымские готы страны Дори (середина III – VII вв.). – Симферополь: Антиква, 2017. – 368 с.

110. *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Новые находки первой половины V в. из раскопок могильника у с. Лучистое // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. – Керчь, 2004. – С. 5–7.

111. *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Ранневизантийский некрополь Боспора // АДСВ. 46. 2018. – С. 33–53.

112. *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Раскопки некрополя раннесредневекового Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 15–16.

113. *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Раскопки раннесредневекового Боспора в 2007–2009 гг. // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. – К., 2010. – С. 10–11.

114. *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Могильник у села Лучистое. Т. 1. – Симферополь – Керчь, 2008. – 336 с.

115. *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Могильник у села Лучистое. Т. 2. – Симферополь – Керчь, 2014. – 400 с.

116. *Айналов Д.В.* Искусство Палестины в средние века // ВВ. 25. 1928. – С. 77–86.

117. *Айналов Д.В.* Мозаики IV и V вв. Исследования в области иконографии и стиля древнехристианского искусства. – СПб., 1895. – 199 с.

118. *Айналов Д.В.* Пользование античными композициями и фигурами на памятниках христианского искусства // Сб. в честь С.А. Жебелева. – Л., 1926. – С. 107–117.

119. *Айналов Д.В.* Равеннский диптих в собрании графа Г.С. Строганова // ВВ. Т. 4. 1897. – С. 128–142.

120. *Айналов Д.В.* Развалины храмов / Памятники христианского Херсонеса. – Вып. 1. – М., 1905. – 116, VII с.

121. *Айналов Д.В.* Три древнехристианских сосуда из Керчи. – СПб., 1891. – 14 с.

122. *Айналов Д.В.* Эллинистические основы византийского искусства. – СПб., 1900. – 230 с.

123. *Александровский А.Л., Вязкова О.Е., Гольева А.А., Малышев А.А., Смекалова Т.Н.* Раевское городище и его окрестности (некоторые итоги и перспективы исследований) // ДБ. 2. – М., 1999. – С. 7–29.

124. *Алексеев В.П.* К вопросу о семантике сложных царских знаков Боспора // СА. 1991. № 2. – С. 67–71.

125. *Алексеева Е.М.* Анапа. Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н. э. – III в. н. э.) // ДБ. 6. 2003. – С. 18–43.

126. *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 560 с.

127. *Алексеева Е.М.* Горгиппия в системе Боспорского царства первых веков н. э. // ВДИ. 1988. № 2. – С. 65–85.

128. *Алексеева Е.М.* Горгиппия. Последний этап развития (конец I–III в. н. э.) // ДБ. 19. 2015. – С. 7–27.

129. *Алексеева Е.М., Арсеньева Т.М.* Стеклоделие Танаиса // СА. 1966. № 3. – С. 176–182.

130. *Алексеевская П.М.* Лира из Керчи // ИАК. 58. – СПб., 1915. – С. 140–158.

131. *Алексеенко Н.А.* Defensor civitatis (ἔκδικος) и его роль в управленческом аппарате Херсона // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 99–101.

132. *Алексеенко Н.А.* Клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // ХСб. XII. – Севастополь, 2003. – С. 301–327.

133. *Алексеенко Н.А.* Моливдовул императора Маврикия Тиберия из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1995 (1996). – С. 158–160.

134. *Алексеенко Н.А.* Моливдовулы боспорских епископов из Херсона // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. – Севастополь-Краков, 2001. – С. 131–138.

135. *Алексеенко Н.А.* Новый клад монет V–VI вв. из округи византийского Херсона // МАИЭТ. XIII. – Симферополь, 2007. – С. 350–363.

136. *Алексеенко Н.А.* Патер полиса Херсона и его роль в имперской администрации в Таврике // Древности. 2005. – Харьков, 2005. – С. 58–63.

137. *Алексеенко Н.А.* Печати церковных иерархов из Херсона // Nomos. – Т. 28–29. – Krakow, 1999/2000. – С. 99–105.

138. *Алексеенко Н.А., Коршенко А.Н.* К вопросу о возобновлении работы Херсонского монетного двора в V в. // Монета. – Вып. 6. – Вологда, 1999. – С. 5–12.

139. *Альфан Л.* Великие империи варваров. – М.: Вече, 2006. – 416 с.

140. *Амброз А.К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // БС. 1. – М.: НИЦ Архэ, 1992. – С. 6–108.

141. *Амброз А.К.* К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971–1984) // СА. 1985. № 3. – С. 293–303.

142. *Амброз А.К.* О двупластинчатых фибулах с накладками. Аналогии к статье А.В. Дмитриева // Древности эпохи Великого переселения народов. – М.: Наука, 1982. – С. 107–121.

143. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. – С. 96–123.

144. *Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР / Свод археологических источников. Д1-30. – М.: Наука, 1966. – 126 с.

145. *Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. – М.: Наука, 1989. – 133 с.

146. *Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. IV. – Симферополь, 1995. – С. 31–88.

147. *Андреев Ю.В.* Греки и варвары в Северном Причерноморье (основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // ВДИ. 1996. № 1. – С. 3–17.

148. *Андрианов Б.В.* Историческое взаимодействие кочевых культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989. – С. 8–21.

149. *Анисимов А.И.* Монеты из раскопок Пантикапея 1977–1986 гг. // СГМИИ. – Вып. 10. Археология и искусство Боспора. – М., 1992. – С. 357–386.

150. *Анисимов А.И.* О продвижении племен готского союза в северо-восточное Причерноморье в середине III в. (по нумизматическим данным) // Скифия и Боспор. – Новочеркасск, 1989. – С. 128–130.

151. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. – Киев: Наукова думка, 1986. – 182 с.

152. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). – Киев: Наукова думка, 1977. – 175 с.

153. Античное стекло в собрании Эрмитажа / Сост. Н.З. Кунина. – СПб.: Гос. Эрмитаж, Арс, 1997. – 360 с.

154. Античное художественное серебро. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1985. – 64 с.

155. Античность и Византия. – М.: Наука, 1975. – 416 с.

156. Античные государства Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1984. – 392 с.

157. *Антонова И.А.* XIV оборонительная башня // Херсонес Таврический: ремесло и культура. – Киев: Наукова думка, 1974. – С. 69–81.

158. *Антонова И.А.* Административные здания Херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989–1993 гг.) // ХСб. 8. – Севастополь, 1997. – С. 10–22.

159. *Антонова И.А.* Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. 3. – Симферополь, 1963. – С. 60–67.

160. *Антонова И.А.* Оборонительные сооружения Херсонеса в средневековую эпоху // АДСВ. 7. – Свердловск: УрГУ, 1971. – С. 102–118.

161. *Антонова И.А.* Раскопки в цитадели Херсонеса // АИК. 1994 год. – Симферополь: Таврия, 1997. – С. 19–24.

162. *Антонова И.А.* Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ. 25: Византия и сопредельный мир. – Свердловск: УрГУ, 1990. – С. 8–25.

163. *Антонова И.А.* Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. 7. – Севастополь, 1996. – С. 101–131.

164. *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 7. – Свердловск: УрГУ, 1971. – С. 82–101.

165. *Антонова И.А., Никонов А.А.* Следы разрушительных землетрясений в Херсонесе и окрестностях в римское время и в раннем средневековье // Очерки истории христианского Херсонеса. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 14–51.

166. *Анучин В.А.* Географический фактор в развитии общества. – М.: Наука, 1982. – 334 с.

167. *Анфертьев А.Н.* Пролегомены к изучению этнической истории // Этносы и этнические процессы. – М., 1993. – С. 52–69.

168. *Анфимов Н.В.* Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. – М.: Наука, 1980. – С.92–113.

169. *Аптекарев А.З.* Новые монетные находки в Краснодарском крае // Проблемы археологии и истории Боспора. – Керчь, 1996. – С. 15–17.

170. *Арсений, арх.* Готская епархия // ЖМНП. 1873, янв.-февр. – С. 60–86.

171. *Арсеньева Т.М.* Раскопки в Танаисе // ПИФК. VII. – М.-Магнитогорск, 1999. – С. 368–370.

172. *Арсеньева Т.М.* Раскопки Танаиса в 1981–1984 гг. // КСИА. 191. – М.: Наука, 1987. – С. 75–82.

173. *Арсеньева Т.М.* Усадьбы Танаиса. – М.: Наука, 1992. – 231 с.

174. *Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В.* Некрополь Танаиса: раскопки 1981–1995 гг. – М.: Палеограф, 2001. – 384 с.

175. *Арсеньева Т.М., Бётгер Б., Виноградов Ю.Г.* Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 1996. № 3. – С. 54–72.

176. *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Оборонительные укрепления Танаиса (по материалам раскопок 2003–2004 гг.) // ДБ. 10. – М., 2006. – С. 18–61.

177. *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // ДБ. 4. – М., 2001. – С. 56–124.

178. *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Танаис IV–V вв. н. э. (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // БС. 6. – М., 1995. – С. 45–58.

179. *Арсеньева Т.Н.* Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV – начала V вв. н. э. // КСИА. 168. – М.: Наука, 1981. – С. 43–47.

180. *Арсеньева Т.Н.* Могильник у дер. Ново-Отрадное // МИА. № 155. – М.: Наука, 1970. – С. 82–149.

181. *Арсеньева Т.Н.* Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное // СА. 1963. № 1. – С. 192–203.

182. *Арсеньева Т.Н.* Некрополь Танаиса. – М.: Наука, 1977. – 152 с.

183. *Арсеньева Т.Н., Шелов Д.Б.* Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964–1972 гг.) // Археологические памятники Нижнего Подонья. – М.: Наука, 1974. – С. 14–26.

184. *Артамонов М.И.* История хазар. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. – 523 с.; 2-е изд.: СПб.: Лань, 2001. – 688 с.

185. *Астахов В.А.* Боспорские религиозно-общественные объединения в первые века нашей эры // Проблемы социально-политической истории и исторической науки. – Брянск: БГПУ, 1995. – С. 46–52.

186. *Астахов В.А.* Боспорское царство в I в. до н. э. – IV в. н. э.: политическая организация. – Автореф. дисс. ... к. и. н. – М.: МПГУ, 1991. – 18 с.

187. *Астахов В.А.* К вопросу об обожествлении боспорских царей // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. – М.: Наука, 1986. – С. 13–15.

188. *Астахов В.А.* Царский культ в позднеантичном Боспоре // Религия, умонастроения, идеология в истории. – Брянск: БГПУ, 1996. – С. 4–11.

189. *Астахов В.А.* Центральная власть и города в позднеантичном Боспоре // Проблемы социальной истории Европы: от античности до Нового времени. – Брянск: БГПУ, 1995. – С. 3–21.

190. *Атавин А.Г.* Влияние природных факторов на жизнь Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. – М.: Наука, 1987. – С. 29–35.

191. *Атавин А.Г.* Краснолаковая керамика IV–VI вв. н. э. из Фанагории // БС. 2. – М.: НИЦ Архэ, 1993. – С. 149–171.

192. *Атавин А.Г.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // БС. 1. – М.: НИЦ Архэ, 1992. – С. 173–211.

193. *Ахмедов И.Р.* Коллекция предметов конского убора из Керчи // Поздние скифы Крыма. – М.: ГИМ, 2001. – С. 239–253.

194. *Бабанская (Красникова) Е.А.* Человек античного Боспора: мировоззрение и образ. Автореф. канд. дисс. – Белгород, 2015. – 26 с.

195. *Бабков И.И.* Климат Крыма. – Л.: Географгиз, 1961. – 88 с.

196. *Бажан И.А., Щукин М.Б.* К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. 30. – Л., 1990. – С. 83–96.

197. *Байе Ш.* Византийское искусство. – СПб., 1888. – 324 с.

198. *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург: УрГУ, 2001. – XX, 478 с.

199. *Баллер Э.А.* Преемственность в развитии культуры. – М.: Наука, 1969. – 294 с.

200. *Банк А.В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. – Л.-М.: Советский художник, 1966. – 392 с.

201. *Банк А.В.* К вопросу о клеймении серебра в Византии // Труды отделения Востока Гос. Эрмитажа. 1. – Л., 1939. – С. 15–23.

202. *Банк А.В.* К вопросу о роли Сирии в формировании византийского искусства // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. – М., 1967. – С. 77–83.

203. *Банк А.В.* Проблемы изучения византийского прикладного искусства (итоги и задачи) // Культура и искусство Византии. – Л.: Искусство, 1975. – С. 6–8.

204. *Банников А.В.* Comitatenses, comitatus и «полевая армия» // Мнемон. 4. – СПб., 2005. – С. 317–330.

205. *Банников А.В.* Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). – СПб.: ФФ СПбГУ; Нестор-История, 2011. – 264 с.

206. *Бану А.К.* Доказательства колебаний уровня Черного моря в исторический период // ТД к IV Всесоюзному совещанию по изучению четвертичного периода. – Ереван, 1973. – С. 47–48.

207. *Барабанов Н.Д.* Византийские филактерии. Специфика арсенала // АДСВ. 33. – Екатеринбург, 2002. – С. 214–227.

208. *Барабанов Н.Д.* К истории византийских народных верований. Истера // АДСВ. 34. – Екатеринбург, 2003. – С. 322–347.

209. *Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В.* Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 30–78.

210. *Баранов И.А.* Административное устройство ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. III. – Симферополь, 1993. – С. 137–145.

211. *Баранов И.А.* Погребение V в. в Северо-Восточном Крыму // СА. 1973. № 3. – С. 243–245.

212. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – Киев: Наукова думка, 1990. – 165 с.

213. *Бараш С.И.* История неурожаев и непогоды в Европе (по XVI в. н. э.). – Л.: Географгиз, 1989. – 238 с.

214. *Бардола К.Ю.* Некоторые аспекты таможенной политики ранней Византии (IV–VI вв.) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітної історії. – Харків, 2001. – С. 32–37.

215. *Бармина Н.И.* Археология базилик. – Екатеринбург: УрГУ, 2015. – 100 с.

216. *Бармина Н.И.* Декоративное убранство крымских базилик в культурно-историческом контексте // АДСВ. 34. – Екатеринбург, 2003. – С. 113–122.

217. *Бармина Н.И.* Контуры перемен: Мангупский памятник в контексте истории Крымского Средневековья // АДСВ. 33. – Екатеринбург, 2002. – С. 21–28.

218. *Бармина Н.И.* Крымская базилика как культурно-исторический феномен // Византия: кумуляция и трансляция культур. – Екатеринбург, 1997. – С. 5–7.

219. *Бармина Н.И.* Мангупская базилика: от возникновения до разрушения // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 260–265.

220. *Бармина Н.И.* Мозаика Западной базилики // АДСВ. 3. – Свердловск: УрГУ, 1965. – С. 168–171.

221. *Бармина Н.И.* Роль катакомб и базилик в становлении христианской художественной культуры // Византия в контексте мировой истории. – СПб., 2004. – С. 11–15.

222. *Бармина Н.И.* Хронология Мангупской базилики (опыт изучения) // АДСВ. 36. 2005. – С. 307–318.

223. *Батаева Е.Ф.* Новые данные об антропологии некрополя Танаиса // Таманская старина. 3. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2000. – С. 157–159.

224. *Беда Р.А.* Военная знать Ранней Византии в послеюстиниановскую эпоху (565–641 гг.). Автореф. канд. дисс. – Белгород, 2015. – 22 с.

225. *Безрученко И.М.* Раскопки античных памятников на мысе Казантип // ПИФК. VII. – М.-Магнитогорск, 1999. – С. 370–374.

226. *Безуглов С.И.* Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // ИАИАНД. 1989. – Азов, 1990. – Вып. 9. – С. 80–87.

227. *Безуглов С.И.* Денежное обращение Танаиса (III в. до н. э. – V в. н. э.). – Автореф. канд. дисс. – М., 2001. – 22 с.

228. *Безуглов С.И.* К династической истории Боспора в III в. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. – Керчь, 2015. – С. 22–25.

229. *Безуглов С.И.* К характеристике нумизматического наследия позднего Танаиса // VIII Всероссийская нумизматическая конференция. – М., 2000. – С. 30–32.

230. *Безуглов С.И.* О погребениях V в. в Танаисе (по раскопкам В.В. Чалого 1975 г.) // ИАИАНД. 1991. – Вып. 11. – Азов, 1993. – С. 121–130.

231. *Безуглов С.И., Ильяшенко С.М.* Богатое погребение гуннской эпохи близ Танаиса // ДА. 2000. № 1. – С. 91–100.

232. *Безуглов С.И., Ильяшенко С.М.* Надписи на позднеантичных амфорах поселения Рогожкино XIII // ДА. 2000. № 2. – С. 12–28.

233. *Безуглов С.И., Толочко И.В.* К характеристике культурных связей Танаиса в эпоху переселения народов (по материалам погребений) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – Т. 1. – СПб., 2001. – С. 96–101.

234. *Безуглов С.И., Толочко И.В.* О культурно-исторических связях населения Танаиса в эпоху переселения народов (по материалам погребений) // ДБ. 10. 2006. – С. 89–110.

235. *Безуглов С.И., Яценко В.В.* Танаисская бронзовая маска-штамп эпохи переселения народов // ДА. 1999. № 1. – С. 93–97.

236. *Бейдин Г.В., Мызгин К.В.* Находки боспорских монет в ареале черняховской культуры // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 31–35.

237. *Бейлин Д.В., Гецко П.П., Берлизов Н.Е., Назаренко С.С.* Новые данные о погребальных традициях позднеантичного некрополя Кыз-Аул // История и археология Крыма. XIII. – Симферополь, 2020. – С. 67–84.

238. *Бейлин Д.В., Пономарев Л.Ю.* Раннесредневековое поселение Завал-Восточное на Керченском полуострове (по материалам разведок 2009–2010 гг.) // История и археология Крыма. Вып. II. – Симферополь, 2015. – С. 17–23.

239. *Белов Г.* Новая херсонесская мозаика // ВДИ. 1938. № 3. – С. 238–242.

240. *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // ХСб. 5. – Симферополь, 1959. – С. 13–74.

241. *Белов Г.Д.* Раскопки в Херсонесе в 1930 году // ХСб. 4. – Симферополь, 1948. – С. 5–17.

242. *Белов Г.Д.* Раскопки Херсонеса в 1961 г. // СХМ. 3. – Симферополь, 1963. – С. 52–59.

243. *Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. – Л.: ЛОИА, 1948. – 150, XXIII с.

244. *Белова Л.Н.* Монеты из раскопок XIX, XXII и XXV кварталов Херсонеса // ТГЭ. 21 (Нумизматика, 5). – Л., 1981. – С. 5–43.

245. *Белова Л.Н.* Неизданные монеты Херсонеса // СА. VII. – М.-Л., 1941. – С. 326–329.

246. *Белова О.Р.* Проблемы континуитета в работах М.Я. Сюзюмова и материалы раскопок Херсонеса // История Византии и византийская археология. – Екатеринбург, 1998. – С. 76–79.

247. *Беляев Д.Ф.* Облачение императора на Керченском щите // ЖМНП. № 289. – СПб., 1893, окт. – С. 321–373.

248. *Беляев Л.А.* Христианские древности. – М.: ИОО, 1998. – 574 с.

249. *Беляев Н.М.* Очерки по византийской археологии // SK. IV. – Прага, 1929. – С. 49–137.

250. *Беляев Н.М.* Очерки по византийской археологии. Херсонесская мощехранительница // SK. III. – Прага, 1929. – С. 115–131.

251. *Беляев Н.М.* Украшения позднеантичной и ранневизантийской одежды // Reqiel d᾽etudes dediees a la memoire de N.P. Kondakov. I. – Prague, 1926. – С. 201–208.

252. *Беляев С.А.* «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуни, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. 1. 1994. – С. 7–47.

253. *Беляев С.А.* Базилики Херсонеса (итоги, проблемы и задачи изучения) // ВВ. 50. – М.,1989. – С. 171–181.

254. *Беляев С.А.* Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса (по материалам раскопок 1973–1977 гг.) // ВВ. 40. – М., 1979. – С. 114–126.

255. *Беляев С.А.* Города римской Северной Африки во времена владычества вандалов (по данным Виктора из Виты). – Автореф. дисс. ... к. и. н. – Воронеж: ВГУ, 1970. – 20 с.

256. *Беляев С.А.* Из истории социальной жизни Херсонеса IV–VI вв. // ПС. 29 (92). – М., 1987. – С. 74–84.

257. *Беляев С.А.* Исторические предпосылки постройки кафедрального храма Херсонеса во время Константина Великого (Уваровской базилики – храма апостола Петра) // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. – Киев – Судак: Академкнига, 2002. – С. 34–36.

258. *Беляев С.А.* История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков). История русской церкви. – Т. 1. – М., 1995. – С. 33–80.

259. *Беляев С.А.* К вопросу о североафриканской краснолаковой керамике IV в. н. э. из Херсонеса и Керчи // КСИА. 130. – М.: Наука, 1972. – С. 122–125.

260. *Беляев С.А.* Краснолаковая керамика Херсонеса IV–VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. – Л.: Наука, 1968. – С. 32–38.

261. *Беляев С.А.* Новые памятники ранневизантийской мраморной пластики из Херсонеса (к вопросу об интерьере херсонесских базилик) // ВВ. 48. 1987. – С. 142–152.

262. *Беляев С.А.* О храме апостола Петра в Херсонесе // Церковные древности. VIII Международные Рождественские образовательные чтения. – М., 2001. – С. 5–28.

263. *Беляев С.А.* Об одном блюде из Херсонеса // СГЭ. 37. – Л., 1973. – С. 47–70.

264. *Беляев С.А.* Пещерный храм на главной улице Херсонеса (опыт интерпретации и реконструкции) // Византия и Русь. – М.: Наука, 1989. – С. 26–55.

265. *Беляев С.А.* Позднеантичные надписи на амфорах из раскопок Херсонеса 1961 г. // НиЭ. 7. – М., 1968. – С. 127–143.

266. *Беляев С.А.* Северная Африка и Северное Причерноморье в IV–V вв. // VII Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси 13–18 декабря 1965 г. – Тбилиси, 1965. – С. 89–91.

267. *Беляев С.А.* Херсонес и юго-западный Крым в эпоху поздней античности и раннего средневековья // Новые открытия советской археологии. – Ч. 2. – М., 1975. – С. 83–84.

268. *Беляев С.А.* Христианская топография Херсонеса: постановка вопроса, история изучения и современное положение // Церковные древности. VII Международные Рождественские образовательные чтения. – М., 1999. – С. 3–49.

269. *Беляев С.А., Чернышев С.Н.* Материалы для определения конструктивных особенностей и высоты разрушенных зданий Херсонеса по остаткам фундаментов // Церковные древности. VIII Международные Рождественские образовательные чтения. – М., 2001. – С. 44–56.

270. *Беляев С.А., Чернышев С.Н.* Природный камень в сооружениях Херсонеса // Церковные древности. VIII Международные Рождественские образовательные чтения. – М., 2001. – С. 29–43.

271. *Бенешевич В.Н.* Синайский список отцов Никейского I Вселенского собора // ИАК. VI серия. – Т. 1–2. – СПб., 1908. – С. 1–207.

272. *Бенцинг И.* Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. I. – М., 1986. – С. 11–28.

273. *Березкин Ю.Е.* Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М.: Восточная литература, 1995. – С. 62–78.

274. *Беренбейм Д.Я.* Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря // СА. 1959. № 4. – С. 42–52.

275. *Беркович М.Е.* «История готов» Иордана как источник по истории этнического развития готов Причерноморья // ЗОАО. II (35). – Одесса, 1967. – С. 113–118.

276. *Бернацки А.* Bema в раннехристианских базиликах Херсонеса Таврического и Новы (Болгария) // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. – Севастополь, 2003. – С. 8–9.

277. *Бернацки А.Б.* Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 69–82.

278. *Бернацки А.Б., Кленина Е.Ю.* Епископский комплекс V–VI вв. в Нове (Свиштов) в Болгарии // РА. 2003. № 3. – С. 82–97.

279. *Бернштам А.Н.* Очерки истории гуннов. – Л.: ЛГУ, 1951. – 256 с.

280. *Бертье-Делагард А.Л.* Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. 12. – СПб., 1893. – 64 с.

281. *Бертье-Делагард А.Л.* Надпись времен императора Зинона, в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. XVI. – Одесса, 1893. – С. 45–88.

282. *Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе // ИАК. 21. – СПб., 1907. – 208 с.

283. *Бёттгер Б., Уллрих М.* Позднеантичное поселение в Танаисе (результаты работ на раскопе XIX) // МИАД. I (Сарматы и их соседи на Дону). – Р.-н-Д., 2000. – С. 282–307.

284. *Бешевлиев В.* Ирански елементи у първобългарите // Античное общество. – М.: Наука, 1967. – С. 237–247.

285. *Бибиков М.В.* Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. – М.: Наука, 1984. – С. 30–36.

286. *Бибиков М.В.* Историческая литература Византии. – СПб.: Алетейя, 1998. – 318 с.

287. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. – М., 1975. – 310 с.

288. *Бич О.И.* Первые раскопки некрополя Пантикапея // МИА. 69. – М.-Л.: Наука, 1969. – С. 296–321.

289. *Блаватский В.Д.* 4-й год раскопок в Синдике // КСИИМК. 70. – М., 1957. – С. 115–121.

290. *Блаватский В.Д.* Античная археология Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1961. – 230 с.

291. *Блаватский В.Д.* Античная полевая археология. – М: Наука, 1967. – 208 с.

292. *Блаватский В.Д.* Античные традиции в византийском серебре из Восточной Европы // *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. – М.: Наука, 1985. – С. 216–221.

293. *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время // *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. – М.: Наука, 1985. – С. 242–260.

294. *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1953. – 208 с.

295. *Блаватский В.Д.* О культе римских императоров на Боспоре // *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. – М.: Наука, 1985. – С. 191–198.

296. *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках в Фанагории в 1937–39 гг. // ТГИМ. 16. – М., 1941. – С. 44–48.

297. *Блаватский В.Д.* Пантикапей: очерки истории столицы Боспора. – М.: Наука, 1964. – 232 с.

298. *Блаватский В.Д.* Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. // СА. 1961. № 1. – С. 277–279.

299. *Блаватский В.Д.* Природа и античное общество. – М.: Наука, 1976. – 79 с.

300. *Блаватский В.Д.* Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. – М.: Наука, 1959. – С. 7–39.

301. *Блаватский В.Д.* Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 19. – М.: Наука, 1951. – С. 189–226.

302. *Блаватский В.Д.* Сосуд с надписью ЕΦΩ // *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. – М.: Наука, 1985. – С. 25–30.

303. *Благоволин Н.С.* Геоморфология Керченско-Таманской области. – М.: Географгиз, 1962. – 191 с.

304. *Благоволин Н.С., Щеглов А.Н.* Колебания уровня Черного моря в историческое время по данным археолого-геоморфологических исследований в Юго-Западном Крыму // Известия АН СССР. Серия География. 1968. № 2. – С. 49–58.

305. *Богучарсков В.Т., Иванов А.А.* Дельта Кубани. – Р-н-Д.: РГУ, 1979. – 112 с.

306. *Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора. – Белгород: БелГУ, 1996. – 180 с.

307. *Болгов Н.Н.* К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV–VI вв.) // Вопросы всеобщей истории и политологии. – Белгород, 1997. – С. 30–40.

308. *Болгов Н.Н.* Культурный континуитет в Северном Причерноморье IV–VI вв. – Н. Новгород, 2002. – 152 с.

309. *Болгов Н.Н.* О характере отношений Боспора с гуннами в IV–VI вв. // Боспор и античный мир. – Н. Новгород, 1997. – С. 21–28.

310. *Болгов Н.Н.* Позднеантичное государство на Боспоре: угасание или расцвет? // Боспорское царство как историко-культурный феномен. – СПб., 1998. – С. 18–24.

311. *Болгов Н.Н.* Поздний Боспор: к дискуссии о континуитете государства и социальных структур // ВДИ. 2003. № 2. – С. 164–170.

312. *Болгов Н.Н.* Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. – Белгород, 2002. – 120 с.

313. *Болгов Н.Н.* Проблемы континуитета в контексте развития античной цивилизации в Северном Причерноморье (конец III–VI вв.). Дисс. … д. и. н. – Н. Новгород, 2003. – 676 с.

314. *Болгов Н.Н., Красникова Е.А.* Позднебоспорские портреты. – Белгород: БелГУ, 2010. – 50 с.

315. *Болдырев В.Л.* Процессы отмирания аккумулятивных береговых форм на примере Керченского пролива // ТИО. 28. – М., 1958. – С. 32–39.

316. *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. – Т. 3. – М., 1913. – 340 с. (репринт М., 1994).

317. *Болтунова А.И.* Из черновиков В.В. Латышева // ВДИ. 1951. № 2. – С. 120–126.

318. *Болтунова А.И.* Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ. 1986. № 1. – С. 43–61.

319. *Болтунова А.И.* Новая строительная надпись из Танаиса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. – Л.: Наука, 1968. – С. 46–56.

320. *Болтунова А.И., Книпович Т.Н.* Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НиЭ. 1962. № 3. – С. 3–31.

321. *Бонин А.В.* Античное сельское поселение Кучугуры 2 на Таманском полуострове // ДБ. 8. 2005. – С. 25–38.

322. *Бонин А.В.* О хронологии амфор из слоя разрушения батареек Фонталовского полуострова // ДБ. 16. 2012. – С. 9–23.

323. *Бонин А.В., Завойкина Н.В.* Новая надпись из раскопок Ильичевского городища // ДБ. 20. 2016. – С. 68–74.

324. *Бонин А.В., Шаров О.В.* Н.И. Сокольский и его батарейки (от укреплений к поселениям) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. – Керчь, 2016. – С. 57–62.

325. *Борисов А.А.* О колебаниях климата Крыма за историческое время // Известия Всесоюзного географического общества. – Т. 88, вып. 6. – М., 1956. – С. 532–541.

326. *Борисова В.В.* Могильник у высоты «Сахарная голова» (по раскопкам и разведкам 1951 и 1953 гг.) // ХСб. 5. – Симферополь, 1959. – С. 169–190.

327. *Борисова В.В.* Раскопки в цитадели в 1958–1959 гг. // СХМ. 3. – Симферополь, 1963. – С. 45–51.

328. *Бородин О.Р.* «Космография» Равеннского Анонима (к вопросу о ее месте в истории географической науки) // ВВ. 43. – М., 1982. – С. 54–63.

329. *Боталов С.Г.* Зауральская Гунния II–IV вв. // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Ч. 1. – Улан-Удэ, 1996. – С. 9–12.

330. *Брабич В.М.* Клад боспорских статеров III в. из Тиритаки // ТГЭ. 9. – Л., 1967. – С. 5–49.

331. *Брайчевський М.Ю.* Готи в Надчорноморщині (до постановки проблеми) // Археологія. 8. 1973. – С. 102–113.

332. *Браун Ф.* Разыскания в области гото-славянских отношений. – Т. I: Готы и их соседи до V века. – СПб., 1899. – 392, XX с.

333. *Брашинский И.Б.* Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ. 1970. № 2. – С. 129–138.

334. *Британов П.А.* К вопросу о существовании письменности у населения черняховской культуры // ЭВ. 2. – М., 1995. – С. 3–7.

335. *Брукс К.* Климаты прошлого. – М.: Географгиз, 1952. – 356 с.

336. *Брунов Н.И.* Памятник ранневизантийской архитектуры в Керчи // ВВ. 25. – М., 1958. – С. 87–105.

337. *Бруяко И.В., Карпов В.А.* Древняя география и колебания уровня моря (на примере северо-западной части Черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ. 1992. № 2. – С. 87–97.

338. *Буданова В.П.* Варварский мир на рубеже античности и средневековья. – Автореф. дисс. ... д. и. н. – М., 1994. – 58 с.

339. *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. – М.: Наука, 2000. – 544 с.

340. *Буданова В.П.* Великое переселение народов как универсальная модель взаимодействия цивилизации и варварства // Цивилизации. – Вып. 5. – М.: Наука, 2002. – С. 168–191.

341. *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. – М.: Наука, 1990. – 232 с. (2-е изд.: СПб.: Алетейя, 1999).

342. *Буданова В.П.* Древние авторы о размещении готов на Балканах накануне их переселения на территорию империи // ВВ. 46. 1986. – С. 52–58.

343. *Буданова В.П.* Контакты готов с племенами Barbaricum solum и ранневизантийской империей // ВВ. 49. 1988. – С. 100–111.

344. *Буданова В.П.* Корпоративность раннесредневековой этнической общности: миф или реальность? // Общности и человек в средневековом мире. – М.-Саратов, 1992. – С. 46–53.

345. *Буданова В.П.* О некоторых перспективах исследования Великого переселения народов // Средние века. 61. – М.: Наука, 2000. – С. 139–153.

346. *Буданова В.П.* Передвижения готов в Северном Причерноморье и на Балканах в III в. (по данным письменных источников) // ВДИ. 1982. № 2. – С. 155–174.

347. *Буданова В.П.* Этническая структура «государства Германариха» (по данным письменных источников) // КСИА. 178. – М.: Наука, 1984. – С. 34–40.

348. *Буданова В.П.* Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. – М.: ИВИ РАН, 1991. – 286 с.

349. *Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. – М.: ИС РАН, 1999. – 348 с.

350. *Буйских А.В.* Ранневизантийские архитектурные детали из Херсонеса // МАИЭТ. X. – Симферополь, 2003. – С. 90–97.

351. *Буйских С.Б., Иевлев М.М.* О топографии городищ Нижнего Побужья первых веков н. э. // Античная цивилизация и варварский мир. 1. – Новочеркасск, 1992. – С. 64–76.

352. *Буйских С.В.* Фортификация Ольвийского государства (первые века н. э.). – Киев: Наукова думка, 1991. – 160 с.

353. *Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям на северном берегу Черного моря. – Одесса, 1884. – 289 с. (репринт 2009).

354. *Буров Г.М.* Энциклопедия крымских древностей: Археологический словарь Крыма. – К.: Стилос, 2005. – 528 с.

355. *Буслаев Ф.И.* Древнерусская литература и православное искусство. – СПб.: РХГИ Лига-Плюс, 2001. – 352 с.

356. *Бутырский М.Н.* Декоративно-парадная фалера (?) времени императора Константина Великого // Империя и полис. – Севастополь, 2013. – С. 13–24.

357. *Бутырский М.Н.* Золото и благочестие: символика византийской монеты // Символ в философии и религии. – Севастополь, 2004. – С. 12.

358. *Бутырский М.Н.* Иконография императорского портрета на ранневизантийских монетах // Власть, право, норма: светское и сакральное в античном и раннесредневековом мире. – М.: ИВИ РАН, 2003. – С. 265–276.

359. *Бутырский М.Н.* Сакральная иконография византийских монет // Нумизматический альманах. 2001. № 1. – С. 5–10.

360. *Бутягин А.М.* К вопросу о времени разрушения античного Мирмекия // ПИАУ. – Харьков, 2004. – С. 59.

361. *Бутягин А.М.* Последние жители античного Мирмекия (усадьба III в. н. э. на Карантинном мысу) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. – Керчь, 2005. – С. 32–36.

362. *Бутягин А.М., Виноградов Ю.А.* Мирмекий в свете новых археологических исследований. – СПб.: ГЭ, 2006. – 80 с.

363. *Бучинский Н.Е.* О климате прошлого русской равнины. – Л.: Географгиз, 1957 (2-е изд.). – 142 с.

364. *Бьотгер Б.* Домашна керамика от IV–VI вв. от Ятрус (Долна Мизия) [Домашняя керамика IV–VI вв. из Ятруса (Нижняя Мёзия)] // Археология. 1978. № 2. – София, 1978. – С. 26–32.

365. *Вагнер Г.К.* Византийский храм как образ мира // ВВ. 47. 1986. – С. 163–181.

366. *Васильев А.А.* Готы в Крыму. – Ч. 1 / ИРАИМК. – Т. 1. – М., 1921. – С. 263–344.

367. *Васильев А.А.* Готы в Крыму. – Ч. 2 / ИГАИМК. – Т. 5. – Л., 1927. – С. 179–282.

368. *Васильев А.А.* История Византийской империи. Время до Крестовых походов. – СПб.: Алетейя, 1998. – 512 с.

369. *Васильев А.А.* Описание гирь и эксагиев, хранящихся в Академии // ИРАИМК. – Т. 2. – Пг., 1922. – С. 237–240.

370. *Васильев А.А.* (2). Инвентарь склепа на Тарханской дороге в системе хронологии древностей юга Восточной Европы // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 267-271.

371. *Васильев А.А.* (2). О времени появления германских дружин на Боспоре // Боспорский феномен. – СПб.: ГЭ, ИИМК, ГМИР, 2005. – С. 343–349.

372. *Васильев А.Н.* К вопросу о соправительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения. – М.-Л., 1986. – С. 33–45.

373. *Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского // Труды. – Т.2. – С. 351–428.

374. *Васильевский В.Г.* Турки в Херсонесе в VI в. // ЖМНП. 195. 1878. – С. 117–125.

375. *Вахонеев В.* Гибель античного Мирмекия // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи. – Чернігів, 2008. – С. 37–39.

376. *Ващева И.Ю.* Этнокультурные и конфессиональные группы в мировоззрении первого христианского историка // XII чтения памяти проф. С.И. Архангельского. Ч. 1. – Н. Новгород, 2001. – С. 17–28.

377. *Веймарн Е.В.* Некрополь около крестообразного загородного храма в Херсонесе // АДСВ. 14. – Свердловск: УрГУ, 1977. – С. 5–17.

378. *Веймарн Е.В.* От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены» Прокопия // АДСВ. 17. – Свердловск: УрГУ, 1980. – С. 19–33.

379. *Веклич М.Ф.* Проблемы палеоклиматологии. – Киев: Наукова думка, 1987. – 189 с.

380. *Веселов В.В.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. / ДБ. Supplementum II. – М.: ИА РАН, 2005. – 264 с.

381. *Виноградов А.Ю.* К датировке надписи Юстиниана с Мангупа // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ: ХСб. XI. – Севастополь, 2001. – С. 70–71.

382. *Виноградов А.Ю.* Когда же Пантикапей стал Воспором? // Χερσωνος θεματα: империя и полис. Материалы научной конференции. – Севастополь, 2018. – С. 49–52.

383. *Виноградов А.Ю.* Херсонес – Херсон, Пантикапей – Воспор: вопрос идентичности или общеимперский процесс // ВДИ. 2020. Т. 80. № 4. – С. 995–1006.

384. *Виноградов А.Ю., Коробов М.И.* О времени и обстоятельствах христианизации готов Боспора и Дори // Древности Кубани. Вып. 23. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2018. – С. 41–48.

385. *Виноградов А.Ю.* О христианской эпиграфике Северного Причерноморья в новой книге В.П. Яйленко // ВДИ. 2018. Т. 78 (3). – С. 738–745.

386. *Виноградов А.Ю.* О чем молчит «надпись Зинона» // VII Международный византийский семинар ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΤΗΕΜΑΤΑ. – Севастополь, 2015. – С. 31–35.

387. *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.* Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. 2005. № 1. – С. 72–80.

388. *Виноградов Ю.А.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. 9. – Саратов, 1993. – С. 79–84.

389. *Виноградов Ю.А.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. – М.: Наука, 1992. – С. 99–119.

390. *Виноградов Ю.А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum+. 3. 2000. – Кишинев, 2000. – С. 98–128.

391. *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V в.) // ВДИ. 1998. № 1. – С. 233–247.

392. *Виноградов Ю.Г., Зубарь В.М., Антонова И.А.* Schola Principalium в Херсонесе // НиЭ. 16. – М., 1999. – С. 72–81.

393. *Винокуров Н.И.* Антропогенные и природные факторы системного кризиса Боспорской государственности во 2-й пол. III в. н. э. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 36–43.

394. *Винокуров Н.И.* Виноделие античного Боспора. – М.: ИА РАН, 1999. – 192 с.

395. *Винокуров Н.И.* Новые свидетельства палеосейсмической активности на Боспоре в первые века нашей эры (по материалам раскопок городища Артезиан) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. – Керчь, 2015. – С. 60–74.

396. *Винокуров Н.И.* Периодизация и хронология городища Багерово-Северное // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 163–171.

397. *Винокуров Н.И.* Природные условия развития виноградарства и виноделия в Северном Причерноморье // БИ. V. – Симферополь – Керчь, 2004. – С. 62–89.

398. *Винокуров Н.И.* Эпиграфические источники по боспоро-римскому вопросу // Проблемы исследований античных городов. – М., 1989. – С. 28–29.

399. *Винокуров Н.И., Никонов А.А.* Тотальные разрушения второй половины III в. н. э. на Боспоре как хронологический репер // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 95–103.

400. *Войцеховский С.Ф.* Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова, применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории, этнографии. – Кн. I (III). – Вып. 5–6. – Ростов, 1929. – С. 4–9.

401. *Вольфрам Х.* Готы. – СПб.: Ювента, 2003. – 654 с.

402. *Воронов А.А., Михайлова М.Б.* Боспор Киммерийский. – М.: Искусство, 1983. – 184 с.

403. *Воронов А.А., Паромов Я.М.* Планировочные принципы в организации расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Проблемы исследований античных городов. – М., 1989. – С. 29–31.

404. *Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М.* Позднеантичное захоронение с погребальным ременным гарнитуром из Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (61). 2018. – С. 125–142.

405. *Ворошилова О.М.* Некрополь Фанагории в I в. до н. э. – V в. н. э. как источник по истории населения столицы Азиатского Боспора. Автореф. канд. дисс. – М., 2012. – 22 с.

406. *Ворошилова О.М.* Пиксиды позднеантичной Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. № . 4 (62). 2018. – С. 122–134.

407. *Ворошилова О.М.* Позднеантичное погребение с монетами из некрополя Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. № . 4 (34). 2011. – С. 137–145.

408. *Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н.* Об организации пространства некрополя Фанагории // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013. – С. 111–116.

409. *Вус О.В.* Боевая деятельность легиона Balistarii Seniores в Крыму в IV–V вв. // Lavrea I. Чтения памяти проф. В.И. Кадеева. – Харьков, 2015. – С. 74–79.

410. *Вус О.В.* Військово-інженерне забезпечення оборонної політики Візантії у Північному Причорномор'ї (кінець IV – початок VII ст.) [Военно-инженерное обеспечение политики Византии в Северном Причерноморье (конец IV – начало VII вв.)]. – Автореф. канд. дисс. – Львів, 2007. – 18 с.

411. *Вус О.В.* Византийская армия – основной инструмент восстановления Orbis Romanus в эпоху Юстиниана I (527-565 гг.) // Кондаковские чтения I: Проблемы культурной преемственности. – Белгород, 2005. – С. 130-148.

412. *Вус О.В.* Гідротехнічні оборонні комплекси VI ст. у візантійській фортеці Кирк-Ор (Чуфут-Кале) [Гидротехнические оборонные комплексы VI в. в византийской

крепости Кырк-Ор (Чуфут-Кале)] // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Ч. 2. – Киев-Судак: Академпериодика, 2004. – С. 40–50.

413. *Вус О.В.* О морских землетрясениях и тотальной перестройке византийского Херсона во второй половине VI века // Lavrea II. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева, к 90-летию со дня рождения. Материалы. – Харьков: ООО «НТМТ», 2017. – С. 81–85.

414. *Вус О.В.* О попытке локализации «страны Дори» Прокопия Кесарийского на Европейском Боспоре // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2014. – С. 62–63.

415. *Вус О.В.* Оборонна доктрина Візантії у Північному Причорномор'ї. Інженерний захист Таврики та Боспора в кінці IV – на початку VII ст. [Оборонная доктрина Византии в Северном Причерноморье. Инженерная защита Таврики и Боспора в конце IV – начале VII вв.]. – Львів: Тріада Плюс, 2010. – 304 с.

416. *Вус О.В.* Утворення окремого Прикордонного округу (дукату) Візантії у Тавриці в другій половині VI ст. [Образование отдельного Пограничного округа (дуката) Византии в Таврике во второй половине VI в.] // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Т. 2. – Киев – Судак: Академпериодика, 2004. – С. 64–69.

417. *Вус О.В.* Фортифікаційна практика Візантійської імперії в гірському Криму. «Довгі стіни» [Фортификационная практика Византийской империи в горном Крыму. «Длинные стены»] // Народознавчі зошити [Народоведческие тетради]. 2002. – Зошит [тетрадь] 3–4 (45–46). – С. 253–262.

418. *Высотская Т.Н.* К вопросу о религиозных воззрениях поздних скифов // ДА. 2001. № 3–4. – С. 38–44.

419. *Высотская Т.Н.* Культы и обряды поздних скифов // ВДИ. 1976. № 3. – С. 51–59.

420. *Высотская Т.Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. – Киев: Наукова думка, 1979. – 207 с.

421. *Высотская Т.Н.* Поздние скифы в юго-западном Крыму. – Киев: Наукова думка, 1972. – 192 с.

422. *Высотская Т.Н.* Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. VI. – Симферополь, 1998. – С. 256–273.

423. *Гаврилов А.В.* Новые находки античных монет в Юго-Восточном Крыму // Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и варварского миров. – Керчь, 2000. – С. 22–47.

424. *Гаврилов А.В.* О валах на Акмонайском перешейке // МАИЭТ. VIII. – Симферополь, 2001. – С. 10–17.

425. *Гаврилов А.В.* Феодосія та її околиця за античної доби // Археологія. 2004. № 2. – С. 27–47.

426. *Гаврилов А.В.* Феодосия и ее округа в античную эпоху // ПИФК. XIII. – М.-Магнитогорск, 2003. – С. 77–99.

427. *Гаврилов А.В., Голенко В.К., Ермолин А.Л., Столяренко П.Г.* Разведки на мысе Чауда и его окрестностях // ДБ. 10. 2006. – С. 144–155.

428. *Гаврилов А.В., Труфанов А.А.* Новый позднеантичный культовый памятник у горного массива Кара-Даг в Юго-Восточном Крыму // ДБ. 19. 2015. – С. 62–93.

429. *Гавритухин И.О.* Боспор и Поднепровье в VI–VII вв. (к изучению северопонтийских ювелирных школ) // Международная конференция «Византия и Крым». – Симферополь, 1997. – С. 27–32.

430. *Гавритухин И.О.* Боспорские фибулы середины V–VII вв. как показатели культурных связей // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2003. – С. 66–68.

431. *Гавритухин И.О.* Причерноморская серия фибул группы Левице-Токари (к изучению восточногерманского культурного наследия) // БС. 4. – М., 1994. – С. 32–42.

432. *Гавритухин И.О.* Фибулы и ременные гарнитуры из цистерны П-1967 г. в Херсонесе // МАИЭТ. IX. – Симферополь, 2002. – С. 217–228.

433. *Гавритухин И.О.* Хронологические индикаторы финала Черняховской культуры // Сто лет Черняховской культуры. – К., 1999. – С. 48–86.

434. *Гавритухин И.О., Паромов Я.М.* Ильичевское городище и поселения его округи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII веков / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М.: Наука, 2003. – С. 152–157.

435. *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. – Л.: ЛГУ, 1991. – С. 91–106.

436. *Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // АДСВ. – Свердловск: УрГУ, 1980. – С. 137–139.

437. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Л.: Наука, 1979. – 216 с.

438. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорский город Илурат // СА. XIII. – М., 1950. – С. 173–204.

439. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. – М.-Л.: АН СССР, 1949. – 622 с.

440. *Гайдукевич В.Ф.* Илурат (исследования 1948–1953 гг.) // МИА. 52. – М., 1957. – С. 4–9.

441. *Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х гг.) // МИА. 69. – М., 1959. – С. 154–238.

442. *Гайдукевич В.Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. Т. VI. – М.-Л., 1940. – С. 191–204.

443. *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 25. – М.-Л., 1952. – С. 109–125.

444. *Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы // ИГАИМК. 104. – М., 1935. – С. 39–143.

445. *Гайдуков Н.Е.* Декоративные программы напольных мозаик некоторых храмов Херсонеса: литургический аспект // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. – Вып. 14. – М., 2005. – С. 80–87.

446. *Гайдуков Н.Е.* К вопросу о датировке пещерного храма с баптистерием пещерного города Тепе-Кермен // Культовые памятники в мировой культуре. – Севастополь, 2003. – С. 17–18.

447. *Гайдуков Н.Е.* О литургическом назначении некоторых напольных мозаик Херсонеса Таврического // Христианское наследие Византии и Руси. – Симферополь: Универсум, 2003. – С. 70–83.

448. *Гайдуков Н.Е.* Отверстия для вложения мощей в престолах византийских храмов Херсонеса // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Ч. 2. – Киев – Судак: Академпериодика, 2004. – С. 51–63.

449. *Гайдуков Н.Е.* Уваровская базилика: еще раз к вопросу датировки // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. – Севастополь, 2001. – С. 7–9.

450. *Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.* Престолы пещерных храмов юго-западного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Т. 2. – Киев-Судак: Академпериодика, 2006. – С. 76–85.

451. *Ганина Н.А.* Крымско-готский язык. – СПб.: Алетейя, 2011. – 288 с.

452. *Гарабурда И.М.* Оборонительные стены Херсонеса // ИТУАК. 43. – Симферополь, 1909. – С. 88–98.

453. *Гарбузов Г.П.* Пример регулярного древнего землеустройства в азиатской части Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2003. – С. 59–65.

454. *Гарбузов Г.П.* Система древнего землеустройства Таманского полуострова // РА. 2003. № 3. – С. 61–70.

455. *Гарбузов Г.П., Поротов А.В., Сударев Н.И.* К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани // ДБ. 21. 2017. – С. 64–81.

456. *Гарден Ж.-К.* Археологические признаки номадизма // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989. – С. 24–32.

457. *Гей О.А.* О времени возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье // СА. 1986. № 1. – С. 77–86.

458. *Гей О.А., Бажан И.А.* Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). – М., 1997. – 144 с.

459. *Генинг В.Ф.* Археологическая культура – социально-исторический организм – центральная категория познания археологии // Исследование социально-исторических проблем в археологии. – Киев, 1987. – С. 6–35.

460. *Георгиев П.* Фанагурис, Томитуракан и «Великая Болгария» // АДСВ. 36. – Екатеринбург, 2005. – С. 34–50.

461. *Герасимова М.М.* К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса (III в. до н. э. – IV в. н. э.) // СЭ. 1971. № 4. – С. 131–140.

462. *Герц К.* Археологическая топография Таманского полуострова. – М., 1870. – 128 с.

463. *Герцен А.Г.* Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 34. – Екатеринбург, 2003. – С. 94–112.

464. *Герцен А.Г.* Ранневизантийский период в истории Дороса-Мангупа по археологическим данным // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Ойкос. – Керчь, 2006. – С. 68–70.

465. *Герцен А.Г.* Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. – Керчь, 2015. – С. 88–100.

466. *Гийу А.* Византийская цивилизация. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 552 с.

467. *Гилевич А.М.* Монеты из раскопок Херсонеса в 1950 г. // ХСб. 5. – Симферополь, 1959. – С. 191–206.

468. *Гиренко Н.М.* Племя и государство: проблемы эволюции // Ранние формы социальной стратификации. – М., 1993. – С. 122–131.

469. *Глушанин Е.П.* Военная знать ранней Византии. – Барнаул: АГУ, 1991. – 243 с.

470. *Глушанин Е.П.* Провинциализация и варваризация в истории римской императорской армии // Власть, политика и идеология в истории Европы. – Барнаул: АГУ, 2005. – С. 37–52.

471. *Глушанин Е.П.* Раздел Римской империи 364 г. и начало византийского государства // Византийское государство в IV–XV вв. Центр и периферия. – Барнаул, 1998. – С. 4–8.

472. *Глушанин Е.П., Фарашян Е.П.* Формирование государственного суверенитета ранней Византии // Европа. 2. – Тюмень: ТГУ, 2002. – С. 11–22.

473. *Гоголев Д.А.* Анализ урбанистической терминологии византийских авторов VI–X вв. в зарубежной и отечественной историографии // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия. – Тюмень: ТГУ, 2000. – С. 117–118.

474. *Гоголев Д.А.* Города и крепости Византии в VII – первой пол. IX в.: эволюция и функции. – Автореф. канд. дисс. – Тюмень: ТГУ, 2002. – 28 с.

475. *Гоголев Д.А.* Крепостное строительство в ранневизантийский период // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. VIII научные Сюзюмовские чтения. – Екатеринбург, 1995. – С. 36–37.

476. *Голенко В.К.* Древний Киммерик и его округа. – Симферополь: Сонат, 2007. – 408 с.

477. *Голенко В.К., Клюкин А.А.* Актуальные проблемы исторической географии черноморского побережья Керченского полуострова // ДБ. 8. 2005. – С. 122–142.

478. *Голенко В.К., Клюкин А.А.* Работы Южно-Боспорской экспедиции // АИК. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 79–80.

479. *Голенко К.В.* III Патрэйский клад (1970) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. // НиЭ. 12. – М., 1978. – С. 109–115.

480. *Голенко К.В.* Второй Патрэйский клад монет (1951 г.) // НиЭ. 1. – М., 1960. – С. 223–288.

481. *Голенко К.В.* К датировке одной группы монет Фофорса // СА. 1958. № 2. – С. 259–263.

482. *Голенко К.В.* К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора // ВВ. 25. 1964. – С. 176–183.

483. *Голенко* К.В. К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора // ЗОАО. – Вып. I. – Одесса, 1960. – С. 336–339.

484. *Голенко К.В.* Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрэе // СА. 1957. № 2. – С. 197–204.

485. *Голенко К.В.* Клад позднебоспорских монет, найденный в Керчи в 1961 г. // ВВ. 27. 1967. – С. 268–272.

486. *Голенко К.В.* Литые позднебоспорские монеты // НС ГИМ. Ч. 4, вып. 2. – М., 1971. – С. 40–46.

487. *Голенко К.В.* Монеты из раскопок Нимфея. 1939–1970 гг. // НиЭ. 11. – М., 1974. – С. 61–93.

488. *Голенко К.В.* Монеты, найденные при раскопках Керчи в 1964 г. // ВДИ. 1970. № 2. – С. 96–98.

489. *Голенко К.В.* О характере выпуска некоторых монет Фофорса // МАПП. 2. – Одесса, 1959. – С. 177–186.

490. *Голенко К.В.* Таманский клад монет 1970 г. // Klio. Bd. 54. – B., 1972. – S. 56–61.

491. *Голенко К.В.* Третий Патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н. э. // НиЭ. 12. – М., 1978. – С. 10–40.

492. *Голенко К.В., Сокольский Н.И.* Клад 1962 г. из Кеп // НиЭ. 7. – М., 1968. – С. 72–126.

493. *Голофаст Л.* К вопросу о стеклоделии позднеантичного Херсонеса // Международная конференция «Византия и Крым». – Симферополь, 1997. – С. 35–36.

494. *Голофаст Л.А.* Амфориски из раскопок ранневизантийского Херсона // АДСВ. 25: Византия и сопредельный мир. – Свердловск, 1990. – С. 50–54.

495. *Голофаст Л.А.* Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. XIII. – Симферополь, 2007. – С. 68–128.

496. *Голофаст Л.А.* К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсоне // МАИЭТ. VI. – Симферополь, 1998. – С. 312–326.

497. *Голофаст Л.А.* Комплекс VI в. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ.IV. – Симферополь, 1995. – С. 215–224.

498. *Голофаст Л.А.* Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала Хб в северном районе Херсонеса // ПИФК. IX. – М.- Магнитогорск, 2000. – С. 78–117.

499. *Голофаст Л.А.* Комплексы стеклянных изделий конца VI – начала VII в. из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1995 (1996). – С. 95–103.

500. *Голофаст Л.А.* Рюмки из раскопок ранневизантийского Херсонеса // АДСВ. 29. – Екатеринбург: УрГУ, 1998. – С. 228–242.

501. *Голофаст Л.А.* Стекло из ранневизантийских слоев Херсонесского городища // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 11–13.

502. *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсона. – Автореф. канд. дисс. – М., 1998. – 22 с.

503. *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. – Симферополь, 2001. – С. 97–260.

504. *Голофаст Л.А.* Стеклянные браслеты III–IV вв. из раскопок Херсонеса // ХСб. 7. – Севастополь, 1996. – С. 183–185.

505. *Голофаст Л.А.* Штампы V–VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. V. – Симферополь, 1996. – С. 77–84.

506. *Голофаст Л.А.* Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. IX. – Симферополь, 2002. – С. 135–216.

507. *Голубцов А.* Древнехристианская символика воскресения // Радость христианина. Кн. V. 1896. – С. 25–36.

508. *Горелый А.В.* Идентификация обрезанных боспорских монет с византийскими гирьками // РА. 1996. № 1. – С. 87–99.

509. *Горлов Ю.В.* Палеогеография Азиатского Боспора // 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. Тамань археологическая. – Тамань, 1996. – С. 60–74.

510. *Горлов Ю.В.* Проблемы палеогеографической реконструкции Азовского побережья Таманского полуострова в античную эпоху // ПИФК. XVI/1. – М.-Магнитогорск, 2006. – С. 98–103.

511. *Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А.* Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. 1995. № 3. – С. 121–137.

512. *Горлов Ю.В., Поротов А.В.* Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене по материалам геоморфологических и археологических исследований // ПИФК. – Вып. 6. – М.-Магнитогорск, 1998. – С. 94–102.

513. *Горлов Ю.В., Поротов А.В.* К проблеме палеогеографии Таманского полуострова // Сборник Русского исторического общества. – № 4 (152). – М., 2002. – С. 277–289.

514. *Горлов Ю.В., Поротов А.В.* Палеогеографическая ситуация в устье Кубани (Таманский полуостров) в эпоху позднего голоцена // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики. – М., 2000. – С. 24–26.

515. *Горлов Ю.В., Поротов А.В., Столярова Е.В.* К оценке изменений уровня Черного моря в античный период по археолого-палеогеографическим данным // ДБ. 7. – М., 2004. – С. 117–128.

516. *Горлов Ю.В., Поротов А.В., Требелева Г.В.* Юго-западное побережье Таманского полуострова в античную эпоху // ДБ. 9. 2006. – С. 67–76.

517. *Горончаровский В.А.* Боспорская кавалерия первых веков н. э. // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ: ХСб. XI. – Севастополь, 2001. – С. 72–85.

518. *Горончаровский В.А.* Крепость Илурат: итоги изучения (к 175-летию начала исследования) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 68–77.

519. *Горончаровский В.А.* Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. – СПб.: Петербургское востоковедение; М.: Филоматис, 2003. – 224 с.

520. *Горончаровский В.А.* Оборонительные сооружения Илурата // Проблемы исследований античных городов. – М., 1989. – С. 36–37.

521. Готите и старогерманското културно-историческо присъствие на българските земи [Готы и древнегерманское культурно-историческое присутствие на болгарских землях]. – София: Balkan Media, 2003. – 120 с.

522. *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. – С. 229–315.

523. *Грацианская Л.И.* К хронологии античных херсонесских сюжетов Константина Багрянородного («De administrando imperio» Cap. 53, lin. 1–492) // Боспор

Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 106–107.

524. *Грацианская Л.И.* Ранние херсонесские сюжеты Константина Багрянородного как источник по истории Боспора (De administrando imperio. Cap. 53, lin. 1–492) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 87–94.

525. *Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. – СПб.: Наука, 1999. – 328 с.

526. *Гриневич К.Э.* Отчет о херсонесских раскопках 1926 года в связи с раскопками 1907–10 гг. // ХСб. 2. – Севастополь, 1927. – С. 257–293.

527. *Гриневич К.Э.* Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х. Лепера // ХСб. 3. – Севастополь, 1930. – 250 с.

528. *Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического // ХСб. 1. – Севастополь, 1926. – 72 с.

529. *Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического. II // ХСб. 2. – Севастополь, 1927. – С. 5–104.

530. *Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического. III // ХСб. 5. – Симферополь, 1959. – С. 75–120.

531. *Гриневич К.Э.* Сто лет херсонесских раскопок. 1827–1927. – Севастополь, 1927. – 56 с.

532. *Гринченко А.В.* Херсонесские стациональные шествия как особенность византийского богослужения // ПИАУ. – Харьков, 2004. – С. 75–76.

533. *Грушевой А.Г.* Иудеи и иудаизм в истории Римской Республики и Римской империи. – СПб.: ФФИ СПбГУ, 2008. – 504 с.

534. *Грушевой А.Г.* Институт филархата. Его возникновение и развитие (I в. до н. э. – VI в. н. э.) // Кунсткамера. 1995. № 7. – С. 99–100.

535. *Гудименко И.В.* К вопросу о взаимосвязи походов и поселений второй половины III–IV вв. н. э. в дельте Дона // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 13–15.

536. *Гудименко И.В.* Некрополь позднеантичного поселения Рогожкино-XIII // ИАИАНД. 11. – Азов, 1993. – С. 104–121.

537. *Гудименко И.В.* Погребения позднеантичного времени у хутора Рогожкино в дельте Дона // МИАД. – Вып. I: Сарматы и их соседи на Дону. – Р.-н.-Д., 2000. – С. 272–281.

538. *Гудименко И.В.* Фибулы III–IV вв. н. э. с позднеантичных поселений дельты Дона // ИАИАНД. 10. – Азов, 1991. – С. 96–103.

539. *Гудименко И.В.* Этнополитическая ситуация на Нижнем Дону в эпоху готских походов (по материалам поселений и могильников в дельте р. Дон) // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. – Р.-н.-Д., 1998. – С. 55–59.

540. *Гудкова А.В.* I–IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения) // Stratum+. 4. 1999. – Кишинев, 1999. – С. 235–404.

541. *Гудкова А.В., Клейман И.Б., Сон Н.А.* Раскопки позднеантичной Тиры // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). – Т.2. – Ереван, 1979. – С. 284–289.

542. *Гуляева Н.П.* Древнегреческая символика в раннехристианской традиции: от Гермеса-Криофора к Доброму Пастырю // Символ в философии и религии. – Севастополь, 2004. – С. 18–19.

543. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – СПб., 1993 (2-е изд.). – 526 с.

544. *Гурулева В.В.* Византийские весовые значки с изображением храма из Херсонеса // АДСВ. Византия: кумуляция и трансляция культур. – Екатеринбург, 1997. – С. 11–12.

545. *Гурулева В.В.* Основные проблемы нумизматики Крыма византийской эпохи // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 94: Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2018. – С. 61–82.

546. *Гущина И.И.* Некоторые формы сарматской керамики из Пантикапея // ТГИМ. 37. – М., 1960. – С. 105–110.

547. Давня історія України [Древняя история Украины]. – Т. 2: Скіфо-антична доба [Скифско-античная эпоха]. – К.: ИА НАНУ, 1998. – 496 с.

548. *Давыдова А.В., Шилов В.П.* К вопросу о земледелии у гуннов // ВДИ. 1953. № 2. – С. 193–199.

549. *Дагрон Ж.* Двуликий Крым (IV–X вв.) // МАИЭТ. VII. – Симферополь, 2000. – С. 294–301.

550. *Даниленко В., Токарева Р.* Башня Зенона. – Симферополь: Таврия, 1974. – 79 с.

551. *Даниленко В.Н.* Позднеантичное погребение // СХМ. 2. – Симферополь, 1961. – С. 57–62.

552. *Даньшин Д.И.* Городская община Ταναειται в Танаисе // Проблемы исследований античных городов. – М., 1989. – С. 38–40.

553. *Даньшин Д.И.* К вопросу об изменениях в этническом составе населения Пантикапея в III четверти III в. и об уточнении датировки надписи КБН 947 из Феодосии // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. – М., 1986. – С. 46–47.

554. *Даньшин Д.И.* Население Фанагории в I в. до н. э. – IV в. н. э. – Автореф. дисс. ... к. и. н. – М., 1992. – 20 с.

555. *Даньшин Д.И.* Танаиты и танаисцы во II–III вв. до н. э. // КСИА. № 197. – М., 1990. – С. 51–56.

556. *Даньшин Д.И.* Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. – С. 59–72.

557. *Дашевская О.Д.* Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // МИА. № 169. – М., 1969. – С. 75–86.

558. *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму. – М.: Наука, 1991. – 141 с.

559. *Дашевская О.Д.* Третье захоронение гуннского времени на Беляусе // РА. 2003. № 1. – С. 160–163.

560. *Дашевская О.Д., Голенцов А.С.* Раскопки на Беляусе в Крыму // АО. 1999. – М.: Наука, 2001. – С. 302–303.

561. *Демус О.* Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии. – М.: Индрик, 2001. – 160 с.

562. *Деопик Д.В., Круг О.Ю.* Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 1972. № 3. – С. 100–115.

563. *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. I. – М., 1986. – С. 71–134.

564. *Десятчиков Ю.М.* Процесс сарматизации Боспора. – Автореф. дисс. ... к. и. н. – М., 1974. – 21 с.

565. *Джанов А.В.* Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. – Киев – Судак, 2004. – С. 45–74.

566. *Джанов А.В., Юрочкин В.Ю.* Новый Таракташский клад (предварительное сообщение) // 175 Керченскому музею древностей. – Керчь: КГИКЗ, 2001. – С. 69–73.

567. *Диатроптов П.Д.* [Рец.] В.М. Зубарь, А.И. Хворостяный. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая пол. III – первая пол. VI вв.). – Киев, 2000 // ВДИ. 2006. № 4. – С. 197–200.

568. *Диатроптов П.Д.* Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 34–37.

569. *Диатроптов П.Д.* Некоторые дискуссионные моменты начального этапа христианизации Северного Причерноморья // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. – Киев – Судак: Академкнига, 2002. – С. 96–99.

570. *Диатроптов П.Д.* Распространение христианства в Северном Причерноморье. – Автореф. дисс. ... к. и. н. – М., 1988. – 16 с.

571. *Диатроптов П.Д.* Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV–VI вв. н. э. // Античная гражданская община. – М., 1986. – С. 127–151.

572. *Диатроптов П.Д.* Христианизация Боспора (III–VI вв.) // Церковная археология. 1. – СПб.-Псков, 1995. – С. 41–43.

573. *Диатроптов П.Д.* Христианская символика на позднеримской краснолаковой керамике Боспора и Херсонеса // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. – Т. I (ТГИМ. 102). – М., 1998. – С. 97–106.

574. *Диатроптов П.Д., Емец И.А.* Корпус христианских надписей Боспора // ЭВ. 2. – М., 1995. – С. 7–40.

575. *Дигар Ж.-П.* Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989. – С. 33–54.

576. *Дилигенский Г.Г.* Северная Африка в IV–V вв. – М.: Наука, 1961. – 303 с.

577. *Дирин А.А.* Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. XIX. – Одесса, 1896. – С. 121–131 (материалы).

578. *Дмитриев А.В.* Могильник эпохи переселения народов на р. Дюрсо // КСИА. 158. – М.: Наука, 1979. – С. 52–59.

579. *Дмитриев А.В.* Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4. – С. 212–229.

580. *Дмитриев А.В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VII вв. – М.: Наука, 1982. – С. 69–107.

581. *Дмитриев А.В.* Раннесредневековый могильник на р. Дюрсо близ Новороссийска // Новейшие открытия советских археологов. – Ч. 3. – Киев, 1975. – С. 109–110.

582. *Долгоруков В.С.* Позднеантичное поселение на городище Батарейка I // КСИА. 109. – М.: Наука, 1967. – С. 116–123.

583. *Домановский А.Н.* Государственный контроль за иноземными торговцами в пределах Византийской империи в IV–VI вв. // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург: Волот, 2004. – С. 49–54.

584. *Домановский А.Н.* К вопросу о существовании аналогов константинопольского эпарха города в провинциальных городах империи (VIII–IX вв.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. – Керчь, 2006. – С. 92–97.

585. *Домановский А.Н.* О зонах кондоминатного управления на границах Византии IV–IX вв.: аспект государственного регулирования внешней торговли // Вісник ХНУ. – Історія. – Вип. 37. – Харків: НМЦ «СД», 2005. – С. 127–138.

586. *Домбровский О.И.* Античный театр в Херсонесе (раскопки 1954–1958 гг.) // СХМ. 1. – Симферополь, 1960. – С. 29–36.

587. *Домбровский О.И.* О некоторых итогах изучения мозаик средневекового Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988. – Севастополь, 1988. – С. 40–41.

588. *Домбровский О.И.* О хронологии «Базилики Уварова» // Историческое наследие Крыма. № 3–4. 2004. – С. 11–31.

589. *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. – Киев: Наукова думка, 1966. – 110 с.

590. *Домбровский О.И.* Фрески южного нефа херсонесской базилики 1935 г. // ХСб. 5. – Симферополь, 1959. – С. 207–227.

591. *Домбровский О.И.* Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей // СХМ. 3. – Симферополь, 1963. – С. 76–86.

592. *Домбровский О.И.* Византийские мозаики Херсонеса Таврического. – Познань, 2004. – 124 с.

593. *Домбровский О.И., Паршина Е.А.* Архитектурные детали античного Херсонеса // СХМ. 2. – Симферополь, 1961. – С. 80–89.

594. *Домбровский О.И., Паршина Е.А.* О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. 1. – Симферополь, 1960. – С. 36–42.

595. *Домжальский К.* Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. – Т. I (ТГИМ. 102). – М.: ГИМ, 1998. – С. 17–30.

596. *Домжальский К.* Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. – СПб., 2008. – С. 72–81.

597. *Домжальский К., Журавлев Д.В.* Фрагменты понтийской позднеримской лощеной керамики с христианской символикой из Херсонеса // РА. 2. 2013. – С. 137–143.

598. *Домжальский К., Смокотина А.В.* Краснолаковая керамика Тиритаки позднеримского и ранневизантийского времени // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. – Симферополь – Керчь, 2019. – С. 155–159.

599. *Домжальский К., Смокотина А.В.* Позднеримская и ранневизантийская краснолаковая керамика Тиритаки // МАИЭТ. XXV. 2020. – С. 188–223.

600. *Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1975. – 176 с.

601. *Драчук В.С., Шелов Д.Б.* Новые данные к определению боспорских царских знаков // Новые открытия советской археологии. – Ч. 2. – Киев, 1975. – С. 105–106.

602. *Дьячков С.В.* Особенности социально-политического развития античных государств в Северном Причерноморье в I–III вв. – Автореф. ... к. и. н. – Харьков, 1987. – 22 с.

603. *Дьячков С.В.* Раскопки XIV Продольной улицы Херсонеса Таврического // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 17–18.

604. *Дьячков С.В.* Социально-классовая структура Боспорского царства I–III вв. // Проблемы исследований античных городов. – М., 1989. – С. 43–45.

605. *Дьячков С.В., Магда А.В.* Раскопки в портовом районе Херсонеса // АИК. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 96–98.

606. *Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П.* Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // ВВ. 43. 1982. – С. 64–73.

607. *Емец І.А.* Історіографічний аспект у вивченні культу Бога Найвищого на Боспорі [Историографический аспект в изучении культа Бога Высочайшего на Боспоре] // Археологія. 2000. № 1. – С. 49–57.

608. *Емец І.А.* Греко-варварські релігійні взаемовпливи на Боспорі Кімерійському [Греко-варварские религиозные взаимовлияния на Боспоре Киммерийском]. – Автореф. канд. дисс. – К., 2001. – 20 с.

609. *Емец И.А.* Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского. – М.: К^{o} Спутник+, 2005. – 364 с.

610. *Емец И.А.* Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). – М.: Спутник+, 2012. – 478 с.

611. *Емец И.А.* Греко-варварские религиозные взаимовлияния на Боспоре Киммерийском (историографический аспект). – М.: Компания Спутник+, ИА НАНУ (Киев), 2002. – 224 с.

612. *Емец И.А.* Классификация и шрифт боспорских граффити и дипинти // ЭВ. 2. – М., 1995. – С. 40–60.

613. *Емец И.А.* Малоизученный тип погребальных надписей с территории Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 119–121.

614. *Емец И.А.* Посвящение св. Феодору из Тиритаки // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 83–84.

615. *Емец И.А., Зубарев В.Г.* Граффити и дипинти с городища у села Белинское // ДБ. 3. – М., 2000. – С. 27–37.

616. *Емец И.А., Масленников А.А.* Культовые захоронения животных на позднеантичных поселениях Европейского Боспора // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. – СПб.: ГМИР, 1991. – С. 112–121.

617. *Емец И.А., Масленников А.А.* Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // РА. 1992. № 4. – С. 32–42.

618. *Ена В.Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В., Кузнецов А.Г.* География Пантикапея 2000 лет назад // Пантикапей – Боспор – Керчь. 26 веков древней столице. – Керчь, 2000. – С. 34–38.

619. *Епископ Порфирий (Успенский).* Святыни земли Италийской. – М.: Изд. Свято-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – 288 с.

620. *Ермолин А.Л.* Античные склепы хоры Боспора (по материалам охранных раскопок) // У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца). – Симферополь: КФ ИА НАНУ, 2004. – С. 212–225.

621. *Ермолин А.Л.* Богатое женское захоронение в склепе № 29 некрополя Джурга-Оба // Музейні читання. – Київ, 2007. – С. 92–97.

622. *Ермолин А.Л.* Вновь выявленные древние земляные оборонительные сооружения Восточного Крыма (по материалам археологических разведок) // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 1 (120). Вып. 21. – Белгород, 2012. – С. 25–33.

623. *Ермолин А.Л.* Гунны-утигуры и готы-тетракситы в сочинении Прокопия Кесарийского (локализация места противостояния гуннов и готов, а также путь их движения через Керченский пролив в 3-й четв. V в. н. э.) // Боспорский феномен. – СПб.: ГЭ, ИИМК, ГМИР, 2005. – С. 349–354.

624. *Ермолин А.Л.* Десять лет работы Керченской охранно-археологической экспедиции // Фортеця. Збірник заповідника Тустань. На пошану Михайла Рожка [Крепость. Сборник заповедника Тустань. В честь Михаила Рожка]. – Львів, 2009. – С. 206–220.

625. *Ермолин А.Л.* Еще раз к вопросу о позднеантичном храме в Тиритаке: синагога // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 13 (132). Вып. 23. – Белгород, 2012. – С. 12–14.

626. *Ермолин А.Л.* Исследования некрополя Джурга-Оба на Керченском полуострове // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье. – Симферополь, 2009. – С. 166–178.

627. *Ермолин А.Л.* К вопросу о датировке расписного склепа № 1 могильника Джурга-Оба // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Ч. 1. – Киев – Судак, 2004. – С. 54–57.

628. *Ермолин А.Л.* Кроваво-золотой стиль «клуазонне» в ювелирных изделиях Боспора (по материалам некрополя Джурга Оба) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. – СПб., 2009. – С. 70–77.

629. *Ермолин А.Л.* Локализация места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове // Древности Боспора. Вып. 9. – М.: ИА РАН, 2006. – С. 90–101.

630. *Ермолин А.Л.* Могильник грунтовых склепов на территории г. Керчи // Археологічні дослідження в Україні. 2004–2005 рр. – Київ, 2006. – С. 10–11.

631. *Ермолин А.Л.* Новые исследования мыса Такиль // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. – СПб., 2002. – С. 154–161.

632. *Ермолин А.Л.* О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // ДБ. 14. 2010. – С. 130–161.

633. *Ермолин А.Л.* Охранные исследования Керченского историко-культурного заповедника в 2000 г. (к вопросу о топографии позднеантичного Пантикапея) // 175 лет Керченскому музею древностей. – Керчь, 2001. – С. 83–87.

634. *Ермолин А.Л.* Охранные раскопки на территории г. Керчи при прокладке трассы газопровода ГРС (Второй Змеиный курган) – ТЭЦ (Тиритака) // ДБ. 8. 2005. – С. 171–183.

635. *Ермолин А.Л.* Расписной склеп некрополя поселения Кёзы Северное // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 82–87.

636. *Ермолин А.Л.* Система расселения, обороны и этноконфессиональный состав населения Европейского Боспора в III–VI вв. Автореф. канд. дисс. – Белгород, 2012. – 28 с.

637. *Ермолин А.Л.* Тиритакский феномен // ДБ. 16. 2012. – С. 150–155.

638. *Ермолин А.Л.; Федосеев Н.Ф.; Куликов А.В.* Керамический комплекс из района рыбоконсервного завода в Керчи // Древности Боспора. Вып. 12, ч. II. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 483–506.

639. *Ермолин А.Л.; Федосеев Н.Ф.; Куликов А.В.; Пономарёв Л.Ю.* Жилой комплекс на Кыз-Аульском некрополе (Предварительное сообщение) // 175 лет Керченскому музею древностей. – Керчь, 2001. – С. 58–63.

640. *Ермолин А.Л., Юрочкин В.Ю.* Охранные исследования некрополя Пантикапея // Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр. – Київ, 2001. – С. 144–146.

641. *Ермолин А.Л.; Юрочкин В.Ю.* «Склеп Савага» на Европейском Боспоре // Херсонесский колокол. – Симферополь, 2008. – С. 51–72.

642. *Ермолин А.Л.; Юрочкин В.В.* Повторные исследования склепа могильника Джург-Оба на Боспоре // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 85–96.

643. *Єрмолін О.Л.* Χωρά Дорі Прокопія Кесарійського [Хора Дори Прокопия Кесарийского] // Дрогобицький краєзнавчий збірник [Дрогобычский краеведческий сборник]. Вип. X. – Дрогобич, 2006. – С. 45–51.

644. *Єрмолін О.Л.* Археологічні дослідження античного некрополя Джурга-Оба (Керч) в 2004 р. [Археологические исследования некрополя Джурга-Оба (Керчь) в 2004 г.] // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. IX. – Дрогобич, 2005. – С. 128–157.

645. *Єрмолін О.Л.* Археологічні дослідження античного некрополя Джурга-Оба (Керч) в 2005 р. [Археологические исследования некрополя Джурга-Оба (Керчь) в 2005 г.] // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. X. Дрогобич, 2006. – С. 11–43.

646. *Єрмолін О.Л.* Археологічні дослідження античного некрополя Джурга-Оба (Керч) в 2002 р. [Археологические исследования некрополя Джурга-Оба (Керчь) в 2002 г.] // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. VII. – Дрогобич, 2003. – С. 8–42.

647. *Єрмолін О.Л.* Археологічні дослідження античного некрополя Джурга-Оба (Керч) в 2003 р. [Археологические исследования некрополя Джурга-Оба (Керчь) в 2003 г.] // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. VIII. – Дрогобич, 2004. – С. 11–37.

648. *Єрмолін, О.Л.; Юрочкін, В.Ю.* Розкопки склепу № 2 на могильнику Джурга-Оба (Керч) в 2001 р. (Досвід версифікаційного дослідження) [Раскопки склепа № 2 на могильнике Джурга-Оба (Керчь) в 2001 г. (Опыт верификационного исследования)] // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. VI. – Дрогобич, 2002. – С. 84–104.

649. *Ермолин С.А.* Европейский Боспор VI – 1-я пол. VII вв.: проблемы смены населения и христианизации. Автореф. канд. дисс. – Белгород, 2019. – 27 с.

650. *Ермолин С.А.* Христианство на европейском Боспоре в византийско-хазарское время // Научные ведомости БелГУ. Серия История, политология. Том 45, № 2. 2018. – С. 242–263.

651. *Ермолин С.А., Болгов Н.Н.* История изучения позднего Боспора в отечественной историографии // МАИАСК. № 10. 2018. – С. 221–234.

652. *Ермолин С.А., Рябцева М.Л.* Новая система заселения европейского Боспора после его освобождения от тюркютов // Научные ведомости БелГУ. Серия История, политология. Том 45, № 3. 2018. – С. 437–441.

653. *Ермолова И.Б.* Сведения позднеантичных и раннесредневековых авторов о первом периоде пребывания гуннов в Европе // Восточная Европа в древности и средневековье. – М., 1990. – С. 49–54.

654. *Ермолова И.Е.* Аммиан Марцеллин и античная традиция о Северном Причерноморье // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. – М.: Наука, 1999. – С. 336–347.

655. *Ермолова И.Е.* Варвары в кодексах Феодосия и Юстиниана // Античность в современном измерении. – Казань: КГУ, 2001. – С. 51–53.

656. *Ермолова И.Е.* Историко-этнографические экскурсы в «Деяниях» Аммиана Марцеллина // Молодая наука на рубеже веков. – М., 1997. – С. 12–18.

657. *Ермолова И.Е.* Народы Северного Причерноморья в политике поздней Римской империи // Античный мир. – Белгород: БелГУ, 1999. – С. 54–58.

658. *Ермолова И.Е.* Общественный строй гуннов 2-й четверти V в. // Личность. Среда. Общество. – М., 1992. – С. 217–218.

659. *Ермолова И.Е.* Общественный строй гуннов последней четверти IV – начала V вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 229–238.

660. *Ермолова И.Е.* Распад «державы» Аттилы и Северное Причерноморье // ПИАУ. – Харьков: ХИАО, 1997. – С. 39.

661. *Ермолова И.Е.* Рим и варвары по данным императорских конституций // Норция. – Вып. 6–7. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 323–339.

662. *Ермолова И.Е.* Рим и федераты // Античность: общество и идеи. – Казань: КГУ, 2001. – С. 151–159.

663. *Ермолова И.Е.* Северное Причерноморье в представлении римлян первых веков н. э. (по Аммиану Марцеллину). – Автореф. дисс. ... к. и. н. – М., 1985. – 18 с.

664. *Жебелёв С.А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи. – М.-Л.: АН СССР, 1953. – 388 с.

665. *Жеребцов Е.Н.* К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // ВВ. 23. 1963. – С. 205–213.

666. *Жеребцов Е.Н.* Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклейского п-ова // КСИА. 168. – М., 1981. – С. 20–29.

667. *Жеребцов Е.Н.* Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе. Замечания к археологической ситуации // Очерки истории христианского Херсонеса. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 139–153.

668. *Жилина Н.В.* Византийская ювелирная традиция (по материалам средневековой филиграни VI–XIII вв.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. – Керчь, 2004. – С. 114–117.

669. *Журавлев Д.В.* Краснолаковая керамика I–III вв. из раскопок Пантикапея // Проблемы археологии и истории Боспора. – Керчь, 1996. – С. 30–33.

670. *Журавлев Д.В.* Новые данные о Пантикапее в позднеантичную эпоху // Боспорский город Нимфей. – СПб.: ГЭ, 1999. – С. 28–32.

671. *Журавлев Д.В., Дан А., Герке Х.Й., Кельтербаум Д., Шлотцауер У.* Новые данные о географии Таманского полуострова в античное время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. – Керчь, 2015. – С. 107–115.

672. *Журавлев Д.В., Кельтербаум Д., Поротов А.В., Шлотцауер У.* Боспор Кубанский // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 101–105.

673. *Журавлев Д.В., Шлотцауер У.* Греки и варвары на берегах Боспора Кубанского // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. – СПб., 2011. С. 264–270.

674. *Завадская И.А.* Баптистерии Херсонеса (к истории крещального обряда в ранневизантийский период) // МАИЭТ. IX. – Симферополь, 2002. – С. 251–272.

675. *Завадская И.А*. Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов как хронологический индикатор // Символ в философии и религии. – Севастополь, 2004. – С. 22.

676. *Завадская И.А*. К вопросу об эволюции христианской погребальной росписи в ранневизантийский период // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 114–116.

677. *Завадская И.А*. Концепции истории христианизации населения Херсонеса в отечественной историографии // МАИЭТ. XIII. – Симферополь, 2007. – С. 430–467.

678. *Завадская И.А*. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1. – Симферополь, 1997. – С. 304–311.

679. *Завадская И.А*. Концепции истории христианизации населения Херсонеса в отечественной историографии // МАИЭТ. XIII. 2007. – С. 430–467.

680. *Завадская И.А*. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. – Симферополь, 2001. – С. 261–289.

681. *Завадская И.А*. Проблемы датировки памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса // Международная конференция «Византия и Крым». – Симферополь, 1997. – С. 36–37.

682. *Завадская И.А*. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилика 1935 г.» в Херсонесе // МАИЭТ. V. – Симферополь, 1996. – С. 94–105.

683. *Завадская И.А*. Проблемы хронологии церковного строительства в истории изучения ранневизантийского Херсонеса // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014. – С. 149–152.

684. *Завадская И.А*. Раннесредневековые храмы западной части Херсонеса // МАИЭТ. VI. – Симферополь, 1998. – С. 327–343.

685. *Завадская И.А*. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // МАИЭТ. IX. – Симферополь, 2003. – С. 402–426.

686. *Завадская И.А*. Християнство у ранньовізантійському Херсонесі (за культовими пам’яткамі) [Христианство в ранневизантийском Херсонесе (по культовым памятникам)]. – Автореф. дисс. … к. и. н. – К., 2000. – 16 с.

687. *Завадская И.А*. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. VII. – Симферополь, 2000. – С. 77–90.

688. *Завадская И.А*. Числовые пропорции ранневизантийских базилик Херсонеса // МАИЭТ. XXIV. 2019. – С. 135–159.

689. *Завойкина (Смирнова) Н.В*. Частные сообщества Пантикапея в первые века н. э. // ДБ. 6. 2003. – С. 120–137.

690. *Завойкина Н.В*. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. – М.: РФСОН, Университет Дмитрия Пожарского, 2013. – 288 с.

691. *Завойкина Н.В*. Об одном последствии готского разрушения в середине III в. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2005. – С. 102–105.

692. *Завойкина Н.В*. Танаиты в истории Боспорского государства // ДБ. 7. – М., 2004. – С. 163–197.

693. *Завойкина Н.В*. Частные сообщества Танаиса // ПИФК. XVII. 2007. – С. 299–315.

694. *Зайцев В.В*. Комплекс позднебоспорских монет из окрестностей поселка Веселовка // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка. V Международный Нумизматический Симпозиум. – Севастополь; Симферополь; М., 2018. – С. 51–54.

695. *Залесская В.Н.* Импортные глиняные светильники IV–VII вв. в Северном Причерноморье // Международная конференция «Византия и Крым». – Симферополь, 1997. – С. 38–39.

696. *Залесская В.Н.* Ампулы-эвлогии из Малой Азии (IV–V вв.) // ВВ. 47. 1986. – С. 182–190.

697. *Залесская В.Н.* Византийская торевтика (некоторые аспекты изучения) // ВВ. 43. 1982. – С. 124–132.

698. *Залесская В.Н.* Гностические представления в ранневизантийском искусстве // Культура и искусство Византии. – Л.: Искусство, 1975. – С. 13–15.

699. *Залесская В.Н.* Два ранесредневековых глиняных светильника из Северного Причерноморья // СА.1988. № 4. – С. 233–237.

700. *Залесская В.Н.* К открытию новых образцов ранневизантийской торевтики // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. – СПб.: ГЭ, 2004. – С. 23–24.

701. *Залесская В.Н.* Литургические штампы-евлогии (св. Лонгин Криний и св. Мамант Кипрский) // Византинороссика. Литургия, архитектура и искусство византийского мира. – Т. 1. – СПб., 1995. – С. 236–244.

702. *Залесская В.Н.* О некоторых литургических функциях ложек в ранней Византии // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. – СПб.: ГЭ, 2004. – С. 41–45.

703. *Залесская В.Н.* О сюжетах двух херсонесских рельефов // СГЭ. XLI. 1976. – С. 34–38.

704. *Залесская В.Н.* Образы небесных вестников на некоторых памятниках прикладного искусства Византии // АДСВ. 29. – Екатеринбург: УрГУ, 1998. – С. 245–250.

705. *Залесская В.Н.* Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2006. – 272 с.

706. *Залесская В.Н.* Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отделения Эрмитажа) // ВВ. 49. 1988. – С. 204–207.

707. *Залесская В.Н.* Прикладное искусство Византии IV–XII вв. в его отношении к античному наследию. – Автореф. дисс. … докт. искусствоведения. – СПб., 1998. – 40 с.

708. *Залесская В.Н.* Прикладное искусство Византии IV–XII веков. Опыт атрибуции. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1997. – 100 с.

709. *Залесская В.Н.* Ранневизантийская глиптика в собрании Эрмитажа (IV–VII вв.) // Сфрагистика и история культуры. Сб. науч. тр., посв. юбилею В.С. Шандровской. – СПб., 2004. – С. 168–177.

710. *Залесская В.Н.* Ранневизантийские мраморные блюда в собрании Эрмитажа // ВВ. 37. 1976. – С. 207–211.

711. *Залесская В.Н.* Символика античных образов в ранневизантийском искусстве // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. – Л.: ГЭ, 1988. – С. 20–36.

712. *Залесская В.Н.* Сцены охоты на ранневизантийских филактериях: символика образов // Античная торевтика. – Л.: Искусство, 1986. – С. 135–140.

713. *Залесская В.Н.* Утверждение христианства в Херсонесе и на Боспоре по данным вещественных памятников // Церковная археология. 1. – СПб.-Псков, 1995. – С. 50–52.

714. *Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А.* Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1997. – 336 с.

715. *Заморяхин А.В.* Готы Северного Причерноморья III–IV вв. в дореволюционной отечественной историографии // Исседон. – Т. 2. – Екатеринбург, 2003. – С. 171–183.

716. *Заморяхин А.В.* Крымские готы в этническом пространстве средневековой Тавриды в советской и современной российской историографии // ПИФК. XVI/1. – М.-Магнитогорск, 2006. – С. 154–167.

717. *Заморяхин А.В.* Проблемы ранней церковной истории Готии в дореволюционной отечественной историографии // ПИАУ. – Харьков, 2004. – С. 68–69.

718. *Засецкая И.П.* Боспорские склепы гуннской эпохи // КСИА. 158. – М., 1979. – С. 5–22.

719. *Засецкая И.П.* Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. – М.: Наука, 2003. – С. 31–40.

720. *Засецкая И.П.* Гунны в южнорусских степях (конец IV – 1-я пол. V вв. по археологическим данным). – Автореф. дисс. ... к. и. н. – Л., 1971. – 29 с.

721. *Засецкая И.П.* Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. VI. – Симферополь, 1998. – С. 394–478.

722. *Засецкая И.П.* Золотые украшения гуннской эпохи (по материалам Особой кладовой Гос. Эрмитажа). – Л.: Искусство, 1975. – 79 с.

723. *Засецкая И.П.* Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV–V вв. н. э.) // История и культура сарматов. – Саратов, 1983. – С. 70–84.

724. *Засецкая И.П.* Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. – М.: Наука, 1982. – С. 3–29.

725. *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). – СПб.: АО Эллипс ЛТД, 1994. – 224 с.

726. *Засецкая И.П.* Материалы боспорских некрополей 2-й пол. IV – 1-й пол. V в. // МАИЭТ. III. – Симферополь, 1993. – С. 23–104.

727. *Засецкая И.П.* Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // МИА. 27. – Л., 1986. – С. 79–91.

728. *Засецкая И.П.* О двух классификациях стеклянных сосудов с декором из напаянных капель и нитей синего стекла // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 3. – Волгоград, 2000. – С. 209–229.

729. *Засецкая И.П.* О месте изготовления серебряных чаш с изображением Констанция II из Керчи // МАИЭТ. IV. – Симферополь, 1995. – С. 225–237.

730. *Засецкая И.П.* О некоторых серебряных сосудах из Боспорского позднеантичного некрополя в Керчи // Византия и византийские традиции. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – С. 4–18.

731. *Засецкая И.П.* О происхождении серебряных чаш с изображением императора Констанция II // Исследования, поиски, открытия. Краткие тезисы докладов научной конференции к 225-летию Эрмитажа. – Л.: ГЭ, 1989. – С. 21–22.

732. *Засецкая И.П.* О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV–V вв. // АСГЭ. 18. – Л., 1977. – С. 92–100.

733. *Засецкая И.П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса) // СА. 1978. № 1. – С. 53–71.

734. *Засецкая И.П.* О хронологии погребения эпохи «переселения народов» в Нижнем Поволжье // СА. 1968. № 2. – С. 53–61.

735. *Засецкая И.П.* Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья // АСГЭ. 13. – Л., 1971. – С. 64–69.

736. *Засецкая И.П.* Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя (конец IV – начало VII вв.) // АСГЭ. 30. – Л., 1990. – С. 97–106.

737. *Засецкая И.П.* Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI–VII вв. н. э. / БИ. XX. – Симферополь – Керчь, 2008. – 224 с.

738. *Засецкая И.П.* Степи Северного Причерноморья и Боспор в гуннскую эпоху (кон. IV–V вв. н. э.). Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности. – Автореф. дисс. ... д. и. н. – М., 1996. – 44 с.

739. *Засецкая И.П.* Три хронологических индикатора боспорского некрополя раннесредневекового периода // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I. – СПб., 2002. – С. 311–320.

740. *Засецкая И.П.* Хронология стеклянных колбообразных сосудов из боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового периодов // БИ. X. – Симферополь – Керчь, 2005. – С. 90–131.

741. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора. – М.: АН СССР, 1960. – 179 с.

742. *Зенкович В.П.* Берега Черного и Азовского морей. – М.: Географгиз, 1958. – 374 с.

743. *Зибаев А.В.* Картина мира в «Церковной истории» Филосторгия. – Автореф. канд. дисс. – Саратов, 2019. – 26 с.

744. *Зинько А.В.* Амфоры с менорами из раскопок ранневизантийской Тиритаки // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 131–132.

745. *Зинько А.В.* Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002–2005 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLII. Византия в контексте мировой культуры. К 100-летию со дня рождения Алисы Владимировны Банк (1906–1984). Материалы конференции (Государственный Эрмитаж). – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. – С. 329–337.

746. *Зинько А.В.* «Готы» в Восточном Крыму // БИ. XIX. – Симферополь – Керчь, 2007. – С. 129–138.

747. *Зинько А.В.* Еще раз к вопросу об этно-конфессиональной истории ранневизантийской Тиритаки // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. – СПб., 2013. – С. 330–334.

748. *Зинько А.В.* Кризис рыболовного промысла в боспорском городе Тиритака во второй половине III в. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. – Керчь, 2005. – С. 106–110.

749. *Зинько А.В.* Изменение приморской полосы в окрестностях Тиритаки в античную и ранневизантийскую эпохи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014. – С. 172–176.

750. *Зинько А.В.* О застройке боспорского города Тиритака в IV – VI вв. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, 2012. – С. 147–151.

751. *Зинько А.В.* Особенности религиозной жизни Тиритаки V–VI вв. н. э. (по материалам археологических раскопок) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 177–179.

752. *Зинько А.В.* Погребение воина из склепа № 1 «системы 2004 г.» (предварительное сообщение») // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 161–166.

753. *Зинько А.В.* Рыболовный промысел в Тиритаке в III в. н. э. // БИ. – Вып. XI. – Симферополь – Керчь, 2006. – С. 177–186.

754. *Зинько А.В.* Позднеантичный жилищно-хозяйственный комплекс из раскопок Тиритаки // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Ойкос. – Керчь, 2006. – С. 129–132.

755. *Зинько А.В.* Этническая ситуация на Европейском Боспоре в V в. н. э. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвящённой памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984). – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2010. – С. 420–427.

756. *Зинько А.В.* Этноконфессиональный состав населения боспорского города Тиритаки в V–VI вв. // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. – СПб., 2011. – С. 250–253.

757. *Зинько А.В., Зинько В.Н.* Тиритака в V–VI вв. н. э. // МАИЭТ. – Вып.XIV. – Симферополь, 2008. – С. 91–102.

758. *Зінько О.В.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.) [Этническая история Восточного Крыма (2-я пол. III – середина VII вв.)]. – Автореф. канд. дисс. – Киев, 2009. – 17 с.

759. *Зинько А.В., Зинько В.Н.* Ранневизантийские слои Тиритаки (по материалам раскопок 2002–2005 гг.) // Византия в контексте мировой культуры. – СПб., 2006. – С. 12–13.

760. *Зинько А.В., Зинько В.Н.* Вопросы топографии города Боспора в ранневизантийское время // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXXIX. Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвящённой памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984). – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2017. – С. 164–176.

761. *Зинько А.В., Пономарев Л.Ю.* К топографии ранневизантийского Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. – Керчь, 2015. – С. 142–151.

762. *Зинько А.В., Пономарев Л.Ю.* К топографии ранневизантийского города Боспора и его плитово-грунтовых некрополей // БИ. XXXII. – Симферополь – Керчь, 2016. – С. 107–148.

763. *Зинько В.Н.* Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. V. – Симферополь, 1996. – С. 12–20.

764. *Зинько В.Н.* Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Международная конференция «Византия и Крым». – Симферополь, 1997. – С. 40–41.

765. *Зинько В.Н.* Раннесредневековые жилищно-хозяйственные комплексы на поселениях Героевка II и Героевка VI // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 18–20.

766. *Зинько В.Н.* Рыболовный промысел в Тиритаке в III в. н. э. // БИ. XI. – Симферополь – Керчь, 2006. – С. 177–186.

767. *Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея / БИ. IV. – Симферополь – Керчь, 2003. – 320 с.

768. *Зинько В.Н.* Хора городов Европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I вв. до н. э.) / БИ. XV. – Симферополь – Керчь, 2007. – 334 с.

769. *Зинько В.Н.* Хронология строительства крепостных стен боспорского города Тиритаки // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014. – С. 177–182.

770. *Зинько В.Н., Зинько А.В.* Амфорный склад из раскопок ранневизантийской Тиритаки // МАИЭТ. XXIV. 2019. – С. 173–185.

771. *Зинько В.Н., Зинько А.В.* Основы планировочной структуры боспорского города Тиритака в ранневизантийское время // МАИЭТ. XXV. 2020. – С. 168–187.

772. *Зинько В.Н., Зинько А.В., Котина А.В., Симонов В.В.* Раскопки боспорского города Тиритака в 2019 году // История и археология Боспора. XIII. – Симферополь, 2020. – С. 167–174.

773. *Зинько В.Н., Зинько Е.А.* Сакральные постройки ранневизантийской Тиритаки // МАИЭТ. XXIII. 2018. – С. 120–134.

774. *Зинько В.Н., Зинько Е.А., Зинько А.В.* Тиритака, от греко-варварских культов к христианству // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. – Керчь, 2018. – С. 155–161.

775. *Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Том III. Археологические комплексы второй половины III–VII вв. – Симферополь, Керчь, 2020. – 704 с. / БИ. Suppl., 5.

776. *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. II. – Симферополь, 2000. – С. 186–200.

777. *Зинько В.Н., Соловьев С.Л.* Раскопки на поселении Героевка 2 в 1992 г. // БС. 4. – М., 1994. – С. 159–163.

778. *Зинько Е.А.* Актуальные вопросы изучения склепов некрополя Пантикапея-Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 172–174.

779. *Зинько Е.А.* Боспорские склепы на северном склоне горы Митридат // МАИЭТ. VII. – Симферополь, 2000. – С. 69–76.

780. *Зинько Е.А.* Вопросы хронологии раннехристианских склепов Боспора // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 308–318.

781. *Зинько Е.А.* Грунтовые склепы некрополя Пантикапея-Боспора (исследования 1996–2009 гг.) / Боспорские исследования. Supplementum 16. – Симферополь; Керчь, 2017. – 210 с.

782. *Зинько Е.А.* Изображение креста на погребальных памятниках Боспора (вопросы хронологии) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014. – С. 183–189.

783. *Зинько Е.А.* Изображение крестов в ранневизантийских склепах Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 141–147.

784. *Зинько Е.А.* Изображения птиц в пантикапейских склепах IV–V вв. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. – Керчь, 2006. – С. 144–147.

785. *Зинько Е.А.* Исследование некрополя Пантикапея в 2001 г. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 100–105.

786. *Зинько Е.А.* Исследования боспорских склепов на северном склоне горы Митридат // Международная конференция «Византия и Крым». – Симферополь, 1997. – С. 43–44.

787. *Зинько Е.А.* Историческая топография северо-западного предместья Пантикапея-Боспора в III–VI вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, 2012. – С. 157–162.

788. *Зинько Е.А.* К вопросу об этносоциальном составе населения Пантикапея-Боспора в V в. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 140–143.

789. *Зинько Е.А.* Культовая символика в росписи нового склепа пантикапейского некрополя // БИ. II. – Симферополь, 2002. – С. 249–258.

790. *Зинько Е.А.* Некоторые особенности религиозной жизни на Боспоре в период христианизации (III–VI вв. н. э.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2004. – С. 152–156.

791. *Зинько Е.А.* Некрополь Пантикапея – новые открытия // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2003. – С. 113–116.

792. *Зинько Е.А.* Новые расписные ранневизантийские склепы Боспора // Византия в контексте мировой культуры. – СПб., 2006. – С. 15–16.

793. *Зинько Е.А.* Новый расписной склеп пантикапейского некрополя // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. – Керчь, 2001. – С. 42–46.

794. *Зинько Е.А.* Новый (?) склеп некрополя Боспора ранневизантийского времени / ТГЭ. XLII. – СПб., 2008. – С. 112–120.

795. *Зинько Е.А.* Позднеантичные пантикапейские расписные склепы // Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и варварского миров. – Керчь, 2000. – С. 66–68.

796. *Зинько Е.А.* Проблемы исследования позднеантичных боспорских расписных склепов // МАИЭТ. VIII. – Симферополь, 2001. – С. 67–73.

797. *Зинько Е.А.* Процесс христианизации Боспорского царства // Боспорские исследования. – Вып. XXIII. – Симферополь – Керчь, 2010. – С. 155–165.

798. *Зинько Е.А.* Раннехристианские склепы Боспора в исследованиях Ю.А. Кулаковского // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. – Керчь, 2016. – С. 185–189.

799. *Зинько Е.А.* Раннехристианский Боспор (III–VI вв.): Дисс. к. и. н. – Киев, 2004. – 22 с.

800. *Зинько Е.А.* Раннехристианский Боспор: основные направления исследований на рубеже тысячелетий // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. – Симферополь – Керчь, 2019. – С. 236–240.

801. *Зинько Е.А.* Расписные боспорские склепы III–IV вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 20–21.

802. *Зинько Е.А.* Расписные склепы как источник по раннехристиванской истории Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013. – С. 200–203.

803. *Зинько Е.А.* Стеклянная посуда из грунтовых склепов некрополя Пантикапея-Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. – Керчь, 2010. – С. 156–162.

804. *Зинько Е.А.* Стеклянные сосуды из новых раскопок некрополя Пантикапея-Боспора // БИ. XXVI. 2012. – С. 417–432.

805. *Зинько Е.А.* Христианские мотивы в росписях пантикапейских склепов // МАИЭТ. X. – Симферополь, 2003. – С. 78–89.

806. *Зинько Е.А.* Христианские склепы некрополя Боспора IV–VI вв. // МАИЭТ. XIII. – Симферополь, 2007. – С. 56–67.

807. *Зинько Е.А.* Эволюция раннехристианских погребальных росписей Боспора // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. – СПб., 2009. – С. 179–184.

808. *Зинько Е.А., Зинько В.Н.* Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXIV. Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвящённой памяти А.В. Банк (1906–1984). – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2015. – С. 369–376.

809. *Зінько О.О.* Боспорські мальовані склепи [Боспорские расписные скепы] // Пам’ятки України: Історія та культура. Науковий часопис [Памятники Украины: история и культура. Научная летопись]. 2001. № 3. – С. 40–43.

810. *Зінько О.О.* Пізньоантичні пантікапейські розписні склепи [Позднеантичные пантикапейские расписные склепы] // Археологія. 2003. № 4. – С. 124–134.

811. *Зиньковская И.В.* Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья. – М.-СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 464 с.

812. *Зограф А.Н.* Античные монеты / МИА. 16. – М., 1951. – 263 с.

813. *Зограф А.Н.* Тиритакский клад // КСИИМК. VI. – М., 1940. – С. 58–61.

814. *Золотарев М.И.* Археологическая периодизация памятников Херсонеса Таврического // ВДИ. 2002. № 2. – С. 67–72.

815. *Золотарев М.И.* О роли ветровых факторов при организации хоры некоторых греческих полисов // ВДИ. 1981. № 1. – С. 144–150.

816. *Золотарев М.И.* Организация виноделия в позднеантичном Херсонесе // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 135–138.

817. *Золотарев М.И.* Раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в Херсонесе // АДСВ. 14. – Свердловск, 1977. – С. 27–33.

818. *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю.* К пониманию сюжета нескольких позднеантичных светильников // Херсонес в античном мире: историко-археологический аспект. – Севастополь, 1997. – С. 32–36.

819. *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю.* Новое о епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV веке по Р. Х. // Церковная археология. 4. – СПб., 1998. – С. 111–115.

820. *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю.* О епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV в. по Р. Х. // Православные древности Таврики. – Киев: Стилос, 2002. – С. 68–73.

821. *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю.* О крещении жителей Херсонеса в IV веке // Nomos. – Т. 28/29. – Krakow, 1999/2000. – С. 131–140.

822. *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Пиленгер Р., Пюльц А.* Раскопки т. н. «Базилики Крузе» в Херсонесе (украинско-австрийский проект) // ХСб. XII. – Севастополь, 2003. – С. 229–247.

823. *Золотарев М.И., Ушаков С.В.* Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // ХСб. 8. – Севастополь, 1997. – С. 30–45.

824. *Зубар В.М.* До історії Боспорського царства в III ст. // Археологія. 1998. № 2. – С. 148–150.

825. *Зубар В.М.* З історії Південно-Західної Таврики у другій чверті – середині III ст. // Археологія. 2003. № 3. – С. 50–55.

826. *Зубар В.М.* Про заключний етап пізньоантичной епохи в історії Херсонеса Таврійського // Старожитності Русі-України. – Киев: Київська Академія Евробізнесу, 1994. – С. 28–31.

827. *Зубар В.М.* Про сарматський элемент у пізньоантичному Херсонесі // Археологія. 20. 1976. – С. 42–46.

828. *Зубар В.М.* Час та обставики будівництва комплексу Західної базіліки Херсонеса-Херсона // Археолоія. 2006. № 1. – С. 25–41.

829. *Зубар В.М.* Ще раз при римську військову присутність у Херсонесі в другій половині III – на зламі IV–V ст. // Археологія. 2000. № 3. – С. 83–97.

830. *Зубар В.М., Магомедов Б.В.* Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса // Археологія. 36. 1981. – С. 71–76.

831. *Зубар В.М., Рижов С.Г.* Розкопки західного некрополя Херсонеса // Археологія. 39. 1982. – С. 77–87.

832. *Зубар В.М., Рижов С.Г., Шевченко А.В.* Дослідження склепів пізньоантичного часу з Херсонеса в 1981 р. // Археологія. 54. 1986. – С. 58–70.

833. *Зубарев В.Г.* [Рец.]: Н.Н. Болгов. Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. Белгород, 2002 // ВДИ. 2003. № 4. – С. 210–212.

834. *Зубарев В.Г.* Античное поселение у села Белинское (предварительные итоги раскопок в 1996–1999 годах) // ДБ. 3. – М., 2000. – С. 63–77.

835. *Зубарев В.Г.* Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоев и комплексов поселений (из практики раскопок городища Белинское) // БИ. X. – Симферополь – Керчь, 2005. – С. 80–89.

836. *Зубарев В.Г.* Европейский Боспор во II–V вв. н. э. (археология и опыт исторической реконструкции) // ПИАУ. – Харьков, 2004. – С. 55–56.

837. *Зубарев В.Г.* Из истории Боспорского царства во второй половине III – начале V вв. // БИ. XI. – Керчь, 2006. – С. 187–193.

838. *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. – Автореф. докт. дисс. – М.: МПГУ, 2000. – 34 с.

839. *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья. – М.: Индрик, 2005. – 504 с.

840. *Зубарев В.Г.* К вопросу о времени существования городища Белинское // 175 лет Керченскому музею древностей. – Керчь: КГИКЗ, 2001. – С. 56–58.

841. *Зубарев В.Г.* К вопросу о периодах дестабилизации на Боспоре во второй половине III – начале V веков н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. – Керчь, 2005. – С. 125–127.

842. *Зубарев В.Г.* К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III–IV вв. н. э. (по материалам городища Белинское и его некрополя) // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 175–181.

843. *Зубарев В.Г.* К истории сельской территории европейского Боспора в первые века н. э. // ПИАУ. – Харьков: ХИАО, 1997. – С. 40.

844. *Зубарев В.Г.* Некоторые особенности сакральной жизни населения сельской территории Европейского Боспора в первых веках н. э. (по материалам городища Белинское) // ДБ. 6. 2003. – С. 138–151.

845. *Зубарев В.Г.* Сакральный комплекс позднеантичного времени с городища Белинское // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2003. – С. 117–123.

846. *Зубарев В.Г.* Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. – Тула, 1998. – 106 с.

847. *Зубарев В.Г.* Склеп № 10 из раскопок 2007 года на некрополе городища «Белинское» // ДБ. 24. 2019. – С. 274–286.

848. *Зубарев В.Г., Барсукова Е.Е.* К вопросу о ремеслах и промыслах на сельских поселениях Европейского Боспора (по материалам городища «Белинское») // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. – Керчь, 2010. – С. 163–168.

849. *Зубарев В.Г., Крайнева А.А.* Светильники городища Белинское // ДБ. 7. 2004. – С. 199–216.

850. *Зубарев В.Г., Ланцов С.Б.* Некрополь городища «Белинское» (предваритель результаты первых раскопок) // ДБ. 10. 2006. – С. 316–339.

851. *Зубарев В.Г., Ланцов С.Б.* Первые исследования позднеантичного могильника около боспорского городища Белинское // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Т. 2. – К.-Судак: Академпериодика, 2006. – С. 140–144.

852. *Зубарев В.Г., Леонтьева В.А., Пономарев Д.Ю.* Некоторые вопросы истории Европейского Боспора во второй половине III в. н. э. (по материалам раскопок склепа № 19 некрополя городища «Белинское») // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013. – С. 204–212.

853. *Зубарев В.Г., Масленников А.А., Крайнева А.А.* Лепная керамика с городища у села Белинское как источник по этно-исторической характеристике местного населения // Боспор Киммерийский и античный мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2004. – С. 158–163.

854. *Зубарев В.Г., Седых Е.Е.* Планировка и основные этапы застройки городища Белинское во II – первой половине V вв. н. э. // БИ. 2013. Вып. XXVIII. – С. 250–274.

855. *Зубарев В.Г., Токарева И.Н., Ярцев С.В.* К вопросу о времени и характере появления готских морских дружин в Черноморском регионе // Гуманитарная наука в Центральном регионе России: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы VII региональной НПК. – Тула, 2005. – Доп. том. – С. 26–31.

856. *Зубарев В.Г., Шапцев М.С.* Комплекс с амфорами типа С SNP I («Делакеу») из раскопок городища «Белинское» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014. – С. 190–196.

857. *Зубарев В.Г., Шапцев М.С.* Краснолаковая керамика из раскопок городища Белинское // История и археология Крыма. I. – Симферополь, 2014. – С. 289–306.

858. *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Городище Белинское и его некрополь: итоги полевого сезона 2019 года // История и археология Крыма. XIII. – Симферополь, 2020. – С. 175–182.

859. *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* К вопросу о религиозной жизни и этнической идентификации варваров Северного Приазовья и Крыма позднеантичного периода // БИ. XIX. – Симферополь – Керчь, 2007. – С. 113–128.

860. *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* К вопросу об инновационных влияниях на сакральную жизнь сельского населения Европейского Боспора в позднеантичный период (на примере сакральных объектов городища Белинское и его некрополя) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 154–160.

861. *Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л.* «Варварский» компонент в материальной культуре сельских поселений европейского Боспора во II–V вв. (на примере городища «Белинское») // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. – Керчь, 2018. – С. 170–178.

862. *Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л.* «Варварский» компонент в материальной культуре сельских поселений европейского Боспора во II–V вв. (на примере городища «Белинское») // БИ. XXXVIII. 2019. – С. 179–204.

863. *Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л.* Особенности планировки и основные этапы освоения восточного участка городища Белинское // БИ. XL. 2020. – С. 109–139.

864. *Зубарь В.М.* Еще раз о датировке раннехристианской росписи склепа № 1, исследованного в 1998–99 гг. на территории Херсонеса // Сугдейский сборник. – Киев – Судак, 2004. – С. 75–82.

865. *Зубарь В.М.* Изучение сельскохозяйственной округи Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове в 70–80-х гг. XX в. // БИ. XI. – Симферополь – Керчь, 2006. – С. 331–386.

866. *Зубарь В.М.* История и методика раскопок античного некрополя Херсонеса Таврического // Сугдейский сборник. II. – К.-Судак, 2005. – С. 670–707.

867. *Зубарь В.М.* К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912 г. из Херсонеса // ХСб. 10. – Севастополь, 1999. – С. 298–302.

868. *Зубарь В.М.* Круглые постройки на Гераклейском полуострове. По поводу датировки и интерпретации // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Т. 2. – К.-Судак: Академпериодика, 2006. – С. 145–152.

869. *Зубарь В.М.* Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округи (1994–2005 гг.) / Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Supplementum 6. – Симферополь, 2009. – 492 с.

870. *Зубарь В.М.* Некоторые особенности распространения христианства на Боспоре // ПИАУ. – Харьков: ХИАО, 1999. – С. 37.

871. *Зубарь В.М.* Некоторые особенности распространения христианства на Боспоре // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб., 1999. – С. 321–326.

872. *Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. – Киев: Наукова думка, 1982. – 144 с.

873. *Зубарь В.М.* Новые материалы к датировке раннехристианской росписи склепов некрополя Херсонеса // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. – Киев – Судак: Академкнига, 2002. – С. 105–108.

874. *Зубарь В.М.* О заключительном этапе истории Ольвии (третья четверть III – первая половина IV в.) // ВДИ. 2001. № 1. – С. 132–138.

875. *Зубарь В.М.* Об интерпретации остатков круглых построек на Гераклейском полуострове // ПИФК. XVI/1. 2006. – С. 65–87.

876. *Зубарь В.М.* По поводу атрибуции заключительного этапа античной истории Ольвии (3-я четв. III – 1-я пол. IV вв.) // Старожитності степового Причорномор'я І Криму. VIII. – Запоріжжя, 2000. – С. 281–287.

877. *Зубарь В.М.* По поводу датировки христианской росписи склепа, открытого в Херсонесе в 1893 г. // 10-я авторско-читательская конференция ВДИ. – М., 1987. – С. 161–162.

878. *Зубарь В.М.* По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // НАИМ. – Л.: ГМИРА, 1988. – С. 3–14.

879. *Зубарь В.М.* По поводу датировки новых христианских склепов некрополя Херсонеса-Херсона // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 182–186.

880. *Зубарь В.М.* По поводу методики датировки склепов с раннехристианской росписью некрополя Херсонеса // РА. 2006. № 4. – С. 131–136.

881. *Зубарь В.М.* По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III – на рубеже IV–V вв. // Stratum+. 2000. № 4. – С. 291–302.

882. *Зубарь В.М.* По поводу раннехристианской базилики в Тире // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2004. – С. 164–169.

883. *Зубарь В.М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. – Киев: Наукова думка, 1991. – С. 8–29.

884. *Зубарь В.М.* Римское военное присутствие в Таврике // Stratum+. 2001–2002. № 4. – С. 8–179.

885. *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя (сер. I в. до н. э. – 1-я пол. VI в.). – Киев: ИА НАНУ, 1998. – 200 с.

886. *Зубарь В.М.* Склепы с нишами-лежанками из некрополя Херсонеса // Археологія. 28. 1978. – С. 35–45.

887. *Зубарь В.М.* Таврика и Римская империя: римские войска и укрепления в Таврике. – К.: Стилос, 2004. – 232 с.

888. *Зубарь В.М.* Херсонес и Восточно-Римская империя в конце III–IV вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 21–22.

889. *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. – К.: Шлях, 2004. – 312 с.

890. *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя (середина I в. до н. э. – 2-я половина V в.). – Автореф. дисс. ... д. и. н. – Киев, 1991. – 32 с.

891. *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. – Киев: ИА НАНУ, 1994. – 180 с.

892. *Зубарь В.М.* Херсонесские баллистарии // Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. М.Я. Сюзюмова. – Екатеринбург, 1993. – С. 12–14.

893. *Зубарь В.М.* Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. История раскопок и некоторые итоги. – К.: Стилос, 2007. – 320 с.

894. *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху: очерки социально-экономической истории / БИ. XII. – Симферополь – Керчь, 2006. – 304 с.

895. *Зубарь В.М., Иевлев С.М., Чепак В.М.* Западный некрополь Херсонеса Таврического (раскопки 1982 г.). – К.: ИА АН УССР, 1990. – 44 с. (препринт).

896. *Зубарь В.М., Робустова А.В.* Два новых раннесредневековых склепа западного некрополя Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1988. – С. 135–141.

897. *Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В.* Новый погребальный комплекс западного некрополя Херсонеса // Античные древности Северного Причерноморья. – Киев, 1988. – С. 148–165.

898. *Зубарь В.М., Сарновский Т., Антонова И.А.* Новая латинская надпись из раскопок цитадели и некоторые вопросы позднеантичной истории Херсонеса // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ: ХСб. XI. – Севастополь, 2001. – С. 106–115.

899. *Зубарь В.М., Сон Н.А.* Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Основные тенденции социально-экономического развития / МАИЭТ. Suppl. 3. – Симферополь, 2007. – 240 с.

900. *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Новые данные о положении Херсонеса Таврического в IV – первой половине VII вв. н. э. // Древности степного Причерноморья и Крыма. VI. – Запорожье, 1997. – С. 123–131.

901. *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Новый погребальный комплекс II–IV вв. н. э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная цивилизация и варварский мир. 1. – Новочеркасск, 1992. – С. 101–129.

902. *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // ХСб. 9. – Севастополь, 1998. – С. 118–131.

903. *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Светильники в погребальном обряде античных городов Северного Причерноморья // Античная культура Северного Причерноморья. – Киев, 1984. – С. 147–156.

904. *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера. – К.: Стилос, 2005. – 182 с.

905. *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. – Киев: ИА НАНУ, 2000. – 180 с.

906. *Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А.* Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983–1985 гг.). – Вып. 1–3. – К.: ИА АН УССР, 1989 (препринт).

907. *Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А.* Некрополь Херсонеса Таврического. Материалы и исследования. – К.: ИА АН УССР, 1990. – 32 с. (препринт).

908. *Иванина О.А.* Евхаристические сосуды из фондов КГИКЗ // Херсонес Таврический у истоков мировых религий. – Севастополь, 2001. – С. 89–93.

909. *Иванина О.А.* Краснолаковые тарелки с раннехристианской символикой // Проблемы археологии и истории Боспора. – Керчь, 1996. – С. 36–38.

910. *Иваницкая Я.Ю.* К финальной фазе изобразительного искусства позднеантичного Боспора // Кондаковские чтения – II. – Белгород, 2008. – С. 158–163.

911. *Иваницкая Я.Ю.* Семантика раннехристианских анималистических символов // Ломоносов-2009. – М.: МГУ, 2009 (CD-ROM).

912. *Иваницкая Я.Ю.* Семантика растительных символов в раннем христианстве // Каразінськи читання (історичні науки). – Харків, 2009. – С. 370–371.

913. *Иваницкая Я.Ю.* Христианизация монетной иконографии в Позднем Риме и Ранней Византии // Классическая и византийская традиция. 2009. – Белгород, 2009. – С. 108–111.

914. *Иваницкая Я.Ю.* Христианизация позднеантичного общества в контексте внешних репрезентаций. Автореф. канд. дисс. – Белгород, 2011. – 28 с.

915. *Иваницкая Я.Ю., Болгов Н.Н.* Исторический контекст и смысл искусства древних христиан // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 7 (62). Вып. 10. – Белгород, 2010. – С. 16–18.

916. *Иванов А.А.* Комплекс гуннского времени из дельты Дона // РА. 2001. № 2. – С. 119–121.

917. *Иванов А.А., Кутуков Д.В.* Раннесредневековые погребения из раскопок поселения Балка Хреева-3 на Тамани // ДБ. 24. 2019. – С. 287–295.

918. *Иванов Е.Э.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. 46. – Симферополь, 1912. – 376 с.

919. *Иванов С.А.* Византийское миссионерство. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 376 с.

920. *Иванов С.А.* Восприятие пределов империи: от Рима к Византии // Славяне и их соседи. – Вып. 8. – М., 1998. – С. 3–9.

921. *Иванов С.А.* Крымские готы и их место во внешнеполитической доктрине Юстиниана // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 22–23.

922. *Иванов С.А.* Понятия «союза» и «подчинения» у Прокопия Кесарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – М.: Наука, 1987. – С. 112–119.

923. *Иванов Т.К.* Римская и ранневизантийская крепость Ятрус на Дунае // СА. 1969. № 4. – С. 184–199.

924. *Иванова А.П.* Скульптура и живопись Боспора. – К.: АН УССР, 1961. – 152 с., 74 илл.

925. *Иванова О.С.* Краснолаковые сосуды открытого типа группы «Pontic Red slip» из раскопок могильника в балке Алмалык-Дере (Мангуп) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2011. – С. 195–202.

926. *Иванова О.С.* Торговые связи населения Мангупа и его округи в Раннее Средневековье (по амфорам из комплексов некрополя в балке Алмалык-Дере, Мангуп) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 153–164.

927. *Иващенко Ю.Ф.* К специфике религиозных представлений населения Боспора в ранневизантийское время // Проблемы исследований античных городов. – М., 1989. – С. 51–52.

928. *Ивченко А.В.* К вопросу о проникновении гуннов в Крым (по материалам монетных кладов) // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. – Киев – Судак: Академкнига, 2002. – С.116–118.

929. *Ивченко А.В.* Построение социальных реконструкций на материалах погребений раннесредневековых кочевников Северного Причерноморья // ПИАУ. – Харьков: ХИАО, 1997. – С.54–55.

930. *Івченко А.В.* Поява гунів у Північному Причорномор'і [Появление гуннов в Северном Причерноморье] // Археологія. 2003. № 2. – С. 41–47.

931. *Ильяшенко С.М.* Надписи группы α/π на позднеантичных амфорах Северного Причерноморья // Боспорский феномен. – СПб.: ГЭ, ИИМК, ГМИИ, 2005. – С. 419–427.

932. *Ирмшер Б.* Танаис: аспекты топографического развития города // ДА. 2000. № 3–4. – С. 93–98.

933. *Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р.* Монетное дело боспорского царя Радамсада // НиЭ. 15. – М., 1989. – С. 53–96.

934. Искусство Византии в собраниях СССР. – Т. 1. – М.: Советский художник, 1977. – 191 с.

935. История Грода Гуннского, Боспорского мученика // Православные древности Таврики. – Киев: Стилос, 2002. – С. 179–181.

936. Історія української культури. – У 5 т. – Т. 1. – К.: ИИУ НАНУ, 2001. – 1072 с.

937. *Кадеев В.И.* Деревообрабатывающее производство Херсонеса в I–IV вв. н. э. // Херсонес Таврический: ремесло и культура. – Киев, 1974. – С. 34–39.

938. *Кадеев В.И.* Импортные светильники I–IV вв. из Херсонеса // СА. 1969. № 3. – С. 159–170.

939. *Кадеев В.И.* История и археология Причерноморья. – Харьков: Бизнес-информ, 2000. – 392 с.

940. *Кадеев В.И.* Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса // СХМ. 3. – Симферополь, 1963. – С. 32–44.

941. *Кадеев В.И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I–IV вв. – Харьков: Вища школа, 1970. – 164 с.

942. *Кадеев В.И., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д.* О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе // СА. 1963. № 1. – С. 43–48.

943. *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. (на материалах Херсонеса). – Харьков: Вища школа, 1989. – 136 с.

944. *Каждан А.П.* Византийские города в VII–IX вв. // СА. XXI. – М., 1954. – С. 164–168.

945. *Каждан А.П.* Византийское сельское поселение // ВВ. 2 (27). 1949. – С. 215–244.

946. *Каждан А.П.* Микроструктуры в Византии VIII–IX вв. // XVIII Международный конгресс византинистов. Пленарные доклады. – М., 1991. – С. 84–101.

947. *Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В.* «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса // ВДИ. 1961. № 1. – С. 128–136.

948. *Казанский М.* Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим. – К.: Стилос, 2006. – С. 26–34.

949. *Казанский М.М.* Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. Vol. 1, no. 1. – Белгород, 2014. – С. 28–51.

950. *Казанский М.М.* Восточные германцы и Северное Причерноморье во второй половине V–VI вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 24–27.

951. *Казанский М.М.* Готское вторжение на Боспор Киммерийский и климат в III в. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. – Керчь, 2015. – С. 180–188.

952. *Казанский М.М.* Готы на Боспоре Киммерийском // 100 лет черняховской культуре. – Киев: ИА НАНУ, 1999. – С. 277–297.

953. *Казанский М.М.* Готы на Боспоре Киммерийском в начале эпохи Великого переселения народов // БИ. XL. 2020. – С. 140–157.

954. *Казанский М.М.* Гуннская диадема с горы Митридат и ее культурно-исторический контекст // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте. – Симферополь – Керчь, 2020. – С. 152–157.

955. *Казанский М.М.* Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе // МАИЭТ. XXV. 2020. – С. 90–167.

956. *Казанский М.М.* Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ. IV. – Симферополь, 1995. – С. 238–256.

957. *Казанский М.М.* Находка 1918 г. в Керчи (коллекция Месаксуди) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. – Керчь, 2016. – С. 206–215.

958. *Казанский М.М.* Начало эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском: итоги и перспективы // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. – Симферополь – Керчь, 2019. – С. 256–265.

959. *Казанский М.М.* О германских древностях позднеримского времени в Крыму и Приазовье // Международная конференция «Византия и Крым». – Симферополь, 1997. – С. 48–51.

960. *Казанский М.М.* О появлении остроготов и гепидов в Крыму и на Тамани в VI веке // Миры Византии. Χερσῶνος θέματα. – Симферополь, 2019. – С. 15–34.

961. *Казанский М.М.* О происхождении могильников типа Ай-Тодор // Проблемы истории Крыма. I. – Симферополь, 1991. – С. 57–59.

962. *Казанский М.М.* Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum+ПАВ. – СПб.-Кишинев, 1997. – С.181–193.

963. *Казанский М.М.* О шлемах Боспора Киммерийского ранневизантийского времени: традиция или инновация // БИ. XXXVIII. 2019. – С. 205–224.

964. *Казанский М.М.* Погребение эпохи Великого переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // Stratum plus. 2014. № 4. – С. 299–336.

965. *Казанский М.М.* Приазовские хунугуры, меховая торговля и водные пути // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. – Керчь, 2017. – С. 218–229.

966. *Казанский М.М.* Пути проникновения готов на Боспор Киммерийский и природные условия Северного Причерноморья в III в. // БИ. XXXIII. – Керчь, 2016. – С. 137–162.

967. *Казанский М.М.* Центры власти у гунно-болгар Причерноморья в постгуннское время // МАИЭТ. XXIII. 2018. – С. 100–119.

968. *Казанский М.М.* Юстиниан I и древности италийских остроготов в Крыму // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 10. 2018. – С. 211–220.

969. *Казанский М.М., Мастыкова А.В.* Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // ИАА. 4. – М.-Армавир, 1998. – С. 102–135.

970. *Казанский М.М., Мастыкова А.В.* Золотая гривна из Фанагории: о германцах на Боспоре Киммерийском в позднеримское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 169–177.

971. *Казанский М.М., Мастыкова А.В.* «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем / Отв. ред. А.Г. Фурасьев. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 114–126.

972. *Каковкин А.Я.* Ампулы св. Мины. Об иконографии евлогий // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. – М., 2000. – С. 55–56.

973. *Каковкин А.Я.* Об изображении персонажа на глиняном блюде из Херсонеса // АДСВ. 29. – Екатеринбург: УрГУ, 1998. – С. 251–253.

974. *Калашник Ю.П.* Стеклянный флакон из Херсонеса и некоторые застольные надписи // АСГЭ. 26. – Л., 1986. – С. 71–76.

975. *Калитинский А.* К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России // SK. III. – Прага, 1928. – С. 277–309.

976. *Камелина Г.А.* О хронологии археологических памятников Боспора второй половины III–IV вв. н. э. (к постановке проблемы) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 208–211.

977. *Каменецкий И.С., Кропоткин В.В.* Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. 1962. № 3. – С. 235–240.

978. *Карышковский П.О.* Из истории поздней Ольвии // ВДИ. 1968. № 1. – С. 167–179.

979. *Карышковский П.О.* Монетное дело и денежное обращение Ольвии (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). – Одесса, 2003. – 684 с.

980. *Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. – Киев: Наукова думка, 1988. – 168 с.

981. *Карышковский П.О.* Находки позднеантичных и византийских монет в Одесской области // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Вып. 7. – Одесса, 1971. – С. 15–21.

982. *Карышковский П.О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. – Киев: Наукова думка, 1985. – 159 с.

983. *Кастанаян Е.Г.* Лепная керамика боспорских городов. – Л.: Наука, 1981. – 176 с.

984. *Кастанаян Е.Г.* Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных // СА. XV. – М., 1951. – С. 247–255.

985. *Катцова А.В.* Античный город Китей. Исследования экспедиции Государственного Эрмитажа в 2019 году // История и археология Крыма. XIII. – Симферополь, 2020. – С. 187–192.

986. *Катцова А.В.* Пять лет Китейской экспедиции Государственного Эрмитажа // Иресиона. Античный мир и его наследие. Выпуск VII. Материалы Круглого стола к 50-летию Китейской археологической экспедиции. – Белгород, 2020. – С. 27–48.

987. *Катюшин Е.А.* Об античной Кафе // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 28–30.

988. *Катюшин Е.А.* Трактат «Об управлении империей» Константина Багрянородного как источник для изучения истории отношений Византии и сопредельных народов (к проблеме достоверности сведений) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 171–175.

989. *Катюшин Е.А.* Феодосия. Каффа. Кефе. – Феодосия, 1998. – 160 с.

990. *Кауфман С.А.* О взаимосвязях ранневизантийских сводчатых покрытий с позднеримскими // ВВ. 20. 1961. – С. 184–224.

991. *Кашаев С.В.* К вопросу об иудейских некрополях Боспора (на примере поселения Вышестеблиевская – 11) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 217–223.

992. *Кашовская Н.В., Кашаев С.В.* К вопросу о плитах с иудейской символикой на Боспоре Киммерийском // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 132–138.

993. *Кизилов М.Б.* Крымская Иудея. – Симферополь: Доля, 2011. – 336 с.

994. *Кизилов М.Б.* Крымская Готия. – Симферополь: Наследие тысячелетий, 2015. – 352 с.

995. *Клейн Л.С.* Миграция: археологические признаки // Stratum+. 1. 1999. – Кишинев, 1999. – С. 52–71.

996. *Кленина Е.Ю.* Ранневизантийский епископский комплекс в Херсоне // АДСВ. 38. – Екатеринбург, 2008. – С. 64–78.

997. *Кленина Е.Ю.* Хронология христианских памятников на участке западной базилики Херсонеса // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. – Севастополь, 2003. – С. 22–23.

998. *Клюкин А.А., Корженевский В.В.* Крымское Приазовье. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. – 144 с.

999. *Кляшторный С.Г., Султанов Г.И.* Государства и народы евразийских степей в древности и средневековье. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 320 с.

1000. *Кнабе Г.С.* Вопрос о соотношении археологических культур и этноса в современной зарубежной литературе // СА. 1959. № 3. – С. 243–257.

1001. *Книпович Т.Н.* Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // МИА. 25. – М., 1952. – С. 289–326.

1002. *Книпович Т.Н.* Танаис. – М.-Л.: АН СССР, 1949. – 176 с.

1003. *Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. – М.: Наука, 1978. – 215 с.

1004. *Кобылина М.М.* Исследования Фанагории в 1959–60 и 1962 гг. // СА. 1963. № 4. – С. 129–138.

1005. *Кобылина М.М.* Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории // КСИА. 124. – М.: Наука, 1970. – С. 69–72.

1006. *Кобылина М.М.* Керамическое производство в Фанагории в IV в. // СА. 1966. № 3. – С. 172–186.

1007. *Кобылина М.М.* Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – С. 30–35.

1008. *Кобылина М.М.* Раскопки «южного» некрополя Фанагории в 1947 г. // МИА. 19. – М., 1951. – С. 236–240.

1009. *Кобылина М.М.* Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. 109. – М.: Наука, 1967. – С. 124–129.

1010. *Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. 37. – М.: Наука, 1956. – С. 5–101.

1011. *Кобылина М.М.* Фанагория. – М.: Наука, 1989. – 128 с.

1012. *Ковалевская В.Б.* Связи Кавказа и Восточной Европы в VI–VII веках н. э. // ПИАУ. – Харьков: ХИАО, 1999. – С. 69–70.

1013. *Ковалевская Л.А., Сарновски Т.* О хозяйственном укладе одной из херсонесских усадеб в позднеримское время // ВДИ. 2002. № 3. – С. 85–92.

1014. *Ковальчук А.В.* Исследование Зольника 1 у бухты Сиреневая. Методика раскопок и проблемы датировки // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014. – С. 226–233.

1015. *Ковальчук А.В.* Расположение зольников на поселениях Караларского побережья // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. – Керчь, 2015. – С. 189–196.

1016. *Ковальчук А.В.* Религиозная жизнь на поселении Сиреневая бухта // КСИА. № 241. – М., 2015. – С. 109–125.

1017. *Козлов А.С.* Крупный позднеантичный город и внутренние миграции // Античный и средневековый город. ТД VII Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург – Севастополь, 1994. – С. 25–26.

1018. *Козлов В.И.* О понятии этнической общности // СЭ. 1967. № 2. – С. 100–111.

1019. *Козуб Ю.И.* Историческая топография некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 156–173.

1020. *Колесникова Л.Г.* Восточное стекло из собрания Херсонесского музея // ВВ. 34. 1973. – С. 249–256.

1021. *Колесникова Л.Г.* Искусство средневекового Херсонеса (краткий обзор памятников) // Культура и искусство Византии. – Л.: Искусство, 1975. – С. 20–21.

1022. *Колесникова Л.Г.* Раннехристианская скульптура Херсонеса // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. – Киев: Наукова думка, 1974. – С. 55–64.

1023. *Колесникова Л.Г.* Храм в Портовом районе Херсонеса (раскопки 1963–1965 гг.) // ВВ. 39. 1978. – С. 160–172.

1024. *Колобова К.М.* Политическое положение городов в Боспорском царстве // ВДИ. 1953. № 4. – С. 47–71.

1025. *Колосовская Ю.К.* Позднеримский город на Дунае и варвары // From Late Antiquity to Early Byzantium. – Praha, 1985. – С. 117–122.

1026. *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н. э. – М.: Наука, 2000. – 288 с.

1027. *Комар А.В.* Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. – Киев – Судак, 2004. – С. 169–200.

1028. *Комеч А.И.* Взгляды христианства II–IV столетий на эстетическую выразительность архитектурной формы // Культура и искусство Византии. – Л.: Искусство, 1975. – С. 21–23.

1029. *Комеч А.И.* Символика архитектурных форм в раннем христианстве // Искусство Западной Европы и Византии. – М.: Искусство, 1978. – С. 164–223.

1030. *Кондаков Н.П.* Доклад о восточно-палестино-сирийском происхождении византийского искусства // Сообщения ИППО. – Т. 3, вып. 2. – СПб., 1892. – С. 144–160.

1031. *Кондаков Н.П.* Древнехристианская патера из Керченских катакомб // ЗООИД. XI. – Одесса, 1879. – С. 67–73.

1032. *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. – Т. 1. – М.: Паломник, 1998. – 320 с.

1033. *Кондаков Н.П.* История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. – Одесса, 1876. – 276 с.

1034. *Кондаков Н.П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. – Прага: Изд. Чешской Академии наук и искусств, 1929. – 455 с.

1035. *Коробков Д.Ю.* От язычества к христианству, от синагоги к церкви? // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. – Севастополь, 2001. – С. 72–75.

1036. *Коровина А.К.* Гермонасса в раннесредневековый период // Таманская старина. 1. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. – С. 19–29.

1037. *Коровина А.К.* Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. – М.: ГМИИ, 2002. – 146 с., 56 илл.

1038. *Коровина А.К.* Древняя Тирамба // ВДИ. 1963. № 3. – С. 126–131.

1039. *Коровина А.К.* Позднеантичная Гермонасса (по материалам раскопок 1973–75 гг.) // Проблемы античной культуры. – М., 1986. – С. 160–168.

1040. *Коровина А.К.* Позднеантичная и раннесредневековая Гермонасса // Эйрене. XIV. – Ереван, 1976. – С. 205–206.

1041. *Коростелин В.А.* О типологии и классификации федератских договорных отношений позднеримской империи с варварами // Власть, человек, общество в античном мире. – М., 1997. – С. 295–303.

1042. *Коростелин В.А.* Федератство в Позднем Риме как система: к проблеме варваров-федератов // МАИЭТ. XIII. – Симферополь, 2007. – С. 420–429.

1043. *Корпусова В.Н.* Некрополи сельского населения Европейского Боспора во II в. до н. э. – IV в. н. э. – Автореф. дисс. ... к. и. н. – Киев, 1975. – 19 с.

1044. *Корпусова В.Н.* Некрополь Золотое. – Киев: Наукова думка, 1983. – 184 с.

1045. *Корпусова В.Н.* Сільске населенння пізньеонтичного Боспору [Сельское население позднеантичного Боспора] // Археологія. № 8. 1973. – С. 39–44.

1046. *Корсунский А.Р.* От Восточной Римской империи к Византии // ВВ. 29. 1968. – С. 33–39.

1047. *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до сер. VI в.). – М.: МГУ, 1984. – 254 с.

1048. *Коршенко А.Н.* Клад позднеримских и ранневизантийских медных монет из Байдарской долины // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. – Севастополь, 2013. – С. 247–266.

1049. *Коршенко А.Н.* Монеты Зенона, выпущенные в Херсонесе // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.: тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2001. – С. 32–33.

1050. *Коршенко А.Н.* Херсонский выпуск монет Феодосия II и Валентиниана III // МАИЭТ. VII. – Симферополь, 2000. – С. 222–246.

1051. *Коршенко А.Н., Алексеенко И.А.* К вопросу о возобновлении работы херсонесского монетного двора в V в. н. э. // Монета. VI. – М., 1999. – С. 45–52.

1052. *Костромичев Д.А.* О римских войсках в Херсонесе после середины III в. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовзияние культур. – Керчь, 2011. – С. 183–187.

1053. *Костромичев Д.А.* Т-образные шарнирные фибулы Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013. – С. 236–240.

1054. *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Древнехристианские склепы с декоративной фресковой росписью, открытые в Херсонесе // ИТУАК. 45. – Симферополь, 1911. – С. 50–55.

1055. *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 г. // ИАК. 33. – СПб., 1909. – С. 50–70.

1056. *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. – Вып. 4. – СПб., 1902. – С. 1–32.

1057. *Котин М.А.* Лепная керамика из позднеантичного «некрополя Джург-Оба» (к вопросу об этнической принадлежности) // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. – СПб., 2013. – С. 417–424.

1058. *Кочев Н.* Античната литературна традиция и византийските автори [Античная литературная традиция и византийские авторы]. – София: Наука и изкуство, 1982. – 272 с.

1059. *Кошеленко Г.А.* Изменение уровня Средиземного моря в исторический период // Природа. 1976. № 11. – С. 141–142.

1060. *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М., 1995. – С. 11–61.

1061. *Крадин Н.Н.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). – Владивосток: ДВГУ, 1992. – 240 с.

1062. *Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 416 с.

1063. *Крапивина В.В.* О двух «готских» разгромах Ольвии // Древнее Причерноморье. Чтения памяти П.О. Карышковского. – Одесса, 1991. – С. 32–33.

1064. *Крапивина В.В.* О застройке Ольвии в конце III–IV вв. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Ойкос. – Керчь, 2006. – С. 180–188.

1065. *Крапивина В.В.* О металлообработке и гончарстве в Ольвии в конце III–IV вв. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. – Керчь, 2010. – С. 232–239.

1066. *Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. – Киев: Наукова думка, 1993. – 184 с.

1067. *Крапивина В.В.* Ольвия и черняховская культура: факты и домыслы // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013. – С. 252–259.

1068. *Крапивина В.В.* Торговые связи Ольвии с античным и варварским миром в I–IV вв. н. э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб., 1999. – С. 256–261.

1069. *Крапивина В.В., Домжальский К.* Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. – СПб., 2008. – С. 73–81.

1070. *Красносельцев Н.Ф.* Очерки по истории христианского храма: Архитектура и внутреннее расположение христианских храмов до Юстиниана. – Ч. 1. – Казань, 1881. – 222 с.

1071. *Кривушин И.В.* Ранневизантийская церковная историография. – СПб.: Алетейя, 1998. – 256 с.

1072. *Кропоткин А.В., Кропоткин В.В.* Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. – М.: Наука, 1988. – С. 168–184.

1073. *Кропоткин В.В.* Византийский экзагий из Керчи // ВВ. 34. 1973. – С. 262–263.

1074. *Кропоткин В.В.* Население Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья. – Автореф. канд. дисс. – М., 1953. – 16 с.

1075. *Кропоткин В.В.* Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии. – М., 1978. – С. 147–163.

1076. *Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. – М.: Наука, 1967. – 136 с.

1077. *Круг О.Ю., Бажанов Э.А.* Классификация и хронология светлоглиняных амфор II–IV вв. н. э. // СА. 1967. № 1. – С. 52–59.

1078. *Кругликова И.Т.* Боспор III–IV вв. в свете новых археологических исследований // КСИА. 103. – М.: Наука, 1965. – С. 2–10.

1079. *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. – М.: Наука, 1966. – 224 с.

1080. *Кругликова И.Т.* Клад боспорских статеров III в. из дер. Семеновки // СА. 1958. № 3. – С. 134–143.

1081. *Кругликова И.Т.* Культура Боспора в позднеантичный период // Античное общество. – М.: Наука, 1967. – С. 150–155.

1082. *Кругликова И.Т.* О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. 33. – М., 1954. – С. 78–113.

1083. *Кругликова И.Т.* Погребение IV–V вв. в дер. Айвазовское // СА. 1957. № 2. – С. 253–257.

1084. *Кругликова И.Т.* Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря // СА. XXV. – М., 1956. – С. 235–260.

1085. *Кругликова И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. – Вып.2. – Краснодар, 1982. – С. 117–149.

1086. *Кругликова И.Т.* Раскопки поселения Андреевка Северная // ДБ. 3. 2000. – С. 78–96.

1087. *Кругликова И.Т.* Раскопки поселения у дер. Семеновка // МИА. 155. – М.: Наука, 1970. – С. 4–81.

1088. *Кругликова И.Т.* Религиозные представления сельского населения Боспора // КСИА. 124. – М.: Наука, 1970. – С. 5–17.

1089. *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. – М.: Наука, 1975. – 300 с.

1090. *Кругликова И.Т.* Синдская гавань – Горгиппия – Анапа. – М.: Наука, 1975. – 103 с.

1091. *Кругликова И.Т.* Торговля в сельских поселениях Боспора // КСИА. 130. – М.: Наука, 1972. – С. 26–33.

1092. *Кругликова И.Т.* Фанагорийская местная керамика из грубой глины // МИА. 19. – М.: Наука, 1951. – С. 87–106.

1093. *Кругликова И.Т., Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1967–1972 гг. // Горгиппия. – Вып.1. – Краснодар, 1980. – С. 103–121.

1094. *Круглов Е.В.* Некоторые проблемы анализа особенностей византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. – Т. 1. – Харьков, 2002. – С. 79–93.

1095. *Крупа Т.Н.* К вопросу о сохранении античного археологического наследия: археологический текстиль // Иресиона. Античный мир и его наследие. – Вып. 2. – Белгород: БелГУ, 2002. – С. 134–138.

1096. *Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1993. – 247 с.

1097. *Крыкин С.М.* Проблема сущности боспорского протектората в античном Северном Причерноморье // Проблемы исследований античных городов. – М., 1989. – С. 59–60.

1098. *Крыкин С.М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. – М.: Прометей, 1993. – 332 с.

1099. *Крыкин С.М., Борисов Ю.Д.* К проблеме христианизации Боспора // Церковная археология. 1. – СПб.-Псков, 1995. – С.43–46.

1100. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв. – М.: Наука, 2003. – 534 с. [Археология].

1101. *Кубарев Г.В., Ахмедов И.Р., Журавлев Д.В.* Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи // БИ. 3. 2003. – С. 204–221.

1102. *Кубланов М.М.* Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА. 159. – М.: Наука, 1979. – С. 90–97.

1103. *Кубланов М.М.* Раскопки некрополя Илурата в 1969 г. // КСИА. 130. – М.: Наука, 1972. – С. 83–88.

1104. *Кубланов М.М.* Раскопки некрополя Илурата: итоги и проблемы // НАИМ. – Л.: ГМИРА, 1983. – С. 80–97.

1105. *Кубланов М.М.* Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре // Ежегодник ГМИРА. – Вып. 2. – Л., 1958. – С. 57–68.

1106. *Кубланов М.М.* Следы христианства в языческом некрополе (Илурат) // НиР. 1976. № 7. – С. 60–63.

1107. *Кузина Н.В., Пашкевич Г.А.* Виноградарство и виноделие в боспорском городе Китее // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. – Керчь, 2010. – С. 247–255.

1108. *Кузищин В.И.* Раскопки позднеантичной виллы близ Севастополя // АО 1979. – М.: Наука, 1980. – С. 294.

1109. *Кузманов Г.* Ранневизантийская керамика от Тракия и Дакия (IV – нач. VII в.) [Ранневизантийская керамика из Фракии и Дакии (IV – нач. VII вв.)] / Разкопки и проучвания. – Т. XIII. – София, 1985. – 112 с.

1110. *Кузманов Г.* Типология и хронология на ранновизантийскоте амфори 4–5 вв. [Типология и хронология ранневизантийских амфор IV–V вв.] // Археология. 1973. № 1. – София, 1973. – С.14–21.

1111. *Кузнецов В.Д.* Работы Фанагорийской экспедиции в 1998 г. // ПИФК. VII. – М.-Магнитогорск, 1999. – С. 392–393.

1112. *Кузнецов В.Д.* Раннесредневековый дом в Фанагории // ДБ. 20. 2016. – С. 308–319.

1113. *Кузнецов В.Д.* Фанагория: история исследований и новые находки // РА. 2007. № 2. – С. 5–15.

1114. *Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е., Амелькин А.О.* Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 гг. // ДБ. 6. 2003. – С. 151–175.

1115. *Кулаковский Ю.А.* [Рец.:] Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России // ВВ. Т. 4. 1897. – С. 232–238.

1116. *Кулаковский Ю.А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. – Киев, 1899. – 73 с.

1117. *Кулаковский Ю.А.* Две керченские катакомбы с фресками // МАР. 19. – СПб., 1896. – С. 1–67.

1118. *Кулаковский Ю.А.* Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. XXI. – Одесса, 1898. – С.11–27.

1119. *Кулаковский Ю.А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии. – СПб.: Алетейя, 2000. – 320 с.

1120. *Кулаковский Ю.А.* История Византии. – Т.1. – Киев: Ун-т св. Владимира, 1913. – 552 с.

1121. *Кулаковский Ю.А.* История Византии. 395–518 годы. – СПб.: Алетейя, 1996. – 432 с.

1122. *Кулаковский Ю.А.* История Византии. 518–602 годы. – СПб.: Алетейя, 1996. – 400 с.

1123. *Кулаковский Ю.А.* К вопросу об имени города Керчи // ΧΑΡΙΣΤΕΡΙΑ. Сборник в честь Ф.Е. Корша. – М., 1896. – С. 185–201.

1124. *Кулаковский Ю.А.* К истории Боспора Киммерийского в конце VI в. // ВВ. III. 1896. – С. 1–17.

1125. *Кулаковский Ю.А.* К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове. – СПб., 1895. – 10 с.

1126. *Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. 6. – СПб., 1891. – С. 1–30.

1127. *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. – Киев, 1914. – 154 с.; Киев: Стилос, 2002. – 226 с.

1128. *Кулаковский Ю.А.* Христианство у алан. – СПб., 1898. – 18 с.

1129. *Куликов А.В.* Археологические раскопки на городище Акра // АИК. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 160–162.

1130. *Куликов А.В.* К реконструкции природных условий Керченско-Таманского района в античную эпоху // ПИФК. II. 1995. – С. 97–107.

1131. *Куликов А.В.* О хронологии культурных слоев античного городища Акра // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 160–163.

1132. *Куликов А.В.* Обзор монетных находок с городища Акра (1981–2001) и вопросы периодизации денежного обращения Боспора // БИ. II. – Симферополь, 2002. – С. 259–280.

1133. *Куликов А.В., Чевелев О.Д., Иванина О.А., Куликова Е.В.* Клад боспорских серебряных монет III в. н. э. из района Микмекия (Сад-база 1988) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2004. – С. 220–226.

1134. *Куликов О., Ермолін О.* Нові знахідки керченських археологів [Новые находки керченских археологов] // Пам'ятки України: Історія та культура. Науковий часопис. – 2001. № 3. – С. 22–23.

1135. Культура Византии IV – первая половина VII вв. / Отв. ред. З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин. – М.: Наука, 1984. – 674 с.

1136. *Курбатов Г.Л.* Византия в VI столетии. – Л.: Учпедгиз, 1950. – 135 с.

1137. *Курбатов Г.Л.* История Византии: Историография. – Л., 1975. – 348 с.

1138. *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (конец античного города в Византии). – Л.: ЛГУ, 1971. – 220 с.

1139. *Кунин В.Э.* Монетный клад с Таманского полуострова // АИБ. 2. – Симферополь, 1962. – С. 343–348.

1140. *Кунина Н.З.* К вопросу о западном импорте стекла на Боспор // ТГЭ. 24. – Л., 1984. – С. 147–164.

1141. *Кунина Н.З.* Керченский клад серебряных римских монет // АИБ. 2. – Симферополь, 1962. – С. 329–342.

1142. *Кунина Н.З.* Раннехристианская стеклянная чаша из Нимфея // СГЭ. 56. – СПб., 1995. – С. 46–48.

1143. *Кунина Н.З.* Сирийские выдутые в форме стеклянные сосуды из некрополя Пантикапея // Памятники античного прикладного искусства. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1973. – С. 34–39.

1144. *Кунина Н.З.* Стеклянный кувшин IV в. н. э. из некрополя Нимфея // БИ. X. – Симферополь – Керчь, 2005. – С. 196–200.

1145. *Кунина Н.З.* Стеклянный кувшин с христианскими символами из Эльтигена // Византия в контексте мировой истории. – СПб.: ГЭ, 2004. – С. 82–86.

1146. *Кунина Н.З.* Стеклянный сосуд галльского мастера из Ольвии // СГЭ. 46. – Л., 1981. – С. 44–46.

1147. *Кунина Н.З., Сорокина Н.П.* Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 13. – Л., 1972. – С. 146–177.

1148. *Курбатов Г.Л.* Восстание Прокопия (365–366 гг.) // ВВ. 14. 1958. – С. 3–26.

1149. *Курбатов Г.Л.* История Византии: от античности к феодализму. – М.: Высшая школа, 1984. – 208 с.

1150. *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города. – Л.: ЛГУ, 1971. – 220 с.

1151. *Курбатов Г.Л.* Разложение античной городской собственности в Византии IV–VII вв. // ВВ. 35. 1973. – С. 19–32.

1152. *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. – Л.: ЛГУ, 1991. – 272 с.

1153. *Курбатов Г.Л.* Судьбы ранневизантийского города и кризис VII в. в Византии. Ч. 1 // Вестник СПбГУ. 1993. Сер. 2. Вып. 4. – С. 3–11; Ч. 2 // Вестник СПбГУ. – 1994. – Сер. 2. Вып. 1. – С. 25–36.

1154. *Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е.* Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. – Л.: ЛГУ, 1984. – 96 с.

1155. *Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. – Л.: ЛГУ, 1982. – С. 56–77.

1156. *Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму. 2 // Становление и развитие раннеклассовых обществ. – Л.: ЛГУ, 1986. – С. 100–197.

1157. *Кутайсов С.В.* Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма // ХСб. XII. – Севастополь, 2003. – С. 274–286.

1158. *Кутайсов В.А.* Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1. – С. 155–169.

1159. *Кутайсов В.А., Труфанов А.А.* Бассейн под четырехапсидным храмом в Херсонесе (раскопки 1977–1978 гг.) // История и археология Крыма. I. – Симферополь, 2014. – С. 234–280.

1160. *Кутайсов В.А., Юрочкин В.Ю.* Бассейн римского времени в юго-западном районе Херсонеса // Международная конференция «Византия и Крым». – Симферополь, 1997. – С. 53–55.

1161. *Кучеревская Н.Л., Федосеев Н.Ф.* Боспорский царь «Хедосбий» (КБН 846) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013. – С. 269–276.

1162. *Кучина И.А.* О термине «архонты» в Византии IV–XV вв. // История Византии и византийская археология. – Екатеринбург, 1998. – С. 20–22.

1163. *Лавров В.В.* Восточные германцы в Приазовье в III–IV вв. н. э. // Stratum plus. Археология и культурная антропология. № 4. 2000. – С. 331–341.

1164. *Лавров В.В.* Германские племена в этнической истории Северного Причерноморья в III–IV вв. н. э. – Автореф. канд. дисс. – СПб., 1997. – 24 с.

1165. *Лавров В.В.* Герулы в Причерноморье // Stratum+ПАВ. – СПб.-Кишинев, 1997. – С. 214–217.

1166. *Лавров В.В.* Готские войны III в. н. э.: римское культурное влияние на восточногерманские племена Северного Причерноморья // Проблемы античной истории. – СПб.: СПбГУ, 2003. – С. 332–351.

1167. *Лавров В.В.* Готское общество в IV в. н. э. // Античный мир: Проблемы истории и культуры. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 399–413.

1168. *Лавров В.В.* Готы и Боспор в III в. // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. – СПб.: СПбГУ, 1995. – С. 112–122.

1169. *Лавров В.В.* К вопросу об этическом составе населения Танаиса во второй половине III–IV вв. н. э. // МОБЧМ. – Р-н-Д., 1992. – С. 57–58.

1170. *Лавров В.В.* О конфессиональной принадлежности крымских готов // Церковная археология. 1. – СПб.-Псков, 1995. – С. 47–49.

1171. *Лавров В.В.* Переселение готов в Причерноморье // ВДИ. 1999. № 3. – С. 170–183.

1172. *Лавров П.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. – Вып. 2. – М., 1911. – 486, XVI с.

1173. *Лазарев В.Н.* Византийская живопись. – М.: Искусство, 1971 (сб. статей).

1174. *Лазарев В.Н.* Византийская живопись. – М.: Искусство, 1986. – 420 с.

1175. *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. – Т. 1–2. – М.-Л., 1947–1948. – 456 с.; 38+350 с.

1176. *Ланговая О.Э.* Позднеримская амфора из Мирмекия (опыт реставрации) // СА. VII. – М.-Л., 1941. – С. 289–291.

1177. *Ланцов С.Б., Голенко В.К.* О западной границе Боспора в IV в. н. э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб., 1999. – С. 177–181.

1178. *Ларионов А.И.* Напольные мозаики Средиземноморья: процесс художественной эволюции: IV в. до н. э. – VII в. н. э. – Автореф. канд. дисс. – СПб., 2009. – 22 с.

1179. *Ласкин Г.* О подании помощи при кораблекрушениях во времена Византии // Спасание на водах. 1895. № 4. – С. 22–25.

1180. *Латышев В.В.* Жития свв. епископов Херсонских // Записки имп. АН. Серия VIII по ист.-фил. отд. – Т. 8, № 3. – СПб., 1906. – 81 с.

1181. *Латышев В.В.* Заметки к агиологическим текстам. – СПб., 1909. – 24 с.

1182. *Латышев В.В.* Заметки к христианским надписям из Крыма. II–III // ЗООИД. XXI. – Одесса, 1898. – С. 225–254.

1183. *Латышев В.В.* Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Вып. 1 // ИГАИМК. – Вып. 91. – М.-Л., 1934. – 72 с.

1184. *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – Т. 1–2. – СПб., 1893–1900. – 940 с.

1185. *Латышев В.В.* К церковной археологии Херсонеса // ЖМНП. 1901. – С. 15–22.

1186. *Латышев В.В.* Надпись о постройке Херсонесской стены // ИАК. 1. – СПб., 1901. – С. 56–59.

1187. *Латышев В.В.* Неизданные боспорские надписи // ИРАИМК. II. – Пб., 1922. – С. 84–104.

1188. *Латышев В.В.* О некоторых эолических и дорических календарях (эпиграфические исследования). – СПб., 1883. – 196, VIII с.

1189. *Латышев В.В.* По поводу заклятия на лоскутке материи из Сююр-Таша // ЗООИД. XXII (смесь). – Одесса, 1900. – С. 1.

1190. *Латышев В.В.* ΠΟΝΤΙΚΑ. – СПб., 1909. – 430 с.

1191. *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб., 1896. – 143 с.

1192. *Латышев В.В.* Страдания свв. великомучеников и епископов Херсонских // ИАК. 23. – СПб., 1907. – С. 108–112.

1193. *Латышев В.В.* Эпиграфическая заметка // ЗООИД. XXII. – Одесса, 1900. – С. 1 (смесь).

1194. *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России (находки 1905 г.) // ИАК. 18. – СПб., 1906. – С. 95–137.

1195. *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1901–03 гг. // ИАК. 10. – СПб., 1904. – С. 91–131.

1196. *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1904 г. // ИАК. 14. – СПб., 1905. – С. 1–137.

1197. *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1907 г. // ИАК. 27. – СПб., 1908. – С. 15–41.

1198. *Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1. 1894. – С. 617–672.

1199. *Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике. IV // ВВ. 6. 1899. – С. 337–369.

1200. *Латышева А.В.* К вопросу о положении Херсонской епархии в Византийской империи // Иресиона. Античный мир и его наследие. – Вып. 3. – Белгород, 2006. – С. 74–82.

1201. *Латышева А.В.* Культ воды в сакральной жизни византийского Херсона // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2005. – С. 167–171.

1202. *Латышева А.В.* О стациональных шествиях в византийском Херсоне // Наука і освіта. 2005. – Т. 19. Загальна історія. – Дніпропетровськ, 2005. – С. 26–29.

1203. *Латышева А.В.* Особенности архитектурно-литургической реконструкции базилик византийского Херсона // Кондаковские чтения – II. Проблемы культурно-исторических эпох. – Белгород, 2008. – С. 259–265.

1204. *Латышева А.В.* Традиция перенесения мощей в культе херсонских святых // Иоасафовские чтения. III. – Белгород, 2006. – С. 206–212.

1205. *Лебедев А.П.* Духовенство древней Вселенской церкви (от времен апостольских до IX в.). – М., 1905. – 494 с. (2-е изд.: СПб.: Алетейя, 1997. – 412 с.).

1206. *Лебедев Д.А.* Список епископов I Вселенского собора в 318 имен. – Пг., 1916. – 116 с.

1207. *Лебедева Г.Е.* К вопросу о динамике социальной структуры ранневизантийского города // Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. М.Я. Сюзюмова. – Екатеринбург, 1993. – С. 53–55.

1208. *Лебедева Г.Е.* Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). – Л.: ЛГУ, 1980. – 168 с.

1209. *Левада М.Е.* Готские древности в Северном Причерноморье: храмы и святилища // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 201–203.

1210. *Левада М.Е.* «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // БИ. XI. – Симферополь – Керчь, 2006. – С. 194–251.

1211. *Левада М.Е.* Миф о городищах черняховской культуры // Готы и Рим. – К., 2006. – С. 60–72.

1212. *Левада М.Е.* От моря до моря (готы между Балтийским и Черным морями) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 257–260.

1213. *Левина Э.А., Островерхов А.С.* Оконное стекло в архитектуре античных городов Северного Причерноморья // Проблемы исследований античных городов. – М., 1989. – С.67–69.

1214. *Левинская И.А.* Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. – СПб.: Логос, 2000. – 352 с.

1215. *Левинская И.А.* Эпиграфические памятники культа Theos Hypsistos как источник по этнокультурной истории Боспора в I–IV вв. – Автореф. дисс. ... к. и. н. – Л., 1988. – 20 с.

1216. *Левинская И.А., Тохтасьев С.Р.* Древнееврейские имена на Боспоре // Acta associationis internationalis «Terra antiqua Balcanica». VI. – Serdicae, 1991. – P.118–128.

1217. *Левкинадзе В.А.* О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках // ВДИ. 1970. № 2. – С. 174–193.

1218. *Левченко М.В.* Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V–VI вв. // Византийский сборник. – М.-Л., 1945. – С. 12–94.

1219. *Лейбенсон Ю.Т.* Интеллектуалы античных государств Северного Причерноморья. Автореф. канд. дисс. – Симферополь, 2018. – 28 с.

1220. *Лейпунская И.А.* Предместье первых веков н. э. в Нижнем городе Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. – Киев, 1988. – С. 71–82.

1221. *Лепер Р.Х.* Дневники раскопок Херсонесского некрополя // ХСб. 2. – Севастополь, 1927. – С. 187–256.

1222. *Литаврин Г.Г.* Восточноримская империя в V–VI вв. // Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. – М.: Наука, 1985. – С. 8–83.

1223. *Лихачева В.Д.* Искусство Византии IV–XV вв. – Л.: Искусство, 1981. – 310 с.

1224. *Лопанов Ю.А., Горлов Ю.В.* Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове. – М., 1995. – 24 с.

1225. *Лопатина М.Ю.* Современная зарубежная историография истории Поздней античности и Ранней Византии (1990–2015 гг.). – Белгород: НИУ «БелГУ», 2017. – 104 с.

1226. *Лосева Н.М.* Краснолаковая керамика Боспора (II в. до н. э. – IV в. н. э.) по материалам Пантикапея и Фанагории. – Автореф. дисс. … к. и. н. – М.-Л., 1950. – 15 с.

1227. *Лосицький Ю.Г.* Про візантійськи базиліки Херсонеса [О византийских базиликах Херсонеса] // Археологія. 1991. № 2. – С. 83–98.

1228. *Лоэ К.* Могильник Скалистое и ранние фазы этногенеза крымских готов (конец IV – начало VI вв.) // Stratum plus. 2000. № 5. – С. 119–140.

1229. *Лунгис Т.* Обращение в христианство господствующего класса Восточной Римской империи во 2-й пол. V в. // From Late Antiquity to Early Byzantium. – Praha, 1985. – С. 61–72.

1230. *Лысенко А.В.* Культурно-исторические процессы в южной части Горного Крыма римского времени (I в. до н. э. – IV в. н. э.) // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. – Ч. 2. – СПб., 2018. – С. 218–225.

1231. *Лысенко А.В.* Римские монеты конца III – начала IV в. в южной части Таврики // Древняя Таврика. – Симферополь, 2007. – С. 187–192.

1232. *Лысенко А.В., Сохин М.Ю., Парфенов А.А., Юрочкин В.Ю.* Исследования некрополя Пантикапея-Боспора в 2002 г. // Археологічні відкриття в України. 2001–2002 рр. – К.: ИА НАНУ, 2003. – С. 166–168.

1233. *Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю.* К вопросу о типологии и хронологии склепов некрополя Пантикапея-Боспора // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I. – СПб., 2002. – С. 83–88.

1234. *Люттвак Э.Н.* Стратегия Византийской империи. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. – 664 с.

1235. *Люценко Е.* Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях Фанагорийского городища. – СПб., 1880. – 16 с.

1236. *Ляпустина Е.В.* Поздняя античность – общество в изменении // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. – М., 2002. – С. 31–46.

1237. *Магомедов Б.В.* Городища-крепости ольвийской округи в позднеримское время // Borysthenika-2004. Материалы МНК к 100-летию начала исследований о. Березань Э.Р. фон Штерном. – Николаев, 2004. – С. 113–118.

1238. *Магомедов Б.В.* Ингулецкая группа памятников черняховской культуры // Мир Ольвии. – Киев: Наукова думка, 1996. – С.140–142.

1239. *Магомедов Б.В.* К истории финального этапа черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. – Киев: ИА НАНУ, 1999. – С. 36–44.

1240. *Магомедов Б.В.* К хронологии черняховских памятников Северного Причерноморья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.). – Киев – Кишинев, 1991. – С. 224–225.

1241. *Магомедов Б.В.* Ольвия и черняховская культура // Проблемы исследования Ольвии. – Парутино, 1985. – С. 47–49.

1242. *Магомедов Б.В.* Черняхівська культура. Проблема етносу [Черняховская культура. Проблема этноса]. – Автореф. дисс. … д. и. н. – Киев, 1999. – 37 с.

1243. *Магомедов Б.В.* Черняховская культура и Боспор // БИ. I. – Симферополь, 2001. – С. 246–249.

1244. *Магомедов Б.В.* Черняховская культура и Боспор // Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и варварского миров. – Керчь, 2000. – С.79–81.

1245. *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. – Lublin: W-wo Marii Curie Sklodowskiej, 2001. – 290 с.

1246. *Магомедов Б.В.* Черняховские памятники причерноморского типа // КСИА. 178. – М.: Наука, 1984. – С. 60–66.

1247. *Магомедов Б.В., Кубишев А.І.* Соляний промисел в пізньоримський час на Присивашші [Соляной промысел в позднеримское время в Присивашье] // Старожитності Русі-України [Древности Руси-Украины]. – Киев: КАЕ, 1994. – С. 44–48.

1248. *Майко В.В.* К вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. – Харьков, 1995. – С. 105–106.

1249. *Макаев Э.А.* Язык древнейших рунических надписей. – М.: УРСС, 2002. – 156 с.

1250. *Макарий (Булгаков), архиепископ Харьковский*. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. – СПб., 1868. – 338 с.

1251. *Макарий, митр*. История русской церкви. – Т. 1. – М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – 336 с.

1252. *Макарова Т.И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4. – С. 91–100.

1253. *Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. VI. – Симферополь, 1998. – С. 344–393.

1254. *Макарова Т.И.* Средневековый Корчев по раскопкам 1963 г. в Керчи // КСИА. 104. – М.: Наука, 1965. – С. 75–82.

1255. *Максимова М.И.* Краткий путь через Черное море // МИА. 33. – М., 1954. – С. 45–57.

1256. *Малицкий Н.В.* Глиняный кружок из Херсонеса с изображением св. Фоки // Материалы по русскому искусству. 1. – Л.: Русский музей, 1928. – С. 1–9.

1257. *Малышев А.А.* Захоронения эпохи Великого переселения народов в Цемесской долине // ИАА. 1. – М.-Армавир, 1995. – С. 148–153.

1258. *Малышев А.А.* Монеты «неизвестного народа» // Нумизматический альманах. 2001. № 2. – С. 24–27.

1259. *Малышевский И.* Замечательный образец филантропических учреждений при древних византийских монастырях // Церковные ведомости. 1895. № 47. – С. 1672–1676.

1260. *Мамина О.Н.* Опыт междисциплинарного исследования античной культуры // Антиковедение на рубеже тысячелетий. – М.: ИВИ РАН, 2000. – С. 64–66.

1261. *Манаев А.Ю.* Ранневизантийские оборонительные сооружения Юго-Западного Крыма и Болгарии: опыт сравнительного анализа // Историческое наследие Крыма. № 1. 2003. – Симферополь: КО ИВ НАНУ, 2003. – С. 7–26.

1262. *Марков Г.Е.* Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. – М.: Наука, 1976. – 300 с.

1263. *Марти Ю.Ю.* Городища Боспорского царства к югу от Керчи: Киммерик, Китей, Акра // ИТОИАИЭ. Т. 2. – Симферополь, 1928. – С. 103–126.

1264. *Марти Ю.Ю.* Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГАИМК. № 104: Из истории Боспора. – М.-Л., 1934. – С. 57–89.

1265. *Марти Ю.Ю.* Новый эпиграфический материал из Керчи и ее окрестностей // ЗООИД. XXXI. – Одесса, 1913. – С. 27–38 (протоколы).

1266. *Марти Ю.Ю.* Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства. – Одесса, 1913. – 70 с.

1267. *Марти Ю.Ю.* Раскопки городища Китэя в 1928 г. – Симферополь, 1929. – 15 с.

1268. *Марти Ю.Ю.* Сто лет Керченского музея. – Керчь, 1926. – 96 с.

1269. *Марченко И.Д.* Город Пантикапей. – Симферополь: Таврия, 1974. – 86 с.

1270. *Марченко И.Д.* К вопросу о боспорских торговых судах // СА. 1957. № 1. – С. 232–237.

1271. *Марченко И.Д.* О планировке северного района Пантикапея // СА. 1979. № 2. – С. 164–178.

1272. *Марченко Л.В.* Природные факторы в строительстве и хозяйстве Херсонеса // ХСб. 7. – Севастополь, 1996. – С. 19–34.

1273. *Марченко Л.В.* Топография и планировка Херсонесского городища // ХСб. 8. – Севастополь, 1997. – С. 62–67.

1274. *Масленников А.А.* Античные древности Крымского Приазовья. Взгляд через полвека // РА. 2007. № 1. – С. 79–88.

1275. *Масленников А.А.* Греки и варвары на «границах» Боспора // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. – М.: Наука, 1999. – С.170–192.

1276. *Масленников А.А.* Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н. э. // ДБ. 3. – М., 2000. – С. 136–200.

1277. *Масленников А.А.* Древние географические ориентиры Восточного Крыма и современные археологические реалии // ВДИ. 1998. № 4. – С. 117–129.

1278. *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. – М.: ИА РАН, 2003. – 280 с.

1279. *Масленников А.А.* Еще раз о боспорских валах // СА. 1983. № 3. – С. 14–22.

1280. *Масленников А.А.* Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки истории и археологии Боспора. – М.: Наука, 1992. – С. 120–173.

1281. *Масленников А.А.* Исследование сельской территории Европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. 1997. № 3. – С. 60–70.

1282. *Масленников А.А.* Историко-географическое районирование Восточного Крыма в античную эпоху // Археологія. 1989. № 4. – С. 35–47.

1283. *Масленников А.А.* Малые и малоисследованные города античного Боспора. – Тула, 2004. – 72 с.

1284. *Масленников А.А.* Монетные находки и денежное обращение в Крымском Приазовье в античную эпоху // ДБ. 1. – М., 1998. – С. 202–215.

1285. *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. – М.: Наука, 1991. – 232 с.

1286. *Масленников А.А.* Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора в первые века н. э. // СА. 1982. № 1. – С. 33–43.

1287. *Масленников А.А.* Некрополи в ландшафте хоры античного Боспора // Боспорское царство как историко-культурный феномен. – СПб., 1998. – С. 40–44.

1288. *Масленников А.А.* Некрополи городов азиатского Боспора в первые века н. э. // СА. 1985. № 1. – С. 61–74.

1289. *Масленников А.А.* О боспорских склепах римского времени // Проблемы античной истории и классической филологии. – Харьков, 1980. – С. 77–78.

1290. *Масленников А.А.* Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения). – Автореф. дисс. ... д. и. н. – М., 1993. – 45 с.

1291. *Масленников А.А.* Сельская территория европейского Боспора в ранневизантийское время // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 40–41.

1292. *Масленников А.А.* Сельские поселения в административной структуре Боспора первых веков н. э. // Проблемы исследований античных городов. – М., 1989. – С. 76–78.

1293. *Масленников А.А.* Сельские поселения европейского Боспора (некоторые проблемы и итоги исследований) // БИ. I. – Симферополь, 2001. – С. 75–100.

1294. *Масленников А.А.* Сельские святилища европейского Боспора. – М.: ИА РАН, 2007. – 564 с.

1295. *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. – М.: ИА РАН, 1997. – 108 с.

1296. *Масленников А.А.* Системный кризис III в. н. э. на Боспоре и крах античного военного искусства // ПИАУ. – Харьков, 2004. – С. 56–59.

1297. *Масленников А.А.* Царская хора Боспора // ПИАУ. – Харьков, 1997. – С. 46.

1298. *Масленников А.А.* Частное и публичное в сакральной практике сельского населения Европейского Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 212–215.

1299. *Масленников А.А.* Эволюция представлений боспорян о загробном мире и их погребальный обряд // Идеологические представления древнейших обществ. – М., 1980. – С. 120–121.

1300. *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. – М.: Индрик, 1998. – 302 с.

1301. *Масленников А.А., Безрученко И.М.* Земельные наделы античного времени в Крымском Приазовье // КСИА. 204. – М.: Наука, 1991. – С. 37–45.

1302. *Масленников А.А., Мокроусов С.В.* Работы ВКАЭ ИА РАН // АО. 2004 года. – М.: Наука, 2005. – С. 519–524.

1303. *Масленников А.А., Мокроусов С.В., Сазанов А.В.* Исследования ВКАЭ на Азовском побережье Керченского п-ова в 1998 г. // ПИФК. VII. – М.-Магнитогорск, 1999. – С. 394–396.

1304. *Масленников А.А., Чевелев О.Д.* Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского п-ова // КСИА. 168. – М., 1981. – С. 77–84.

1305. *Масленников А.А., Чевелев О.Д.* Разведочные раскопки на городище Генеральское // КСИА. 182. – М., 1985. – С. 50–55.

1306. *Мастыкова А.В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI вв. н. э. – М.: ИА РАН, 2009. – 502 с.

1307. *Мастыкова А.В.* Птицевидные фибулы эпохи Великого переселения народов на Кавказе и Северном Причерноморье: история изучения и вопрос происхождения // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. – Керчь, 2016. – С. 280–288.

1308. *Мастыкова А.В.* Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо V–VI вв. (по материалам костюма) // Армавирский историко-археологический альманах. 7. – М.-Армавир, 2001. – С. 59–69.

1309. *Махлаюк А.В.* Публий Геренний Дексипп в контексте греко-римской историографии III в.: миссия историка в эпоху смуты // Переходные периоды во всемирной истории: трансформации исторического знания / Отв. ред. М.С. Бобкова. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 121–152.

1310. *Матанцева Т.А., Сорочан С.Б.* Навершие архиерейского жезла с надписью // ВХУ. № 362. – Серия «История», вып. 25. – 1994. – С. 90–96.

1311. *Матковская А.В.* Декоративная скульптура из Керченского лапидария // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2003. – С. 171–173.

1312. *Матковская Т.А.* Христианские памятники в коллекции Керченского лапидария // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 41–42.

1313. *Матукина А.Н.* Позднеантичные амфоры из Китея // БИ. XIX. – Симферополь – Керчь, 2007. – С. 151–155.

1314. *Махно Е.В.* К вопросу о времени существования и судьбе черняховской культуры // КСИА. 178. – М.: Наука, 1984. – С. 66–69.

1315. *Мацулевич Л.А.* Византия и эпоха Великого переселения народов. Краткий путеводитель. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1929. – 60 с.

1316. *Мацулевич Л.А.* Войсковой знак V в. // ВВ. 16. 1959. – С. 183–205.

1317. *Мацулевич Л.А.* Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // СА. VII. – М.-Л., 1941. – С. 61–80.

1318. *Мацулевич Л.А.* Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте // ВДИ. 1956. № 4. – С. 146–153.

1319. *Мацулевич Л.А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе // ИГАИМК. № 112. – М.-Л., 1934. – 132 с.

1320. *Мацулевич Л.А.* Реконструкция изображений на кожаной обивке щитов IV в. // Сб. Гавриил Кацаров. – Ч. 1. – София, 1950. – С. 1–6.

1321. *Мацулевич Л.А.* Рельеф с цирковыми сценами в Эрмитаже // SK. III. – Прага, 1928. – С. 139–148.

1322. *Мацулевич Л.А.* Серебряная чаша из Керчи. – Л., 1926. – 66 с.

1323. *Медведев А.П.* Об эллинском и варварском в культуре населения Фанагории I–V вв. н. э. // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. – СПб., 2011. – С. 324–328.

1324. *Медведев А.П.* Позднеантичный некрополь Фанагории (раскопки 2005 г.) // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 224–228.

1325. *Медведев А.П.* Позднеантичный некрополь Фанагории (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 1. 2011. – С. 32–45.

1326. *Мельников О.Н.* Влияние Рима на монетное дело Боспора римского периода (16 г. до н. э. – 341/342 г. н. э.) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. – СПб., 2011. – С. 88–93.

1327. *Мехамадиев Е.А.* Армянские войсковые подразделения в ранневизантийской армии (IV–VII вв.). – СПб.: Петербургское Востковедение, 2014. – 256 с.

1328. *Мещеряков В.Ф.* О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. – Л., 1978. – С. 121–134.

1329. *Мещеряков В.Ф.* Проникнення християнства у Херсонес Таврійський // ВХДУ. № 118. – Сер.: Історія, вып. 9. – Харьков, 1975. – С. 100–108.

1330. *Миллер А.А.* Разведки на Черноморском побережье Кавказа // ИАК. 33. – СПб., 1909. – С. 97–101.

1331. *Миллер В.Ф.* К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях // ИАК. 47. – СПб., 1913. – С. 80–95.

1332. *Миллер В.Ф.* Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП. 1886, окт. – С. 232–283.

1333. *Миляева Ю.В.* Периферия античного мира в период кризиса III в. н. э. (на примере античных государств Северного Причерноморья) / Автореф. канд. дисс. – Тула: ТГПУ, 2006. – 14 с.

1334. *Минаева Т.М.* Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. 23. – М., 1951. – С. 296–302.

1335. Мирмекий в свете новых археологических исследований / Сост. А.М. Бутягин, Ю.А. Виноградов. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2006. – 80 с.

1336. *Михайлов Б.Д.* Погребение гуннского времени на Каменной могиле в Северной Таврии // МАИЭТ. III. – Симферополь, 1993. – С. 109–111.

1337. *Михайлов Б.Д.* Погребение медника гуннского времени в Северном Приазовье // Археологія. № 24. 1977. – С. 74–82.

1338. *Міхлін Б.Ю.* Гуннський амулет з Ждановського музею // Археологія. № 5. 1972. – С. 95–96.

1339. *Могаричев Ю.М.* «Пещерные города» в Крыму. – Симферополь: Сонат, 2005. – 192 с.

1340. *Могаричев Ю.М.* Византийский Крым (Крым в VI–XII вв.). – Симферополь: НАТА, 2008. – 236 с.

1341. *Могаричев Ю.М.* Иудеи в византийском Крыму (V–XII вв.) по данным письменных источников // Символ в философии и религии. – Севастополь, 2004. – С. 29–30.

1342. *Могаричев Ю.М.* К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах Боспора // 175 лет Керченскому музею древностей. – Керчь: КГИКЗ, 2001. – С. 54–56.

1343. *Могаричев Ю.М.* К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах в Крыму // ХСб. XII. – Севастополь, 2003. – С. 287–300.

1344. *Могаричев Ю.М., Шапошников А.К.* К вопросу о статусе боспорской церковно-административной единицы в VI в. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. – Вып. 12–13. – Ставрополь, 2020. – С. 162–168.

1345. *Могаричев Ю.М.* Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода (к постановке проблемы) // ПИФК. XIII. – М.-Магнитогорск, 2003. – С. 261–280.

1346. *Могаричев Ю.М.* Склеп на земле Н.И. Тура: Погребальное сооружение или церковь? // БИАС. Вып. 3. 2008. – С. 82–91.

1347. *Могаричев Ю.М.* Средневековый Крым (VI – середина XIII вв.). История, религия, культура. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. – 240 с.

1348. *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б.* Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии. – М.: Неолит, 2017. – 744 с.

1349. *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь: АнтиквА, 2007. – 348 с.

1350. *Могаричев Ю.М., Сорочан С.Б.* К проблеме административно-территориального устройства Боспора во второй половине VI–VIII вв. // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2014. – С. 69–70.

1351. *Могаричев Ю.М., Шапошников А.К.* Епархия или митрополия: к истории христианства на Боспоре в VI веке // Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Т. 2. – СПб., 2020. – С. 47–51.

1352. *Мокроусов С.В.* Крымское Приазовье в ранневизантийское время // Пантикапей – Боспор – Керчь. 26 веков древней столице. – Керчь, 2000. – С. 99–101.

1353. *Мокроусов С.В.* О хронологии сельских поселений Крымского Приазовья в ранневизантийский период // Антиковедение на рубеже тысячелетий. – М., 2000. – С. 73–74.

1354. *Мокроусов С.В.* Печи поселения Зеленый Мыс (по материалам раскопок 1996, 1998–2000 гг.) // 175 лет Керченскому музею древностей. – Керчь: КГИКЗ, 2001. – С. 99–102.

1355. *Мокроусов С.В., Винокуров Н.И.* Винодельня поселения Зеленый Мыс // ПИФК. XII. – М.-Магнитогорск, 2002. – С. 326–334.

1356. *Мокроусов С.В., Сазанов А.В., Масленников А.А.* Строительный комплекс ранневизантийского времени на поселении Золотое Восточное в бухте // ПИФК. VI. – М.-Магнитогорск, 1998. – С. 123–132.

1357. *Молев Е.А.* Археологические исследования Китея в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. – Курск, 1985. – С. 40–67.

1358. *Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. – Н. Новгород: ННГУ, 1997. – 118 с.

1359. *Молев Е.А.* Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора. – Нижний Новгород: ННГУ, 2017. – 340 с.

1360. *Молев Е.А.* Боспорский город Китей [Т. 1]. – К.: АДЕФ-Украина, 2010. – 316 с.

1361. *Молев Е.А.* Монеты из раскопок городища и некрополя Китея (раскопки 1970–1987 гг.) // АМА. – Вып. 7. – Саратов, 1990. – С. 111–121.

1362. *Молев Е.А.* Новая башня в системе укреплений Китея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, 2012. – С. 324–327.

1363. *Молев Е.А.* Новые эпиграфические находки из Керчи // ВДИ. 1978. № 2. – С. 131–134.

1364. *Молев Е.А.* Основные этапы истории Китея // Таманская старина. 3. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2000. – С. 42–45.

1365. *Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н. э. – Н. Новгород: ННГУ, 1997. – 140 с.

1366. *Молев Е.А.* Раскопки Китея // АИК. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 201.

1367. *Молев Е.А.* Система обороны Китея // БИ. II. – Симферополь, 2002. – С. 297–312.

1368. *Молев Е.А.* Стеклянные издалия из раскопок Китея 1970–2017 гг. // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. VII. Материалы Круглого стола к 50-летию Китейской археологической экспедиции. – Белгород, 2020. – С. 6–21.

1369. *Молев Е.А.* Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок Китея // БИ. V. 2004. – С. 405–421.

1370. *Молев Е.А.* Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. – М.: Центрполиграф, 2003. – 400 с.

1371. *Молев Е.А.* Η πατρις των κοιτειτων (община китейцев) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Т. 4, вып. 8. 2007. – С. 5–7.

1372. *Молев Е.А., Молева Н.В.* Боспорский город Китей. Т. 2. – Симферополь – Керчь, 2016. – 452 с.

1373. *Молев Е.А., Молева Н.В.* Денежное обращение в Китее // ПИФК. III, ч. I. История. – М.-Магнитогорск, 1996. – С. 75–82.

1374. *Молев Е.А., Молева Н.В.* Комплекс культовых зданий на юго-восточной границе Китейского городского святилища (раскопки 2005–2006 гг.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 219–225.

1375. *Молев Е.А., Молева Н.В.* Красноглиняное лощеное блюдо с крестом из раскопок Китея в 2016 г. // История и археология Крыма. V. – Симферополь, 2017. – С. 222–227.

1376. *Молев Е.А., Молева Н.В.* Раскопки Китея // АИК. 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 191–193.

1377. *Молев Е.А., Сазанов А.В.* Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. – Воронеж – Белгород, 1991. – С. 63–73.

1378. *Молева Н.В.* Итоги исследования фортификации боспорского города Китея: сакральный аспект // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и среднеаенковья. Основные итоги и перспективы исследований. – Симферополь – Керчь, 2019. – С. 394–404.

1379. *Молева Н.В.* Некоторые итоги археологических исследований Китейского святилища // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб., 1999. – С. 121–125.

1380. *Молева Н.В.* О культовой принадлежности Китейского зольника // Скифия и Боспор. – Новочеркасск, 1989. – С. 70–71.

1381. *Молева Н.В.* О хронологических рамках функционирования Китейского городского святилища // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014. – С. 284–286.

1382. *Молева Н.В.* Опыт классификации алтарей и объектов сакрального назначения из святилищ боспорского города Китея // Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Т. 2. – СПб., 2020. – С. 149–156.

1383. *Молева Н.В.* Очерки сакральной жизни Боспора. – Нижний Новгород: ННГУ, 2002. – 136 с.

1384. *Молева Н.В.* Боспорские антропоморфные изваяния. Кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и в пространстве. Нижний Новгород: ННГУ, 2012. – 180 с.

1385. *Молчанов А.А.* Высшие магистраты Танаиса II–III вв. и происхождение дуалистической системы его устройства // Проблемы истории СССР. – Вып. 5. – М., 1976. – С. 71–85.

1386. *Молчанов А.А.* К вопросу о своеобразии политико-административного устройства Танаиса первых вв. н. э. // ТД XV НК ИА АИ УССР. – Одесса, 1972. – С. 263–266.

1387. *Моммзен Т.* История Рима. – Т. 5. – М.: АН СССР, 1949. – 652 с.

1388. *Моммзен Т.* История римских императоров. – СПб.: Наука-Ювента, 2002. – 652 с.

1389. *Мордвинцева В.И.* Исследование позднеантичного городища на горе Опук в 2013 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014. – С. 287–290.

1390. *Мульд С.А.* Могильники варварского населения Крыма I–V вв. // МАИЭТ. V. – Симферополь, 1996. – С. 279–289.

1391. *Мурзин В.Ю., Павленко Ю.В., Симоненко А.В.* Политические образования ранних кочевников Восточной Европы по данным археологии // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.). – Киев – Кишинев, 1991. – С. 209–210.

1392. *Мусин А.Е.* Империя и федераты: археологические аспекты изучения христианизации // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2003. – С. 191–194.

1393. *Муссуров А.И., Носова Л.В.* Находки византийских монет V–VII вв. на Нижнем Днестре // Stratum+. 2001–2002. № 6. – С. 304–307.

1394. *Мыц В.Л.* Могильник III–IV вв. н. э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 144–164.

1395. *Мыц В.Л.* Ранний этап строительства крепости Алустон // ВВ. 57 (82). 1997. – С. 187–203.

1396. *Мыц В.Л.* Чатырдагский могильник последней трети III – первой половины V вв. н. э. (к вопросу о первоначальном месте расселения готов-тетракситов) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 44–45.

1397. *Мыц В.Л., Лысенко А.В.* Позднеантичное святилище Таракташ в Крыму // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – Ч. 2. – СПб., 2001. – С. 96–100.

1398. *Мыц В.Л., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.Б., Щукин М.Б.* Исследования Чатырдагского некрополя // АИК. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 211–221.

1399. *Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В.* Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. – СПб.: Нестор-История, 2006. – 208 с.

1400. *Мыц В.Л., Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю.* Некрополь Пантикапея-Боспора: проблемы и перспективы исследования // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – Ч. 1. – СПб., 2001. – С. 174–180.

1401. *Мягков Ю.Г., Жигунин В.Д.* Юстиниан и «Ренессанс» Римской империи в VI в. н. э. // Античный вестник. III. – Омск, 1995. – С. 150–157.

1402. *Надэль Б.И.* Из политической истории Боспорского государства в Крыму в начале IV в. // Acta Antiqua. – T. 9, ч. 1–2. – Budapest, 1961. – С. 231–237.

1403. *Назаров В.В.* Гидроархеологическая карта черноморской акватории Украины (памятники античной и средневековой эпох). – К.: Стилос, 2003. – 186 с.

1404. *Назарова Т.А.* Палеодемография населения Херсонеса (по данным антропологии) // Северное Причерноморье в античное время. – К.: ИА НАНУ, 2002. – С. 147–155.

1405. *Наливкина М.А.* Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960–1961 гг.) // Древности Нижнего Дона. – М.: Наука, 1965. – С. 162–164.

1406. Наследие византийского Херсона [Кат.] / Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залесская, Д. Журавлев. – Севастополь – Остин, 2011. – 710 с.

1407. *Науменко В.Е.* Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике (по данным археологических и письменных источников) // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 23–30.

1408. *Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю.* К дискуссии о времени строительства церкви Иоанна Предтечи в Керчи: историографический экскурс // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. – Керчь, 2016. – С. 325–331.

1409. *Наумов Е.П.* Некоторые проблемы ранневизантийской этнонимии и этносоциальной терминологии (на материалах хроники Малалы) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. – М.: Наука, 1984. – С. 203–210.

1410. *Невесский Е.Н.* К вопросу о новейшей Черноморской трансгрессии // ТИО. 1958. – Т. 28. – С. 23–29.

1411. *Нефедкин А.К.* Готы. Первая полная энциклопедия. – М.: Эксмо, Яуза, 2017. – 288 с.

1412. *Нефедкин А.К.* Морское дело у готов в середине III – середине VI вв. // Иресиона. Античный мир и его наследие. – Вып. 2. – Белгород: БелГУ, 2002. – С. 48–56.

1413. *Нефедкин А.К.* Победители легионов. Военное дело готов. – М.: Эксмо, Яуза, 2012. – 224 с.

1414. *Нефедкин А.К.* Под знаменем дракона. Военное дело сарматов во II в. до н. э. – V в. н. э. – СПб.: Петербургское Востоковедение – М.: Филоматис, 2004. – 190 с.

1415. *Нефедкин А.К.* Рода войск и тактика у готов в середине III – середине IV вв. // Актуальные проблемы всеобщей истории. – Вып. 1. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 33–42.

1416. *Нечаева Е.Н.* Понятие «скифы» в приложении к варварам во времена поздней империи (по фрагментам сочинения Приска Панийского) // Жебелевские чтения – 2. – СПб.,1999. – http://www.centant.pu.ru/centrum/publik/ confcent/ 1999–10/nechaev.htm.

1417. *Нечаева Е.Н.* Представления о дипломатии в эпоху поздней античности // Жебелевские чтения – 5. – СПб., 2003 (тезисы доклада см.: ВДИ. 2004. № 3. – С. 231).

1418. *Нидзельницкая Л.Ю.* Раннесредневековая амфора из Танаиса // ДА. 2001. № 1–2. – С. 89–94.

1419. *Никитенко М.* К проблеме датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. – Киев – Судак: Академкнига, 2002. – С. 198–200.

1420. *Никитина Г.Ф.* Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. – М.: Наука, 1985. – 209 с.

1421. *Николаева Э.Я.* Боспор после гуннского нашествия. – Автореф. дисс. к. и. н. – М., 1984. – 21 с.

1422. *Николаева Э.Я.* К вопросу о христианстве на Боспоре // НАИМ. – Л.: ГМИРА, 1988. – С. 12–20.

1423. *Николаева Э.Я.* Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. 156. – М.: Наука, 1978. – С. 110–113.

1424. *Николаева Э.Я.* Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры. – М., 1976. – С. 183–188.

1425. *Николаева Э.Я.* Пифосы Ильичевского городища (V–VI вв.) // КСИА. 174. – М.: Наука, 1983. – С. 110–117.

1426. *Николаева Э.Я.* Поселение у дер. Ильич // КСИА. 168. – М.: Наука, 1981. – С. 88–92.

1427. *Николаева Э.Я.* Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры. – Т. 2. – Ереван, 1979. – С. 376–379.

1428. *Николаева Э.Я.* Стеклоделие на Боспоре // КСИА. 204. – М.: Наука, 1991. – С. 50–56.

1429. *Николаева Э.Я.* Христианский комплекс VI в. на Боспоре Киммерийском // Проблемы исследований античных городов. – М., 1989. – С. 86–88.

1430. *Николаева Э.Я.* Христианский комплекс юстиниановского времени на Боспоре // Проблемы истории Крыма. – Симферополь, 1991. – С. 82–83.

1431. *Николаева Э.Я., Десятчиков Ю.М.* О распространении христианства на Боспоре // Таманская старина. I. – СПб.: ГЭ, 1998. – С. 83–84.

1432. *Николаев Н.* Критические заметки к монографии В.П. Яйленко // Емінак. 22–1. 2018. – С. 155–159.

1433. *Николаенко Г.М.* Херсонесская округа в I в. до н. э. – IV в. н. э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 203–211.

1434. *Никонов А.А.* Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) // РА. 1998. № 3. – С. 57–66.

1435. *Никонов А.А.* Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского // Проблемы археологии и истории Боспора. – Керчь, 1996. – С. 54–57.

1436. *Никонов А.А.* О следах сейсмических воздействий в погребальных камерах позднеантичного Боспора в Южном Приазовье // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I. – СПб., 2002. – С. 200–206.

1437. *Новаковская-Бухман С.М.* Символика ранневизантийских ожерелий с подвесками и серег VI–VII вв. // Символ в философии и религии. – Севастополь, 2004. – С. 34–35.

1438. *Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г.* Об исторической топографии «готской земли» в раннесредневековом Крыму // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2002. – С. 28–29.

1439. *Новосадский Н.И.* Боспорские фиасы // Труды секции археологии РАНИОН. – Вып. III. – М., 1928. – С.55–70.

1440. *Новосадский Н.И.* Несколько заметок о греческих христианских надписях. – Харьков, 1914. – 16 с.

1441. *Обломский А.М.* Об одной категории лепных сосудов Танаиса как о показателе миграций населения в гуннскую эпоху // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2004. – С. 271–277.

1442. *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. – М.: Янус К, 1998. – 655 с.

1443. *Оверман Э., Макленнан Р., Золотарев М.И.* К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археологія. 1997. № 1. – С. 37–63.

1444. *Овчаров Д., Ваклинова М.* Ранновизантийски паметници от България IV–VII век [Ранневизантийские памятники Болгарии IV–VII вв.]. – София, 1978. – 148 с.

1445. Оксфордское руководство по византинистике / Ред. Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон, Р. Кормак. Пер. под ред. С.Б. Сорочана / Нартекс. III. – Харьков: Майдан, 2014; Нартекс. IV. – Харьков: Майдан, 2015. – 1120 с. (единая пагинация).

1446. *Онайко Н.А.* Античные импортные изделия на юго-восточной окраине Боспора (I в. до н. э. – IV в.) // Новое в археологии. – М., 1972. – С. 84–89.

1447. *Онайко Н.А.* Варварские подражания римским денариям из раскопок Раевского городища // КСИА. 109. – М.: Наука, 1967. – С. 52–53.

1448. *Онайко Н.А.* О раскопках Раевского городища // КСИА. 103. – М.: Наука, 1965. – С. 125–130.

1449. *Онайко Н.А.* Раскопки Раевского городища в 1955–1956 гг. // КСИИМК. № 77. – М., 1959. – С. 51–61.

1450. *Орлов К.К.* Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. – К.: Наукова думка, 1987. – С. 106–133.

1451. *Османкина Г.Ю.* Мировоззренческие основы формирования раннехристианской культуры Византии в IV–VI вв. – Автореф. канд. дисс. – Нижневартовск, 2000. – 20 с.

1452. *Острогорский Г.* История Византийского государства. – М.: Сибирская благозвонница, 2011. – 896 с.

1453. *Охонько Н.А., Отюцкий И.В.* Богатое захоронение гуннского времени у г. Зеленокумска // СА. 1982. № 4. – С. 235–242.

1454. *Охрименко Т.И.* Коллекция керамической тары из фондов КГИКЗ // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 193–196.

1455. Очерки истории христианского Херсонеса. Вып. 1 / Ред. С.А. Беляев. – СПб.: Алетейя, 2009. – 324 с.

1456. *Ошарина О.В.* Глиняная евлогия св. Фоки из собрания Эрмитажа // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. – Севастополь, 2001. – С. 29–33.

1457. *Ошарина О.В.* О символическом замысле глиняной евлогии с изображением св. Фоки из собрания Эрмитажа // АДСВ. 34. – Екатеринбург, 2003. – С. 54–66.

1458. *Ошарина О.В.* Образ Ионы в ранневизантийском искусстве // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 223–225.

1459. *Павленко Ю.В., Смогулов Е.А.* Гунны накануне их вторжения в Европу // Археологія. 1993. № 1. – С. 34–45.

1460. *Павленко Ю.В., Сон Н.Ю.* Пізньоантична Тіра та ранньодержавне объединання візіготів // Археологія. 1991. № 2. – С. 6–16.

1461. *Павличенко Н.А., Хршановский В.А.* Керамические клейма из позднеантичного некрополя Китея // ДБ. 25. 2020. – С. 289–306.

1462. *Павлова Н.Н.* Физическая география Крыма. – Л.: Географгиз, 1964. – 104 с.

1463. *Панченко В.В.* Внутриполитическая борьба в Боспорском царстве во второй половине III в. н. э. – начале IV в. н. э. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Т. 2. – К.-Судак: Академпериодика, 2006. – С. 275–278.

1464. *Панченко В.*В. О золотой и серебряной монетной чеканке Рескупорида IV (242–276 гг.) // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. – Ч. 1. – СПб., 2018. – С. 146–152.

1465. *Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Фанагории // БС. 2. – М.: НИЦ Архэ, 1993. – С. 111–148.

1466. *Паромов Я.М.* Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1. – М., 1998. – С. 216–225.

1467. *Паромов Я.М.* К вопросу о пространственном размещении крепостей Фонталовского полуострова // ДБ. 6. 2003. – С. 95–103.

1468. *Паромов Я.М.* Курганный некрополь Кеп // Боспорский феномен. – Т. 2. – СПб., 2002. – С. 274–279.

1469. *Паромов Я.М.* Курганный некрополь Кеп // ДБ. 6. 2003. – С. 239–265.

1470. *Паромов Я.М.* О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // Археологические вести. 7. – СПб., 2000. – С. 309–319.

1471. *Паромов Я.М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981–83 гг. // КСИА. 188. – М.: Наука, 1986. – С. 69–75.

1472. *Паромов Я.М.* Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. – Автореф. дисс. ... к. и. н. – СПб., 1994. – 25 с.

1473. *Паромов Я.М.* Принципы выявления эволюции системы расселения (на примере Таманского полуострова) // КСИА. 210. – М.: Наука, 1993. – С. 25–34.

1474. *Паромов Я.М.* Пространственная организация античной системы расселения на Таманском полуострове (селитебные зоны) // Таманская старина. 3. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2000. – С. 39–42.

1475. *Паромов Я.М.* Разведки В.В. Веселова на Таманском полуострове в 1950–1963 гг. (в связи с выходом из печати второго тома «Supplementum») // ДБ. 8. 2005. – С. 211–319.

1476. *Паромов Я.М.* Топография античных и средневековых поселений Таманского п-ова // Средневековье древних евразийских степей. Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 15. – Воронеж, 2001. – С. 21–34.

1477. *Парфенов В.Н.* К проблеме «варварских» подражаний позднебоспорской монетной чеканке // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 282–286.

1478. *Пархоменко М.А.* О неканонических жертвоприношениях в византийском Херсонесе // Мир Византии. – Белгород: БелГУ, 2007. – С. 150–156.

1479. *Пархоменко М.А.* О неканонической деятельности христианской общины в византийском Херсоне // Каразінські читання (історичні науки). – Харків.: ХНУ, 2007. – С. 215–216.

1480. *Пархоменко М.А.* Христианский погребальный обряд раннесредневекового Херсона // Иресиона. Античный мир и его наследие. – Вып. 3. – Белгород, 2006. – С. 69–73.

1481. *Пелин А., прот.* Топография христианского Херсонеса IV–XIV вв. / Дисс. канд. богословия. – Сергиев Посад, 2001. – 190 с. (на правах рукописи).

1482. *Перл Г.* Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. – С. 39–69.

1483. *Петерс Б.Г.* Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. – М., 1978. – С. 117–127.

1484. *Петерс Б.Г.* Монеты из античного поселения и курганного могильника у с. Михайловки на Керченском полуострове // НиЭ. 12. – М., 1978. – С. 3–6.

1485. *Петерс Б.Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1982. – 206 с.

1486. *Петрова Э.Б.* Менестрат и Сог (к вопросу о наместниках в Феодосии первых веков н. э.) // БИ. I. – Симферополь, 2001. – С. 44–54.

1487. *Петрова Э.Б.* Феодосия в составе Боспорского царства (политический аспект) // МАИЭТ. II. – Симферополь, 1991. – С. 97–105.

1488. *Петрова Э.Б.* Царские наместники Феодосии в первых веках н. э. // АМА. 11. – Саратов: СГУ, 2002. – С. 39–41.

1489. *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. – М., 1917. – 402 с.

1490. *Печенкин Н.* Роспись христианской катакомбы, находящейся близ Херсонеса, на земле Н.П. Тура // ИТУАК. 48. – Симферополь, 1912. – С.145–149.

1491. *Пигулевская И.В.* Сирийская средневековая историография. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 760 с.

1492. *Пигулевская Н.В.* К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии // ВВ. 4. 1951. – С. 84–90.

1493. *Піоро І.С.* Готи в Гірському Криму [Готы в Горном Крыму] // Vita Antiqua. № 1. – К., 1999. – С. 75–79.

1494. *Піоро І.С.* Гуннська навала і Крим [Гуннское нашествие и Крым] // Вісник КДУ. № 18. – Сер. Історія. – Киев, 1976. – С. 92–102.

1495. *Піоро І.С.* Кримські готи в світлі історико-археологічних та етнологічних досліджень [Крымские готы в свете историко-археологических и этнологических исследований] // Археологія. 2000. № 3. – С. 18–27.

1496. *Піоро І.С.* Про один з поглядів на джерела та історію пізньоантичного Херсонеса [об одном из взглядов на источники и историю позднеантичного Херсонеса] // Археологія. 1997. № 2. – С. 123–128.

1497. *Пиоро И.С.* Готы-тетракситы или готы-трапезиты? // Некоторые вопросы археологии Украины. – Киев: Наукова думка, 1977. – С. 66–74.

1498. Пиоро И.С. К вопросу об этнической атрибуции плитовых погребений в позднеантичных некрополях Херсонесской округи // Vita Antiqua. № 5–6. – К., 2003. – С. 153–163.

1499. *Пиоро И.С.* Крымская Готия. Очерки этнической истории Крыма. – Киев: Либідь, 1990. – 198 с.

1500. *Пиоро И.С.* Черняховская культура и Крым // 100 лет черняховской культуре. – Киев: Наукова думка, 1999. – С. 231–241.

1501. *Плетнева С.А.* Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // ВИ. 1981. № 6. – С. 50–63.

1502. *Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья. – М.: Наука, 1982. – 188 с.

1503. *Плетнева С.А.* Салтово-Маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1973. – С. 62–75.

1504. *Подосинов А.В.* Античная картография (факты и проблемы) // ВИ. 1998. № 8. – С. 61–70.

1505. *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. – М.: Индрик, 2002. – 488 с.

1506. *Подосинов А.В.* Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия. – Харьков: Бизнес-Информ, 1997. – С. 155–171.

1507. *Покровский Н.В.* «Добрый пастырь» в древнехристианской символике // ХЧ. 1878. 2. – С. 483–498.

1508. *Покровский Н.В.* Евангелие в памятниках иконографии. – СПб., 1892. – LXI, 496 с.; М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 564 с.

1509. *Покровский Н.В.* Памятники византийской иконографии и искусства // ХЧ. 1893, сент.-окт. – С.185–221; нояб.-дек. – С. 385–404.

1510. *Покровский Н.В.* Памятники живописи древнехристианского периода // ХЧ. 1893, май-июнь. – С. 426–477.

1511. *Покровский Н.В.* Памятники искусства и иконографии в древнехристианский период // ХЧ. 1893, июль-авг. – С. 13–45.

1512. *Покровский Н.В.* Памятники православной иконографии // ХЧ. 1893. 1–2. – С. 38–73.

1513. *Покровский Н.В.* Происхождение древнехристианской базилики. – СПб., 1890. – 219 с.

1514. *Покровский Н.В.* Символические формы агнца в древнехристианском искусстве // ХЧ. 1878. 1. – С. 743–782.

1515. *Покровский Н.В.* Церковная археология в связи с историей христианского искусства. – Пг., 1916. – 226, XVI с.

1516. *Поляковская М.А.* Византия. Византийцы. Византинисты. – Екатеринбург: УрГУ, 2003. – 432 с.

1517. *Помяловский И.* Надгробие св. Аверкия и древнехристианский символизм // ВВ. Т. 3. – СПб., 1896. – С. 317–336.

1518. *Пономарев Л.Ю.* К топографии раннесредневекового Боспора (VI–XII вв.) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 202–205.

1519. *Пономарев Л.Ю.* К топографии средневекового Боспора (христианский некрополь по ул. 51-й Армии) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. – Керчь, 2004. – С. 286–292.

1520. *Пономарев Л.Ю.* Население сельской округи Боспора в VIII–IX вв. // ПИАУ. – Харьков, 1999. – С. 128–131.

1521. *Пономарев Л.Ю.* Средневековая Керчь. – Керчь, 1999. – 64 с.

1522. *Пономарьов Л.* Перлина візантійського зодчества в Керчі [Жемчужина византийского зодчества в Керчи] // Пам'ятки України: Історія та культура. Науковий часопис. – 1997. № 1. – С. 86–90.

1523. *Поночевный М.О.* Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. – Т. 2. – Екатеринодар, 1891. – С. 1–60 (отд. пагинация).

1524. *Попова В.Т.* Римские и раннехристианские мозаики Болгарии (II–VI вв.). – Автореф. дисс. ...к. и. н. – М., 1974. – 27 с.

1525. *Прокопенко Ю.А.* История северокавказских торговых путей IV в. до н. э. – XI в. н. э. – Ставрополь: СГУ, 1999. – 320 с.

1526. *Протасов Н.Д.* К изучению клейм на византийской серебряной посуде // ТСА РАНИОН. I. – М., 1926. – С. 69–74.

1527. *Протасов Н.Д.* Сирийские реминисценции в памятниках художественной промышленности Херсонеса // ТСА Института археологии и искусствознания. – Т. 2. – Л., 1928. – С. 100–112.

1528. *Пуздровский А., Зайцев Ю., Неневоля И.* Новые памятники III–IV вв. н. э. в юго-западном Крыму // Международная конференция «Византия и Крым». – Симферополь, 1997. – С. 69–70.

1529. *Пуздровский А.Е.* Могильник III–IV вв. у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 55–56.

1530. *Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.Л., Неневоля И.И.* Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // ХСб. 10. – Севастополь, 1999. – С. 194–207.

1531. *Пьянков А.В.* Пряжка V в. н. э. из г. Краснодара // ИАА. 2. – М.-Армавир, 1996. – С. 57–60.

1532. *Пятышева Н.В.* К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I–VI веках н. э. // Античное общество. – М.: Наука, 1967. – С. 183–187.

1533. *Пятышева Н.В.* Статуэтка пляшущего кочевника из Херсонеса (К вопросу о гуннах в Крыму) // Археологические исследования на юге Восточной Европы (ТГИМ № 54, ч. 2). – М., 1982. – С. 48–54.

1534. *Радочин В.Ю.* Антропологические материалы из раскопок раннесредневековой Керчи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 348–350.

1535. *Радочин В.Ю.* К вопросу о населении раннесредневекового Боспора (по результатам раскопок в Босфорском переулке в 2007–2009 гг.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, 2012. – С. 370–373.

1536. *Раев Б.А., Трейстер М.Ю.* Рецензия на книгу: B. Cunliffe. Greeks, Romans and Barbarians: spheres of Interaction (L., 1988; 243 p.) // РА. 1993. № 1. – С. 236–242.

1537. *Раевский Д.С.* Комплекс краснолаковой керамики из Неаполя // Ежегодник ГИМ. 1965–1966. – М., 1970. – С. 91–105.

1538. Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клениной, С.Г. Рыжова. – Т. 1. – Poznan, 2004. – 250 с.

1539. *Раунер Р.Л.* Динамика экстремумов увлажнения за исторический период // Известия АН СССР. – Серия «География». № 6. – М., 1981. – С. 5–22.

1540. *Рашев Р.* Прабългарите през V–VII век [Протооболгары в V–VII вв.]. – Велико Търново, 2007. – 336 с.

1541. *Редин Е.К.* Заметки по христианской иконографии. – М.-Харьков, 1894. – 120 с.

1542. *Рейда Р.Н.* «Скифские» или «готские» войны (терминологически-понятийный вопрос) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 266–270.

1543. *Ременников А.В.* Вестготы и Римская империя накануне нашествия гуннов // ВДИ. 1967. – № 1. – С. 95–102.

1544. *Ременников А.М.* Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275–279 гг. // ВДИ. 1964. № 4. – С. 131–139.

1545. *Ременников А.М.* Борьба племен Подунавья с Римом в 1-й пол. IV в. – Казань: КГУ, 1990. – 83 с.

1546. *Ременников А.М.* К истории сарматских племен на среднем Дунае в IV веке // Ученые записки КГПИ. – Вып. 12. – Казань, 1957. – С. 380–413.

1547. *Репников Н.И.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 году // ХСб. 2. – Севастополь, 1927. – С. 147–186.

1548. *Репников Н.И.* Некоторые могильники крымских готов // ИАК. 19. 1906. – С. 1–80.

1549. *Репников Н.И.* Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД. XXVII. – Одесса, 1907. – С. 45–48, 133–135.

1550. *Рішняк О., Садова О., Туровський Е., Філіпенко А.* Некрополь Херсонеса Таврійського. – Львів, 2012. – 124 с.

1551. *Рогова Ю.К.* К вопросу о датировании изображений христианского креста на погребальных памятниках Боспора // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. – СПб., 2013. – С. 328–330.

1552. *Рогова Ю.*К. Христианские склепы с текстом 90 псалма из Керчи // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. – СПб., 2016. – С. 203–205.

1553. *Романчук А.И.* Античные традиции в гончарном ремесле средневекового Причерноморья // ВВ. 32. 1971. – С. 40–47.

1554. *Романчук А.И.* Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. 51. 1990. – С. 165–171.

1555. *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1: Античный полис. – Тюмень: ТГУ, 2008. – 808 с.

1556. *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 2: Византийский город. – Тюмень: ТГУ, 2008. – 624 с.

1557. *Романчук А.И.* Итоги раскопок в Портовом квартале II Херсонесского городища // АИК. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 212–235.

1558. *Романчук А.И.* К истории Херсона VII в. // АДСВ. 31. – Екатеринбург, 2000. – С. 92–97.

1559. *Романчук А.И.* Море как фактор развития экономики и культуры ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. VII. – Симферополь, 2000. – С. 232–241.

1560. *Романчук А.И.* Н.П. Кондаков и начало систематических раскопок в Херсонесе // Мир Кондакова. – М.: Русский путь, 2004. – С. 253–260.

1561. *Романчук А.И.* Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // АДСВ. 17. – Свердловск, 1980. – С. 71–85.

1562. *Романчук А.И.* Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных ванн в Херсонесе // АДСВ. 9. – Свердловск, 1973. – С. 45–56.

1563. *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург: УрГУ, 2000. – 390 с.

1564. *Романчук А.И.* План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. 14. – Свердловск, 1977. – С. 18–26.

1565. *Романчук А.И.* Ранневизантийский Херсон (отражение в источниках основных функций города) // АДСВ. 26 (Византия и средневековый Крым). – Барнаул, 1992. – С. 204–213.

1566. *Романчук А.И.* Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. 37. 1976. – С. 156–159.

1567. *Романчук А.И.* Раннесредневековые комплексы Портового района Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988. – Севастополь, 1988. – С. 90–91.

1568. *Романчук А.И.* Раннесредневековые комплексы Херсонеса // From Late Antiquity to Early Byzantium. – Praha, 1985. – С. 123–135.

1569. *Романчук А.И.* Слои VII–VIII вв. в Портовом районе Херсонеса // АДСВ. 11. – Свердловск, 1975. – С. 3–13.

1570. *Романчук А.И.* Строительные материалы византийского Херсона. – Екатеринбург: УрГУ, 2004. – 169 с., 60 табл., 67 илл.

1571. *Романчук А.И.* Херсонес VI – 1-я пол. IX вв. – Свердловск: УрГУ, 1976. – 42 с.

1572. *Романчук А.И., Белова О.Р.* К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсона // АДСВ: Проблемы идеологии и культуры. – Свердловск, 1987. – С. 52–68.

1573. *Романчук А.И., Сазанов А.В, Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсонеса / Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. – Часть 2. – Екатеринбург, 1995. – 169 с.

1574. *Романчук А.И., Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона (по материалам Портового и Северо-восточного районов) / Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. – Часть 1. – Свердловск, 1991. – 56 с.

1575. *Романчук А.И., Шандровская В.С.* Введение в византийскую археологию и сфрагистику. – Екатеринбург: УрГУ, 1995. – 110 с.

1576. *Романчук А.И., Щеглов А.Н.* Проблема культурного слоя в византийской археологии // ВВ. 55 (80), ч. 2. 1998. – С. 178–183.

1577. *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. – СПб., 1914. – 537 с.

1578. *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 23. – СПб., 1907. – С. 1–20.

1579. *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи с юга России // ИАК. 33. – СПб., 1909. – С. 1–22.

1580. *Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 49. – СПб., 1913. – С. 1–62, 133–140.

1581. *Ростовцев М.И.* Рецензия на труд: Minns E.H. Scythians and Greeks. – Cambr.,1913 // ЖМНП. 1913, окт.-нояб. – Отд. II. – С. 173–194.

1582. *Ростовцев М.И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость. – СПб., 1900. – 19 с.

1583. *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Главы из неопубликованного 2-го тома // ВДИ. 1989. № 2. – С. 183–197; № 3. – С. 184–203; № 4. – С. 124–133; 1990. № 1. – С. 175–183.

1584. *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. – Л., 1925. – 621 с.

1585. *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. – Пг.: Огни, 1918. – 190 с.; М.: Книжная находка, 2002. – 160 с.

1586. *Ротач А.Л.* К изучению мозаичного пола крестообразного храма в Херсонесе // ВВ. 27. 1967. – С. 328–333.

1587. *Рубцов П.В.* К вопросу о династизме императорской власти в политической идеологии IV в. // Власть, политика и идеология в истории Европы. – Барнаул: АГУ, 2005. – С. 70–79.

1588. *Рубцова М.В.* Гражданская администрация Поздней Римской империи в изображении Аммиана Марцеллина // Власть, политика и идеология в истории Европы. – Барнаул: АГУ, 2005. – С. 80–94.

1589. *Рудаков А.П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. – СПб.: Алетейя, 1997. – 296 с.

1590. *Рудакова О.Г.* Символика мозаичных полов Херсонеса Таврического // История глазами молодых исследователей. – Т. 1. – Донецк, 1999. – С. 240–242.

1591. *Ручинская О.А.* Распространение христианства на Боспоре в первые века н. э. // Византийская мозаика: Сборник публичных лекций Эллино-византийского лектория при Свято-Пантелеимоновском храме / Ред. проф. С.Б. Сорочан; сост. А.Н. Домановский. – Вып. 4. – Харьков: Майдан, 2016. – С. 232–246.

1592. *Рыжов С.Г.* Керамический комплекс III–IV вв. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 130–139.

1593. *Рыжов С.Г.* Керамический комплекс III–IV вв. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная цивилизация и варварский мир. 1. – Новочеркасск, 1992. – С. 130–139.

1594. *Рыжов С.Г.* Новые данные о «базилике в базилике» // Античный мир. Византия. – Харьков: Бизнес-Информ, 1997. – С. 290–299.

1595. *Рябцева М.Л.* Боспор и германцы в конце IV – середине VI в. Автореф. канд. дисс. – Ставрополь, 2009. – 28 с.

1596. *Рябцева М.Л.* Боспор и готы в конце IV–VI вв.: проблема взаимоотношений и взаимовлияний // Научные Ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Вып. № 2 (42). – 2008. – С. 31–37.

1597. *Рябцева М.Л.* Боспор и готы на переломе эпох (конец III–VI вв.) // История: перекрестки и переломы. – Волгоград: Изд. ВГПУ, 2007. – С. 28–30.

1598. *Рябцева М.Л.* К вопросу о варваризации социальной сферы позднеантичного Боспора // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2008. – С. 41–42.

1599. *Рябцева М.Л.* К интерпретации готского элемента в крымских некрополях середины III–V вв. // Власть и общество: история взаимоотношений. Тезисы региональной научной конференции (Воронеж, 2 февраля 2007 года). – Воронеж, 2007. – С. 167–170.

1600. *Рябцева М.Л.* К проблеме хронологии материальной культуры готов на позднем Боспоре // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2008. – С. 248–249.

1601. *Рябцева М.Л.* О готских погребениях в Восточном Крыму в середине III–VI вв. // Середньовічі старожитності Центрально-Східної Европи: Матеріалі VI Міжнародної студентськоі наукової археологічної конференції. – Чернігів, 2007. – С. 152–153.

1602. *Рябцева М.Л.* О готских погребениях в Крыму в сер. III–V вв. // Мир Византии: материалы международного научного семинара (г. Белгород, 27–28 октября). – Белгород, 2007. – С. 165–167.

1603. *Рябцева М.Л.* О готских погребениях в Крыму в середине III–V в. н. э.: погребальный обряд, сферы распространения // Материалы всероссийской научной конференции «X Чтения памяти профессора Н.П. Соколова». – Нижний Новгород, 2007. – С. 58–62.

1604. *Рябцева М.Л.* О готских погребениях на Боспоре (Восточный Крым) в середине III–VI вв. // Каразинские чтения (исторические науки). – Харьков, 2007. – С. 245–247.

1605. *Рябцева М.Л.* О готском присутствии на Боспоре в V–VI вв. // Древнее Причерноморье. Вып. VIII. – Одесса, 2008. – С. 331–336.

1606. *Рябцева М.Л.* Проблема присутствия готов на Боспоре в конце IV–VI вв. // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы Международной научной конференции. Ч. 2. – СПб., 2007. – С. 285–291.

1607. *Рябцева М.Л.* Саваг – позднебоспорский магнат V в. // Кондаковские чтения – II. – Белгород, 2008. – С. 370–371.

1608. *Рябцева М.Л., Болгов Н.Н.* Новые позднеантичные материалы из Китея (предварительное сообщение) // Боспорские чтения. Вып. VIII. – Керчь, 2007. – С. 23–30.

1609. *Рябцева М.Л.; Болгов Н.Н.* Грод Гуннский – вождь варваров и христианский мученик VI в. на Боспоре // Личность в истории. Личность историка. – Воронеж, 2008. – С. 199–202.

1610. *Рябцева М.Л.; Болгов Н.Н.* Еще раз о готах на Боспоре в V в.: *энспондой* и кондоминиум // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria (Боспорские чтения IX). – Керчь, 2008. – С. 222–227.

1611. *Рябцева М.Л.; Болгов Н.Н.* Имперская политика и дипломатия на позднем Боспоре (сер. III–VI вв.) // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного Международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен». – СПб., 2008. – С. 165–180.

1612. *Рябцева М.Л.; Болгов Н.Н.* Эволюция форм амфор в позднеантичное время как признак континуитета материальной культуры // Юг России в прошлом и настоящем. Сб. науч. тр. IV Международной научной конференции. Т. 1. – Белгород, 2006. – С. 11–14.

1613. *Рябцева М.Л.; Болгов Н.Н.,* Период Великих Миграций на Боспоре Киммерийском // Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. – Белгород, 2009. – С. 24–26.

1614. *Рябцева М.Л.* Готский элемент в материальной культуре позднеантичного Боспора (конец IV – начало VI вв.) // Кондаковские чтения – II. – Белгород, 2008. – С. 170–175.

1615. *Рябцева М.Л.* Центр и периферия в эпоху упадка цивилизации (Боспор во время Великого переселения народов) // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития: материалы IX региональной науч.-практ. конференции: в 2-х т. Т. 1. – Белгород, 2007. – С. 155–163.

1616. *Савеля О.Я., Савеля Д.Ю.* Могильники позднеантичной – ранневизантийской поры на Гераклейском полуострове (по материалам раскопок могильника в Килен-балке в 1991–1992 гг.) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 60–61.

1617. *Савостина Е.А.* О земляных склепах Боспора // ТД НС, посвященного итогам работы ГМИИ за 1980 г. – М., 1981. – С. 27–29.

1618. *Савостина Е.А.* Сакральное пространство и погребальный обряд боспорских гробниц // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. – М., 1990. – С. 237–248.

1619. *Савостина Е.А.* Типы позднеантичных амфор // Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1984. – С. 260–261.

1620. *Сагарда Н.И.* Св. Григорий Чудотворец, еп. Неокесарийский: Его жизнь, творения и богословие. СПб.: Воскресение, 2006. – 512 с.

1621. *Сазанов А.В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. II. – Симферополь, 1991. – С. 60–71.

1622. *Сазанов А.В.* Амфоры «Carrotes» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени. Типология и хронология // БС. 6. – М., 1995. – С. 185–186.

1623. *Сазанов А.В.* Амфоры ранневизантийского Боспора: к хронологии некоторых типов) // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 141–142.

1624. *Сазанов А.В.* Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. 4. – М.-СПб., 2000. – С. 276–316.

1625. *Сазанов А.В.* Боспор в ранневизантийское время // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. – М., 1986. – С. 128–129.

1626. *Сазанов А.В.* Боспор и гунны // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Махачкала, 1988. – С. 17–18.

1627. *Сазанов А.В.* Боспор у ранньовізантійський час [Боспор в ранневизантийское время] // Археологія. 1991. № 2. – С. 16–26.

1628. *Сазанов А.В.* Византийская археология: проблемы и методы // ХСб. 7. – Севастополь, 1996. – С. 5–12.

1629. *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – Автореф. докт. дисс. – М., 1999. – 43 с.

1630. *Сазанов А.В.* Импортная краснолаковая керамика первой половины VII в. из Херсонеса // КСИА. 208. – М., 1993. – С. 40–46.

1631. *Сазанов А.В.* К вопросу о времени сооружения четырехапсидного храма Херсонеса // ХСб. XIII. – Севастополь, 2004. – С. 202–210.

1632. *Сазанов А.В.* К исторической интерпретации комплексов Тиритаки VI–VII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Ч. 2. – Киев – Судак: Академпериодика, 2004. – С. 175–182.

1633. *Сазанов А.В.* Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // ДБ. 3. – М., 2000. – С. 221–259.

1634. *Сазанов А.В.* Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. VII. – М.-Магнитогорск, 1999. – С. 224–293.

1635. *Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени (хронология некоторых типов) // Проблемы исследований античных городов. – М., 1989. – С. 103–104.

1636. *Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. IV. – Симферополь, 1995. – С. 406–433.

1637. *Сазанов А.В.* Культурный слой византийского города (проблемы образования) // Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. М.Я. Сюзюмова. – Екатеринбург, 1993. – С. 44–45.

1638. *Сазанов А.В.* О хронологии амфор IV–V вв. из Северного причерноморья // Археологія. 2002. № 4. – С. 29–50.

1639. *Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. – С. 41–60.

1640. *Сазанов А.В.* Позднеантичный Боспор: периодизация и историческое развитие // Тезисы докладов крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». – Ч. III. – Симферополь, 1988. – С. 215–216.

1641. *Сазанов А.В.* Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. III. – Симферополь, 1993. – С. 16–21.

1642. *Сазанов А.В.* Результаты исследования поздних слоев городища Тиритаки // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. – Керчь, 1984. – С. 17.

1643. *Сазанов А.В.* Світлоглиняні амфори з рифленням типу набігаючоі хвилі (IV–VII ст. н. э.) // Археологія. 1992. № 1. – С. 51–59.

1644. *Сазанов А.В.* Седьмой квартал Херсонеса (хронология позднеантичных и средневековых слоев) // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: 1888–1988. – Севастополь, 1988. – С. 56–59.

1645. *Сазанов А.В.* Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // ПАВ. 3. – СПб., 1992. – С. 100–112.

1646. *Сазанов А.В.* Топография Пантикапея I–IV вв. // СА. 1985. № 1. – С. 166–177.

1647. *Сазанов А.В.* Хронология керамических комплексов Херсонеса конца VI–VII вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 62–64.

1648. *Сазанов А.В.* Хронология комплексов Византийского Херсона VI–XV вв. // Российское византиноведение. – СПб., 1994. – С. 124–126.

1649. *Сазанов А.В.* Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. V. – М.-Магнитогорск, 1998. – С. 50–88.

1650. *Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф.* К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1. – С. 84–102.

1651. *Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // ПИФК. XII. – М.-Магнитогорск, 2002. – С. 468–509.

1652. *Сазанов А.В., Мокроусов С.В.* Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс (Восточный Крым) // ПИФК. VII. – М.-Магнитогорск, 1999. – С. 167–223.

1653. *Сазанов А.В., Мокроусов С.В.* Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым): опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // ПИФК. III, ч. 1. – М.; Магнитогорск, 1996. – С. 88–107.

1654. *Сайгушкина Т.П.* Символика цвета в христианском искусстве // Символ в философии и религии. – Севастополь, 2004. – С. 40.

1655. *Салов А.И.* Клад III–IV вв. с Шум-речки (Анапский р-н) // СА. 1975. № 3. – С. 172–176.

1656. *Самойлова Т.Л.* К вопросу о времени основания и гибели античной Тиры // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 108–114.

1657. *Самойлова Т.Л., Кожокару В.* К вопросу о распространении христианства в первом тысячелетии в междуречье Дуная и Днестра // Христианское наследие Византии и Руси. – Симферополь: Универсум, 2003. – С. 39–47.

1658. *Самойлова Т.Л., Кожокару В., Смольянинова С.П., Богуславский Г.С., Остапенко П.В.* Раскопки Тиры-Белгорода в 2002 г. // Археологічні відкриття в Україні. 2001–2002 рр. – К.: ИА НАНУ, 2003. – С. 249–253.

1659. *Самуткина Л.А.* Описание стихийных бедствий в «Хронографии» Иоанна Малалы // Историческая мысль и историография на рубеже античности и средневековья. – Иваново, 2000. – С. 17–20.

1660. *Сапрыкин С.Ю.* Академик М.И. Ростовцев о Понтийском и Боспорском царствах в свете достижений современного антиковедения // ВДИ. 1995. № 1. – С. 201–210.

1661. *Сапрыкин С.Ю.* Аспургиане // СА. 1985. № 2. – С. 65–78.

1662. *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. – М.: Наука, 2002. – 272 с.

1663. *Сапрыкин С.Ю.* Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. – М.: ИВИ РАН, 2005. – 228 с.

1664. *Сапрыкин С.Ю.* Древнее Причерноморье. – М.; СПб.: РХГА, 2018. – 744 с.

1665. *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. – М.: Наука, 1996. – 348 с.

1666. *Сарновски Т., Ковалевская Л.А.* О защите Херсонесского государства союзным римским военным контингентом // РА. 2004. № 1. – С. 40–50.

1667. *Сарновский Т., Савеля О.Я.* Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. – Warschau, 2000. – 180 с.

1668. *Седикова Л.В.* Комплекс находок позднеантичного времени из цистерны в VI квартале Херсонеса // ХСб. 7. – Севастополь, 1996. – С. 175–181.

1669. *Седов В.В.* Миграция готов в Причерноморье (археологические комментарии к труду Иордана «Гетика») // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. – М.: Индрик, 1999. – С. 156–169.

1670. *Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 624 с.

1671. *Седых Е.С.* Строительные комплексы городища Белинское // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи [Средневековые древности Центрально-Восточной Европы]. – Чернігів, 2008. – С. 174–176.

1672. *Седых Е.С.* О случаях находок византийских филактериев в ранневизантийском Херсоне IV–X вв. // Мир Византии. – Белгород: БелГУ, 2007. – С. 156–160.

1673. *Сейидов М.А.* Заметки по тюркской мифологии // Зарубежная тюркология. I. – М., 1986. – С. 107–116.

1674. *Селецкий Б.П.* Некоторые случаи миграций кочевников, сыгравшие решающую роль в развитии оседлых обществ // Античная цивилизация и варварский мир. 1. – Новочеркасск, 1992. – С. 5–13.

1675. *Селунская Н.А.* Осень Средневековья и Поздняя Античность: как антиковеды с медиевистами историю делили // Диалог со временем. 13. – М., 2004. – С. 232–246.

1676. *Сергеев И.П.* К вопросу о трактовке понятия «кризис» в философии и антиковедении // Античный мир. Византия. – Харьков: Бизнес-Информ, 1997. – С. 205–213.

1677. *Сергеев И.П.* Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. – Харьков: Майдан, 1999. – 224 с.

1678. *Сергеев И.П.* Проблема кризиса III века в Римской империи в «западном» антиковедении конца XX – начала XXI вв. // Древности. 2013. – Харьков, 2013. – С. 304–310.

1679. *Серов В.В.* Монетная реформа Анастасия I и Херсонес Таврический // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт–Петербург, 14–18 апреля 2003 г.: тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2003. – С. 46–48.

1680. *Серов В.В.* О ранневизантийских монетах в фондах музеев Эрмитаж и «Херсонес Таврический» // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург: Волот, 2004. – С. 39–40.

1681. *Серов В.В.* Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). – Барнаул, 2000. – 120 с.

1682. *Серов В.В.* Финансовая политика Юстиниана Великого. – Новосибирск: Наука – Барнаул: Азбука, 2011. – 375 с.

1683. *Серов В.В.* Финансовая политика императоров Ранней Византии в VI веке. Дисс. … д. и. н. – Барнаул, 2009. – 685 с.

1684. *Серов В.В.* Чрезвычайный бюджет Византии в VI веке. – Барнаул: Азбука, 2010. – 256 с.

1685. *Сидоренко В.А.* «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. II. – Симферополь, 1991. – С. 105–118.

1686. *Сидоренко В.А.* Высшие воинские должности на Боспоре во II – начале IV вв. н. э. (по материалам эпиграфики) // БИ. I. – Симферополь, 2001. – С. 137–146.

1687. *Сидоренко В.А.* Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров // МАИЭТ. XVII. – Симферополь, 2011. – С. 458–569.

1688. *Сидоренко В.А.* Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. X. – Симферополь, 2003. – С. 355–392.

1689. *Сидоренко В.А.* Монетная чеканка византийского Херсона 383–392 гг. // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка. V Международный нумизматический симпозиум. – Севастополь; Симферополь; М., 2018. – С. 105–114.

1690. *Сидоренко В.А.* Монетное дело средневекового Херсона V–VII вв. н. э. // ХЕРСОНОС ΤΗΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: Тез. докл. и сообщений III Междунар. византийского семинара. – Севастополь, 2011. – С. 25–30.

1691. *Сидоренко В.А.* Некоторые ключевые моменты раннесредневековой истории Таврики // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 65–69.

1692. *Сидоренко В.А.* Новые находки византийских монет в Керчи и окрестностях // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. – Керчь, 2005. – С. 241–242.

1693. *Сидоренко В.А.* Особенности монетного обращения византийских Херсона и Боспора // ХЕРСОНОС ΤΗΕΜΑΤΑ. VII международный византийский семинар. – Севастополь, 2015. – С. 61–64.

1694. *Сидоренко В.А.* Федераты Византии в Юго-Западном Крыму (последняя четверть III – начало VIII вв.). – Автореф. канд. дисс. – СПб., 1994. – 21 с.

1695. *Силантьева Л.Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 85. – М., 1959. – С. 283–311.

1696. *Симоненко А.В.* Сарматы Таврии. – Киев: Наукова думка, 1993. – 144 с.

1697. *Симонова М.А., Никольская Е.Д.* Расписной кувшин из позднеантичной тризны юго-западного участка Китейского некрополя // Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Т. 2. – СПб., 2020. – С. 137–143.

1698. *Симонович Е.О.* Про кераміку черняхівського типа в Криму // Археологія. 1975. № 18. – С. 80–86.

1699. *Сиротенко В.Т.* Взаимоотношения гуннов и Римской империи // УЗ ПГУ. – Вып. IV. Т. IX. – Пермь: ПГУ, 1959.

1700. *Сиротенко В.Т.* Взаимоотношения племен и народностей Северного Причерноморья и Подунавья с Византией в V–VI вв. – Автореф. дисс. ... к. и. н. – М., 1954. – 18 с.

1701. *Сиротенко В.Т.* Две болгарские глоссы в свете письменных источников IV–VI вв. // УЗ ПГУ. 117. – Пермь: ПГУ, 1964. – С. 73–98.

1702. *Сиротенко В.Т.* История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв. н. э. – Пермь: ПГУ, 1975. – 282 с.

1703. *Сиротенко В.Т.* Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. // УЗ ПГУ. 117. – Пермь: ПГУ, 1964. – С. 99–105.

1704. *Скалон К.* Изображение дракона в искусстве IV–V вв. // СГЭ. 22. – Л., 1962. – С. 40–43.

1705. *Скалон К.М.* О некоторых формах стеклянной посуды позднеантичного и раннесредневекового Боспора // СГЭ. 37. – Л., 1973. – С. 50–53.

1706. *Скалон К.М.* Об одном ранневизантийском серебряном кувшине из Молдавии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. – Л.: Искусство, 1968. – С. 257–264.

1707. *Скалон К.М.* Погребение в с. Концешты в Молдавии (Византия и варварский мир) // Культура и искусство Византии. – Л.: Искусство, 1975. – С. 41–43.

1708. *Скалон К.М.* Стеклянные сосуды из боспорского некрополя // СГЭ. 38. – Л., 1974. – С. 44–48.

1709. *Скальник П.* Понятие «политическая система» в западной социальной антропологии // СЭ. 1991. № 3. – С. 144–146.

1710. *Скржинская М.В.* «Перипл Понта Евксинского» анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 115–125.

1711. *Скубетов М.И.* Древнехристианские бронзовые лампадные подвески, найденные при раскопках в Херсонесе // ИТУАК. 44. – Симферополь, 1910. – С. 42–44.

1712. *Скубетов М.И.* Древнехристианский фамильный склеп с фресковой декоративной росписью близ Херсонеса (на земле Н.И. Тура), окончательно доследованный в ноябре 1912 г. // ИТУАК. 53. – Симферополь, 1916. – С. 177–189.

1713. *Скубетов М.И.* Закладные камни с крестами, встречающиеся в херсоно-византийском церковном строительстве, общественных и частных зданиях // ИТУАК. 44. – Симферополь, 1910. – С. 45–49.

1714. *Скубетов М.И.* Римский фамильный склеп II–IV вв. по Р. Х., открытый в Херсонесе в 1907 году // ИТУАК. 45. – Симферополь, 1911. – С. 38–49.

1715. *Славятинская М.Н.* Учебник древнегреческого языка. – М.: Филоматис, 2003. – 624 с.

1716. *Смекалова Т.Н., Деваев А.С., Смокотина А.В.* Итоги археолого-геофизического изучения городища Киммерик // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований (Боспорские чтения XX). – Симферополь – Керчь, 2020. – С. 521–527.

1717. *Смекалова Т.Н., Абрамзон М.Г., Сапрыкина И.А., Антипенко А. В., Лобода А.Ю., Быковская Н.В., Гунчина О.В.* Новые данные о чеканке Рискупорида V и Фарсанза по материалам исследования состава сплава монет из Керченских кладов 1964 и 1988 гг. // МАИЭТ. XXIV. 2019. – С. 387–401.

1718. *Сметанин В.А.* Греческий язык как стержневой инвариантный фактор регенерации византийского цивилизационного процесса // Византия: кумуляция и трансляция культур. IX научные Сюзюмовские чтения. – Екатеринбург, 1997. – С. 51–53.

1719. *Смирнов А.П.* К вопросу о Влахернском храме Херсонеса / Публ. В.Н. Залесской // ВиД. – Т. XXIII. – Л., 1991. – С. 308–310.

1720. *Смирнова И.Е.* Общественная деятельность и социальный состав религиозных союзов в Боспорском царстве в римский период // Історічни і політологічні дослідження. 2002. № 1. – С. 18–30.

1721. *Смокотина А.В.* Амфоры LRA I в контексте торгово-экономической истории Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013. – С. 430–433.

1722. *Смокотина А.В.* Импорт краснолаковой керамики в г. Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // ДБ. 19. 2015. – С. 312–339.

1723. *Смокотина А.В.* Импорт товаров в амфорах и краснолаковой керамики на Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // Stratum plus. 2018. № 4. – С. 263–279.

1724. *Смокотина А.В.* Керамика группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Керчи в 2007–2008 гг. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. – Керчь, 2010. – С. 416–418.

1725. *Смокотина А.В.* Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. XIV. 2008. – С. 103–144.

1726. *Смокотина А.В.* Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII вв. Автореф. канд. дисс. – Симферополь, 2014. – 24 с.

1727. *Смокотина А.В.* О хронологии амфор типа C SNP I («Делакеу») // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 355–360.

1728. *Смокотина А.В.* Позднеримская краснолаковая керамика в городе Боспоре // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. – Керчь, 2015. – С. 306–309.

1729. *Смокотина А.В.* Ранневизантийские критские амфоры в городах Боспоре и Тиритаке // МАИЭТ. XXIV. 2019. – С. 160–172.

1730. *Смокотина А.В.* Торговые связи г. Боспора в конце IV – первой половине VI вв. (по материалам находок амфор) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. – Керчь, 2017. – С. 490–495.

1731. *Смокотина А.В.* Штампы на краснолаковой керамике из раскопок Керчи в 2007 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 419–422.

1732. *Смокотина А.В.* О торговле г. Боспора с Северной Африкой в ранневизантийское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, 2012. – С. 396–397.

1733. *Созник В.В., Туровский Е.Я., Иванов А.В.* Новый христианский памятник из некрополя Херсонеса у Карантинной бухты // Археологія. 1997. № 1. – С. 64–74.

1734. *Соколов Г.И.* Искусство Боспорского царства. – М.: МЭИ, 1999. – 532 с.

1735. *Соколов Г.И.* Ольвия и Херсонес. Ионическое и дорическое искусство. – М.: ГЛК, 1999. – 570 с.

1736. *Соколова И.В.* Медные монеты Юстина I и Юстиниана I, чеканенные в византийском Херсоне // СГЭ. 32. – Л., 1971. – С. 66–68.

1737. *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – Л.: Искусство, 1983. – 176 с.

1738. *Соколова Н.В.* Администрация Херсона в IV–X вв. по данным сфрагистики // АДСВ. 10. – Свердловск, 1973. – С. 207–214.

1739. *Соколова О.Ю.* Основные итоги раскопок Нимфея (1939–1999) // Боспорский город Нимфей. – СПб., 1999. – С. 68–71.

1740. *Сокольский Н.И.* Гунны на Боспоре // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. – Amsterdam, 1968. – S. 251–261.

1741. *Сокольский Н.И.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta Antiqua Philippopolitana. – Cerdicae, 1963. – С. 11–25.

1742. *Сокольский Н.И.* Кепы // Античный город. – М.: Наука, 1963. – С. 97–114.

1743. *Сокольский Н.И.* Крепость на городище у хут. Батарейка I // СА. 1963. № 1. – С. 179–191.

1744. *Сокольский Н.И.* Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 109. – М.: Наука, 1967. – С.108–115.

1745. *Сокольский Н.И.* Погребение V в. в Кепах // СА. 1964. № 4. – С. 207–209.

1746. *Сокольский Н.И.* Раскопки в Кепах в 1959 г. // КСИА. 86. – М.: Наука, 1961. – С. 59–63.

1747. *Сокольский Н.И.* Раскопки в Кепах в 1960 г. // КСИА. 91. – М.: Наука, 1963. – С. 87–89.

1748. *Сокольский Н.И.* Раскопки в Кепах в 1962 г. // КСИА. 103. – М.: Наука, 1965. – С. 112–113.

1749. *Соловьев С.Л.* Хора Гермонассы: итоги исследований // Таманская старина. 4. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. – С. 33–60.

1750. *Соловьев С.Л., Бутягин А.М., Вахтина М.Ю., Рогов Е.Я.* Сельские памятники окрестностей Гермонассы: поселение Волна 1 // АО. 1996. – М., 1997. – С. 227–228.

1751. *Соломоник Э.И.* Граффити хоры Херсонеса. – Киев: Наукова думка, 1984. – 144 с.

1752. *Соломоник Э.И.* Две группы надписей на керамических сосудах из Крыма первых веков н. э. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1995 (1996). – С. 38–46.

1753. *Соломоник Э.И.* Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени (по эпиграфическим памятникам) // ВДИ. 1973. № 1. – С. 55–77.

1754. *Соломоник Э.И.* Несколько неизданных надписей Херсонеса и его округи // НиЭ. 11. – М., 1974. – С. 33–47.

1755. *Соломоник Э.И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Херсонеса // ВВ. 47. 1986. – С. 210–219.

1756. *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические находки в северном районе Херсонеса // ХСб. 5. – Симферополь, 1959. – С. 161–168.

1757. *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса (лапидарные надписи). – Киев: Наукова думка, 1973. – 284 с.

1758. *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. – Киев: Наукова думка, 1964. – 195 с.

1759. *Соломоник Э.И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1959. – 179 с.

1760. *Сон Н.А.* К истории позднеантичной Тиры // Античная цивилизация и варварский мир. 1. – Новочеркасск, 1992. – С. 142–153.

1761. *Сон Н.А.* Тира римского времени. – Киев: Наукова думка, 1993. – 156 с.

1762. *Сопова Н.К.* Центральный правительственный аппарат и полисные учреждения на Боспоре // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. – М., 1972. – С. 141–161.

1763. *Сорокина Н.П.* Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // АМА. 3. – Саратов, 1977. – С. 115–144.

1764. *Сорокина Н.П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4. – С. 85–101.

1765. *Сорокина Н.П.* Основные направления изучения стекла первых веков н. э. из Северного Причерноморья (по материалам отечественной литературы) // ТГИМ. 70. – М., 1989. – С. 142–149.

1766. *Сорокина Н.П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. – М., 1963. – С. 134–174.

1767. *Сорокина Н.П.* Позднеантичное стекло из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. – М.: Искусство, 1976. – С. 199–208.

1768. *Сорокина Н.П.* Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 гг. // КСИА. 83. – М., 1961. – С. 46–52.

1769. *Сорокина Н.П.* Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1949 гг. // МИА. 103. – М., 1962. – С. 210–236.

1770. *Сорокина Н.П.* Стеклоделие античного мира первых веков н. э. – Автореф. дисс. ... д. и. н. – М., 1988. – 42 с.

1771. *Сорокина Н.П.* Стеклянная посуда как источник по истории экономических связей Причерноморья и локального стеклоделия первых веков н. э. // ТГИМ. 54. – М., 1982. – С. 40–42.

1772. *Сорокина Н.П.* Стеклянные капельки, или гуттусы первых веков н. э. // ТГИМ. 74. – М., 1990. – С. 74–78.

1773. *Сорокина Н.П.* Стеклянные сосуды IV–V вв. и хронология цебельдинских могильников // КСИА. 158. – М., 1979. – С. 57–66.

1774. *Сорокина Н.П.* Стеклянные сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М.: Наука, 1973. – С. 183–189.

1775. *Сорокина Н.П.* Три стеклянных сосуда IV в. н. э. с рельефными изображениями из Северного Причерноморья // МАПП. 3. – Одесса, 1960. – С. 228–233.

1776. *Сорокина Н.П., Гущина И.И.* Стеклянные изделия из могильников первых веков н. э. Юго-Западного Крыма // ТГИМ. 51. – М., 1980. – С. 89–100.

1777. *Сорочан С.Б.* Бани византийского Херсона (VI–X вв.) // Древности. 2005. – Харьков, 2005. – С. 196–211.

1778. *Сорочан С.Б.* Больница в ранневизантийском Херсоне // Древности. 2004. – Харьков, 2004. – С. 59–65.

1779. *Сорочан С.Б.* Византийские военные силы в Крыму в VI–VII вв. // Stratum plus. 2014. – № 6. – С. 113–131.

1780. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Харьков: Майдан, 2005. – 1645 с.

1781. *Сорочан С.Б.* Византия: парадигмы быта, сознания, культуры. – Харьков: Майдан, 2011. – 952 с.

1782. *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков: Майдан, 1998. – 452 с.

1783. *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. – Харьков: Майдан, 2001. – 476 с.

1784. *Сорочан С.Б.* Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. XII. 2002. – С. 509–543.

1785. *Сорочан С.Б.* Где находился херсонесский храм св. Петра? // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. – Севастополь, 2001. – С. 3–6.

1786. *Сорочан С.Б.* Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. 62 (87). 2003. – С. 21–46.

1787. *Сорочан С.Б.* Еще раз о дуках ранневизантийского Херсона и Боспора // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. – СПб., 2013. – С. 334–338.

1788. *Сорочан С.Б.* К вопросу о датировке и интерпретации херсонесского загородного монастыря Богоматери Влахернской // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. – Севастополь, 2003. – С. 38–39.

1789. *Сорочан С.Б.* К вопросу о датировке и интерпретации Херсонского загородного монастыря Богоматери Влахернской // ХСб. XIII. – Севастополь, 2004. – С. 211–232.

1790. *Сорочан С.Б.* К вопросу о планировке и функциях улиц раннесредневековых византийских городов // ПИАУ. – Харьков, 1997. – С. 65.

1791. *Сорочан С.Б.* К вопросу об уменьшении вместимости византийских грузовых кораблей в «темные века» // Древности. 1996. – Харьков, 1997. – С. 74–82.

1792. *Сорочан С.Б.* О базилике апостола Петра и храмовом комплексе Восточной площади византийского Херсона // ВВ. 65 (90). 2006. – С. 223–230.

1793. *Сорочан С.Б.* О банно-прачечном деле как виде рыночных услуг в Византии IV–IX вв. // Древности. 2013. – Харьков, 2013. – С. 85–93.

1794. *Сорочан С.Б.* О византийском принципе перенесения сакрального пространства на примере херсонского храма Богоматери Влахернской // Древности. 2009. – Харьков, 2009. – С. 168–178.

1795. *Сорочан С.Б.* О датировке житий свв. Епископов Херсонских // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. – Керчь, 2015. – С. 270–274.

1796. *Сорочан С.Б.* О датировке и интерпретации храмового архитектурного комплекса на месте античного театра Херсонеса // Вісник ХНУ. Історія. – Вип. 35. – Харків, 2003. – С. 58–73.

1797. *Сорочан С.Б.* О локалізації храма Св. Прокопія в візантійському Херсоні [О локализации храма св. Прокопия в византийском Херсоне] // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України [Проблемы исследования памятников археологии Восточной Украины]. – Луганськ, 2005. – С. 142–144.

1798. *Сорочан С.Б.* О малой агоре византийского Херсона // Мир Византии. – Белгород: БелГУ, 2007. – С. 143–149.

1799. *Сорочан С.Б.* О мартирии в составе архитектурного комплекса Уваровской базилики // Символ в философии и религии. – Севастополь, 2004. – С. 41–42.

1800. *Сорочан С.Б.* О предварительных результатах исследования ранневизантийского претория в цитадели Херсонеса // Кондаковские чтения – II. Проблемы культурно-исторических эпох. – Белгород, 2008. – С. 253–258.

1801. *Сорочан С.Б.* О роли военного фактора в судьбе византийского города в «темные века» // Античность и средневековье Европы. – Пермь, 1996. – С. 186–198.

1802. *Сорочан С.Б.* О Северной базилике и храме Св. Прокопия в византийском Херсоне // Древнее Причерноморье. VI чтения памяти проф. П.О. Карышковского (Одесса, 12–14 марта 2004 г.). – Одесса, 2005. – С. 168–171.

1803. *Сорочан С.Б.* О соляном и рыбозасолочном промыслах византийского Херсона VI–VI вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. – Керчь, 2010. – С. 423–426.

1804. *Сорочан С.Б.* О строительном деле как показателе развития раннесредневековой Византии // Древности. 2004. – Харьков, 2004. – С. 185–204.

1805. *Сорочан С.Б.* О торговых связях Херсонеса в IV–V вв. н. э. // АИУ. 1978–79. – Киев, 1980. – С.123–124.

1806. *Сорочан С.Б.* О храме во имя апостола Петра в раннесредневековом Херсонесе (Херсоне) // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2002. – С. 37–38.

1807. *Сорочан С.Б.* О храме св. Василия и летописных «палатах» Византийского Корсуня // БИ. X. – Симферополь – Керчь, 2005. – С. 153–181.

1808. *Сорочан С.Б.* О храме св. Василия и летописных «палатах» Византийского Корсуня // Сугдейский сборник. II. – Киев – Судак, 2005. – С. 328–356.

1809. *Сорочан С.Б.* О храме свв. Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу византийского Херсона // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Ч. 2. – Киев – Судак: Академпериодика, 2004. – С. 183–192.

1810. *Сорочан С.Б.* О храме Созонта, «Доме св. Леонтия» и мартирии св. Василия в раннесредневековом Херсоне // АДСВ. 34. – Екатеринбург: УрГУ, 2003. – С. 146–173.

1811. *Сорочан С.Б.* О храмовом декоре византийского Херсона в VI–IX вв. // Кондаковские чтения I. Проблемы культурной преемственности. – Белгород: БелГУ, 2005. – С. 149–157.

1812. *Сорочан С.Б.* О церкви св. Василия и архитектурном комплексе большой агоры ранневизантийского Херсона // Софійські читання. – К.: Фенікс, 2003. – С. 196–200.

1813. *Сорочан С.Б.* Об архитектурном комплексе византийского претория в Херсоне // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург: Волот, 2004. – С. 200–205.

1814. *Сорочан С.Б.* Об источниках финансирования и причинах «архитектурного бума» в византийском Херсоне конца VI – начала VII вв. // Юг России в прошлом и настоящем. – Ч. 1. – Белгород: БелГУ, 2004. – С. 266–272.

1815. *Сорочан С.Б.* Общественные афедроны в ранневизантийском Херсоне // ПИАУ. – Харьков, 2004. – С. 73–74.

1816. *Сорочан С.Б.* Око и щит империи. Херсонес к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. V. – Симферополь – Керчь, 2004. – С. 320–361.

1817. *Сорочан С.Б.* Понятие «прибыль» и размеры торгово-ремесленных доходов в раннесредневековой Византии // Античный мир. Византия. – Харьков: Бизнес-Информ, 1997. – С. 300–319.

1818. *Сорочан С.Б.* Раннесредневековый Херсон и «призраки самоуправления» // ХСб. XII. – Севастополь, 2003. – С. 301–327.

1819. *Сорочан С.Б.* Рецензия: Романчук А.И. Очерки истории и археологии Византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000 // Древности. 2004. – Харьков, 2004. – С. 301–306.

1820. *Сорочан С.Б.* Торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э. – V в. н. э. – Автореф. канд. дисс. – М., 1981. – 16 с.

1821. *Сорочан С.Б.* Херсонес в системе константинопольской торговли IV – 1-й пол. VII вв. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988. – Севастополь, 1988. – С. 104–107.

1822. *Сорочан С.Б.* Экономические связи Херсонеса со скифо-сарматским населением Крыма в I в. до н. э. – V в. // Античные государства и варварский мир. – Орждоникидзе, 1981. – С. 26–31.

1823. *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков: Майдан, 2000. – 828 с.

1824. *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес – Херсон – Корсунь. – К.: Стилос, 2003. – 240 с.

1825. *Сорочан С.Б., Шевченко А.В.* Западнопонтийские светильники II–IV вв. из Херсонеса // ВХУ. № 238. – Харьков, 1983. – С. 94–100.

1826. *Сохин М.Ю.* Изучение «новой системы» подземного некрополя Пантикапея // ДБ. 5. 2002. – С. 241–259.

1827. *Сохин М.Ю.* Исследования восточной части «катакомбного» некрополя Пантикапея в 2001–2002 гг. // ДБ. 6. 2003. – С. 276–296.

1828. *Спицын А.А.* Могильник V века в Черноморье // ИАК. 23. – СПб., 1907. – С. 103–107.

1829. *Спицын А.А.* Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 года // ИАК. 17. – СПб., 1905. – С. 115–126.

1830. *Спицын А.А.* Могильники VI–VII вв. в Черноморской области // ИАК. 25. – СПб., 1907. – С. 188–192.

1831. *Стевен А.* Таракташский клад // ИТУАК. 43. – Симферополь, 1909. – С. 1–11.

1832. Сто лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. – Ч. 1–2. – Улан-Удэ, 1996. – 204, 133 с.

1833. *Стржелецкий С.Ф.* XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. 4. – Симферополь, 1969. – С. 7–29.

1834. *Стржелецкий С.Ф.* Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // ХСб. 5. – Симферополь, 1959. – С. 121–160.

1835. *Стржелецкий С.Ф.* К вопросу интерпретации и датировки некоторых памятников Херсонеса // Историко-археологический сборник. – М., 1948. – С. 151–160.

1836. *Стржелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического // ХСб. 6. – Симферополь: Крымиздат, 1961. – 248 с.

1837. *Стржелецкий С.Ф.* Позднеантичный могильник в Инкерманской долине // КСИА АН УССР. – Вып. 8. – Киев, 1959. – С. 139–168.

1838. *Стржиговский И., Покровский Н.* Византийский памятник, найденный в Керчи в 1891 г. // МАР. 8. – СПб., 1892. – С. 1–37.

1839. *Строков А.А.* Население Азиатского Боспора в позднеантичную эпоху // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 423–426.

1840. *Строков А.А.* Пряжки гуннской эпохи в некрополе Фанагории // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2008. – С. 44–45.

1841. *Строков А.А.* Фанагорийский склеп эпохи Великого переселения народов из раскопок В.Д. Блаватского // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2014. – С. 39–40.

1842. *Строков А.А.* Фанагория в эпоху Великого переселения народов: первые радиоуглеродные даты, верификация и обсуждение // МАИЭТ. XXV. 2020. – С. 43–65.

1843. *Струков Д.* Древние памятники христианства в Тавриде. – М., 1872. – 51 с.

1844. *Струкова Е.В., Ушаков С.В.* Таврика от Херсонеса до Боспора: лепная керамика позднеантичного времени // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. – Ч. 2. – СПб., 2018. – С. 235–241.

1845. *Студитский Я.В., Бутырский М.Н.* Монеты Херсона с именами Юстина I и Юстиниана I // ВВ. 59 (84). 2000. – С. 226–229.

1846. *Ступко М.В., Туровский Е.Я., Филиппенко А.А.* О судьбах расписных склепов первых христиан Херсонеса // Sacrum et profanum. Небесные патроны и земные служители культа. – Севастополь, 2007. – С. 189–192.

1847. *Суров Е.Г.* К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. 3. – Свердловск, 1965. – С. 119–147.

1848. *Суров Е.Г.* Раскопки в северо-западном районе городища // СХМ. 2. – Симферополь, 1961. – С. 67–70.

1849. *Сымонович Э.А.* Стеклянный кубок с надписью из-под Одессы // ВДИ. 1966. № 1. – С. 105–109.

1850. *Сымонович Э.А.* Християнство і черняхівська культура // Матеріали III Подільської історико-краезначої конференції. – Львів, 1970. – С. 116–118.

1851. *Сюзюмов М.Я.* Византийские этюды. – Екатеринбург: УрГУ, 2002. – 496 с.

1852. *Сюзюмов М.Я.* Византийский город (сер. VII – сер. IX вв.) // ВВ. 27. 1967. – С. 38–70.

1853. *Сюзюмов М.Я.* О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодализму в византийском городе // АДСВ. 3. – Свердловск, 1965. – С. 5–16.

1854. *Сюзюмов М.Я.* О функциях раннесредневекового города // АДСВ. 14. – Свердловск, 1977. – С. 34–51.

1855. *Сюзюмов М.Я.* Роль городов-эмпориев в истории Византии // ВВ. 8. 1956. – С. 26–41.

1856. *Сюзюмов М.Я.* Экономика пригородов византийских крупных городов // ВВ. 11. 1956. – С. 55–81.

1857. Тайна золотой маски: каталог выставки. – СПб.: ГЭ, 2009. – 204 с.

1858. *Талис Д.Л.* Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. 18. 1961. – С. 54–73.

1859. *Талис Д.Л.* Оборонительные сооружения юго-западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С. 89–113.

1860. *Талис Д.Л.* Раннесредневековый Херсонес (из истории социально-экономического и политического развития города в V–X вв.) / Автореф. канд. дисс. – М., 1956. – 16 с.

1861. *Талис Д.С.* Материалы по истории Крыма в период раннего средневековья // НЧ. 1980–81. ТДС ГИМ. – М., 1981. – С. 13–14.

1862. *Таскаев В.Н.* Итоги и перспективы подводных археологических исследований в Таманском заливе // БС. 1. – М.: НИЦ Архэ, 1992. – С. 212–217.

1863. *Тахтай А.К.* Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 году // ХСб. 4. – Симферополь, 1948. – С. 19–43.

1864. *Тачева-Хитова М.* О культе Θεος ύψιστος на Боспоре // ВДИ. 1978. № 1. – С. 133–142.

1865. *Тиханова М.А.* Локальные варианты черняховской культуры // СА. 1957. № 4. – С. 168–194.

1866. *Тиханова М.А.* Следы рунической письменности в черняховской культуре // Средневековая Русь. – М.: Наука, 1976. – С. 11–17.

1867. *Тиханова-Клименко М.А.* Греческая надпись с Таманского полуострова // Сборник статей в честь С.А. Жебелева. – Л., 1926. – С. 546–555.

1868. *Толстиков В.П.* Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. – М.: Наука, 1992. – С. 45–98.

1869. *Толстиков В.П.* Фанталовский укрепленный район в истории Боспорского царства // Археологія. 1989. № 1. – С. 52–65.

1870. *Толстиков В.П.* Фортификация античного Боспора. – Автореф. дисс. ... к. и. н. – М., 1981. – 26 с.

1871. *Толстиков В.П., Журавлев Д.В.* Древнейший символ христианства на Боспоре // Православные древности Таврики. – Киев: Стилос, 2002. – С. 51–55.

1872. *Толстиков В.П., Журавлев Д.В.* Исследования на акрополе Пантикапея // АО. 2000. – М.: Наука, 2001. – С. 280–281.

1873. *Толстиков В.П., Журавлев Д.В*. Некоторые итоги исследования акрополя Пантикапея (древнейший символ христианства на Боспоре?) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. – СПб., 1998. – С. 24–29.

1874. *Толстиков В.П., Журавлев Д.В*. Новые данные к топографии Пантикапея первых веков н. э. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. – Керчь, 2001. – С. 151–160.

1875. *Толстиков В.П., Журавлев Д.В*. Северный склон Западного плато в пределах раскопа Центральный-Северный // АО. 1999. – М.: Наука, 2001. – С. 309–310.

1876. *Толстой И.И.* Византийские монеты. – Вып. 1–8. – СПб., 1912–1916. – 1060 с.

1877. *Томпсон Э.А*. Римляне и варвары. Радение Западной империи. – СПб.: Ювента, 2003. – 288 с.

1878. *Топоров В.Н*. Oium Иордана (Getica, 27–28) и готско-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. – М., 1984. – С. 128–142.

1879. *Топоров В.Н*. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. – М., 1983. – С. 236–241.

1880. *Тортика А.А*. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе «гуннов» через Боспор Киммерийский // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 239–241.

1881. *Тортика А.А*. Кочевники Крыма в VI–VII вв.: среда обитания и хозяйство // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. – Керчь, 2015. – С. 329–335.

1882. *Тортика А.А*. Преодоление водных преград кочевыми народами Евразии I–II тыс. н. э.: опыт систематизации // ВХДУ. Історія. – Вып. 31. – Харьков, 1999. – С. 32–44.

1883. *Тохтасьев С.Р*. ΒΟΣΠΟΡΟΣ // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб., 1999. – С. 86–92.

1884. *Требелева Г.В*. Оборона территории Азиатского Боспора в первые века н. э.: историческое моделирование на основе ГИС-технологий. – Автореф. канд. дисс. – М.: ИА РАН, 2005. – 22 с.

1885. *Трейстер М.Ю*. Бронзолитейное ремесло Боспора // СГМИИ. 10. – М., 1992. – С. 66–110.

1886. *Трейстер М.Ю*. О датировке погребения с Золотой маской в Керчи // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 247–258.

1887. *Трейстер М.Ю*. Золотые погребальные венки Боспора IV в. до н. э. – V в. н. э. (генезис и хронология основных типов) // Погребальная культура Боспорского царства. – СПб., 2014. – С. 54–65.

1888. *Труфанов А.А*. Боспорские монеты в погребениях варварского населения Крыма первых веков н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 369–376.

1889. *Труфанов А.А*. К вопросу о последнем этапе культуры поздних скифов Крыма // ПИАУ. – Харьков: ХИАО, 1997. – С. 67–68.

1890. *Труфанов А.А*. О населении восточной части предгорного Крыма в позднеантичное время // 175 лет Керченскому музею древностей. – Керчь: КГИКЗ, 2001. – С. 103–104.

1891. *Труфанов А.А*. Символ в раннехристианском изобразительном искусстве // Православные древности Таврики. – Киев: Стилос, 2002. – С. 56–67.

1892. *Труфанов А.А., Колтухов С.Г*. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // Stratum+. 2001–2002. – С. 278–295.

1893. *Труфанов А.А., Колтухов С.Г.* Могильник III–IV вв. н. э. у с. Курское на западной периферии Боспора // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государств. – Ч. 1. – СПб., 2001. – С. 186–189.

1894. *Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю.* Боспорско-херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии IV–VI вв. н. э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб., 1999. – С.241–251.

1895. *Туаллагов А.А.* К вопросу о сарматском происхождении царской династии Боспора // ПИАУ. – Харьков: ХИАО, 1997. – С. 25–26.

1896. *Тульпе И.А., Хршановский В.А.* Позднеримский погребально-поминальный комплекс в прибрежной зоне некрополя Китея // Боспорский город Нимфей. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1999. – С. 78–82.

1897. *Тульпе И.А., Хршановский В.А.* Сакральное пространство некрополя // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. – Ч. I. – СПб., 2002. – С. 161–167.

1898. *Тульпе И.А., Хршановский В.А.* Христианство в духовном контексте Европейского Боспора III–VI вв. // Историк. Археолог. Литератор. К 90-летию М.М. Кубланова. – СПб., 2004. – С. 45–60.

1899. *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX вв.). – СПб.: Наука, 2002. – 676 с.

1900. *Туровский Е.Я.* Еще раз о хронологии херсонесских и пантикапейских христианских склепов с живописной росписью (сравнительная характеристика) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013. – С. 465–468.

1901. *Туровский Е.Я., Филиппенко А.А.* Некоторые особенности погребальных сооружений и обрядов первых христиан Херсонеса и Пантикапея // Боспорский феномен. – СПб., 2007. – Ч. 2. – С. 186.

1902. *Туровский Е.Я., Николаенко М.Ю., Горячук В.Н., Ладюков И.В.* Древние амфоры в Северном Причерноморье. Справочник-определитель (VI в. до н. э. – III в. н. э.). – К., 2001. – 110 с.

1903. *Уваров А.С.* Христианская символика. – М., 1908. – 212 с.; 2-е изд. – СПб. – М., 2001. – 242 с.

1904. *Удальцова З.В.* Дипломатия ранней Византии в изображении современников // Культура Византии IV – 1-й пол. VII вв. – М.: Наука, 1984. – С. 371–392.

1905. *Удальцова З.В.* Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). – М.: Наука, 1974. – 351 с.

1906. *Удальцова З.В.* Мировоззрение византийского историка V в. Приска Панийского // ВВ. 33. 1972. – С. 47–74.

1907. *Удальцова З.В.* Мировоззрение Аммиана Марцеллина // ВВ. 1968. XXVIII. – С. 38–59.

1908. *Удальцова З.В.* Особенности экономического, социального и политического развития Византии (IV – 1-я пол. VII вв.) // Культура Византии IV – 1-я пол. VII вв. – М.: Наука, 1984. – С. 14–41.

1909. *Удальцова З.В.* Развитие исторической мысли // Культура Византии IV – 1-я пол. VII вв. – М.: Наука, 1984. – С. 119–271.

1910. *Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю.* Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья // ХСб. 9. – Севастополь, 1998. – С. 100–109.

1911. Україна: хронологія розвитку з давних часів до пізньої античності. Т. 1. – К., 2007. – 544 с.

1912. *Успенский Б.А.* Крест и круг: Из истории христианской символики. – М.: Языки славянской культуры, 206. – 488 с.

1913. *Успенский В.А.* Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке // МИА. 25. – М., 1952. – С. 415–421.

1914. *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. IV–IX вв. – М.: Мысль, 1996. – 830 с.

1915. *Устаева Э.Р.* Археологические раскопки у поселка Ильич // Таманская старина. 1. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. – С. 78–81.

1916. *Ушаков С.В.* Варвары горной Таврики на рубеже эпох. Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н. э.). Опыт реконструкции / Археологический альманах. № 23. – Донецк: Донбасс, 2010. – 180 с.

1917. *Ушаков С.В.* Етнічна ситуація в Південно-Західному Криму на межі античності та середньовіччя (III – сер. VI ст. н.е.) [Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму на рубеже античности и средневековья (III – сер. VI вв. н. э.]. – Автореф. канд. дисс. – Киев, 2001. – 20 с.

1918. *Ушаков С.В.* О трех группах краснолаковой керамики из Херсонеса // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург: Волот, 2004. – С. 35–38.

1919. *Ушаков С.В.* Об основных типах погребальных сооружений в Юго-Западном Крыму второй половины III – первой половины VI вв. // ХСб. 10. – Севастополь, 1999. – С. 232–241.

1920. *Ушаков С.В.* Три группы краснолаковой керамики из Херсонеса (к вопросу об обработке массового археологического материала) // АДСВ. 36. – Екатеринбург, 2005. – С. 22–33.

1921. *Ушаков С.В.* Херсонес Таврический на рубеже эпох (конец IV – первая половина V в.): экономика и культура // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. – СПб., 2011. – С. 401–407.

1922. *Ушаков С.В.* Херсонесская сигиллята (к постановке проблемы) // ХСб. 13. – Севастополь, 2004. – С. 285–296.

1923. *Ушаков С.В., Струкова Е.В.* Позднеантичный Херсонес: новые археологические комплексы. Основные итоги исследований // История и археология Крыма. IV. – Симферополь, 2016. – С. 110–131.

1924. Фанагория. По материалам Таманской экспедиции ИА РАН / Под ред. В.Д. Кузнецова. – М.: Северный паломник, 2008. – 104 с.

1925. *Фарбей А.М.* Христианские символы на сердоликовых вставках в перстни (на примере находок из Восточного Крыма) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Ч. 2. – Киев – Судак: Академпериодика, 2004. – С. 220–222.

1926. *Фарбей О.М.* Поховальний комплекс ранньосередньовічного часу і деяки питання з історії Херсонеса Таврійського в IV–VI ст. [Погребальный комплекс ранневизантийского времени и некоторые вопросы из истории Херсонеса Таврического в IV–VI вв.] // Археологія. 1998. № 3. – С. 122–129.

1927. *Фармаковский Б.А.* К изучению Перещепинского клада. Блюдо епископа Патерна // ИАК. 12. – СПб., 1913. – С. 1–21.

1928. *Федоров П.В.* Позднечетвертичная история Черного моря и развитие южных морей Европы // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. – М., 1977. – С. 25–32.

1929. *Федоров П.В.* Послеледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменения уровня океана за последние 15 тысяч лет // Колебания уровней морей и океанов за 15 000 лет. – М., 1982. – С. 151–156.

1930. *Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. – М.: Наука, 1978. – 296 с.

1931. *Федорченко Т.П.* Причерноморская низменность. – Одесса, 1965. – 50 с.

1932. *Федосеев Н.Ф.* Οικος среди могил // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. – Керчь, 2006. – С. 301–309.

1933. *Федосеев Н.Ф.* Переправа через Боспор Киммерийский // ВДИ. 1997. № 4. – С. 100–110.

1934. *Федосеев Н.*Ф. Склеп «Геркулеса» на некрополе Кыз-Аул и вопросы датировки уступчатых склепов // ДБ. 18. 2014. – С. 431–451.

1935. *Федосеев Н.Ф., Ермолин А.Л., Куликов А.В., Пономарев Л.Ю.* Жилой комплекс на Кыз-аульском некрополе (предварительное сообщение) // 175 лет Керченскому музею древностей. – Керчь: КГИКЗ, 2001. – С. 58–62.

1936. *Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю.* Поселение ранневизантийского времени на некрополе Кыз-Аул // ДБ. 23. 2018. – С. 257–281.

1937. *Федосеев Н.Ф., Пономарёв Л.Ю.* Склеп № 6 на Кызаульском некрополе // ДБ. 16. 2012. – С. 491–525.

1938. *Филиппенко А*. Раннесредневековый могильник у источника Манто-фонтан // Международная конференция «Византия и Крым». – Симферополь, 1997. – С. 85–86.

1939. *Филиппов А.Е*. Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа // Очерки истории христианского Херсонеса. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 193–322.

1940. *Филиппов А.Е*. Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического: интерпретация и реконструкция (на примере Уваровского склепа) // Искусство христианского мира. Вып. 8. – М.: ПСТБИ, 2004. – С. 234–244.

1941. *Финогенова С.И*. Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. 8. 2005. – С. 422–442.

1942. *Финогенова С.И*. Стратиграфия античных городов Таманского городища // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб., 1999. – С. 157–161.

1943. *Фомин М.В*. О вооруженных силах Херсонеса в IV–V вв. // Lavrea I. Чтения памяти проф. В.И. Кадеева. – Харьков, 2015. – С. 105–108.

1944. *Фомин М.В*. О крестообразных мемориях византийского Херсона // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2006. – С. 317–320.

1945. *Фомин М.В*. О мартириях при Западной базилике Херсонеса // БИ. X. – Симферополь – Керчь, 2006. – С. 132–152.

1946. *Фомин М.В*. О периодизации христианизации Херсонеса-Херсона // Иресиона. Античный мир и его наследие. – Вып. III. – Белгород, 2006. – С. 83–89.

1947. *Фомин М.В*. О почитании святых в Херсонесе-Херсоне (по материалам некрополя) // Мир Византии. – Белгород: БелГУ, 2007. – С. 161–165.

1948. *Фомин М.В*. О проблеме формирования раннехристианской художественной традиции в Херсонесе IV–V вв. // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія «Історія». 2014. – С. 38–46.

1949. *Фомин М.В*. О некоторых сюжетах раннехристианской скульптуры Херсонеса IV–V вв. // МАИАСК. V. 2013. – С. 89–101.

1950. *Фомин М.В*. О раннехристианской живописи Херсонеса-Херсона IV–VI вв. // МАИАСК. V. 2013. – С. 82–87.

1951. *Фомин М.В*. О раннехристианском некрополе и монастыре Богородицы Влахернской в окрестностях Херсонеса // ПИАУ. – Харьков, 2004. – С. 74–75.

1952. *Фомин М.В*. О топографии христианского некрополя в Херсонесе // Небесные патроны и земные служители культа. – Севастополь, 2007. – С. 52–53.

1953. *Фомин М.В*. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). – Харьков: Коллегиум, 2011. – 290 с.

1954. *Фомин М.В*. Раннехристианская живопись позднеантичного Херсонеса // МАИАСК. № 6. 2014. – С. 299–389.

1955. *Фомин М.В*. Раннехристианские погребения в византийском Херсоне // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. – Керчь, 2005. – С. 328–331.

1956. *Фрай Р.* Наследие Ирана. – М.: Наука, гл. ред. восточной литературы, 1972. – 468 с.; 2-е изд.: М.: Восточная литература, 2002. – 463 с.

1957. *Франчес Э.* Византийское государство и левобережье Дуная в VI в. // ВВ. 20. 1961. – С. 14–22.

1958. *Фрикен А. фон*. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. – Ч. 1. Римские катакомбы. – М., 1872. – 190 с.

1959. *Фрикен А. фон*. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. – Ч. 2. Надписи и символические изображения. – М., 1877. – 250 с.

1960. *Фрикен А. фон*. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. – Ч. 3. Изображения Спасителя, Богоматери и апостолов у первых христиан. – М., 1880. – 190 с.

1961. *Фрикен А. фон*. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. – Ч. 4. Живопись и пластика у первых христиан запада и востока. – М., 1885. – 403 с.

1962. *Фролова Н.А*. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4. – С. 196–206.

1963. *Фролова Н.А*. История правления Рискупорида V (242–276 гг.) по нумизматическим данным // СА. 1980. № 3. – С. 58–76.

1964. *Фролова Н.А*. К вопросу об интерпретации некоторых изображений на позднебоспорских монетах // Проблемы античной культуры. – М., 1986. – С. 209–214.

1965. *Фролова Н.А*. Клады позднебоспорских монет как исторический источник // ТГИМ. 8. – М., 1983. – С. 34–41.

1966. *Фролова Н.А*. Монетное дело Боспора (сер. I в. до н. э. – сер. IV в. н. э.). Ч. 1–2. – М.: Едиториал УРСС, 1997. – 448+536 с.

1967. *Фролова Н.А*. Монетное дело Боспора IV в. до н. э. – IV в. н. э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. – М.: Наука, 1992. – С. 187–246.

1968. *Фролова Н.А*. Монетное дело Боспора первых веков н. э. – Автореф. дисс. ... д. и. н. – М., 1985. – 38 с.

1969. *Фролова Н.А*. Монетное дело Радамсада (309–322 гг.) // ТГИМ. 69, ч. 10. – М., 1988. – С. 33–47.

1970. *Фролова Н.А*. Монетное дело Тейрана (266, 275–278 гг.) // КСИА. 204. – М., 1991. – С. 103–112.

1971. *Фролова Н.А*. Монетное дело Фофорса (285–308 гг.) // СА. 1984. № 2. – С. 34–53.

1972. *Фролова Н.А*. Монеты Савромата IV (275 г.) // КСИА. 174. – М., 1983. – С. 26–32.

1973. *Фролова Н.А*. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI // СА. 1975. № 4. – С. 45–56.

1974. *Фролова Н.А*. Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // ВДИ. 1998. № 1. – С. 247–262.

1975. *Фролова Н.А*. Уникальный клад боспорских монет из Горгиппии III в. до н. э. – 238 г. н. э. // Древнее Причерноморье. – Одесса, 1993. – С. 87–90.

1976. *Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н*. Клад боспорских медных монет (I – середина IV в. н. э.), найденный в Керчи в 1995 г. // ВДИ. 2001. № 3. – С. 59–85.

1977. *Фролова Н.А., Масленников А.А*. К истории позднеантичного Боспора // Тезисы IV Всероссийской нумизматической конференции. – М., 1996. – С. 19–20.

1978. *Фролова Н.А., Николаева Э.Я*. Клад монет из Ильичевки // ВВ. 39. 1978. – С. 173–179.

1979. *Фролова Н.А., Шургая И.Г*. Илуратский клад монет Рискупорида V // ВДИ. 1982. № 1. – С. 91–97.

1980. *Функ Б.* Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. – СПб., 1992. – С. 74–93.

1981. *Фурасьев А.Г.* Концешты: погребение представителя боспорской элиты конца IV века в верховьях реки Прут // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. – СПб., 2016. – С. 186–194.

1982. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. – СПб.: СПбГУ, 2008. – 512 с.

1983. *Хайрединова Э.А.* Амулеты из раннесредневековых погребений Крыма // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013. – С. 479–483.

1984. *Хайрединова Э.А.* Боспор и морские походы варваров 2-й пол. III в. н. э. // МАИЭТ. IV. – Симферополь, 1995. – С. 517–528.

1985. *Хайрединова Э.А.* Боспорские изделия V в. в костюме варваров Юго-Западного Крыма // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 242–245.

1986. *Хайрединова Э.А.* Боспорский женский костюм первой половины V в. (по материалам некрополей) // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I. – СПб., 2002. – С. 215–219.

1987. *Хайрединова Э.А.* Византийские золотые кресты раннесредневекового времени из Керчи // БИ. XXXVII. 2018. – С. 246–262.

1988. *Хайрединова Э.А.* Византийские металлические изделия VII в. из города Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. – Керчь, 2017. – С. 586–591.

1989. *Хайрединова Э.А.* Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. VIII. – Симферополь, 2000. – С. 91–133.

1990. *Хайрединова Э.А.* Костюм городского населения Боспора в VII–VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь. 2012. – С. 435–436.

1991. *Хайрединова Э.А.* Новый письменный источник о варварских морских походах второй половины III в. н. э. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. – Керчь, 2001. – С. 173–174.

1992. *Хайрединова Э.А.* О реконструкции женского костюма варваров Юго-Западного Крыма V–VII вв. // МАИЭТ. XII. – Симферополь, 2006. – С. 585–601.

1993. *Хайрединова Э.А.* Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. X. – Симферополь, 2003. – С. 125–160.

1994. *Хайрединова Э.А.* Предметы раннесредневекового прикладного искусства из погребений крымских готов // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте (Боспорские чтения XXI). – Симферополь – Керчь, 2020. – С. 370–376.

1995. *Хайрединова Э.А.* Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. XIII. – Симферополь, 2007. – С. 151–182.

1996. *Хайрединова Э.А.* Хронология серег с многогранником из Крыма // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014. – С. 421–424.

1997. *Ханутина З.В., Хршановский В.А.* Погребальный комплекс гуннского времени из некрополя Китея // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. – СПб., 2009. – С. 58–69.

1998. *Харко Л.П.* Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. // МИА. 25. – М., 1952. – С. 357–362.

1999. *Харко Л.П.* Тиритакский монетный клад 1946 г. // ВДИ. 1949. № 2. – С. 73–86.

2000. *Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. – М.: Наука, 1967. – С. 204–208.

2001. *Хартахай Ф.* Христианство в Крыму. – Симферополь, 1864. – 70 с.

2002. *Хауссиг Г.В.* К вопросу о происхождении гуннов // ВВ. 38. 1977. – С. 59–71.

2003. *Хвольсон Д.А.* Корпус еврейских надписей. – СПб., 1884. – 527 с.

2004. *Хворостяний О.І.* [Рецензія на кн.:] Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). – Белгород, 1996 // Археологія. 2000. № 1. – С. 150–155.

2005. *Хворостяный А.И.* Античная живопись как источник изучения религиозных представлений боспорян // Херсонес Таврический у истоков мировых религий. – Севастополь, 2001. – С. 34–38.

2006. *Хворостяный А.И.* Культ Θεος ύψιστος и распространение христианства на Боспоре // Vita Antiqua. № 5–6. – К., 2003. – С. 131–135.

2007. *Хворостяный А.И.* Полихромная роспись боспорских склепов как источник для изучения религиозных представлений и верований боспорян // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. – Керчь, 2001. – С. 175–177.

2008. *Хелу Н.* Мозаики V–VI вв. в Ливане // Панорама искусств. 8. – М., 1985. – С. 47–63.

2009. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. – Харьков: Майдан, 2004. – 732 с.

2010. *Хизер П.* Падение Римской империи. – М.: АСТ, Астрель, 2011. – 800 с.

2011. *Холодков В.Н.* Форма для отливки фибул из Керчи // Проблемы археологии и истории Боспора. – Керчь, 1996. – С. 70–71.

2012. *Храпунов И., Мульд С.* Население Центрального Крыма в IV в. н. э. по материалам могильников // Международная конференция «Византия и Крым». – Симферополь, 1997. – С. 90–91.

2013. *Храпунов И.Н.* Аланский могильник IV в. в центральном Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–VI вв.) – Симферополь, 1997. – С. 56–58.

2014. *Храпунов И.Н.* Могильник Дружное (III–IV вв.). – Lublin: Wydawnistwo Uniwersitetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2002. – 314 p.

2015. *Храпунов И.Н.* О населении Крыма в позднеримское время (по материалам могильника Дружное) // РА. 1999. № 2. – С. 144–156.

2016. *Храпунов И.Н.* О первых сармато-германских контактах в Крыму // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 246–252.

2017. *Храпунов И.Н.* Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. – Симферополь: Таврия, 1995. – 84 с.

2018. *Храпунов М.І.* Адміністрація Херсона наприкінці IV–VI ст. [Администрация Херсона в конце IV–VI вв.] // Археологія. 2000. № 1. – С. 57–67.

2019. *Храпунов М.І.* З приводу часу входження Боспору до складу Візантії [По поводу времени вхождения Боспора в состав Византии] // Археологія. 2005. № 1. – С. 29–36.

2020. *Храпунов М.І.* Преторий у середньовічному Херсоні [Преторий в средневековом Херсоне] // Археологія. 2002. № 3. – С. 101–107.

2021. *Храпунов Н.И.* Администрация ε'υαγε͂ις ο'ίκος в Херсоне // МАИЭТ. VII. – Симферополь, 2000. – С. 357–261.

2022. *Храпунов Н.И.* Администрация Боспора в V в. н. э. // ДБ. 15. 2011. – С. 352–369.

2023. *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона между империей и варварами // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 393–396.

2024. *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона в VI веке // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2004. – С. 378–383.

2025. *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона в VIII – начале IX вв. // ПИФК. XII. – М.-Магнитогорск, 2002. – С. 568–582.

2026. *Храпунов Н.И.* К дискуссии о «надписи Дуптуна» // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I. – СПб., 2002. – С. 88–90.

2027. *Храпунов Н.И.* К дискуссии о греческой надписи из Херсонеса с именем императора Гонория // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. – Киев – Судак: Академкнига, 2002. – С. 268–271.

2028. *Храпунов Н.И.* Находки монет в могильнике у совхоза «Севастопольский» («Совхоз № 10») // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. – Керчь, 2010. – С. 452–457.

2029. *Храпунов Н.И.* Находки монет в могильниках крымских варваров позднеримского времени: некоторые перспективы анализа и исторической интерпретации // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013. – С. 484–490.

2030. *Храпунов Н.И.* Некоторые аспекты хронологии монетных находок в позднеримских могильниках Крыма // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014. – С. 425–429.

2031. *Храпунов Н.И.* О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 253–254.

2032. *Храпунов Н.И.* О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Vita Antiqua. № 5–6. – К., 2003. – С. 171–178.

2033. *Храпунов Н.И.* О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники πατέρες τής πόλεως // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. – Симферополь, 1999. – С. 161–167.

2034. *Храпунов Н.И.* О древнем названии города: Херсонес Таврический или Херсонес в Таврике // МАИЭТ. XII. – Симферополь, 2006. – С. 571–584.

2035. *Храпунов Н.И.* О континуитете администрации византийского Херсона // Древности. 2004. – Харьков, 2004. – С. 51–59.

2036. *Храпунов Н.И.* О средневековом названии города Херсона (по данным церковных источников) // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2002. – С. 43–44.

2037. *Храпунов Н.И.* Тенденции развития органов власти византийского Херсона // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Ч. 2. – Киев – Судак: Академпериодика, 2004. – С. 223–230.

2038. *Храпунов Н.И.* Херсонес Таврический или Херсонес в Таврике? // Символ в философии и религии. – Севастополь, 2004. – С. 46–47.

2039. *Хрушкова Л.Г.* Крестовидные мартирии: Херсонес Таврический, Малая Азия, Сирия, Палестина // Культ святых мест в древних и современных религиях. – Севастополь, 2005. – С. 57–58.

2040. *Хрушкова Л.Г.* Крестовидные церкви Херсонеса Таврического // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Ч. 2. – Киев – Судак: Академпериодика, 2004. – С. 231–236.

2041. *Хрушкова Л.Г.* Мартирии и епископы Херсонеса Таврического // Небесные патроны и земные служители культа. – Севастополь, 2007. – С. 54.

2042. *Хрушкова Л.Г.* О византийской археологии // Вестник РГНФ. 2001. № 3. – С. 5–13.

2043. *Хрушкова Л.Г.* О живописи раннехристианских склепов в Крыму. Сто лет после М.И. Ростовцева // ТГЭ. 42. 2008. – С. 121–132.

2044. *Хрушкова Л.Г.* О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище // Сугдейский сборник. II. – К.-Судак, 2005. – С. 393–420.

2045. *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья IV–VII вв. – М.: Наука, 2002. – 500 с.

2046. *Хрушкова Л.Г.* Христианская археология в Восточном Причерноморье // ПС. 32 (95). – СПб., 1993. – С. 33–36.

2047. *Хршановский В.А.* Асинхронные вещи в погребально-поминальных комплексах и святилищах (по материалам некрополей Китея и Илуратского плато) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014. – С. 433–438.

2048. *Хршановский В.А.* Боспорские некрополи и географическая среда (по материалам некрополей Китейской равнины и Илуратского плато) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. – Керчь, 2015. – С. 380–386.

2049. *Хршановский В.А.* Вырубной склеп позднеримского времени на некрополе Китея // Ольвія та античний світ. – Киев: ИА НАНУ, 2001. – С. 138–141.

2050. *Хршановский В.А.* Двухкамерный склеп римского времени на некрополе Китея // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. – Керчь, 2001. – С. 178–186.

2051. *Хршановский В.А.* Жертвоприношение в погребально-поминальной обрядности Европейского Боспора II в. до н. э. – IV в. н. э. (по материалам археологических раскопок некрополей Илурата и Китея) // Жертвоприношение. – СПб.: Языки русской культуры, 2000. – С. 241–251.

2052. *Хршановский В.А.* Между готами и гуннами. Новые материалы к истории Европейского Боспора IV в. (по результатам раскопок некрополя Китея в 2009–2016 гг.) // БИ. XXXV. 2017. – С. 208–228.

2053. *Хршановский В.А.* Некрополи Илурата и Китея. Археологическая экспедиция ГМИР 1968–1998 (предварительные итоги) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. – СПб., 1998. – С. 102–105.

2054. *Хршановский В.А.* Некрополи Китейской равнины // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. – Ч. 1. – СПб., 2018. – С. 249–258.

2055. *Хршановский В.А.* Некрополь без акрополя (некрополь Илурата в IV–XIII вв.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. – Керчь, 2005. – С. 343–347.

2056. *Хршановский В.А.* Некрополь Илурата: топография, хронология, этнокультурная характеристика // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2003. – С. 270–276.

2057. *Хршановский В.А.* Новый памятник гуннской эпохи из некрополя Китея // Ювелирное искусство и материальная культура. – СПб.: ГЭ, 1998. – С. 80–81.

2058. *Хршановский В.А.* Новый ритуальный комплекс на позднеантичном участке некрополя Китея // Боспорский феномен. Боспорские царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Т. 2. – СПб., 2020. – С. 130–136.

2059. *Хршановский В.А.* Новый склеп с полуциркульным сводом на некрополе Илурата // Археологія. 2003. № 3. – С. 21–31.

2060. *Хршановский В.А.* О принадлежности некоторых боспорских некрополей // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 489–494.

2061. *Хршановский В.А.* Перстень с раннехристианской геммой из некрополя Китея (к истории распространения христианства на Боспоре) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013. – С. 491–496.

2062. *Хршановский В.А.* Погребальные комплексы IV в. н. э. на некрополе Китея // БИ. II. – Симферополь, 2002. – С. 313–326.

2063. *Хршановский В.А.* Погребения гуннского времени на некрополях Илурата и Китея // Проблемы археологии и истории Боспора. – Керчь, 1996. – С. 71–73.

2064. *Хршановский В.А.* Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // НАИМ. – Л.: ГМИРА, 1988. – С. 21–27.

2065. *Хршановский В.А.* Позднеантичные ритуальные ямы на юго-западном участке некрополя Китея // ДБ. 2020. Т. 25. – С. 405–423.

2066. *Хршановский В.А.* Позднеримское погребение воина с копьем на некрополе Китея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. – Керчь, 2008. – С 301–306.

2067. *Хршановский В.А.* Раскопки некрополей Илурата и Китея в 2001–2002 гг. // АВУ. 2001–2002. – К.: ИА НАНУ, 2003. – С. 166–168.

2068. *Хршановский В.А.* Раскопки некрополя Китея // АИК. 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 262–266.

2069. *Хршановский В.А.* Раскопки некрополя Китея и Верхнего некрополя Илурата // АИК. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 263–268.

2070. *Хршановский В.А.* Склепы-катакомбы на Илуратском плато: типология, хронология, проблемы этнокультурной принадлежности // ДБ. 16. 2012. – С. 526–547.

2071. *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. – М.: Наука, 1979. – 136 с.

2072. *Цветаева Г.А.* Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. 19. – М., 1951. – С. 63–86.

2073. *Цветаева Г.А.* Курганный некрополь Пантикапея // МИА. 56. – М., 1957. – С. 227–250.

2074. *Цветкова-Томашевич Г.* Ранновизантијски подни мозаици [Ранневизантийские напольные мозаики]. – Београд, 1978. – 222 с.

2075. *Циркин Ю.Б.* «Военная анархия» в Римской империи. – СПб.: Нестор-история, 2015. – 472 с.

2076. *Циркин Ю.Б.* Испания от античности к Средневековью. – СПб.: ФФ СПбГУ – Нестор-история, 2010. – 456 с.

2077. *Цмилянич, Милена.* Концепция континуитета византийского города в трудах Г.Л. Курбатова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. № 4. 2012. – С. 104–113.

2078. *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. IV. – Симферополь, 1995. – С. 545–561.

2079. *Чаковская Л.С.* Вослощенная память о храме. Художественный мир синагог Святой Земли III–VI вв. н. э. – М.: Индрик, 2011. – 368 с.

2080. *Чекалова А.А.* Императорская идея в ранней Византии: теория и реальность // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург: Волот, 2004. – С. 41–44.

2081. *Чекалова А.А.* Константинополь в VI веке. Восстание Ника. – М.: Наука, 1986. – 176 с.

2082. *Чекалова А.А.* Патрикиат в ранней Византии // ВВ. 1997. Т. 57 (82). – С. 32–44.

2083. *Чекалова А.А.* Сенаторская знать ранней Византии. – М.: Наука, 2010. – 341 с.

2084. *Чередниченко А.Г.* К проблеме интерпретации сообщений Феофана Исповедника и патриарха Никифора о хазарах и протоболгарах: гуннские этногенеалогические предания в трудах иерархов православной церкви // Иоасафовские чтения. III. – Белгород, 2006. – С. 464–471.

2085. *Черниенко Д.А.* Гунны в Европе (историко-этнографический очерк). – Ижевск: УдГУ, 2003. – 118 с.

2086. *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарии. – М.: Наука, 1980. – 215 с.

2087. *Чичуров И.С.* Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV – нач. IX вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1981. – М.: Наука, 1983. – С. 5–146.

2088. *Чореф М.М.* Боспорское царство при Фофорсе: по нумизматическим данным // Российский археологический ежегодник. № 4. 2014. – С. 323–365.

2089. *Чореф М.М.* К вопросу о датировании совместного правления Радамсадия и Рескупорида V // В поисках сущности. Сборник статей к 60-летию Н.Д. Руссева. – Кишинев, 2019. – С. 109–118.

2090. *Чореф М.М.* К истории правления Хедосбия // Stratum+. № 6. Таинства перемещений. 2020. – С. 231–240.

2091. *Чореф М.М.* Становление византийской Таврики: по данным нумизматики // МАИАСК. V. 2013. – С. 166–186.

2092. *Чуистова Л.И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // АИБ. 2. – Симферополь, 1962. – С. 7–236.

2093. *Чхаидзе В.Н.* Гермонасса – Томы – Таматарха: позднеантичный и раннесредневековый город на Боспоре // Боспорский феномен. – СПб.: ГЭ, ИИМК, ГМИР, 2005. – С. 149–153.

2094. *Чхаидзе В.Н.* Зихская епархия: писменные и археологические свидетельства // Империя и полис. – Севастополь, 2013. – С. 47–68.

2095. *Чхаидзе В.Н.* Позднеантичные склепы у пос. Красноармейский на Таманском полуострове // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 247–252.

2096. *Чхаидзе В.Н.* Протоболгары на Таманском полуострове? // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. – Керчь, 2005. – С. 356–361.

2097. *Чхаидзе В.Н.* Раннесредневековые амфоры из Фанагории (по материалам раскопок 1939–1980 гг.) // ДБ. 8. 2005. – С. 443–464.

2098. *Чхаидзе В.Н.* Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. 10. 2006. – С. 487–517.

2099. *Чхаидзе В.Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. – М.: Таус, 2008. – 328 с.

2100. *Шабанов А.В., Шабанова М.Н.* Этнонимия и антропонимия праболгар как источник реконструкции их ранней истории (к постановке проблемы) // Сугдейский сборник. – Киев – Судак, 2004. – С. 370–383.

2101. *Шабанов С.Б.* Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (раскопки 1996–2010 гг.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 421–427.

2102. *Шаблавина Е.А.* О раннесредневековой продукции боспорских ювелиров (на примере орлиноголовых пряжек) // ПАВ. Вып. 14. – СПб., 2006.

2103. *Шаблавина Е.А.* Продукция одной боспорской ювелирной мастерской второй половины VI в. // РА. 2007. № 3. – С. 92–102.

2104. *Шаблавина Е.А.* Техника изготовления художественных металлических изделий раннесредневекового Боспора / Автореф. дисс. … к. и. н. – СПб., 2007. – 25 с.

2105. *Шавырина Т.Г.* Западный некрополь Фанагории (раскопки 1991–1999 гг. Общий обзор) // ДБ. 3. 2000. – С. 355–366.

2106. *Шалькевич А.А.* Архитектурное исследование Царского кургана // ТГЭ. 17. – Л., 1976. – С. 138–165.

2107. *Шангин М.А.* Византийские мероприятия по охране границ // Историк-марксист. – Т. 3. – М., 1939. – С. 89–92.

2108. *Шангин М.А.* Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. № 3. – С. 72–87.

2109. *Шаров О.В.* Блюдо с изображением триумфа императора из склепа Гордиковых в Керчи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 508–514.

2110. *Шаров О.В.* Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV вв. н. э.). – Автореф. докт. дисс. – СПб., 2009. – 37 с.

2111. *Шаров О.В.* Гибель Эрманариха: история и эпос // Stratum: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. – Кишинев, 1997. – С. 95–106.

2112. *Шаров О.В.* Золотая диадема из керченского погребения «Аджимушкай, 1841 года» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013. – С. 519–523.

2113. *Шаров О.В.* Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. – СПб.: Нестор-история, 2007. – 208 с.

2114. *Шаров О.В.* Культурно-исторические связи Восточной Европы и Северного Причерноморья в середине III – 1 половине IV вв. н. э. (Древности горизонта Лейна-Хаслебен и черняховская культура). – Автореф. канд. дисс. – СПб., 1995. – 24 с.

2115. *Шаров О.В.* Могильник Чатыр-Даг: новый взгляд – старые идеи // БИ. XXXIX. 2019. – С. 210–241.

2116. *Шаров О.В.* О полихромных стилях на Боспоре в позднеримское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2004. – С. 408–413.

2117. *Шаров О.В.* Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // Stratum plus. 2012. № 4. – С. 201–238.

2118. *Шаров О.В.* Проблема присутствия германских переселенцев в городах Боспора: боспоряне или аллохтоны? Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, 2012. – С. 454–457.

2119. *Шаров О.В.* Рескупорид V и Константин Великий // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I. – СПб., 2002. – С. 210–215.

2120. *Шаров О.В.* Святилища на склонах горы Таракташ в восточном Крыму // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. – СПб., 2009. – С. 459–464.

2121. *Шаров О.В.* «Смутное время» на Боспоре и поход «меотийцев» 275/276 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014. – С. 459–463.

2122. *Шаров О.В., Бажан И.А.* Черняховские этюды // Stratum+. 4. 1999. – Кишинев, 1999. – С. 19–65.

2123. *Шаров О.В., Чореф М.М.* К вопросу о составе боспорской элиты римского периода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4. – С. 79–88.

2124. *Шевцова А.* О классификации культовых сооружений византийского Херсона // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2008. – С. 308–309.

2125. *Шелов Д.Б.* Волго-донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978. – С. 81–88.

2126. *Шелов Д.Б.* Италийские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. // Acta Archaeologica Hungarica. – V.17. – Budapest, 1965. – P. 251–274.

2127. *Шелов Д.Б.* Личные имена на амфорах из Танаиса // НиЭ. 12. – М., 1978. – С. 47–55.

2128. *Шелов Д.Б.* О датировке северокавказских подражаний римским денариям // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М., 1973. – С. 190–196.

2129. *Шелов Д.Б.* Степи Нижнего Дона в гуннское время // Новейшие открытия советских археологов. – Ч. 3. – Киев, 1975. – С. 105–106.

2130. *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. – М.: Наука, 1972. – 351 с.

2131. *Шелов Д.Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых вв. н. э. Классификация и хронология // КСИА. 156. – М., 1978. – С. 16–21.

2132. *Шелов Д.Б.* Феодосийский клад боспорских «статеров» // ВДИ. 1950. № 2. – С. 134–139.

2133. *Шелов Д.Б.* Экономическая жизнь Танаиса // Античный город. – М.: Наука, 1973. – С. 115–131.

2134. *Шелов Д.Б., Анисимов А.И.* Находки монет в Танаисе в 1973–1980 гг. // НиЭ. 14. – М., 1984. – С. 50–56.

2135. *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. – М.: Наука, 1985. – С. 5–187.

2136. *Шепко Л.Г.* О территориально-административной структуре Боспорского государства в первые века н. э. // Из истории древнего мира и средних веков. – М.: Наука, 1988. – С. 45–58.

2137. *Шестаков С.А.* К вопросу об иудейской общине в Пантикапее // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 447–452.

2138. *Шестаков С.А.* Топография поздних некрополей как показатель этнического состава населения Пантикапея-Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2004. – С. 427–430.

2139. *Шестаков С.П.* К истолкованию херсонской надписи времени Зинона // ЖМНП. 1906, март-апрель. – С. 140–151.

2140. *Шестаков С.П.* О начале христианства в Херсоне. – Казань, 1906. – 216 с.

2141. *Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. – Вып. III. – М., 1908. – 142 с.

2142. *Шилик К.К.* Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене и палеотопография археологических памятников Северного Причерноморья античного времени // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. – М., 1977. – С. 158–163.

2143. *Шилик К.К.* К палеогеографии Ольвии // Ольвия. – Киев: Наукова думка, 1975. – С. 51–91.

2144. *Шилик К.К.* Об изменении уровня Черного моря и «движение вслед за морем» оборонительных стен Херсонеса // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. – Киев, 1975. – С. 141–143.

2145. *Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В., Кононенко А.П.* Работы Новороссийского исторического музея-заповедника // АО 2004 года. – М.: Наука, 2005. – С. 324–327.

2146. *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1908 г. // ИАК. 33. – СПб., 1909. – С. 23–32.

2147. *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1913 г. – СПб., 1914. – 79 с.

2148. *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1897 г. // ЗООИД. XXI. – Одесса, 1898. – С. 192–210.

2149. *Шкорпил В.В.* Вновь найденная христианская катакомба // ЗООИД. XVIII. – Одесса, 1895. – С. 185–198.

2150. *Шкорпил В.В.* Камни с греческими надписями, поступившие в Мелек-Чесменский музей в 1896 г. // ЗООИД. XXI. – Одесса, 1898. – С. 185–191.

2151. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г. // ИАК. 30. – СПб., 1909. – С. 1–61.

2152. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 г. // ИАК. 47. – СПб., 1913. – С. 42–72.

2153. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИАК. 17. – СПб., 1905. – С. 1–76.

2154. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. // ИАК. 47. – СПб., 1913. – С. 1–42.

2155. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. // ИАК. 25. – СПб., 1907. – С. 1–44.

2156. *Шкорпил В.В.* Три христианские надгробия, найденные в Керчи в 1898 году // ЗООИД. XXII. – Одесса, 1900. – С. 59–60 (протоколы).

2157. *Шкорпил В.В.* Три христианские надписи, найденные в 1913 г. – СПб., 1914. – 18 с.

2158. *Шкорпил В.В.* Три христианских надписи, найденных в окрестностях Керчи // ЗООИД. XXI, протоколы. – Одесса, 1898. – С. 8–11.

2159. *Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Записки Географического общества СССР. Новая серия. – Т. 16. – М.-Л., 1957. – 337 с.

2160. *Шнюков Е.Ф., Аленкин В.М., Путь А.Л., Науменко П.И., Иноземцев Ю.И., Скиба С.И.* Керченский пролив. – Киев, 1981. – 158 с.

2161. *Штаерман Е.М.* Эволюция античной формы собственности и античного города // ВВ. 34. 1973. – С. 3–14.

2162. *Штерн Д.Э. фон.* К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // ЗООИД. XX. – Одесса, 1897. – С. 1–15.

2163. *Шулейкин В.В.* Физика моря. – М.: АН СССР, 1953. – 990 с.

2164. *Шургая И.Г.* Оборонительная система Европейского Боспора первых веков н. э. // Историчность и актуальность античной культуры. – Тбилиси, 1980. – С. 135–137.

2165. *Щапова Ю.Л.* Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей. – М.: МГУ, 2000. – 144 с.

2166. *Щапова Ю.Л.* Византийское стекло. – М.: МГУ, 1998. – 286 с.

2167. *Щапова Ю.Л.* Естественнонаучные методы в археологии. – М.: Высшая школа, 1988. – 92 с.

2168. *Щапова Ю.Л.* Очерки истории древнего стеклоделия. – М.: МГУ, 1983. – 200 с.

2169. *Щеглов А.Н.* Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1965. № 2. – С. 107–110.

2170. *Щеглов А.Н.* К изучению культа Сабазия в Херсонесе: состояние изученности, источники, интерпретация, реконструкция // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. – Севастополь, 2001. – С. 55–61.

2171. *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. – Л.: ЛГУ, 1978. – 158 с.

2172. *Щеглова Я.А., Васильева М.В.* Научные чтения, посвященные памяти М.Я. Сюзюмова, по теме «Континуитет и дисконтинуитет в Византии» (Севастополь, 5–9 сентября 1989 г.) // ВВ. 53. 1992. – С. 208–210.

2173. *Щепинский А.А., Черепанова Е.Н.* Исследования в Северо-Восточном Крыму // АО 1966. – М., 1967. – С. 278–279.

2174. *Щепинский А.А., Черепанова Е.Н.* Северное Присивашье. – Симферополь: Таврия, 1969. – 327 с.

2175. *Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005. – 576 с.

2176. *Щукин М.Б.* К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // КСИА. 158. – М.: Наука, 1979. – С. 17–22.

2177. *Щукин М.Б.* Об одной интересной находке из могильников на склоне Чатыр-Дага // Алушта и алуштинский регион с древних времен до наших дней. – Киев: Стилос, 2002. – С. 7–15.

2178. *Щукин М.Б.* Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. 18. – Л., 1977. – С. 79–91.

2179. *Щукин М.Б.* Феномен черняховской культуры эпохи Константина – Констанция, или Что такое черняховская культура? // Stratum+. 4. 1999. – Кишинев, 1999. – С. 66–101.

2180. *Щукин М.Б., Шаров О.А.* Еще раз о проблеме верхней даты черняховский культуры // Stratum+. 4. 2000. – Кишинев, 2000. – С. 369–383.

2181. Эпоха Меровингов. Европа без границ. Археология и история V–VIII вв. / Ред. В. Менгин. – Munchen, 2007. – 592 с.

2182. *Юргевич В.Н.* Новые две пантикапейские надписи // ЗООИД. X. – Одесса, 1877. – С. 1–13.

2183. *Юргевич В.Н.* О надписи с именем императора Зинона и комита Диогена, ложно считающейся принадлежащей Херсону византийскому // ЗООИД. XIV. – Одесса, 1886. – С. 779–781 (смесь).

2184. *Юргевич В.Н.* Об именах иностранных на надписях Ольвии, Боспора и других греческих городов Северного Причерноморья // ЗООИД. VIII – Одесса, 1875. – С. 1–34.

2185. *Юрочкин В.Ю.* Боспор и православное начало у готов // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб., 1999. – С. 326–332.

2186. *Юрочкин В.Ю.* Вопросы хронологии инвентаря IV в. в Таврике // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – Т. 12. – СПб., 2004. – С. 159–166.

2187. *Юрочкин В.Ю.* Готский вопрос. – Симферополь, Сонат, 2017. – 496 с.

2188. *Юрочкин В.Ю.* Готы на Боспоре: историографические традиции и современные тенденции // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. – СПб., 2013. – С. 538–542.

2189. *Юрочкин В.Ю.* Готы-трапезиты на пограничье Боспора // Пантикапей – Боспор – Керчь. 26 веков древней столице. – Керчь, 2000. – С. 126–133.

2190. *Юрочкин В.Ю.* Древнейшие изображения Креста Господня // Православные древности Таврики. – Киев: Стилос, 2002. – С. 21–50.

2191. *Юрочкин В.Ю.* К вопросу о «готском вопросе» // Иресиона. Античный мир и его наследие. – Вып. 2. – Белгород: БелГУ, 2002. – С. 57–85.

2192. *Юрочкин В.Ю.* К вопросу о черняховской керамике в Крыму // Мир Ольвии. – Киев, 1996. – С. 195–198.

2193. *Юрочкин В.Ю.* Крым в эпоху Великих миграций: проблемы этноса и культуры // Ethnic contacts and cultural exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. – Iaşi: Trinitas, 2005. – С. 383–415.

2194. *Юрочкин В.Ю.* Об одном редком орнаментальном мотиве из Таврики // 175 лет Керченскому музею древностей. – Керчь: КГИКЗ, 2001. – С. 108–111.

2195. *Юрочкин В.Ю.* Памятники группы Озерное – Инкерман в позднеантичном Крыму // Херсонес в античном мире: историко-археологический аспект. – Севастополь, 1997. – С. 128–133.

2196. *Юрочкин В.Ю.* Проблема крымских готов в отечественной науке 1950–1990-х гг. XX века // История и археология Крыма. I. – Симферополь, 2014. – С. 348–375.

2197. *Юрочкин В.Ю.* Погребение кочевника гуннского времени в кургане у села Изобильного в Крыму // МАИЭТ. III. – Симферополь, 1993. – С. 248–250.

2198. *Юрочкин В.Ю.* Происхождение склепов Центрального и Юго-Западного Крыма: Боспор или Кавказ? // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. II. – СПб., 2002. – С. 125–137.

2199. *Юрочкин В.Ю.* Раннехристианские символы на Боспоре // Христианское наследие Византии и Руси. – Симферополь: Универсум, 2003. – С. 14–25.

2200. *Юрочкин В.Ю.* Судакский регион в геополитической истории позднеантичной Таврики // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. – Киев – Судак: Академкнига, 2002. – С. 280–283.

2201. *Юрочкин В.Ю.* Черняховская керамика Юго-Западного Крыма // ХСб. 10. – Севастополь, 1999. – С. 257–274.

2202. *Юрочкин В.Ю.* Этнополитическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1999. – С. 279–282.

2203. *Юрочкин В.Ю., Джанов А.В.* Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 49–68.

2204. *Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г.* Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. 4. – М., 2001. – С. 454–473.

2205. *Юрочкин В.Ю., Лысенко А.В.* Разведки в районе Таракташского гребня (с. Дачное, Судакского горсовета) // АВУ. 2001–2002. – К.: ИА НАНУ, 2003. – С. 297–298.

2206. *Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А.* Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // ХСб. XII. – Севастополь, 2003. – С. 199–225.

2207. *Юрочкин В.Ю., Туровский Е.Я.* Лекифы с ликами святых из Северного Причерноморья (к вопросу идентификации образов) // ПИАУ. – Харьков: ХИАО, 2001. – С. 111–112.

2208. *Яйленко В.П.* «О бедном Устане замолвите слово…» (новая позднеантичная надпись из Киммерия на азиатском Боспоре) // Μνημα. Сборник научных трудов, посв. памяти проф. В.Д. Жигунина. – Казань, 2002. – С. 288–303.

2209. *Яйленко В.П.* Гунно-булгары II–V вв. н. э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимики // ДБ. 5. – М., 2002. – С. 306–324.

2210. *Яйленко В.П.* Гуннский именник V в. н. э. с Тамани и его чувашские соответствия // Ономастика Поволжья. – Вып. 6, ч. 1. – М., 1991. – С. 126–137.

2211. *Яйленко В.П.* История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 1024 с.

2212. *Яйленко В.П.* Магические надписи Боспора // ДБ. 8. 2005. – С. 465–514.

2213. *Яйленко В.П.* Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. – М., 1987. – С. 4–200.

2214. *Яйленко В.П.* Новые эпиграфические данные о римском Боспоре: надписи малоазийцев с Керченского полуострова // Eirene. XXII. – Praha, 1985. – С. 71–75.

2215. *Яйленко В.П.* О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. 48. 1987. – С. 160–171.

2216. *Яйленко В.П.* Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. – М.: Гриф и К., 2010. – 740 с.

2217. *Яйленко В.П.* Христианские и парахристианские надписи Боспора // ДБ. 14. 2010. – С. 610–711.

2218. *Якобсон А.Л.* Античные традиции в культуре раннесредневековой Таврики // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. – М., 1978. – С. 88–93.

2219. *Якобсон А.Л.* Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья // Античный город. – М., 1963. – С.182–190.

2220. *Якобсон А.Л.* Византийская капитель VI в. из Херсонеса. – Б. м., б. г. (отд. оттиск).

2221. *Якобсон А.Л.* Византия в истории средневековой Таврики // СА. XXI. – М.-Л., 1954. – С. 148–163.

2222. *Якобсон А.Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. – Л.: Искусство, 1983. – 170 с.

2223. *Якобсон А.Л.* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. 49. 1988. – С. 162–172.

2224. *Якобсон А.Л.* К изучению фресок из южного нефа «Базилики 1935 г.» в Херсонесе // СА. 1978. № 2. – С. 96–104.

2225. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л.: Наука, 1979. – 164 с.

2226. *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – М.: Наука, 1973. – 174 с.

2227. *Якобсон А.Л.* Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. 10. – Свердловск, 1973. – С. 131–138.

2228. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 85. – М., 1958. – С. 458–501.

2229. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. 168. – Л., 1970. – С. 361–403.

2230. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес: очерки истории материальной культуры // МИА. 63. – М., 1959. – 363 с.

2231. *Якобсон А.Л.* Редкая ранневизантийская капитель V в. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. – Л.: Искусство, 1968. – С. 343–346.

2232. *Якобсон А.Л.* Средневековая поливная керамика как историческое явление // ВВ. 39. 1978. – С. 148–159.

2233. *Якобсон А.Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья (опыт хронологической классификации) // СА. XV. – М., 1951. – С. 325–344.

2234. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – М.: Наука, 1964. – 232 с.

2235. *Яковлева (Иваницкая) Я.Ю., Болгов Н.Н., Рябцева М.Л., Красникова Е.А.* Росписи склепов позднего Боспора: финальная фаза боспорского искусства // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. – СПб., 2009. – С. 184–189.

2236. *Янушевич З.В.* Изображения плодов и растений на мозаиках Херсонеса // РА. 2003. № 2. – С. 83–91.

2237. *Ярцев С.В.* Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций (3-я четверть I в. до н. э. – 3-я четверть IV в. н. э.). – Автореф. докт. дисс. – Белгород, 2016. – 48 с.

2238. *Ярцев С.В.* Война «боспорских скифов» с римлянами 276 г. (новая интерпретация неоднозначных событий) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. – Керчь, 2008. – С. 319–323.

2239. *Ярцев С.В.* Начальный этап христианизации варваров на юге Украины // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Европи. – Чернігів, 2007. – С. 197–198.

2240. *Ярцев С.В.* «Oium» в эпической германской традиции и историко-географические реалии Северного Причерноморья // Науч. ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. – Белгород, 2015. – № 1 (198). – Вып. 33. – С. 23–29.

2241. *Ярцев С.В.* Боспор и Херсонес накануне гуннского нашествия // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2014. – № 1 (43). – С. 102–117.

2242. *Ярцев С.В.* Война «боспорских скифов» с римлянами в 276 г. (новая интерпретация неоднозначных событий) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. – Керчь, 2008. – С. 319–323.

2243. *Ярцев С.В.* Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. – 544 с.

2244. *Ярцев С. В.* Еще раз о списке народов Эрманариха // Науч. ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. – Белгород, 2014. – № 21 (192). – Вып. 32. – С. 35–42.

2245. *Ярцев С.В.* Имперская стратегия в Северном Причерноморье при императоре Константине Великом // Империя ромеев во времени и пространстве: Тез. XXI Всерос. сессии византинистов. – М.; Белгород: БелГУ, 2016. – С. 228–230.

2246. *Ярцев С.В.* К вопросу о влиянии кризисных явлений второй половины III – первой трети IV вв. н. э. на товарное производство ремесленных изделий на Боспоре // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. – Керчь, 2010. – Вып. XI. – С. 494–500.

2247. *Ярцев С. В.* К вопросу о датировке нового сакрального комплекса на городище «Белинское» в Восточном Крыму // Классическая и византийская традиция. 2014: Материалы VIII Междунар. науч. конф. – Белгород: БелГУ, 2014. – С. 102–105.

2248. *Ярцев С.В.* К вопросу о достоверности присутствия герулов на Боспоре // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 527–532.

2249. *Ярцев С.В.* К вопросу о посольстве боспорян к императору Юлиану в 362 г. // Университеты мира как центры научных исследований: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2013. – С. 256–259.

2250. *Ярцев С.В., Зубарев В.Г.* К вопросу о расселении приазовских германцев в Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. XVII. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2007. – С. 329–338.

2251. *Ярцев С.В.* К вопросу о хронологии и других обстоятельствах похода варваров Равсимода на Римскую империю // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Вып. XV. – Керчь, 2014. — С. 506–513.

2252. *Ярцев С.В.* К вопросу об обстоятельствах прихода к власти на Боспоре царя Фарсанза // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 10 (1). – С. 182–186.

2253. *Ярцев С.В.* К проблеме локализации области Дори Прокопия Кесарийского // Кондаковские чтения – III. Человек и эпоха: Античность – Византия – Древняя Русь. – Белгород: БелГУ, 2010. – С. 103–116.

2254. *Ярцев С.В.* Ландшафтные и другие особенности нового сакрального памятника городища «Белинское» // Науч. ведомости БелГУ. История. Политология. – Белгород, 2015. – № 13 (210). – Вып. 35. – С. 42–50.

2255. *Ярцев С В.* Морские походы варваров в 258–269 гг. // Науч. ведомости БелГУ. История. Политология. – Белгород, 2015. – № 19 (216). – Вып. 36. – С. 22–29.

2256. *Ярцев С.В.* Некоторые вопросы сакральной защиты городища «Белинское» в позднеантичный период // Древнее Причерноморье: Материалы междунар. науч. IX чтений памяти профессора П.О. Карышковского. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. – Вып. IX. – С. 505–511.

2257. *Ярцев С.В.* Новое культовое погребение из раскопок городища «Белинское» // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – Вып. XII. – С. 144–149.

2258. *Ярцев С.В.* Новый сакральный комплекс на городище «Белинское» в Восточном Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2014. – № 1 (43). – С. 86–101.

2259. *Ярцев С.В.* О начальных событиях кризиса на Боспоре III века нашей эры // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 5 (27). – С. 72–76.

2260. *Ярцев С.В.* О статусе территории предгорного Крыма в первой четверти IV в. // Университеты мира как центры научных исследований: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2013. – С. 252–256.

2261. *Ярцев С.В.* Последний морской поход меотийских варваров // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. XXII. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. – С. 69–85.

2262. *Ярцев С.В.* Поход Филимера и проблема гибели Крымской Скифии // Кондаковские чтения – IV. Античность – Византия – Древняя Русь. – Белгород: БелГУ, 2013. – С. 54–67.

2263. *Ярцев С.В.* Проблемы ассимиляции негреческого населения внутри античного государства (На примере городища «Белинское») // Цивилизация и варварство: механизмы, инструменты и субъекты взаимодействия. – Вып. III. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2014. – С. 103–116.

2264. *Ярцев С.В.* Проблемы денежного обращения на Боспоре во второй половине IV в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье: XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто и памяти чл.-кор. АН СССР А.П. Новосельцева. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2013. – С. 268–273.

2265. *Ярцев С.В.* Противотаранный пояс оборонительных сооружений городища «Белинское» // Древнее Причерноморье: Материалы Междунар. науч. X чтений памяти профессора П. О. Карышковского. – Одесса: ФЛП «А.С. Фридман», 2013. – Вып. X. – С. 250–256.

2266. *Ярцев С.В.* Римская когорта в Херсонесе в эпоху единоличного правления Константина Великого // Университет XXI века: Исследования в рамках научных школ: Материалы науч. конф. проф.-препод. состава, аспирантов, магистрантов и соискателей ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2013. – С. 215–219.

2267. *Ярцев С.В.* Римская стратегия в Северном Причерноморье в период правления императора Юлиана // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2016. – № 1 (51). – С. 166–185.

2268. *Ярцев С.В.* Ритуальные захоронения в сакральной практике жителей городища «Белинское» // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2012. – Вып. XXVI. – С. 275–289.

2269. *Ярцев С.В.* Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2014. – 356 с.

2270. *Ярцев С.В.* Тервинги и грейтунги: проблема готского разделения // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. – Белгород, 2014. – № 15 (186). – Вып. 31. – С. 46–53.

2271. *Ярцев С.В.* Финальные события противостояния императора Валента с готами // Классическая и византийская традиция. 2015. – Белгород: БелГУ, 2015. – С. 82–85.

2272. *Ярцев С.В.* Херсонес в период морских походов варваров // Университет XXI века: Исследования в рамках научных школ. – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. – С. 198–201.

2273. *Ярцев С.В.* Херсонес и Боспор в эпоху Константина Великого // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2013. – № 1 (39). – С. 25–43.

2274. *Ярцев С.В.* Христианизация готского населения Северного Причерноморья как форма римской культурной экспансии // Науч. ведомости БелГУ. История. Политология. – Белгород, 2016. – № 15 (236). – Вып. 39. – С. 40–46.

2275. *Ярцев С.В.* Языческий монотеизм на варварской периферии Боспорского государства (По материалам городища «Белинское» в Восточном Крыму) // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза: XXVI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2014. – С. 298–302.

2276. *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. – 544 с.

2277. *Яценко В.В.* Случайные находки (1998–2000 гг.) монет из Танаиса // ДА. 2001. № 3–4. – С. 93–125.

2278. *Яценко Е.Г.* Коллекция стеклянных изделий из Танаиса IV–V вв. // ДБ. 11. 2007. – С. 473–499.

2279. *Яценко С.А.* Аланы в Восточной Европе в I–IV вв. н. э. (локализация и политическая история) // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. – СПб., 1992 (ПАВ. 6). – С. 89–95.

2280. *Яценко С.А.* Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н. э. // Stratum+ПАВ. – СПб.-Кишинев, 1997. – С. 154–163.

2281. *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 192 с.

2282. *Яценко С.А.* Контактные зоны аланов I–IV вв. н. э.: Боспор и Закавказье // Античная цивилизация и варварский мир. – Новочеркасск, 1994. – С. 19–21.

2283. *Яценко С.А.* Письменные и археологические источники о государственности и общественном строе кочевых сармато-аланов I–IV вв. н. э. // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. – Ч. 1. – Улан-Удэ, 1996. – С. 152–156.

2284. *Яшаева Т.Ю.* Византийская археология Херсонеса Таврического. VI. – Симферополь, 2017. – С. 101–136.

2285. *Яшаева Т.Ю.* Городские монастыри византийского Херсона: к постановке проблемы // МАИЭТ. XIII. – Симферополь, 2007. – С. 197–215.

2286. *Яшаева Т.Ю.* Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // ХСб. 10. – Севастополь, 1999. – С. 349–358.

2287. *Яшаева Т.Ю.* Сакральные функции энколпионов: реликварий – крест – икона // Символ в философии и религии. – Севастополь, 2004. – С. 52–53.

2288. *Яшаева Т.Ю.* Средневековое поселение ближней округи Херсонеса на Гераклейском полуострове // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 79–80.

2289. *Ящуржинский Хр.* Вновь открытая греческая катакомба в Керчи // ИТУАК. 10. – Симферополь, 1890. – С. 111–113.

2290. *Ajbabin A.L.* Archaologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. – Mainz: Verl. des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2011. – XI, 276, 32 S.

2291. *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. – Bd. I–IV. – B., 1959–1960. – 463, 329, 322, 388 S.

2292. *Ahrweiler H.* Byzance: le pays et les territoires. – L., 1976. – 280 p.

2293. *Ahrweiler H.* Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance. – L., 1971. – 228 p.

2294. *Ahrweiler H.* La Frontiere et les frontieres de Byzance en Orient // Byzance: le pays et les territoires. – L.: Variorum Reprints, 1976. – P. 209–222.

2295. *Ahrweiler H.* L'ideologie politique de l'Empire Byzantin. – P.: Presses Universitaires de France, 1975. – 342 p.

2296. *Arsen'eva T., Domzalski K.* Late Roman Red Slip Pottery from Tanais // Eurasia antiqua. Zeitschrift fur Archaiologie Eurasiens. – Bd. 8. 2002. – S. 415–491.

2297. *Barsanti C.* L'exportazione di marmi dal Proconneso nelle regioni Pontiche durante il IV–VI secolo // Rivista dell'Istituto Nazionale dell'Archeologia e Storia dell'Arte. – Ser. III, XII. 1989. – Roma, 1990. – P. 91–220.

2298. *Beck F., Kazanski M., Vallet F.* La riche tombe de Kerch du Musee des Antiquites Nationales // Antiquites Nationales. 1988. 20. – P. 63–81.

2299. *Bierbrauer V.* Archaologie und Geschichte der Goten vom 1–7 Jahr. // Fruhmittelalterliche Studien. 28. – B.-N.Y., 1994. – P. 51–171.

2300. *Biernacki A.B.* Wczesnobizantyjskie element I detale architektoniczne Chersonezu Taurydskiego. Poznan: WP, 2009. – 328 p., 266 tabl.

2301. *Biernacki A.B., Klenina E.* Some remarks about the Episcopal residence of the V–VI A. D. in Novae. – Sofia, 2001. – 192 p.

2302. *Blockley R.C.* The Fragmentary Classicizing Historians of the later Roman Empire. – Liverpool, 1981. – V. 1. – 334 p.

2303. *Blockley R.C.* The History of Menander the Guardsman. – Liverpool, 1985.

2304. *Bóna I.* Das Hunnen-Reich. – Budapest, 1991. – 432 p.

2305. *Bortoli-Kazanski A.* La repartition du marble de Proconnese en Crimee a l'epoque paleochretienne // Geographica Byzantina. – P., 1981. – P. 55–65.

2306. *Bowersock G.W., Brown P., Grabar O. (eds.).* Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World. – Cambr. Mass.-L.: The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1999. – 780 p.

2307. *Braund D.* Rome and Friendly King: The Character of Client Kingship. – L.-N.Y., 1984. – 226 p.

2308. *Brehier L.* Les Institutions de l'empire Byzantin. – P.: A. Michel, 1970. – 636 p.

2309. *Briant P.* Etat et pasteurs au Mouen-Orient ancien. – Cambr. – P., 1982. – 334 p.

2310. *Brown P.* The World of Late Antiquity: A. D. 150–750. L., 1971. – 216 p.

2311. *Brown P.* Power and Persuasion in late Antiquity. Toward a Christian empire. – Madison, Univ. of Wisconsin Press, 1992. – 182 p.

2312. *Bruhn J.-A.* Coins and Costume in Late Antiquity. – Wash.: D. C., 1993.

2313. *Cameron A.* Continuity and Change in sixth-century Byzantium. – L., 1981. – 268 p.

2314. *Cameron Av.* The Mediterranean World in Late Antiquity A. D. 395–600. – L.-N.Y., 1993. – 446 p.

2315. *Chuvin P.* A Chronicle of the Last Pagans. – Cambr. – L., 1990. – 200 p.

2316. Chronology of the Byzantine Empire. – L.: Palgrave Macmillan, 2006. – 1000 p.

2317. *Claude D.* Die byzantinische Stadt im 6 Jahrhundert. – Munich: C.H. Beck, 1969. – 564 S.

2318. *Constantelos D.J.* Paganism and the State in the age of Justinian // Catholic Historical Review. 50. 1964. – P. 372–380.

2319. *Cormack R.* The Classical Tradition in the Byzantine Provincial City. The Evidence of Thessalonike and Aphrodisias // Byzantium and the Classical Tradition. – Birmingham, 1981. – P. 103–118.

2320. Crimean Chersonesos. City, Chora, Museum and Environs / Ed. G.R. Mack, J.C. Carter. – Austin: Institute of Classical Archaeology and NPTCh, 2003. – 160 p.

2321. *Cunliffe B.* Greeks, Romans and Barbarians: spheres of Interaction. – L., 1988. – 243 p.

2322. *Dagron G.* Emperor et pere. – P., 2000. – 336 p.; *Дагрон Ж.* Император и священние. Этюд о византийском «цезарепапизме». – СПб.: ФФ СПбГУ; Нестор-История, 2010. – 480 с.

2323. *Dagron G., Feissel D.* (eds). Inscriptions de Cilicie. – Paris, 1987. – 322 p.

2324. *Dagron G.* Le christianisme dans la ville byzantine // DOP. 31. 1977. – P. 4–15.

2325. *Damm I.G.* Huns and Goths: jewelry from the Ukraine and Southern Russia // From Attila to Charlemagne: arts of the early medieval period in the Metropolitan Museum of Art. – N.Y., 2000. – P. 67–76.

2326. *Diatroptov P.D.* The Spread of Christianity in Bosporus in the 3-rd – 6-th centuries // Ancient Civilizations from Scythia to Siberis. V. 5. № 3. 1998. – P. 33–40.

2327. *Dolger F.* Die fruhbyzantinische und byzantinische beeinflusste Stadt (V–VIII Jahrhundert) // PARASPORA. 30 Aufsatze zur Geschichte, Kultur und Sprache des byzantinischen Reiches. – Munich: Buch-Kunstferlag Ettal, 1961. – S. 107–139.

2328. *Domžalsky K.* Late Roman Light-Coloured ware: A rare group of fine pottery and its northern distribution (Bosporan region and the neighbouring Pontic Littorals) // Боспор

Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 284–291.

2329. *Domžalsky K.* Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom // Rei cretariae Romanae factorvm. – Acta 36. – Abingdon, 2000. – P. 161–168.

2330. *Dunn A.* The transition from *polis* to *kastron* in the Balkans (III–VII cc.): general and regional perspectives// Byzantine and Modern Greek studies. – Birmingham, 1994. – V. 18. – P. 60–80.

2331. *Durliant J.* Magister militum – στρατηλάτης dans l'Empire Byzantin (VI–VII siecles) // BZ. 1979. 72. – P. 306–320.

2332. *Edwards D.R.* Jews and Christians at ancient Chersonesus: The Transformation of Jewish Public Space // ХСб. 10. – Севастополь, 1999. – С. 162–165.

2333. *Emetz I.A.* Early Christianity in the Kingdom of Bosporus // ЭВ. 1. – М., 1995. – С. 3–15.

2334. *Ermolin A.* Das Gold der Nekropole von Džurg-Oba // Die Krim: Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. – Bonn: LVR-LandesMuseum, 2013–2014. – S. 352–361.

2335. *Evans J.A.S.* The Age of Justinian: The circumstances of the imperial power. – L.-N.Y., 1996. – 520 p.

2336. *Fedoseev N.F., Domžalski K., Opait A., Kulikov A.V.* Post-Justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos: rescue excavations at 12, Teatral'naja st. in Kerch, 2006 // Archeologia. LXI. – Warszaw, 2012. – P. 69–70.

2337. *Fornasier J., Bőttger B.* Das Bosporanische Reih. – Mainz am Rhein: Phillip vom Zabern Verlag, 2002. – 126 S.

2338. *Fowden G.* Bishops and Temps in the Eastern Roman Empire A. D. 320–435 // Journal of Theological Studies. N.S. 29. 1978. – P. 53–78.

2339. *Frolova N.A.* The Coinage of the Kingdom of Bosporus A. D. 242–341/2. – Oxf.: BAR, 1983. – 232 p.

2340. *Foss M.* Cataloge of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. – V. II. Jewelry, Enamels and Art of the Migration Period. – Wash., 1965. – 186 p.

2341. *Foss C.* Ephesos after Antiquity. A Late Antiquity, Byzantine and Turkish City. – Cambr., 1979. – 236 p.

2342. *Foss C., Winfield D.* Byzantine fortifications. – Pretoria, 1986. – 210 p.

2343. *Gaidukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. – B.-Amsterdam, 1971. – 692 S.

2344. *Godlovski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. – Krakow, 1970. – 180 p.

2345. *Goodenough R.R.* The Bosporus Inscriptions to the Most High God // The Jewish Quarterly Review. – V. 47. – 1956. – P. 221–244.

2346. *Grierson Ph.* Byzantine Coinage. – Washington: Dumbarton Oaks Research Library, 1999. – 66 p.

2347. *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. – Berlin – Amsterdam, 1967. – T. I. – 400 p.

2348. *Halkin F.* La passion des sept eveques de Cherson (Crimee) // Analecta Bollandiana. – Vol. 102. – 1984. – P. 5–32.

2349. *Hanfmann G.M.A.* The continuity of classical art: culture, myth and faith // A symposium «Age of Spirituality». – N.Y., 1980. – P. 75–99.

2350. *Harmatta J.* The Dissolution of the Hun Empire. – V. I: Hun Society of the Age of Attila // Acta Archaeologica. – Budapest, 1952. – 343 p.

2351. *Hayes J.W.* Late Roman Pottery. – L., 1972. – 477 p.

2352. *Hayes J.W.* Supplement to «Late Roman Pottery». – L., 1980. – 323 p.

2353. Interpreting Late Antiquity: essays on the Postclassical World / Eds. by G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. – Cambr. Mass.: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2001. – 312 p.

2354. *Isaac B.* The Limits of Empire. The Roman Army in the East. – Oxf., 1992. – 288 p.

2355. *Jasrzebowska E.* Ephesos und Chersonesos in spätantike und frühbyzantinische Zeit: Eine vergleichende topographische Studie // Rivista di Archeologia Cristiana. LXXV, 1–2. 1999. – S. 475–520.

2356. *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. – V. I–III. – L., 1964. – 1068 p. (repr. 1992).

2357. *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. – Part I. – A. D. 260–365. – Cambr., 1971. – XXII, 1152 p.

2358. *Kautzsch R.* Kapitellstudien: Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitells im Osten von vierten bis siebenten Jahrhundert. – B., 1970. – 222 S.

2359. *Kazanski M.* Les Germains orientaux au Nord de la Mer Noire pendant la seconde moitie du V s. et au VI s. // МАИЭТ. V. – Симферополь, 1996. – С. 304–337.

2360. *Kazanski M.* Les Goths (I–VII siecles ap J.-C.). – P., 1991. – 432 p.

2361. *Kazanski M.* Les Goths et les Huns. A propos des relations entre les Barbares sedentaires et les nomades // Archeologie Medievale. – T. XXII. – P., 1992.

2362. *Kazanski M.* Les tombs des chefs militaires de l'epoque hunnique // Germanen beiderseits des spatantiken limes. – Brno, 1999. – P. 293–316.

2363. *Kazanski M., Mastykova A.* Tsibilium: La necropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C. – VIIe ap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase): L'etude du site. Vol. 2 / BAR IS; S1721. – Oxford: J. & E. Hedges Ltd., 2007. – 164 p.

2364. *Kazhdan A.* Polis and kastron in Theophanes and in Some Other Historical Texts // Eupsychia: Melanges offerts a Helene Arhweiler. – P., 1998. – T. 2. – P. 345–360.

2365. *Khazanov A.M.* Nomads and the outside world. – Cambr., 1984. – 276 p.

2366. *Kitzinger E.* The Hellinistic Heritage in Byzantine Art // DOP. 1963. – Vol. 17. – P. 95–117.

2367. *Kitzinger E.* Stylistic Development in Pavement Mosaics in Greek East from the Age of Constantine to the Age of Justinian // Colloque sur la mosaique greco–romaine. – P., 1964. – P. 341–352.

2368. *Klenina E.* The Saint Martyrs of Chersonesos according to written and archaeological sources // ХСб. XV. – Севастополь, 2006. – С. 117–128.

2369. *Krapivina V.V.* Olbia Pontica in the III–IV centuries A. D. // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. 2. – Oxford, 2007. – P. 591–626.

2370. *Krapivina V.*V. Amphorae of the 3-rd – 4-th Centuries A. D. in Olbia Pontica // Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. – Paris, 2010. P. 69–73.

2371. *Krauthasimer R., Surcic S.* Early Christian and Byzantine Architecture. – Harmondsworth: Penguin Books, 1985. – 553 p.

2372. *Kurtz D., Boardman J.* Greek burial customs. – L.: Thames & Hudson, 1974. – 384 p.

2373. L'acanthe dans la sculpture monumentale de l'Antiquite a la Renaissance. – P., 1993. – 90 p.

2374. La Crimee entre Byzance et le khaganat Khazar / Ed. par C. Zuckerman. – P., 2006. – 232 p.

2375. *Laniado A.* Recherches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin. – Paris, 2002. – 295 p.

2376. *Lee A.D.* Pagans and Christians in Late Antiquity. – L.-N.Y.: Routledge, 2000. – 328 p.

2377. *Maenchen-Helfen O.J.* The world of the Huns. – Berkeley – Los Angeles: CUP, 1973. – 602 p.; *Менхен-Хельфен О.* История и культура гуннов. – М.: Центрполиграф, 2014. – 480 с.

2378. *Marchenko L.V., Turovskij E.J.* A New Early Christian Crypt in the Outskirts of Chersonesse Tauric // The Cult of Martyrs and Relics and its Architecture in East and West. – Varna, 2003. – P. 19–20.

2379. *Matzulewitsch L.* Byzantinische Antike. – B.-L., 1929. – 150 S.

2380. *Mazal O.* Justinian I und seine Zeit. Geschichte und Kultur des Byzantinischen Reiches im 6 Jahrhundert. – Kőln – Weimar – Wien: Bőhlau Verlag, 2001. – 764 S.

2381. *McCormack S.* Art and Ceremony in Late Antiquity. – Berkeley – Los Angeles, 1981.

2382. *Millar F.* The Roman Empire and its Neighbours. – N.Y., 1981. – 362 p.

2383. *Minns E.* Scythians and Greeks. – L., 1913. – 613 p.

2384. *Müller-Wiener W.* Von der Polis zum Kastron // Gimnasium. 1986. – V.93. – S. 435–465.

2385. *Mundell Mango V.* Silver from Early Byzantium. The Kaper Koraon and Related Treasure. – Baltimore, 1986. – 294 p.

2386. *Nadel B.* Litterary tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan kingdom in the time of Emperor Diocletian Reconsidered // Annales letteraires de l'Universite de Besancon. – P., 1977. – P. 89–105.

2387. *Obolensky D.* The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIe Congress International d'Etudes byzantines. – V. 1. – Belgrade, 1964. – P. 122–134.

2388. *Opait A.* Local and imported ceramics in Roman province of Scythia (4-th – 6-th centuries A. D.) / BAR. International Series 1274. – Oxford, 2004. – 222 p.

2389. *Ostrogorsky G.* Byzantine Cities in the Early Middle Ages // DOP. 13. 1959. – P. 47–61.

2390. *Pieri D.* Le commerce du vin oriental a l'epoque Byzantine (V–VII siècles). – Beyrouth: IFPO, 2005. – 329 p.

2391. *Polanui K.* The Economy as Instituted Process // Trade and Market in the Early Empires. – Glencoe, 1957. – P. 262–279.

2392. *Randsborg K.* The first Millenium A. D. in Europe and the Mediterranian. An archaeological essay. – Cambr., 1991. – 230 p.

2393. *Rodley L.* Cave monasteries of Byzantine Cappadocia. – L., 1985. – 286 p.

2394. *Salamon M.* The Chronology of Gothic Incursions into Asia Minor in the III century A. D. // Eos. V. 59. 1971. – P. 109–139.

2395. *Sazanov A.* Cretan amphorae from the northern Black Sea region: contexts, chronology, typology // LRCW 4: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers / Eds. N. PoulouPapadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. – Oxford: Archaeopress, 2014. – P. 399–409 / BAR IS 2616/I.

2396. *Shchukin M., Bazhan I.* The Cloisonné style: Danubian, Bosphorian, Georgian or Sassanian? // Acta archaelogica. – København, 1994. – V. 65. – P. 233–248.

2397. *Ščukin M., Kazanski M., Sharov O.* Des Goths aux Huns. Le nord de la Mer Noire au Bas-Empire et a l'epoque des grandes migration / BAR 1535. – Oxford: Atchaeopress 2006. – 482 p.

2398. *Shils E.* Center and periphery: Essays in Macrosociology. – Chicago: The University of Chicago Press, 1975. – 516 p.

2399. *Smedley J.* Archaeology and the History of Cherson: A survey of some results and problems // 'Αρχειον Ποντου. T. 35. 1979. – P. 172–192.

2400. *Smokotina A.* Late Roman Amphorae from Tyritake // Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta. 2016. – Vol. 44. – P. 715–724.

2401. *Snyder J.* Medieval Art: painting, sculpture, architecture. 4–14 century. – N.Y.: Harry N. Abrams, Inc., Publishers, 1989. – 486 p.

2402. *Sodini J.-P.* Le commerce des marbles a l'epoque protobyzantine // Hommes et richesses dans l'Empire Byzantin. – T. 1 (IV–VII siecle). – P., 1989. – P. 163–186.

2403. *Sodini J.-P.* Productions et echanges dans le mond protobyzantin (IV–VII s.): le cas de la ceramique // Byzanz als Raum: zu Methoden und Inhalten der historischen Geographie des ostlischen Mittelmeerraumes. – Wien: OAW, 2000. – P. 181–208.

2404. *Sophocles E.A.* Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods. – N.Y., 1957. – 1188 p.

2405. *Sorochan S.B.* Light and Death in Early Byzantine Empire // Fire, Light and Light equipment in the Graeco-Roman World. – Oxford, 2002. – P. 111–119.

2406. *Tainter J.* The Collapse of Complex Societies. – Cambr.: CUP, 1989. – 250 p.

2407. *Teiral J.* Mahren in 5 Jahrhundert. – Praha, 1973. – 167 S.

2408. The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks / Ed. Philipp Niewöhner. – Oxford: University Press, 2017. – XII, 464 p.

2409. The Archaeology of late antique «paganism» / Ed. L. Lavan, M. Murlyan. – Leiden: Brill, 2011. – 642 p.

2410. The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by Kazhdan. – N.Y.-Oxf., 1991. V. 1. Aaro-Eski. – 728 p.; v. 2. Esot-Nike. – 729–1473 p.; v. 3. Nike-Zygo. – 1474–2232 p.

2411. The Prosopography of the Later Roman Empire. – Part II. – A. D. 365–526 / Ed. by Martindale J.R. – Cambr., 1980. – 622 p.

2412. The Prosopography of the Later Roman Empire. – Part III. – A. D. 527–641 / Ed. by J.R. Martindale. – Cambr., 1992. – XLV, 575 p.

2413. *Thompson E.A.* A History of Attila and the Huns. – Oxf., 1948. – 456 p.

2414. *Treadgold W.* The early Byzantine Historians. – L.: Palgrave MacMillan, 2010. – 432 p.

2415. *Trombley, Frank R.* Hellenic Religion and Christianization c. 370–529. 2 vols. / Religions in the Graeco-Roman World 115. 1. – Leiden; New York; Köln: E.J. Brill, 1994.

2416. *Vanderspoel J.* Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty and Paideia from Constantius to Theodosius. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. – 280 p.

2417. *Vasiliev A.A.* The Gothes in Crimea. – Cambr. Mass., 1936. – 292 p.

2418. *Vikan G.* «Guided by Land and Sea»: Pilgrim Art and Pilgrim Travel in Early Byzantium // Tesserae. Festschrift fur Josef Engemann. – Munster, 1991. – P. 74–92.

2419. *Weiss G.* Antike und Byzanz: die Kontinuitat der Gesselschaftsstructur // Historische Zeitscrift. – B. 224. – B., 1977. – S. 520–560.

2420. *Weitzmann K.* The Survival of Mythological Representations in Early Christian and Byzantine Art and their Impact on Christian Iconography // DOP. 1960. – V. 14. – P. 43–68.

2421. *Weitzmann K.* The Classical in Byzantine Art as a Mode of of Individual Expression // ibid.: Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination. – Chicago-L., 1971. – P. 126–150.

2422. *Werner J.* Beitrage zur Archeologie des Attila–Reiches. – Munchen, 1956. – 321 s.

2423. *Wolfram H.* Die Gothen. – Munchen: C. Beck, 2000. – 600 s.

2424. *Wolfgang H.* Moneta Imperii Byzantini. – 3 vols. – Vienna: Verlag der Ősterreichischen Akademie der Wissemschaften, 1973–1981.

2425. *Yartsev S.V.* Worship of Egyptian Goddess Isis among the Barbarian Tribes of the Northern Azov Region and Crimea during the Late Classical Times (according to excavations on the site Belinskoe in Eastern Crimea) // Achievements and problems of modern Egyptology: Intern. conf. (Moscow, September 29 – October 2, 2009). – M., 2009. – P. 35.

2426. *Yartsev, S.V.* Cessation of Bosporan coinage in the context of interrelations between Constant and Constantius II // Life Science Journal Acta Zhengzhou University Overseas Edition. – N.Y., 2014. 11 (7s). – S. 335–338.

2427. *Zaseckaja I.P.* A propos du lieu de fabrication des plats en argent portant la representation de Constance II et trouves a Kertch // La noblesse Romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siecle. – P., 1995. – P. 89–93.

2428. *Zasetskaya I.P.* Cripte della necropoli tardo-antica del Bosforo (Cimmerio) (ultimo quarto del IV – prima meta del V secolo D. C.) // I Goti. – Milano, 1994. – P. 114–129.

2429. *Zinko A.* Sanctuaries of the Bosporan City of Tyritake in the 5th – 6th Centuries A. D. // Paphlagonia and Pontus in Antiquity and the Early Byzantine Period (7th century B. C. – 7 th century A. D.). Abstracts. – Izmir, 2008. – P. 96.

2430. *Zuckerman C.* The early byzantine strongholds in Eastern Pontus // Travaux et Mèmoires. 11. – Paris, 1991. – P. 549–552.

Архивные материалы

2431. *Алексеева Е.М., Антипина Е.Е., Беляева В.Н., Пилипко В.Н., Тихонова Т.С., Шавырин А.С.* Отчет о работе Анапской экспедиции ИА РАН и Горгиппийской экспедиции КИАМЗ в 1991 г. / Архив ИА РАН. – Р-1.

2432. *Амброз А.К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V–IX вв. – Докт. дисс. / Архив ИА РАН. Р-2. № 2441. – М., 1974. – 486 л.

2433. *Астахов В.А.* Боспорское царство в I в. до н. э. – IV в. н. э.: политическая организация. – Дисс. ... к. и. н. – М.: МПГУ, 1991. – 239 л.

2434. *Блаватский В.Д.* Отчет о подводных археологических разведках в Керченском проливе и на северном побережье Черного моря, проведенных отрядом подводных археологов в 1958 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 1933.

2435. *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея за 1956 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 1376.

2436. *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея за 1957 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 1588.

2437. *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1946 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 118.

2438. *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1947 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 155.

2439. *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1949 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 364.

2440. *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1952 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 748.

2441. *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1953 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 868.

2442. *Блаватский В.Д.* Отчет 1953 г. о раскопках в Синдике / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 857.

2443. *Горлов Ю.В.* Отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции в 1982 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 9456.

2444. *Горлов Ю.В.* Отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции в 1983 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 11209.

2445. *Диатроптов П.Д.* Распространение христианства в Северном Причерноморье. – Дисс. ... к. и. н. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1987. – 254 л.

2446. *Долгоруков В.С.* Отчет о раскопках Фанагории в 1976 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 5877.

2447. *Зеест И.Б.* Отчет о раскопках Гермонассы и средневековых слоев Таманского городища в 1969 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 4368.

2448. *Кругликова И.Т.* Отчет о раскопках в Киммерике в 1951 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 741.

2449. *Кругликова И.Т.* Отчет о раскопках Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1956 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 1251.

2450. *Марченко И.Д.* Отчет об археологических раскопках в Пантикапее в 1965–1966 гг. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 3406.

2451. *Марченко И.Д.* Отчет об археологических раскопках в Пантикапее в 1967–1968 гг. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 3809.

2452. *Масленников А.А.* Отчет Восточно-Крымской археологической экспедиции (ВКАЭ) за 1979 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 7708.

2453. *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1981 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 10358.

2454. *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1984 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 11356.

2455. *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1985 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 11846.

2456. *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1988 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 13998.

2457. *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1991 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 16138.

2458. *Молев Е.А.* Раскопки Китейской экспедиции в 1990 г. / Архив ИА НАНУ. – № 24077.

2459. *Молев Е.А.* Раскопки Китейской экспедиции в 1991 г. / Архив ИА НАНУ. – № 24623.

2460. *Молев Е.А.* Раскопки Китейской экспедиции в 1992 г. / Архив ИА НАНУ. – № 25161.

2461. Молев Е.А., Буйских А.В. Отчет о работах Китейской экспедиции в сезоне 2012 г. / Архив ИА НАНУ. – № 179/00530.

2462. *Николаева Э.Я.* Отчет о работах Ильичевской экспедиции в 1986 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 11991.

2463. *Онайко Н.А.* Отчет о работе Новороссийско-Геленджикской экспедиции в 1972 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 4917.

2464. *Паромов Я.М.* Археологическая карта Таманского полуострова. – М., 1992. – 1018 с. / Рук. деп. в ИНИОН РАН № 47103 от 01.10.1992.

2465. *Репников Н.И.* О датах базилик Крыма / Архив ИИМК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3.

2466. *Ромашов С.А.* Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв. / Рукопись депонирована в ИНИОН РАН. № 46250 от 17.03.1992. – 62 л.

2467. *Сокольский Н.И.* Отчет о работах Таманской экспедиции ИА в 1966 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 3262.

2468. *Якобсон А.Л., Зеест И.Б.* Отчет о раскопках на Рыночной площади в Керчи в 1963 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 2835.

Научное издание

Болгов Николай Николаевич

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ (2-я пол. III – 1-я пол. VII вв.)

Монография

Редактор: А.Н. Оберемок
Обложка: Е.А. Козачук
Выпускающий редактор: Л.П. Котенко

Подписано в печать XX.XX.2021. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 32,3. Тираж XXX экз. Заказ XX
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48